

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 17, № 6, 2024

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 17, no. 6, 2024

The journal
was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. «Революционные» слова Президента 7 ноября 2024 года 9

МИРОВОЙ ОПЫТ

Сапир Ж. Вызов БРИКС для институтов мировой экономики. Значение Нового банка развития 35

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Суслов В.И., Душенин А.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Взаимодействия региональных экономик и мультипликативные эффекты (на примере двухзональной межотраслевой модели России) 59

Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) 77

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Мальцев А. А., Чичилимов С.В. Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам 98

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Румянцев Н.М., Лукин Е.В. Межотраслевое моделирование экономического развития региона 118

Леонов С.Н. Финансовые результаты реализации преференциальных режимов в дальневосточных муниципалитетах 134

Артамонова А.С., Базуева Е.В. Сбалансированное развитие региона на основе активации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций 152

Узякова Е.С. Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда 167

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. Методология агентного моделирования развития территориальных систем лесозаготовительного производства	184
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Бородкина О.И., Сулимова А.А. Гибридные организации в негосударственном секторе социальных услуг: социологический анализ	204
Нацун Л.Н. Оценка благополучия детского населения в СЗФО	218
Тонких Е.В. Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России.....	243
Великая Н.М., Ирсетская Е.А., Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. Образовательные стратегии студенчества в условиях цифровизации	260
Дидковская Я.В., Дулина Н.В., Трынов Д.В. Анализ стратегий инновационного поведения студенчества	279

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	296
Список статей, опубликованных в 2024 году	308
Правила приёма статей	312
Информация о подписке	313

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. “Revolutionary” Words of the Russian President on November 7, 2024 9

GLOBAL EXPERIENCE

Sapir J. The BRICS Challenge for Global Economy Institutions. The Meaning of the New Development Bank 35

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Suslov V.I., Dushenin A.I., Ershov Yu.S., Ibragimov N.M. Interactions of Regional Economies and Multiplicative Effects (Using the Example of a Two-Zone Input-Output Model of Russia) 59

Arkhangelskiy V.N., Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V. Two Approaches to Assessing the Effectiveness of Demographic Policy (Using the Example of Federal Maternity Capital) 77

PUBLIC ADMINISTRATION

Maltsev A. A., Chichilimov S.V. Assessing the Resilience of Russia’s Economy to Internal and External Challenges 98

REGIONAL ECONOMICS

Rumyantsev N.M., Lukin E.V. Input-Output Modeling of Economic Development in the Region 118

Leonov S.N. Financial Results of the Implementation of Preferential Regimes in Municipalities of the Russian Far East 134

Artamonova A.S., Bazueva E.V. Balanced Development of the Region Based on Promoting Socially Oriented Non-Profit Organizations 152

Uzyakova E.S. Informal Employment and Structural Imbalances in the Labor Market 167

BRANCH-WISE ECONOMICS

Gulin K.A., Dianov S.V., Alfer'ev D.A., Dianov D.S. Agent-Based Modeling Methodology for the Development of Territorial Logging Systems	184
---	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Borodkina O.I., Sulimova A.A. Hybrid Organizations in the Non-Governmental Sector of Social Services: A Sociological Analysis	204
Natsun L.N. Assessing the Well-Being of Child Population in the Northwestern Federal District.....	218
Tonkikh E.V. Assessing the Impact of Migration from Central Asian Countries to Birth Rate in Russia.....	243
Velikaya N.M., Irsetskaya E.A., Narkhov D.Yu., Narkhova E.N. Educational Strategies of Students in the Context of Digitalization.....	260
Didkovskaya Ya.V., Dulina N.V., Trynov D.V. Analysis of Students' Innovative Behavior Strategies	279

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	296
Index of Articles Published in 2024	308
Manuscript Submission Guidelines	312
Subscription Information	313

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

«Революционные» слова Президента 7 ноября 2024 года

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 7 ноября 2024 г., выступая на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи, В.В. Путин выразил надежду на то, что Россия не вернется на «путь, которым она шла до 2022 года»; путь, сопряженный «со скрытой, завуалированной интервенцией в отношении нашей страны». Некоторые эксперты оценили эти слова Президента как начало «революции сверху», то есть как начало активного процесса обновления элит в стране. Опираясь на факты и экспертные оценки, авторы статьи рассматривают процесс обновления элит в России как процесс эволюционный, постепенно идущий на протяжении последних почти 25 лет. В этом контексте анализируется ряд решений В.В. Путина, принимаемых им фактически с самого начала президентских сроков (с 2000 г.). Начало специальной военной операции в феврале 2022 г. и пятый президентский срок В.В. Путина (стартовавший в мае 2024 г. после инаугурации Президента) лишь ускорили этот процесс. В статье продолжен мониторинг федеральных законов и указов, принимаемых Президентом и Правительством РФ (который был начат

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). «Революционные» слова Президента 7 ноября 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2024). “Revolutionary” words of the Russian President on November 7, 2024. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 9–34. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.1

в июне 2022 г.). Отдельное внимание уделено анализу эффективности миграционной политики в Российской Федерации как одному из конкретных примеров системных проблем, с которыми сталкивается система государственного управления в целом. Делается вывод о том, что ключевые решения главы государства, особенно принятые им в течение почти трех лет проведения специальной военной операции (такие как программа «Время героев», кадровые назначения в Правительстве РФ, решение Конституционного суда о снятии срока давности на недвижимость, приобретенную за счет коррупционных доходов, и т. д.), выступают своего рода практическими инструментами, при помощи которых реализуется главная цель – укрепление национального суверенитета России в контексте цивилизационного конфликта с «коллективным Западом», а также решаются ключевые задачи для достижения этой цели – обновление элит и консолидация общества. Авторский капитал состоит в комплексном подходе к анализу процесса обновления элит в стране, в том числе за счет систематизации управленческих решений главы государства, принятых в периоды до и после начала специальной военной операции.

Ключевые слова: Валдайский форум, «прямая линия», обновление элит, «Время героев», Президент.

7 ноября 2024 г., выступая на пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи, Президент РФ В.В. Путин отметил: *«Мне бы не хотелось, чтобы Россия вернулась на путь, которым она шла до 2022 года, как я уже говорил в своем выступлении. А это был путь, который был сопряжен с такой скрытой, завуалированной интервенцией в отношении нашей страны, направленной на подчинение ее интересам каких-то других стран, которые еще считали, что они имеют на это право»¹.*

Уже на следующий день газета «Московский комсомолец» вышла со статьей под заголовком **«Путин признал предательство элит: началась революция сверху»².**

Ее автор Д. Попов³ отметил, что на валдайском форуме Президент РФ произнес **«революционные слова... слова, о которых можно было только мечтать»**, это признание **«очень дорого стоит»⁴.**

«Это были **революционные слова**. Услышать от президента, что он **не хочет возвращения к тому курсу, которым шла Россия до 2022 года**, и жесткую оценку этого курса, – об этом добрые русские люди могли только мечтать... Признание президентом, что **страна шла курсом на «подчинение ее интересам каких-то других стран», а грубо говоря – превращения в очередную западную колонию, – очень дорого стоит**. Честно признать проблему – это первый шаг к тому, чтобы начать ее решать. Это, смею предположить, **начало революции сверху. Пересборки системы»⁵.**

¹ Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

² Попов Д. Путин признал предательство элит: началась революция сверху // МК.Ру. 08.11.2024. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/08/putin-priznal-predatelstvo-elit-nachalas-revolyuciya-sverkhu.html?ysclid=m4mavvlteb25960798>

³ Д. Попов – обозреватель отдела политики. Работает в «Московском комсомольце» с 1992 года (источник: Официальный сайт «МК»). URL: <https://www.mk.ru/authors/dmitriy-popov/>.

⁴ Попов Д. Путин признал предательство элит: началась революция сверху // МК.Ру. 08.11.2024. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/08/putin-priznal-predatelstvo-elit-nachalas-revolyuciya-sverkhu.html?ysclid=m4mavvlteb25960798>

⁵ Там же.

С этим сложно не согласиться. Ведь, по сути, это было признание того факта, что далеко не все решения Президента, как оказалось, были приняты своевременно. Об этом В.В. Путин, в частности, говорил и 19 декабря 2024 г. во время «прямой линии»: *«Если бы можно было вернуться в 2022 год, то я бы подумал о том, что решение о начале СВО надо было принимать раньше... и, зная об этом, нужно было просто начать готовиться к этим мероприятиям, в том числе и к СВО»...*

«... если бы можно было посмотреть на ситуацию в 2022 году, зная то, что сейчас происходит, о чём бы я подумал? О том, что **такое решение, которое было принято в начале 2022 года, нужно было бы принимать раньше. Это первое.**

И второе. Зная об этом, **нужно было просто начать готовиться к этим мероприятиям, в том числе и к СВО»⁶.**

Тем не менее, многое действительно указывает на то, что Президентом запущен и уже вовсю идет процесс, названный некоторыми экспертами «революцией сверху». Правда, на наш взгляд, он носит все-таки **не революционный,**

«Революция – путь не выхода из кризиса, а путь на усугубление этого кризиса... формируя свои подходы, мы будем руководствоваться **идеологией здорового консерватизма»⁷.**

а эволюционный характер, гораздо более свойственный идеологии «здорового консерватизма» В.В. Путина.

Элементы этого процесса были задолго до Валдайского форума и даже до начала СВО. По сути, они имели место на протяжении всех президентских сроков В.В. Путина:

✓ это и принцип **«равноудаленного положения всех субъектов рынка от власти»⁸ (2000 г.)**, благодаря которому многие влиятельные олигархи (М. Ходорковский*, П. Лебедев, Б. Березовский, В. Гусинский и др.) были оттеснены от возможности влиять на политические решения в стране;

✓ это, по сути, и **«мюнхенская речь» В.В. Путина (10 февраля 2007 г.)**, ставшая прямым сигналом не только международному сообществу, но и внутренним элитам о том, что Россия выбрала свой путь развития – путь на укрепление национального суверенитета;

✓ это и **инициированные Президентом поправки в Конституцию РФ (2020 г.)**, которые были поддержаны российским обществом на референдуме 1 июля 2020 г. и во многом ограничили возможности властвующих элит иметь какие-либо связи с коллективным Западом⁹;

✓ это и **закон о запрете участвовать в выборах экстремистским организациям¹⁰ (2021 г.)**, в результате чего была приостановлена деятельность всех штабов А. Навального**, то есть фактически сведены «к нулю» возможности негативного влияния «пятой колонны»... Причем отметим, что это был, главный, но далеко не единственный шаг по борьбе с иноагентами.

* Внесен в реестр иностранных агентов.

** Деятельность штабов Навального была признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

⁶ «Прямая линия» с В. Путиным 19 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>

⁷ Выступление В. Путина на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // Официальный сайт Президента РФ. 21.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

⁸ Вступительное слово В. Путина на встрече с доверенными лицами 28 февраля 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ. 28.02.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24146>

⁹ Напомним, что в этих поправках впервые упоминались «внутренние угрозы» суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, с которыми должен бороться Совет Федерации (ст. 83, п. «ж»); введен запрет на иностранное гражданство и вид на жительство для председателя правительства, министров и глав федеральных органов, губернаторов, сенаторов, депутатов и судей (ст. 110, п. 4).

¹⁰ О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации»: Федеральный закон от 04.06.2021 № 157-ФЗ.

«Госдума одобрила во втором и третьем чтениях законопроект о введении специальных счетов для доходов иноагентов. Поправки, **авторами которых стали 429 депутатов** во главе со спикером нижней палаты парламента В. Володиным, поддержаны единогласно.

Закон предполагает **зачисление на специальный рублевый счет доходов иноагентов** от творческой деятельности, использования изобретений и товарных знаков, доходов от продажи и сдачи в аренду недвижимости, транспортных средств. Кроме того, на спецсчет будут зачисляться проценты по вкладам, дивиденды и доходы от долевого участия в организациях. Открытие спецсчета станет обязательным как для иноагентов, так и тех, кто перечисляет ему гонорары. Распоряжаться денежными средствами будет возможно **только после отмены статуса иноагента**.

Закон принят 17 декабря 2024 г. и вступит в силу с 1 марта 2025 года»¹¹.

Таким образом, эволюционный процесс обновления элит (а точнее, создания в стране условий для этого) шел на протяжении практически всех последних 25 лет.

Правда, необходимо отметить, что, пока Россия «шла по пути до 2022 года» и находилась в условиях «скрытой интервенции», зачастую **«логика обстоятельств была сильнее логики его [Президента] намерений»**¹².

Ведь обстоятельства складывались так, что на фоне постсоветских элит, «выросших» из элит еще позднесоветских, то есть имеющих **глубокие, можно сказать, исторические корни**, в системе государственного управления только Президент и лишь несколько человек в его

«Позднесоветская элита не считала суверенитет абсолютной ценностью, так как была увлечена идеей вхождения в Запад как в цивилизацию, а для этого требовался отказ от цивилизации своей... Именно поэтому **российская элита** своей главной задачей видела не сохранение и защиту, а разрушение и демонтаж суверенитета России...

Вся проблема в том, что появление Путина и его группы не закономерно, а случайно, спонтанно. Будь Путин немного более понятным группе Ельцина, они никогда бы его не выбрали. Случись вместо Путина другой человек, мы бы имели другую Россию. Вторую Украину. По сути, такая ельцинская Россия во многом и сейчас жива и спрятана за спиной Путина. И всем страшно: уйди Путин – и они вылезут. Все это понимают, и потому на Западе именно отстранение Путина – главная цель...»¹³

ближайшем окружении являлись (как отмечают эксперты) «главными заказчиками на стратегию суверенитета»¹⁴.

Никаких других элит в окружении Президента просто не было, а страной так или иначе надо было управлять. Причем не просто управлять, а сначала (в 2000-х гг.) буквально спасать российскую государственность после кризиса «лихих 90-х», а затем (после «мюнхенской речи» В.В. Путина 10 февраля 2007 г., в которой он фактически бросил вызов всему коллективному Западу) – противостоять многочисленным и разноплановым усилиям¹⁵ США и их сателлитов, предпринятым для того, чтобы сдерживать дальнейшее укрепление национального суверенитета России; вернуть ее в состояние «бензоколонки»¹⁶, в котором она находилась после распада СССР.

¹¹ Госдума лишила иноагентов доходов в России // Новый день. 18.12.2024. URL: <https://dzen.ru/a/Z2FcfJu3iHWU9NJy?ysclid=m4vcod89m4435449063>

¹² Батчиков С. Когда мосты сожжены // Завтра. 29.11.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/kogda_mosty_sozhzheni?ysclid=m4s3fh3p6b44886535

¹³ Халдей А. Трансфер и стратегия суверенитета: заказчики и исполнители // Завтра. 29.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/transfer_i_strategiya_suvereniteta_zakazchiki_i_ispolniteli?ysclid=m4mqpbqhin219737568

¹⁴ Там же.

¹⁵ Среди таких усилий: попытка совершения «цветной революции» в России путем организации массовых протестных выступлений в 2011–2012 гг., получивших общее название «протесты на Болотной»; государственный переворот на Украине в 2014 г.; экономические санкции; антироссийская информационная политика; стремление нанести России «стратегическое поражение» после начала СВО и т. д.

¹⁶ Сенатор США Дж. Маккейн // РТ. 16.03.2014. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-03-16/Makkejn-Rossiya---eto-benzokolonka>

В этих условиях сохранение вокруг Президента «конгломерата кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы»¹⁷ (или «Политбюро 2.0», как охарактеризовали окружение В.В. Путина аналитики холдинга «Минченко консалтинг»), носило во многом

вынужденный характер. Но даже в этой ситуации главой государства предпринимались хотя и точечные, но весьма существенные, знаковые решения по ряду фактов коррупции¹⁹, которые были оценены экспертами не иначе как **постепенное «оттеснение либеральной тусовки»²⁰**.

Позже, во время «прямой линии» 19 декабря 2024 г., В.В. Путин так охарактеризовал этот период своей деятельности: **«Я сделал всё для того, чтобы Россия была самостоятельной и суверенной державой»**.

«Путин был скован и не мог действовать в полную силу. Он, конечно же, остановил Россию на краю пропасти, избежал развала государства и впадения его в полный хаос – это и было его миссией...

Шаги, которые он сделал в первый год своего правления, зафиксированы историей: **он остановил распад России, разогнал олигархов, усмирил региональную фронду и поставил Россию на устойчивые рельсы, подтолкнув ее в обратном от пропасти направлении...** Остальные годы... проходили не так интенсивно, и Путин уклонялся от решительных исторических шагов. **Он периодически шел на компромисс с Западом,** что объясняется слабостью России, неготовностью к прямому фронтальному столкновению, он шел на поводу у внутреннего атлантистского либерального лобби, реализуя во внутренней политике курс либерал-патриотизма...

Но дальше никаких декларативных позывов он не шел, то есть не выстраивал внутреннюю патриотическую политику всерьез. Он лишь номинально обозначал возможность консервативных патриотических изменений, при этом Путин придерживался в экономике строго либеральных моделей...»¹⁸

Выдержка из «прямой линии» 19 декабря 2024 г.:

Вопрос журналиста (С. Розенберг. BBC News):
«... как Вы считаете, Вы уберегли свою страну?»

Ответ В.В. Путина: **«Да. Я считаю, что не просто уберёг, я считаю, что мы отошли от края пропасти, потому что всё, что происходило с Россией до этого и после, вело нас к полной, фактически тотальной утрате нашего суверенитета, а без суверенитета Россия существовать как самостоятельное государство не может...**

Я сделал всё для того, чтобы Россия была самостоятельной и суверенной державой, которая в состоянии принимать решения в своих интересах, а не в интересах тех стран, которые подтаскивали её к себе, похлопывая её по плечу, для того чтобы использовать в своих целях»²¹.

¹⁷ Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад «Минченко консалтинг». Август 2012 // Официальный сайт «Минченко консалтинг». URL: <https://minchenko.ru/analitika/?curPos=65>

¹⁸ Свитнева Е. Эксперты: Черняховский, Шурыгин, Делягин, Ивашов, Вассерман, Коровин – о «Новом Путине» и о том, что нам от него ожидать // Русская народная линия. 04.03.2013. URL: https://ruskline.ru/opp/2013/2/28/eksperty_chernyahovskij_shurygin_delyagin_ivashov_vasserman_korovin_o_novom_putine_i_o_tom_chno_nam_ot_nego_ozhidat/

¹⁹ Например:

✓ 28 ноября 2013 г. было возбуждено уголовное дело в отношении бывшего министра обороны России А. Сердюкова по подозрению в халатности, повлекшей ущерб в размере 56 млн рублей;

✓ 14 ноября 2016 г. впервые в истории России был задержан действующий министр экономического развития А. Улюкаев (за взятку 2 млн долл.);

✓ также были арестованы губернаторы В. Юрченко (Новосибирская обл., 2014 г.), А. Хорошавин (Сахалин, 2015 г.), Н. Денин (Брянская обл., 2015 г.), В. Гайзер (Коми, 2015 г.), Н. Белых (Кировская обл., 2016 г.), А. Соловьев (Удмуртия, 2017 г.) и многие другие.

²⁰ Делягин М. (источник: Накануне.Ру. 04.03.2013. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/17523/>).

²¹ «Прямая линия» с В. Путиным 19 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>

В некотором смысле и **объявление Президентом о начале СВО стало частью эволюционного процесса обновления элит**, поскольку после этого многие представители политических, экономических, культурных элит страны, наиболее тесно связанные с Западом, просто сбежали, а в России (по объективным причинам, продиктованным войной с Западом) **стали активно создаваться условия**, при которых элитам, открыто симпатизирующим Западу или связанным с ним, просто нет места.

Что изменилось после начала СВО?

Во-первых, СВО запустила активную фазу глобального процесса перехода мира от однополярной к многополярной форме существования, борьбу многих стран за преодоление колониаторской гегемонии США. **Таким образом, борьба за укрепление национального суверенитета перестала быть делом только В.В. Путина и только внутри России; она начала приобретать мировой характер** (о чем свидетельствует, например, динамичное расширение объединения БРИКС)²².

Во-вторых, под давлением внешних угроз национальной безопасности со стороны «коллективного Запада» для Президента фактически «свелась к нулю» возможность идти на какие-либо компромиссы с внутренними либерально настроенными элитами. Каждая недоработка, а то и откровенный саботаж со стороны управленческих элит в реализации поручений главы государства в условиях СВО приобретает характер **прямой внутренней угрозы существования российской государственности, такой же важной по своим последствиям, как и угрозы внешней**.

«Начало СВО, обнажившее реальные факты и выявившее чудовищное нагромождение лжи во всех докладах и отчётах для демонстрации наверх радужных картинок, наглядно показало масштабы предательства отдельных представителей чиновничьей, культурной, медийной и деловой элиты... Многие из уехавших при отъезде прикрывались антивоенной позицией, хотя на самом деле бежали от заведённых на них уголовных дел. Как оказалось, „честно“ работая в России, все они всегда считали, что их место не здесь, среди бывших „совков“, а там – в цивилизованных странах „золотого миллиарда“...»²³

«Сегодня задача чистки элиты от представителей пятой колонны на всех уровнях власти (ненавидящих президента и презирающих патриотический подъём в обществе) во весь рост стоит перед президентом. **По сути, это сегодня едва ли не главная ударная сила, воюющая против нас!**... для обеспечения подлинного суверенитета необходимо выполнить как минимум три взаимосвязанных условия: 1) обновление/чистка элиты, 2) смена экономической модели и 3) идеологическая мобилизация. Решения президента в последнее время свидетельствуют о том, что он хорошо понимает эту необходимость»²⁴.

Это наглядно показали такие эпизоды, как, например, отступление российских войск из Харькова и Херсонской области в сентябре – ноябре 2022 г., мятеж ЧВК «Вагнер» в июне 2023 г., вторжение ВСУ в Курскую область в августе 2024 г. ...

²² Предложение о запуске процесса расширения БРИКС поступило от Китая в мае 2022 г. К августу 2023 г. заявки на вступление в организацию подали порядка 20 стран. В настоящий момент заявки поданы примерно от 30 стран.

²³ Батчиков С. Когда мосты сожжены // Завтра. 29.11.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/kogda_mosty_sozhzhzheni?ysclid=m4s3fh3p6b44886535

²⁴ Там же.

Так что после начала СВО процесс обновления элит не начался, а лишь усилился. Особенно после того, как 17 марта 2024 г. В.В. Путин получил безоговорочную поддержку со стороны общества и начался его пятый президентский срок до 2030 года.

По данным Центральной избирательной комиссии РФ, 17 марта 2024 г. на выборах Президента РФ число избирателей, принявших участие в голосовании, составило 87,58 млн человек, **из них почти 77 млн избирателей (87%) проголосовали за В.В. Путина.**

По сравнению с предыдущими президентскими выборами, прошедшими 18 марта 2018 г., количество избирателей, проголосовавших за В.В. Путина, **увеличилось на 14 млн человек (с 74 до 88 млн).**

По сравнению с первыми президентскими выборами В.В. Путина (23 марта 2000 г.) – почти в 2 раза, **на 37 млн человек (с 40 до 76 млн).**

Именно в это время (и после инаугурации В.В. Путина 7 мая 2024 г.) появляются такие дальнейшие **практические** инструменты обновления элит, как:

1. Программа «Время героев», о которой В.В. Путин впервые объявил 29 февраля 2024 г. в Послании Федеральному Собранию РФ²⁵ и участники которой **уже сегодня** занимают руководящие посты в системе управления²⁶.

«Не нужно ждать, что бывшие участники СВО легко и быстро превратятся в новых элитариев и в этом качестве полностью заменят прежнюю дискредитировавшую себя „элиту“. Все-таки успешная военная служба вовсе не является залогом столь же успешного исполнения соответствующих задач в других сферах деятельности. **Но важно то, что, заняв ведущие позиции в стране, бывшие участники СВО могут стать своеобразным „патриотическим фильтром“,** который будет жестко отсеивать все то, что идет вразрез с интересами и потребностями нашей Родины и ее будущего»²⁷.

²⁵ Послание Президента Федеральному собранию РФ 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

²⁶ Некоторые участники программы «Время героев», уже получившие назначения на руководящие посты в системе управления:

- ✓ 8 сентября – Роман Кулаков стал депутатом Законодательного собрания Севастополя.
- ✓ 14 сентября – Артур Орлов назначен руководителем «Движения первых».
- ✓ 17 сентября – Алексей Кондратьев стал сенатором Российской Федерации.
- ✓ 18 сентября – Владимир Сайбель стал заместителем начальника департамента социального развития ОАО «РЖД».
- ✓ 20 сентября – Александр Суразов возглавил Комитет по физической культуре и спорту Республики Алтай.
- ✓ 20 сентября – Константин Яшин возглавил научно-производственный центр беспилотных авиационных систем «Самара».
- ✓ 23 сентября – Игорь Юргин назначен исполняющим обязанности министра по делам молодёжи и социальным коммуникациям Республики Саха (Якутия).
- ✓ 23 сентября – Заур Гурчиев стал первым заместителем главы города Ставрополя.
- ✓ 25 сентября – Евгений Чинцов возглавил Городскую думу Нижнего Новгорода.
- ✓ 2 октября – Артём Жога назначен полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.
- ✓ 4 ноября – Евгений Первышов назначен врио главы Тамбовской области.
- ✓ 5 ноября – Мария Костюк (руководитель программы «Время героев») назначена врио губернатора Еврейской автономной области.
- ✓ 2 декабря – Павел Якушев назначен советником заместителя генерального директора госкорпорации «Росатом».
- ✓ 3 декабря – Николай Королев получил назначение в Правительство Санкт-Петербурга.
- ✓ 11 декабря – Кирилл Лосунчиков занял должность заместителя министра инвестиций, промышленности и науки Московской области.

²⁷ Филатова В. Конец эпохи «золотых унитазов»: смогут ли фронтовики заменить олигархов на государственных постах (мнение доктора юридических наук Финансового университета при Правительстве РФ А. Рожнова) // Ве-черняя Москва. 22.03.2024. URL: <https://vm.ru/politics/1123591-konec-epohi-zolotyh-unitazov-smogut-li-frontoviki-zamenit-oligarhov-na-gosudarstvennyh-postah>

Причем отметим, что 14 декабря 2024 г. на заседании XXII съезда партии «Единая Россия» было принято решение о включении в состав высшего и генерального советов партии значительного числа участников СВО, а Президент РФ выступил с инициативой о запуске программ, аналогичных программе «Время героев», в регионах Российской Федерации. Некоторые эксперты обратили внимание на то, что именно **«на Единую Россию возлагается стратегическая задача... формировать новую управленческую, да и любую другую элиту из тех, кто принимал участие в СВО»**²⁸.

2. К практическим инструментам обновления элит относится и ряд кадровых решений, принятых Президентом в отношении руководящих постов «силового блока». В первую очередь это касается назначения министром обороны РФ А.Р. Белоусова, которого эксперты называют не просто «ближайшим к президенту человеком, заведовавшим стратегией промышленности, стратегией экономики», а «выдающимся интеллектуалом, патриотом и, безусловно,

«Разговор о „новой элите” становится особенно актуальным в перспективе **жизни после завершения российско-украинского конфликта. О сроках здесь говорить очень сложно. О том, каким именно будет это завершение, тоже** (например, будет ли мирный договор, на какие компромиссы пойдут стороны). Важно, что, когда это произойдет, участники СВО будут интегрированы не просто в программы по обновлению руководящих кадров. **Они неизбежно окажутся вовлеченными и во внутривнутриполитические процессы** – и как кандидаты в губернаторы и мэры, и как депутаты разных уровней»²⁹.

преданным идее сильного, мощного государства державником»³⁰. Как отметил депутат Государственной Думы М. Делягин, «вероятно, экономистов во власти больше не осталось, кроме Андрея Белоусова»³¹.

«В обновлённый состав Генсовета партии „Единая Россия” вошли **два десятка участников СВО, из них четверо – участники первого потока президентской программы „Время героев”**... В состав Высшего совета „Единой России” вошли **9 участников СВО, среди которых 6 участников программы „Время героев”**»³².

«Ребята, прошедшие фронт, доказали, чего стоят в бою. Уверен: не подведут и в дальнейшем, будут биться за результат и добиваться его... **В этой связи предлагаю и считаю необходимым расширять федеральный проект „Время героев”:** запустить аналогичные программы в регионах – так, как это уже сделано в Ставропольском крае, Белгородской, Воронежской, Рязанской, Самарской, Тульской областях и в Ханты-Мансийском автономном округе. Прошу партию активно включиться в эту работу. Очень рассчитываю на вас, что это будет не формально: нужно работать, искать людей, помогать им организовать свою подготовку»³³.

²⁸ Гармоненко Д. На XXII съезде «Единая Россия» утвердила свою монополию // Независимая газета. 15.12.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-12-15/3_9156_er.html?ysclid=m4v095j3gr567466809

²⁹ О новой элите и участниках СВО // Независимая газета. 10.12.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-12-10/2_9153_red.html?PREVIEW_SECRET_KEY=d749b7432669ec97b204f339fe30db9a&ysclid=m4qso1pafc408303892

³⁰ Дугин о назначении Белоусова: «Это грандиозное решение меняет принципиально всё» // Информационный портал Царьград. 13.05.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZkE83HyQ2AoRExHs>

³¹ Делягин М. Смена министра обороны – реакция на негодование людей // БизнесOnline. 19.05.2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/633476>

³² Иванов А. XXII съезд «Единой России»: участники СВО включены в состав руководящих органов правящей партии // Завтра. 15.12.2024. URL: https://zavtra.ru/events/xxii_s_ezd_edinoj_rossii_uchastniki_svo_vklyucheni_v_sostav_rukovodyashih_organov_partii?ysclid=m4ths4tziw610909503

³³ Выступление В. Путина на заседании XXII съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия» 14 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 14.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75881>

14 мая 2024 г. Указом Президента Российской Федерации³⁴ министром обороны РФ был назначен первый заместитель председателя правительства РФ А.Р. Белоусов.

14 мая 2024 г. Указом Президента РФ³⁵ на пост директора ФСБ был переназначен генерал армии А.В. Бортников, который занимает этот пост с 12 мая 2008 г.

14 октября 2024 г. Владимир Путин подписал закон³⁶, согласно которому глава государства может на год продлить срок пребывания на службе председателя Следственного комитета РФ, достигшего предельного возраста³⁷.

28 октября 2024 г. Президент продлил срок службы А.И. Бастрыкину до 27 августа 2025 г.³⁸ Напомним, что Следственный комитет стал самостоятельным ведомством 15 января 2011 г. Его создали на базе Следственного комитета при прокуратуре России, и А.И. Бастрыкин с самого начала был его руководителем.

20 декабря 2024 г. – по представлению Президента РФ переназначен на пост Генерального прокурора И.В. Краснов.

Подчеркнем, что именно с помощью этих людей происходит «чистка» элит сегодняшних. Некоторые из таких примеров представлены на *вкладке 1*, но, как отмечают эксперты, «**нет смысла перечислять поимённо всех арестованных** (только генералов-взяточников уже 20), количество заведённых уголовных дел, а также тех, кто стремительно и по-тихому сбежал за границу. И фамилии, и суммы украденного у всех на слуху. Это и бывшие вице-премьеры, и министры, и руководители госкорпораций, и депутаты, и деятели культуры»...³⁹

Собирая информацию, а затем фактически в ежедневном режиме вскрывая все новые и новые уголовные дела в отношении «сильных мира сего», структуры «силового блока», можно сказать, **расчищают путь** для прихода новых элит, готовящихся по программе «Время героев». То есть это двусторонний процесс.

«Сотрудники Следственного комитета (СК) завели **497** уголовных дел о преступлениях в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и гособоронзаказа за восемь месяцев 2024 года. В прошлом году за такой же период СК возбудил **357** уголовных дел такой же направленности»⁴⁰. То есть этот показатель увеличился на **39%**.

³⁴ О Министре обороны Российской Федерации: Указ Президента РФ № 383 от 14.05.2024.

³⁵ О директоре Федеральной службы безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 386 от 14.05.2024.

³⁶ О внесении изменения в статью 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»: Федеральный закон № 348 от 14.10.2024.

³⁷ Ранее предельный возраст пребывания на службе в Следственном комитете составлял 65 лет, при этом по решению руководителей следственных органов этот срок могли продлить до 70 лет. 27 августа 2024 г. А.И. Бастрыкину исполнился 71 год.

³⁸ О продлении срока федеральной государственной службы: Распоряжение Президента РФ № 348 от 28.10.2024.

³⁹ Батчиков С. Когда мосты сожжены // Завтра. 29.11.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/kogda_mosty_sozhzheni?ysc_lid=m4s3fh3p6b44886535

⁴⁰ СК возбудил почти 500 дел о преступлениях в сфере ОПК и гособоронзаказа // Ведомости. 17.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/09/17/1062766-sk-vozbudil-pochti>

Некоторые факты арестов и задержаний, проведенных силовыми структурами в 2024 г.⁴¹

<p>9 февраля 2024 г. — задержан федеральный судья Одинцовского горсуда И. Печурин. По мнению экспертов, «это только начало, прецедент к сломке, изменению самой костной, самой закрытой системы нашего общества — судебной системы»⁴².</p>
<p>24 апреля 2024 г. — арестован бывший первый зампредседателя правительства Подмосковья С. Стригункова. С февраля 2014 г. она занимала должность заместителя министра экономики Подмосковья. По словам А. Бастрыкина, «Стригункова с сообщниками в 2021—2023 годах поучали от руководителей строительных фирм взятки в размере 5–10% от сумм заключенных госконтрактов... Общая сумма взяток составила более 170 млн руб. Всего по уголовному делу привлечено к уголовной ответственности более 13 человек, в том числе и руководители строительных организаций»⁴³.</p>
<p>11 июня 2024 г. — на 9 лет колонии строгого режима осужден бывший начальник филиала ФГБУ «Центральное жилищно-коммунальное управление» (ЦЖКУ) Минобороны С. Харитонов (за получение взятки на сумму 65 млн руб.).</p>
<p>6 декабря — заключен под стражу гендиректор ООО «Ленбытхим» Д. Михайлов по делу о мошенничестве в особо крупном размере при поставке имущества для нужд Минобороны. Как сообщили в пресс-службе военных следственных органов СК России, фигурант обвиняется в мошенничестве при исполнении гособоронзаказа (ч. 4 ст. 159 УК РФ), похищено более 50 млн рублей⁴⁴.</p>
<p>9 декабря — арестован экс-замгендиректора АО «Корпорация развития Курской области» И. Грабин. На экс-чиновника с февраля 2023 года по сентябрь 2024 года были возложены административно-хозяйственные функции в корпорации, связанные с управлением, распоряжением имуществом и финансами. «Он обвиняется в необоснованном расходовании денежных средств, предназначённых для строительства фортификационных сооружений на территории Курской области (ч. 3 ст. 285 УК РФ, «Злоупотребление должностными полномочиями»)»⁴⁵.</p>

⁴¹ Факты по многим другим задержаниям и арестам крупных чиновников (включая экс-замминистров обороны Т. Иванова, Д. Булгакова, начальника Главного управления кадров Министерства обороны РФ Ю. Кузнецова и др.) мы приводили в предыдущих статьях. См., например:

Ильин В.А., Морев М.В. (2024). СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 9–39.

Ильин В.А., Морев М.В. (2024). «Вернуть государство в родную гавань». К вопросу об обеспечении преемственности суверенного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 9–38.

Ильин В.А., Морев М.В. (2024). В политический цикл Президента РФ В. Путина: «косметический ремонт» капитализма для своих или переход к «социальному капитализму»? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 9–35.

⁴² Фролов Ю.А. Мы живём в уникальное время обновления и уникальных чисток. URL: <https://m.ok.ru/video/7918837434995?ysclid=m50rvkmj8x11721205>

⁴³ РИА-новости 9 декабря 2024 г. URL: <https://ria.ru/20241209/strigunkov-1988155864>. URL: <https://m.ok.ru/video/7918837434995?ysclid=m50rvkmj8x11721205>

referer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F53438c39-baac-5c7a-be71-6ec3b76bfc66

⁴⁴ Известия от 9 декабря 2024 г. URL: https://iz.ru/1804301/2024-12-09/sud-arestoval-eks-zamgendirektora-ao-korporatsiia-razvitiia-kurskoi-oblasti?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F52e61b8d-7120-53fe-988f-4621eb85a6ea

⁴⁵ Там же.

3. 31 октября 2024 г. Конституционный суд РФ принял решение о снятии срока давности на недвижимость, приобретенную за счет коррупционных доходов, что, по мнению юристов, дает право на **узаконенную** конфискацию крупных активов, полученных в 90-е годы. Причем важ-

Конституционный суд (КС) РФ решил, что нет сроков исковой давности для возвращения государству имущества, которое ранее было приобретено за счет коррупционных доходов.

Воронин В. (адвокат, управляющий партнер юридической компании «Альтависта»): «Течение сроков давности теперь существенно изменится. Они будут исчисляться не с момента их совершения, а когда их выявят компетентные органы. Таким образом, фактически срок давности обращения взыскания на такое имущество аннулирован... **Это дает право предположить о начале деприватизации, то есть узаконенной конфискации крупных активов, полученных в 90-е годы, и их передаче в доход государства».**

Розенблат Е. (руководитель практики сложных судебных споров, адвокат Московской коллегии адвокатов «Аронов и Партнеры»): «Бывшие чиновники не могут прикрываться истечением срока давности, чтобы сохранить незаконно приобретенное имущество»⁴⁶.

ный момент состоит в том, что «для изъятия богатств нет необходимости доказывать собственно коррупцию, достаточно самого факта, что богатства есть... если чиновник в 90-е годы прошлого века не приватизировал, но стремительно богател, то к нему могут прийти и сегодня»⁴⁷.

Это решение, по мнению ряда экспертов, **возможно, самое важное и полезное с момента образования Конституционного суда**⁴⁸. По сути, оно создает прецедент для реализации **на законных основаниях** еще одного очень важного направления деятельности в рамках процесса обновления элит, а именно...

«31 октября Конституционный суд России принял, возможно, самое важное и полезное решение с момента своего образования – провозгласил отмену сроков давности по делам о коррупции вместе с конфискацией имущества в пользу государства. Высокопоставленные воры, награбившие свои капиталы ещё в 1990-е годы, перестанут спать спокойно – прийти теперь могут и к ним. А будущим коррупционерам выдана своего рода „чёрная метка“ – послан сигнал о том, что пощады не будет ни через 10, ни через 100 лет»⁴⁹.

⁴⁶ Трифонова Е. Конституционный суд выставил частной собственности конкретно-исторические условия // Независимая газета. 31.10.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-10-31/3_9127_court.html?ysclid=m4chaykpzj908507909

⁴⁷ Куликов В., Свинова Е. Отмена КС срока давности для коррупционеров не изменит итогов приватизации // Российская газета. 01.11.2024. URL: <https://rg.ru/2024/11/01/otkuda-dengi.html> (мнение члена Ассоциации юристов России, управляющего партнера «Легес Бюро» М. Спиридоновой).

⁴⁸ Коррупционерам выдали «чёрную метку»: По делам о грабеже России больше нет сроков давности // Царьград. 10.11.2024. URL: https://tsargrad.tv/investigations/korruptcioneram-vydali-chjornuju-metku-po-delam-o-grabezhe-rossii-bolshe-net-srokov-davnosti_1079834?ysclid=m4s3mkihby644009635

⁴⁹ Там же.

4. Возвращение государству предприятий, находящихся в частном владении. Как отмечают эксперты, «процесс „мягкой” национализации начался еще в феврале 2022 года, *но только спустя два года СВО власти решились на более жесткие меры...*»⁵⁰, о чем сигнализировал Указ Президента РФ о переводе Ульяновского станкостроительного завода в государственную собственность⁵¹.

«С начала 2022 года Генеральная прокуратура ведет около 50 дел, связанных с крупным бизнесом. То есть практически все они связаны со стратегическими предприятиями, которые должны перейти в госсобственность...

Сразу три завода в Челябинске («Кузнецкие ферросплавы», «Серовский завод ферросплавов» и АО «Челябинский электрометаллургический комбинат») должны вернуться в государственную собственность... предприятия были проданы за копейки еще в 1995 году. Контрольный пакет акций принадлежал олигарху Юрию Антипову, а стоимость всех ценных бумаг оценивают в 168 млрд рублей по состоянию на 2022 год.

Деприватизацию бизнеса в Челябинске провели очень быстро. Понадобилось всего лишь направить иск в суд. В начале февраля 2024 года Арбитражный суд наложил арест на все имущество...»⁵²

Таким образом, по мнению некоторых аналитиков, «в России сбывается то, что со времён Ельцина казалось уже несбыточным. Слова о пересмотре итогов приватизации перекочевали

с плакатов в постановления Генпрокуратуры и сводки информагентств... Заводы становятся народным достоянием, и их бывшие владельцы уже ничего не порешают с чемоданами денег в больших кабинетах»⁵³.

По данным Генерального прокурора РФ И. Краснова, «в собственность государства в России через суд с 2022 года было возвращено **более 100 предприятий, активы которых оцениваются в 1,3 трлн рублей**»⁵⁴.

Таким образом, элементы процесса обновления элит активно появлялись и до Валдайского форума 2024 г. Однако пока для всего мира идет переходный период смены формации (от однополярной к многополярной форме существования) и пока исход этого периода во многом зависит от силы оружия, говорить о том, что патриотические силы в России «одержали верх над либеральными», не приходится (а «именно по этой причине, — как отмечают некоторые эксперты, — Путин не может избавиться от либералов», тесно связанных с Западом⁵⁵). Пока не достигнуты цели СВО; пока весь мир находится в активной стадии цивилизационного конфликта, сопровождающегося наращиванием военного потенциала, подготовкой стран к Третьей мировой войне, ростом угрозы применения ядерного оружия, очень многое зависит от ситуации «на поле боя».

Прежде всего, ключевой вопрос, который совершенно справедливо беспокоит многих экспертов, — как будет меняться качество нашей цивилизации в следующие 50–70 лет?

⁵⁰ Тришин М. Большая национализация началась. Какие оборонные предприятия уже вернули государству? // Дзен. 23.02.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZdhSQvPOARfIdZ-M?ysclid=m4mle1k0hb652869732>

⁵¹ О внесении изменения в перечень движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц и имущественных прав, в отношении которых вводится временное управление, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302: Указ Президента РФ № 133 от 19.02.2024.

⁵² Тришин М. Большая национализация началась. Какие оборонные предприятия уже вернули государству? // Дзен. 23.02.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZdhSQvPOARfIdZ-M?ysclid=m4mle1k0hb652869732>

⁵³ Ревнивцев А. Русские ждали этого 30 лет: Государство забирает у олигархов заводы // Царьград. 22.02.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/russkie-zhdali-jetogo-30-let-gosudarstvo-zabiraet-u-oligarhov-i-zavody_963670

⁵⁴ В России с 2022 года было национализировано более 100 предприятий // Новости Рамблер. 07.06.2024. URL: <https://finance.rambler.ru/business/52889621-v-rossii-s-2022-goda-bylo-natsionalizirovano-bolee-100-predpriyatij/>

⁵⁵ Делягин М. Почему Путин не может избавиться от либералов // Дейта. 21.06.2020. URL: <https://deita.ru/article/479377>

«После окончания горячей фазы российско-украинского конфликта **крупные страны соберутся и расчертят новые границы, установят новые правила**, потому что никто в мире не хочет постоянно воевать, будет „новая Ялта”»⁵⁶.

«Украинский конфликт запустит серию политических процессов, которые, вероятно, **изменяют качество нашей цивилизации на следующие 50–70 лет...**»⁵⁷

Кроме того, нельзя забывать, что более 30 лет, с момента распада Советского Союза и до того момента, когда В.В. Путиным объявил о начале специальной военной операции (то есть с 1991 по 2022 г., в течение которых новая постсоветская Россия находилась в состоянии «скрытой интервенции»), не могли пройти бесследно. Как отмечают эксперты, «...враг просчитался с планами устроить нам „оранжевую” революцию, **но пятую колонну в нашем тылу он оставил могущественную**»⁵⁸.

«В оборонке существует по меньшей мере 38 тысяч незавершенных объектов строительства. Это триллионы рублей. Вопрос – где деньги? Ведь они выделялись из госбюджета, перед Президентом отчитывались... **Любое министерство к нынешнему времени прогнило, а не только Минобороны. Аудит нужен поголовно и везде... и везде он начат**»⁵⁹.

Это наглядно демонстрирует ряд конкретных эпизодов поведения, деятельности отдельных представителей элит в экономике, политике, культуре... (вкладка 2).

Приведенные на вкладке 2 факты во многом подтверждают уверенность экспертов в том, что прослеживающиеся элементы процесса обновления элит «совершенно точно: **встретят бешеное, отчаянное сопротивление**»⁶⁰.

Глава государства и Правительство РФ продолжают активно реализовывать конкретные шаги, принимать конкретные управленческие решения, создающие условия для планомерного процесса кадровых изменений во всех ключевых сферах жизни в соответствии с новыми условиями, наступившими после февраля 2022 г.: в экономике, образовании, обеспечении обороноспособности государства (вкладка 3).

Матвейчев О. (депутат Госдумы, зампредседателя Комитета по информационной политике): «В результате поправок в Конституцию часть полномочий президента отошла Госдуме. Задумка состояла в том, чтобы министры были более настроены на работу с Думой и приучались к практике публичных отчетов. **Министры, вице-премьеры должны понимать, если их работа не нравится обществу, это может серьезно осложнить их будущую карьеру.** Поэтому депутаты Государственной думы регулярно принимают правительство, лидеры фракций встречаются с премьер-министром.

В прежние времена многие министры... **работали ради отчета, ради того, чтобы показать свою работу президенту...** если мы будем видеть непопулярных министров, чья работа вызывает вопросы, они тут же подвергнутся атаке со стороны оппозиционных фракций. Это уже станет сигналом министрам, что и правящая партия может сказать им „нет”»⁶¹.

⁵⁶ Асламова Д. Армянам внушают: русские — это «белые турки». Мнение Т. Кочарян (медиаэксперт, главный редактор Alpha News) // Правда.ру. 05.12.2023. URL: <https://www.pravda.ru/world/1918773-armeniya/>

⁵⁷ Фененко А. Мир после СВО // Официальный сайт Российского совета по международным делам. 16.06.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mir-posle-svo/?sphrase_id=152648206&ysclid=m03fqklwaj437058663

⁵⁸ Винник Д. Тысяча дней моей войны // Завтра. 24.11.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/zapiski_politrabotnika_tisyacha_dnej_moej_vojni?ysclid=m50s0let49974933563 (Винник Д. — д-р филос. наук, проф. Финансового университета при Правительстве РФ).

⁵⁹ Фролов Ю.А. Мы живём в уникальное время обновления и уникальных чисток. URL: <https://m.ok.ru/video/7918837434995?ysclid=m50rvkmj8x111721205>

⁶⁰ Попов Д. Путин признал предательство элит: началась революция сверху // МК.Ру 08.11.2024. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/08/putin-priznal-predatelstvo-ELIT-nachalas-revolyuciya-sverkhu.html?ysclid=m4mavvlteb25960798>

⁶¹ Депутат о новых полномочиях Госдумы: «Парламент может отклонить кандидатуру министра» // Федерал-пресс. 28.03.2024. URL: <https://fedpress.ru/article/3307918>

Некоторые примеры деятельности либерально ориентированных элит в экономике, политике, культуре

29–31 октября 2024 г. в Москве прошла выставка «Некрополь World Russia». По словам исполнительного директора Союза похоронных организаций и крематориев Е. Андреевой, «*смысл выставки изначально в создании, возрождении и развитии похоронной культуры, а современные методы пиара привлекают молодежь*». «*Смерть должна быть красивой*» – один из посылов организаторов выставки⁶². Однако многие эксперты отметили, что «*трагических эмоций тут вообще никто не испытывает. Скорее наоборот*»⁶³. «*По сравнению с этим мероприятием „голая“ вечеринка Ивлевой – просто детский утренинг*»⁶⁴. Примечательно, что шоу проходило в зале «Крокус Экспо», который находится рядом с «Крокус Сити Холлом», где в марте 2024 г. был совершен теракт, унесший жизни более 140 человек.

«**В начале ноября в Курской области прокатилась волна общественных протестов: вынужденно бежавшие с оккупированных территорий возмутились из-за волокиты с получением нового жилья...** В ноябре в отставку были отправлены Александр Богачёв (глава Суджанского района), Марина Дегтярёва (глава Кореневского района)⁶⁵».

5 декабря Указом Президента РФ⁶⁶ врио губернатора Курской области был назначен А. Хинштейн (который сменил на этом посту бывшего губернатора А. Смирнова). 9 декабря на оперативном совещании с правительством региона А. Хинштейн объявил: «**В силу требований закона, в связи с уходом в отставку предыдущего руководителя региона мной был подписан указ как временно исполняющего обязанности об отставке правителя, поэтому, все коллеги, знаете, что работаете в качестве исполняющих обязанности**»⁶⁷. Также А. Хинштейн заявил о намерении **обратиться в прокуратуру и Счетную палату для ревизии предшествующей деятельности в регионе**⁶⁸.

Ноябрь 2024 г.: «Последние отраслевые расчеты показывают, что за 2024 год рост цен у производителей ускорился по причине повышения ставки ЦБ примерно на 5%, а по причине роста зарплат – только на 4%. В РФ последние месяцы появляются научные доказательства негативного влияния высоких кредитных ставок на макроэкономические показатели. Руководители предприятий подтверждают, что они сокращают производственные программы и откладывают инвестиции»⁶⁹. «Центробанк и Минфин возглавляют далеко не глупые и отнюдь не глупые люди, и просто невозможно представить, что они не понимают, что делают и делают, или не понимают сути и значения многочисленных здравых предложений. Очевидно, что принимаемые ими решения носят чисто политический характер»⁷⁰. Наверняка понимало руководство ЦБ, что делает, и когда игнорировало многократные

⁶² Кузина Н. Неужто для этого шапито не нашлось другого места? Реакция на похоронную выставку у «Крокуса» // Родина. 2024. № 12. URL: <https://rodina-history.ru/2024/10/31/neuzhto-dlia-etogo-shapito-ne-nashlos-drugogo-mesta-reaktsia-na-pohoronnuu-vystavku-u-krokus-siti-holla.html>

⁶³ Гурьянов С. Раскаты гроба: как прошла выставка «Некрополь» в Москве // Известия. 01.11.2024. URL: <https://iz.ru/1783545/sergei-guranov/raskaty-groba-kak-prosla-vystavka-nekropol-v-moskve>

⁶⁴ Орлова А. Столица русской смерти: рядом с «Крокусом» открыли временный некрополь. URL: <https://dzen.ru/a/ZuKH3QLhRCilqGWw?ysclid=m4H45dti0588328864>

⁶⁵ «Прошерстить всё осиное гнездо»: Народный бунт в Курской области остановил Путин // Царьград, Дзен. 07.12.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZINmgn38gizmz9O?ysclid=m4gz8dndpe479307313>

⁶⁶ Об исполняющем обязанности Губернатора Курской области^ Указ Президента РФ № 1035 от 05.12.2024.

⁶⁷ Хинштейн отправил в отставку правительство Курской области // РИА-новости. 09.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241209/khinshteyn-1988122011.html?ysclid=m4tn7o1t7n1181421>

⁶⁸ РИА-новости. 09.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241209/hinshtejn-1988107342.html?in=t>

⁶⁹ Сергеев М. Ставка ЦБ провоцирует рост цен больше, чем повышение зарплат // Независимая газета. 12.12.2024. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-12/1_2_9155_rate.html

⁷⁰ Батчиков С. Когда мосты сожжены // Завтра. 29.11.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/kogda_mosti_sozhzheni?ysclid=m4s3fh3p6b44886535

Окончание вкладки 2

предупреждения о том, что нельзя хранить резервы в долларах, фунтах и евро, и что они могут быть в любой момент арестованы. На заседаниях Национального финансового совета об этом, в частности, неоднократно говорил академик Глазьев. Арест после начала СВО более 300 млрд долларов резервов — это ровно то, о чём руководство ЦБ много раз предупреждали. Но ответственности за арест валютных резервов России, как мы знаем, никто не понёс...»⁷¹

Декабрь 2024 г. — более 700 сотрудников Московской областной станции скорой помощи пожаловались президенту на снижение зарплаты. С июля каждый недополучал от 10 тыс. до 40–50 тыс. рублей ежемесячно. После того как в Московской области с сентября заработала новая система оплаты труда работников скорой, которая теоретически должна была увеличить их доходы, случилось прямо противоположное. Сотрудники скорой называют это классическим «разводом»: оклад им повысили, а стимулирующие выплаты снизили. «Беда в том, что, судя по отчётам, которые летят в министерство, «на земле» всё хорошо. А фактически происходит большая игра с цифрами, цель которой — пустить пыль в глаза и «замылить» действительность. Формально повышение окладов было, но то, что при этом не выросли зарплаты, осталось за кадром. И такая ситуация на только в столице... Так, коллектив отделения скорой помощи больницы Коми-Пермяцкого округа написал видеобращение к губернатору Пермского края о критической ситуации на рабочих местах. После повышения окладов с 1 октября и одновременной отмены 100-процентных надбавок за стаж зарплата на ставку фельдшера стала всего 25 тыс. рублей, у водителей ситуация ещё хуже — 21 тыс. рублей. В Самарской области — то же самое... Видимо, кому-то очень невыгодно, чтобы в России была здоровая нация»⁷².

Декабрь 2024 г. — С. Глазьев: «Чтобы привести рубль в стабильное состояние, нужно всего исключить влияние спекулятивных и приходящих факторов... Мы видим, что главными спекулянтами сегодня, в отсутствие международных спекулянтов, которые раньше раскачивали курс рубля и манипулировали им при попустительстве Центрального Банка, стали российские банки. Мы знаем много примеров, когда они начинали скупать валюту и потом получали сверхприбыль на переоценке этой валюты, играя против рубля, способствуя его девальвации... Это лихорадочная скупка валюты, которую ведут российские банки для того, чтобы нажиться на девальвации, на переоценке валютных активов своих. Именно эта составляющая прибыли является для них сегодня, так сказать, наиболее лакомой. Потому что сделать ничего не надо, кроме как, скупая валюту, ждать, пока рубль обвалится»⁷³.

⁷¹ Батчиков С. Исполнить должное. 20.11.2024. URL: <https://dzen.ru/a/Zz2pLpb9UDd-q4N?ysclid=m4qnc0hg5441617476>

⁷² Банишевская Ю. «Нас поставили на колени»: Бунт врачей скорой помощи — людей вынуждают увольняться, чтобы расчистить места для мигрантов // Царьград. 08.12.2024. URL: <https://tsargrad.tv/articles/nas-postavili-na-koleni-bunt-vrachej-skoroj-pomoshhi-ijudej-vyuzhdayut-uvolnjatsja-chtoby-raschistit-mesta-dlja-migrantov> 1095244

⁷³ Глазьев назвал три очевидных ошибки властей. И сделал главный вывод: «Чудовищный обман» // Царьград. 05.12.2024. URL: <https://tsargrad.tv/articles/glazev-nazval-tri-ochevидnyh-oshibki-vlastej-i-sdelal-glavnyj-vyvod-«Чудовищный-обман»> 1093127

Многие из этих решений нацелены на будущее; они меняют условия жизни в стране. Как, например, поправки в Конституцию РФ, предложенные Президентом еще в феврале 2020 г.⁷⁴, сегодня, в конце 2024 г., позволяют Государственной Думе активно настаивать на законе о тестировании детей мигрантов по русскому языку, а исполнительная власть (в лице Правительства РФ) вынуждена уступить этому давлению.

И тем не менее, практическая реализация принимаемых решений во многом будет зависеть от конкретных представителей правящих элит, что называется, «на местах». Поэтому Президент не перестает обращать внимание чиновников на то, что важен результат, а не отчетность. В частности, в реализации новых национальных проектов, которые были представлены Председателем Правительства РФ М. Мишустиним 5 декабря 2024 г. и первую оценку которых планируется провести в июне 2025 г.

«Хотел бы вновь подчеркнуть: руководствоваться нужно не бюрократической логикой – понизить ориентиры, чтобы упростить нам самим для себя работу и потом отчитаться, – не нужно этого делать, это недопустимо. Зачем самим себя обманывать...?»

Вновь подчеркну: дело не только в суммах и бюджетной дисциплине, что, безусловно, тоже очень важно. Главное, что за этим следуют видимые результаты: новые детские сады и школы, отремонтированные дороги и коммунальные сети, модернизированные больницы и поликлиники, созданные с нуля современные производства и ликвидированные свалки и так далее...

Повторю: именно мнение граждан имеет ключевое значение... предлагаю на очередном заседании нашего Совета в июне оценить начало реализации нацпроектов, ход их выполнения и первые результаты»⁷⁵.

10 декабря 2024 г. Государственная дума в первом чтении единогласно одобрила законопроект, который предусматривает обязательное тестирование на знание русского языка у детей мигрантов при приеме в школы. В случае окончательного одобрения законопроекта изменится ст. 78 закона «Об образовании». В ходе обсуждений «Председатель Госдумы В. Володин **выказал свое сильное неудовольствие поступившими от имени правительства замечаниями, применив даже выражение „вставлять палки в колеса“**. Кроме того, он заявил: дескать, инициатива депутатов появилась потому, что исполнительная власть здесь ничего не предлагала. А парламент, мол, чувствует свою ответственность за правительство, в частности за то, что оно не исполняет соответствующих поручений Президента РФ. Поэтому спикер **жестко поставил вопрос о скорейшем втором чтении перед представителем кабинета министров в ГД и полномочным представителем президента РФ Гарри Минха**. Однако тот мягко, но прямо заметил: концепция закона поддерживается, хотя есть ряд серьезных замечаний, так что если удастся их снять, то администрация президента будет поддерживать инициативу и дальше, если нет – „будем дальше работать“. Впрочем, Володин в ответ на это не смолчал, заметив Минху, что **как раз „руководство администрации президента“ поддерживает, из чего и надо всем исходить»⁷⁶.**

⁷⁴ В частности, Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц (ст. 103.1).

⁷⁵ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 5 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 05.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75762>

⁷⁶ Родин И. Госдума проламывает закон о защите школ от детей мигрантов // Независимая газета. 10.12.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-12-10/1_9153_migrants.html?ysclid=m50s580liz301258261

Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ в период с 20 октября по 17 декабря 2024 г.⁷⁷

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ,

ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ

26 октября – ФЗ № 353 «О приостановлении действия части второй статьи 43 Закона Российской Федерации „О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей”». С 1 января 2025 г. размер денежного довольствия, учитываемого при исчислении военной пенсии, составит 89,83% (ранее был 89,32%).

9 ноября – ФЗ № 374 «О ратификации Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой». Ратифицируется Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой, подписанный в городе Пхеньяне 19 июня 2024 года.

13 ноября – Указ № 967 «О единовременной выплате отдельным категориям лиц». Правительству РФ поручено определить в зависимости от степени тяжести увечья (ранения, травмы, контузии) размеры единовременной выплаты (до 3 млн руб.), осуществляемой лицу, которому в соответствии с указом Президента РФ установлена единовременная выплата при получении увечья (ранения, травмы, контузии).

14 ноября – Указ № 968 «О дополнительных социальных гарантиях отдельным категориям лиц». Указ о дополнительных выплатах участникам СВО, ставшим инвалидами после ранения. Если увечье (ранение, травма, контузия), полученное лицом, которому ранее была установлена единовременная выплата при получении такого увечья, повлекло наступление инвалидности, то такому лицу дополнительно выплачивается 4 млн руб. с учетом ранее произведенной при получении этого увечья выплаты.

19 ноября 2024 г. Указ № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». Утверждена новая ядерная доктрина России. Дополнены условия для возможного применения ядерного оружия. Это в т. ч. агрессия с применением обычного оружия не только против России, но и против Белоруссии, создающая критическую угрозу их суверенитету или территориальной целостности. Поводом также может стать поступление достоверной информации о массированном старте (взлете) средств воздушно-космического нападения (самолеты стратегической и тактической авиации, крылатые ракеты, беспилотные, гиперзвуковые и другие летательные аппараты) и пересечении ими тогостраницы РФ.

23 ноября – ФЗ № 391 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об исполнении исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении законодательные акты Российской Федерации”». Прекращаются не превышающие 10 млн руб. кредитные обязательства граждан, заключивших не ранее 1 декабря 2024 г. контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ сроком на один год и более для выполнения задач специальной военной операции, и (или) их супругов в случае, если до указанной даты вступил в законную силу судебный акт о взыскании задолженности по этим обязательствам и (или) соответствующий исполнительный документ предъявлен к исполнению.

⁷⁷ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. Таким образом, данный мониторинг продолжается уже 19 месяцев, его результаты опубликованы в 10 статьях (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Продолжение вкладки 3

Граждане, принимающие участие в специальной военной операции, освобождаются от уплаты исполнительского сбора, взыскиваемого в связи с неисполнением исполнительного документа в срок для его добровольного исполнения. Увеличивается с 30 до 180 дней срок, в течение которого в отношении граждан, прекративших участие в СВО, не могут быть возобновлены ранее приостановленные исполнительские производства.

23 ноября — ФЗ № 409 «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона „О статусе военнослужащих“ и Федеральный закон „О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих“». Расширен перечень военнослужащих, которые могут получить жилье от государства. К их числу отнесены контрактники, являющиеся в определенный период прохождения военной службы иностранными гражданами, отслужившие 20 лет и более либо подлежащие увольнению со службы по достижении ими предельного возраста пребывания на ней, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более.

23 ноября — ФЗ № 410 «О внесении изменений в Федеральный закон „О материальной ответственности военнослужащих“». Добровольцы будут привлекаться к материальной ответственности за ущерб военному имуществу на тех же условиях, в том же порядке и размерах, которые предусмотрены для контрактников, но с учетом ряда особенностей. Для расчетов вместо полного оклада месячного денежного содержания и ежемесячной надбавки за выслугу лет контрактника принимается 50% денежного содержания добровольца за календарный месяц. Для возмещения ущерба из денежного содержания и других выплат, полученных добровольцем, удержат 20%. Общий размер всех удержаний из довольствия добровольцев не может превышать 50%.

25 ноября — Указ № 1003 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2024 года № 644 „О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации“». Единовременную выплату в размере 400 тыс. руб. получат мобилизованные, направленные в войска нацгвардии, и военнослужащие, проходящие службу по призыву в войсках нацгвардии (за исключением курсантов), заключившие с 1 августа по 31 декабря 2024 г. контракт для участия в СВО сроком на 1 год и более.

30 ноября — ФЗ № 437 «О внесении изменений в Федеральный закон „О статусе военнослужащих“». Военные и граждане, уволенные с военной службы, имеющие одного и более ребенка-инвалида, должны обеспечиваться жильем (жилищной субсидией) вне очереди. Это касается также предоставления служебного, арендованного жилья, комнат в общежитиях.

5 декабря — Распоряжение № 303 «О подписании Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства».

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

26 октября — ФЗ № 358 «О внесении изменений в статью 256 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию“ и Федеральный закон „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“». Закон исключает возможность получения иностранным гражданином разрешения на временное проживание или вида на жительство в случае заключения фиктивного брака.

9 ноября — ФЗ № 377 «О внесении изменений в статьи 151 и 152 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“». Проведение экзаменов для иностранных граждан по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации и выдача соответствующих сертификатов осуществляется только государством учреждениями, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации. Размер платы за проведение экзаменов также устанавливается Правительством Российской Федерации.

9 ноября — ФЗ № 383 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В УК РФ внесены поправки, которыми организована миграция, осуществленная организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений, отнесена к числу особо тяжких преступлений. За это предусмотрены лишение свободы на срок от 8 до 15 лет, штраф от 3 до 5 млн руб. и лишение права заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет. Кроме того, за организацию незаконного въезда иностранцев в Россию, их незаконного пребывания или незаконного транзита через РФ введен минимальный предел срока лишения свободы — 2 года. Также будет назначаться штраф до 500 тыс. руб. Те же деяния, совершенные с помощью поддельных документов или Интернета, будут наказываться лишением свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом до 1 млн руб. и с лишением права заниматься определенной деятельностью на срок до 7 лет.

<p>9 ноября — ФЗ № 384 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Отягчающим наказанием обстоителем признаётся совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации.</p> <p>9 ноября — ФЗ № 385 «О внесении изменения в статью 153 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». Федеральный закон направлен на борьбу с незаконной миграцией посредством блокировки информационных ресурсов, содержащих предложения о предоставлении незаконных услуг в сфере миграции, а также информацию о способах организации незаконной миграции (источник: Официальный сайт Президента РФ. Справка Государственно-правового управления).</p> <p>9 ноября — ФЗ № 387 «О внесении изменения в статью 104 Уголовного кодекса Российской Федерации». Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения из корыстных побуждений преступлений, связанного с организацией незаконной миграции, будут подлежать «конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора» (УК РФ. Ст. 104.1).</p> <p>23 ноября — ФЗ № 400 «О внесении изменения в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Освобождаются от обложения налогом на доходы физических лиц доходы, полученные добровольцами (волонтерами) в виде выплат на возмещение расходов на оплату медицинских услуг.</p> <p>23 ноября — ФЗ № 401 «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Устанавливается административная ответственность за пропаганду отказа от деторождения. Размер административного штрафа для граждан составит от 50 до 100 тысяч рублей, для должностных лиц — от 100 до 200 тысяч рублей, для юридических лиц — от 800 тысяч до 1 млн рублей.</p> <p>23 ноября — ФЗ № 402 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Установлена ответственность за подделку документов для организации незаконной миграции, их использование, передачу или сбыт. Для организаций штраф составляет 5–10 млн руб. с конфискацией орудий совершения правонарушения, за повторное нарушение — штраф 10–60 млн руб. с конфискацией. Штраф для организаций за подделку документа, удостоверяющего личность, штампа, печати и бланка, их использование, передачу или сбыт увеличен с 30–50 тыс. руб. до 40–80 тыс. руб., за повторное нарушение — с 50–100 тыс. руб. до 100–200 тыс. руб.</p> <p>23 ноября — ФЗ № 411 «О внесении изменений в статьи 10 и 15 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Установлен запрет пропаганды отказа от деторождения.</p> <p>9 декабря — Указ № 1047 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики». Председателем Совета назначена В. Матвиенко.</p>	<p>МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ</p> <p>26 октября — ФЗ № 357 «О внесении изменений в Федеральный закон „О промышленной политике в Российской Федерации“». Обеспечена возможность господдержки комплексных строительных проектов, реализуемых на территории иностранных государств субъектами деятельности или российскими организациями инфраструктуры поддержки экспортного потенциала России и продвижения на зарубежные рынки российской промышленной продукции.</p> <p>29 октября — ФЗ № 362 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Устанавливается налоговая ставка по налогу на добавленную стоимость в размере 10% при налогообложении операций по реализации племенной продукции (материала), а также ввоза такой продукции на территорию Российской Федерации. Индексируются ставки акцизов. Освобождаются от обложения налогом на доходы физических лиц одновременные компенсационные выплаты, полученные работниками культуры в рамках государственной программы, утверждаемой Правительством Российской Федерации. Туристический налог включается в состав единого налогового платежа. Предусматривается, что с 1 января 2025 г. эксперимент по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощённая система налогообложения» может проводиться на территориях всех субъектов РФ.</p> <p>29 октября — ФЗ № 365 «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона „О минимальном размере оплаты труда“». Минимальный размер оплаты труда с 1 января 2025 года устанавливается в сумме 22440 рублей в месяц (ранее был 19242 руб.).</p>
--	---

Такую ситуацию, складывающуюся в системе государственного управления в целом, можно рассмотреть на примере отдельно взятых системных проблем и задач, стоящих перед государством.

Например, на проблеме миграции, которая, как отмечают многие эксперты, является одной из «угроз национальной безопасности», ведет (в том числе) «к стремительному изменению культурного, языкового и цивилизационного единства нашей страны»⁷⁸.

Согласно данным статистики, за период с 2021 по 2023 г. среди приезжающих в Россию мигрантов доля людей с **низким уровнем образования, как минимум, не уменьшалась**, что не вполне соотносится с установкой главы государства на приток специалистов «с высоким уровнем интеллекта и квалификации»:

✓ доля мигрантов со средним и неполным общим образованием в 2021–2023 гг. составила 31% от общего числа прибывших на территорию России (1 млн чел.);

✓ с начальным образованием или вообще без образования – 1,8% (62 тыс. чел.),

✓ мигранты, которые свой уровень образования просто не указывают, – 11% (383 тыс. чел.)⁷⁹.

«... что нам точно нужно – нам нужны **высококвалифицированные специалисты**, и здесь точно совершенно нам нужно ориентироваться и наши миграционные службы ориентировать таким образом, чтобы к нам на постоянное жительство, на работу, на жительство вообще приезжали люди с **высоким уровнем интеллекта и квалификации**»⁸⁰.

Данные статистики Следственного комитета РФ за 8 месяцев 2024 г.

«Иностранцами совершено **более 26 тыс. преступлений**, при этом по сравнению с аналогичным периодом прошлого года отмечается **увеличение на 12% числа тяжких деяний** со стороны приезжих.

Практически втрое увеличилось число преступлений, совершённых «нелегалами»: с 2880 до 8059.

С 5868 до 9708 возросло количество преступных посягательств со стороны трудовых мигрантов.

С 7 до 11 тыс. увеличилось число преступлений приезжих, получивших гражданство РФ менее десяти лет назад.

В этом году мигрантами совершено 73 деяния экстремистской направленности, в то время как годом ранее их число составляло 59 преступлений»⁸¹.

Кроме того, по данным Следственного комитета РФ, в России отмечается **рост числа преступлений**, совершенных иностранными лицами и «нелегалами», в том числе преступлений экстремистской направленности.

Другими словами, динамика статистических данных, а также оценки многих экспертов указывают на то, что **«осмысленная миграционная политика у нас пока не выстроена»⁸²**. По крайней мере, именно такую оценку ей дал непосредственно В.В. Путин 7 июня 2024 г. на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (*вкладка 4*).

⁷⁸ Малофеев К. Выступление на Восьмом съезде Царьграда (Москва, 24 октября 2024 г.). Проблема мигрантов в России встала в полный рост: Или мы её решаем, или она – нас // Царьград. 25.10.2024. URL: https://tsargrad.tv/news/problema-migrantov-v-rossii-vstala-v-polnyj-rost-ili-my-ego-reshaem-ili-ona-nas_1073067/nsk?ysclid=m4s50vbtii82949111

⁷⁹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 г.: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

⁸⁰ Выступление В. Путина на форуме Агентства стратегических инициатив СИ «Сильные идеи для нового времени» 20 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 20.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73505>

⁸¹ Иванов А. СКР сообщил о почти трёхкратном росте числа преступлений нелегальных мигрантов // Завтра. 02.10.2024. URL: https://zavtra.ru/events/skr_sobshil_o_pochti_tryokratnom_roste_chisla_prestuplenij_nelegal_nih_migrantov?ysclid=m24lopr9d9277636059

⁸² Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

Выдержка из пленарной дискуссии В. Путина с С. Карагановым на ПМЭФ-2024⁸³

С. Караганов: «Ещё один мирный, хороший вопрос. У нас в стране идёт большая дискуссия про миграцию, как Вы знаете. Проявляются в том числе и шovinистические настроения, которые смертельны для страны, которая по сути своей является многонациональной.

При этом миграцией у нас занимается полицейское направление. Хорошо или плохо — уже следующий вопрос. Но его задача — ограничивать миграцию. Я считаю, что нужно жёстче ограничивать негативные аспекты миграции.

Но перед нами стоит, мне кажется, не только задача, но и возможность начать массовое привлечение квалифицированных мигрантов из-за границы. Начнётся климатическая миграция, начинается миграция ценностная, будет миграция кризисная, она уже идёт.

Мы, кстати говоря, только что пропустили волну очень интересных людей, которые могли бы к нам приехать из Афганистана после того, как разбегались оттуда, после того как американцы там устроили то, что устроили.

Не стоит ли нам модернизировать свою концепцию миграционной политики? Я читал её некоторое время назад. Она изумительно нереалистична и либеральна, при этом занимается её якобы претворением в жизнь полицейское управление. Может быть, создадите в Правительстве орган, который занимался бы регулированием всех этих вопросов, создал бы современную концепцию миграционной политики и занимался бы и привлечением, и ограничением, в том числе жёстким, миграции? Сейчас у нас такой политики нет».

В. Путин: «Мне нечего Вам возразить. Вы правы. Правда, по поводу возможности приезда к нам интересных людей из Афганистана надо подумать. У нас сейчас приезжает много интересных людей из других стран. Но Вы правы, безусловно, в том, что такая осмысленная миграционная политика у нас пока не выстроена. У нас был единый орган когда-то, а потом его погрузили в МВД по соображениям вопросов безопасности. Получается там эффективно работа или нет — большой вопрос. Мы обсуждаем это с коллегами. Я и перед Правительством, и перед Советом Безопасности поставил задачу вернуться к этому вопросу, и как можно быстрее.

Нельзя говорить, что проблемы не существуют. Она есть. Надо и трудовых мигрантов привлекать, это очевидно, почти с нулевой, минимальной безработицей отсутствие рабочих рук становится ограничителем экономического роста.

Но, разумеется, Вы правы в том, что нам нужны не просто трудовые мигранты, а люди определённой квалификации и определённой подготовки, со знанием языка, со знанием наших традиций и так далее. Это, кстати говоря, мои коллеги и наши коллеги, мои коллеги из стран, откуда у нас основное количество мигрантов приезжает. Мы договариваемся о том, как вместе эту работу наладить, как готовить их с точки зрения знания русского языка, наших традиций и культуры, наших законов, с тем чтобы и этим людям, которые приезжают, было комфортно здесь, и, самое главное, местным гражданам не создавать никаких проблем ни на рынке труда, ни в быту. Потому что мигранты же где в основном скапливаются? Там, где идёт активная экономическая жизнь. А это где? Москва, Подмосковье, в Петербурге, в некоторых городах Сибири, где уровень зарплат приличный. Конечно, нам очень многое нужно по этому направлению сделать, полностью согласен».

⁸³ Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

Некоторые законодательные инициативы и решения в сфере миграционной политики РФ

С начала 2024 г. Государственной Думой РФ было принято 7 законов в сфере контроля над миграцией⁸⁴.

16 октября 2024 г. в первом чтении единогласно были приняты два законопроекта из «миграционного пакета», согласно которым уголовная ответственность за организацию нелегальной миграции усиливается, а незаконное пребывание в России становится отягчающим обстоятельством при совершении любых преступлений. Кроме того, Председатель Государственной Думы РФ В. Володин предложил исключить здравоохранение и образование из списка сфер, работа в которых дает право на упрощенное получение вида на жительство⁸⁵.

9 ноября 2024 г. Президент РФ подписал ряд законов, которые вносят изменения в миграционную политику:

- ✓ ФЗ № 377 «О внесении изменений в статьи 15-1 и 15-2 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» (о запрете посредническим организациям принимать экзамены у мигрантов);
- ✓ ФЗ № 383 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (об отнесении организации незаконной миграции, совершенной организованной группой или в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, к особо тяжким преступлениям);
- ✓ ФЗ № 384 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» (о признании отягчающим обстоятельством совершение преступления лицом, незаконно находящимся в России);
- ✓ ФЗ № 385 «О внесении изменения в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (о внесении блокировке сайтов с незаконными услугами для мигрантов);
- ✓ ФЗ № 387 «О внесении изменения в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (о конфискации денег, ценностей и имущества, полученных при организации незаконной миграции);

11 декабря 2024 г. Госдума внесла поправки в действующий закон об образовании, которые вводят процедуру доступа детей иностранцев в российские школы. Тот же закон декларирует право любого, кто законно находится на территории РФ, получать образование на тех же принципах, что и граждане страны. Механизм приема в школу будет двухходовым: приезжий сначала подтверждает, что он и его семья находятся в РФ легально, а потом потенциальные ученики должны будут подтвердить свое соответствие установленным требованиям к необходимому уровню владения русским языком.

С 1 января 2025 г. в Нижегородской области вступает в силу указ губернатора Г. Никитина о запрете привлекать иностранных специалистов к 37 видам деятельности, в том числе в сфере здравоохранения и образования. Гастарбайтеров разрешено оставить только на низкоквалифицированных работах в отраслях, требующих большого объема ручного труда. Также губернатор Тверской области И. Руденя закрыл для гастарбайтеров 82 вида деятельности, причем 52 из них – полностью. Это, например, отрасли энергетики для ЖКХ, водный транспорт, развлечение и туризм, ветеринария, а также IT и медиасфера⁸⁶.

⁸⁴ Веретенникова К. И пусть никто не уйдет ненаказанным // Коммерсант. 16.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/732760?ysclid=m2egb6pt13295480662>

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Гармоненко Д. Нижегородская область запрещает мигрантам лечить и учить // Независимая газета. 04.12.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-12-04/1_9149_migrants.html?ysclid=m4qs3jwjxw476378524

Миграционная политика в России, как заметил модератор дискуссии с Президентом С. Караганов, «**изумительно нереалистична и либеральна**»⁸⁷, или, как считают некоторые эксперты, она «вальсирует». С одной стороны, решения принимаются, причем достаточно активно (вкладка 5).

«При обсуждении вопросов миграции в России сталкиваются две позиции. Одна исходит из того, что страну ждут серьезные демографические, экономические и социальные вызовы... Вторая – это политика с опорой на русское православное культурное ядро. Приток иноэтничных людей его, конечно, размывает. **Наша миграционная политика, мягко говоря, вальсирует между этими альтернативными подходами**»⁸⁸.

С другой стороны, по-прежнему сохраняются условия, при которых имеет место **активное лоббирование** ввоза мигрантов, причем на самом высоком уровне.

Пресс-секретарь Президента Д. Песков: «**Мигранты – это потребность**. Дело в том, что у нас очень напряженная демографическая ситуация. Мы живем в самой большой стране мира, но нас мало... Чтобы мы динамично развивались, реализовали все планы развития, конечно, **нам нужны рабочие руки. Мы их только приветствуем**»⁸⁹.

Например, еще в 2022 г. глава МВД В. Колокольцев говорил о том, что «есть 16 ведомств, которые заинтересованы в труде мигрантов»⁹⁰, а в 2024 г. К. Кабанов прямо констатировал, что «**„подрывная“ деятельность миграционных лоббистов**, среди которых, в основном, строительные олигархи, этноолигархи – владельцы самых крупных рынков, различных сервисов, маркетплейсов, дельцов от ЖКХ и некоторых глав регионов, **небезуспешно продолжается**»⁹¹.

Председатель Национального антикоррупционного комитета, члена СПЧ К. Кабанов: «**Как только в России заговорили об ужесточённом режиме регулирования миграции, тут же началось давление со стороны бизнеса**. Противодействие лоббистов пошло сильнейшим образом. Мы буквально с большим трудом, с большим натягом приняли ряд законов...

„Золотой миллиард“, **те его представители, которые живут у нас, выступает за мигрантов. Элита в России уже, по сути, раскрыла карты... Они считают, что без разницы, кем будет заселена Россия. У нас такие люди во власти есть, которые де-факто говорят следующее: „Мы верхушка, часть золотого миллиарда“, а кто внизу – без разницы. Будет там русских больше или кого-то ещё – всё равно**»⁹².

⁸⁷ Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

⁸⁸ Рубникович М., Погодина А. «Лучше бы мы их не видели». Сможет ли Россия обойтись без мигрантов? // Газета.ру. 18.09.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/09/18/19763059.shtml?updated>

⁸⁹ Кремль объяснил, почему в России приветствуют мигрантов // РБК. 22.11.2024. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/11/2024/674021a29a794777c6755257>

⁹⁰ Горевоу Р. Гастер-крыша // Наша версия. № 41. 24.10.2022. URL: <https://versia.ru/rabochej-sile-iz-srednej-azii-rokrovitelstvuyut-16-vedomstv?ysclid=m2efacjvfq302434325>

⁹¹ «Подрывная» деятельность миграционных лоббистов в России безуспешна // РИА «Новый день». 04.07.2024. URL: <https://newdaynews.ru/authors/831404.html?ysclid=m2efbnua79393811603> (К. Кабанов – член Совета при президенте РФ по правам человека (СПЧ), глава Национального антикоррупционного комитета).

⁹² «Золотой миллиард» – за мигрантов. Элита в России раскрыла карты: «Мы верхушка, кто внизу – без разницы» // Царьград. 29.08.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/zolotoj-milliard-za-migrantov-jelita-v-rossii-raskryla-karty-my-verhushka-kto-vnizu-bez-raznicy_1046577

«Лоббисты потока трудовых мигрантов хорошо известны, — отмечают эксперты. — Это строительный бизнес и сфера ЖКХ... Например, некие объекты недвижимости строятся с использованием копеечного труда мигрантов и потом продаются за достаточно большие деньги, в итоге речь о попросту зашкаливающих прибылях. **Есть те, кто наживается на такой ситуации, а значит, найдутся и те, кто лоббирует сохранение такого положения дел»⁹³.**

Таким образом, само время, наступившее после начала СВО, требует от системы государственного управления (по всем ветвям и на всех уровнях) четких, быстрых, слаженных и отточенных действий в реализации планомерного, системного процесса обновления элит, который на самом деле идет уже очень давно.

При этом совершенно объективно, осознавая, что исторический масштаб перемен для России и для всего мира, которые начались с февраля 2022 г., не может не встретить жесточайшего сопротивления со стороны Запада, а значит, всегда есть риск, Президент выразил **лишь надежду, а не уверенность**, в том, что «Россия больше никогда не вернется на путь, которым она шла до 2022 года».

Следует отметить, что В.В. Путин уже не в первый раз выражает сожаление по поводу несвоевременного, запоздалого принятия им некоторых важнейших, судьбоносных для страны решений. Не только по поводу начала СВО (о чем он говорил во время «прямой линии» 19 декабря 2024 г.), но и, например, о воссоединении России с Донбассом (о чем он говорил 25 ноября 2022 г. на встрече с матерями военнослужащих).

«Что касается 2014 года. Задним числом мы все умные, конечно, но исходили из того, что, может быть, удастся договориться, и Луганск, Донецк как-то в рамках договоренностей – Минских договоренностей, о которых Вы наверняка знаете, всё-таки смогут как-то воссоединиться с Украиной. Мы искренне к этому шли. Но мы же не чувствовали до конца настроение людей, до конца невозможно было понять, что там происходит. Но теперь, наверное, стало очевидным, что это воссоединение должно было бы произойти раньше. Может быть, и не было бы столько потерь и среди мирных граждан, не было бы столько погибших детей под обстрелами и так далее»⁹⁴.

Однако сегодня, на исходе почти трех лет проведения спецоперации, произнесенные В.В. Путиным действительно **«революционные»** слова о том, что Россия не должна возвращаться на путь, которым она шла до 2022 года, свидетельствуют о понимании Президентом всей серьезности ситуации и того факта, что отступать России просто некуда: **«Добиться стратегического поражения России, поражения на поле боя... невозможно по определению, этого не будет никогда»⁹⁵... потому что при утрате суверенитета мы теряем государственность... без суверенитета Россия существовать как самостоятельное государство не может»⁹⁶.**

⁹³ Брегов А. Кто делает деньги на потоке мигрантов в Россию // Ставропольский новостной портал. 08.04.2024. URL: <https://politika.sevastopol.su/news/kto-delaet-dengi-na-potoke-migrantov-v-rossiju/?ysclid=m4s346d8o464929280> (мнение д-ра экон. наук, директора Института социально-экономических исследований Финансового университета при правительстве РФ А. Зубец).

⁹⁴ Встреча В. Путина с матерями военнослужащих 25 ноября 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. 25.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69935>

⁹⁵ Интервью В. Путина Т. Карлсону 9 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 09.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411>

⁹⁶ «Прямая линия» с В. Путиным 19 декабря 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 19.12.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909>

А если есть это понимание и если есть публичное признание этого понимания, значит, должны быть и соответствующие действия, направленные на обновление элит, особенно если учесть, что запрос на это существует и со стороны общества.

Как отмечает историк, писатель С. Переслегин, с началом СВО в российском обществе появился «консенсус, согласно которому война должна привести к трансформации элиты», и в нем также существует консенсус, согласно которому «одним из рисков войны является отсутствие такой трансформации»⁹⁷.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

“Revolutionary” Words of the Russian President on November 7, 2024

Abstract. November 7, 2024, speaking at the plenary session of the Valdai International Discussion Club in Sochi, Vladimir Putin expressed the hope that Russia would not return to “the path it followed before 2022”; a path fraught with “hidden, veiled intervention against our country”. Some experts assessed these words of the President as the beginning of a “revolution from above”, that is, as the beginning of an active process of renewal of elites in the country. Based on facts and expert assessments, we consider the process of elites renewal in Russia as an evolutionary process that has been going on for almost 25 years. In this context, we analyze a number of decisions made by Vladimir Putin from the very beginning of his presidential terms (since 2000). The launch of the special military operation in February 2022 and Vladimir Putin’s fifth presidential term (which began in May 2024 after the inauguration of the President) only accelerated this process. The article continues the monitoring (that started in June 2022) of federal laws and decrees adopted by the President and the RF Government. Special attention is paid to analyzing the effectiveness of migration policy in the Russian Federation as one of the specific examples of system-wide problems faced by the public administration as a whole. It is concluded that the key decisions of the head of state, especially those adopted during almost three years of the special military operation (such as the “Time of Heroes” program, personnel appointments in the RF Government, decision of the Constitutional Court to lift the statute of limitations on real estate acquired through corrupt proceeds, etc. act as a kind of practical tools to achieve the major goal: strengthening Russia’s national sovereignty in the context of civilizational conflict with the Collective West, as well as solving key tasks to achieve this goal – renewal of elites and consolidation of society. Our contribution consists in a comprehensive approach to analyzing the process of elites renewal in the country, including by systematizing the administrative decisions of the head of state made in the periods before and after the start of the special military operation.

Key words: Valdai Forum, live TV phone-in, renewal of elites, “Time of Heroes”, President.

⁹⁷ Переслегин С. Динамика политической системы, видимо, идет в сторону опричнины // Бизнес-онлайн. 13.02.2023. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/583372>

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Вызов БРИКС для институтов мировой экономики. Значение Нового банка развития

Жак САПИР

Высшая школа социальных наук

Школа экономической войны

Исследовательский центр SEMI-CR451

Париж, Франция

Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail sapir@ehess.fr

Аннотация. В настоящее время общепризнанно, что институты глобальной экономики, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, находятся в кризисе. Возрастающая роль БРИКС как группы, нацеленной на установление правил глобального управления, знаменует собой существенный сдвиг в нашем понимании этой системы. На пути к своей цели страны БРИКС явно перешли от позиции «Голос или Выход» к позиции «Голос и Выход», а затем к открытому созданию альтернативы экономическим институтам, сформированным «Глобальным Западом». Тем самым они продемонстрировали накопление структурной власти, что привело к созданию Нового банка развития и позволило странам БРИКС укрепить свою структурную власть. Сокращение доли «Глобального Запада» в мировом ВВП и рост «развивающихся держав», таких как Китай и Индия, способствовали устареванию большинства институтов глобальной экономики, которые были созданы во время Второй мировой войны и «холодной войны». Управление глобальной экономикой ускользнуло из рук «Глобального Запада» отчасти из-за этих объективных изменений, отчасти из-за субъективных факторов, таких как неудачная политика США, распространение практики односторонних, а значит незаконных, санкций, отчасти из-за нежелания и даже открытого противодействия реформированию существующих институтов глобальной экономики. Страны «Глобального Юга» теперь с возрастающей симпатией смотрят на членов БРИКС и их структурную власть.

Ключевые слова: БРИКС, выход, глобальная экономика, глобальное управление, Глобальный Запад, Глобальный Юг, международные институты, международная валютная система, многосторонность, Новый банк развития, структурная власть, голос.

Для цитирования: Сапир Ж. (2024). Вызов БРИКС для институтов мировой экономики. Значение Нового банка развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 35–58. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.2

For citation: Sapir J. (2024). The BRICS challenge for global economy institutions. The meaning of the New Development Bank. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 35–58. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.2

Введение

Вызов, который страны БРИКС бросают экономическим институтам, сформированным «Глобальным Западом», сегодня получает все большее признание. С 22 по 24 октября 2024 года в Казани прошел XVI саммит БРИКС, поэтому целесообразно будет обратиться к литературе, посвященной этой теме.

Сегодня общепризнанно, что институты мировой экономики в той или иной степени находятся в кризисе. На разных уровнях, будь то Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк или Всемирная торговая организация (ВТО), этим институтам все труднее адаптироваться к быстро меняющемуся миру и нестабильной геополитической ситуации. Одной из главных причин сложившегося положения дел стало появление большой группы стран, которые сегодня ставят под сомнение модель глобального управления и балансы, установленные по окончании Второй мировой войны. Возникновение БРИКС, а с января 2024 года – БРИКС+, является совокупным результатом длительной истории недовольства функционированием институтов мировой экономики. XVI саммит БРИКС, прошедший в Казани, продемонстрировал растущее влияние этой организации. Может ли БРИКС+ создать новые институты, способные бросить вызов глобальным институтам, возникшим в рамках Бреттон-Вудской системы, или заменить их? Это важный вопрос, возникающий в связи с возрастающим значением БРИКС.

Возрастающая роль БРИКС как группы, нацеленной на установление правил регионально и даже глобального управления, знаменует собой значительный сдвиг в нашем понимании международной системы. Существуют два явно несовпадающих подхода (Duggan et al., 2021). В первом случае БРИКС+ стремится к перераспределению власти в рамках глобального управления, но без серьезных изменений правил игры. В этом сценарии БРИКС в основном поддерживает западные ценности и нормы, но пытается оказывать все большее влияние на их реализацию. Такая позиция потеряла свою привлекательность к концу 2010-х годов. Во втором случае БРИКС и БРИКС+

явно ставят под сомнение западные ценности и нормы и пытаются сделать свой собственный набор ценностей и норм доминирующим как минимум на региональном, а теперь все больше и больше на глобальном уровне. Переход от первой ко второй позиции стал определяющим фактом последних лет, по крайней мере со времен кризиса COVID-19.

Более десяти лет в научном сообществе ведутся дискуссии либо о роли БРИКС+ в трансформации иерархии мирового порядка, но в русле того, что страны играют по сложившимся правилам, либо о национальных источниках формирования предпочтений государств, входящих в БРИКС, что подразумевает анализ положения различных стран в глобальной игре и их возможности изменять ее содержание и форму. В статье используются два теоретических понятия: структурная власть Сьюзен Стрэндж и концепция «Голос – Выход» Альфреда Хиршмана – для того чтобы представить возможности стран БРИКС+ «изменить правила игры». В частности, будет рассмотрено, как Новый банк развития (НБР), созданный БРИКС и до 2024 года представлявший собой главную попытку институционального укрепления БРИКС, может бросить вызов существующим глобальным институтам или дополнить их.

Работа организована следующим образом. В первой части мы рассмотрим кризис – скрытый или открытый – международных экономических институтов (МВФ, Всемирного банка и ВТО), во второй – укрепление позиций БРИКС и трансформацию этой организации в БРИКС+. В третьей части мы обратимся к теории структурной власти Сьюзен Стрэндж и рассмотрим логику концепции «Голос – Выход» (или дезертирство) Альфреда Хиршмана, покажем их актуальность для нашей темы. В четвертой части мы рассмотрим, почему создание НБР представляет собой применение логики «выхода» и может быть проанализировано в терминах структурной власти, а также определим особенности НБР и выясним, почему он может представлять собой альтернативу существующим международным финансовым институтам.

Институты мировой экономики в условиях кризиса

Институты, призванные управлять мировой экономикой, возникшие в рамках Бреттон-Вудского соглашения (МВФ и Всемирный банк) или в результате американской гегемонии (ВТО), переживают затяжной период кризиса и несогласованности (Sinclair, 2012). Они не смогли обеспечить эффективное управление глобальной экономикой (Mearsheimer, 1995).

Кризис международных экономических организаций начался более 25 лет назад, когда МВФ оказался не в состоянии остановить корейский, а затем азиатский кризис 1997 года (Wade, 1998). Отклонение Соединенными Штатами Америки предложения Японии создать «Азиатский валютный фонд» не способствовало укреплению дееспособности МВФ. продемонстрировав слабость неамериканских институциональных возможностей, эта неудача также выявила значительное недовольство «западноцентричным» функционированием МВФ (Lipsy, 2003; Narine, 2003). Далее, неспособность МВФ предотвратить быстрое распространение кризиса 2008 года (кризиса субстандартного кредитования (Bibow, 2010; Conway, 2006) еще более усугубила кризис управления в глобальном финансовом мире (Boughton, 2006; Dreher, Vaubel, 2004).

Этот кризис парадоксально сочетается с латентным кризисом доллара, возникшим в результате очень политизированной реализации американских мер, таких как Закон о коррупции за рубежом¹ и Закон о налогообложении иностранных счетов², а также в результате решения американских властей о том, что любое использование доллара автоматически подводит иностранные компании под действие американского законодательства. Это серьезно ограничивало представление, что доллар США является своего рода «товаром общего пользования», который может быть использован любым человеком для торговли или инвестиций. Поскольку доллар США был основным инструментом, которым пользовался МВФ, эти меры напрямую повлияли на доверие к МВФ. В до-

¹ <https://www.justice.gov/criminal/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>

² <https://home.treasury.gov/policy-issues/tax-policy/foreign-account-tax-compliance-act>

кладе французского парламента, написанном в 2016 году³, говорится, что основная проблема возникает из-за того, что для «покупки» долларов транзакции должны обязательно проходить через американский банк, что подпадает под действие американского законодательства. Таким образом, эти меры ускорили кризис в международных институтах управления. Но на этот кризис также косвенно повлияли политизация «большой тройки» рейтинговых агентств и тот факт, что державы, относящиеся к так называемому «Глобальному Западу», не захотели «открыть двери» для развивающихся стран, таких как Китай и Индия (Kuznetsov, 2022). Страны «Глобального Запада» пытались максимизировать «финансовую ренту», иногда в сочетании с «технологической рентой»⁴. Это ставило вопрос о реформируемости международных финансовых институтов с непосредственным влиянием на глобальное экономическое управление (Larionova, Kirton, 2018; Larionova, Sheleпов, 2022). Быстрое сокращение роста экономики еврозоны в настоящее время, а также ослабление конкурентных преимуществ Европейского союза, привело к слабой позиции евро в Международной валютной системе (Polivach, 2020; Shchegoleva, Malsagova; 2020), сконцентрировав все проблемы на долларе США и его управлении.

МВФ, безусловно, оказался институтом, наиболее подверженным критике (Syed, Sukar, 2018; Hackler et al., 2020). Хорошо известно, что политика структурной перестройки вызвала значительное недовольство во многих странах (Bussmann, Schneider, 2007; Hartzell et al., 2010). Это началось в 1980-х годах (Walton, Ragin, 1990; Walton, Seddon, 1994) и продолжается до сих пор. Политика МВФ отражает значительную риторическую и политическую преемственность с неолиберализмом (Weisbrot et al., 2009b), хотя можно отметить — в основном для европейских стран — выраженную несогласо-

³ <http://www.assemblee-nationale.fr/14/rap-info/i4082.asp>. Также см. доклад Национальной ассамблеи Франции: *Rétablir la souveraineté de la France et de l'Europe et protéger nos entreprises des lois et mesures à portée extraterritoriale*, Paris, Assemblée Nationale, 26 juin 2019. Available at : <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/194000532.pdf>

⁴ Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России. Available at: <https://ecfor.ru/publication/transformatsiya-mirovoi-ekonomiki/>

ванность в этих двух областях (Gabel, 2003). Но сегодня МВФ изо всех сил пытается сохранить свою способность проводить политику структурной перестройки и оставаться эталоном во многих странах (Gabel, 2011).

Вопрос о возможной реформе МВФ стал центральным после кризиса субстандартного кредитования (Weisbrot, Johnson, 2009) и роста влияния развивающихся стран, включая Китай и Индию. Однако попытки реформировать этот институт оставались ограниченными (Weisbrot et al., 2009a). В итоге на «Глобальном Юге» легитимность МВФ была значительно подорвана, а потребность в альтернативной организации становится все более очевидной. Действительно, аналитики давно утверждали, что политика играет большую роль в кредитных операциях Международного валютного фонда (Bird, 1996; Thacker, 1999) и что эта организация может быть в значительной степени подвержена влиянию со стороны Казначейства США (Sapir, 2000a). Данная гипотеза, конечно, не была достаточно конкретизирована, но она в значительной степени подразумевает понятие «гегемония» (Cohen, 1986; Keohane, 1984; Schoultz, 1982). Очевидно, что политическая связь с Соединенными Штатами, крупнейшим акционером МВФ, повышает вероятность получения страной кредита МВФ⁵ или предоставления ей более благоприятных условий (Sapir, 2000a). Можно было бы предположить, что окончание холодной войны должно было привести к изменениям в этом вопросе (Killick, 1995). Однако этого не произошло, и было бы ошибкой считать, что после окончания холодной войны МВФ стал менее политизированным. На самом деле, как показывают исследования, с 1990 года его политическое влияние фактически возросло (Soo, Russett, 1996). Поведение многосторонних организаций всегда определяется политическими интересами наиболее влиятельных государств-участников.

Китай пытался усилить свое влияние в МВФ (Ferdinand, Wang, 2013) и в определенной степени в этом преуспел. Хорошим примером такого сотрудничества является включение

⁵ Rowlands D. (1995). Political and Economic Determinants of IMF Conditional Credit Arrangements: 1973–1989” (Manuscript, Norman Paterson School of International Affairs, Carleton University, Ottawa, Ont.)

юаня в валютную корзину МВФ в 2016 году⁶. Подобно США и другим развитым западным странам Китай также принимал решения о сотрудничестве с международными финансовыми институтами (МФИ), исходя из собственных интересов и целей в отношении ключевых экономических и политических вопросов, а также долгосрочного проекта интернационализации своей валюты (Cohen, 2012). Фактически, когда интересы и цели Китая совпадают с интересами и целями МВФ, сотрудничество с МВФ, как правило, приводит к результату, который отвечает потребностям Китая. Однако, если интересы и цели Китая и МВФ расходятся, результат их сотрудничества, а точнее, его отсутствие, может оказаться значительно дестабилизирующим (Kent, 2007). Отношения Китая с МВФ в действительности сильно зависят от отношений с Соединенными Штатами (Foot, Walter, 2011). После второго президентского срока Обамы и первого президентского срока Трампа ухудшение отношений с США делало отношения Китая с МВФ все более проблематичными. Эта тенденция сохранилась и во время президентства Байдена⁷ (Kim, 2023). Тем не менее МВФ по-прежнему отвечает за регулирование глобальных финансов и долгов. Несмотря на сильное недовольство, которое он вызывает, до сих пор не появилось ни одной организации, которая могла бы бросить вызов его господству. Однако ситуация может измениться с созданием Нового банка развития.

Всемирный банк также подвергается глубокой критике с 1990-х годов⁸ (Bello, Guttal, 2005; Girdwood, 2007; Rappleye, Leang, 2018; McCormack, 2018). Разочарование в политике Всемирного банка не ново (Collier, 1997; Easterly, 2002), как и призывы к его реформирова-

⁶ Donnah S., Anderlini J. IMF poised to admit China’s renminbi in elite currency basket. Available at: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/fd81211a-96a9-11e5-9228-87e603d47bdc.html#axzz48GqVm2L2>

⁷ Li M., Hernandez B. US-China relations in the Biden Era: A timeline. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-biden-era-a-timeline/>

⁸ Woods N. (2003). Unelected governments: Making the IMF and World Bank more accountable. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/unelected-government-making-the-imf-and-the-world-bank-more-accountable/>; Why the World Bank must do better at Doing Business. Available at: <http://www.ituc-csi.org/why-the-world-bank-must-do-better?lang=en/>.

нию (Mosley et al., 1995). Одним из моментов, на который обращали внимание многие критики, была его согласованность с американской политикой (Andersen et al., 2006; Clark, Dolan, 2021).

На протяжении большей части послевоенного периода Банк пользовался почти полной монополией в двух сферах: финансирование и знания в области проблем и процессов развития. Хотя Всемирный банк сохраняет свое значение в области знаний о развитии, сектор финансирования развития стал более конкурентоспособным благодаря созданию ряда новых институтов развивающимися странами (Güven, 2017). Был четко обозначен риск того, что Всемирный банк превратится в еще одно агентство, управляемое богатыми странами для оказания помощи более бедным странам (Birdsall, Subramanian, 2007; Birdsall, Scott, 2016). Национальные государственные гиганты, например Банк развития Китая и Эксимбанк Китая (Korpiński, Qian, 2014), по некоторым данным (по крайней мере, в отдельные годы), предоставили Африке больше кредитов, чем Всемирный банк. Такая ситуация, безусловно, вызывает неловкие вопросы.

Кризис COVID-19, который сегодня рассматривается как один из самых тревожных звонков о необходимости многостороннего подхода, только усилил давление⁹; богатые страны направляют свои ресурсы и внимание на собственные внутренние проблемы и не проявляют особого желания бороться с пандемией за пределами своих границ¹⁰. На самом деле Всемирный банк изо всех сил пытается развеять сомнения в собственной легитимности и кризисе неактуальности, которые преследуют его уже много лет. Очевидно, что Новый банк развития (НБР) БРИКС может стать одним из возможных игроков, способных бросить вызов главенству Всемирного банка (Kanbur, 2017).

Кроме того, есть ВТО, которая исчерпала свой потенциал, как мы видели на примере провала «Дохийского раунда» (Stephen, 2019). На момент создания организации в 1995 году¹¹

⁹ <https://www.bloomberg.com/news/videos/2020-05-21/reinhart-says-covid-19-is-the-last-nail-in-the-coffin-of-globalization-video>

¹⁰ Guterres A. (2020). Global wake-up call. Available at: <https://www.un.org/en/coronavirus/global-wake-call>

¹¹ О замене ГАТТ на ВТО см. Sapir J. (2022). *Le Protectionnisme*. Paris: PUF, Coll. Que-Sais-Je.

ее основными функциями были «обеспечение площадки для переговоров между ее членами по вопросам их многосторонних торговых отношений»¹² и «управление Договоренностью о правилах, положениях и процедурах, регулирующих разрешение споров»¹³. Последнюю функцию выполнял Орган по разрешению споров (ОРС), который называют «венцом» и «центральной опорой многосторонней торговой системы»¹⁴ (Creamer, 2019).

Но очень быстро у так называемых «развивающихся» или «формирующихся» стран возникло ощущение, что они проиграли «Уругвайский раунд», получили плохое соглашение и что им пришлось многое отдать за обманчивое вознаграждение. Например, они быстро поняли, что соглашение по сельскому хозяйству и соглашение по текстилю и одежде далеко не всегда дают им доступ на рынок развитых стран, что, собственно, и было одной из причин их вступления в ВТО (Jones, 2009). Таким образом, попытка запустить «Дохийский раунд» закончилась оглушительным провалом. В целом переговоры были настолько противоречивыми и неудачными, что сейчас принято говорить о «клинической смерти Дохийского раунда». В ответ на это все больше государств стали обращаться к двусторонним и региональным экономическим партнерствам. Недавнее заключение таких соглашений, также называемых «соглашениями нового поколения», как Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, или злополучное СЕТА, или Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между Европейским союзом и Канадой, а также длительные переговоры по Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству, возглавляемому Китаем и включающему 16 государств Азии и Океании, являются, вероятно, лучшими примерами этой тенденции¹⁵.

¹² Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, 15 апреля 1994 г., 1867 UNTS 154, ст. III.2 и III.3.

¹³ Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, Приложение 1С, 33 ILM 1197, 15 апреля 1994 г.

¹⁴ Payosova G., Hufbauer C., Schott J.J. (2018). *The Dispute Settlement Crisis in the World Trade Organization: Causes and Cures*. Policy Brief, 18-5.

¹⁵ Harding R., Reed J. *Asia-Pacific countries sign one of the largest free trade deals in history*. Available at: <https://www.ft.com/content/2dff91bd-ceeb-4567-9f9f-c50b7876adce>

Результатом стало значительное увеличение числа региональных соглашений, нарушающих принципы ВТО. С 2009 по 2022 год их количество возросло с 287 до 577¹⁶. Это одновременно и явный показатель кризиса ВТО, и подтверждение возрастающей роли регионализма (Lebedeva, Kuznetsov, 2019; Izotov, 2021). Увеличилось и количество новых протекционистских мер, введенных против других стран (Kuznetsov, 2022, p. 191). Было ли сокращение мировой торговли результатом этих мер или, наоборот, эти меры были реакцией на стагнацию и спад мировой торговли, еще предстоит выяснить (Sarıg, 2021).

Сегодня очевидно, что институты глобальной экономики переживают кризис, открытый или латентный. Это одновременно и результат кризиса «Вашингтонского консенсуса», с которым ассоциировались МВФ и Всемирный банк (Sarıg, 2000b), и результат радикального изменения баланса экономических сил с 1990-х годов, затянувшихся или слишком запоздалых реформ, и появления нового коллективного субъекта — БРИКС. Этот субъект теперь достаточно влиятелен, чтобы внести существенные изменения в структуру управления мировой экономикой. В борьбе за радикальную реформу глобальных экономических институтов он может потребовать либо увеличения доли существующих институтов, либо полного изменения правил и норм, их определяющих. По сути, оба направления вызывают серьезный кризис существующих институтов. Но любой кризис никогда не заканчивается сам по себе.

Действительно, кризис и даже крах институтов, возникших в период господства «коллективного Запада», не будет полным до тех пор, пока не будут созданы новые институты взамен старых. По сути, то, что мы называем «кризисом», — это период времени между неспособностью старых институтов играть свою привычную роль и появлением новых, которые могли бы их заменить¹⁷.

¹⁶ База данных региональных торговых соглашений ВТО. Available at: <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx>

¹⁷ Грамши А.: «Кризис заключается именно в том, что старое уже умирает, а новое ещё не может родиться; в этом междуцарствии возникает множество разнообразнейших патологий». Источник: Cahiers de Prisons [Тюремные тетради. Перевод с итальянского]. Paris: Gallimard. Тетрадь 3, §34, с. 283.

Далее рассмотрим возможные схемы создания институтов на примере Нового банка развития.

От БРИКС к БРИКС+: два десятилетия прогресса

Появление БРИКС, а затем БРИКС+, безусловно, стало самым важным событием последних двадцати лет (Cochrane, Zaidan, 2024). Присоединение к этой организации четырех новых стран в 2023 году и возможное присоединение других стран в ближайшие годы свидетельствуют о ее динамичности и силе притяжения¹⁸, что недавно признал даже европейский аналитический центр «Брейгель»¹⁹. Поэтому следует проанализировать прогресс БРИКС за последние годы, чтобы понять глубинные течения, негативно влияющие на институты глобальной экономики.

Аббревиатура БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — была введена Джимом О’Нилом, экономистом банка «Goldman Sachs», двадцать лет назад²⁰. В своей статье он анализировал впечатляющий экономический рост, который ожидает эту группу стран, а также последствия таких тенденций для международной политической экономики. Процесс, начавшийся в 2006 году в рамках Генеральной ассамблеи ООН, был институционализирован в 2009 году на первом саммите БРИК в Екатеринбурге, а XVI саммит БРИКС состоялся в октябре 2024 года в Казани. Влияние этой новой организации значительно возросло в мире, где регионализм становится все более актуальным (Kuznetsov, 2020). Развитие нового направления регионализма (Voskressenski, Koller, 2019) как следствие неудавшейся глобализации под руководством «Глобального Запада», вероятно, сыграло важную роль в успехе БРИКС (Shlykov, 2017; Voskressenski et al., 2017).

¹⁸ Hancock T., Cohen M. How BRICS became a club that others want to join. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-03/how-brics-became-real-and-invited-saudis-iran-egypt-uae-ethiopia-argentina>

¹⁹ Garcia-Herrero A. BRICS is becoming a more solid construction. Available at: <https://www.bruegel.org/first-glance/brics-becoming-more-solid-construction>

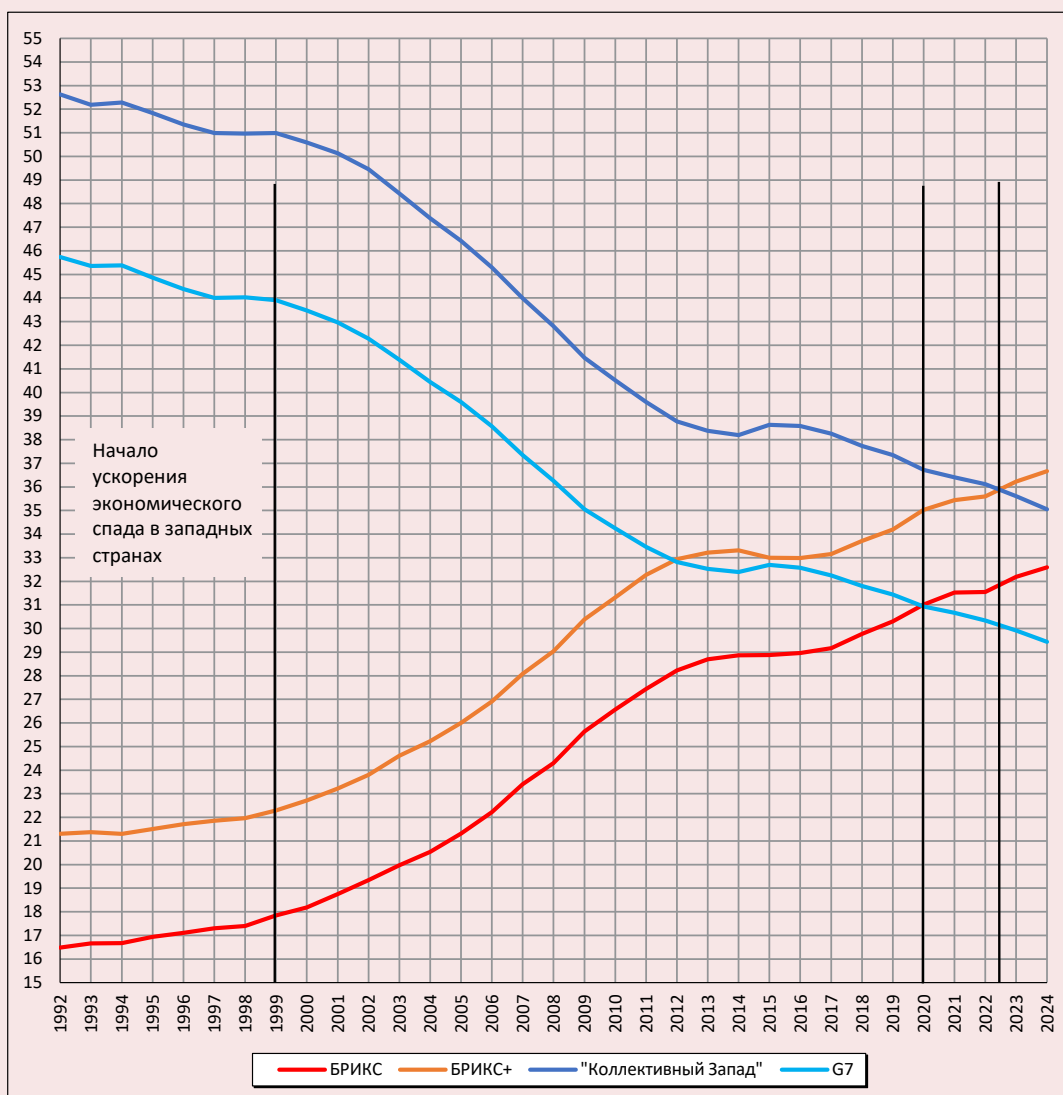
²⁰ O’Neill J. (2001), Building better global economic BRICs. Available at: <https://www.goldmansachs.com/insights/archive/building-better.html>

В эти три судьбоносных года мир столкнулся с масштабным финансовым кризисом, известным как «кризис субстандартного кредитования», с которым ни США, ни МВФ не смогли справиться (Sapir, 2009). Оглядываясь назад, можно отметить, что кризис вызвал у четырех стран желание попытаться организовать более совершенную систему управления валютой и торговлей (Наууаг, 2016). В 2011 году к БРИК присоединилась ЮАР

как наиболее экономически успешная страна «Глобального Юга», что превратило БРИК в БРИКС.

Вместе с ЮАР на страны БРИКС приходится 26% мировой территории, а их общий мировой ВВП (по ППС) вырос с 25,6% в 2009 году до 32,2% в конце 2023 года (рисунок). Утверждение о том, что БРИКС представляет интересы «глобального большинства», становится все более убедительным²¹. Создание БРИК, а затем

Доля БРИКС и БРИКС+ в мировом ВВП по ППС по сравнению с западными странами

Источник: МВФ.

²¹ Юрий Ушаков: БРИКС на деле выражает интересы мирового большинства. Available at: <https://brics-russia2024.ru/en/interview/yuriy-ushakov-briks-na-dele-vyrazhaet-interesy-mirovogo-bolshinstva/>

БРИКС, было встречено как с определенным скептицизмом, так и с осторожным энтузиазмом, в зависимости от мнения разных авторов; организацию называли то «свободной ассоциацией», то «потемкинской деревней»²², то «клубом по интересам» (Sagan, 2015). Очевидно, что «Глобальный Запад» обеспокоен развитием БРИКС (Pavlenko, 2009). Однако со временем влияние группы значительно выросло. Это было подтверждено на XVI саммите БРИКС в Казани, где статус «партнера» получили уже 13 стран²³.

Это, несомненно, страны с общими экономическими устремлениями и схожими представлениями о типе многостороннего сотрудничества и изменениях в глобальной политической экономике, которые необходимы для его достижения. В каком-то смысле БРИКС можно рассматривать как продолжение так называемой «доктрины Примакова», о которой говорил С.В. Лавров²⁴. Очевидно, что эта организация играла значительную роль в российской внешней политике задолго до начала вооруженных действий в Украине в 2022 году (Kadyshev, 2010; Larionov, 2012; P'in et al., 2013). Тем не менее именно эти основополагающие экономические устремления способствовали оживлению потоков капитала внутри и между странами БРИКС в условиях финансового вакуума в мире после финансового кризиса (Radulescu et al., 2014). Фактически БРИКС растет, привлекая все больше и больше стран. В 2023 году, во время XV саммита, организация решила принять в свои ряды шесть новых стран. Несмотря на то, что приглашение приняли только пять из них (по политическим причинам Аргентина отклонила приглашение), 1 января 2024 года БРИКС преобразовалась в БРИКС+ с общим ВВП (по ППС) 36,2%. БРИКС стала равной G7, а БРИКС+ сократила разрыв с так называемым «коллективным Западом». Возможное присоединение Саудовской Аравии и фактическое присоеди-

нение Ирана, естественно, имеет важное политическое и коммерческое значение²⁵.

Но было бы ошибочным полагать, что БРИКС занимается только торговлей, деньгами и финансированием. БРИКС можно рассматривать как инструмент для развития технологического сотрудничества, позволяющего странам преодолеть «технологическую ренту» «Глобального Запада» (Edler et al., 2023). Развитие технологического суверенитета было определено многими странами как приоритетная цель. Однако технологический суверенитет может быть достигнут более эффективно за счет сотрудничества, чем за счет злополучного возвращения к автаркии (March, Schieferdecker, 2023; Gareev, 2023). В этом контексте значение БРИКС для России может быть весьма важным (Dezhina, Gareev, 2024). Очевидно, что БРИКС способствует развитию сотрудничества и взаимодействия, позволяя странам-участницам укреплять свой технологический суверенитет (Rensburg et al., 2015; Sidorova, 2018). Развитие отношений между Бразилией и Индией (Lema et al., 2015) и, конечно, между Китаем и Россией является примером этого процесса (Gao Jixiang, Jiang Jing, 2022; Changjun, Kolesov, 2022). Такое сотрудничество может иметь и прикладной аспект, например, сотрудничество по «Арктическому маршруту», важное как для России, так и для Китая (Yaxin Wang, 2023).

Тем временем стало ясно, что «глобализация» вошла в глубокий кризис (Sapir, 2015), который признали даже в Бреттон-Вудских организациях. Кармен Рейнхарт, главный экономист Всемирного банка, заявила, что пандемия COVID-19 «...забила последний гвоздь в крышку гроба глобализации»²⁶. Затем БРИКС стала амбициозным блоком с собственной внутренней динамикой, который проводит ежегодные саммиты, имеет дипломатические амбиции, участвует в масштабных инфраструктурных проектах в пределах своих национальных

²² Pomeranz W. Why Russia needs the BIRCS. Available at: <https://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics>

²³ <http://www.republicworld.com/world-news/kazan-declaration-adopted-at-brics-summit>

²⁴ Сергей Лавров: В недалёком будущем историки сформулируют такое понятие, как «доктрина Примакова». Available at: <http://itar-tass.com/politika/1537769>

²⁵ Harmon R. How Saudi Arabia's BRICS membership could affect trade in the region. Available at: <https://www.logisticsmiddleeast.com/business/how-saudi-arabias-brics-membership-could-affect-trade-in-the-region>

²⁶ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-21/reinhart-says-pandemic-is-last-nail-in-globalization-s-coffin>; <https://www.hks.harvard.edu/centers/mrcbg/programs/growthpolicy/reinhart-says-covid-19-last-nail-coffin-globalization-carmen>

границ, а также в транснациональных проектах в своих регионах. БРИКС использовала свою экономическую мощь, создав новый кредитный институт — Новый банк развития, в который вошли страны, еще не являющиеся членами БРИКС²⁷, — и бросив вызов гегемонии европейских и североамериканских стран в сфере международных финансов. Создание НБР стало знаменательным событием. Это первый институт в чрезвычайно важной области, основанный незападными странами.

Экономические устремления БРИКС ставили под сомнение и даже заменяли Бреттон-Вудские институты. НБР способствовал оживлению потоков капитала внутри и между странами БРИКС в условиях финансового вакуума в мире после финансового кризиса. В 2017 году, спустя почти десять лет после финансового кризиса 2008 года, на страны БРИКС приходилось 19% глобальных инвестиционных потоков (García, Bond, 2019). Большая часть этих финансовых потоков была направлена в капиталоемкие инфраструктурные проекты. В настоящее время региональная роль БРИКС очевидна (Chakraborty, 2018), и она постепенно расширяется в сторону глобальной (Loewe, 2016)²⁸.

Однако с 1990-х годов страны БРИКС пережили радикальную трансформацию своей политико-экономической структуры. Общей чертой в рамках разнородного опыта экономического развития этих стран стало то, что государство активно принимало политические меры по мобилизации ресурсов, торговой политике, государственным закупкам, стимулированию общественного спроса и предоставлению финансовой поддержки (Santiago, 2020).

Роль государства в экономическом развитии в странах БРИКС принимала различные формы (Di Maio, 2015), но была и остается, несомненно, важной. Благодаря этому страны БРИКС бросают вызов глобальным экономическим институтам, созданным Западом и ориентированным на него. Однако этот вызов должен быть

определен. Будет ли он адаптивным или радикальным по своей природе и как он будет учитывать растущую структурную власть БРИКС?

Институциональная власть и институциональное укрепление

Но какова истинная природа вызова со стороны БРИКС (а теперь и БРИКС+)? Чтобы понять динамику, обратимся к теоретическим элементам международной политической экономики, а также к другим теориям. Рассмотрим две основные концепции с высоким эвристическим потенциалом: концепцию «структурной власти», в основном связанную с именем Сьюзен Стрэндж, и концепцию Альфреда Хиршмана «Голос — Выход».

БРИКС (БРИКС+) — это одновременно и политическая, и экономическая организация. Ее экономическая и политическая мощь возросла в последние годы, но особенно после 2020 года и кризиса COVID-19. Символично и то, что в определенной степени ее участников можно считать представителями «Глобального Юга»²⁹.

Именно в этом контексте следует оценивать создание Нового банка развития. Можно было бы подумать, что НБР будет неким внутренним механизмом, нацеленным на стимулирование инвестиций и торговли внутри БРИКС (Morozkina, 2015). Но члены БРИКС с самого начала решили сделать НБР многосторонним институтом, способным работать за пределами группы. Это решение изменило смысл создания НБР. В дальнейшем НБР развивал партнерские отношения с различными государствами и финансовыми институтами, но на очень прагматичной основе (Nanwani, 2024), стремясь постепенно расширить сферу своего влияния. Он разработал специальную программу экологического перехода и затем напрямую конкурировал с Всемирным банком (Braga et al., 2022). Таким образом, создание НБР стало первой и пока наиболее важной попыткой институционального укрепления БРИКС. Можно утверждать, что НБР является одновременно призна-

²⁷ NDB admits Egypt as new member. Press Release on 29th December 2021. Available at: <https://www.ndb.int/press-release/ndb-admits-egypt-as-new-member>

²⁸ <https://www.banque-france.fr/en/publications-and-statistics/publications/expansion-brics-what-are-potential-consequences-global-economy#:~:text=With%20the%20expansion%2C%20the%20new,of%20commitment%20to%20inclusive%20multilateralism>

²⁹ Carvalho L.R. BRICS: The global south challenging the status-quo. Available at: <https://globaleurope.eu/globalization/brics-the-global-south-challenging-the-status-quo/>; Expansion of BRICS: What are the potential consequences for the global economy? Available at: <https://www.banque-france.fr/en/publications-and-statistics/publications/expansion-brics-what-are-potential-consequences-global-economy>

ком и источником структурной власти БРИКС. Для начала рассмотрим, что такое «структурная власть» и как следует использовать это понятие.

Структурная власть (Fairfield, 2015; Culprer, 2015; Hayward, 2018; Godefroid et al., 2024) обычно рассматривается как власть, организованная вокруг обязательных, институциональных и реляционных измерений, присущих «социальной структуре, за пределами сознательного осуществления» (Barnett, Duvall, 2005). Структурная власть резко контрастирует с реляционной властью, которая подчеркивает усилия по максимизации ценностей в рамках данного набора институциональных структур. Структурная власть подчеркивает мета-власть, которая относится к усилиям по изменению институтов (или изменению игры). Очевидно, что БРИКС+ пытается поставить под сомнение, модифицировать и, возможно, даже изменить глобальное управление (Stuenkel, 2016).

Сюзен Стрэндж, безусловно, является автором, приложившим значительные усилия для возвращения понятия власти в международную экономику, и она внесла свой вклад в создание международной политической экономии (Cohen, 2008). Но, хотя она справедливо утверждала, что власть была и остается центральным элементом международной политической экономии (Poast, 2019), она также попыталась определить и уточнить понятие «власть».

Сюзен Стрэндж определяет структурную власть как власть, позволяющую формировать и определять структуры глобальной политической экономии, в рамках которой взаимодействуют другие государства (Strange, 1994), их политические и правовые институты, а также их экономические предприятия. Это можно понимать как власть, определяющую правила игры, явные или неявные нормы поведения. Затем Стрэндж выделяет четыре ключевые структуры власти в глобальной экономике: (1) безопасность, (2) производство, (3) финансы и (4) знания. Среди них она определяет финансовую структуру как ядро глобального экономического управления, отсюда вытекает актуальность международных финансовых рынков, которые могут приобретать собственную динамику (Strange, 1986; Strange, 1998), и многостороннего банка развития, такого как НБР, «особенно потому, что последний не был создан западными державами. Это особенно

важно, учитывая, что «структурная власть» тесно связана с понятием «гегемония» (Katzenstein et al., 1998). Она также утверждает, что финансовая структура мировой экономики опирается на два столпа: политэкономические структуры, с помощью которых создаются кредиты и в которых власть разделяют правительства и банки, и второй столп, состоящий из национальных валютных систем, создающих глобальную надстройку (Strange, 1994).

Однако анализ Сюзен Стрэндж вызывает ряд вопросов. Первый заключается в том, что такой подход носит непреднамеренный характер, т. е. во внимание не принимаются различные стратегии субъектов или долгосрочные проекты. Второй заключается в том, что данный подход слишком узок и исключает возможность формирования международных торговых институтов. Третий связан с недостаточным теоретическим объяснением причинно-следственных механизмов структурной власти.

Тем не менее понятие «структурная власть» имеет центральное значение, тем более если вспомнить, что Стрэндж определила ее как власть, позволяющую формировать и детерминировать структуры глобальной политической экономии – власть, которая сегодня важна как никогда. Упомянутые проблемы, несомненно, касаются более чем одной формы неполноты теории, разработанной Сюзен Стрэндж. Они не ставят под сомнение центральное значение концепции структурной власти. Что действительно важно для нас, это понять, как создание НБР «структурной властью» БРИКС повлияло на финансовую структуру, проявившуюся в переходе от «власти влиять» к «власти вредить».

В течение 15 лет мы наблюдаем ослабевание сверхдержавы (США), которая пыталась сохранить остаточную способность влиять на международные решения, либо объединив усилия с другими западными странами, либо путем односторонних действий. С другой стороны, мы наблюдаем за действиями стран-оппонентов – БРИКС. Они постепенно перешли от формы относительной совместимости, которая не является идентичностью, со старым видением сверхдержавы к очевидной несовместимости и даже к выражению откровенно противоречивых мнений. Именно этот конфликт, или, по крайней мере, столкновение несовпадающих интересов, важен в данном случае.

Никто не станет оспаривать тот факт, что Соединенные Штаты и, в глобальном масштабе, так называемый «коллективный Запад» обладали и продолжают обладать сильной, хотя и размытой, структурной властью, особенно в отношении финансовых структур, над которыми они привыкли полностью доминировать. Пока неясно, достигли ли страны БРИКС того момента, когда и они будут обладать значительной структурной властью в этой сфере, и смогут бросить вызов гегемонии Запада. Здесь произошел серьезный глобальный сдвиг (Roberts et al., 2017).

Несомненно, значительным был подъем БРИКС в сфере финансирования развития (Schirm, 2010). Как уже говорилось выше, НБР наладил различные виды партнерства в разных областях и приобрел чрезвычайно важный уровень компетентности и доверия. Это означает, что страны, которые пытаются бросить вызов гегемонистской власти Запада, никогда прежде не имели такого уровня доверия, а новые субъекты больше не видят совместимости интересов и идей со старыми доминирующими силами.

Это новое и важное событие. Две влиятельные страны БРИКС – Китай и Индия – по-видимому, разделяли идеи и представления с «коллективным Западом» в 1990-х и начале 2000-х годов (Ju, 2018). То же самое можно сказать и о России, по крайней мере, до финансового кризиса 2008–2010 годов. Каким бы ни был конфликт интересов в других сферах (а одной из важнейших была гражданская война в бывшей Югославии и косовский вопрос 1998–1999 гг.), Россия смирилась с американской финансовой гегемонией и старалась использовать ее наилучшим образом. Но после «кризиса субстандартного кредитования» ситуация стала быстро меняться. Один из авторов заинтересовался советами, поступавшими от МВФ во время кризиса 2008–2010 гг., и пояснил, что тогда мог разразиться конфликт и что этим можно объяснить переход от совместимости к несовместимости (Chin, 2010). На самом деле конфликт между Россией и МВФ начался намного раньше, он восходит к российскому финансовому краху 1998 года (Sapir, 1998; Sapir, 1999a; Sapir, 1999b). Но этот конфликт не помешал России после стабилизации ситуации обратиться к мировым финансовым рынкам и в целом играть в игру финансовой глобализации,

по крайней мере, до 2010/2012 годов. Таким образом, именно с «кризиса субстандартного кредитования» начинается осознание несовместимости интересов России с гегемонией США в финансовой и торговой сферах. Здесь необходимо рассмотреть возможные причины политики «разрыва», назовем ее «выходом», со стороны стран БРИКС.

Возможное объяснение кроется в неспособности западных государств, в частности США, справиться с кризисом. С этим могли бы согласиться, по крайней мере, Китай, Индия и Россия, и убедить Китай построить так называемую «Великую стену денег» (Chin, 2014). Это в определенной степени заметил и сам Б. Бернанке³⁰.

Другим возможным объяснением может быть тенденция к усилению политизации экономики, которая стала очевидной с 2014–2016 годов, сначала с введением санкций против России (2014), Ирана, затем с тенденцией к одностороннему использованию позиции доллара США, о которой говорилось в начале первой части этой статьи.

Какой бы ни была главная причина, следует помнить, что они могут сочетаться, изменения уже очевидны. Даже если мы еще далеки от разговоров о «дедолларизации» и создании «общей валюты БРИКС»³¹, очевидно, что страны БРИКС заняли наступательную позицию по отношению к пост-Бреттон-Вудскому мировому порядку.

Подход «структурной власти» Стрэндж определяет социальные возможности различных субъектов. Дополненный конструктивистским подходом к международным нормативным структурам, он может оказаться очень полезным при рассмотрении новой роли БРИКС в глобальном управлении. Мы видим шаг к созданию институционального показателя эффективности БРИКС в глобальном экономическом управлении.

Однако полноценный анализ появления БРИКС в глобальном управлении требует нового структурного подхода к власти. Здесь сле-

³⁰ Bernanke B. (2015). China's gold star. Available at: <http://www.brookings.edu/blogs/ben-bernanke/posts/2015/12/01-chinas-gold-star>.

³¹ BRICS currency “plausible alternative” to dollar hegemony. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1290700.html>

дует упомянуть Дугласа Норта, чьи идеи могли бы дать подсказки о компромиссе, лежащем в основе процесса создания нового института, по сравнению с процессом попытки изменения или эволюции существующего института (North, 1990). Но еще более плодотворно опираться на концепцию Альфреда Хиршмана «Голос – Выход». Она позволяет понять путь, пройденный странами БРИКС в использовании их растущей «структурной власти» и эволюцию их позиции по отношению к институтам, порожденным «Глобальным Западом», с начала 2005 года и до настоящего времени.

В центре концепции Хиршмана – пара «Выход – Голос», к которой можно добавить «Верность» (Hirschman, 1970). Цена «выхода» из группы представлена риском возникновения ситуации фрагментированной многосторонности, а цена недостаточного «голоса» означает снижение способности влиять на принципы и процедуры финансирования развития, а затем принимать решения, не отвечающие собственным интересам.

Эта пара возникает, когда один из членов требует увеличения полномочий по принятию решений и готов взять на себя расходы, увеличивая ресурсы, которые он вкладывает в систему, будучи уполномоченным на это доминирующими субъектами (здесь имеется в виду «коллективным Западом», или «Глобальным Западом»). В случае БРИКС требование расширить полномочия по принятию решений в рамках институтов глобального управления усилило их скрытое недовольство до такой степени, что доминирующие страны, казалось, не желали прислушиваться к их «голосу». Это привело к поиску альтернативных средств укрепления своей власти путем появления институтов, параллельных институтам, созданным и направляемым Западом.

С этой позиции Новый банк развития можно рассматривать как воплощение в жизнь варианта «выход». Страны БРИКС выбрали альтернативный вариант, вместо того чтобы пытаться влиять на существующие институты с помощью «голоса». Но они сделали это ценой фрагментации многосторонних отношений. Представляет интерес вопрос о том, почему страны БРИКС выбрали именно этот вариант и продолжили его реализацию в последние годы. На начальном этапе существо-

вания БРИКС (2006–2012 гг.) они, похоже, пытались заставить западные страны прислушаться к ним. На самом деле их не воспринимали всерьез, по крайней мере поначалу.

Возможная интерпретация заключается в том, что страны БРИКС сознательно выбрали стратегию выхода, во-первых, понимая, что их требования о большем равенстве в международных институтах повсеместно отвергаются или игнорируются, во-вторых, наблюдая неспособность США и других стран справиться с кризисом субстандартного кредитования. Даже сделав этот выбор, БРИКС пыталась представить НБР как дополнение к существующим финансовым институтам (Shetiya, 2017), как своего рода смешанную стратегию, сочетающую «голос и выход», по крайней мере до 2016–2017 года, прежде чем поменять направление и бросить США и их сторонникам прямой вызов. Это означает, что страны БРИКС проявляли значительную осторожность и решились на полноценную стратегию выхода только после того, как убедились, что других вариантов не существует.

Здесь также поднимается вопрос о том, почему «Глобальный Запад» не знал и не хотел слышать требований этих стран и замкнулся на своей уверенности в том, что всегда сможет иметь средства контроля над мировой экономикой. Объявление на XVI саммите БРИКС в Казани³² о создании системы BRICS-Clear³³, общей перестраховочной компании БРИКС³⁴, а также об организации продовольственного рынка, который дополнит и даже заменит чикагский, свидетельствует о том, что структурная

³² Kazan Declaration: “Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security”. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/en/RosOySvLzGaJtmx2wYFv0IN4NSPZploG.pdf>; <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/38450/Kazan+Declaration++Strengthening+Multilateralism+For+Just+Global++Development+And+Security>

³³ Kazan Declaration, #65, #66, #67; BRICS states to study possibility of establishing BRICS Clear infrastructure – Declaration. Available at: <https://tass.com/world/1860743>; BRICS summit: Key takeaways from the Kazan declaration. Available at: <https://www.reuters.com/world/factobox-main-points-brics-declaration-2024-10-23/>; Ledger Insights – Blockchain for business. BRICS+ expands plans from DLT payments to DLT clearing and depositary”. Available at: <https://www.ledgerinsights.com/brics-expands-plans-from-dlt-payments-to-dlt-clearing-and-depositary/>

³⁴ Kazan Declaration, #66.

власть БРИКС действительно растет. Это подтверждает, что принятие стратегии выхода стало важнейшим путем для стран БРИКС, даже если они все еще имеют обязательства перед другими институтами, например Организацией Объединенных Наций³⁵, но при этом дают им ряд сильных рекомендаций, что является хорошим примером стратегии голоса, подкрепленной предыдущим примером стратегии выхода. Похоже, что страны БРИКС осознают наличие остатков структурной власти у «Глобального Запада» и не хотят вступать в глобальную конфронтацию.

Для чего в этом контексте нужен Новый банк развития?

Далее перейдем от экономики к политике, следуя примерно по тому же пути, который описала Сьюзен Стрэндж. Может ли Новый банк развития сыграть решающую роль в долгой борьбе за то, чтобы сделать глобальное управление справедливым и честным по отношению к странам «Глобального Юга» (Larionova, Sheleпов, 2022)? Действительно ли Новый банк развития отличается по своей структуре и практикам от международных институтов³⁶, созданных «Глобальным Западом», и представляет ли он реальную альтернативу им³⁷? Другими словами, ограничивается ли разница тем, что НБР является «незападным» институтом, или же НБР еще и опирается на другие правила, возможно, более благоприятные для развивающихся стран?

Бреттон-Вудские институты были созданы в условиях американской гегемонии. Даже если в отношении ВТО все не так однозначно, можно сказать, что американское влияние было чрезвычайно сильным при принятии ГАТТ в том виде, в котором оно существовало в начале 1960-х годов. Их влияние было очень велико при создании внутренних правил ВТО. Это

³⁵ Kazan Declaration, #8, #11, #15.

³⁶ Kasahara S. BRICS New Development Bank: Its birth & major implications to international political economy. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/BRICS-New-Development-Bank%3A-Its-Birth-%26-Major-to-Kasahara/01ab0d7c433df04b4ecc4a71c44ddc0998eb1eb6>

³⁷ Toussain E. Are the BRICS and their New Development Bank offering alternatives to the World Bank, the IMF and the policies promoted by the traditional imperialist powers? Available at: <https://www.cadm.org/Are-the-BRICS-and-their-New-Development-Bank-offering-alternatives-to-the-World>

неудивительно, если вспомнить расстановку сил в 1944 году или в начале 1980-х гг. Нельзя забывать и о важности «Вашингтонского консенсуса» в формировании решений МВФ и Всемирного банка в 1990-е гг. Это имело серьезные последствия, особенно для России (Sapir, 2000b). Но создание НБР происходило в совершенно ином контексте, и необходимо еще раз вернуться к созданию НБР и его развитию.

Как мы уже говорили, создание Нового банка развития впервые рассмотрено странами БРИКС в 2012 году, но официальное соглашение было подписано только в 2014 году в Форталезе, а инаугурационное заседание совета управляющих состоялось 7 июля 2015 года³⁸. НБР начал функционировать в 2016 году со штаб-квартирой в Шанхае³⁹. В 2017 году был открыт региональный офис в ЮАР⁴⁰, в 2019 году – региональный офис в Сан-Паулу, затем еще по одному офису в Индии и России. В 2021 году в НБР были приглашены Бангладеш и Объединенные Арабские Эмираты, а в 2023 году – Египет. На тот момент эти новые участники не входили в БРИКС. Уругвай также имел статус «потенциального участника», который был принят советом управляющих НБР, и официально станет государством-участником после того, как сдаст документы о присоединении⁴¹. Первоначальный уставный капитал НБР составляет 100 миллиардов долларов США и разделен на один миллион акций номинальной стоимостью сто тысяч долларов каждая.

Учредители НБР провели первоначальную подписку на пятьсот тысяч акций на общую сумму 50 миллиардов долларов США, в том числе на сто тысяч акций, соответствующих оплаченному капиталу в размере 10 миллиардов долларов США, и на четыреста тысяч акций, соответствующих капиталу к востребованию в размере 40 миллиардов долларов США. Первоначальный подписной капитал был распределен поровну между странами-учредителями. Членство в банке открыто для всех участ-

³⁸ Agreement on the New Development Bank – Fortaleza, July 15. Available at: <https://www.ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-NewDevelopment-Bank.pdf>

³⁹ <https://www.wsj.com/articles/brics-agree-to-base-development-bank-in-shanghai-1405453660>

⁴⁰ <https://www.ndb.int/about-ndb/history/>

⁴¹ <https://www.ndb.int/about-ndb/members/>

ников Организации Объединенных Наций, что означает, что банк ожидает большого числа будущих членов. Была быстро определена стратегия банка и поставлены цели на ближайшие годы⁴². Первый кредит был подписан в конце 2016 года⁴³, и кредитный портфель банка быстро вырос за счет суверенных кредитов и кредитов с суверенной гарантией⁴⁴. Акцент был сделан на национальном развитии и партнерстве с другими финансовыми институтами⁴⁵. Таким образом, НБР – институт, который стремится быть действительно международным (не ограничиваясь членами БРИКС) и который, по крайней мере в своих текстах, не позиционирует себя как альтернативу, даже если в действительности он начинает представлять собой таковую.

Теперь остается выяснить, какова диффузия власти в рамках НБР. Можно предположить, что она обусловлена двумя основными факторами: во-первых, размером акционеров (доминирующей силой может оказаться Китай), во-вторых, отношениями между заемщиками и кредиторами (Humphrey, 2014). Но если эти критерии применить к НБР, то мы увидим, что состав банка имеет более многостороннюю перспективу, чем МВФ или Всемирный банк. Об этом свидетельствует распределение долевого участия, изначально поровну между всеми членами БРИКС. Кроме того, существует критерий общности, который хорошо вписывается в перспективу развивающейся рыночной экономики, в частности, у НБР нет главного акционера и власть НБР не осуществляется в одном общем регионе (Cooper, 2017). НБР представляет собой уникальный случай среди международных финансовых организаций, поскольку он не

поляризован ни формально, ни неформально одной «доминирующей» страной, а в действительности является «многополярным».

Что касается отношений между заемщиком и кредитором, то существующие многосторонние финансовые институты развития, как правило, устанавливают две формы взаимоотношающих отношений: отношения «заемщик – кредитор» и отношения «заемщик – заемщик»⁴⁶. Первые представляют собой строго зависимые отношения, которые приводят к получению выгоды для кредитора. НБР открыт для обоих типов отношений. Стратегия банка предусматривает как отношения «заемщик – кредитор», так и «заемщик – заемщик»⁴⁷ через предоставляемые им гарантии. Это привело к разработке финансовых продуктов, к которым члены и не члены банка могут получить доступ по рыночной стоимости⁴⁸. Таким образом, парадигма НБР отличается от классической институциональной парадигмы, принятой в других международных финансовых институтах (Humphrey, 2015). Эти два условия стали важными переменными, влияющими на уровень диффузии власти.

Подход с позиций структурной власти обеспечивает хорошую основу для определения интересов и возможностей акционеров (самих стран БРИКС) и новых властных отношений, созданных в рамках кредитных программ, которые имеют новые альтернативные практики, как показано в очень информативной таблице, которую можно найти в (Duggan et al., 2022). Проведя анализ на основе меморандумов о взаимопонимании со стороны кредиторов, авторы показывают, что структура НБР значительно отличается от структуры других многосторонних банков развития (МБР) (Hooijmaaijers, 2021). Его архитектура явно инновационная (Acioly da Silva, 2019). Это четко

⁴² NDB's General Strategy: 2017–2021. Available at: <https://www.ndb.int/wpcontent/uploads/2017/08/NDB-Strategy.pdf>

⁴³ <https://web.archive.org/web/20161230160655/http://www.ndb.int/NDB-SIGN%20-FIRST-LOAN-AGREEMENT-FOR-FINANCING.php#parentHorizontalTab2>

⁴⁴ New Development Bank policy on sovereign loans & loans with sovereign guarantee. Available at: <https://www.ndb.int/wpcontent/uploads/2017/02/Policy-on-Sovereign-Loansand-Loans-with-SovereignGuarantee.pdf>

⁴⁵ New Development Bank policy on partnerships with national development banks. Available at: <https://www.ndb.int/wpcontent/uploads/2017/02/Policy-on-Partnershipswith-National-Development-Banks.pdf>

⁴⁶ New Development Bank policy on loans without sovereign guarantee to national financial intermediaries. Available at: <https://www.ndb.int/wpcontent/uploads/2017/02/ndb-policy-on-loans-without-sovereignguarantee-to-nationalfinancial-intermediaries-20160121.pdf>

⁴⁷ New Development Bank policy on loans to international organizations. Available at: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2019/09/Policy-on-Loans-to-International-Organisations.pdf>

⁴⁸ New Development Bank projects. Available at: <https://www.ndb.int/projects/list-of-allprojects/page/3/>

определяет стратегию НБР, причем не только в финансовом плане, но и в плане среднесрочных и долгосрочных целей. Сегодня НБР представляет собой уникальную и однородную структуру, в которой доля исторических (и учредительных) членов составляет чуть более 18% на каждого, следовательно, каждый из участников БРИКС обладает равной властью. Это позволяет каждому из них определять повестку дня с приоритетами для развивающихся экономик. Очевидно, что НБР – это воплощение в жизнь вызова развивающихся держав «глобальному управлению» под руководством «Глобального Запада» (Stephen, 2014). То же самое можно сказать и о возглавляемом Китаем Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АИВ), который часто ассоциируется с НБР (Andronova, Sheleпов, 2019; Larionova, Kirton, 2018).

Однако НБР все же отличается от возглавляемого Китаем АИВ. Хотя оба банка были концептуально созданы незападными державами, Китай занимает доминирующее положение в АИВ, в то время как НБР ориентирован на равные полномочия акционеров. Важно также отметить, что стратегия кредитования НБР отличается от стратегии кредитования других МБР, в частности Всемирного банка. МБР являются поставщиками финансовых ресурсов, и с этой точки зрения все, что имеет значение, – это то, как акционеры выполняют формальные или неформальные экономические и политические условия. Структура акционеров многосторонних банков развития на самом деле оказывает значительное влияние на определение действий этих банков (Humphrey, 2016). Страны-заемщики, имеющие регулярные заимствования и добившиеся улучшения бюджетной ситуации, могут изменить условия, необходимые для торговли. Это приводит к повышению «голоса» этих конкретных заемщиков в процессах принятия решений МБР и нарушению равенства заемщиков. НБР, поскольку он создает альтернативу вне существующей системы МБР, которая до сих пор определяла систему глобального экономического управления, соединяет две стороны и предлагает странам «Глобального Юга» альтернативу, которая, возможно, укрепит их способность вести переговоры как с МВФ, так и с Всемирным банком, если не позволит им обойти эти два института.

Рассмотренный подход интересен тем, что позволяет увидеть условия, определяющие реальные изменения в структуре власти. Конечно, НБР является новой организацией с точки зрения истории ее деятельности: начав выдавать кредиты в конце 2016 года, он достиг точки невозврата на своем пути (Trajber-Waisbich, Borges, 2020). Поэтому рассмотрение НБР в качестве примера для исследования имеет некоторые ограничения. Однако актуальность данного примера для исследования неизбежна, поскольку за последний год власть и влияние НБР неуклонно росли. Более того, его символическое значение как первого международного финансового института, созданного странами, принадлежащими к так называемому «Глобальному Югу», обеспечивает НБР особое место среди международных финансовых институтов, поскольку он является одновременно и дополнением, и вызовом для уже существующих финансовых институтов. Такое положение дел способствует появлению новых правил и стандартов. Но это не единственная проблема, связанная с созданием НБР.

НБР часто рассматривается как возможный вызов доллару⁴⁹ в связи с так называемой регионализацией мировой экономики (Novoselov, Faleev, 2023), а также с декларируемой рядом стран целью восстановить свой глобальный суверенитет (Arnold, 2020). Уже давно известно, что международная валютная система перестала функционировать эффективно (Kondratov, 2015; Kondratov, 2017). Потенциал «дедолларизации» весьма важен (Saaida, 2024; Liu, Papa, 2022; Aggarwal, 2020; Guliyeva, Rzayeva, 2017), тем более когда он сочетается с региональным ростом и оказывает значительное влияние на глобальный рост (Parinenko, 2020). Страны-члены БРИКС уже осуществляют расчеты в нацио-

⁴⁹ Petro-Yuan or Petro-BRICS: The need for better alternative reserve currencies to break dollar dominance. Available at: <https://www.forbesindia.com/article/bharatiya-vidya-bhavan039s-spji...r-alternative-reserve-currencies-to-break-dollar-dominance/84063/1>; O'Neill J. A BRIC threat to the dollar? Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/brics-plus-and-the-future-of-dollar-dominance-by-jim-o-neill-2023-04>; Russia, China plan to counter dollar dominance with BRICS payment system. Available at: <https://www.domain-b.com/economy/world-economy/russia-china-plan-to-counter-dollar-dominance-with-brics-payment-system>

нальных валютах для торговли внутри БРИКС, но это вызвало некоторые вопросы, связанные с компенсацией (Karataev et al., 2017). Тот факт, что в многополярном мире доминирующее положение США будет оспорено, признается разными авторами (Guttman, 2022; Levy-Yeyati, 2021; Li, 2023; Eichengreen, 2011), очевидно также, что это являлось целью некоторых членов БРИКС (Chen, 2023). Однако такая цель может повлечь за собой значимые последствия в политической сфере (Saaïda, 2023), даже если ее достижение окажет положительное влияние на другие развивающиеся страны (Pham, 2017). Принятые на саммите в Казани (октябрь 2024 года) решения о внедрении системы BRICS-Clear, а также создание общей перестраховочной компании БРИКС являются фактическим доказательством того, что эта организация питает, более или менее открыто, большие амбиции.

Вернемся к вопросу об институциональном потенциале стран БРИКС и их «структурной власти». Фактически мы вышли за рамки стратегии «Голос или Выход» или «Голос и Выход» последних лет (Mazenda, Ncwadi, 2016). Страны БРИКС, скорее всего, «перешли Рубикон», и их путь теперь является открытой альтернативой (если уже не привел к некоему конфликту) пути «Глобального Запада». Поэтому НБР представляет собой уникальный случай для оценки «структурной власти» БРИКС. Разговоры о несостоятельности или устаревании Бреттон-Вудских институтов ведутся уже много лет. Однако до сих пор это были лишь разговоры. Ни одна страна или группа стран не обладала «структурной властью» для создания альтернативных институтов. То, что БРИКС сумела это сделать, создав НБР, означает, что структурная власть «Глобального Запада» была серьезно подорвана после финансового кризиса 1997–1998 гг. (напомним, что США смогли заблокировать попытку Японии создать «азиатский МВФ»), а «структурная власть» БРИКС вполне реальна и может быть сопоставима со «структурной властью» стран «Глобального Запада».

Однако есть и другая сторона медали. Своим существованием и проводимыми финансовыми операциями НБР достаточно сильно отличается от других МБР, поэтому он и стал

важным полюсом притяжения, по крайней мере, для стран «Глобального Юга» (Thirlwell, 2014; Thompson, de Wet, 2017). Тот факт, что «Глобальный Юг» положительно отреагировал на инициативы БРИКС с 2022/2023 года, особенно на решения Казанского саммита и создание официального статуса «партнерства» для БРИКС, дает понять, насколько хорошо были восприняты инициативы БРИКС, отражающиеся в создании и расширении НБР. Следовательно, эта сила притяжения теперь позволяет БРИКС укреплять свою «структурную власть». Таким образом, анализ выходит за рамки классической схемы «причина – следствие» и становится диалектическим. Если «структурная власть» БРИКС была достаточной для создания и развития такого института, как Новый банк развития, это в свою очередь дает государствам-участникам дополнительную «структурную власть». Как она будет реализована, покажет будущее.

Заключение

Развитие глобальной экономики с конца 1990-х годов привело к коренным изменениям в расстановке политических и экономических сил. Окончание холодной войны отнюдь не означало «конец истории», оно произвело значительные перемены, которые в настоящее время порождают конфликты интересов, а также конфликты представительства и, следовательно, столкновения по поводу норм и правил. Важность этих конфликтов нельзя недооценивать. Возможно, именно они будут определять структуру мира в ближайшие двадцать лет.

Появление БРИКС+ символизирует один из возможных новых сценариев структурирования мира. Тот факт, что страны БРИКС+ теперь занимают позицию открытого протеста против мира, в котором доминирует «коллективный Запад», хотя изначально они просто искали приемлемые модификации этого мира, говорит не только о росте могущества этих стран, но и о недостатке ума у стран «Большой семерки», которые не умели и, несомненно, не хотели предоставить им то место, которое они объективно заслуживали в международных институтах. Нынешняя логика конфронтации во многом является продуктом этой неспособности или нежелания.

Сокращение доли «Большой семерки» и «Глобального Запада» в мировом ВВП и, с другой стороны, рост, который переживают «развивающиеся державы», такие как Китай и Индия, вероятно, ускорили упадок большинства экономических институтов и глобальные кризисы, вызванные Второй мировой войной и «холодной войной». Управление мировой экономикой перешло в руки Запада отчасти из-за этих объективных изменений, отчасти из-за субъективных факторов, таких как неудачная американская политика, повсеместное распространение практики односторонних — следовательно, незаконных — санкций и отчасти из-за нежелания, если не прямого противодействия, своевременно реформировать существующие глобальные экономические институты. В переговорной игре между использованием странами «голоса» и «выхода» из существующей системы решение «выхода» постепенно становится доминирующим благодаря сочетанию вышеназванных факторов.

Следует помнить, что страны БРИКС изначально крайне неохотно выбирали стратегию «выхода». Если бы их «голоса» были услышаны в начале 2000-х годов, то, скорее всего, они бы ее не выбрали. Но вариант «выхода» не является и не может быть окончательным до тех пор, пока не будут созданы новые институты.

В этом процессе влияние БРИКС стало решающим. Факт, что страны БРИКС начали

предпринимать активные действия, создав НБР, а теперь еще и приняв участие в XVI саммите БРИКС в Казани, чрезвычайно важен. Неудивительно, что эти государства сосредоточились на одном финансовом институте — НБР, который призван дополнить, а однажды, возможно, и заменить МВФ и Всемирный банк. Новый банк развития с его иным набором правил и стандартов, вероятно, показывает, что крах институтов, созданных Западом, будет неизбежным фактом в ближайшие 15–20 лет. В связи с этим создание Нового банка развития представляет собой стратегический переломный момент первостепенной важности. Это одновременно и признак «структурной власти», обретенной странами БРИКС, и инструмент для развития и укрепления этой структурной власти.

Выбор стратегии «выхода» странами БРИКС, а теперь БРИКС+, однако, не дает ответа на последний вопрос. Будет ли глобальная экономика двигаться в направлении стабилизированной фрагментации, подразумевающей, что «западные» институты смогут выжить, хотя и в урезанном виде, чтобы управлять фрагментом, представленным «западной» экономикой, или же новые институты, пришедшие с «Глобального Юга», смогут наделить эти страны гегемонией, которая впоследствии позволит им воссоединить мировую экономику на основе новых правил управления.

Это еще предстоит увидеть.

Литература

- Acioly da Silva L. (2019). *BRICS Joint Financial Architecture: The New Development Bank*. Discussion Paper 243. Brasília: Institute for Applied Economic Research.
- Aggarwal P. (2020). On de-risking and de-dollarizing intra-BRICS trade via smart contracts. *BRICS Journal of Economics*, 1(4), 54–69.
- Alesina A., Dollar D. (2000). Who gives aid to whom and why? *Journal of Economic Growth*, 5, 33–63.
- Andersen T.B., Hansen H., Markussen T. (2006). U.S. politics and World Bank IDA-lending. *Journal of Development Studies*, 42(5), 772–794.
- Andronova I., Shelepov A. (2019). Potential for strengthening the NDB's and AIIB's role in the global financial system. *International Organisations Research Journal*, 14(1), 39–54.
- Arnold T.D. (2024). De-dollarization and global sovereignty: BRICS' quest for a new financial paradigm. *Human Geography*, 1(6), 1–5.
- Barnett M., Duvall R. (2005). Power in global governance. In: Barnett M., Duvall R. (Eds). *Power in Global Governance*. New York: Cambridge University Press.
- Bello W., Guttal S. (2005). Programmed to fail: The World Bank clings to a bankrupt development model. *Multinational Monitor*, 26(7-8).
- Bibow J. (2010). *Global Imbalances, the US Dollar, and How the Crisis at the Core of Global Finance Spread to 'Self-insuring' Emerging Market Economies*. Levy Institute Working Paper 591.

- Bird G. (1996). The International Monetary Fund and the developing countries: A review of the evidence and policy options. *International Organization*, 50(3).
- Birdsall N., Scott M. (2016). *Multilateral Development Banking for This Century's Development Challenges: Five Recommendations to Shareholders of the Old and New Multilateral Development Banks*. Washington, DC: Center for Global Development. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/multilateral-development-banking-for-this-century-s-development-challenges>
- Birdsall N., Subramanian A., (2007), “From World Bank to World Development Cooperative.” Washington, DC: Center for Global Development.
- Boughton J. (2006). Who's in charge? Ownership and conditionality in IMF-supported programs. Chapter 1. In: *Globalization and the Nation State*. New York, NY: Routledge.
- Braga J.P., De Conti B., Magacho G. (2022). The New Development Bank (NDB) as a mission-oriented institution for just ecological transitions: A case-study approach to BRICS sustainable infrastructure development. *Revista Tempo du Mondo*, 29, 139–164.
- Busmann M., Schneider G., (2007). When globalization discontent turns violent: Foreign economic liberalization and internal war. *International Studies Quarterly*, 51(1), 79–97.
- Chakraborty S. (2018). Significance of BRICS: Regions powers, global governance, and the roadmap for multipolar world. *Emerging Economy Studies*, 4(2), 182–191.
- Changjun G., Kolesov V.P. (2022). The potential of mutual trade between China and Russia in the field of high-tech manufacturing products. *The World of the New Economy*, 16(3), 96–103 (in Russian).
- Chen Y. (2023). The impact of Russia's “de-dollarization” on the international status of the US dollar. *Academic Journal of Business & Management*, 5(2), 17–21.
- Chin G. (2010). Remaking the architecture: The emerging powers, self-insuring and regional insulation. *International Affairs*, 86(3), 693–715.
- Chin G. (2014). China's rising monetary power. In: Helleiner E., Kirshner J. (Eds). *The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations*. Ithaca: Cornell University Press.
- Clark R., Dolan L.R. (2021). Pleasing the principal: US influence in world bank policymaking. *American Journal of Political Science*, 65(1), 36–51.
- Cochrane L., Zaidan E. (2024). Shifting global dynamics: An empirical analysis of BRICS + expansion and its economic, trade, and military implications in the context of the G7. *Cogent Social Science*, 10(1). Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/citedby/10.1080/23311886.2024.2333422?scroll=top&needAccess=true>
- Cohen B.J. (1986). International debt and linkage strategies: Some foreign policy implications for the United States. In: Kahler M. (Ed.). *The Politics of International Debt*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Cohen B.J. (2008). *International Political Economy: An Intellectual History*. New York: Princeton University Press.
- Cohen B.J. (2012). The yuan tomorrow; Evaluating China's currency internationalization strategy. *New Political Economy*, 17(3), 361–371.
- Collier P. (1997). The failure of conditionality. In: Gwin C., Nelson J.M. (Eds). *Perspectives on Aid and Development*. Washington, DC: Overseas Development Council.
- Conway P. (2006), IMF essays from a time of crisis. *Journal of Economic Literature*, 40/1, 114–141.
- Cooper A.F. (2017). The BRICS' New Development Bank: Shifting from material leverage to innovative capacity. *Global Policy*, 8(3), 275–284.
- Creamer L. (2019). From the WTO's crown jewel to its crown of thorns. *American Journal of International Law Unbound*, 51.
- Culpeper P.D. (2015). Structural power and political science in the post-crisis era. *Business and Politics*, 17(3), 391–409.
- De Oliveira T.M., de Albuquerque S., Toth J.P., Bello D.Z. (2018). *International Cooperation Networks of the BRICS Bloc*. Center for Open Science.
- Dezhina I., Gareev T. (2024). Russia and new BRICS countries: Prospects for technological cooperation. *World Economy and International Relations*, 68(9), 113–124.
- Di Maio M. (2015). Industrial policy in the BRICS: Similarities, differences, and future challenges. In: Naude W., Nobuya H. (Eds). *Structural Change and Industrial Development in the BRICS*. Oxford: Oxford University Press.
- Dreher A., Vaubel R. (2004). Do IMF and IBRD cause moral hazard and political business cycles? Evidence from panel data”. *Open Economies Review*, 15, 5–22.

- Duggan N., Hooijmaaijers B., Rewizorski M., Arapova E.Y. (2021). Unfinished business: The BRICS, global governance, and challenges for south-south cooperation in a post Western world. *International Political Science Review*, 43(2).
- Duggan N., Ladines A., Rewizorski M. (2022). The structural power of the BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) in multilateral development finance: A case study of the New Development Bank. *International Political Science Review*, 43(4), 495–511. DOI: <https://doi.org/10.1177/01925121211048297>
- Easterly W. (2002). The cartel of good intentions: The problem of bureaucracy in foreign aid. *Journal of Policy Reform*, 5(4), 223–250.
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, 52(6), 104765.
- Eichengreen B. (2011). *Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System*. Oxford-London: Oxford University Press.
- Fairfield T. (2015). Structural power in comparative political economy: Perspectives from policy formulation in Latin America. *Business and Politics*, 17(3), 411–419.
- Ferdinand P., Wang J. (2013). China and the IMF: from mimicry towards pragmatic international institutional pluralism. *International Affairs*, 89(4), 895–910.
- Foot R., Walter A. (2011). *China, the United States, and the Global Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gao Jixiang, Jiang Jing (2022). Scientific, technological and innovation cooperation between China and Russia in the new era: Reshaping the model and choosing an approach from the perspective of Chinese experts. *Studies on Russian Economic Development*, 33, 656–662.
- Garcia A., Bond P. (2019). Amplifying the contradictions: The centrifugal BRICS. *Social Register*, 55, 223–246.
- Gareev T.R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. (In Russian)
- Girdwood J. (2007). Reforming the World Bank: From social-liberalism to neo-liberalism. *Comparative Education*, 43(3), 413–431.
- Godefroid M.E., Borghoff V., Plattfaut R., Niehaves B. (2024). Structural power imbalances in global organizations: Analysing IT governance from a postcolonial perspective. *European Journal of Information Systems*, 1–22. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0960085X.2024.2325358>
- Grael I. (2003). Averting crisis: Assessing measures to manage financial integration in emerging economies. *Cambridge Journal of Economics*, 27(3), 317–336.
- Grael I. (2011). *Promising Avenues, False Starts and Dead Ends: Global Governance and Development Finance in the Wake of Crisis*. Political Economy Research Institute, Working Paper 241. University of Massachusetts-Amherst.
- Guliyeva A., Rzayeva U. (2017). Analysis of the de-dollarization problem in developing countries on the example of Azerbaijan in the conditions of geopolitical asymmetry. *Technology Audit and Production Reserves*, 6(5), 57–63.
- Guttmann R. (2022). *Multi-Polar Capitalism: The End of the Dollar Standard*. London-New-York: Palgrave Macmillan.
- Güven A.B. (2017). Defending supremacy: How the IMF and the World Bank navigate the challenge of rising powers. *International Affairs*, 93(5), 1149–1166.
- Hackler L., Hefner F., Witte M.D. (2020). The effects of IMF loan condition compliance on GDP growth. *The American Economist*, 65(1), 88–96.
- Hartzell C.A., Hoddie M., Bauer M. (2010). Economic liberalization via IMF structural adjustment: Sowing the seeds of civil war? *International Organizations*, 64(2), 339–356.
- Hayward C. (2018). On structural power. *Journal of Political Power*, 11(1), 1–12.
- Hirschman A.O. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hooijmaaijers B. (2021). The internal and external institutionalization of the BRICS Countries: The case of the New Development Bank. *International Political Science Review*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/01925121211052211>
- Humphrey C. (2014). The politics of loan pricing in multilateral development banks. *Review of International Political Economy*, 21(3), 611–639.
- Humphrey C. (2015). *Developmental Revolution or Bretton Woods Revisited? The prospects of the BRICS New Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank*, Working Paper. Overseas Development Institute. Available at: <https://cdn.odi.org/media/documents/9615.pdf>

- Humphrey C. (2016). The Invisible Hand: Financial pressures and organisational convergence in multilateral development banks. *Journal of Development Studies*, 52(1), 92–112.
- Ил'ин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. (2013). *Теория и практика политической глобалистики* [Theory and Practice of Political Globalistics]. Moscow.
- Izotov D.A. (2021). Economic integration in the context of globalization and regionalization. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 5, 7–24 (in Russian).
- Jones K. (2009). *The Doha Blues: Institutional Crisis and Reform in the WTO*, New-York – Oxford: Oxford University Press.
- Joyce J.P. (2006). Promises made, promises broken: A model of IMF program implementation. *Economics & Politics*, 18, 339–365.
- Ju W. (2018). China-IMF collaboration: Toward the leadership in global monetary governance. *China Political Science Review*, 3, 62–80.
- Kadyshev L. Yu. (2010). About the BRIC factor in Russia's foreign policy. In: *BRIKS: predposylki sblizheniya i perspektivy vzaimodeistviya* [BRICS: Prerequisites for Rapprochement and Prospects for Interaction]. Moscow: ILA RAN.
- Kanbur R. (2017). *What is the World Bank Good For? Global Public Goods and Global Institutions*. CEPR Discussion Paper DP12090. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2988848
- Karataev S.N. et al. (2017). *Use of National Currencies in International Settlements: Experience of the BRICS Countries*. Russian Institute for Strategic Studies. Available at: <http://hdl.handle.net/20.500.11910/11740>
- Katzenstein P.J., Keohane R.O., Krasner S.D. (1998). International organization and the study of world politics. *International Organization*, 52(4), 645–685.
- Kent A. (2007). *Beyond Compliance: China, International Organizations, and Global Security*. Redwood City: Stanford University Press.
- Keohane R.O. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Killick T. (1995). *IMF Programs in Developing Countries: Design and Impact*. London: Routledge.
- Kim D. (2023). The Biden Doctrine and China's response. *International Area Studies Review*, 26(2), 107–124.
- Kondratov D.I. (2015). Recent approaches to reforming the global monetary system. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*, 19(1).
- Kondratov D.I. (2017). The contemporary global monetary system and prospects to transform it. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 87, 328–335.
- Kopiński D., Qian S. (2014). New friends, old friends? The World Bank and Africa when the Chinese are coming. *Global Governance*, 20(4), 601–623. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24526327>
- Kuznetsov A.V. (2022). Imperatives for transformation of the international monetary system in the conditions of multipolarity. *Finance: Theory and Practice*, 26(2), 190–203.
- Kuznetsov D. (2020). Network texture of world politics: Transregionalism of BRICS. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*, 64(11), 124–131 (in Russian).
- Larionov M.V. (2012). Proposal for the strategy of the Russian Federation's participation in G20, G8 and BRICS for the period 2012–2014. In: *Dinamika razvitiya "Gruppy dvadtsati", "Gruppy vos'mi", BRIKS i interesy Rossii* [Dynamics of Development of G20, G8, BRICS and the Interests of Russia]. No. 2.
- Larionova M., Kirton J. (Eds). (2018). *BRICS and Global Governance*. New York: Routledge.
- Larionova M., Sheleпов A. (2022). BRICS, G20 and global economic governance reform. *International Political Science Review*, 43(4), 512–530. DOI: <https://doi.org/10.1177/01925121211035122>
- Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. (2019). Transregional integration as a new phenomenon of world politics: Nature and prospects. *Polis. Politicheskie issledovaniya=Polis. Political Studies*, 5, 71–84 (in Russian).
- Lema R., Quadros R., Schmitz H. (2015). Reorganising global value chains and building innovation capabilities in Brazil and India. *Research Policy*, 44(7), 1376–1386.
- Levy-Yeyati E. (2021). *Financial Dollarization and De-Dollarization in the New Millennium*. Latin American Reserve Fund Working Paper. Available at: https://flar.com/wp-content/uploads/2019/05/Financial-dollarization-and_0.pdf
- Li Y. (2023). *Trends, Reasons and Prospects of De-Dollarization*. *Research Paper 181*. Econstor. Available at: <https://www.econstor.eu/handle/10419/278680>

- Lipsy P.Y. (2003). Japan's Asian Monetary Fund proposal. *Stanford Journal of East Asian Affairs*, 3(1), 93–104.
- Liu Z.Z., |Papa M. (2022). *Can BRICS de-dollarize the global financial system?* London, New-York: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009029544>
- Loewe P. (2016). The rise of the BRICS in the global economy. *Teaching Geography*, 41(2), 50–53.
- March C., Schieferdecker I. (2023). Technological sovereignty as ability, not autarky. *International Studies Review*, 25(2), art. 012.
- Mazenda A., Ncwadi R. (2016). The rise of BRICS development finance institutions: A comprehensive look into the New Development Bank and the Contingency Reserve Arrangement. *African East-Asian Affairs*, 3. Doi: <https://doi.org/10.7552/0-3-178>
- McCormack G. (2018). Why 'doing business' with the World Bank may be bad for you. *European Business Organization Law Review*, 19, 649–676.
- Mearsheimer J.J. (1995). The false promise of international institutions. *International Security*, 19(3), 5–49.
- Morozkina A. (2015). The New Development Bank in the global financial architecture. *International Organizations Research Journal*, 10(2), 68–80.
- Mosley P., Harrigan J., Toye J. (1995). *Aid and Power: The World Bank and Policy-Based Lending in the 1980s*. New York: Routledge.
- Nanwani S. (2024). The New Development Bank: Directions on strategic partnerships. *Global Policy*, 15, 434–442. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13268>
- Narine S. (2003). The idea of an 'Asia Monetary Fund': The problems of Financial Institutionalism in the Asia-Pacific. *Asian Perspective*, 27(2), 65–103.
- Nayyar D. (2016). BRICS, developing countries and global governance. *Third World Quarterly*, 37(4), 575–591.
- North D.C. (1990), *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Novoselov A.S., Faleev A.V. (2023). Transformation of money and financial instruments of the market in conditions of regionalization of the world economy. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 1, 168–186. DOI: <https://doi.org/10.14530/se>
- Parinenko T. (2020). International economic integration of BRICS countries – driver of regional and global economic growth. In: *Proceedings of the Conference 'New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development' (NSRBCPED 2019)*. St. Petersburg, Russia and Prague, Czech Republic, November 7–8, 2019. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.0802020>
- Pavlenko V.B. (2009). The BRIC Group in the global management strategy of the Anglo-Saxon West. *Obozrevatel=Observer*, 11, 30–32 (in Russian).
- Pham T. H. A. (2017). Dollarization and de-dollarization policies: The case of Vietnam. In: *Dollarization and De-dollarization in Transitional Economies of Southeast Asia*. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-57768-5_5
- Poast P. (2019). Beyond the "sinew of war": The political economy of security as a subfield. *Annual Review of Political Science*, 22(1), 223–239.
- Polivach A.P. (2020). International role of euro and European integration. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*, 64(5), 33–41 (in Russian).
- Radulescu I.G., Panait M., Voica C. (2014). BRICS countries challenge to the world economy new trends. *Procedia Economics and Finance*, 8, 605–613.
- Rapplee J., Leang U. (2018). What drives failed policy at the World Bank? An inside account of new aid modalities to higher education: Context, blame, and infallibility. *Comparative Education*, 54, 1–25.
- Rensburg I., Mot S., David S.A. (2015). Opportunities and challenges for research collaboration among the BRICS nations. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 45(5), 814–818.
- Roberts C., Armijo L., Katada S. (2017). "Global Power Shift": The BRICS, building capabilities for influence. In Roberts C., Armijo L., Katada S. (Eds). *The BRICS and Collective Financial Statecraft*. London, Oxford: Oxford University Press.
- Saaida M. (2024). BRICS Plus: De-dollarization and global power shifts in new economic landscape. In: Sheresheva M., Lissovlik Y.D. (Eds). *Changing the Global Monetary and Financial Architecture: The Role of BRICS-Plus*. *BRICS Journal of Economics*, 5(1), 13–33.
- Saaida M.B. (2023). The BRICS' move away from US dollar: The implications for international politics. *International Journal of Multidisciplinary Research and Development*, 10(7), 35–39. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10700468>

- Santiago F. (2020). The role of industrial policies in the BRICS economic integration process. *Inclusive and Sustainable Development Working Paper Series*, 1. UNIDO, Research, Statistics and Industrial Policy Branch. Available at: <https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/16531301/unido-file-16531301>
- Sapir J. (1998). The August 1998 crisis: An assessment of the situation in Russia and a program for overcoming the crisis. *Problemy Prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6, 19–30.
- Sapir J. (1999a). A l'épreuve des faits...Bilan des politiques macroéconomiques mises en œuvre en Russie. *Revue d'études comparatives est-ouest*, 30(2-3), 153–213.
- Sapir J. (1999b). Russia's crash of August 1998: Diagnosis and prescriptions. *Post-Soviet Affairs*, 15(1), 1–36.
- Sapir J. (2000a). Le FMI et la Russie: Conditionnalité sous influences. *Critique Internationale*, 6, 12–19.
- Sapir J. (2000b). Le consensus de Washington et la transition en Russie: Histoire d'un échec. *Revue Internationale de Sciences Sociales*, 166, 541–553.
- Sapir J. (2009). From financial crisis to turning point. How the US 'subprime crisis' turned into a worldwide one and will change the world economy. *Internationale Politik und Gesellschaft*, 1, 27–44.
- Sapir J. (2015). Crisis of globalization: The new context and challenges for national economies. In: Zapesotsky A.S. (Ed.). *Contemporary Global Challenges and National Interest – The 15th International Likatchov Scientific Conference, Saint-Petersburg, 2015*.
- Sapir J. (2021). *La Démondialisation*. 2nd edition. Paris: Le Seuil.
- Saran S. (2015). India's contemporary plurilateralism. In: Malone D.E., Mohan C.R., Raghavan S. (Eds.). *The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy*. Oxford: Oxford University Press.
- Schirm S.A. (2010). Leaders in need of followers. Emerging powers in global governance. *European Journal of International Relations*, 16(2), 197–222.
- Schultz L. (1982). Politics, economics, and U.S. participation in multilateral development banks. *International Organization*, 36(3).
- Shchegoleva N.G., Malsagova R.G. (2020). Transformation of the role of the euro in the modern world currency system. *Problemy teorii i praktiki upravleniya=Theoretical and Practical Aspects of Management*, 11, 44–64 (in Russian).
- Shetiya R.M. (2017). BRICS New Development Bank: An option to World Bank/IMF. *International Journal of Commerce and Management Studies*, 2(1).
- Shlykov P.V. (2017). In search for transregional alternatives in Eurasia: The phenomenon of MIKTA. *Sravnitel'naya politika=Comparative Politics Russia*, 8(4), 127–144 (in Russian).
- Sidorova E.A. (2018). The innovation development of the BRICS countries: Preconditions and prospects for cooperation. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 34–50 (in Russian).
- Sinclair T.J. (2012). Institutional failure and the global financial crisis. In: Grant W., Wilson G.K. (Eds.). *The Consequences of the Global Financial Crisis: The Rhetoric of Reform and Regulation*. London-New York: Oxford University Press.
- Soo K.Y., Russett B. (1996). The new politics of voting alignments in the United Nations General Assembly. *International Organization*, 50(4).
- Steinwand M.C., Stone R.W. (2008). The International Monetary Fund: A review of the recent evidence. *The Review of International Organisations*, 3, 123–149.
- Stephen M.D. (2014). Rising powers, global capitalism and liberal global governance: A historical materialist account of the BRICs challenge. *European Journal of International Relations*, 20(4), 912–938.
- Stephen M.D. (2019). Contestation overshoot: Rising powers, NGOs, and the failure of the WTO Doha Round. In: Stephen M.D., Zürn M. (Eds.). *Contested World Orders: Rising Powers, Non-Governmental Organizations, and the Politics of Authority Beyond the Nation-State*. London-New York: Oxford University Press.
- Strange S. (1986). *Casino Capitalism*. Manchester: Manchester University Press.
- Strange S. (1994). *States and Markets: An Introduction to International Political Economy*. London: Bloomsbury Publishing.
- Strange S. (1998). *What Theory? The Theory in Mad Money. CSGR Working Paper 18/98*. Centre for the Study of Globalisation and Regionalization, University of Warwick.
- Stuenkel O. (2016). *Post Western World: How Emerging Powers are Remaking Global Order*. Cambridge: Polity Press.
- Syed A., Sukar A.-H. (2018). A critical evaluation of IMF history and policies. *Management and Economics Research Journal*, 4(S1), 60–66.

- Thacker S. (1999). The high politics of IMF lending. *World Politics*, 52(1), 38–75.
- Thirlwell M. (2014). New players, new rules? The BRICS and global economic governance. In: *The Rise of the BRICS in the Global Political Economy*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Thompson L., de Wet P.T. (2017). BRICS development strategies: Exploring the meaning of BRICS ‘community’ and ‘collective action’ in the context of BRICS state led cooperation in South Africa. *Chinese Political Science Review*, 2(1), 101–113.
- Trajber-Waisbich L., Borges C. (2020). The BRICS’ New Development Bank at the crossroads: Challenges for building development cooperation in the twenty-first century. In: Puppim De Oliveira J.A., Jing Y. (Eds). *International Development Assistance and the BRICS*. Singapore: Springer.
- Vines D., Gilbert C.L. (Eds). *The IMF and its Critics – Reform of Global Financial Architecture*. London-New York: Cambridge University Press.
- Voskressenski A.D., Koldunova Ye.V., Kireyeva A.A. (2017). Transregional and regional projects in the context of “post-Western” international reality. *Comparative Politics Russia*, 8(2), 37–57 (in Russian),
- Voskressenski A.D., Koller B. (Eds). *The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield; Lexington Books.
- Wade R. (1998). The Asian debt-and-development crisis of 1997? Causes and consequences. *World Development*, 26(8), 1535–1553.
- Walton J., Ragin C. (1990). Global and national sources of political protest: Third World responses to the debt crisis. *American Sociological Review*, 55(6), 876–890.
- Walton J., Seddon D. (1994). Food riots past and present. In: Walton J., Seddon D. (Eds). *Free Markets & Food Riots*. Wiley Online Books.
- Weisbrot M., Cordero J., Sandoval L. (2009a). *Empowering the IMF: Should Reform be a Requirement for Increasing the Fund’s Resources?* Washington, DC: Center for Economic and Policy Research.
- Weisbrot M., Johnson J. (2009). *IMF Voting Shares: No Plans for Significant Changes*. Center for Economic and Policy Research Issue Brief. Washington, DC.
- Weisbrot M., Ray R., Johnston J., Cordero J.A., Montecino J.A. (2009b). *IMF-Supported Macroeconomic Policies and the World Recession: A Look at Forty-One Borrowing Countries*. Washington, DC: Center for Economic and Policy Research.
- Yaxin Wang (2023). International scientific cooperation in the Arctic among the BRICS countries. *Administrative Consulting*, 3, 131–139 (in Russian).

Сведения об авторе

Жак Сапир – PhD, иностранный член РАН, профессор, Высшая школа социальных наук (Франция, 75006, г. Париж, ул. Boulevard Raspail, 54; e-mail sapir@ehess.fr); профессор, Школа экономической войны (Франция, 75007, г. Париж, ул. Rue de Grenelle, 196); визит-профессор, Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61), директор, Исследовательский центр СЕМИ-CR451 (Франция, 75007, г. Париж, ул. Rue Bougainville, 1)

Sapir J.

The BRICS Challenge for Global Economy Institutions. The Meaning of the New Development Bank

Abstract. Global economy institutions are now acknowledged to be in crisis be they the IMF, the World Bank or the WTO. The increasing role of the BRICS as a group aiming for global governance rule setting marks a substantial shift in our understanding of that system. In the path toward this aim, BRICS countries clearly moved from an “Voice or Exit” posture to an of “Voice and Exit” and then to the open creation of an alternative to “Global West” generated economic institutions. By doing so they demonstrated the accumulation of structural power leading to the creation of the New Development Bank. In turn, this

creation allowed the BRICS countries to strengthen their structural power. The diminishing share of the “global West” in the world GDP and the growth experienced by “emerging powers” like China and India has pushed toward obsolescence most of the global economy institutions that were generated in the past-Second World War and the Cold War. Global economy governance has fallen from “Global West” hands partly because of these objective changes and partly because of subjective factors like an ill-fated US policy, a generalization of the practice of unilateral – hence illegal – sanctions, and partly because a reluctance, and even an open opposition, to reform existing global economy institutions. Countries from the “Global South” are now looking to BRICS countries and their structural power with an increasing sympathy.

Key words: BRICS, exit, global economy, global governance, Global West, Global South, international institutions, international monetary system, multilateralism, New Development Bank, structural power, voice.

Information about the Author

Jacques Sapir – PhD, foreign member of the Russian Academy of Sciences, professor, School for Advanced Studies in the Social Sciences (EHESS-Paris), (54, Boulevard Raspail, 75006, Paris, France; e-mail sapir@ehess.fr); professor, School of Economic Warfare (196, Rue de Grenelle, 75007, Paris, France); associate professor, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation), director, CEMI-CR451 (1, Rue Bougainville, 75007, Paris, France)

Статья поступила 02.09.2024.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.3

УДК 332, ББК 65.9(2)

© Суслов В.И., Душенин А.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М.

Взаимодействия региональных экономик и мультипликативные эффекты (на примере двухзональной межотраслевой модели России)

Виктор Иванович СУСЛОВ

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: suslov@ieie.nsc.ru
ORCID: 0000-0001-7972-9811

Александр Игоревич ДУШЕНИН

Новосибирский государственный университет
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: a.dushenin@g.nsu.ru
ORCID: 0009-0009-7988-6636

Юрий Семенович ЕРШОВ

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: eryus@mail.ru
ORCID: 0009-0003-8277-6645

Наимджон Мулабоевич ИБРАГИМОВ

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru
ORCID: 0000-0001-8540-5039

Для цитирования: Суслов В.И., Душенин А.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. (2024). Взаимодействия региональных экономик и мультипликативные эффекты (на примере двухзональной межотраслевой модели России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 59–76. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.3

For citation: Suslov V.I., Dushenin A.I., Ershov Yu.S., Ibragimov N.M. (2024). Interactions of regional economies and multiplicative effects (using the example of a two-zone input-output model of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 59–76. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.3

Аннотация. В настоящее время одно из ключевых направлений сибирской экономической науки состоит в анализе экономики и оценке перспектив Азиатской части России. Для достижения этой цели необходимо определить вклад Азиатской части России в экономику других регионов и страны в целом. Целью настоящей работы является исследование взаимодействия Европейской и Азиатской частей страны. Таблицы «затраты – выпуск», построенные в ИЭОПП СО РАН для европейской и азиатской экономических зон по состоянию на 2019 год, позволяют оценить эффекты взаимодействия регионов на отраслевом уровне с помощью инструментов мультипликативного анализа. В работе представлены рассчитанные региональные и межрегиональные коэффициенты прямых и полных затрат, а также сформированы балансы создания и использования продукции для европейских и азиатских регионов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в структуре прямых затрат Европейской части России вес Азиатской части значителен для производства кокса и нефтепродуктов (около 44%), чёрной и цветной металлургии (около 15%) и других отраслей. В структуре полных затрат Европейской части России высокая доля Азиатской части наблюдается для добывающих отраслей, чёрной и цветной металлургии и нефтеперерабатывающей промышленности, что частично связано с особенностями регистрации результатов внешней торговли. Если рассматривать баланс использования продукции Азиатской части России, то 7,5% произведённого продукта идёт на промежуточное потребление и 3,0% отправляется на удовлетворение конечного спроса европейских регионов. Результаты работы могут быть использованы для измерения последствий государственного финансирования на региональном и федеральном уровнях. Ввиду учета в косвенных и полных затратах только тех потоков продукции, которые относятся к промежуточному потреблению, представляется целесообразным в перспективе развить используемую методику в направлении учета инвестиционных товаров.

Ключевые слова: межрегиональные взаимодействия, многорегиональные межотраслевые модели, Европейская часть России, Азиатская часть России, мультипликативный эффект, прямые и косвенные затраты.

Благодарность

Статья представляет результаты по проекту 5.6.3.2 (FWZF-2024-0001).

Введение

Без знания отраслевых показателей структуры затрат и направлений, пропорций использования производимой продукции невозможны какой-либо серьезный анализ экономики страны и оценка перспектив ее развития при тех или иных изменениях в технологиях, структуре конечного потребления и внешнеэкономических связях. Наиболее полное представление о состоянии экономики страны в целом дают регулярно разрабатываемые Росстатом таблицы «затраты – выпуск». Пространственный разрез экономики (регионализацию этих таблиц) в настоящее время приходится осуществлять научным коллективам, использующим для этого весь доступный набор прямых и косвенных данных.

В ИЭОПП СО РАН такая работа осуществляется с целью последующего использования аппарата оптимизационных многорегиональных межотраслевых моделей (ОМММ), который

активно применяется для долгосрочного прогнозирования развития экономики страны в пространственном и отраслевом разрезе. На текущий момент сотрудники института, используя данный инструмент, преследуют следующие цели: построение долгосрочных макроэкономических прогнозов и их отраслевого и пространственного разрезов (Ershov, 2012); анализ и прогнозирование развития топливно-энергетического комплекса РФ (Суслов, Бузулуцков, 2018); анализ и прогнозирование развития лесного комплекса РФ (Блам, Машкина, 2019); анализ и прогнозирование развития транспортного комплекса РФ (Малов, Мелентьев, 2022); коалиционный анализ, поиск ядра и равновесного состояния пространственной экономики РФ (Суслов и др., 2021); агент-ориентированное моделирование (Цыплаков, 2022); оценка инвестиционных проектов (Новикова и др., 2021).

В настоящее время для достижения этих целей применяется комплекс взаимосвязанных моделей, в составе которого выделяются прежде всего статическая и полудинамическая постановки ОМММ. Основное назначение статической модели – оценка экзогенных параметров базового года для последующего использования в полудинамической модели – главным инструменте для решения перечисленных выше задач.

Построение статической ОМММ производится путём пространственной развёрстки общероссийских таблиц ресурсов и использования товаров и услуг с помощью имеющихся в российской статистике прямых и косвенных региональных статистических показателей (Ershov et al., 2021). Из этого следует, что статическая ОМММ отражает состояние экономического пространства страны в базовом году. Это позволяет исследовать возможность использования статической ОМММ не только для построения фундамента полудинамической модели, но и для измерения структуры производства и пропорций распределения товаров и услуг между отраслями и регионами.

Одна из целей выполняемых расчетов – оценка эффектов взаимодействий экономик Европейской и Азиатской частей России по состоянию на 2019 год. Актуальность работы объясняется тем, что особенности развития Азиатской части России являются одной из важнейших составляющих, определяющих развитие сибирской экономической науки. Стоит отметить, что текущая версия ОМММ в полной мере соответствует исследовательскому направлению. Это отражается пространственным разрезом экономики на модельном уровне, а именно: федеральные округа с разделением Уральского округа на две составляющие – Тюменскую область и остальную его часть. Тюменская область, Сибирский и Дальневосточный округа мы определяем как Азиатскую часть страны (Азию), все остальные регионы – как Европейскую (Европу).

Результаты работы позволяют получить количественные оценки особенностей экономического взаимодействия этих двух макрозон, степень их взаимозависимости. В дальнейшем предполагается провести ретроспективный

анализ взаимодействия регионов, который позволит определить и объяснить происходившие изменения.

Обзор литературы *Зарубежный опыт*

Значимым шагом для получения возможности измерить эффекты межрегиональных взаимодействий является оценка межотраслевых таблиц для регионов. При решении этой задачи экономисты, как правило, размышляют в рамках двух парадигм (Oosterhaven, Hewings, 2014). Первая парадигма основана на построении единой для всех регионов таблицы «затраты – выпуск», где детально отражены межрегиональные потоки промежуточной продукции. В этом случае получается межрегиональная (interregional) межотраслевая модель, баланс производства и распределения продукции региона r которой выглядит следующим образом:

$$X^r = \sum_{s=1}^R A^{rs} X^s + Y^r, r = \overline{1, m},$$

где A^{rs} межрегиональные коэффициенты прямых затрат, X^r, Y^r – соответственно региональные объемы выпуска и конечного использования (в широком смысле, т. е. включая saldo экспорта-импорта, валовое накопление основного капитала, прирост запасов).

При такой постановке модели возникает необходимость в оценивании внутрирегиональных и межрегиональных коэффициентов прямых затрат (regional and interregional input coefficients). Наиболее предпочтительными являются подходы, основанные на корректировке национальных коэффициентов с использованием региональных показателей, которые способны отражать информацию о «потребностях» регионов в товарах и услугах. Для понимания общей логики можно рассмотреть в качестве примера коэффициенты локализации (location quotients), отражающие специализацию региона по отношению к стране. Если значение коэффициента локализации для региона r больше единицы, регион r является более специализированным, чем страна, и может удовлетворить свой спрос за счёт собственных средств. В противном случае регион r нуждается в поставках продукции из других регионов. Следовательно, пропорции пространственного распределения продукции региона можно описать таким выражением:

$$a_{ij}^{rr} = \begin{cases} LQ_i^r a_{ij}^n, & \text{если } LQ_i^r < 1 \\ a_{ij}^n, & \text{если } LQ_i^r > 1 \end{cases}$$

$$a_{ij}^{sr} = \begin{cases} (1 - LQ_i^r) a_{ij}^n, & \text{если } LQ_i^r < 1 \\ 0, & \text{если } LQ_i^r > 1, \end{cases}$$

где a_{ij}^n – коэффициенты прямых затрат в целом по стране.

Существует множество вариаций коэффициентов локализации, однако одним из самых популярных является показатель, предложенный А. Флеггом (Flegg, Webber, 2000):

$$FLQ_{ij}^r = \lambda^r \left(\frac{x_i^r / x_i^n}{x_j^r / x_j^n} \right)$$

$$\lambda^r = \left(\log_2 \left[\left(1 + \frac{\sum_i x_i^r}{\sum_i x_i^n} \right) \right] \right)^\delta, \delta \in [0; 1],$$

где x_i^r – региональный выпуск продукции в i -отрасли,

x_i^n – соответствующий показатель в целом по стране.

Его методология довольно часто используется при разработке региональных таблиц и моделей в таких странах, как Южная Корея (Flegg, Tohmo, 2013), Испания (Azorín et al., 2022), Швеция (Kronenberg, Fuchs, 2021), Япония (Fujimoto, 2018), Финляндия (Flegg, Tohmo, 2013), Ирландия (Morrissey, 2016) и др. Востребованность соответствующего подхода характеризуется активностью исследовательских работ по его модификации (Pereira-López et al., 2020; Pereira-López et al., 2021), в том числе с помощью алгоритмов машинного и глубокого обучения (Fukui, 2023).

Помимо коэффициентов локализации, существует группа методов, аналогично определяющих пространственные вклады путём корректировки национальных коэффициентов. К ним относятся подходы Regional Purchase Coefficients (Lahr et al., 2020), Regional Supply Percentages (Jackson, Járosi, 2020), Commodity Balance (Round, 1972). Представленные методы активно используются во многих странах, таких как Великобритания, Финляндия, США, Индонезия и др.

Ограниченность представленных подходов заключается в возможности их использования только для экономики, представленной в раз-

резе двух регионов. В случае многорегиональной экономики эти методы способны дать количественную оценку того, сколько регион производит самостоятельно (a_{ij}^{rr}) и сколько для него производят остальные регионы (a_{ij}^{sr}). Влияние одного региона на другие (a_{ij}^{rs}) представленные подходы определить не позволяют.

Вторая парадигма заключается в формировании отдельных таблиц для каждого региона, после чего возникает необходимость в расчёте торговых потоков между регионами. В этом случае получается многорегиональная (multi-regional) межотраслевая модель, баланс производства и распределения продукции которой выглядит следующим образом¹:

$$X^r = A^r X^r + Y^r + \sum_{s \neq r} (X^{rs} - X^{sr}), r = \overline{1, m},$$

где X^{rs}, X^{sr} – региональные объёмы вывоза и ввоза.

При применении такого подхода важным шагом является оценка «агрегированных» коэффициентов прямых затрат регионов (technical coefficients). Отличие коэффициентов матриц A^{rr} и A^r заключается в том, что первые характеризуют прямые затраты именно этого региона, исключая продукцию как остальных регионов (межрегиональные коэффициенты прямых затрат), так и импортную (коэффициенты импорта), т. е.:

$$A^r = A^{rr} + \sum_{s \neq r} A^{sr} + A^{rIm}.$$

Наиболее простым способом оценивания этих показателей является их приравнивание к национальным коэффициентам прямых затрат. К примеру, данный подход использовался в США (Isard, Keunne, 1953). Однако многие авторы определяют необходимость корректировок национальных коэффициентов на межрегиональные различия цен (Richardson, 1972) и отраслевой агрегации (Shen, 1960).

Если известны суммарные значения промежуточного потребления по строкам и столбцам, возможно применение метода RAS (Stone, 1961), представляющего собой итеративную процедуру бипропорциональных корректировок квадрантов по строкам и столбцам.

¹ OMMM как раз относится к классу многорегиональных моделей.

Для каждой продукции рассчитываются относительные невязки по строкам:

$$r_i = \frac{x_{ij}^r}{\sum_j x_{ij}^r},$$

после чего значения x_{ij}^r пропорционально изменяются по строкам. Далее аналогичная процедура производится для столбцов:

$$c_j = \frac{x_{ij}^r}{\sum_i x_{ij}^r}.$$

В результате нескольких итераций оцениваются значения регионального промежуточного потребления и, как следствие, значения региональных технологических коэффициентов a_{ij}^r . Более того, существует несколько модификаций RAS (например, CRAS, GRAS), которые применяются для регионализации таблиц «затраты – выпуск» в Чехии (Holý, Šafr, 2023), Нидерландах (Junius, Oosterhaven, 2003; Mínguez, 2009), Тайване (Liu et al., 2013), Великобритании (Wiedmann et al., 2011), Японии (Gabela, 2020) и многих других странах. Стоит отметить, что метод RAS также можно использовать для обновления первого квадранта межотраслевых таблиц, как национальных, так и региональных (Oosterhaven, 1980).

Существует группа энтропийных методов, представляющих собой задачу математического программирования, где в качестве целевого функционала выступает взвешенная кросс-энтропия (Lamonica et al., 2020):

$$\left\{ \begin{array}{l} H = \sum_i \frac{x_j^r}{\sum_j x_j^r} \sum_j a_{ij}^r \log_2 \left(\frac{a_{ij}^r}{a_{ij}^n} \right) \rightarrow \min_{a_{ij}^r} \\ \sum_j a_{ij}^r x_j^r = x_i^r \\ \sum_i a_{ij}^r = \gamma_j, \end{array} \right.$$

где a_{ij}^r, a_{ij}^n – коэффициенты прямых затрат региона r и страны соответственно;

x_i^r – выпуск отрасли i региона r ;

γ_j – доля промежуточного потребления в выпуске отрасли j .

Суть энтропийных методов схожа с процедурой RAS – подгон под известные суммарные значения по строкам и столбцам с минимальным изменением структуры таблицы.

Для оценивания региональных значений вывоза/ввоза довольно востребованным является метод гравитационных моделей. Смысл такого подхода заключается в том, что степень межрегиональных взаимодействий можно охарактеризовать расстоянием между регионами (чем меньше расстояние, тем сильнее взаимодействие). Данная методология используется в Китае (Mi et al., 2018), Бразилии (Siroen et al., 2014), Иране (Tarahomi, Bazzazan, 2021), Японии (Greaney, Kiyota, 2020) и других странах.

Если в межрегиональных моделях пропорции распределения регионального продукта заданы экзогенно (коэффициенты a_{ij}^{rr} и a_{ij}^{sr}), то в случае с многорегиональными моделями соответствующие показатели необходимо измерить, используя рассчитанные значения технологических коэффициентов и межрегиональной торговли. Для этого можно применить подход Мозеса – Ченери (Zhuoying, 2002). С учётом того, что данный метод используется в статье, его подробное описание приведено в следующем разделе.

Отечественный опыт

В отечественной практике имеется опыт составления региональных таблиц, но их разработка проводилась в условиях другой экономической системы и на основе методологии баланса народного хозяйства (БНХ). Так, для 1959, 1966, 1972, 1977, 1982 и 1987 гг. построены таблицы «затраты – выпуск» для всех союзных республик СССР. Однако после перехода к СНС оценивание региональных таблиц статистическими органами было прекращено.

После распада СССР работы по созданию региональных межотраслевых таблиц активизировались в 2000-х годах. Так, были построены региональные балансы для республик Башкортостан (Саяпова, 2004) и Бурятия (Дондоков и др., 2014), для Дальневосточного федерального округа (Михеева, 2005), для системы федеральных округов РФ в целом (Zaitseva, 2002; Ershov et al., 2021).

Если говорить о ключевых параметрах региональных таблиц, то для расчёта значений промежуточного потребления в качестве первоначального приближения использовалась структура общероссийской таблицы, после чего производилась процедура RAS для балансировки. Значения вывоза-ввоза определялись как с помощью сбора информации по предприятиям

о межрегиональных потоках, так и с применением основного уравнения межотраслевого баланса и дальнейшей корректировки неувязок.

Методология исследования

Для выполнения поставленной цели предлагается модифицировать базовую постановку модели Мозеса-Ченери, рассматривая «хозяйственные» отрасли (матрица K) и выделяя импорт (вектор-столбец M). Математически это можно описать следующим матричным уравнением:

$$KX + M = GAX + GY,$$

где X и Y – векторы-столбцы (композиции векторов X^r и Y^r соответственно) размерности $(m \times n)$; A – квазидиагональная матрица размерности $(m \times n) \times (m \times n)$, диагональными блоками которой являются региональные матрицы коэффициентов прямых затрат A^r ; G – матрица размерности $(m \times n) \times (m \times n)$ торговых коэффициентов, состоящая из m^2 диагональных блоков (Dushenin et al., 2023).

Торговый коэффициент g_i^{rs} определяет долю региона r во внутреннем использовании продукции i -й отрасли региона s . Под внутренним использованием региона s понимается использование (выпуск плюс импорт) за вычетом сальдо вывоза-ввоза данного региона S_i^s :

$$g_i^{rs} = \frac{x_i^{rs}}{x_i^s + m_i^s - S_i^s}.$$

Для экономики двух регионов (Европа и Азия) блочно-матричная запись модели выглядит следующим образом:

$$\begin{pmatrix} K^E & 0 \\ 0 & K^A \end{pmatrix} \begin{pmatrix} X^E \\ X^A \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} M^E \\ M^A \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} G^{EE} & G^{EA} \\ G^{AE} & G^{AA} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} A^E & 0 \\ 0 & A^A \end{pmatrix} \begin{pmatrix} X^E \\ X^A \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} G^{EE} & G^{EA} \\ G^{AE} & G^{AA} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} Y^E \\ Y^A \end{pmatrix}.$$

Из построенной модели Мозеса-Ченери несложно выделить матрицы пространственных мультипликаторов прямых и полных затрат Q и B соответственно, каждая из которых состоит из четырех блоков:

$$Q = \begin{pmatrix} Q^{EE} & Q^{EA} \\ Q^{AE} & Q^{AA} \end{pmatrix} = GA,$$

$$B = \begin{pmatrix} B^{EE} & B^{EA} \\ B^{AE} & B^{AA} \end{pmatrix} = (K - Q)^{-1}G.$$

Степень взаимозависимости и взаимодополняемости регионов можно рассматривать с нескольких сторон. Во-первых, с помощью баланса использования продукции:

$$\begin{aligned} K^E X^E + M^E &= Q^{EE} X^E + Q^{EA} X^A + G^{EE} Y^E + G^{EA} Y^A, \\ K^A X^A + M^A &= Q^{AE} X^E + Q^{AA} X^A + G^{AE} Y^E + G^{AA} Y^A. \end{aligned}$$

Фактически это означает, что каждый регион распределяет свои ресурсы как на собственное промежуточное и конечное потребление, так и на промежуточное и конечное потребление другого региона. Это позволит определить степень «щедрости» Европейской и Азиатской частей РФ.

Во-вторых, с помощью баланса создания продукции²:

$$\begin{aligned} X^E + M^E &= Q^{EE} X^E + Q^{AE} X^E + GVA^E + M^E, \\ X^A + M^A &= Q^{EA} X^A + Q^{AA} X^A + GVA^A + M^A. \end{aligned}$$

Фактически это означает, что ресурсы каждого региона включают в себя производственные расходы всех регионов, доходы от производственной деятельности (ВДС), а также импорт. Это позволит определить степень «важности» Европейской и Азиатской частей РФ.

Результаты расчетов

В таблице 1 представлены значения торговых коэффициентов для Европейской и Азиатской частей РФ. Как видим, Азиатская часть России обеспечивает себя практически всеми видами полезных ископаемых, что подтверждается единичными значениями коэффициентов g^{AA} и нулевыми значениями коэффициентов g^{EA} для соответствующих отраслей. Кроме того, для многих видов добываемой продукции вклады данного региона в Европейскую часть России настолько существенные, что приближаются к единице (значения коэффициентов g^{AE}). Фактически такой расклад событий означает, что для Азиатской части России характерен избыточный выпуск сырьевой продукции и Азия является единственным поставщиком сырья.

² GVA – валовая добавленная стоимость.

Таблица 1. Торговые коэффициенты по состоянию на 2019 г.

Отрасль	Европа (r)		Азия (r)	
	Европа (s) G^{EE}	Азия (s) G^{EA}	Европа (s) G^{AE}	Азия (s) G^{AA}
Сельское хозяйство	0,994	0,000	0,006	1,000
Лесоводство и лесозаготовки	0,812	0,000	0,188	1,000
Рыбоводство и рыболовство	0,520	0,000	0,480	1,000
Добыча угля	0,116	0,000	0,884	1,000
Добыча нефти	0,594	0,000	0,406	1,000
Добыча газа	0,265	0,000	0,735	1,000
Добыча руд черных металлов	1,000	0,322	0,000	0,678
Добыча руд цветных металлов	0,557	0,000	0,443	1,000
Добыча прочих полезных ископаемых	0,772	0,000	0,228	1,000
Пищевая промышленность	1,000	0,304	0,000	0,696
Легкая промышленность	1,000	0,253	0,000	0,747
Деревообработка	0,999	0,000	0,001	1,000
Целлюлозно-бумажная промышленность	1,000	0,221	0,000	0,779
Полиграфия и копирование	1,000	0,548	0,000	0,452
Производство кокса	0,936	0,000	0,064	1,000
Производство нефтепродуктов	0,992	0,000	0,008	1,000
Химическая промышленность	1,000	0,237	0,000	0,763
Прочая минеральная неметаллическая продукция	1,000	0,468	0,000	0,532
Чёрные металлы	1,000	0,435	0,000	0,565
Цветные металлы	0,728	0,000	0,272	1,000
Производство готовых металлических изделий	1,000	0,580	0,000	0,420
Машиностроение	1,000	0,277	0,000	0,723
Прочие производства	1,000	0,018	0,000	0,982
Производство и распределение электроэнергии	0,852	0,000	0,148	1,000

Источник: расчеты авторов.

Безусловно, причина такой ресурсной зависимости заключается в региональной специализации, обусловленной географическим положением. Однако важно рассматривать направления использования ресурсов Востока. Например, высокие вклады Азии в Европу для нефтегазовой продукции связаны с особенностью регистрации результатов внешнеторговой деятельности (основная часть экспорта нефти и газа относится к Центральному федеральному округу – г. Москва). Кроме того, стоит отметить нефтеперерабатывающую и нефтехимическую специализацию Европейской части России.

Однако не стоит делать вывод о том, что ресурсный потенциал данного региона играет решающую роль в экономическом развитии всей системы, так как высокие значения коэффициентов g^{BE} для полезных ископаемых характери-

зуют лишь их отсутствие в Европе (это может распространяться и на другие отрасли других регионов). Более информативные результаты получены в финале исследования при анализе структур создания и использования регионального продукта.

В таблице 2 представлены пространственные мультипликаторы прямых затрат (суммы по столбцам). Интерпретируем полученные результаты на примере отрасли «Добыча нефти» для Европейской части России: если потребность в выпуске продукции соответствующей отрасли для Европы вырастет на 1 руб., то промежуточное потребление в Европейской части РФ увеличится на 0,107 руб. (региональный мультипликатор), в Азиатской части РФ – на 0,013 руб. (межрегиональный мультипликатор), суммарно в РФ – на 0,120 руб. (национальный мультипликатор).

Таблица 2. Пространственные мультипликаторы прямых затрат по состоянию на 2019 г.

Отрасль	Европа (s)		Азия (s)	
	Европа (r) Q^{EE}	Азия (r) Q^{EA}	Европа (r) Q^{AE}	Азия (r) Q^{AA}
Сельское хозяйство	0,484	0,004	0,041	0,444
Лесоводство и лесозаготовки	0,479	0,022	0,026	0,502
Рыбоводство и рыболовство	0,388	0,013	0,029	0,376
Добыча угля	0,474	0,077	0,025	0,515
Добыча нефти	0,107	0,013	0,004	0,103
Добыча газа	0,166	0,008	0,003	0,081
Добыча руд черных металлов	0,322	0,054	0,017	0,366
Добыча руд цветных металлов	0,402	0,068	0,022	0,445
Добыча прочих полезных ископаемых	0,282	0,047	0,015	0,319
Пищевая промышленность	0,708	0,010	0,071	0,657
Легкая промышленность	0,633	0,003	0,097	0,574
Деревообработка	0,593	0,035	0,038	0,650
Целлюлозно-бумажная промышленность	0,596	0,015	0,067	0,589
Полиграфия и копирование	0,665	0,003	0,138	0,569
Производство кокса	0,543	0,238	0,010	0,788
Производство нефтепродуктов	0,493	0,215	0,009	0,709
Химическая промышленность	0,646	0,012	0,089	0,582
Прочая минеральная неметаллическая продукция	0,621	0,044	0,117	0,534
Чёрные металлы	0,635	0,094	0,092	0,643
Цветные металлы	0,449	0,067	0,066	0,459
Производство готовых металлических изделий	0,647	0,032	0,151	0,561
Машиностроение	0,701	0,013	0,157	0,569
Прочие производства	0,595	0,017	0,101	0,535
Производство и распределение электроэнергии	0,629	0,085	0,011	0,655
Производство и распределение газа	0,569	0,078	0,010	0,596
Производство и распределение теплотенергии	0,648	0,088	0,011	0,685
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	0,589	0,030	0,062	0,560
Строительство	0,551	0,014	0,115	0,455
Торговля и ремонт АТСиМ	0,412	0,007	0,011	0,423
Сухопутный транспорт	0,472	0,009	0,015	0,468
Трубопроводный транспорт	0,580	0,012	0,019	0,555
Прочий транспорт	0,586	0,003	0,015	0,528
Гостиницы и общепит	0,557	0,007	0,066	0,494
Информация и связь	0,488	0,001	0,019	0,474
Деятельность финансовая и страховая	0,308	0,000	0,004	0,306
Операции с недвижимым имуществом	0,233	0,003	0,010	0,226
Деятельность профессиональная, научная, техническая	0,428	0,002	0,031	0,406
Деятельность административная и сопутствующие услуги	0,264	0,001	0,012	0,250
Госуправление	0,369	0,002	0,013	0,352
Образование	0,209	0,004	0,009	0,199
Здравоохранение	0,363	0,003	0,037	0,331
Культура, спорт, досуг, развлечения	0,410	0,004	0,019	0,394
Прочие виды услуг	0,407	0,002	0,027	0,382
Деятельность домохозяйств	0,000	0,000	0,000	0,000

Источник: расчеты авторов.

Анализируя пространственные мультипликаторы прямых материальных затрат, можно заметить высокую долю Азиатской части России в структуре прямых затрат Европейской части для отраслей «Производство кокса» и «Производство нефтепродуктов». Это связано со специализацией Европы в соответствующих секторах, для производства продукции которых необходимы сырьевые ресурсы, которыми обладает Азия. Также стоит отметить высокую долю Европы в структуре прямых затрат Азии для таких отраслей, как «Легкая промышленность», «Химическая промышленность» и др.

В таблице 3 представлены пространственные мультипликаторы полных затрат (суммы по столбцам). Интерпретируем полученные результаты на примере отрасли «Добыча нефти» для Европейской части России: если потребность в конечном потреблении продукции соответствующей отрасли для Европы вырастет на 1 руб., то материальные затраты в Европейской части РФ увеличатся на 0,701 руб. (региональный мультипликатор), в Азиатской части РФ – на 0,477 руб. (межрегиональный мультипликатор), суммарно в РФ – на 1,178 руб. (национальный мультипликатор).

Таблица 3. Пространственные мультипликаторы полных затрат по состоянию на 2019 г.

Отрасль	Европа (s)		Азия (s)	
	Европа (r) <i>B^{EE}</i>	Азия (r) <i>B^{EA}</i>	Европа (r) <i>B^{AE}</i>	Азия (r) <i>B^{AA}</i>
Сельское хозяйство	1,943	0,056	0,180	1,830
Лесоводство и лесозаготовки	1,594	0,469	0,145	1,975
Рыбоводство и рыболовство	0,679	0,770	0,061	1,500
Добыча угля	0,334	1,682	0,132	1,879
Добыча нефти	0,701	0,477	0,021	1,154
Добыча газа	0,362	0,850	0,017	1,143
Добыча руд черных металлов	1,600	0,109	0,584	1,130
Добыча руд цветных металлов	0,980	0,869	0,113	1,751
Добыча прочих полезных ископаемых	1,075	0,413	0,067	1,476
Пищевая промышленность	2,492	0,061	0,983	1,634
Легкая промышленность	2,367	0,046	0,876	1,624
Деревообработка	2,224	0,138	0,198	2,293
Целлюлозно-бумажная промышленность	2,281	0,095	0,732	1,722
Полиграфия и копирование	2,462	0,059	1,582	0,980
Производство кокса	1,613	0,570	0,001	2,213
Производство нефтепродуктов	1,738	0,381	0,053	2,103
Химическая промышленность	2,402	0,116	0,849	1,717
Прочая минеральная неметаллическая продукция	2,311	0,152	1,291	1,151
Чёрные металлы	2,352	0,270	1,233	1,398
Цветные металлы	1,467	0,654	0,253	1,883
Производство готовых металлических изделий	2,420	0,167	1,629	0,994
Машиностроение	2,688	0,108	1,212	1,618
Прочие производства	2,324	0,098	0,448	2,039
Производство и распределение электроэнергии	1,958	0,551	0,091	2,266
Производство и распределение газа	2,219	0,291	0,001	2,283
Производство и распределение теплотенергии	2,333	0,268	0,087	2,348
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	2,244	0,154	0,265	2,129
Строительство	2,177	0,093	0,396	1,896
Торговля и ремонт АТСиМ	1,761	0,027	0,075	1,735
Сухопутный транспорт	1,895	0,078	0,098	1,862
Трубопроводный транспорт	2,104	0,096	0,118	2,023
Прочий транспорт	2,190	0,082	0,101	2,027
Гостиницы и общепит	2,135	0,045	0,252	1,929
Информация и связь	1,946	0,024	0,123	1,855
Деятельность финансовая и страховая	1,513	0,009	0,034	1,489

Окончание таблицы 3

Отрасль	Европа (s)		Азия (s)	
	Европа (r) B^{EE}	Азия (r) B^{EA}	Европа (r) B^{AE}	Азия (r) B^{AA}
Операции с недвижимым имуществом	1,431	0,028	0,056	1,393
Деятельность профессиональная, научная, техническая	1,790	0,021	0,133	1,707
Деятельность административная и сопутствующие услуги	1,497	0,023	0,063	1,437
Госуправление	1,742	0,034	0,097	1,657
Образование	1,415	0,029	0,058	1,373
Здравоохранение	1,765	0,039	0,174	1,641
Культура, спорт, досуг, развлечения	1,786	0,038	0,113	1,705
Прочие виды услуг	1,771	0,028	0,131	1,666
Деятельность домохозяйств	1,000	0,000	0,000	1,000

Источник: расчеты авторов.

Если проанализировать структуры прямых и полных затрат Европейской части России для отрасли «Добыча нефти», то можно заметить высокую долю Азии в полных затратах Европы и низкую долю в прямых затратах. Это связано с тем, что большая часть нефти отправляется на

экспорт (учитывая особенности регистрации результатов внешней торговли, такие значения мультипликаторов вполне логичны).

В *таблицах 4 и 5* представлены балансы использования продукции для Европейской и Азиатской частей РФ соответственно. Интер-

Таблица 4. Баланс использования товаров и услуг Европейской части РФ по состоянию на 2019 г., %

Отрасль	ПП для Европы	ПП для Азии	КП для Европы	КП для Азии
Сельское хозяйство	62,6	0,0	37,4	0,0
Лесоводство и лесозаготовки	66,0	0,0	34,0	0,0
Рыбоводство и рыболовство	61,2	0,0	38,8	0,0
Добыча угля	88,8	0,0	11,2	0,0
Добыча нефти	66,1	0,0	33,9	0,0
Добыча газа	77,4	0,0	22,6	0,0
Добыча руд черных металлов	25,7	3,4	67,4	3,5
Добыча руд цветных металлов	50,8	0,0	49,2	0,0
Добыча прочих полезных ископаемых	68,2	0,0	31,8	0,0
Пищевая промышленность	24,3	1,2	69,9	4,6
Легкая промышленность	21,0	0,8	74,2	4,0
Деревообработка	44,2	0,0	55,8	0,0
Целлюлозно-бумажная промышленность	60,9	2,1	35,8	1,3
Полиграфия и копирование	89,2	9,0	1,6	0,2
Производство кокса	65,8	0,0	34,2	0,0
Производство нефтепродуктов	49,5	0,0	50,5	0,0
Химическая промышленность	56,8	2,6	39,2	1,4
Прочая минеральная неметаллическая продукция	77,7	10,5	10,8	1,0
Чёрные металлы	53,3	5,6	38,6	2,5
Цветные металлы	68,8	0,0	31,2	0,0
Производство готовых металлических изделий	59,2	8,0	29,0	3,7
Машиностроение	38,8	2,2	54,3	4,7
Прочие производства	47,9	0,3	51,6	0,3
Производство и распределение электроэнергии	62,6	0,0	37,4	0,0
ЭКОНОМИКА В ЦЕЛОМ	42,8	0,8	55,4	0,9

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5. Баланс использования товаров и услуг Азиатской части РФ по состоянию на 2019 г., %

Отрасль	ПП для Европы	ПП для Азии	КП для Европы	КП для Азии
Сельское хозяйство	2,0	50,5	1,2	46,3
Лесоводство и лесозаготовки	23,1	35,3	11,9	29,7
Рыбоводство и рыболовство	26,5	11,1	16,7	45,7
Добыча угля	33,0	15,3	4,2	47,6
Добыча нефти	18,9	19,1	9,7	52,3
Добыча газа	19,9	11,1	5,8	63,2
Добыча руд черных металлов	0,0	49,0	0,0	51,0
Добыча руд цветных металлов	9,8	9,1	9,5	71,5
Добыча прочих полезных ископаемых	18,9	34,0	8,8	38,3
Пищевая промышленность	0,0	21,1	0,0	78,9
Легкая промышленность	0,0	17,4	0,0	82,6
Деревообработка	0,1	45,4	0,1	54,4
Целлюлозно-бумажная промышленность	0,0	62,1	0,0	37,9
Полиграфия и копирование	0,0	97,8	0,0	2,2
Производство кокса	9,8	49,3	5,1	35,9
Производство нефтепродуктов	1,3	48,6	1,3	48,8
Химическая промышленность	0,0	64,4	0,0	35,6
Прочая минеральная неметаллическая продукция	0,0	91,6	0,0	8,4
Чёрные металлы	0,0	68,9	0,0	31,1
Цветные металлы	26,9	23,8	12,2	37,0
Производство готовых металлических изделий	0,0	68,2	0,0	31,8
Машиностроение	0,0	32,2	0,0	67,8
Прочие производства	0,0	50,3	0,0	49,7
Производство и распределение электроэнергии	2,0	50,5	1,2	46,3
ЭКОНОМИКА В ЦЕЛОМ	7,5	35,2	3,0	54,3

Источник: расчеты авторов.

претируем полученные результаты на примере экономики Европейской части РФ в целом: из 100% произведённой и импортированной Европой продукции 42,8 и 55,4% расходуется внутри региона на промежуточное и конечное потребление, а 0,8 и 0,9% идут на удовлетворение соответствующих потребностей Азиатской части.

Рассматривая баланс Азиатской части, можно заметить, что данная экономическая зона отправляет Европе около 10,5% произведённого продукта. Это связано с высоким уровнем сырьевой базы, что демонстрируется значениями межрегионального влияния Азии в соответствующих отраслях. Если говорить о вкладе

Европейской части, то он наиболее значителен для отраслей «Полиграфия и копирование», «Прочая минеральная неметаллическая продукция» и «Производство готовых металлических изделий».

В таблицах 6 и 7 представлены балансы создания продукции для Европейской и Азиатской частей РФ соответственно. Интерпретируем полученные результаты на примере экономики Европейской части РФ в целом: если рассматривать произведённый и импортированный продукт в совокупности, то 100% его стоимости включают в себя 42,1 и 2,3% материальных расходов Европы и Азии соответственно, 45,8% валовой добавленной стоимости и 9,8% импорта.

Таблица 6. Баланс создания товаров и услуг Европейской части РФ по состоянию на 2019 г., %

Отрасль	ПП от Европы	ПП от Азии	ВДС	Импорт
Сельское хозяйство	42,0	0,3	47,1	10,6
Лесоводство и лесозаготовки	45,1	2,0	51,7	1,1
Рыбоводство и рыболовство	33,0	1,1	52,5	13,3
Добыча угля	36,5	5,9	34,6	23,1
Добыча нефти	10,4	1,3	85,1	3,3
Добыча газа	12,1	0,6	59,8	27,5
Добыча руд черных металлов	30,9	5,2	59,8	4,1
Добыча руд цветных металлов	34,3	5,7	45,2	14,8
Добыча прочих полезных ископаемых	27,6	4,6	65,8	2,0
Пищевая промышленность	63,1	0,9	23,4	12,5
Легкая промышленность	22,4	0,1	13,6	63,9
Деревообработка	55,3	3,3	35,2	6,2
Целлюлозно-бумажная промышленность	51,0	1,3	30,2	17,5
Полиграфия и копирование	65,0	0,3	33,0	1,7
Производство кокса	53,5	23,4	21,5	1,6
Производство нефтепродуктов	48,1	20,9	28,4	2,6
Химическая промышленность	43,1	0,8	22,6	33,5
Прочая минеральная неметаллическая продукция	55,6	4,0	30,5	9,9
Чёрные металлы	59,3	8,7	25,3	6,7
Цветные металлы	40,5	6,0	43,6	9,9
Производство готовых металлических изделий	54,8	2,7	26,7	15,8
Машиностроение	38,1	0,7	16,8	44,4
Прочие производства	45,8	1,3	31,6	21,3
Производство и распределение электроэнергии	62,8	8,5	28,6	0,1
Производство и распределение газа	56,9	7,8	35,3	0,0
Производство и распределение теплотенергии	64,7	8,7	26,5	0,1
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	63,9	3,2	30,5	2,4
Строительство	53,2	1,4	42,7	2,8
Торговля и ремонт АТСиМ	41,4	0,7	57,9	0,0
Сухопутный транспорт	46,5	0,9	51,2	1,4
Трубопроводный транспорт	57,3	1,1	40,3	1,3
Прочий транспорт	55,0	0,3	38,5	6,2
Гостиницы и общепит	55,2	0,7	43,2	1,0
Информация и связь	44,1	0,1	46,2	9,6
Деятельность финансовая и страховая	30,0	0,0	67,2	2,8
Операции с недвижимым имуществом	23,2	0,3	76,2	0,2
Деятельность профессиональная, научная, техническая	39,4	0,2	52,6	7,9
Деятельность административная и сопутствующие услуги	21,2	0,1	58,9	19,8
Госуправление	29,3	0,2	70,5	0,0
Образование	20,1	0,4	78,1	1,4
Здравоохранение	32,4	0,2	67,2	0,1
Культура, спорт, досуг, развлечения	40,8	0,4	58,4	0,4
Прочие виды услуг	40,4	0,2	58,9	0,5
Деятельность домохозяйств	0,0	0,0	100,0	0,0
ЭКОНОМИКА В ЦЕЛОМ	42,1	2,3	45,8	9,8
Источник: расчеты авторов.				

Таблица 7. Баланс создания товаров и услуг Азиатской части РФ по состоянию на 2019 г., %

Отрасль	ПП от Европы	ПП от Азии	ВДС	Импорт
Сельское хозяйство	3,6	38,8	47,6	10,0
Лесоводство и лесозаготовки	2,4	47,6	49,4	0,5
Рыбоводство и рыболовство	2,8	36,5	59,5	1,3
Добыча угля	2,4	51,0	45,6	1,0
Добыча нефти	0,4	10,2	88,2	1,2
Добыча газа	0,3	8,1	91,4	0,2
Добыча руд черных металлов	1,7	35,6	59,8	2,8
Добыча руд цветных металлов	2,1	43,1	51,7	3,0
Добыча прочих полезных ископаемых	1,5	31,7	66,2	0,5
Пищевая промышленность	5,7	53,7	20,6	19,9
Легкая промышленность	0,7	4,1	2,5	92,8
Деревообработка	3,5	60,8	29,4	6,3
Целлюлозно-бумажная промышленность	5,1	46,5	24,1	24,2
Полиграфия и копирование	13,0	54,9	28,6	3,6
Производство кокса	1,0	77,9	20,0	1,1
Производство нефтепродуктов	0,8	69,1	27,5	2,6
Химическая промышленность	4,1	27,5	15,3	53,1
Прочая минеральная неметаллическая продукция	9,1	41,7	27,7	21,6
Чёрные металлы	7,9	55,8	23,0	13,2
Цветные металлы	6,2	43,8	45,3	4,7
Производство готовых металлических изделий	7,7	28,8	14,5	49,1
Машиностроение	4,5	16,6	8,6	70,3
Прочие производства	7,5	40,1	28,9	23,4
Производство и распределение электроэнергии	1,1	65,4	33,4	0,1
Производство и распределение газа	1,0	59,6	39,3	0,2
Производство и распределение теплоты	1,1	68,5	30,4	0,1
Водоснабжение, сбор и утилизация отходов	6,6	59,6	29,4	4,4
Строительство	11,0	43,9	42,1	3,0
Торговля и ремонт АТСиМ	1,1	42,7	56,2	0,0
Сухопутный транспорт	1,5	46,5	51,2	0,9
Трубопроводный транспорт	1,8	55,1	42,3	0,8
Прочий транспорт	1,4	49,0	42,2	7,4
Гостиницы и общепит	6,5	49,0	43,6	1,0
Информация и связь	1,6	40,2	42,9	15,2
Деятельность финансовая и страховая	0,4	29,0	65,5	5,1
Операции с недвижимым имуществом	0,9	22,5	76,2	0,3
Деятельность профессиональная, научная, техническая	2,7	35,1	48,7	13,5
Деятельность административная и сопутствующие услуги	1,0	20,2	59,5	19,3
Госуправление	1,0	28,0	71,0	0,0
Образование	0,9	19,3	78,8	1,0
Здравоохранение	3,3	29,6	67,1	0,1
Культура, спорт, досуг, развлечения	1,9	39,3	58,4	0,5
Прочие виды услуг	2,6	38,0	58,7	0,7
Деятельность домохозяйств	0,0	0,0	100,0	0,0
ЭКОНОМИКА В ЦЕЛОМ	2,7	34,5	54,5	8,3
Источник: расчеты авторов.				

Несмотря на то, что в структуре использования вклад Азиатской части РФ в Европейскую достаточно высокий, в структуре создания продукции доля расходов, которые несёт Азия для Европы, гораздо меньше, что сопоставимо с пропорциями производства соответствующих экономических зон. Значительные вклады Азиатской части РФ наблюдаются для нефтеперерабатывающей промышленности, металлургии и энергетики. Значительные вклады Европейской части РФ характерны для отраслей «Полиграфия и копирование», «Строительство», «Прочая минеральная неметаллическая продукция», «Производство готовых металлических изделий» и др.

Первые расчеты по двухзональной модели межрегионального межотраслевого баланса проводились в ИЭОПП СО РАН более 30 лет назад. Но тогда был другой объект исследования — страна в разрезе «РСФСР — остальная часть СССР». Иным был и состав экономики, отражаемой в межотраслевых балансах: представлены лишь отрасли производственной сферы, а для нематериальных услуг, доля которых в экономике в настоящее время достаточно велика и продолжает расти, не существовало даже такого понятия, как валовой выпуск. Более агрегированным был и классификатор отраслей. В связи с этим выполненное исследование обладает по названным критериям явными признаками новизны.

Заключение

Представленные в работе количественные оценки взаимодействия Европейской и Азиатской частей РФ показывают, что вклад азиатских регионов наиболее значителен для продукции добывающих отраслей.

Ввиду учета в косвенных и полных затратах только тех потоков продукции, которые относятся к промежуточному потреблению, представляется целесообразным в перспективе развить используемую методику в направлении учета инвестиционных товаров. Кроме того, в дальнейшем планируется предпринять попытку построить региональные таблицы использования отечественных и импортных товаров для более детального учёта промежуточных затрат импорта и более глубокой оценки влияния внешней торговли на экономику регионов.

Актуальной остается и проблема разукрупнения классификатора видов экономической деятельности, поскольку агрегированное представление отраслей в таблицах «затраты — выпуск» содержит неявную гипотезу о полной взаимозаменяемости всей продукции, входящей в состав одной отрасли. Расчеты на более детализированных таблицах позволят получить более близкие к достоверным показатели межрегиональных взаимодействий, и степень взаимозависимости экономик макрорегионов должна увеличиться. Эти расчеты можно будет провести после обещанной Росстатом публикации детализированных таблиц за 2021 год.

Такие таблицы позволят на более высоком уровне осуществить переход от двухзонального анализа экономики к многорегиональному. Кроме того, актуальной представляется проблема межрегиональных «поставок» услуг, оказываемых субъектами экономической деятельности одного региона потребителям других регионов. Включение их в число продуктов, участвующих в межрегиональном обмене, поможет осуществить более полный анализ особенностей межрегиональных связей. При расчетах по многорегиональной модели это наиболее актуально для оценки роли Центрального федерального округа — главного поставщика финансовых, информационных и торговых услуг для предприятий и населения других округов.

Выполненные расчеты позволяют констатировать, что взаимосвязи между двумя макрорегионами имеют следующую специфику: развитие Азиатской части страны оказывает на экономику Европейской части РФ большее положительное воздействие, чем развитие Европейской части на экономику Азиатской, так как номенклатура производимых в Европейской части РФ товаров намного шире, чем в Азиатской, особенно инвестиционных товаров, в частности машин и оборудования. Поэтому инвестиции в Азиатскую часть и рост производства здесь окажут значительное косвенное воздействие и на экономику Европейской части. Такого рода эффект будет еще более значимым при включении в межрегиональную модель «поставок» услуг, по многим из которых Европа явно доминирует и фактически обслужи-

живает значительную часть их рынка в Азии. Дальнейшее разукрупнение классификатора видов деятельности, представленных на мольном уровне, позволит получить более точные количественные оценки особенностей взаимодействия двух макрозон.

Литература

- Блам Ю.Ш., Машкина Л.В. (2019). Проблемы и перспективы развития лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. № 11. С. 45–62.
- Дондоков З.Б.-Д. [и др.]. (2014). Межотраслевой анализ экономики республики Бурятия на основе таблиц «затраты – выпуск» // *Региональная экономика: теория и практика*. № 28 (355). С. 55–62.
- Малов В.Ю., Мелентьев Б.В. (2022). Транспортная система как объект государственного управления // *Вестник транспорта*. № 1. С. 9–11.
- Михеева Н.Н. (2005). Статистическая оценка таблиц «затраты-выпуск» для российского Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. № 2. С. 61–79.
- Новикова Т.С., Суслов В.И., Гулакова О.И. (2021). Ценовые аспекты оценки инвестиционных проектов // *Экономика региона*. № 17 (1). С. 16–30.
- Саяпова А.Р. (2004). Таблицы «Затраты – выпуск» в анализе и прогнозировании структурных параметров экономики региона // *Проблемы прогнозирования*. № 6. С. 28–41.
- Суслов В.И., Ибрагимов Н.М., Доможиров Д.А. (2021). Моделирование и анализ пространственного равновесия в экономике России // *Регион: экономика и социология*. № 4. С. 82–96.
- Суслов Н.И., Бузулуцков В.Ф. (2018). Об одном подходе при учете динамики в моделях класса ОМММ (на примере ОМММ-ТЭК) // *Мир экономики и управления*. № 18 (4). С. 112–125.
- Цыплаков А.А. (2022). Стационарность и рост в агент-ориентированной модели экономики // *Мир экономики и управления*. № 22 (1). С. 84–102.
- Azorín J., Alpañez R., Sánchez-de-la-Vega M. (2022). A new proposal to model regional input–output structures using location quotients: An application to Korean and Spanish regions. *Regional Science*, 101(5), 1219–1237. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12692>
- Dushenin A.I., Ibragimov N.M., Ershov Y.S. (2023). Multipliers in the analysis of interregional interactions. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 16(9), 1630–1643.
- Ershov Iu.S. (2012). Spatial aspect of the Russian Economy and prospects of its development: Before and after the crisis. *Regional Research of Russia*, 2(1), 1–11.
- Ershov Iu.S., Ibragimov N.M., Dushenin A.I. (2021). Input-output table regionalization and multiregional input-output model development algorithm. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(7), 1018–1027.
- Flegg A., Tohmo T. (2013). Estimating regional input coefficients and multipliers: The use of the FLQ is not a gamble. *Regional Studies*, 50(2).
- Flegg A., Webber C. (2000). Regional size, regional specialization and the FLQ formula. *Regional Studies*, 34, 563–569. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343400050085675>
- Fujimoto T. (2018). Appropriate assumption on cross-hauling national input–output table regionalization. *Spatial Economic Analysis*, 14(1), 106–128.
- Fukui S. (2023). Estimating input coefficients for regional input-output tables using deep learning with mixup. *Papers 2305.01201, arXiv.org*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2305.01201>
- Gabela J. (2020). On the accuracy of gravity- RAS approaches used for inter-regional trade estimation: Evidence using the 2005 interregional input–output table of Japan. *Economic Systems Research*, 32(4), 521–539. DOI: <https://doi.org/10.1080/09535314.2020.1753662>.
- Greaney T., Kiyota K. (2020). The gravity model and trade in intermediate inputs. *The World Economy*, 43(8), 2034–2049. Available at: <https://doi.org/10.1111/twec.12947>
- Holy V., Safr K. (2023). Disaggregating input–output tables by the multidimensional RAS method: A case study of the Czech Republic. *Economic Systems Research*, 35(1), 95–117. DOI: <https://doi.org/10.1080/09535314.2022.2091978>
- Isard W., Keunne R. (1953). The impact of steel upon the Greater New York - Philadelphia Industrial Region. *Review of Economics and Statistics*, 35(4), 289–301. DOI: <https://doi.org/10.2307/1924389>

- Jackson R., Járosi P. (2020). Consistent regional commodity-by-industry input-output accounts. *Working Paper 2020-03, Regional Research Institute, West Virginia University*.
- Junius T., Oosterhaven J. (2003). The solution of updating or regionalizing a matrix with both positive and negative entries. *Economic System Research*, 15(1), 87–97.
- Kronenberg K., Fuchs M. (2022). The socio-economic impact of regional tourism: an occupation-based modelling perspective from Sweden. *Journal of Sustainable Tourism*, 30(12), 2785–2805. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1924757>.
- Lahr M., Ferreira J., Többen J. (2020). Intraregional trade shares for goods-producing industries: RPC estimates using EU data. *Regional Science*, 99(6), 1583–1605. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12541>
- Lamonica G., Recchioni C., Chelli M., Salvati L. (2020). The efficiency of the cross-entropy method when estimating the technical coefficients of input–output tables. *Spatial Economic Analysis*, 15(1), 62–91. DOI: <https://doi.org/10.1080/17421772.2019.1615634>
- Liu C., Lenzen M., Murray J. (2013). A disaggregated emissions inventory for Taiwan with uses in hybrid input-output life cycle analysis (IO-LCA). *Natural Resources Forum*, 36(2). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-8947.2012.01439.x>
- Mi Z., Meng J., Zheng H., Shan Y., Wei Y., Guan D. (2018). A multi-regional input-output table mapping China's economic outputs and interdependencies in 2012. *Scientific Data*, 5(1). DOI: <https://doi.org/10.1038/sdata.2018.155>
- Mínguez R. (2009). Cell-corrected RAS method (CRAS) for updating or regionalizing an input-output matrix. *Journal of Regional Science*, 49(2), 329–348.
- Morrissey K. (2016). A location quotient approach to producing regional production multipliers for the Irish economy. *Regional Science*, 95(3), 491–507. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12143>
- Oosterhaven J. (1980). Review of Dutch regional input-output analysis. *The Annals in Regional Science*, 14(3), 6–14. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01287309>
- Oosterhaven J., Hewings G. (2014). Interregional input-output models. In: *Handbook of Regional Science*. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-23430-9_43
- Pereira-López X., Carrascal-Incera A., Fernández-Fernández M. (2020). A bidimensional reformulation of location quotients for generating input–output tables. *Spatial Economic Analysis*, 15(4), 476–493. DOI: <https://doi.org/10.1080/17421772.2020.1729996>
- Pereira-López X., Sánchez-Chóez N., Fernández-Fernández M. (2021). Performance of bidimensional location quotients for constructing input–output tables. *Journal of Economic Structures*, 10(7). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40008-021-00237-5>
- Richardson H. (1972). *Input-Output and Regional Economics*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Round J.I. (1972). Regional input-output models in the UK: A reappraisal of some techniques. *Regional Studies*, 6(1), 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1080/09595237200185011>
- Shen T. (1960). An input-output table with regional weights. *Regional Science*, 6, 113–199. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1435-5597.1960.tb01706.x>
- Siroen J. (2014). *Gravity Models, Interregional Input-Output, and Trade In Value Added: A New Approach Applied to Brazil Internal and International Trade* [conference presentation abstract]. 22nd International Input-Output Conference & 4th Edition of the International School of I-O Analysis 14-18 July 2014, Lisbon, Portugal.
- Stone R. (1961). *Input-Output and National Accounts*. Organization for Economic Cooperation and Development.
- Tarahomi F., Bazzazan F. (2021). A method for preparing multi-regional input-output tables despite data limitation: FLQ-Gravity. *Journal of Economic Cooperation & Development*, 42(2).
- Wiedmann T., Suh S., Feng K. et al. (2011). Application of hybrid life cycle approaches to emerging energy technologies – the case of wind power in the UK. *Environmental Science and Technology*, 45(13), 5900–5907. DOI: <https://doi.org/10.1021/es2007287>
- Zaitseva I. (2002). *Multiregional Analysis on the base of Input-Output Table* [conference presentation abstract]. 14th International Conference on Input-Output Techniques, Montreal, Canada, 10-15th October. Available at: <https://www.iioa.org/conferences/14th/papers.html>
- Zhuoying Z. (2002). The compilation of China's interregional input-output model. *Economic Systems Research*, 27(2), 238–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/09535314.2015.1040740>

Сведения об авторах

Виктор Иванович Суслов – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: suslov@ieie.nsc.ru)

Александр Игоревич Душенин – аспирант, Новосибирский государственный университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: a.dushenin@g.nsu.ru); младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17)

Юрий Семенович Ершов – старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: eryus@mail.ru)

Наимджон Мулабоевич Ибрагимов – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru); профессор, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20); профессор, заместитель декана экономического факультета, Новосибирский государственный университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1)

Suslov V.I., Dushenin A.I., Ershov Yu.S., Ibragimov N.M.

Interactions of Regional Economies and Multiplicative Effects (Using the Example of a Two-Zone Input-Output Model of Russia)

Abstract. Currently, the key areas of Siberian economics include analyzing the economy and assessing the prospects of the Asian part of Russia. To achieve the goal, it is necessary to determine the contribution of the Asian part of Russia to the economy of other regions and the country as a whole. The aim of this work is to study the interaction of Russia's European and Asian parts. The input-output tables built in the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences for the European and Asian economic zones as of 2019 allow us to assess the effects of regional interaction at the industry level using multiplicative analysis tools. The paper presents calculated regional and interregional coefficients of direct and total costs, as well as balance sheets reflecting the creation and use of products for European and Asian regions. The results of the study indicate that in the structure of direct costs of the European part of Russia, the weight of the Asian part is significant for the production of coke and petroleum products (about 44%), ferrous and non-ferrous metallurgy (about 15%) and other industries. In the structure of the total costs of the European part of Russia, a high proportion of the Asian part is observed for extractive industries, ferrous and non-ferrous metallurgy and oil refining industry, which is partly due to the specifics of recording the results of foreign trade. If we consider the balance of use of products from the Asian part of Russia, we see that 7.5% of the produced product goes to intermediate consumption and 3.0% is sent to meet the final demand of European regions. The results of the work can be used to measure the effects of public financing at the regional and federal levels. Due to the fact that indirect and full costs account for only those product flows that relate to intermediate consumption, it seems advisable in the future to elaborate on the methodology so as to include accounting for investment goods.

Key words: interregional interactions, multi-regional input-output models, European part of Russia, Asian part of Russia, multiplicative effect, direct and indirect costs.

Information about the Authors

Victor I. Suslov – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: suslov@ieie.nsc.ru)

Alexandr I. Dushenin – postgraduate student, Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: a.dushenin@g.nsu.ru); Junior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Yuri S. Ershov – Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: eryus@mail.ru)

Naimdzhon M. Ibragimov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: naimdjon@ieie.nsc.ru); Professor, Novosibirsk State Technical University (20, Karl Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation); Professor, deputy dean of the Faculty of Economics, Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Статья поступила 14.10.2024.

Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала)

Владимир Николаевич АРХАНГЕЛЬСКИЙ

МГУ имени М.В. Ломоносова

Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики (НИИ статистики Росстата)

Москва, Российская Федерация

e-mail: archangelsky@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7091-9632; ResearcherID: T-4845-2017

Ольга Анатольевна ЗОЛОТАРЕВА

МИРЭА – Российский технологический университет

Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики (НИИ статистики Росстата)

Москва, Российская Федерация

e-mail: OAMahova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7339-7510; ResearcherID: ABC-2847-2021

Оксана Викторовна КУЧМАЕВА

МГУ имени М.В. Ломоносова

Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики (НИИ статистики Росстата)

Москва, Российская Федерация

e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0386-857X; ResearcherID: L-9513-2015

Для цитирования: Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. (2024). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4

For citation: Arkhangel'skiy V.N., Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V. (2024). Two approaches to assessing the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 77–97. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.4

Аннотация. В последнее время возрастает внимание к оценке результативности мер, направленных на рост рождаемости. Среди наиболее значимых из них выделяют федеральный материнский (семейный) капитал, что предопределяет полезность выработки методических подходов к измерению влияния конкретных мер демографической политики, в частности материнского капитала, на динамику рождаемости. Цель исследования – формирование методики оценки и измерение результативности федерального материнского капитала на базе официальной статистической информации. В статье представлено два подхода к методике оценки результативности федерального материнского (семейного) капитала: первый основан на данных текущего учета, второй – на данных переписи и микропереписи населения. В рамках первого подхода авторы полагают необходимым применять, в частности, возрастные коэффициенты рождаемости по вторым рождениям в реальных поколениях женщин, то есть отнесенные не к календарным годам, а к поколениям. Второй подход базируется на информации о репродуктивных намерениях населения. В соответствии с ней осуществлено сопоставление данных о среднем ожидаемом числе детей, согласно микропереписи населения 2015 года, и среднем числе рожденных детей по результатам переписи населения 2020 года. Предлагаемая методика позволяет получить оценки результативности мер демографической политики с учетом их целевой направленности (например, рост рождаемости определенной очередности или у женщин определенных возрастных групп). Апробация предлагаемых подходов на примере оценки результативности материнского капитала свидетельствует о целесообразности их применения. Конвергенция двух подходов в целях измерения результативности федерального материнского капитала, методика использования более детальных показателей рождаемости в оценке мер демографической политики составляют научную новизну. Апробация предлагаемых подходов обладает не только аналитическими возможностями, позволяя изучать рождаемость в реальных поколениях женщин по очередности рождений и характеризовать репродуктивные установки, но и представляет обоснования для выводов о результативности такой меры, как федеральный материнский капитал.

Ключевые слова: федеральный материнский капитал, рождаемость, вторые рождения, «тайминговые» сдвиги, результативность мер.

Введение

В современной России усиливается демографический кризис в связи с начавшейся в 2016–2017 гг. второй волной депопуляции (Рязанцев, Рыбаковский, 2021), характеризующейся сокращением численности населения на фоне критически низкой рождаемости. Несмотря на активно проводимую демографическую политику, в настоящее время значение суммарного коэффициента рождаемости не только далеко от уровня простого воспроизводства населения (2,12–2,14), но и характеризуется неблагоприятной динамикой (*рис. 1*).

Прогнозные значения суммарного коэффициента рождаемости, представленные Рос-

статом, на обозримый временной лаг выглядят весьма неутешительными, предполагая недостижение поставленных национальных целей развития как на 2030, так и на 2036 год¹ (к 2030 году целевое значение 1,6 при наиболее оптимистичном прогнозе Росстата по верхней границе, равной 1,516²; к 2036 году, соответственно, 1,8 против 1,675). В связи с этим высокую практическую значимость имеет оценка результативности государственных решений в сфере рождаемости³. Еще в конце 1990-х годов ведущий российский демограф В.А. Борисов доказал, что именно рождаемость играет главную роль в воспроизводстве населения⁴.

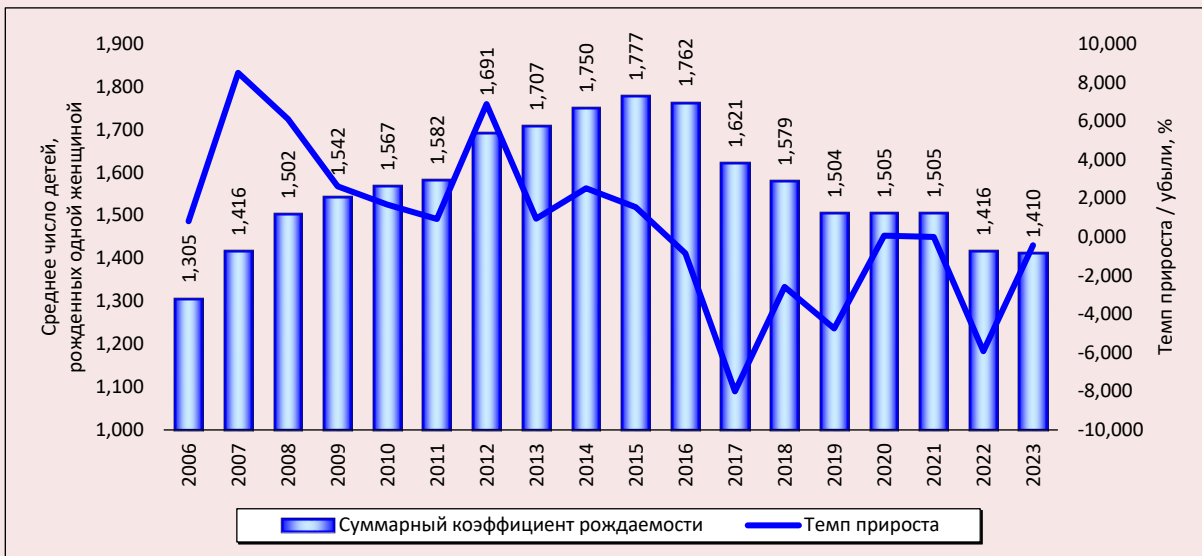
¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 09.10.2024).

² Росстат. Демографический прогноз. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 09.10.2024).

³ Повышение рождаемости – основная цель демографической политики России. URL: <https://vcot.info/blog/povyshenie-rozdaemosti-osnovnaa-cel-demograficeskoj-politiki-rossii> (дата обращения 09.10.2024).

⁴ Борисов В.А. (1999). Демография: учебник для вузов. М.: Издательский дом NOTABENE.

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России за период с 2006 по 2023 год

Источник: данные Росстата.

Обзор литературы

В настоящее время измерению результативности демографической политики, в частности мер, направленных на рост рождаемости, уделяют большое внимание исследователи и практики (Архангельский и др., 2016; Рыбаковский, 2016; Слонимчик, Юрко, 2016; Буланова, 2022; Ростовская и др., 2022; Агеев, Золотарева, 2023; Багирова и др., 2024 и др.). Однако единства в подходах не наблюдается, что дает нам основания предложить свое видение этого вопроса.

В большинстве работ представлен комплексный подход к оценке результативности демографической политики и лишь в ряде случаев делается акцент на отдельные меры. Следует отметить, что комплексный подход характерен в целом для зарубежной практики, что отражено, например, в статье К. Аделя и С. Вейланда, где систематизированы теоретические основы методологии оценки социальной политики, частью которой является демографическая политика (Adelle, Weiland, 2012).

В работе А.И. Агеева, О.А. Золотаревой представлен комплексный подход к оценке результативности демографической политики, не выделяющий эффективность воздействия конкретных принимаемых решений (Агеев, Золотарева, 2023).

В статье М.А. Булановой оценивается результативность демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа) и также не измеряется воздействие на рождаемость отдельных реализуемых мер (Буланова, 2022).

В работе коллектива авторов «Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022» (Ростовская и др., 2022) используется подход, основанный на интегральной оценке по разработанной системе показателей мониторинга семейно-демографической политики. Комплексный подход к анализу демографического поведения населения, отражающий результаты проекта «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России», выполняемого творческим коллективом российских ученых из академических институтов и ведущих университетов, поддержанного Российским научным фондом, представлен в ряде трудов коллектива исследователей (Шабунова, Ростовская, 2020; Ильин и др., 2021).

Одним из направлений оценки результативности мер демографической политики выступает анализ итогов опросов целевых групп (Малева и др., 2017). Так, работа А.П. Багировой,

Н.Д. Бледновой, А.В. Нешатаева основана на результатах исследования, позволивших оценить влияние системы отпусков по уходу за ребенком на рождаемость по мнению родителей (Багирова и др., 2024). В данном случае предложено измерение воздействия конкретной меры, но довольно узконаправленной. При этом важно отметить, что в современных условиях разработка системы отпусков, бесспорно, значима, прежде всего в контексте необходимости обеспечения сбалансированного сочетания профессиональных и домашних обязанностей, что помогает смягчить конфликт между семьей и работой, который рассматривается как фактор снижения рождаемости (Ekberg et al., 2013; Gandevani et al., 2014; Nomaguchi, Fetto, 2019).

Среди исследований, посвященных оценке результативности материнского капитала, также присутствуют труды, авторы которых используют данные выборочных обследований, приемы эконометрического моделирования (Shelkova, 2020). Особого внимания заслуживают работы: 1) Ф. Слонимчика и А.В. Юрко, где приводится оценка влияния программы материнского капитала на изменения рождаемости на базе моделей «до-после» и «разность-разностей», однако не учитывается зависимость вторых рождений от среднего числа первых рождений у реальных поколений женщин в том или ином возрасте, позволяющая более корректно оценить влияние демографической политики именно на вторые рождения (Слонимчик, Юрко, 2016; 2) В.Н. Архангельского, А.Е. Ивановой, Л.Л. Рыбаковского, в которой, в частности, приводится подход к измерению отдельных мер, направленных на рост рождаемости, включая федеральный материнский (семейный) капитал (Архангельский и др., 2016). Второй из указанных источников послужил основой для более глубокой проработки вопроса, касающегося оценки результативности внедрения и применения федерального материнского (семейного) капитала в целях повышения рождаемости.

Сравнительный анализ исследований свидетельствует, что авторы используют различные источники данных и методы их обработки, индикаторы, отражающие уровень рождаемости. Однако остается дискуссионным вопрос, насколько реализуемые меры, в частности фе-

деральный материнский капитал, достигают своей цели? Можем ли мы обоснованно сказать, что введение данной меры позволило увеличить число именно вторых и последующих рождений? Ответ на эти вопросы требует привлечения более детальных демографических показателей, включая расчеты для реального поколения, комплексного подхода к использованию данных демографической статистики, основанных на текущем учете демографических событий и переписях населения.

Методология исследования

Цель исследования – формирование методики оценки и измерение результативности федерального материнского капитала на базе официальной статистической информации: по данным как текущего учета, так и переписи населения.

Оценивая возможное влияние мер демографической политики на изменение рождаемости на основе статистической информации, необходимо максимально корректно выделить влияние именно этого фактора, элиминируя влияние остальных детерминант. В какой-то степени это возможно, если реализуемые меры ориентированы не на все рождения, а дифференцированы по очередности рождения и/или возрасту матери. В этом случае с определенной степенью условности можно будет судить о влиянии мер на изменение показателей рождаемости именно той очередности рождения или того возраста матери, на которые они ориентированы.

Кроме того, при оценке влияния мер демографической политики на изменение уровня рождаемости можно ориентироваться на сроки, на интервал времени между началом реализации мер и повышением показателей рождаемости. Практически все меры в отношении повышения рождаемости ориентированы на создание более благоприятных условий для реализации потребности в детях, а не на изменение самой потребности. Опыт показывает, что в этом случае реакция населения в своем репродуктивном поведении на реализацию мер происходит сразу, а не откладывается (имеется в виду, что не откладывается начало реакции, но она, в той или иной степени, может сохраняться в течение всего периода реализации меры демографической политики). При этом целе-

сообразно использовать показатели рождаемости не только в целом за год, но и по кварталам, по месяцам.

При оценке влияния мер демографической политики на изменение рождаемости важно определить, в какой степени это влияние сказывается только на «тайминговых» сдвигах, т. е. на более раннем рождении детей (в более молодом возрасте, с меньшим интервалом после вступления в брак (первый ребенок) или рождения предыдущего ребенка), а в какой — на повышении итогового числа рожденных детей в реальных поколениях женщин.

Предлагаемая авторами методика измерения результативности федерального материнского (семейного) капитала на второго или последующего ребенка основана на рассмотрении двух видов данных (в соответствии с которыми определены два подхода к подобному измерению результативности): текущего учета и данных переписей и микропереписей населения.

Преимущество оценки на базе данных текущего учета (первый подход) состоит в том, что позволяет проводить ежегодный мониторинг ситуации, позволивший, применяя методы статистико-демографического анализа, в частности анализа возрастных коэффициентов рождаемости по вторым рождениям в реальных поколениях женщин, выявить вышеуказанные «тайминговые» сдвиги и их обосновать. Данные переписей и микропереписей населения (второй подход) позволяют получить информацию о репродуктивных намерениях и их детерминантах. По сути, это ценностный подход, являющийся не менее значимым для измерения результативности федерального материнского (семейного) капитала на второго или последующего ребенка, так как дает возможность получить мнение непосредственно населения о значимости тех или иных мер. Таким образом, комплексность применения подходов позволяет более полно охарактеризовать последствия внедрения такой меры демографической политики, как федеральный материнский капитал.

Особо следует отметить, что все показатели рождаемости (первый подход) рассчитаны авторами с учетом данных переписи населения 2020 года.

Измерение результативности федерального материнского (семейного) капитала на второго или последующего ребенка по данным текущей статистики (первый подход)

Среди мер демографической политики, реализуемых в России, федеральный материнский (семейный) капитал является не просто значимой мерой, но носит критически важный характер (Елизаров, Джанаева, 2020). Он был введен с 1 января 2007 года в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Устойчивое значительное увеличение числа родившихся в 2007 году по сравнению с 2006 годом началось в июле и наибольшим было в октябре — декабре (в январе прирост составил 5,5%; в феврале — 3,6%; в марте — 3,8%; в апреле — 4,4%; в мае — 9,2%; в июне — 3,1%; в июле — 10,6%; в августе — на 9,6%; в сентябре — 10,0%; в октябре — 14,3%; в ноябре — 15,7%; в декабре — 16,4%).

Казалось бы, нет оснований связывать существенное повышение числа родившихся в июле — сентябре 2007 года с началом реализации мер поддержки семей с детьми с 1 января. Однако нужно иметь в виду, что о введении этих мер с 1 января 2007 года Президент Российской Федерации В.В. Путин сообщил в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 года. Т. е. семьи, предполагавшие рождение ребенка, знали об этих мерах заранее. Возможно, часть женщин, дождавшись в начале января 2007 года подтверждения реализации новых мер поддержки семей с детьми, не стали прерывать беременность (тем, кто рожал в период до июня 2007 года, принимать решение о сохранении или несохранении беременности в начале 2007 года было уже поздно).

Федеральный материнский (семейный) капитал первоначально предоставлялся при рождении второго или последующего (если не получали ранее) ребенка. В 2020 году он начал предоставляться и при рождении первого ребенка. Поэтому для оценки его влияния на динамику рождаемости можно и целесообразно использовать показатели, дифференцированные по очередности рождения, прежде всего суммарный коэффициент рождаемости (табл. 1).

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в России в 1999–2023 гг. (с учетом данных переписи населения 2020 г.)

Год	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и последующие
1999	0,679	0,344	0,087	0,026	0,018
2000	0,706	0,357	0,089	0,024	0,017
2001	0,718	0,369	0,090	0,026	0,017
2002	0,744	0,396	0,099	0,027	0,018
2003	0,758	0,412	0,102	0,028	0,018
2004	0,757	0,413	0,102	0,028	0,017
2005	0,728	0,398	0,098	0,027	0,016
2006	0,738	0,401	0,098	0,026	0,015
2007	0,742	0,469	0,123	0,033	0,019
2008	0,767	0,506	0,140	0,036	0,020
2009	0,800	0,535	0,147	0,038	0,021
2010	0,784	0,565	0,156	0,040	0,021
2011	0,779	0,573	0,164	0,041	0,022
2012	0,807	0,618	0,188	0,047	0,025
2013	0,807	0,621	0,197	0,048	0,025
2014	0,783	0,644	0,207	0,052	0,027
2015	0,781	0,682	0,217	0,055	0,028
2016	0,756	0,679	0,222	0,057	0,029
2017	0,696	0,597	0,219	0,058	0,030
2018	0,654	0,574	0,227	0,065	0,035
2019	0,626	0,523	0,225	0,068	0,036
2020	0,611	0,514	0,237	0,073	0,040
2021	0,593	0,513	0,245	0,077	0,042
2022	0,595	0,462	0,237	0,079	0,043
2023	0,597	0,441	0,240	0,087	0,045

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождением в 2007 году увеличился, по сравнению с 2006 г., на 0,068. Это значительно больше, чем в предшествующие годы (до 2007 года наибольший прирост был в 2002 году – на 0,027). Лишь чуть больше был прирост этого показателя в целом за 2000–2004 гг. (на 0,069).

Суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождением в 2007 году увеличился на 0,036 (для сравнения, в целом за 2000–2003 гг. прирост составил только 0,017; в 2004–2006 гг. показатель снижался).

Таким образом, во-первых, имеет место совпадение по срокам начала предоставления федерального материнского (семейного) капитала и значительного повышения суммарного коэффициента рождаемости по вторым и третьим и последующим рождением. Во-вторых, если бы повышение рождаемости было связано не с началом реализации этой меры, а с какими-либо другими факторами, то, вероятно, оно проявилось бы и в отно-

шении первых рождений. Однако прирост суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением в 2007 году был совсем небольшим (на 0,004). Существенное повышение этого показателя в 2008 (на 0,025) и 2009 (на 0,033) годах, вероятно, было связано со значительным увеличением показателей брачности в 2007 году: общий коэффициент брачности повысился на 12,8% (наибольший прирост за период с начала 1960-х гг.); число первых браков у женщин возросло на 12,4%; коэффициент брачности у женщин в возрастной группе 18–24 года повысился на 9,2%, 25–34 года – на 18,4%.

Постоянное повышение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождением в период до 2015 года дает основание говорить об отсутствии, по крайней мере, приоритетного влияния «тайминговых» сдвигов на значительный рост этого показателя в начале реализации программы федерального материнского (семейного) капитала. Если бы таковые при-

существовали, то после них был бы неизбежен «тайминговый» провал, т. е. существенное снижение показателя из-за того, что дети, которые могли бы родиться в последующие годы, уже родились ранее.

Видимо, «тайминговые» сдвиги по вторым рождениям были в 2015 году и, вероятно, в 2016 году в связи с приближавшимся завершением первоначально установленного срока реализации программы федерального материнского (семейного) капитала (до конца 2016 года). В этом случае после них имел место «тайминговый» провал.

Более корректно оценить наличие или отсутствие «тайминговых» сдвигов позволяет использование показателей рождаемости для реальных поколений женщин. Однако именно подобной оценке не уделяется должного внимания, преимущественно выводы исследователей основываются на аналитике суммарного коэффициента рождаемости по очередности рождения (Буланова, 2022).

Прежде всего можно проанализировать возрастные коэффициенты рождаемости (в данном случае по вторым рождениям) в реальных

поколениях женщин и оценить, в каких поколениях и каких возрастах зафиксировано повышение по сравнению с коэффициентами в тех же возрастах в предыдущих поколениях. Если это повышение было, но в более старших возрастах, в этих же поколениях коэффициенты были ниже, чем в предыдущих поколениях, то есть основания говорить о «тайминговых» сдвигах.

Начиная с поколения женщин 1975 года рождения можно, видимо, говорить о существенном повышении (по сравнению с предыдущим поколением) коэффициента рождаемости по вторым рождениям в возрасте, в котором женщины находились в 2007 году, с началом предоставления федерального материнского (семейного) капитала (табл. 2).

Если в поколениях женщин 1972–1974 годов рождения сравнительно близкий к имеющему место в 2007 году прирост коэффициента рождаемости по вторым рождениям был и пятью годами раньше (в 2002 г.), то, начиная с поколения 1975 года рождения, близкого по величине прироста показателя, который был в 2007 году, в более молодых возрастах не наблюдалось. Здесь с большой степенью уверенности можно гово-

Таблица 2. Изменение (по сравнению с предыдущим поколением) возрастных коэффициентов по вторым рождениям в 2007 году, до и после 2007 года в России в поколениях женщин 1972–1983 гг. рождения, %-ные пункты

Год рождения женщин	Возраст в 2007 г.	Прирост коэффициента рождаемости по вторым рождениям в возрасте, в котором женщины были в 2007 г., по сравнению с предыдущим поколением	Наибольший прирост (по сравнению с предыдущим поколением) коэффициента рождаемости по вторым рождениям в более молодых возрастах (т. е. до 2007 г.)	Наличие снижения (по сравнению с предыдущим поколением) коэффициента рождаемости по вторым рождениям в более старших возрастах (т. е. после 2007 г.)
1972	35	2,7	2,4 (30 лет)	нет
1973	34	2,9	2,2 (29 лет)	нет
1974	33	4,0	3,3 (28 лет)	нет
1975	32	3,9	1,9 (27 лет)	-0,1 (36 лет)
1976	31	5,5	1,4 (26 лет)	-0,1 (35 лет)
1977	30	4,6	0,8 (25 лет)	нет
1978	29	5,4	0,9 (24 года)	-0,5 (39 лет)
1979	28	5,3	1,1 (23 года)	-0,1 (34 года); -1,1 (38 лет); -0,3 (39 лет)
1980	27	4,5	нет	-1,2 (31 год); -0,9 (33 года); -0,2 (34 года); -0,5 (36 лет); -2,0 (37 лет); -0,8 (38 лет); -0,8 (39 лет)
1981	26	4,6	0,2 (21 год)	-0,7 (30 лет); -0,1 (32 года); -2,0 (36 лет); -0,5 (37 лет); -0,5 (38 лет)
1982	25	3,9	0,1 (20 лет)	-2,2 (35 лет); -0,4 (37 лет)
1983	24	3,3	нет	-3,6 (34 года); -0,6 (35 лет); -0,9 (36 лет); -0,4 (37 лет); -0,3 (39 лет)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

речь о влиянии начала предоставления в 2007 году федерального материнского (семейного) капитала. Вероятно, не было в этих поколениях и «тайминговых» сдвигов, ибо в более старших возрастах, во-первых, снижения коэффициента рождаемости по вторым рождением (по сравнению с более старшими поколениями) либо не наблюдалось, либо оно было совсем небольшим; во-вторых, оно зафиксировано лишь в отдельных возрастах (в поколениях 1975, 1976 и 1978 годов рождения – по одной однолетней возрастной группе; в поколении 1979 года рождения – в трех возрастных группах); в-третьих, оно было сравнительно отдаленным от возраста существенного повышения показателя (в поколениях 1975 и 1976 годов рождения – через 4 года; в поколении 1979 года рождения – через 6 лет; в поколении 1978 года рождения – через 10 лет; см. табл. 2).

Возможно, в поколении женщин 1980 года рождения могли иметь место небольшие «тайминговые» сдвиги по вторым рождением. Пер-

вое (после существенного повышения) снижение коэффициента рождаемости по вторым рождением зафиксировано в возрасте 31 год в 2011 году (т. е. через 4 года после повышения в 2007 году) и затем почти во всех возрастах, начиная с 33 лет. Небольшие «тайминговые» сдвиги по вторым рождением могли быть и в поколении женщин 1981 года рождения.

Однако в отношении поколений 1982 и 1983 годов рождения меньше оснований говорить о «тайминговых» сдвигах в повышении коэффициента рождаемости по вторым рождением в 2007 году, так как первое его снижение хотя и было относительно существенным, но имело место только через 10 лет.

В более старших поколениях наблюдалось существенное повышение коэффициента рождаемости по вторым рождением в 2015 году, связанное с приближавшимся завершением первоначально установленного срока действия программы федерального (материнского) семейного капитала (до конца 2016 г.) (табл. 3).

Таблица 3. Прирост (по сравнению с предыдущим поколением) возрастных коэффициентов по вторым рождением в 2015 году в России в поколениях женщин 1984–1995 годов рождения, %-ные пункты

Год рождения женщин	Возраст в 2015 году	Прирост коэффициента рождаемости по вторым рождением в возрасте, в котором женщины были в 2015 г.	Наличие снижения (по сравнению с предыдущим поколением) коэффициента рождаемости по вторым рождением в более старших возрастах
1984	31	2,8	-5,5 (33 года); -1,3 (34 года); -2,0 (35 лет); -0,9 (36 лет); -0,7 (38 лет); -0,1 (39 лет)
1985	30	2,3	-0,8 (31 год); -7,3 (32 года); -2,1 (33 года); -2,9 (34 года); -1,4 (35 лет); -0,3 (36 лет); -1,4 (37 лет); -0,4 (38 лет)
1986	29	3,0	-0,7 (30 лет); -8,1 (31 год); -2,5 (32 года); -3,2 (33 года); -1,5 (34 года); -0,4 (35 лет); -1,7 (36 лет); -0,5 (37 лет)
1987	28	5,6	-5,8 (30 лет); -2,0 (32 года); -0,6 (35 лет)
1988	27	2,9	-0,6 (28 лет); -8,7 (29 лет); -1,7 (30 лет); -4,3 (31 год); -0,9 (32 года); -0,1 (33 года); -2,5 (34 года); -0,7 (35 лет)
1989	26	1,3	-1,5 (27 лет); -9,0 (28 лет); -2,9 (29 лет); -5,9 (30 лет); -2,1 (31 год); -1,3 (32 года); -3,6 (33 года); -1,3 (34 года)
1990	25	1,6	-2,1 (26 лет); -8,5 (27 лет); -3,0 (28 лет); -6,0 (29 лет); -2,3 (30 лет); -1,4 (31 год); -4,1 (32 года); -1,8 (33 года)
1991	24	2,4	-0,8 (25 лет); -4,9 (26 лет); -0,4 (27 лет); -3,8 (28 лет); -0,4 (29 лет); -2,7 (31 год); -0,7 (32 года)
1992	23	2,5	-3,3 (25 лет); -0,2 (26 лет); -3,2 (27 лет); -2,8 (30 лет); -0,4 (31 год)
1993	22	1,1	-1,1 (23 года); -3,3 (24 года); -0,9 (25 лет); -3,5 (26 лет); -0,3 (27 лет); -0,4 (28 лет); -4,7 (29 лет); -1,7 (30 лет)
1994	21	1,0	-0,8 (22 года); -1,6 (23 года); -2,2 (25 лет); -2,6 (28 лет); -0,6 (29 лет)
1995	20	0,6	-0,8 (21 год); -1,4 (22 года); -1,6 (23 года); -3,1 (24 года); -0,1 (26 лет); -5,0 (27 лет); -2,3 (28 лет)

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Начиная с поколения женщин 1984 года рождения прирост (по сравнению с предыдущим поколением в этом же возрасте) коэффициента рождаемости по вторым рождением в 2015 году был больше, чем в 2007 году. И если после повышения показателя в 2007 году не наблюдалось его существенного снижения в более старших возрастах в том же поколении (т. е. если и имели место «тайминговые» сдвиги, то они были относительно незначительны), то после его прироста в 2015 году имело место значительное снижение в более старших возрастах. Это дает основание предполагать существенное влияние «тайминговых» сдвигов на повышение коэффициента рождаемости по вторым рождением в 2015 году и неизбежный после этого «тайминговый» провал (с которым в значительной мере связано снижение коэффициентов рождаемости по вторым рождением в более старших возрастах в данном поколении по сравнению с предыдущим поколением). Причем наиболее существенным это снижение было не в следующем возрасте (соответственно, в 2016 году), а в возрасте, в котором женщины этого поколения были в 2017 году. Вероятно, в какие-то месяцы 2016 года еще сохранялось позитивное влияние продолжавшихся «тайминговых» сдвигов (см. табл. 3).

Для оценки влияния федерального материнского (семейного) капитала на показатели рождаемости в реальных поколениях женщин целесообразно использовать также среднее число вторых рождений как в тех или иных возрастных периодах (табл. 4), так и к тому или иному возрасту. Для расчета этого показателя суммируются возрастные коэффициенты рождаемости в рамках поколения (с последующим делением на 1000), а не в рамках календарного года, как при расчете суммарного коэффициента рождаемости.

Об относительно существенном повышении среднего числа вторых рождений в период начала реализации программы федерального материнского (семейного) капитала (2007 г.) можно, видимо, говорить применительно к поколениям женщин 1973–1974 гг. и особенно 1975 года рождения. В возрастном интервале 32–34 года среднее число вторых рождений (1973–1974 годы рождения – 0,07; 1975 год рождения – 0,08) выше, чем в более старших

поколениях (1970–1972 годы рождения – 0,06; 1968–1969 годы рождения – 0,05). При этом и в следующем возрастном интервале 35–37 лет среднее число вторых рождений выше, чем в более старших поколениях. Т. е., вероятно, повышение показателя в 2007 году не носило «тайминговый» характер.

Еще в большей мере влияние начала реализации федерального материнского (семейного) капитала, вероятно, проявилось в поколениях женщин 1976–1978 годов рождения. В возрастном интервале 29–31 год в каждом одногодичном поколении среднее число вторых рождений возрастало и было выше, чем в поколениях 1972–1975 годов рождения (0,09): 1976 год рождения – 0,10; 1977 – 0,11; 1978 – 0,12. Выше по сравнению с предыдущими поколениями оно было и в более старших возрастах.

В несколько меньшей мере проявилось увеличение среднего числа вторых рождений у женщин 1979–1981 годов рождения в возрастном интервале 26–28 лет.

В преддверии приближения первоначально установленного срока завершения программы федерального материнского (семейного) капитала (до конца 2016 года) в 2015 году тоже имело место существенное повышение показателей рождаемости по вторым рождением. Оценки, приведенные выше, свидетельствуют, что в отличие от 2007 года здесь в большей мере могли проявиться «тайминговые» сдвиги.

В поколении женщин 1985 года рождения самое большое среднее число вторых рождений в возрастном интервале 29–31 год (0,15). Однако в более старших возрастах в этом поколении показатель ниже, чем в поколениях 1978–1984 годов рождения.

У женщин 1987–1989 годов рождения самое большое (по сравнению с предыдущими и последующими поколениями) среднее число вторых рождений – в возрастном интервале 26–28 лет. Однако в более старших возрастах оно, наоборот, меньше: 29–31 год – 0,15 в поколении 1985 года рождения, 0,14 в поколениях 1986–1987 годов рождения, 0,12 в поколении 1988 года рождения, 0,11 в поколении 1989 года рождения; в 32–34 года – 0,11 в поколениях 1982 и 1983 годов рождения, 0,10 в поколении 1984 года рождения, 0,09 в поколении 1985 года рождения, 0,08 в поколениях 1986–1988 годов рождения, 0,07 в поколении 1989 года рождения.

Таблица 4. Среднее число вторых рождений по возрастным интервалам в России в поколениях женщин 1965–1995 гг. рождения (на одну женщину)

Год рождения женщин	Возраст (лет)											
	15-17	18-19	20-22	23-25	26-28	29-31	32-34	35-37	38-40	41-43	44-46	47-49
1965	0,00	0,01	0,13	0,19	0,11	0,06	0,04	0,02	0,01	0,00	0,00	0,00
1966	0,00	0,02	0,13	0,17	0,10	0,07	0,04	0,02	0,01	0,00	0,00	0,00
1967	0,00	0,02	0,13	0,15	0,10	0,07	0,04	0,03	0,01	0,00	0,00	0,00
1968	0,00	0,02	0,12	0,13	0,10	0,07	0,05	0,03	0,01	0,00	0,00	0,00
1969	0,00	0,02	0,11	0,12	0,10	0,07	0,05	0,03	0,02	0,01	0,00	0,00
1970	0,00	0,02	0,09	0,11	0,09	0,07	0,06	0,03	0,02	0,01	0,00	0,00
1971	0,00	0,02	0,08	0,10	0,09	0,08	0,06	0,04	0,02	0,01	0,00	0,00
1972	0,00	0,02	0,07	0,09	0,09	0,09	0,06	0,04	0,02	0,01	0,00	0,00
1973	0,00	0,02	0,07	0,09	0,09	0,09	0,07	0,05	0,02	0,01	0,00	0,00
1974	0,00	0,01	0,06	0,08	0,10	0,09	0,07	0,05	0,02	0,01	0,00	0,00
1975	0,00	0,01	0,06	0,08	0,10	0,09	0,08	0,05	0,03	0,01	0,00	–
1976	0,00	0,01	0,05	0,08	0,10	0,10	0,09	0,06	0,03	0,01	0,00	–
1977	0,00	0,01	0,05	0,08	0,10	0,11	0,09	0,06	0,03	0,01	0,00	–
1978	0,00	0,01	0,05	0,08	0,10	0,12	0,10	0,06	0,03	0,01	–	–
1979	0,00	0,01	0,04	0,08	0,10	0,12	0,10	0,06	0,03	0,01	–	–
1980	0,00	0,01	0,04	0,07	0,11	0,12	0,10	0,06	0,02	0,01	–	–
1981	0,00	0,01	0,04	0,07	0,11	0,13	0,10	0,06	0,02	–	–	–
1982	0,00	0,01	0,04	0,07	0,12	0,14	0,11	0,06	0,02	–	–	–
1983	0,00	0,01	0,04	0,08	0,12	0,14	0,11	0,06	0,02	–	–	–
1984	0,00	0,01	0,04	0,08	0,13	0,14	0,10	0,05	–	–	–	–
1985	0,00	0,01	0,04	0,08	0,13	0,15	0,09	0,05	–	–	–	–
1986	0,00	0,01	0,04	0,08	0,13	0,14	0,08	0,05	–	–	–	–
1987	0,00	0,01	0,04	0,09	0,14	0,14	0,08	–	–	–	–	–
1988	0,00	0,01	0,04	0,09	0,14	0,12	0,08	–	–	–	–	–
1989	0,00	0,01	0,04	0,09	0,14	0,11	0,07	–	–	–	–	–
1990	0,00	0,01	0,05	0,10	0,12	0,10	–	–	–	–	–	–
1991	0,00	0,01	0,05	0,10	0,11	0,10	–	–	–	–	–	–
1992	0,00	0,01	0,05	0,10	0,11	0,10	–	–	–	–	–	–
1993	0,00	0,01	0,06	0,09	0,11	–	–	–	–	–	–	–
1994	0,00	0,01	0,06	0,09	0,11	–	–	–	–	–	–	–
1995	0,00	0,01	0,06	0,08	0,10	–	–	–	–	–	–	–

Полужирным выделены возрастные группы в поколениях, в которые входят рождения 2007 г.; курсивом выделены возрастные группы, в которые входят рождения 2015 г.
Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

В поколениях женщин 1990–1992 годов рождения среднее число вторых рождений в возрастном интервале 23–25 лет самое большое, начиная с поколения 1972 года рождения. Однако в 26–28 лет оно ниже, чем в поколениях 1984–1989 годов рождения, а в 29–31 год – ниже, чем в поколениях 1977–1989 годов рождения.

В поколениях женщин 1993–1995 годов рождения в возрастном интервале 20–22 года самое большое среднее число вторых рождений, начиная с поколения 1976 года рождения. Однако в возрастном интервале 23–25 лет оно

ниже, чем в поколениях 1990–1992 годов рождения. Более низкое, чем в поколениях 1982–1990 годов рождения, оно и в возрастном интервале 26–28 лет (см. табл. 4).

Таким образом, анализ среднего числа вторых рождений по возрастным интервалам в поколениях женщин показывает следующее: если повышение рождаемости по вторым рождением в 2007 году практически не было связано с «тайминговыми» сдвигами, то при существенном ее росте в 2015 году такие сдвиги, вероятно, имели место.

Для оценки изменений в показателях рождаемости по вторым рождением в реальных поколениях женщин целесообразно использовать не только среднее число вторых рождений, но и долю родивших второго ребенка среди родивших первого (табл. 5). Она рассчитывается как среднее число вторых рождений, деленное на среднее число первых рождений. Частное от деления умножается на 100, т. е. показатель рассчитывается в %. В отличие от среднего числа вторых рождений этот показатель не зависит от среднего числа пер-

вых рождений и поэтому корректнее позволяет оценить влияние демографической политики именно на вторые рождения. Он может быть использован только для характеристики рождаемости по вторым рождением в реальных поколениях к тому или иному возрасту женщин и не может применяться для характеристики рождаемости в возрастном интервале из-за несопоставимости числителя и знаменателя, т. е. весьма вероятно, что второе и первое рождения у женщины были не в одном возрастном интервале.

Таблица 5. Среднее число вторых рождений и доля родивших второго ребенка среди родивших первого к тому или иному возрасту в России в поколениях женщин 1965–1995 годов рождения (на одну женщину)

Год рождения женщин	Среднее число вторых рождений (на 1 женщину)						Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)					
	25	30	35	40	45	50	25	30	35	40	45	50
1965	0,28	0,47	0,54	0,57	0,57	0,57	37,4	53,8	59,9	62,0	62,4	62,4
1966	0,27	0,44	0,52	0,55	0,56	0,56	35,8	50,9	57,4	60,0	60,5	60,5
1967	0,25	0,41	0,50	0,53	0,54	0,54	33,4	47,8	55,0	57,9	58,6	58,6
1968	0,23	0,39	0,48	0,52	0,53	0,53	30,7	45,0	52,9	56,4	57,2	57,2
1969	0,21	0,37	0,47	0,51	0,52	0,52	28,0	42,7	51,4	55,2	56,1	56,1
1970	0,19	0,34	0,45	0,49	0,50	0,50	25,5	39,8	49,3	53,5	54,5	54,5
1971	0,17	0,32	0,43	0,49	0,50	0,50	23,6	37,9	48,3	53,2	54,2	54,2
1972	0,15	0,30	0,42	0,48	0,50	0,50	22,2	36,7	48,1	53,7	54,8	54,9
1973	0,14	0,29	0,42	0,48	0,50	0,50	21,2	36,2	48,3	54,5	55,7	55,7
1974	0,13	0,29	0,43	0,50	0,51	0,51	20,4	36,0	48,9	55,6	56,8	56,9
1975	0,12	0,29	0,43	0,50	0,52	–	19,8	35,9	49,7	56,7	57,9	–
1976	0,12	0,28	0,43	0,51	0,52	–	19,2	35,4	50,6	57,9	59,1	–
1977	0,11	0,27	0,44	0,52	0,53	–	18,8	35,1	51,6	59,4	60,6	–
1978	0,11	0,27	0,45	0,53	0,54	–	18,7	35,4	52,8	60,6	61,8	–
1979	0,10	0,27	0,45	0,54	0,55	–	18,6	35,9	53,8	61,6	62,7	–
1980	0,10	0,27	0,45	0,53	–	–	18,1	36,3	54,6	62,0	–	–
1981	0,09	0,28	0,46	0,54	–	–	17,7	37,2	56,0	63,1	–	–
1982	0,09	0,28	0,48	0,56	–	–	17,5	38,2	57,9	64,7	–	–
1983	0,09	0,29	0,49	0,57	–	–	18,1	39,7	59,6	66,1	–	–
1984	0,09	0,30	0,50	0,57	–	–	19,1	41,0	60,5	66,7	–	–
1985	0,09	0,30	0,49	–	–	–	19,9	42,1	60,6	–	–	–
1986	0,10	0,31	0,49	–	–	–	20,9	43,6	60,0	–	–	–
1987	0,10	0,34	0,50	–	–	–	22,2	46,0	61,3	–	–	–
1988	0,11	0,33	0,49	–	–	–	23,6	46,5	61,0	–	–	–
1989	0,11	0,32	0,47	–	–	–	24,7	46,9	60,3	–	–	–
1990	0,11	0,31	–	–	–	–	26,3	47,1	–	–	–	–
1991	0,12	0,31	–	–	–	–	28,4	47,6	–	–	–	–
1992	0,13	0,31	–	–	–	–	30,4	48,8	–	–	–	–
1993	0,13	0,30	–	–	–	–	31,6	49,0	–	–	–	–
1994	0,13	0,30	–	–	–	–	32,0	48,8	–	–	–	–
1995	0,12	–	–	–	–	–	32,4	–	–	–	–	–

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Среднее число вторых рождений снижалось в поколениях женщин второй половины 1960-х — начала 1970-х годов рождения.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого немного повышается в поколении 1972 года рождения к возрасту 40, 45 и 50 лет. В какой-то мере это может быть связано с началом предоставления федерального материнского (семейного) капитала. Женщинам этого поколения в 2007 году было 35 лет. В еще большей мере это повышение проявилось в поколении 1973 года рождения. При этом немного повысилась и доля родивших второго ребенка среди родивших первого к 35 годам (в 2007 году женщинам этого поколения было 34 года).

У женщин 1974 года рождения немного увеличилось среднее число вторых рождений к 35, 40, 45 и 50 годам. Повышение продолжилось и в поколениях 1975 и 1976 годов рождения. Если по среднему числу вторых рождений оно было небольшим, то по доле родивших второго ребенка среди родивших первого более существенным. Еще более значительным стало повышение этих показателей в поколении женщин 1977 года рождения.

У женщин 1978, 1979 и 1980 годов рождения доля родивших второго ребенка среди родивших первого немного возросла к 30 годам (в 2007 году им было, соответственно, 29, 28 и 27 лет).

Начиная с поколения 1981 года рождения имеет место более существенное увеличение показателей по вторым рождениям. У женщин 1983 года рождения немного повышается доля родивших второго ребенка среди родивших первого уже к 25 годам (в 2007 году им было 24 года). Повышение показателей продолжается и в поколении 1984 года рождения, хотя прирост доли родивших второго ребенка среди родивших первого к 35 и 40 годам меньше, чем в более старших поколениях.

У женщин 1986 года рождения доля родивших второго ребенка среди родивших первого к 25 и 30 годам существенно выше, чем в более старших поколениях, но к 35 годам — ниже, чем в поколениях 1984 и 1985 годов рождения. Впрочем, в поколении 1987 года рождения этот показатель выше, чем в более старших поколениях, и к 35 годам тоже.

Но в следующем поколении (1988 года рождения) к возрасту 35 лет доля родивших второго ребенка среди родивших первого несколько ниже, чем у женщин 1987 года рождения. Ниже и среднее число вторых рождений к 30 и 35 годам. Еще меньше оно в поколении 1989 года рождения, но доля родивших второго ребенка среди родивших первого ниже только к 35 годам, а к 25 и 30 годам она выше, чем в предыдущих поколениях. Вероятно, в этом могут находить отражение «тайминговые» сдвиги.

В поколениях женщин первой половины 1990-х годов рождения продолжается снижение среднего числа вторых рождений к 30 годам, но доля родивших второго ребенка среди родивших первого к этому возрасту повышается до поколения 1993 года рождения и только у женщин 1994 года рождения она немного ниже.

Основываясь на анализе динамики разных показателей рождаемости по вторым рождениям, можно сказать, что предоставление федерального материнского (семейного) капитала способствовало повышению показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям. Оно имело место как в календарных показателях (суммарный и возрастные коэффициенты рождаемости по вторым, третьим и последующим рождениям), так и в реальных поколениях женщин. Повышение рождаемости по вторым рождениям в 2007 году, т. е. в начале реализации программы материнского капитала, скорее всего, не сопровождалось «тайминговыми» сдвигами (т. е. случаи более раннего рождения второго ребенка, вероятно, были, но на уровне статистических показателей они компенсировались реализацией откладывавшихся ранее рождений). Велика вероятность влияния «тайминговых» сдвигов на изменение показателей в 2015 году и, видимо, в первой половине 2016 года, т. е. в преддверии первоначально установленного срока завершения программы федерального материнского (семейного) капитала. Более корректную оценку для реальных поколений дает анализ изменения доли родивших второго ребенка среди родивших первого. Этот показатель не зависит от среднего числа первых рождений, которое снижается в более молодых поколениях, способствуя тем самым уменьшению и среднего числа вторых рождений.

Измерение результативности федерального материнского (семейного) капитала на второго или последующего ребенка по данным переписи и микропереписи населения (второй подход)

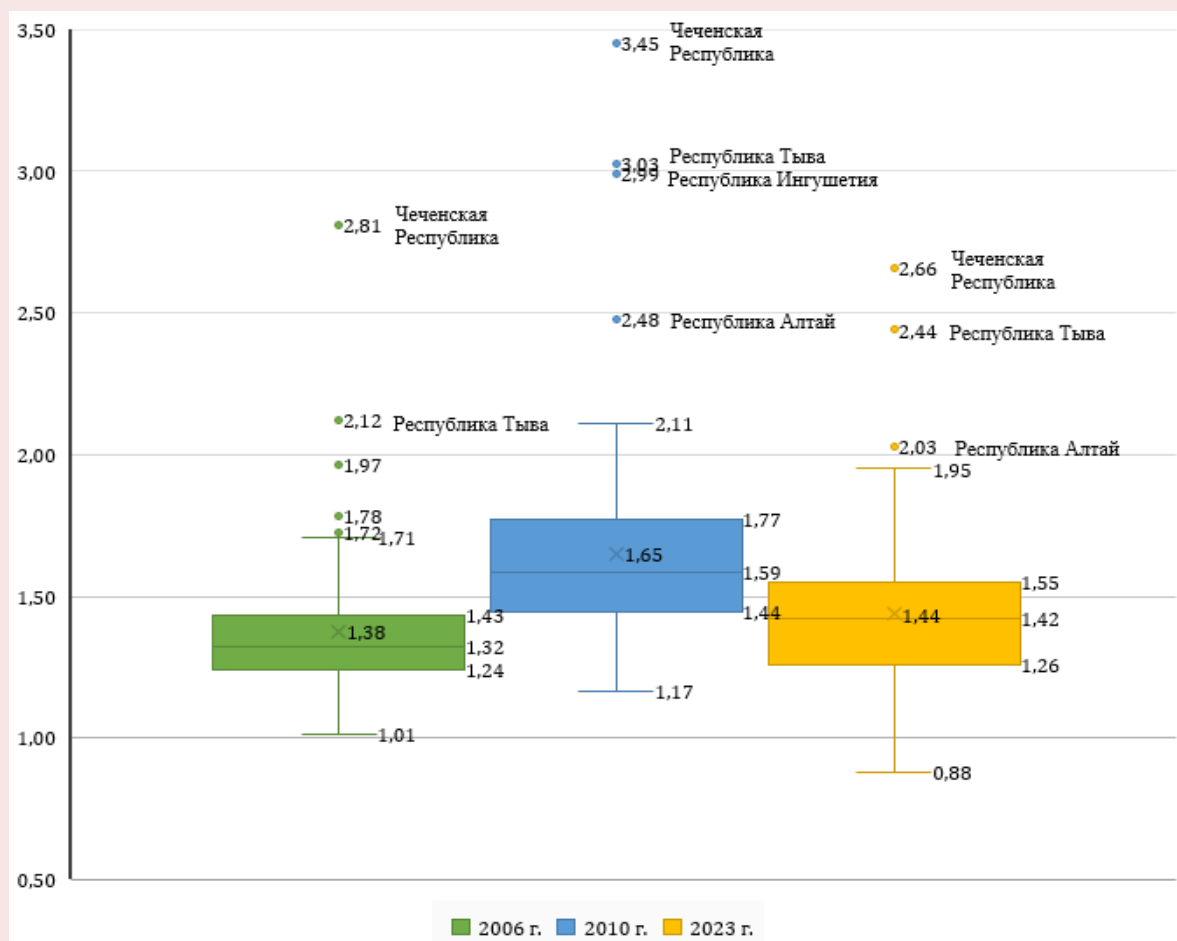
Рождаемость существенно различается по регионам (рис. 2), что обуславливается как особенностью региональных демографических мер (например, наличием и размером регионального материнского капитала, введен не во всех субъектах страны), так и социально-экономическим развитием самих субъектов Российской Федерации (Ростовская и др., 2023).

Учитывая задачу достижения целевых показателей в отношении рождаемости, важно отметить, что данные микропереписи населения о репродуктивных ориентациях дают основания для прогноза среднего числа рожденных детей в реальных поколениях. На основе такого про-

гноза может быть сделан прогноз суммарного коэффициента рождаемости. Используя такой прогноз, можно оценить степень реальности достижения поставленных целевых ориентиров величины показателя. В случае если прогнозные показатели окажутся меньше целевых ориентиров, то на основании величины разности между ними можно судить о том, сколь значительными должны быть дополнительные меры демографической политики, направленной на повышение рождаемости.

Прогностические возможности использования результатов исследований репродуктивных намерений, к сожалению, пока, по крайней мере в России, анализировались весьма редко. Здесь можно выделить прежде всего статью Е.М. Андреева и Г.А. Бондарской «Можно ли использовать данные об ожидаемом числе

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости в регионах России в 2022 г.

Источник: данные Росстата.

детей в прогнозе населения?», опубликованную в журнале «Вопросы статистики» (Андреев, Бондарская, 2000), а также более раннюю работу В.А. Беловой, Г.А. Бондарской, А.Г. Вишневецкого, Л.Е. Дарского и Р.И. Сифмана «Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования)»⁵. Следует отметить, что в зарубежной практике при разработке сценариев рождаемости для демографических прогнозов используют результаты систематически проводимых опросов женщин об ожидаемом числе детей (Predicting Fertility..., 1981), притом первые апробации данного подхода относятся к концу 40-х гг. (Whelpton et al., 1966).

В данном исследовании с целью оценки прогностических возможностей информации о репродуктивных намерениях были сопоставлены данные о среднем ожидаемом числе детей согласно микропереписи населения 2015 года и среднем числе рожденных детей по данным переписи населения 2020 года. Учитывая интервал между микропереписью и переписью населения и целесообразность рассматривать средние числа рожденных детей в поколениях, близких к завершению репродуктивного периода (иначе можно будет сказать, что репродуктивные намерения к моменту переписи населения еще не реализовались, но будут реализованы позже), сопоставляются по субъектам Российской Федерации средние числа рожденных детей по переписи населения 2020 года в поколениях 40–44-летних и 45–49-летних женщин со средним ожидаемым числом детей по микропереписи населения 2015 года в поколениях, соответственно, 35–39-летних и 40–44-летних (на момент микропереписи) женщин (*Приложение*).

С точки зрения оценки реализации репродуктивных намерений, выраженных ожидаемым числом детей (по ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?»), нужно отметить, что даже у 40–44-летних (на момент микропереписи населения 2015 года) женщин оно выше, чем среднее число рожденных детей у 45–49-летних

женщин по данным переписи населения 2020 года. Следует, конечно, иметь в виду, что две эти совокупности женщин не вполне сопоставимы, т. к. в микропереписи населения участвовали лишь 1,5% населения.

В целом по России разница между средним ожидаемым числом детей у 40–44-летних женщин по данным микропереписи населения 2015 года и средним числом рожденных детей у 45–49-летних женщин по данным переписи населения 2020 года составляет 0,11. Наибольшая разница между ними наблюдалась в республиках Северная Осетия – Алания (0,31) и Карачаево-Черкесская (0,26). В одном регионе она составляет 0,18, в четырех – 0,17, в двух – 0,15, в десяти – 0,14, в трех – 0,13, в четырех – 0,12, в семи – 0,11, в шести – 0,10, в девяти – 0,09, в пяти – 0,08, в шести – 0,07, в одном – 0,06, в шести – 0,05, в четырех – 0,04, в двух – 0,03, в трех – 0,02. В Брянской, Курганской, Пензенской и Псковской областях, Ямало-Ненецком автономном округе эти показатели совпадают. В республиках Алтай, Марий Эл и Удмуртская, в Костромской области, наоборот, среднее ожидаемое число детей по данным микропереписи населения 2015 года меньше среднего числа рожденных детей по данным переписи населения 2020 года.

Разница между средним ожидаемым числом детей у 35–39-летних женщин по данным микропереписи населения 2015 года и средним числом рожденных детей у 40–44-летних женщин по данным переписи населения 2020 года, в целом по России составляет 0,13. Наибольшая разница между ними в республиках Чеченская (0,37), Северная Осетия – Алания (0,32), Кабардино-Балкарская (0,31), Ингушетия (0,26), Башкортостан (0,24) и Карачаево-Черкесская (0,23), в Ставропольском крае (0,21), Мурманской (0,21) и Тульской (0,21) областях, в Чукотском автономном округе (0,25). В двух регионах он составляет 0,20, в двух – 0,19, в трех – 0,18, в одном – 0,17, в трех – 0,16, в пяти – 0,15, в пяти – 0,14, в трех – 0,13, в четырех – 0,12, в четырех – 0,11, в восьми – 0,10, в четырех – 0,09, в двух – 0,08, в трех – 0,07, в двух – 0,06, в четырех – 0,05, в четырех – 0,04, в двух – 0,02, в четырех – 0,01. В республиках Алтай и Марий Эл, в Ненецком автономном округе эти показатели совпадают. В республиках Коми, Крым, Тыва, Удмуртской и Хакасии, в Алтай-

⁵ Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования) / В.А. Белова, Г.А. Бондарская, А.Г. Вишневецкий, Л.Е. Дарский, Р.И. Сифман. М. Статистика, 1977. 104 с. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/book074.php (дата обращения 09.10.2024).

ском крае и Костромской области, наоборот, среднее ожидаемое число детей по данным микропереписи населения 2015 года меньше среднего числа рожденных детей по данным переписи населения 2020 года.

Учитывая, что в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» особо выделена задача «ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей», целесообразно такую прогностическую оценку делать в целом по числу рожденных детей, но и дифференцированно по очередности рождения. По данным переписи населения можно рассчитать показатели среднего числа рожденных детей по очередности рождения, доли родивших ребенка той или иной очередности рождения среди родивших ребенка предыдущей очередности рождения. Для сопоставления с данными о репродуктивных намерениях по микропереписи населения целесообразно наряду с вопросом об ожидаемом числе детей задавать вопрос о намерении иметь еще ребенка в ближайшие годы (при этом следует, видимо, конкретизировать срок). В сочетании с информацией о числе рожденных детей ответы на этот вопрос дадут сведения о доле намеревающихся иметь ребенка той или иной очередности рождения.

Репрезентативную информацию для таких прогностических оценок на региональном и муниципальном уровне может дать только микроперепись населения.

Изучение в рамках микропереписи населения ориентаций на многодетность, их детерминации важно и в контексте реализации Указа Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей».

Одной из наиболее значимых детерминант репродуктивных ориентаций, вероятно, явля-

ются ценностные ориентации. По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2022 году, было выделено две группы респондентов: ориентированные на семью и ориентированные на индивидуальные ценности. В первую группу включены те, кто оценил на 5 баллов значимость жизни в зарегистрированном браке и на 1 балл значимость ценности «быть свободным(ой), независимым(ой) и делать то, что хочу только я». Во вторую группу, наоборот, включены те, кто оценил на 5 баллов значимость ценности «быть свободным(ой), независимым(ой) и делать то, что хочу только я» и на 1 балл значимость жизни в зарегистрированном браке.

В группу респондентов, ориентированных на семью, входят 17,4% опрошенных женщин и 17,1% мужчин, а ориентированных на индивидуальные ценности – соответственно 2,5 и 3,6% (остальные респонденты не включены в эти группы, так как у них не диаметрально противоположные крайние оценки значимости двух этих ценностей).

В выделенных группах респондентов значительно различаются репродуктивные ориентации. У ориентированных на семью среднее желаемое число детей (по ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?») составляет 2,19 у женщин и 2,24 у мужчин, а у ориентированных на индивидуальные ценности – соответственно 1,45 и 1,30. Среднее ожидаемое число у ориентированных на семью составляет 2,04 у женщин и 2,05 у мужчин, а у ориентированных на индивидуальные ценности – соответственно 1,20 и 1,11 (табл. 6).

В связи с этим представляется важным включить в программу микропереписи населения вопрос о значимости ценностей (с оценкой по пятибалльной шкале).

Таблица 6. Среднее желаемое и ожидаемое число детей у ориентированных на семью и на индивидуальные ценности

Респонденты	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Ориентированные на семью	2,19	2,24	2,04	2,05
Ориентированные на индивидуальные ценности	1,45	1,30	1,20	1,11

Источник: данные «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», Росстат, 2022 г.

Актуальность изучения ценностных ориентаций в микропереписи (т. е. исследовании, репрезентативном на региональном и муниципальном уровне) прежде всего связана с задачей оценки результативности политики, предусмотренной в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В Указе отмечено, что мониторинг достижения целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей требует разработки соответствующей системы показателей, основанных на следующих данных: а) официальная статистическая информация; б) итоги социологических исследований. Официальная статистическая информация может быть получена именно по результатам микропереписи населения.

Заключение

Предлагаемая в данной статье методика измерения результативности мер демографической политики, в частности федерального материнского (семейного) капитала, основана на двух подходах: возможности оценки на базе системы показателей рождаемости, получаемой на основе данных текущего учета, и сравнительном анализе фактической рождаемости и прогнозных оценок, полученных на основе данных о репродуктивных намерениях в ходе переписей и микропереписей населения. Каждый из подходов имеет свою специфику: в первом случае результативность оценивается методами статистико-демографического анализа данных, во втором — акцент делался на ценностном подходе с учетом данных опросов целевых групп. При этом измерения при апробации каждого из подходов выявили значимость федерального материнского капитала в контексте роста рождаемости.

Проведенный анализ на основе использования показателей рождаемости по очередности рождения и по возрасту матери свидетельствует, что повышение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в период до 2015 года говорит об отсутствии «тайминговых» сдвигов на начальном этапе реализации программы федерального материнского (семейного) капитала. «Тайминговые» сдвиги по вторым рождениям были в 2015 году

и, вероятно, в 2016 году в связи с приближавшимся завершением первоначально установленного срока реализации программы федерального материнского (семейного) капитала (до конца 2016 года).

Более корректно оценить наличие или отсутствие «тайминговых» сдвигов позволяет использование показателей рождаемости для реальных поколений женщин. Начиная с поколения женщин 1975 года рождения можно говорить о существенном повышении, по сравнению с предыдущим поколением, коэффициента рождаемости по вторым рождениям с началом предоставления федерального материнского (семейного) капитала. Анализ возрастных коэффициентов рождаемости по вторым рождениям в реальных поколениях женщин позволяет сформулировать вывод о результативности мер политики рождаемости для реальных поколений россиян.

Уникальность второго подхода состоит в выявлении прогностических возможностей информации о репродуктивных намерениях людей, получаемой на базе данных переписей и микропереписей населения.

Конвергенция двух подходов формирует комплексный подход к оценке федерального материнского (семейного) капитала как одной из мер, способных оказать влияние на обеспечение роста рождаемости, что представляется особо важным в свете включения цели роста рождаемости в стратегические документы в сфере демографии и социальной политики⁶.

В целом предлагаемые подходы расширяют возможности измерения результативности мер, направленных на повышение рождаемости в стране, и могут быть использованы по отношению к различным мерам демографической политики. Перспективой исследований может стать апробация предлагаемой методики для оценки результативности федерального материнского (семейного) капитала на первого ребенка, регионального материнского (семейного) капитала, а также ряда мер, связанных с влиянием на рождаемость выплат единовременного пособия.

⁶ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2021. № 9. Материнский капитал. URL: [https://ksp.mos.ru/upload/info\(press-centr\)/news/documents/Бюллетень%20СП%20РФ%20№9%202021_материнский%20капитал.pdf](https://ksp.mos.ru/upload/info(press-centr)/news/documents/Бюллетень%20СП%20РФ%20№9%202021_материнский%20капитал.pdf). (дата обращения 09.11.2024).

Приложение

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин
(по данным переписи населения 2020 г.)
и среднее ожидаемое число детей (по данным микропереписи населения 2015 г.)

Регион*	Женщины в возрасте 40–44 года по переписи населения 2020 г. и 35–39 лет по микропереписи населения 2015 г.		Женщины в возрасте 45–49 лет по переписи населения 2020 г. и 40–44 года по микропереписи населения 2015 г.	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	Рожденных (40–44 года)	Ожидаемое (35–39 лет)	Рожденных (45–49 лет)	Ожидаемое (40–44 года)
Российская Федерация	1,66	1,79	1,60	1,71
Чеченская Республика	2,79	3,16	2,72	2,84
Республика Ингушетия	2,73	2,99	2,96	3,01
Республика Дагестан	2,48	2,60	2,47	2,54
Республика Тыва	2,41	2,28	2,33	2,38
Республика Алтай	2,29	2,29	2,18	2,03
Республика Саха (Якутия)	2,18	2,31	2,10	2,19
Республика Бурятия	2,03	2,16	1,92	1,97
Республика Калмыкия	2,03	2,10	1,98	2,08
Карачаево-Черкесская Республика	2,03	2,26	1,97	2,23
Ненецкий автономный округ	2,02	2,02	2,00	2,08
Кабардино-Балкарская Республика	1,94	2,25	1,91	2,04
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,90	2,01	1,82	1,82
Забайкальский край	1,89	1,98	1,84	1,98
Чукотский автономный округ	1,88	2,13	1,80	1,97
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1,86	1,92	1,75	1,84
Республика Хакасия	1,85	1,80	1,76	1,79
Курганская область	1,84	1,85	1,73	1,73
Астраханская область	1,83	1,87	1,75	1,78
Чувашская Республика	1,82	1,83	1,74	1,76
Удмуртская Республика	1,81	1,77	1,75	1,72
Республика Адыгея	1,81	1,91	1,76	1,81
Тюменская область (без автономных округов)	1,81	1,85	1,72	1,77
Республика Северная Осетия – Алания	1,81	2,13	1,79	2,10
Еврейская автономная область	1,79	1,87	1,74	1,86
Иркутская область	1,78	1,94	1,73	1,87
Оренбургская область	1,77	1,87	1,69	1,76
Республика Марий Эл	1,76	1,76	1,69	1,63

Продолжение приложения

Регион*	Женщины в возрасте 40–44 года по переписи населения 2020 г. и 35–39 лет по микропереписи населения 2015 г.		Женщины в возрасте 45–49 лет по переписи населения 2020 г. и 40–44 года по микропереписи населения 2015 г.	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	Рожденных (40–44 года)	Ожидаемое (35–39 лет)	Рожденных (45–49 лет)	Ожидаемое (40–44 года)
Алтайский край	1,75	1,71	1,64	1,71
Республика Коми	1,74	1,73	1,65	1,73
Архангельская область	1,74	1,85	1,65	1,74
Вологодская область	1,74	1,83	1,66	1,68
Ставропольский край	1,73	1,94	1,69	1,79
Костромская область	1,72	1,70	1,62	1,61
Томская область	1,72	1,81	1,63	1,77
Пермский край	1,72	1,86	1,65	1,79
Омская область	1,71	1,75	1,61	1,72
Кировская область	1,71	1,78	1,62	1,72
Республика Крым	1,71	1,68	1,63	1,65
Республика Башкортостан	1,71	1,95	1,71	1,89
Амурская область	1,69	1,87	1,65	1,70
Краснодарский край	1,68	1,72	1,63	1,67
Республика Карелия	1,67	1,77	1,58	1,62
Челябинская область	1,66	1,75	1,60	1,69
Красноярский край	1,65	1,77	1,61	1,75
Новосибирская область	1,65	1,72	1,57	1,66
Республика Татарстан	1,65	1,79	1,64	1,81
Хабаровский край	1,64	1,75	1,57	1,65
Камчатский край	1,64	1,74	1,56	1,71
Калининградская область	1,64	1,81	1,57	1,71
Новгородская область	1,63	1,73	1,54	1,68
Свердловская область	1,62	1,80	1,57	1,68
Брянская область	1,62	1,68	1,57	1,57
Ульяновская область	1,61	1,66	1,55	1,62
Курская область	1,61	1,69	1,53	1,64
Рязанская область	1,61	1,62	1,53	1,57
Приморский край	1,61	1,71	1,56	1,64
Волгоградская область	1,61	1,76	1,58	1,66
Мурманская область	1,60	1,81	1,49	1,62
Ярославская область	1,60	1,65	1,49	1,58
Магаданская область	1,60	1,75	1,56	1,70
Кемеровская область	1,59	1,75	1,54	1,66
Калужская область	1,59	1,72	1,51	1,62
Тверская область	1,58	1,70	1,51	1,63
Орловская область	1,58	1,76	1,52	1,63
Республика Мордовия	1,58	1,74	1,50	1,58
Саратовская область	1,57	1,71	1,52	1,58

Окончание приложения

Регион*	Женщины в возрасте 40–44 года по переписи населения 2020 г. и 35–39 лет по микропереписи населения 2015 г.		Женщины в возрасте 45–49 лет по переписи населения 2020 г. и 40–44 года по микропереписи населения 2015 г.	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	Рожденных (40–44 года)	Ожидаемое (35–39 лет)	Рожденных (45–49 лет)	Ожидаемое (40–44 года)
Псковская область	1,57	1,62	1,48	1,48
Липецкая область	1,57	1,72	1,50	1,59
Ростовская область	1,56	1,71	1,53	1,62
г. Севастополь	1,56	1,58	1,46	1,56
Тамбовская область	1,55	1,56	1,50	1,57
Пензенская область	1,55	1,60	1,50	1,50
Владимирская область	1,55	1,57	1,46	1,50
Нижегородская область	1,54	1,64	1,47	1,54
Ивановская область	1,53	1,68	1,44	1,53
Сахалинская область	1,53	1,72	1,48	1,65
Белгородская область	1,53	1,63	1,48	1,59
Ленинградская область	1,51	1,63	1,47	1,60
Смоленская область	1,49	1,60	1,43	1,53
Самарская область	1,49	1,63	1,44	1,58
Воронежская область	1,47	1,61	1,44	1,55
Тульская область	1,46	1,67	1,40	1,57
Московская область	1,46	1,66	1,43	1,53
г. Москва	1,37	1,57	1,34	1,48
г. Санкт-Петербург	1,36	1,55	1,29	1,44

* Регионы ранжированы в порядке сокращения среднего числа рожденных детей у женщин в возрасте 40–44 года.

Литература

- Агеев А.И., Золотарева О.А. (2023). Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. № 30 (2). С. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71>
- Андреев Е.М., Бондарская Г.А. (2000). Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения // Вопросы статистики. № 11. С. 56–62.
- Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский, Л.Л. (2016). Результативность демографической политики России / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ. 307 с.
- Багирова А.П., Бледнова Н.Д., Нешатаев А.В. (2024). Факторное моделирование мнений российских родителей о влиянии системы отпусков по уходу за ребенком на рождаемость // Население и экономика. № 8 (2). С. 97–113. DOI: <https://doi.org/10.3897/popcon.8.e106333>
- Буланова М.А. (2022). Оценка результативности демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа) // Власть и управление на Востоке России. № 2 (99). С. 61–72. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-61-72>
- Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. (2020). Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 4. С. 21–35. DOI: [10.19181/lsprr.2020.16.4.2](https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.2)
- Ильин В. А., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2021). Потенциал повышения рождаемости и семейно-демографическая политика России // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 9. С. 831–844. DOI: [10.31857/S0869587321090048](https://doi.org/10.31857/S0869587321090048)
- Малева Т.М., Третьякова Е.А., Макаренцева А.О. (2017). Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. Т. 12. № 6. С. 124–147. DOI: [10.18288/1994-5124-2017-6-06](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-6-06)

- Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Давлетшина Л.А. (2023). Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А. [и др.]. (2022). Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива. 220 с.
- Рыбаковский Л.Л. (2016). Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. № 4. С. 23–30.
- Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. (2021). Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 9. С. 831–844. DOI: 10.31857/S0869587321090048
- Слонимчик Ф., Юрко А.В. (2016). Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. № 2 (3). С. 30–68. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>
- Шабунова А.А., Ростовская Т.К. (2020). О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 4. С. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2
- Adelle C., Weiland S. (2012). Policy assessment: The state of the art. *Impact Assessment and Project Appraisal*, 30(1), 25–33. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233320667_Policy_assessment_The_state_of_the_art (accessed: October 9, 2024).
- Ekberg J., Eriksson R., Friebel G. (2013). Parental leave – A policy evaluation of the Swedish “Daddy-Month” reform. *Journal of Public Economics*, 97, 131–43. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2012.09.001>
- Gandevani S.B., Ziaee S., Farahani F.K. (2014). A review of the impact of different social policy incentives to accelerate population growth rate. *Women’s Health Bulletin*, 1(1), 1–5. DOI: 10.17795/WHB-18967
- Hendershot G.E., Plaek P.J. (Eds). (1981). *Predicting Fertility. Demographic Studies of Birth Explanation*. Toronto: LexingtonBooks. Available at: https://openlibrary.org/books/OL4406557M/Predicting_fertility (accessed: October 9, 2024).
- Nomaguchi K., Fetto M.N. (2019). Childrearing stages and work-family conflict: The role of job demands and resources. *Journal of Marriage and Family*, 81(2), 289–307. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12521>
- Shelkova N.Y. (2020). Stronger women, better men? Family bargaining and public policy in contemporary Russia. *Review of Economics of the Household*, 18(2), 335–355.
- Whelpton P.K., Campbell A.A., Patterson J.E. (1966). *Fertility and Family Planning in the United States*. New Jersey. Available at: https://openlibrary.org/books/OL4406557M/Predicting_fertility (accessed: October 9, 2024).

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Архангельский – кандидат экономических наук, заведующий сектором, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: archangelsky@yandex.ru); ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики (НИИ статистики Росстата) (Российская Федерация, 105187, г. Москва, Измайловское ш., д. 44)

Ольга Анатольевна Золотарева – кандидат экономических наук, доцент кафедры, МИРЭА – Российский технологический университет (Российская Федерация, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 78; e-mail: OAMahova@yandex.ru); главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики (НИИ статистики Росстата) (Российская Федерация, 105187, г. Москва, Измайловское ш., д. 44)

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор экономических наук, профессор кафедры, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru), главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт проблем социально-экономической статистики Федеральной службы государственной статистики (НИИ статистики Росстата) (Российская Федерация, 105187, г. Москва, Измайловское ш., д. 44)

Arkhangelskiy V.N., Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V.

Two Approaches to Assessing the Effectiveness of Demographic Policy (Using the Example of Federal Maternity Capital)

Abstract. Recently, attention to assessing the effectiveness of measures aimed at promoting birth rate has been increasing. Among these measures, federal maternal (family) capital is, doubtless, the most significant one; thus, it is necessary to develop methodological approaches so as to assess the impact of specific demographic policy measures, in particular maternity capital, on birth rate dynamics. The aim of the study is to design a methodology for evaluating and measuring the effectiveness of federal maternity capital based on official statistics. The article presents two approaches to the methodology for evaluating the effectiveness of federal maternal (family) capital: the first is based on current accounting data, the second is based on census and micro-census data. Within the framework of the first approach, we consider it necessary to apply age-related birth rates for second births in real generations of women, that is, attributed to generations rather than calendar years. The second approach is based on the information about reproductive intentions. In accordance with this information, data on the average expected number of children, according to the 2015 micro-census, and the average number of children born according to the results of the 2020 census are compared. The proposed methodology helps to obtain estimates of the effectiveness of demographic policy measures, taking into account their target orientation (for example, an increase in the birth rate of a certain order or in women of certain age groups). The approbation of the proposed approaches on the example of assessing the effectiveness of maternity capital indicates the expediency of their application. Scientific novelty of our research consists in the convergence of the two approaches in order to measure the effectiveness of federal maternity capital, and in the methodology for using more detailed birth rate indicators in assessing demographic policy measures. The approbation of the approaches has not only analytical capabilities, allowing us to study birth rate in real generations of women according to the order of births and characterize reproductive attitudes; it also substantiates the conclusions about the effectiveness of federal maternity capital.

Key words: federal maternity capital, birth rate, second births, “timing” shifts, effectiveness of measures.

Information about the Authors

Vladimir N. Arkhangelskiy – Candidate of Sciences (Economics), head of sector, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru); Leading Researcher, Scientific Research Institute for Socio-Economic Statistics of the Federal State Statistics Service (Statistics Research Institute of Rosstat) (44, Izmailovskoe Highway, Moscow, 105187, Russian Federation)

Olga A. Zolotareva – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of the Department of Statistics and Mathematical Methods in Management, MIREA – Russian Technological University, (78, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation; e-mail: OAMahova@yandex.ru); Chief Researcher, Scientific Research Institute for Socio-Economic Statistics of the Federal State Statistics Service (Statistics Research Institute of Rosstat) (44, Izmailovskoe Highway, Moscow, 105187, Russian Federation)

Oksana V. Kuchmaeva – Doctor of Sciences (Economics), professor of department, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru); Chief Researcher, Scientific Research Institute for Socio-Economic Statistics of the Federal State Statistics Service (Statistics Research Institute of Rosstat) (44, Izmailovskoe Highway, Moscow, 105187, Russian Federation)

Статья поступила 09.10.2024.

Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам

**Андрей Александрович
МАЛЬЦЕВ**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: maltsevaa@list.ru

ORCID: 0000-0002-3774-6311; ResearcherID: R-9328-2016

**Сергей Валерьевич
ЧИЧИЛИМОВ**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3681-4279

Аннотация. Резко обострившаяся в XXI веке конкуренция между лидерами мировой экономики и претендентами на их место привела к формированию новой глобальной геоэкономической реальности. Ее характеризует все большее распространение агрессивных инструментов воздействия на хозяйственные системы конкурентов: торговых войн, вторичных и третичных санкций, гибридных конфликтов. На фоне наложения этих обстоятельств на начавшийся подъем шестой инновационной волны возрастает актуальность изучения вопроса, связанного с повышением сопротивляемости экономики наложению внутренних и внешних вызовов. В данной работе сопротивляемость экономики России рассматривается в контексте достижения экономического суверенитета. Разработана авторская методика оценки его состояния в разрезе промышленно-технологической, структурной и геоэкономической составляющих. Новизна авторского подхода

Для цитирования: Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2024). Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 98–117. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.5

For citation: Maltsev A.A., Chichilimov S.V. (2024). Assessing the resilience of Russia's economy to internal and external challenges. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 98–117. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.5

заключается в сочетании сквозного учета внешних факторов влияния на уровень сопротивляемости экономики страны, отказа от пороговых значений в пользу сравнения отчетных периодов с базисным и использования плавающей шкалы оценок. Во избежание субъективизации данных для анализа использовались только прозрачные информационные и статистические материалы Росстата, Всемирного банка, ВТО, ОЭСР и других официальных структур. Апробация методики проведена на временном отрезке 2015–2022 гг., что позволило, выявив проблемные зоны в системе сопротивляемости экономики страны, разработать трехэтапную стратегию ее укрепления. Важнейшей задачей первого этапа выступает формирование комплекса мер по защите и поддержке наиболее уязвимых и пострадавших в результате санкционного давления отраслей на принципах «ответного протекционизма», второго – запуск структурной перестройки хозяйственной системы на базе «просвещенного полуизоляционизма», третьего – переход к политике «протекционизма разумного» с задачей встраивания национальной экономики в шестую инновационную волну. Полученные результаты могут быть учтены органами власти Российской Федерации при разработке и корректировке контрсанкционной стратегии.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность, ловушка автаркии, мировая экономика, неопротекционизм, санкции, скрытый протекционизм, сопротивляемость экономики.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 гг. Авторы выражают благодарность двум анонимным рецензентам за полезные комментарии и замечания.

Введение

К третьему десятилетию XXI века в мировой экономике сформировался новый хозяйственный порядок. Одной из его особенностей является вынужденная необходимость стран «обращать внимание на свои национальные интересы, даже опираясь на теорию открытой экономики и на незыблемые рыночные принципы на внутреннем и внешнем рынках» (Пороховский, 2024, с. 12). В результате все более активной постановки государствами вопросов достижения экономического суверенитета и повышения сопротивляемости экономики «получают распространение теории “отечественной экономики”» (Пороховский, 2024, с. 12).

Их практическая реализация в последние годы сопровождается массированным использованием достигших к 2020-м гг. беспрецедентных масштабов экономических и внеэкономических инструментов принуждения конкурентов с активизацией вторичных и третичных форм давления, санкционированием собственных союзников за отход от политики, выгодной лидерам мировой экономики. Например, в результате резкого развертывания антирос-

сийского санкционного давления (*табл. 1*) за один 2022 год 34 страны Глобального Севера только против России ввели 10124 ограничения, или 73% от всех рестрикций, действовавших на тот момент в мире. На 1 октября 2024 года количество антироссийских санкций, введенных недружественными странами, достигло 22230 (64% от общемирового итога). Для сравнения: за 2022–2024 гг. две другие наиболее санкционируемые страны: Иран (находившийся на втором месте в санкционном антирейтинге на 1 октября 2024 г.) и Республика Беларусь (№ 5) – суммарно получили разных ограничений (в большинстве случаев за возможное «содействие» РФ в обходе санкционного режима) в 10 раз меньше – 1634 и 711 соответственно. Эксперты отмечают все большее раскручивание блокирующих (вторичных) санкций со стороны США как против юридических и физических лиц собственных партнеров (Нидерланды, Финляндия), так и конкурентов (КНР, Индия) (Тимофеев, 2023).

Понятно, что выдержать такое давление может только сильная хозяйственная система, обладающая должным уровнем сопротивляе-

Таблица 1. Динамика санкций в современной мировой практике, ед.

Введение санкций	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
В отношении Российской Федерации	159	200	193	10124	6748	4806
В отношении иностранных государств	1260	1742	1782	3701	2056	508
Всего	1419	1942	1975	13825	8804	5314

* На 1 октября 2024 г.
Составлено по: Castellum.AI. Russia sanctions dashboard. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard>; X-Compliance. Статистика. URL: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения 24.10.2024).

мости. Это объясняет цель исследования – разработать авторскую методику оценки ключевых составляющих экономического суверенитета РФ для выявления по итогам ее апробации наиболее уязвимых позиций в контрсанкционном противостоянии. Достижение цели требует решения следующих задач: уточнение особенностей эволюции теоретических подходов к исследованию сопротивляемости экономики РФ, составление и последующая апробация авторской методики в динамике развития российской экономики в 2015–2022 гг. Объектом исследования является уровень сопротивляемости российской экономики в условиях обострения геоэкономического соперничества, предметом – совокупность экономических отношений государства и бизнеса, складывающихся в процессе ужесточения санкционного давления в современной мировой экономике. Практическая значимость разработки методики состоит в возможности выявления проблемных зон, требующих оперативной корректировки контрсанкционной стратегии в условиях нарастающего геополитического и внешнеэкономического давления.

Теоретические предпосылки исследования

Степень противодействия страны внешним и внутренним угрозам измеряется уровнем сопротивляемости экономики. В контексте настоящего исследования под сопротивляемостью в общем виде понимается продуктивная, ресурсная и технологическая самодостаточность хозяйственной системы страны, позволяющая оперативно купировать обострение внутренних и внешних угроз. На наш взгляд, уровень сопротивляемости напрямую зависит от достижения экономического суверенитета страны.

Ключевая задача настоящего исследования – выявление уровня достижения Российской Федерацией экономического суверенитета в разрезе трех взаимосвязанных его составляющих: промышленно-технологической, структурной, геоэкономической. Наш подход стыкуется с концептуальным базисом, закрепленным в утвержденной в 2024 году Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и принятых в ее исполнение нормативных документах¹. Так, в Стратегии под технологическим суверенитетом (промышленно-технологическая составляющая экономического суверенитета в нашей работе) понимается «способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства». Структурная составляющая экономического суверенитета в такой постановке вопроса будет являться мерилем независимости, под которой следует понимать «достижение Российской Федерацией самостоятельности в критически важных сферах жизне-

¹ Подробнее см.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584; Об утверждении Концепции технологического развития до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-п // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964.

обеспечения за счет высокой результативности научных исследований и разработок и путем практического применения полученных результатов». В нашей концепции экономический суверенитет исключает автаркию, поэтому индикаторы его геоэкономической составляющей призваны помочь определить уровень конкурентоспособности национальной экономики, выявив «преимущества Российской Федерации ... в социальной, культурной, образовательной и экономической областях, явных по отношению к другим государствам»².

В принципе, эволюция основ понятийного и методического аппарата в рамках оценки уровня достижения экономического суверенитета страны прошла несколько этапов (табл. 2). «Водоразделом» в каждом конкретном случае, как показал наш анализ, стало наложение геоэкономических шоков на старт очередного цикла технологического подъема. В первом случае в качестве триггера выступили распад социалистического лагеря и, как следствие, замена двухполярной мировой хозяйственной системы однополярной, совпавшие с одновременным началом пятой инновационной волны: распространение сети Интернет, массовая компьютеризация, развитие биотехнологий (Травкина, 2022, с. 55). Во втором – азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., пришедшийся на расцвет третьей промышленной революции: развитие больших данных, цифровизация, роботизация (Рифкин, 2014). Третьим поворотным моментом стала Великая рецессия 2008–2009 гг., выступившая предтечей перехода к четвертой промышленной революции: распространение киберфизических и адаптивных систем производства, зеленых технологий и сетевых информационных систем (Шваб, 2016) и старта шестой инновационной волны: конвергенция NBIC-технологий (Травкина, 2022, с. 55).

В ходе первого этапа (1991–1996 гг.) экономическая независимость (суверенитет) рассматривалась в качестве одной из трех составляющих экономической безопасности РФ наряду с устойчивостью национальной экономики

и способностью к саморазвитию и прогрессу (Абалкин, 1994). Вынужденная ориентированность государства на внутренние проблемы в переходных к рынку условиях придавала первым концепциям некоторые черты политики «антикризисного менеджмента». Ключевыми вызовами считались внутренние шоки, а задачей предлагавшегося инструментария являлся поиск путей стабилизации внутреннего рынка и социальной сферы.

На втором этапе (1997–2008 гг.) изменение условий хозяйствования потребовало обновления подхода «антикризис», особенно в связи с чередой мировых кризисов, тяжело сказавшихся на переходной экономике Российской Федерации. Это нашло отражение в первую очередь в наработке широкого индикативного инструментария для диагностики экономической безопасности через призму экономического суверенитета. Именно в этот период отечественные специалисты впервые предложили одним из важнейших факторов экономического суверенитета считать внешнеэкономический, но проводить его оценку предлагалось через сравнение динамики макроэкономических показателей РФ со среднемировыми трендами (Глазьев, 1997; Степашин, 2002).

Третий этап (2009 г. – н. в.) с исчерпанием потенциала однополярной структуры мировой экономической системы, подразумевавшей суверенность только в модели функционирования «по правилам гегемона», обострил проблему обретения реального экономического суверенитета. Решение данного вопроса тесно связано с перехватом у стран-лидеров мировой экономики технологической и хозяйственной инициативы, что требует, во-первых, более детального определения возможных точек роста стран – претендентов на лидерство, во-вторых, наработки рабочих алгоритмов противодействия «вепонизации» (Mariotti, 2024) торговой политики развитых государств. В связи с этим на данном этапе активизировались попытки точечного рассмотрения вопросов экономического суверенитета страны в категориях резильентности, сопротивляемости и хрупкости экономической системы в контексте адаптивности к нейтрализации выявляемых в ее картине уязвимостей.

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10. Ст. 1373.

Таблица 2. Этапы эволюции методических подходов к диагностике устойчивости экономики Российской Федерации

Этап	Ключевые авторы	Трактовка экономического суверенитета	Сущностное наполнение методологического аппарата
Экономическая безопасность	Абалкин Л.И., Бухвальд Е.М., Сенчагов В.К.	«Совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» (Абалкин, 1998), а также «гарантированную защиту национальных интересов» (Сенчагов, 1995) и «нормальные условия жизнедеятельности населения и устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства» (Бухвальд и др., 1994)	Экономический суверенитет страны рассматривается по факту под углом зрения экономической безопасности, индикаторами которой выступают оценки ресурсного потенциала, эффективности использования ресурсов, капитала и труда, а также качества жизни, темп инфляции, норма безработицы, дефицит бюджета, встроенность в мировую экономику. Сформирован классификатор угроз экономической безопасности: нарастающий спад производства и потеря рынка; разрушение научно-технического потенциала и дендустриализация экономики; продовольственная зависимость; рост безработицы и ослабление трудовой мотивации
Экономический суверенитет	Глазьев С.Ю., Степашин С.В., Богданов И.Я.	«Состояние экономики и производительных сил общества, при котором возможно самостоятельное обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны» (Глазьев, 1997), поддержание «необходимого уровня национальной безопасности государства» (Васильев и др., 1999), а также «должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции» (Богданов, 2001)	Экономический суверенитет выводится на основе комплексной оценки макроэкономических показателей, сгруппированных в модули внутренних и внешних угроз, с последующим сопоставлением полученных результатов со среднемировыми пороговыми значениями. Впервые предпринята попытка рассмотреть уровень достижения суверенитета по отдельным сферам хозяйственной деятельности для выявления потенциальных внешних угроз с предложением конкретных путей повышения сопротивляемости хозяйственной системы Российской Федерации
Экономическая сопротивляемость	Акбердина В.В., Сморodinская Н.В., Балацкий Е.В.	Экономическая сопротивляемость предполагает достижение максимально возможной устойчивости для снижения уязвимости экономики страны к эндо- и экзогенным стрессам через повышение резильентности. В такой постановке вопроса под резильентностью понимается «способность хозяйственной системы государства восстанавливаться после шоков, временно позитивно адаптируя и трансформируя структуру экономики в условиях долгосрочных стрессов, перемен и неопределенности» (Сморodinская и др., 2021), под устойчивостью – «наличие действий предсобытийного характера, заранее направленных на укрепление экономики и смягчение последствий предполагаемых вызовов и шоков» (Акбердина, 2021), под уязвимостью (хрупкостью) – уровень «зависимости экономики страны от изменений на мировых рынках, а также возможные потери хозяйственной системы под воздействием внешних потрясений» (Балацкий, Екимова, 2023)	Общим методическим подходом выступает декомпозиция макроэкономических показателей, их сравнение с базовым периодом или пороговыми значениями, которые определяются путем экспертной оценки. Для оценки резильентности экономики государств чаще всего используются эконометрические модели, оценивающие скорость восстановления хозяйственной системы после пережитого шока на основе индикаторов, связанных с динамикой ВВП страны. Для диагностики изменения уровня устойчивости экономики страны обычно проводится сравнение выбранных индикаторов (являющихся факторами устойчивости) за различные периоды времени (как правило, сопоставляются два или три периода). С точки зрения оценки уязвимости используется отбор (с помощью эконометрической и экспертной оценок) отраслей, вес которых в экономике страны достаточен для того, чтобы в случае разрыва международных связей хозяйственная система смогла максимально автономно перейти на режим самообеспечения в среднесрочной перспективе. В рассмотренных подходах доминирует метод расчета интегральных показателей устойчивости экономики в формате среднеарифметических или среднегеометрических значений совокупности индикаторов
Источник: составлено авторами.			

В последние годы по мере усиления санкционного давления интерес к вопросам экономического суверенитета и резильентности российской экономики неуклонно нарастал. Тренд подтверждают данные электронной библиотеки eLibrary за 1991–2024 гг. (табл. 3). Более того, особое внимание начинает уделяться вопросу внешнеэкономической составляющей экономического суверенитета. Так, за 1991–1999 гг. в базе РИНЦ не оказалось работ (научных статей или книг), имеющих в перечне ключевых слов сочетание «внешнеэкономическая безопасность». За период 2001–2010 гг. появилось 15 таких работ, а за 2011–2024 гг. (по данным на 1 октября 2024 г.) – 182³.

Рост актуальности академических исследований, посвященных вопросам экономического суверенитета и оценки его составляющих в категориях сопротивляемости, устойчивости, резильентности, прослеживается и в зарубежной литературе. Например, за 2000–2023 гг. количество работ иностранных авторов по данной теме, опубликованных в базе данных Scopus, увеличилось с 0,7 тыс. до 12,4 тыс. (Riepponen et al., 2023, p. 329). Их в целом характеризует схожая с подходами российских специалистов трактовка понятия хозяйственной сопротивляемости: «...способность стран восстанавливаться... позитивно адаптируя и трансформируя структуру экономики в условиях долгосрочных стрессов...»⁴. Главное отличие заключается в концентрации внимания западных специалистов на внешних, а не внутренних угрозах. В частности, приоритетными считаются способы противодействия глобальным экономи-

ческим и финансовым кризисам (Davis, 2011; Martin, 2012), нивелирования эффектов деглобализации и фрагментации мировой экономики (Bolt, Willem, 2023), преодоления вызовов «Холодной войны 2.0»⁵. Поэтому базисом повышения сопротивляемости хозяйственных систем, с точки зрения зарубежных экономистов, выступает функционирование глобальных цепочек создания стоимости как «максимально устойчивых к потрясениям» (“remarkably resilient to shocks”) (Antras, 2020, p. 25) структур. Ключевой стратегией предлагается определить «реглобализацию» (“reglobalisation”), сущностное наполнение которой составляет постепенный отказ от торговых барьеров со стороны развивающихся стран с их последующей интеграцией в наукоемкие звенья глобальных производственных сетей (Gereffi, 2020).

С точки зрения квалиметрирования общеэкономического суверенитета в целом в современной науке применяются три основные группы индикаторов: композитные индексы, многокритериальная оценка без агрегации и отдельные показатели. Композитные индексы рассчитываются с помощью агрегирования большого массива как объективных, так и субъективных данных по выбранным направлениям. Многокритериальная оценка без агрегации данных заключается в определении оптимального варианта выбора, который бы удовлетворял наибольшему числу критериев и обладал определенными свойствами. Отдельные показатели являются индивидуальными метриками, рассчитанными для оценки конкретного хозяйственного феномена. Экспертное сообще-

Таблица 3. Количество публикаций (научные статьи и книги) в базе РИНЦ по ключевым словам за 1991–2024 гг.

Ключевые слова	1991–1999	2000–2010	2011–2020	2021–2024
Экономическая безопасность	25	1394	14346	8527
Экономический суверенитет	0	15	142	170
Резильентность	0	0	39	167
Составлено по: данные научной электронной библиотеки eLibrary. URL: https://elibrary.ru/defaultx.asp? (дата обращения 24.10.2024).				

³ Научная электронная библиотека eLibrary. Список публикаций с ключевым словосочетанием «внешнеэкономическая безопасность». URL: https://www.elibrary.ru/keyword_items.asp?id=5033464&show_option=0 (дата обращения 08.05.2024).

⁴ OECD. Guidelines for Resilience Systems Analysis. How to analyse risk and build a roadmap to resilience. Paris, 2014. P. 6.

⁵ Gopinath G. Cold war II? Preserving economic cooperation amid geoeconomic fragmentation. Plenary Speech 20th World Congress of the International Economic Association, Colombia. 2023. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/12/11/sp121123-cold-war-ii-preserving-economic-cooperation-amid-geoeconomic-fragmentation> (дата обращения 19.05.2024).

ство сходится во мнении, что во всех вышеописанных типах индикаторов сложно однозначно выделить верные или ложные, поскольку каждый из них обладает рядом достоинств и недостатков. Например, композитным индексам свойственна неоднозначность алгоритмов объединения различных метрик, а многокритериальные подходы зачастую не сопровождаются как обстоятельной интерпретацией результатов расчетов, так и обоснованием принципов выбора критериев, которые определяются экспертно. Более простые показатели, в свою очередь, отражают лишь отдельные грани рассматриваемого вопроса и не дают всей полноты картины.

Методика оценки сопротивляемости экономики РФ в условиях утверждения новых форм протекционизма

С опорой на накопленный российской наукой концептуальный базис нами разработана методика оценки сопротивляемости экономики в условиях начавшегося укоренения «глобального протекционистского режима» (Бирюкова, 2024, с. 152). Ее основная задача – выявление уровня экономической сопротивляемости в трех взаимосвязанных сферах: промышленно-технологической, структурной, геоэкономической. Концентрацию фокуса внимания на трех составляющих экономического суверенитета страны предопределили следующие обстоятельства. Во-первых, разрушение индустриального базиса страны, подрыв институциональных основ функционирования экономики и создание ситуации искусственной автаркии являются главными целями санкционного давления. Во-вторых, обретение системной сопротивляемости в трех обозначенных сферах хозяйственной деятельности должно обеспечить достаточную устойчивость хозяйственной системы как ключевого условия стабильного поступательного развития. В-третьих, выделенные нами составляющие экономического суверенитета взаимосвязаны, например, промышленно-технологический (под которым понимается «наличие под национальным контролем собственных линий разработки и условий производства высокотехнологичной продукции»⁶)

⁶ Об утверждении Концепции технологического развития до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964.

сам по себе недостижим без ускорения структурной модернизации и закрепления на внешних рынках, определяющих уровень конкурентоспособности предприятия, особенно в условиях все большего «использования экстерриториального протекционизма» (Миловидов, Аскер-Заде, 2020, с. 43). Концептуально методика строилась на следующих опорных точках.

Первое: верифицируемость получаемых данных, предполагающая отказ от широко используемого метода экспертного рейтингования получаемых по отбираемым индикаторам результатов в пользу определения вектора их изменения и его соотнесения с мировым трендом. Если идти «от предприятий», то практически невозможно будет привести к общему знаменателю экономические интересы крупных, средних и малых предприятий, тем более если пытаться «взвешивать» их по отраслевой принадлежности. Для обхода этих барьеров предлагается опираться на легко проверяемые транспарентные материалы Росстата и международные базы данных Всемирного банка, ВТО и ОЭСР по выделенным индикаторам.

Второе: концентрация на трех опорных точках формирования базиса стабильного инновационно-поступательного экономического роста, которые можно определить как промышленно-технологическую, структурную и геоэкономическую составляющие экономического суверенитета страны. При оценке уровня достижения сопротивляемости для каждой составляющей экономического суверенитета РФ предлагается использовать группу из 10 индикаторов, рассчитываемых по материалам официальной российской и международной статистики за 2016–2022 гг. Методика предполагает «разбивку» рассматриваемого периода на три трехлетних цикла (2016–2018, 2019–2021, 2020–2022 гг.), где 2018 год – предпандемный, а 2022 год – крайний из имевшихся в «статистическом» подкреплении на момент подготовки работы.

Третье: применение отталкивающегося от реалий проживаемой ситуации эмпирического институционального подхода к оценке состояния трех составляющих экономического суверенитета РФ. Расчет цепных и, в отдельных случаях, многокритериальных индексов определяется изменение вектора направленно-

сти каждого индикатора. При повышательном тренде на рассматриваемом отрезке индикатору присваивается значение «+», при снижении динамики «-». Полученные значения «+» и «-» по каждому кластеру индикаторов суммируются. В зависимости от итоговой суммы посредством экспертной интерпретации полученных результатов делается вывод о текущем этапе сопротивляемости экономики страны к шокам⁷. Итоговые значения по факту выступают маркером тренда, выявляя уязвимые места контрсанкционной защиты. Именно так задается направление государственной экономической политики «к предприятиям» как главным акторам хозяйственной системы⁸.

Четвертое: диалектическая трактовка понятия «геоэкономическая составляющая экономического суверенитета страны», что предполагает, во-первых, недопустимость даже концептуального рассмотрения автаркической модели хозяйствования РФ. Во-вторых, исключается абсолютизация импортозамещения. В-третьих, исходим из того, что находящаяся под санкционным давлением страна не просто может, но и должна защищать свою экономику.

Пятое: практикоориентированность задействованного методического аппарата. Это определяется: а) «мобильностью» предлагаемого пакета индикаторов, который при появлении новых вводных может соответствующим образом корректироваться; б) подвижностью временной шкалы, которая по накоплению нового массива данных легко может быть продлена;

⁷ В отдельных случаях позитивной признается отрицательная динамика, например, при оценке индикаторов СЗ, Г5, Г7.

⁸ Аналогичный методологический прием, не прибегая к эконометрированию экономической ситуации (“there is no fixed rule about what measures contribute information to the process or how they are weighted in our decisions”), а выявляя на основе данных официальной статистики направленность трендов, складывающихся в периметре объекта исследования (“range of monthly measures of aggregate real economic activity published by the federal statistical agencies”), использует, например, Национальное бюро экономических исследований США (NBER, Washington) при уточнении моментов наступления и окончания рецессии в мировой экономике и ведущих странах. См.: NBER. Business Cycle Dating Procedure: Frequently Asked Questions. URL: <https://www.nber.org/research/business-cycle-dating/business-cycle-dating-procedure-frequently-asked-questions> (дата обращения 24.10.2024).

в) функциональностью, что позволяет, используя рабочий алгоритм применения методики, определить позиционирование страны на оси выхода на устойчивую траекторию роста. На этой оси мы выделяем три уровня достижения сопротивляемости: «неполная» — «полная» — «системная»⁹. Если индикаторов с положительными значениями по итогу проведенных расчетов не окажется, экономика страны не отвечает критериям сопротивляемости; набор положительных индикаторов меньше 1/2 от итога характеризует уровень «начальная сопротивляемость»; 5–6 позитивных оценок соответствуют уровню «неполная сопротивляемость», 7–8 — «полная сопротивляемость», 9–10 — «системная сопротивляемость».

Предлагаемую нами методику отличает, во-первых, большее внимание к учету внешних факторов, влияющих на экономическую самодостаточность страны. В частности, для более корректной итоговой оценки проводится сравнение большинства макроэкономических показателей с общемировой динамикой или с соответствующими метриками стран — лидеров мирового хозяйства.

Во-вторых, мы исходим из того, что усредненные мировые показатели или эконометрические/экспертные оценки, во многих существующих методиках принимаемые в качестве пороговых величин, в нестандартных хозяйственных условиях, порожденных санкционной войной против Российской Федерации, могут обострить проблему несоответствия полученных результатов и реальной ситуации, складывающейся в стране. Вместо оценки уровня достижения пороговых значений для выбранных индикаторов проводится сравнение показателей отчетного периода относительно базового.

В-третьих, в предлагаемой методике используется плавающая временная шкала оценки (свободно перемещаемая по оси влево или вправо в зависимости от решаемых задач), выстроенная в привязке не к конкретным годам, а к трехлетним периодам, где итоговые значе-

⁹ Под полной сопротивляемостью понимается способность хозяйственной системы перейти в режим самообеспечения в среднесрочной перспективе для стабильного функционирования, под системной — максимально быстро трансформироваться с целью восстановления поступательной динамики в условиях наложения внутренних вызовов и внешних шоков.

ния на конец каждого из них, рассчитанные с помощью цепных индексов, сравниваются как с принятым за единицу базисным годом (в отдельных случаях — со среднегодовым итогом за 5 лет), так и между собой. Это позволяет сглаживать экстремумы показателей за отдельные годы и получать более объективное представление о динамике того или иного процесса.

Результаты исследования

Апробация предложенной нами методики измерения уровня сопротивляемости экономики РФ в разрезе трех составляющих ввиду из-

вестного временного лага с публикацией официальной российской статистики первоначально проводилась по итоговым данным за 2015–2021 гг. Это позволило выявить, на какой стадии выстраивания экономики сопротивления находилась российская экономика на момент ужесточения санкционного давления и какие ее секторы требовали приоритетного внимания и поддержки в контрсанкционном противостоянии для внесения возможных соответствующих корректив. Сводные результаты представлены в *таблице 4*.

Таблица 4. Матрица сводных индикаторов оценки состояния трех составляющих экономического суверенитета РФ, 2015–2021 гг.

Индикатор	2016–2018	2019–2021	2015–2021
П1. Изменение доли предприятий профессиональной, научной, технической деятельности в общем обороте организаций в РФ	–	+	–
П2. Изменение численности исследователей в РФ	–	–	–
П3. Изменение доли НИР в расходах федерального бюджета и ВВП РФ	–	+	–
П4. Изменение доли средств предпринимательского сектора на развитие НИОКР в суммарных внутренних затратах на исследования и разработки в РФ	+	–	–
П5. Изменение динамики поданных российскими заявителями заявок на выдачу патентов на изобретения	–	–	–
П6. Изменение доли высокотехнологичного экспорта в суммарном экспорте товаров РФ	–	+	+
П7. Изменение доли высокотехнологичного импорта в суммарном импорте товаров РФ	–	+	+
П8. Изменение доли инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг в РФ	–	–	–
П9. Изменение динамики производства инновационных товаров в РФ	+	+	+
П10. Изменение удельного расхода электроэнергии на производство отдельных видов продукции в РФ*	–	–	+
Результирующая индикаторов промышленно-технологической составляющей экономического суверенитета за 2015–2021 гг.: 4+/6– (итог на 2021 г.: уровень «начальная сопротивляемость»)			
С1. Изменение динамики производительности труда в экономике РФ	–	–	–
С2. Изменение доли обрабатывающей промышленности в ВВП РФ	+	–	+
С3. Изменение доли пяти ведущих регионов в ВРП РФ*	–	–	–
С4. Изменение доли оборота предприятий малого и среднего предпринимательства (МСП) в общем обороте организаций в РФ	+	–	–
С5. Изменение расходов консолидированного бюджета РФ на развитие экономики в контексте изменения средневзвешенной налоговой нагрузки	–	+	–
С6. Изменение доли валового накопления в ВВП РФ	–	–	–
С7. Изменение доли собственных средств организаций в общем объеме инвестиций в РФ*	–	–	–
С8. Изменение доли прямых иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в РФ	–	–	–
С9. Изменение доли машин и оборудования в суммарном объеме инвестиций в основной капитал в РФ	+	–	+
С10. Изменение степени износа основных фондов по отдельным видам экономической деятельности в РФ	–	+	–

Окончание таблицы 4

Индикатор	2016–2018	2019–2021	2015–2021
Результирующая индикаторов структурной составляющей экономического суверенитета за 2015–2021 гг.: 2+/8– (итог на 2021 г.: уровень «начальная сопротивляемость»)			
Г1. Изменение доли РФ в ключевых макроэкономических показателях мировой экономики	+	–	+
Г2. Изменение доли РФ в мировой торговле товарами и услугами	+	–	+
Г3. Изменение доли РФ в мировой торговле в категориях добавленной стоимости	+	–	–
Г4. Изменение доли РФ в мировом импорте машин и оборудования	–	–	–
Г5. Изменение доли топ-3 товарных групп в экспорте РФ*	–	–	–
Г6. Изменение доли несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ) в суммарном экспорте РФ	–	+	+
Г7. Изменение доли топ-3 партнеров в экспорте и импорте РФ*	–	–	–
Г8. Изменение уровня самообеспеченности РФ важнейшими сырьевыми ресурсами	+	–	+
Г9. Изменение доли приобретенных РФ за рубежом передовых производственных технологий в общем массиве их использования	+	–	–
Г10. Изменение позиций РФ в глобальных индексах развития человеческого капитала	–	–	–
Результирующая индикаторов геоэкономической составляющей экономического суверенитета за 2015–2021 гг.: 4+/6– (итог на 2021 г.: уровень «начальная сопротивляемость»)			
*Индикаторы, отрицательная динамика которых оценивается положительно. Составлено по: Российский статистический ежегодник (РСЕ); Регионы России. Стат. сб. за соответствующие годы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994 ; Статистика внешнего сектора Банка России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ ; World Bank data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.MKTP.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD ; https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.GNFS.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=RU ; BP Statistical Review of World Energy for the corresponding years. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html ; OECD Data. TiVA 2023. Principal Indicators. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2022_C1 ; U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries, 2023, p. 114, 146; FAO Stat. Crops and livestock products. URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL (дата обращения 27.05.2024).			

Итоговая оценка индикаторов промышленно-технологической составляющей экономического суверенитета – 4 положительных и 6 отрицательных значений. «В плюсе» (итог 2021 года к 2015 году) оказались индикаторы изменения доли высокотехнологичного экспорта (импорта) в суммарном экспорте (импорте), динамики производства инновационных товаров и энергоэффективности производства важнейших видов промышленной продукции (табл. 5). Показатель среднегодовой доли предприятий профессиональной, научной и технической деятельности в общем обороте организаций в РФ (вследствие увеличения доли НИР в расходах федерального бюджета и ВВП) в 2019–2021 гг. превысил аналогичный итог трехлетия 2016–2018 гг. Однако среднегодовой уровень периода 2011–2015 гг. превзойти не удалось. При этом срочного вмешательства государства для перелома нисходящей на протяжении всего рассматриваемого периода динамики тре-

бовали вопросы непрерывно сокращавшейся численности исследователей (с 379,4 тыс. чел. в 2015 году до 340,1 тыс. чел. в 2021 году), снижения количества поданных российскими заявителями заявок на выдачу патентов на изобретения (соответственно, с 29,3 до 19,6 тыс.), уменьшения доли инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг (с 7,9 до 5,0%).

Индикаторы структурной составляющей экономического суверенитета страны получили наибольшее количество отрицательных значений – 8 против 2 положительных. Наибольшую тревогу вызывало положение с готовностью хозяйственной системы к ускорению модернизации: в 2015–2021 гг. производительность труда росла медленнее (1,5% в год), как оплаты труда (4,6%), так и стоимости основных фондов (18,0% при расчете в фактических ценах), а доля валового накопления в ВВП РФ

Таблица 5. Динамика отдельных показателей оценки состояния трех составляющих экономического суверенитета РФ в 2015–2021 гг., %

Показатель	2015	2016	2019	2021
П1. Доля предприятий профессиональной, научной, технической деятельности в общем обороте организаций в РФ	н.д.	3,02	2,65	3,02
П3. Доля НИР в расходах федерального бюджета и ВВП РФ	2,81	2,45	2,69	2,53
П4. Доля средств предпринимательского сектора на развитие НИОКР в суммарных внутренних затратах на исследования и разработки в РФ	16,49	16,41	14,90	13,56
П6. Доля высокотехнологичного экспорта в суммарном экспорте товаров РФ	12,92	12,78	29,40	36,89
П7. Доля высокотехнологичного импорта в суммарном импорте товаров РФ	55,59	66,98	72,28	73,38
С2. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП РФ	12,4	11,7	13,0	12,9
С3. Доля пяти ведущих регионов в ВРП РФ	38,29	38,88	39,87	41,72
С4. Доля оборота предприятий малого и среднего предпринимательства в общем обороте организаций в РФ	38,49	31,75	30,23	25,60
С5. Расходы консолидированного бюджета РФ на развитие экономики*, % ВВП**	15,99	15,01	16,27	15,72
С9. Доля машин и оборудования в суммарном объеме инвестиций в основной капитал в РФ	31,48	30,37	36,97	36,48
Г2. Доля РФ в мировой торговле товарами и услугами	1,60	1,44	1,69	1,67
Г3. Доля РФ в мировой торговле в категориях добавленной стоимости	1,98	1,81	2,19	1,98***
Г4. Импорт машин и оборудования в РФ, млрд долл. **	125,4	92,5	108,4	100,5
Г5. Доля топ-3 товарных групп в экспорте РФ	83,1	81,2	85,6	84,1
Г9. Доля приобретенных РФ за рубежом передовых производственных технологий (ППТ) в общем массиве их использования	29,01	29,47	29,75	31,34
* Сумма расходов, проводимых по следующим статьям бюджета: «Национальная экономика», «Национальная оборона», «Здравоохранение», «Наука» («фундаментальные исследования», «прикладные научные исследования в области общегосударственных вопросов»).				
** По строке приводятся среднегодовые значения за 2011–2015, 2016–2018, 2019–2021, 2016–2021 гг.				
*** 2020 г. ОЭСР рассчитывает и публикует данные по методологии Trade in Value-Added с временным лагом от 3 до 5 лет.				
Составлено по: Российский статистический ежегодник (РСЕ); Регионы России. Стат. сб. за соответствующие годы. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994 ; Статистика внешнего сектора Банка России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ ; World Bank data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.MKTP.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD ; https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.GNFS.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD ; https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.PC?locations=RU ; BP Statistical Review of World Energy for the corresponding years. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html ; OECD Data. TiVA 2023. Principal Indicators. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2022_C1 ; U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries, 2023. Pp. 114, 146; FAO Stat. Crops and Livestock Products. URL: https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL (дата обращения 27.05.2024).				

на протяжении всего рассмотренного периода превзошла базисный уровень 2015 года (22,3%) только один раз – в 2021 году в рамках статистической погрешности (22,4%), и в 2023 году оставшись ниже «базы» (22,1%)¹⁰. Итоговый результат инвестиционной деятельности неоднозначен: удельный вес собственных средств в общем объеме инвестиций последовательно рос с 50,22% в 2015 году до 55,43% в 2021 году при столь же стабильном снижении доли прибыли в общем обороте организаций с 31,85 до 27,37% соответственно, а среднегодовой объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) по итогам 2016–2021 гг. составил 61% от показателя

¹⁰ Индикаторы. Деловая конъюнктура // Моноколь. 2024. № 7. С. 78

2011–2015 гг.¹¹ При этом индикаторы изменения доли обрабатывающей промышленности в ВВП, оборота предприятий МСП в общем обороте организаций, удельного веса машин и оборудования в структуре инвестиций в основной капитал в РФ стали снижаться с 2019 года, тогда как в 2016–2018 гг. стабильно росли. Преобладание к 2021 году отрицательных значений индикаторов структурной составляющей экономического суверенитета РФ косвенно говорило

¹¹ На конец 2021 г. накопленный объем ПИИ в подушевом исчислении в РФ – 3 тыс. долл. – оказался сопоставим с показателем Албании и Косово, существенно уступая показателям, например, Сербии – 6,8 тыс. долл., Казахстана – 7,1 тыс. долл., Чехии – 17 тыс. долл. (Astrov, 2024, p. 9).

о возможности попадания экономики России в ловушку экономики «институциональной инерции», которую отечественные специалисты определяют как «продолжение “policy as usual” в новой, крайне нестабильной обстановке, примат широко понимаемой стабильности над развитием...» (Белоусов, 2023, с. 14–15).

Геоэкономическая составляющая экономического суверенитета по итогам 2021 года имела 4 положительных и 6 отрицательных оценок. Положительная динамика за 2015–2021 гг. выявлена в части изменения доли РФ в ключевых макроэкономических показателях глобальной экономики (доля РФ в мировом ВВП за 2015–2021 гг. выросла с 1,81 до 1,88%, притоке ПИИ – с 0,25 до 1,84%, мировом экспорте товаров и услуг – с 1,84 до 1,94%), достаточно убедительно характеризую тщетность усилий западных стран вытолкнуть Россию на периферию мировой экономики за рассматриваемый период. Одновременный с этим рост за 2015–2021 гг. доли несырьевого неэнергетического экспорта в суммарном экспорте РФ (с 34,55 до 38,63% за 2015–2021 гг.¹², правда, снизившийся в 2023 году до 34,41%¹³) и уровня самообеспеченности важнейшими ресурсами – зерном (валовой сбор вырос с 104 до 121 млн т, рекордных 153,8 млн т в 2022 году и 142,6 млн т в 2023 году¹⁴), разведанными запасами нефти (рост с 102,4 до 107,7 млрд баррелей)¹⁵, железной руды (остались на уровне 25 трлн т), редкоземельных металлов (рост с 18,0 до 19,3 млн т)¹⁶ – позволил сделать вывод о готовности хозяйственной системы Российской Федерации противостоять усиливавшемуся санкционному давлению. Переход к уровню «неполная сопротивляемость» просматривался через углубление диверсификации экспортно-импортной деятельности в товарном и географическом разрезе и нахождение оптимального «баланса между внутрен-

ними и внешними источниками роста» (Сутырин, Коргун, 2024, с. 81). При этом достижение полной сопротивляемости в разрезе геоэкономической составляющей экономического суверенитета, на наш взгляд, подразумевает исключение автаркии при любом сценарии развития событий.

К осени 2024 года появилась возможность проверить справедливость результатов оценки экономической сопротивляемости экономики РФ по итогам 2022 года¹⁷. Правда, требуется сделать оговорку. Отдельные индикаторы, прежде всего геоэкономической составляющей экономического суверенитета РФ, за отсутствием в открытой печати соответствующих данных приходилось оценивать экспертно¹⁸. Апробация авторской методики для периода 2020–2022 гг. показала укрепление экономического суверенитета РФ в разрезе всех трех составляющих. Выделим главные полученные результаты.

Уровень достижения сопротивляемости в разрезе промышленно-технологической составляющей экономического суверенитета РФ по итогам 2022 года показал закрепление на этапе «неполная сопротивляемость»: шесть положительных значений за 2020–2022 гг. против пяти в 2019–2021 гг. Такой результат обеспечил, в первую очередь, рост финансирования НИОКР со стороны государства с 2,41% федерального бюджета в 2020 году до 2,51% в 2022 году и предпринимательского сектора – с 13,7 до 14,5% от внутренних затрат на НИОКР, что отразилось, в том числе, на замедлении темпов падения количества научных организаций и исследователей в РФ. Для перехода к этапу «полная сопротивляемость» необходимо переломить ситуацию со снижением доли инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме их реализации и повышением энергоемкости производства большинства рассматриваемых официальной статистикой базовых видов продукции.

¹² PCE 2022, с. 584, 592; PCE 2019, с. 591, 599; PCE 2017, с. 566, 574.

¹³ Едовина Т. (2024). Вторичная адаптация // Коммерсантъ. 14 марта. № 45. С. 2.

¹⁴ Мерцалова А., Комаров В. (2024). Империя померзла // Коммерсантъ. 17 мая. № 84. С. 10.

¹⁵ BP Statistical Review of World Energy for the corresponding years. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html> (дата обращения 29.05.2024).

¹⁶ U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries, 2023. P. 146.

¹⁷ На октябрь 2024 г. апробация методики для периода 2021–2023 гг. не представлялась возможной ввиду невыхода из печати статистических сборников «Российский статистический ежегодник 2023», «Регионы России 2023» и отсутствия ряда показателей из базы данных Всемирного банка, ВТО и др. за 2023 г.

¹⁸ Например, в связи с приостановкой публикации данных статистики внешней торговли товарами и услугами РФ данные за 2022 г. отсутствуют. Подробнее см.: PCE, 2023, p. 595.

Кроме того, дополнительная поддержка требуется отечественным исследователям и ученым — ключевым акторам новой экономики знаний, количество которых хотя и меньшими темпами, но продолжает сокращаться. Показатели удельного веса высокотехнологичного экспорта и импорта в суммарном обороте страны ввиду отсутствия официальной отчетности за 2022 год оценивались нами экспертно по имеющимся комментариям специалистов¹⁹.

В блоке индикаторов структурной составляющей экономического суверенитета страны количество положительных значений увеличилось с двух за 2019—2021 гг. до трех за 2020—2022 гг. против семи отрицательных. Положительным моментом является также небольшое снижение налоговой нагрузки с 25,9 до 25,5% ВВП с одновременным опережающим увеличением расходов консолидированного бюджета на экономику с 16,2 до 17,2%, что в условиях жесткого внешнего давления является, в частности, одним из основных условий форсирования структурной перестройки, позволившей впервые в современной российской практике в 2022 году снизить степень износа основных фондов одновременно в секторе добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и сельском хозяйстве. Однако именно структурная составляющая экономического суверенитета остается наиболее уязвимой в условиях санкционных шоков и требует максимизации поддержки со стороны государства. Как показали итоги 2022 года, здесь наиболее проблемными остаются вопросы торможения производительности труда на 3,6% в 2022 году²⁰, особенно на фоне опережающей динамики оплаты труда и роста стоимости основных фондов, сжатия доли валового накопления в ВВП при известной безучастности банковской системы в вопросах кредитования потребностей бизнеса и, как следствие, более чем скромного (и не растущего) вклада малого и среднего предпри-

нимательства в общий экономический рост, остающегося на уровне 1990-х гг. (21%)²¹. По понятным причинам прямые иностранные инвестиции в 2022 году ушли «в минус», поэтому в качестве итогового рассматривался соответствующий индикатор за 2021 год²².

К сожалению, отечественные и зарубежные статистические первоисточники на осень 2024 года позволили рассчитать только половину индикаторов геоэкономической составляющей экономического суверенитета страны. В остальных случаях нами использовалась экспертная оценка на основе данных открытой печати. Четыре положительных значения (два — на отрезке 2019—2021 гг.) против шести отрицательных подтвердили безуспешность усилий западной коалиции по изолированию России от мирового рынка. В данном случае, на наш взгляд, прослеживается прямая взаимосвязь с укреплением промышленно-технологической составляющей экономического суверенитета страны. Так, «в плюс» вышли показатели доли отечественных передовых производственных технологий в общем объеме их использования (рост с 68,2 до 68,7% за 2020—2022 гг. при общем увеличении использованных ППТ в экономике с 242 тыс. до 269 тыс.), несырьевого неэнергетического экспорта в общем его объеме (рост чистой стоимости ННЭ в 2020—2022 гг. — с 161,4 до 190,4 млрд долл., а доли в общем товарном экспорте — с 48 до 80%²³) и самообеспеченности важнейшими ресурсами. Одним из наиболее критических для геоэкономической составляющей вопросов, требующих объединения усилий государства и бизнеса, остается низкий уровень географической и товарной диверсификации экспорта, влияющий также на индикатор доли РФ в торговле в категориях добавленной стоимости.

¹⁹ Подробнее см.: Borin A. et al. (2023). The impact of EU sanctions on Russian imports. CERP. May 29. <https://cepr.org/voxeu/columns/impact-eu-sanctions-russian-imports> (дата обращения 19.10.2024).

²⁰ Росстат сообщил о падении производительности труда в стране в 2022 году на 3,6% // Интерфакс. 2023. 6 октября. URL: <https://www.interfax.ru/business/924578> (дата обращения 19.10.2024).

²¹ Строителева М. (2024). Больше от меньших: вклад МСП в экономику России вырос до 21% // Известия. 17 января. URL: <https://iz.ru/1635167/mariia-stroiteleva/bolshe-ot-menshikh-vklad-msp-v-ekonomiku-rossii-vyros-do-21-924578> (дата обращения 19.10.2024).

²² Данная оценка является оценочным мнением авторов, основанным на известном «исходе» западного капитала из России в 2022—2024 гг. См. подробнее: Аминов Х., Комаров В. (2024). Средства от ухода с российского рынка // Коммерсантъ. 11 октября. № 187. С. 7.

²³ Едовина Т. (2023). Несырьевой экспорт упал почти на четверть // Коммерсантъ. 15 февраля. № 28. С. 2.

Для устранения выявленных в рамках апробации авторской методики уязвимых мест и укрепления сопротивляемости экономики Российской Федерации предлагается трехэтапная протекционистская стратегия. Ее суть заключается в поэтапном переходе от активизирующей политики «ответного протекционизма» к «просвещенному полуизоляционизму» в среднесрочной и «системному (разумному) протекционизму» в долгосрочной перспективе. Важнейшая задача первого этапа – продолжение формирования базиса экономического суверенитета в качестве комплекса мер по поддержке наиболее уязвимых и пострадавших в результате санкционного давления отраслей на принципах «зеркальной» защиты отечественных предприятий. Для Российской Федерации, как показали итоги 2022 года, опорными точками являются форсирование новой промышленной политики, включая импортозамещение, ускорение инвестиционного разворота для поиска новых источников финансирования экономики и скорейшее обустройство новых геоэкономических плацдармов для диверсификации ВЭД страны. Второй этап подразумевает запуск структурной перестройки хозяйственной системы с опорой на стратегию просвещенного полуизоляционизма. Ее сущностное наполнение для РФ состоит в повышении конкурентоспособности экономики за счет максимально возможного использования внешних факторов инновационного роста с одновременной защитой отечественных прорывных отраслей, являющихся основой ускорения хозяйственной модернизации. Третий этап повышения уровня сопротивляемости экономики заключается в переходе к политике системного протекционизма, задача которой состоит в обеспечении встраивания национальной экономики в шестую инновационную волну и новый Кондратьевский цикл за счет дальнейшего развития базисных основ ключевых составляющих экономического суверенитета.

Полемика

Полученные нами результаты коррелируют с расчетами, проведенными с использованием рассмотренных ранее методик оценки экономической сопротивляемости РФ. Так, апробация методики, предложенной В.К. Сенчаговым, показала, что экономическая безопасность в российской хозяйственной системе обеспе-

чивается недостаточно (на уровне 50–60% из 100 возможных). Это означает «возможность ее функционирования, но отсутствие возможностей развития» (Кротов, Мунтинян, 2016, с. 103). В работах Е.В. Балацкого доказано, что по конкурентоспособности глобальных стратегических преимуществ российская экономика находится в паритете с американской только по двум из пяти рассматриваемых направлений (военный и территориальный потенциал). Тем не менее отмечается возможность выхода на уровень лидеров мировой экономики при условии, что «в ближайшее 30 лет предстоит... разработать тонко выверенные три стратегии – демографическую, экономическую и технологическую» (Балацкий, 2024, с. 55). Более частный случай – фармацевтический суверенитет РФ (как составная часть технологического) – представлен в работах А.Б. Гусева и М.А. Юревича. Авторы признают формирование начальных основ фармацевтической самодостаточности страны, настаивая на необходимости введения «...системных долгосрочных мер по восстановлению отрасли вплоть до полной независимости...» (Гусев, Юревич, 2023, с. 28).

Несмотря на некоторые различия в итоговой оценке уровня достижения экономического суверенитета РФ, практически все специалисты говорят о необходимости его дальнейшего укрепления, но расходятся относительно возможных вариантов стратегий повышения сопротивляемости хозяйственной системы. Большинство российских ученых важнейшей целью повышения сопротивляемости экономики определяют достижение «самообеспечения... собственными конкурентоспособными (высокотехнологичными) промышленными товарами» (Пак, Андропова, 2023, с. 77). Для достижения этого, как неоднократно подчеркивал академик РАН В.М. Полтерович, необходимо активизировать инструментарий преодоления новых вызовов и дисбалансов. Одним из ключевых шагов в этом направлении должно стать формирование «сетей добавленной стоимости, включающих отечественные компании в качестве основных игроков, что требует одновременного технологического обновления производственных процессов на предприятиях, относящихся к разным отраслям» (Полтерович, 2023, с. 8). Академик РАН А.Г. Аганбегян важнейшим механизмом повышения сопротивляемости гло-

бальным вызовам, стоящим перед Россией, называет «переход к форсированному росту инвестиций в основной и человеческий капитал... которые необходимо использовать, главным образом, для технологического рывка и эффективной перестройки структуры экономики» (Аганбегян, 2023, с. 27). С точки зрения специалистов Института экономики УрО РАН, для формирования экономической сопротивляемости необходим поиск новой модели промышленной политики, суть которой «состоит не просто в ответах на глобальные вызовы, а в актуализации поиска и нахождении новых возможностей промышленного развития» (Романова и др., 2021, с. 628). Российские ученые справедливо замечают, что процесс повышения сопротивляемости экономики с начала 2020-х гг. превратился в «глобальный тренд, связанный с секьюритизацией промышленных стратегий и курсом на технологическую самодостаточность / суверенитет развитых и развивающихся стран...» (Смородинская, Катукон, 2024, с. 108).

Зарубежные эксперты, обращая внимание на важность развития индустриального сектора для повышения экономической сопротивляемости, отмечают решающую роль государственной промышленной политики в этом вопросе. Так, Г. Джереффи утверждает, что для снижения уязвимости экономики акцент государственной поддержки необходимо переносить на обеспечение отечественной промышленности критическими ресурсами и технологиями, выстраивание цепочек таких товаров между дружественными странами (“emphasizing critical technologies and geographic shortages can help both governments...overcome supply-chain vulnerabilities”) (Gereffi, 2023, p. 3). При этом в ситуации растущего ресурсно-технологического дефицита наиболее важную роль начинает играть развитие человеческого капитала (“human capital is critical for resilient supply chains”) (Gereffi, 2023, p. 4). Ключевая роль с точки зрения достижения экономического суверенитета отводится развитию внутренних цепочек создания стоимости (“creating domestic production capacity...”) с одновременной координацией и расширением ГЦС с дружественными странами-партнерами (“coordinating with partners and allies to ensure more resilient global supply chains”) (Reynolds, 2024, p. 5). Для дости-

жения этих целей странам необходима структурная модернизация, которая обеспечивает «гипотетический экономический суверенитет... проведением реиндустриализации промышленности, делая ее менее зависимой от внешних поставок» (Сапир, 2022, с. 7).

Заключение

Экономический суверенитет в нашей трактовке достигается за счет сочетания мобилизации внутренних ресурсов и синергии их потенциала с преимуществами международного разделения труда. Результаты этого послужат росту благосостояния населения и могут быть предложены в дальнейшем третьим странам. Достижение экономического суверенитета рассматривается нами как ключевой итог политики повышения сопротивляемости экономики страны. На начало 2022 года все три выделенные нами составляющие экономического суверенитета РФ находились на уровне «начальная сопротивляемость». По итогам 2022 года по сравнению с периодом 2019–2021 гг. произошло укрепление суверенитета в разрезе всех составляющих. Выделим главное.

Промышленно-технологическая составляющая экономического суверенитета к началу 2022 года находилась на грани перехода к уровню «неполная сопротивляемость». Одним из главных положительных моментов являлась готовность промышленного сектора выдержать жесткий санкционный прессинг. Это выражалось прежде всего в опережающей динамике прироста суммарного производства инновационной продукции за 2015–2021 гг. (например, производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, увеличилось в 2,48 раза, транспортных средств и оборудования – в 1,65 раза, компьютеров, электронных и оптических изделий – в 1,40 раза) по сравнению с показателем по обрабатывающей промышленности в целом (рост в 1,27 раза)²⁴, повышении энергоэффективности производства в ряде отраслей (снижение удельного расхода электроэнергии на добычу 1 тонны сырой нефти снизилось с 147,2 до 140 киловатт-часов, производство 1 тонны готового проката – с 137,2 до 127,0²⁵) и увеличении доли высоко-

²⁴ PCE 2022, с. 372; PCE 2019, с. 381.

²⁵ PCE 2022, с. 381; PCE 2019, с. 390; PCE 2017, с. 340.

технологичного экспорта / импорта в суммарном экспортном / импортном обороте страны²⁶. По итогам 2022 года новым положительным моментом стало увеличение доли средств предпринимательского сектора на развитие НИОКР в суммарных внутренних затратах на исследования и разработки в РФ при сохранении положительной динамики доли НИР в расходах федерального бюджета и опережающего обрабатывающую промышленность в целом прироста суммарного производства инновационной продукции. При этом приоритетного внимания государства требуют вопросы уменьшения численности исследователей и, как следствие, количества поданных российскими заявителями патентов на изобретения, необходимости увеличения доли инновационных товаров, работ и услуг в общем их объеме и снижения удельного расхода электроэнергии на производство отдельных видов базовой продукции.

В отношении структурной составляющей экономического суверенитета реальной по итогам 2021 года выглядела опасность торможения экономики при утяжелении налогового бремени (средневзвешенная налоговая нагрузка с учетом доходов от внешнеэкономической деятельности выросла с 18,8% ВВП РФ в среднем за 2011–2015 гг. до 21,8% за 2016–2021 гг.²⁷) и «безучастности» банковской системы к насыщению реального сектора финансами (доля банковских кредитов в инвестициях в основной капитал за рассматриваемый период колебалась в диапазоне от минимальных 8,1% в 2015 году до максимальных 11,2% в 2017–2018 гг.²⁸, снизившись до 8,7% в 2023 году²⁹), что тормозило раскручивание внутренней инвестиционной активности. Тем не менее рост доли инвестиций в машины и оборудование, обрабатывающей промышленности в ВВП РФ и наметившееся в 2019–2021 гг. увеличение расходов консоли-

дированного бюджета на развитие экономики косвенно подтверждали готовность бизнеса и государства к поддержке структурной модернизации. Однако ее полноценный запуск требовал активизации государственной поддержки и доработки соответствующих инструментов. Инвестиционный разворот в РФ, начавшийся в 2022 году, что подтверждается как ростом расходов консолидированного бюджета на экономику, так и частного сектора в обновление основных фондов, должен стать основой структурной модернизации страны. Для ее ускорения критически важно переломить негативный тренд в отношении отставания роста производительности труда в РФ от роста оплаты труда и стоимости основных фондов, максимально использовать возможности регионов для структурной трансформации и увеличить объемы валового накопления в ВВП, в том числе дополнительным привлечением иностранных инвестиций из дружественных стран.

Для перехода от начальной к неполной сопротивляемости на уровне геоэкономической составляющей экономического суверенитета по итогам 2021 года не хватало небольшого импульса. Возможным способом ускорить процесс могло бы стать удлинение внутренних цепочек создания стоимости путем ускоренного развития индустрии высоких переделов с их дальнейшим встраиванием в мировые и, как следствие, повышение уровня участия РФ в мировой торговле не только по «валу», но и в категориях добавленной стоимости. Вместе с тем главная опасность для геоэкономической устойчивости, на наш взгляд, заключалась в излишней зависимости от конкретных товаров (доля топ-3 товарных групп в экспорте РФ выросла за 2015–2021 гг. с 83,1 до 84,1%, импорте — с 78,0 до 79,9%³⁰), внешнеторговых партнеров (удельный вес трех крупнейших стран, покупающих российскую продукцию, увеличился за рассмотренный период с 27,6 до 28,5%, поставляющих свою продукцию в РФ — с 36,6 до 39,8%³¹), доходов федерального бюджета от внешнеэкономической деятельности. В 2022 году, несмотря на санкционное давление, экономика России успешно справилась с вопросами повышения уровня самообеспеченности

²⁶ PCE 2022, с. 584, 592; PCE 2019, с. 591, 599; PCE 2017, с. 566, 574.

²⁷ Данные отчетов Федерального казначейства об исполнении консолидированного бюджета за соответствующие годы. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet/190/> (дата обращения 29.05.2024).

²⁸ Долженков А. (2024). Проблема не в ЦБ. Нужна обновленная экономическая стратегия // Монокл. № 8. С. 40.

²⁹ Долженков А. (2024). Банкократия // Монокл. № 20. С. 45.

³⁰ PCE 2022, с. 590; PCE 2019, с. 596–597; PCE 2017, с. 569.

³¹ PCE 2022, с. 587; PCE 2019, с. 594; PCE 2017, с. 567.

важнейшими сырьевыми ресурсами и наращиванием использования как общего числа передовых производственных технологий, так и доли отечественных в их структуре. Вместе с тем ключевая опасность для геоэкономического суверенитета страны, на наш взгляд, заключалась в недостаточной диверсификации экспортно-импортного оборота, низкой доле машин и оборудования, необходимых для поддержания промышленно-технологической трансформации, в товарном импорте РФ и постепенном снижении уровня человеческого капитала.

Первые итоги 2023 года подчеркнули наметившееся закрепление экономического суверенитета РФ на уровне «неполная сопротивляемость» в разрезе практически каждой из рассмотренных составляющих. Подтверждением укрепления промышленно-технологического каркаса выступил 7,5%-й рост обрабатывающей промышленности, ускорившейся структурной перестройки – 10,5% прироста инвестиций (Astrov, 2024, p. 9), повышения геоэкономической устойчивости – снижение объема импорта до 19% ВВП. С укреплением сопротивляемости хозяйственной системы достигнут 3,6-%-ный рост ВВП (при этом 90% прироста обеспечили несырьевые отрасли)³², что позволило экономике РФ выйти на первое место в Европе по паритету покупательной способности³³.

Ключевым фактором повышения сопротивляемости экономики РФ в современных условиях становится «форсированное индустриальное развитие страны»³⁴, предполагающее модернизацию отечественной промышленности до уровня, обеспечивающего сосредоточение внутри страны полного цикла создания от разработки до выпуска сквозных и критических технологий и формирование новой экономики знаний. К 2024 году в стране сложилась уникальная совокупность факторов, благоприятствующих реализации промышленного рывка: неудовлетворенный спрос населения и эконо-

мики, экспертами оценивавшийся в 50 трлн руб., уменьшение ежегодного оттока капитала, составлявшего 5–7% ВВП, в сочетании с потенциалом репатриации капиталов (в объеме порядка 50 млрд долл. в год)³⁵ и активизацией государственной промышленной политики, запустивших «сильный цикл роста, основанный на накоплении прежде всего индустриального капитала»³⁶. С точки зрения формирования новой экономики знаний достижение экономического суверенитета страны предопределяет развитие основного ее драйвера – человеческого капитала, главные структурообразующие факторы накопления и приумножения которого – научная деятельность, образование и здравоохранение. Здесь следует обратить внимание на наметившееся с 2019 года ухудшение характеристик качества человеческого капитала (снижение показателей РФ в глобальном рейтинге индексов человеческого капитала с 0,729 в 2018 году до 0,681 в 2020 году и человеческого развития с 0,845 в 2019 году до 0,822 в 2021 году), что мы связываем с завершением первой санкционной волны против России, разгонявшейся с 2014 года³⁷. Для перелома негативных трендов и закрепления полной сопротивляемости по всем трем составляющим экономического суверенитета РФ необходим решительный переход к системному протекционизму, призванному повысить инновационность российской экономики, поддержать структурную трансформацию промышленного комплекса удлинением цепочек создания стоимости, снизить импортозависимость по всему спектру высокотехнологичных товаров и услуг, на начало рассматриваемого периода (2015 г.) равнявшуюся 90% по сравнению с 15% в позднесоветский период³⁸, а внешнеэкономическую деятельность сфокусировать на решении задачи максимально возможного технологического обогащения страны.

³² Путин В. (2024). Россия: фронт работ // Российская газета. 1 марта. № 48. С. 3.

³³ Путин заявил, что экономика России стала первой в Европе // РБК. 2024. 11 января. URL: <https://www.google.com/amp/s/amp.rbc.ru/rbcnews/economics/11/01/2024/659f84c89a7947f8ac8631ad> (дата обращения 29.05.2024).

³⁴ Путин В. (2024). Россия: фронт работ // Российская газета. 1 марта. № 48. С. 3.

³⁵ Узяков М. (2023). Чудо экономического роста // Эксперт. № 38. С. 18.

³⁶ Гурова Т. (2024). Как вести экономическую войну // Моноколь. № 17–18. С. 17.

³⁷ Human development index. Russia. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/specific-country-data#/countries/RUS#> (дата обращения 29.05.2024); World Bank Group, 2021. Pp. 5, 18, 40; Human capital index. World Bank data. URL: <https://databank.worldbank.org/source/human-capital-index#> (дата обращения 29.05.2024).

³⁸ Быкова Н. (2024). Науке скорректировали цели до 2035 года // Моноколь. № 13. С. 37–41.

Литература

- Абалкин Л.И. (1994). Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. № 12. С. 4–13.
- Абалкин Л.И. (1998). Бегство капитала. Природа, форма, методы борьбы // Вопросы экономики. № 7. С. 14–25.
- Аганбегян А.Г. (2023). О преобразовании социально-экономической системы России: что хотели и что получилось // Мир перемен. № 2. С. 17–44. DOI: 10.51905/2073-3038_2023_2_17
- Акбердина В.В. (2021). Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 17. № 8. С. 1412–1432. DOI: doi.org/10.24891/ni.17.8.1412
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2023). Антихрупкость национальной экономики: эвристическая оценка // Journal of New Economy. Т. 24. № 2. С. 28–49. DOI: 10.29141/2658-5081-2023-24-2-2
- Балацкий Е.В. (2024). Феномен стратегических преимуществ в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 39–57. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.2
- Богданов И.Я. (2001). Экономическая безопасность России. Теория и практика. М.: ИСПИ РАН. 348 с.
- Белоусов Д.Р. (2023). Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Тетрадь 13. Что дальше? Контуры сценариев долгосрочного прогноза. М.: ЦМАКП. 23 с.
- Бирюкова О.В. (2024). Трансформация парадигмы торговой политики: теоретический и институциональный аспекты // Вопросы экономики. № 10. С. 142–155. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-142-155
- Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. (1994). Макроаспекты экономической безопасности. Факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. № 12. С. 25–35.
- Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. (1999). Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. 189 с.
- Глазьев С.Ю. (1997). За критической чертой. О концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. М.: Российский экономический журнал. 120 с.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // Terra Economicus. Т. 21. № 3. С. 17–31. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31
- Кротов М.И., Мунтинян В.И. (2016). Экономическая безопасность России: Системный подход. Санкт-Петербург: НПК «Рост». 336 с.
- Миловидов В.Д., Аскер-Заде Н.В. (2020). Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 37–55. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45
- Пак А.Ю., Андропова И.В. (2023). Оценка состояния экономической безопасности региональных интеграционных объединений на примере Евразийского экономического союза // Проблемы прогнозирования. № 3 (198). С. 70–79. DOI: 10.47711/0868-6351-198-70-79
- Полтерович В.М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // Terra Economicus. Т. 21. № 3. С. 6–16. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16
- Пороховский А.А. (2024). Американский экономический суверенитет: основа мирового лидерства США // США & Канада: экономика, политика, культура. Т. 54. № 10. С. 5–18. DOI: 10.31857/S2686673024100019
- Рифкин Дж. (2014). Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн. 409 с.
- Романова О.А., Сиротин Д.В., Пономарева А.О. (2022). От экономики сопротивления – к резильентной экономике (на примере промышленного региона) // AlterEconomics. Т. 19. № 4. С. 620–637. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.4
- Сапир Ж. (2022). Станет ли плановая экономика нашим будущим? // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 6–26. DOI: 10.47711/0868-6351-195-6-26
- Сенчагов В.К. (1995). О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. № 3.
- Смородинская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е. (2021). Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // Балтийский регион. Т. 13. № 3. С. 78–107. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-5

- Сморозинская Н.В., Катуков Д.Д. (2024). Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика // Балтийский регион. Т. 16. № 3. С. 108–135. DOI :10.5922/2079-8555-2024-3-6
- Степашин С.В. (2002). Экономическая безопасность Российской Федерации М.: Дело. 235 с.
- Сутырин С.Ф., Коргун И.А. (2024). Глобализация и Россия: нужны ли новые приоритеты? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 68. № 1. С. 74–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-74-84
- Тимофеев И.Н. (2023). Санкции США против Китая и России: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 67. № 11. С. 70–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-70-79
- Травкина Н.М. (2022). Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего // США & Канада: экономика, политика, культура. № 6. С. 50–70. DOI: 10.31857/S2686673022060049
- Шваб К. (2016). Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. 138 с.
- Antràs P. (2020). *De-globalisation? Global value chains in the post-COVID-19 age*. NBER Working Papers, 28115, 49. DOI: <https://doi.org/10.3386/w28115>
- Astrov V. (2024). *Foreign Capital in Russia: Taking Stock after Two Years of War*. *Russia Monitor* 5. Vienna: The Vienna Institute for International Economic Studies.
- Bolt W., Willem J. (2023). *Geo-Economic Fragmentation: Economic and Financial Stability Implications*. Amsterdam: De Nederlandsche Bank.
- Davies S. (2011). Regional resilience in the 2008–2010 downturn: Comparative evidence from European countries. *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*, 4(3), 369–382. DOI: 10.1093/cjres/rsr019
- Gereffi G. (2020). What does the COVID-19 pandemic teach us about global value chains?: The case of medical supplies. *Journal of International Business Policy*, 3(3), 287–301. DOI: 10.1057/s42214-020-00062-w
- Gereffi G. (2023). How to make global supply chains more resilient. *Columbia FDI Perspectives*, 348, 5.
- Mariotti S. (2024). “Win-lose” globalization and the weaponization of economic policies by nation-states. *Critical Perspectives on International Business*, 19(1), 24–52. DOI: 10.1108/cpoib-09-2023-0089
- Martin R. (2012). Regional economic resilience. Hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 1, 1–32. DOI:10.1093/jeg/lbr019
- Reynolds E.B. (2024). U.S. industrial transformation and the “How” of 21st century industrial strategy. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 24, 8, 17. DOI: 10.1007/s10842-024-00420-x
- Riepponen T., Moilanen M., Simonen J. (2023). Themes of resilience in the economics literature: A topic modeling approach. *Regional Science Policy & Practice*, 15(2), 326–357. DOI:10.1111/rsp3.12612

Сведения об авторах

Андрей Александрович Мальцев – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: maltsevaa@list.ru)

Сергей Валерьевич Чичилимов – экономист-исследователь, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com)

Maltsev A.A., Chichilimov S.V.

Assessing the Resilience of Russia’s Economy to Internal and External Challenges

Abstract. The competition between the world economy leaders and contenders, which has intensified dramatically in the 21st century, resulted in the formation of a new global geo-economic reality. Its features include dissemination of aggressive tools like trade wars, secondary and tertiary sanctions, and hybrid conflicts to influence competitors’ economic systems. Against the background of these

circumstances coinciding with the rise of the sixth wave of innovation, there is a growing need to study the issue of raising the resistance of the economy to internal and external challenges. In this paper the resilience of the Russian economy is considered in the context of achieving economic sovereignty. We develop our own methodology for assessing its condition in terms of industrial, technological, structural and geo-economic components. The novelty of our approach is as follows: we combine end-to-end consideration of external factors influencing the resilience of the country's economy; we abandon thresholds in favor of comparing accounting periods with the baseline period, and use a floating scale of assessment. In order to avoid data subjectivization we use only transparent information and statistical materials from Rosstat, World Bank, WTO, OECD and other official institutions. The methodology was tested on the 2015–2022 time period, which made it possible to identify weak spots in the country's economic resilience system and develop a three-stage strategy for strengthening it. The major task of the first stage is to design a set of measures to protect and support the most vulnerable industries and those affected by sanctions pressure on the principles of “reciprocal protectionism”; at the second stage we propose to launch a restructuring of the economic system based on “enlightened semi-isolationism”; at the third stage it is vital to shift to “reasonable protectionism” with the task of integrating the national economy into the sixth wave of innovation. The results obtained can be used by the authorities of the Russian Federation when developing and adjusting the counter-sanctions strategy.

Key words: foreign trade activity, autarky trap, world economy, neo-protectionism, sanctions, hidden protectionism, economic resilience.

Information about the Authors

Andrei A. Maltsev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: maltsevaa@list.ru)

Sergey V. Chichilimov – Research Economist, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com)

Статья поступила 03.07.2024.

Межотраслевое моделирование экономического развития региона

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: rumyanik.95@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

Аннотация. В интересах стратегического планирования требуются разработка и развитие научно обоснованного прогнозно-аналитического инструментария, в том числе используемого для осуществления вариантных расчетов последствий принимаемых управленческих решений и мер региональной экономической политики, что и обуславливает актуальность данного исследования, а также его прикладную значимость. Целью исследования стало моделирование траекторий экономического развития региона (на материалах Вологодской области) на среднесрочную перспективу с использованием межотраслевого инструментария. Задачи: обоснование выбора модельного инструментария для осуществления прогнозов, разработка межотраслевой модели на базе расчетных региональных таблиц «затраты – выпуск», определение и обоснование прогнозных сценариев, а также прогнозирование траекторий экономического развития региона

Для цитирования: Румянцев Н.М., Лукин Е.В. (2024). Межотраслевое моделирование экономического развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 118–133. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.6

For citation: Rumyantsev N.M., Lukin E.V. (2024). Input-output modeling of economic development in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 118–133. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.6

на среднесрочную перспективу как демонстрация возможностей модельного инструментария. В статье представлены результаты сценарного прогнозирования в отношении траекторий развития экономики Вологодской области как модельного региона на среднесрочную перспективу под влиянием различных инструментов структурной политики. В качестве ключевого инструмента прогнозирования использовалась авторская рекурсивная межотраслевая модель региональной экономики, что и составило его научную новизну. В рамках трех прогнозных сценариев (инерционного, адаптационного и трансформационного) определены среднегодовые темпы изменения основных показателей регионального развития (валового регионального продукта, валового выпуска, инвестиций в основной капитал и объемов чистого экспорта) в среднесрочной перспективе, а также отраслевые (секторальные) параметры структуры экономики Вологодской области на конец прогнозного периода. Полученные в ходе исследования результаты согласуются с макроэкономическими прогнозами развития национальной и региональной экономики в кратко- и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: регион, межотраслевое моделирование, сценарное прогнозирование.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01862 (<https://rscf.ru/project/23-28-01862>).

Введение

В современных геополитических и геоэкономических условиях хозяйствования экономика России и ее регионов все больше нуждается в структурной трансформации. Это подтверждается как результатами опросов (Широкова, Лукин, 2024), так и принимаемыми стратегическими документами (Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г., Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г., также упоминания необходимости структурной перестройки имеются в ряде отраслевых стратегий).

Необходимость постановки и достижения стратегических целей развития государства, а также сложившаяся экономическая конъюнктура, обладающая высоким уровнем неопределенности и вариативностью траекторий развития экономики России и ее субъектов, создают потребность в обеспечении системы стратегического планирования и органов государственного управления научно обоснованным методическим инструментарием, в т. ч. прогнозным. Реализация экономической политики (к которой относится и структурная) требует прогнозных расчетов ее эффективности в различных вариантах развития событий.

Однако главной проблемой при этом становится согласование исходных предпосылок и гипотез при имеющемся значительном количестве прямых и обратных связей как внутри экономики региона, так и между регионами РФ. В современных условиях проведение экономической политики осложняется наличием взаимозависимостей между процессами и структурными элементами региона как системы. В таком случае разработка сценарных прогнозов траекторий развития региональной экономики на основе межотраслевого моделирования позволяет значительно повысить обоснованность мер и инструментов экономической политики (Широв и др., 2023).

Применение именно межотраслевых модельных комплексов дает возможность оценить динамику социально-экономического развития региона, в т. ч. учесть воздействия на производственный контур и конечное использование (Широв, Янговский, 2011). В рамках структурного анализа экономики именно межотраслевой баланс позволяет комплексно рассматривать последствия реализации структурной политики, обладая при этом достаточной гибкостью и учитывая значительное количество как внутрирегиональных взаимодействий,

так и факторов внешнего воздействия (Miller, Blair, 2009). Отмечается, что межотраслевой баланс обеспечивает наиболее точное понимание взаимодействия субъектов экономики, а государство постепенно создает все условия для максимальной реализации потенциала межотраслевых модельных комплексов¹.

В связи с этим целью исследования стало моделирование траекторий экономического развития региона на среднесрочную перспективу с использованием межотраслевого инструментария. Это обусловлено (помимо вышесказанного) необходимостью вариантных расчетов для определения потенциальных траекторий социально-экономического развития региона в интересах стратегического планирования, а также оценки эффективности мер экономической политики. Задачи исследования: обоснование выбора модельного инструментария для осуществления прогнозов, разработка межотраслевой модели на базе расчетных региональных таблиц «затраты – выпуск», определение и обоснование прогнозных сценариев, а также прогнозирование траекторий экономического развития региона на среднесрочную перспективу. В качестве ключевого инструмента прогнозирования использовалась авторская рекурсивная межотраслевая модель региональной экономики, что и составило его научную новизну.

Обзор литературы

Разработка региональных межотраслевых балансов и модельных комплексов на их основе – узкоспециализированная область исследований. Так, на данный момент российскими учеными были разработаны балансы Республики Башкортостан (Нигматуллин и др., 2006), Ивановской области, Москвы, Республики Бурятия (Дондоков и др., 2014), Калининградской области и ряд других. Наиболее глубоко в этом направлении продвинулись специалисты ИНП РАН (г. Москва) и ИЭОПП РАН (г. Новосибирск). За рубежом эта тематика исследуется более активно: региональные и мно-

горегиональные таблицы «затраты – выпуск» и соответствующий модельный инструментарий разрабатываются в Китае (Jiang, 2011) США, Южной Кореи (Flegg, Tohmo, 2019), Нидерландах и других странах.

В России проблема усугубляется отсутствием необходимого массива статистических данных: значительный массив информации (по оценкам экспертов Росстата – до 90%), необходимой для построения региональных таблиц «затраты – выпуск», отсутствует (Масакова, 2019). В условиях неполноты статистической информации построение таких таблиц возможно с использованием различных косвенных методов: моделирования на основе имеющихся опорных точек, допущения о сопоставимости технологических процессов при производстве продуктов, использования корреляций и взаимозависимостей сопряженных индикаторов, а также регионализации таблиц на основе национальных таблиц ресурсов и использования (Ершов, Темир-оол, 2022).

Использование межотраслевого моделирования в экономической практике имеет давнюю историю. Принципы построения межотраслевых балансов как основы для моделей были разработаны В.В. Леонтьевым еще в первой половине XX века. Однако сами модели стали создаваться и применяться позднее, что связано со значительным объемом входных данных и необходимостью множества вычислений, а также необходимостью использовать достаточно полные и качественные статистические данные.

Советская наука внесла заметный вклад в развитие межотраслевого моделирования. Во второй половине XX века в СССР активно разрабатывались как отдельные модели, так и целые народнохозяйственные модельные комплексы. Стоит отметить опубликованные в этот период работы (Коссов, 1964; Шатилов, 1974; Уринсон, 1975; Яременко и др., 1975; Гранберг, 1985; Баранов, 1989 и др.). Вопросами межотраслевого моделирования занимался целый ряд научных коллективов и исследовательских институтов, многие из них продолжают изыскания в этом направлении (*табл. 1*).

Одна из наиболее часто решаемых с помощью межотраслевого моделирования задач – осуществление вариантных расчетов от реализации тех или иных управленческих решений.

¹ М. Делягин. Обеспечивая эффективность и конкурентность экономики // Завтра. 23.08.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/obespechivaya_effektivnost_i_konkurentnost_ekonomiki_pravitel_stvo_mishustina_sozdaet_predposilki_dlya_planirovaniya_i_upravleniya_na_osnove_mezhotraslevogo_balansa. (дата обращения 30.09.2024).

Таблица 1. Примеры межотраслевых моделей российской экономики

Авторы	Название модели	Содержание
ЦМАКП	Балансово-эконометрическая модели прогнозирования российской экономики	Модель представляет собой систему блоков, которая использует как основные экономические балансы, так и эконометрические взаимодействия. Использование модели позволяет составлять прогнозы на различные сроки с учетом технологических изменений.
Э.Б. Ершов и Ю.В. Яременко	Модель межотраслевых взаимодействий	Модель является как средством анализа структуры экономики, так и инструментом ее прогнозирования, а методологической основой выступает предположение о качественной неоднородности используемых в экономике ресурсов. Центральное звено и принципиальную особенность модели составляет моделирование потоков распределения продукции отраслей, которые включают поставки в промежуточное потребление и потоки, формирующие функциональные элементы конечного продукта.
ИМЭИ	Модельные инструменты МОБ	В целом модельный инструментарий имеет много совпадений с предыдущими, основное отличие – наличие денежно-финансового блока.
ИНП РАН	Межотраслевая модель российской экономики RIM	Модельный комплекс, состоящий из трех крупных блоков: баланс производства и распределения продукции, матрица цен и доходов экономических агентов, а также блок расчетных индикаторов. Номенклатура модели представлена 25 видами экономической деятельности, из которых 15 – отрасли промышленности. Элементами конечного использования выступают потребление домохозяйств, государства и некоммерческих организаций, валовое накопление, в т. ч. основного капитала, изменение запасов, а также экспорт. В составе ресурсов экономики также учитывается импорт продукции и услуг.
	Межрегиональная прогнозно-аналитическая модель NORM	Модель NORM описывает экономическую динамику в средней и долгосрочной перспективе по всем субъектам Российской Федерации с учетом межрегиональных и межотраслевых связей.
	Межотраслевая модель Conto	Функциональное назначение этой модели в системе прогнозно-аналитических расчетов состоит в согласовании макроэкономических и отраслевых показателей на всем прогнозном периоде. В ее основу положен пошаговый расчет ключевых таблиц межотраслевого баланса (МОБ) в постоянных и текущих ценах. Важнейшими экзогенными переменными модели Conto являются параметры экономической политики и характеристики развития мировой экономики.
ИЭОПП СО РАН	Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели	Разработаны ряд моделей: статическая и динамическая региональная модель, статическая межрегиональная модель, оптимизационные региональные и межрегиональные модели.

Составлено по: (Сулов, Суспицын, 2005; Суспицын, 2009; Куранов и др., 2021; и др.).

Таблица 2. Примеры вариантных расчетов развития экономики с использованием межотраслевых моделей

Автор	Направление вариантных расчетов
А.А. Широков и др.	Исследование экономических эффектов для России, Беларуси, Казахстана и Украины при создании Единого экономического пространства
А. Баранов и др.	Оценка последствий политики Банка России по таргетированию инфляции
Ю.Ю. Пономарев, Д.Ю. Евдокимов	Анализ распространения последствий пандемии COVID-19 в отраслевом разрезе
ИНП РАН, Центр налоговой политики	Анализ ключевых и наиболее эффективных направлений низкоуглеродной трансформации экономики города Москвы
Э.Э. Кокс, Л. Каррера, О. Йонкерен, Дж. С. Аертс, Т. Г. Хусби, М. Тиссен, Г. Стандарди, Я. Мисиак	Анализ экономических последствий двух сценариев наводнений в бассейне реки По в Италии с использованием трех региональных моделей воздействия катастроф: двух гибридных МОБ и модели вычислительного общего равновесия (CGE)
Тадаюки Хара, Хидеказу Ивамото	Применение МОБ для оценки экономического воздействия туризма
Р. Бардацци	Оценка производительности труда на отраслевом уровне с использованием методов, основанных на межотраслевом анализе

Составлено по (Широков и др., 2015; Пономарев, Евдокимов, 2020; Широков и др., 2023; Bardazzi, 2011; Baranov et al., 2013; Cox et al., 2016; Hara, Iwamoto, 2022).

Научные изыскания в этом направлении рассматривают различные сценарии – начиная с исследования эффектов от реализации отдельных инвестиционных проектов до последствий от образования Единого экономического пространства (табл. 2).

Проведенный анализ продемонстрировал актуальность и значимость опыта разработки и применения межотраслевого модельного инструментария при разработке сценарных прогнозов траектории социально-экономического развития региональной экономики и обоснования мер экономической политики на их основе.

В большинстве случаев в рассмотренных исследованиях в качестве входной переменной используется изменение конечного спроса, которое позволяет рассчитывать изменение выпусков и межотраслевые мультипликативные эффекты (прямые, косвенные и индуцированные). При расчете последствий мер экономической политики (изменение параметров конечного потребления, инвестиций или внешней торговли) необходимо рассмотреть влияние этих параметров в отдельности, что требует разработки дополнительного блока модели, позволяющего получить совокупное изменение конечного использования за счет изменения его компонентов. При реализации данного блока можно утверждать, что исследование позволит дополнить имеющиеся научные знания в части разработки инструментария регионального межотраслевого моделирования и имеет практическое значение для обоснования принимаемых управленческих решений.

Материалы и методы

В рамках исследования в целях определения потенциальных траекторий развития экономики региона и моделирования процесса ее структурной перестройки нами разработана рекурсивная межотраслевая модель на основе авторских региональных таблиц «затраты – выпуск». Помимо вариантных прогнозов последствий от реализации мер экономической политики предлагаемый инструментарий позволяет строить сценарные мезоэкономические прогнозы.

Информационной базой модели стали авторские межотраслевые балансы производства и распределения продукции региона за 2011–2020 гг., регионализированные из нацио-

нальных таблиц ресурсов и использования². В качестве косвенной информации в целях прогнозирования использована страновая и региональная статистическая информация по вопросам производства продукции, доходам экономических агентов, инвестиций и основных фондов, внешней торговле³, межрегиональному ввозу-вывозу⁴ и т. д. В модели экономика региона представлена в разрезе 32 укрупненных видов экономической деятельности, описание которых осуществляется на основе официальных данных Росстата в части СНС, производства и затрат.

Первым этапом моделирования является формирование матрицы межотраслевого баланса. Для этого используются как непосредственно данные системы национального счетоводства, предоставляемые региональным статистическим органом, так и косвенные данные, предоставляющие информацию производственного и технологического характера и позволяющие восполнить недостающие статистические показатели. Первоначально формируется матрица технологических коэффициентов на основе данных страновых таблиц «затраты – выпуск». При этом в модели имеется возможность экзогенного задания отраслевых коэффициентов затрат, что позволяет оценивать изменения материалоемкости и энергоемкости производства в различных сценариях. Для межотраслевого распределения окаймляющих итогов используются регионализированные технологические коэффициенты с учетом специфики экономики региона. Агрегация либо разагрегация до необходимой отраслевой номенклатуры производится с использованием структурных пропорций объема отгруженных товаров либо среднесписочной численности занятых в отраслях региона. Структура валового накопления распределяется согласно видовой структуре основных фондов в экономике региона, что позволяет учесть особенности

² Таблицы ресурсов и использования РФ за 2011–2020 гг. (данные Росстата). URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 02.09.2024)

³ Данные статистических ежегодников Вологодской области за 2011–2020 гг.

⁴ Данные статистических бюллетеней по ввозу-вывозу товаров и продукции организациями по Вологодской области за 2011–2020 гг.

регионального инвестиционного процесса. Структура экспорта и импорта вычисляется через пересчет данных Федеральной таможенной службы с использованием среднегодовых курсов доллара, предоставляемых Банком России. Балансирующей статьей в рассчитываемом межотраслевом балансе является сальдо межрегиональной торговли (формула 1).

$$\begin{aligned} & \text{Запасы на начало года} + \text{Производство} + \text{Импорт} + \\ & + \text{Межрегиональный ввоз} = \text{Промежуточное использование} + \\ & + \text{Конечное потребление} + \text{Валовое накопление} + \text{Экспорт} + \\ & + \text{Межрегиональный вывоз} + \text{Запасы на конец года} \end{aligned} \quad (1)$$

При этом возникает проблема расчета встречных потоков межрегиональной торговли. В официальных статистических источниках данные по ней неполные и имеют значительные искажения, что вынуждает использовать расчетные методы определения объемов и направления товарных потоков между регионами.

Для решения данной задачи был использован математический подход Т. Кроненберга (Kronenberg, 2009), который заключается в расчете неоднородности товаропотоков (h) по данным национальных таблиц «затраты – выпуск» по формуле 2.

$$h = \frac{q_{in}}{x_{in} + z_{in} + d_{in}}, \quad (2)$$

где h – коэффициент неоднородности,

q_{in} – объемы встречных потоков внешней торговли по i -тому виду деятельности в национальной экономике,

x_{in} – валовой выпуск по i -тому виду деятельности внутри страны,

z_{in} – промежуточное потребление по i -тому виду деятельности внутри страны,

d_{in} – конечное использование по i -тому виду деятельности внутри страны.

Исходя из формулы 2,

$$q_{ir} = h (x_{ir} + z_{ir} + d_{ir}), \quad (3)$$

где q_{ir} – объемы встречных потоков внешней торговли в регионе,

x_{ir} – валовой выпуск региона по i -тому виду деятельности,

z_{ir} – промежуточное потребление региона по i -тому виду деятельности,

d_{ir} – конечное использование региона по i -тому виду деятельности.

Далее определяется оборот межрегиональной торговли региона по i -тому виду деятельности (формула 4):

$$v_{ir} = |b_{ir}| + q_{ir}, \quad (4)$$

где v_{ir} – оборот межрегиональной торговли по i -тому виду деятельности в регионе,

b_{ir} – сальдо торгового баланса (чистый экспорт) по i -тому виду деятельности в регионе.

Далее, исходя из показателя неоднородности и сальдо, и объемов торгового баланса региона, рассчитываются товарные потоки (объемы ввоза и вывоза) по i -тому виду деятельности по формулам 5 (вывоз) и 6 (ввоз).

$$e_{ir} = (v_{ir} - b_{ir})/2 \quad (5)$$

$$m_{ir} = (v_{ir} + b_{ir})/2 \quad (6)$$

На втором этапе моделирования региональной экономики осуществляется прогнозирование динамики и структуры элементов конечного использования, которыми, согласно СНС, являются объемы конечного потребления домашних хозяйств, государства и некоммерческих организаций, валовое накопление основного капитала, рассчитываемое через инвестиции, изменение материальных запасов, а также потоки внешней торговли, как мировой, так и межрегиональной.

Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$X = AX + Y, \quad (7)$$

где X – вектор общего объема продукции;

A – матрица коэффициентов прямых затрат;

Y – вектор конечного использования.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} * Y = X, \quad (8)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного использования y , т. е. производится расчет полных затрат.

Приведем алгоритм расчета.

1. На основе данных таблицы использования товаров и услуг рассчитывается матрица прямых затрат A . Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j. \quad (9)$$

Элемент a_{ij} матрицы A показывает расход продукции i непосредственно при производстве единицы продукции отрасли j .

2. Далее вычисляется матрица полных затрат $B = (E - A)^{-1}$. Для этого из единичной матрицы E вычитается матрица A . Полученная матрица возводится в степень -1 , т. е. находится обратная матрица $(E - A)^{-1}$. Элемент b_{ij} матрицы B характеризует потребность в валовом выпуске отрасли i , который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли j .

3. Матрица полных затрат B , умноженная на вектор планируемого конечного использования Y , равняется валовому выпуску продукции всех отраслей X :

$$x_i = f(y_1, y_2, y_3, \dots, y_n) = \sum_{j=1}^n b_{ij} y_j. \quad (10)$$

Выполнение этого алгоритма позволяет получить вектор X (объем валового выпуска) для каждой отрасли. Однако для прогнозирования динамики элементов конечного использования потребуется рассчитать значения вектора Y , который включает такие компоненты, как потребление домашних хозяйств, инвестиции, экспорт и т. д.

Для расчета темпа изменения отдельных элементов y_j вектора конечного использования Y используется формула:

$$y_j = fc_j * w_j^{fc} + ga_j * w_j^{ga} + ge_j * w_j^{ge}, \quad (11)$$

где fc_j — динамика конечного потребления;

ga_j — динамика валового накопления;

ge_j — динамика чистого экспорта;

$w_j^{fc}, w_j^{ga}, w_j^{ge}$ — доли соответствующих элементов в структуре конечного использования.

Это разложение применяется в силу того, что отдельные элементы конечного использования получается прогнозировать точнее при

использовании косвенной статистики: например, изменения численности населения и уровня доходов для конечного использования, динамики инвестиций в основной капитал для валового накопления, спрос на ключевые товары и изменения цен для чистого экспорта.

В рамках проводимого исследования доли в структуре конечного использования были усреднены на основе ретроспективной динамики (прогнозирование структурных пропорций рассматривается как развитие модельного комплекса и направления исследования в целом), динамика же показателей в отраслевом разрезе является экзогенной переменной модели и рассчитывается с учетом ретроспективы и экспертных оценок.

Результатом моделирования является получение итоговых оценок валового выпуска, валового регионального продукта в постоянных ценах, инвестиций в основной капитал, вычисляемых через валовое накопление основного капитала и чистого экспорта с учетом межрегионального ввоза-вывоза. В модели они представлены расчетными квадрантами межотраслевых балансов на всем горизонте прогнозирования.

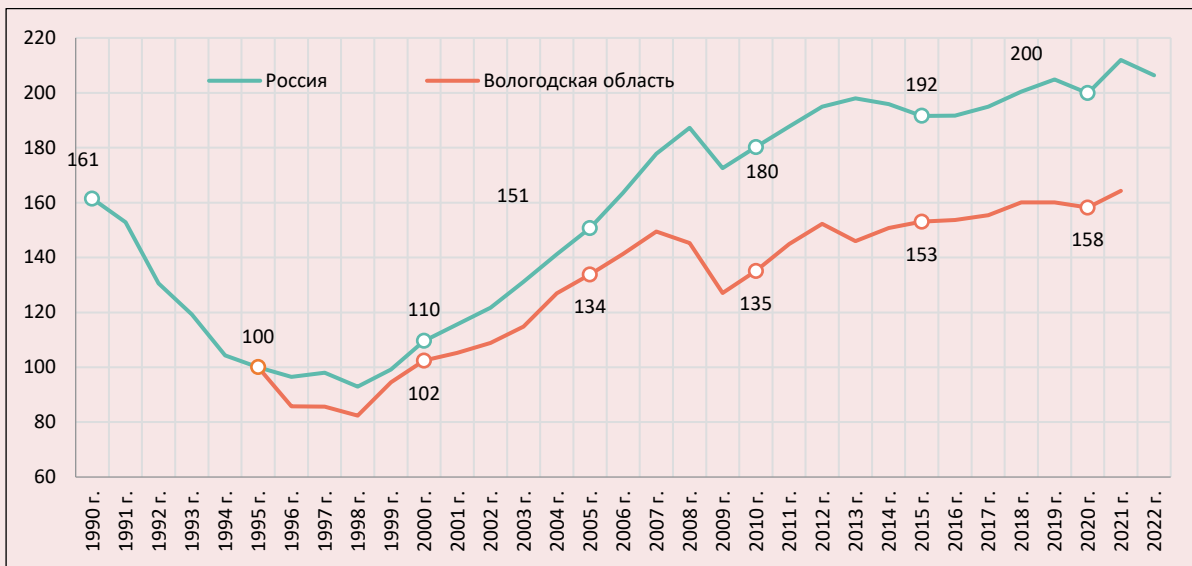
Характеристика модельного региона

В качестве модельного региона в исследовании используется Вологодская область. В силу накопившихся ограничений структурного развития на всех стадиях воспроизводственного процесса в ранее проведенных исследованиях неоднократно обосновывалась необходимость трансформации ее экономики (см., например, Румянцев, Леонидова, 2020).

Ключевыми проблемами, сдерживающими региональное развитие и обуславливающими низкие темпы экономического роста (рис. 1), являются упрощение структуры экономики и ухудшение ее способности генерировать добавленную стоимость.

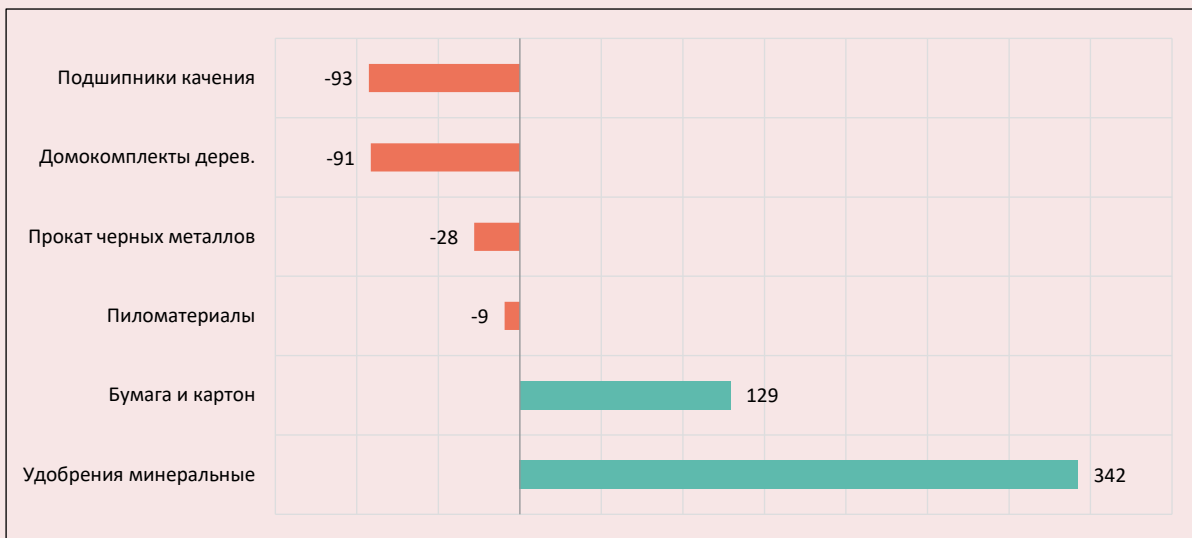
В постсоветский период регион занял узкую рыночную специализацию в международном и национальном разделении труда на производстве продукции начальных переделов (металлопрокат, минеральные удобрения, лесоматериалы), при этом во многом ослабили межотраслевые связи, были утрачены позиции в машиностроении (в т. ч. станкостроении), легкой промышленности, деревообработке (рис. 2).

Рис. 1. Темпы роста среднедушевого ВВП России и ВРП Вологодской области в 1990–2022 гг., к уровню 1995 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата с использованием индексов физического объема ВРП.

Рис. 2. Прирост (убыль) физического объема производства отдельных видов продукции Вологодской области в 1985–2022 гг., % к 1985 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Следствием такого положения стало нарастание проблем в воспроизводственном контуре экономики: диспропорции на стадии производства (сокращение роли материального производства, наукоемкого сектора экономики, ухудшение географической, отраслевой и про-

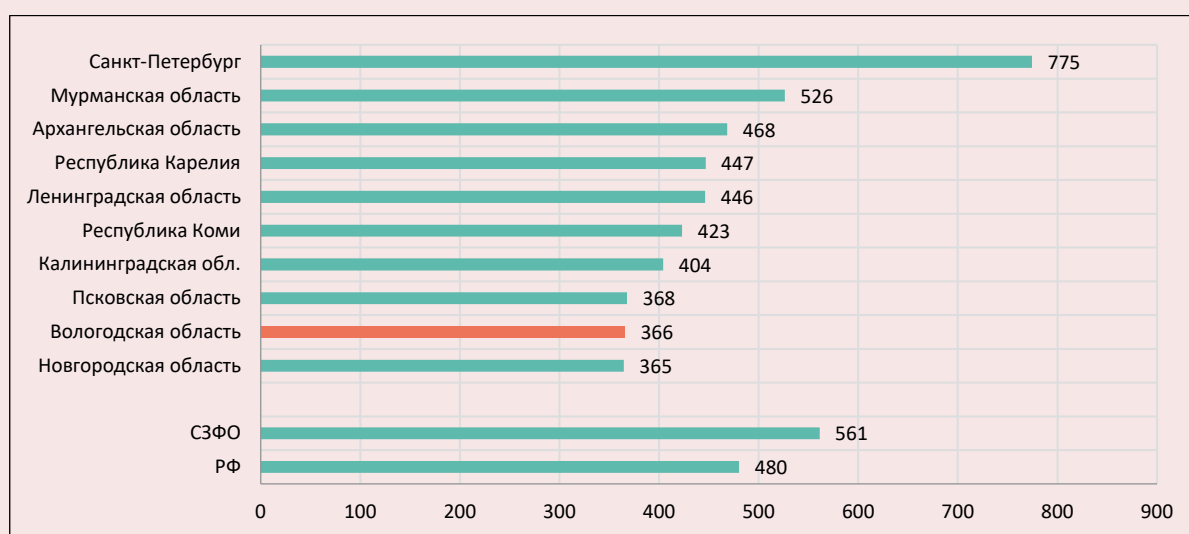
фессиональной структуры занятости), образования и распределения добавленной стоимости (концентрация доходов экономики в ограниченном количестве отраслей, стагнация уровня оплаты труда работников), использования доходов (отставание нормы накопления от нормы

сбережения, замедление динамики и низкий объем внутрирегионального потребительского спроса (рис. 3) и др.).

Специализация региона на экспортноориентированном производстве продукции первичных переделов привела к постепенной деиндустриализации, «вымыванию» из структуры экономики машиностроения и промышленности, производящей продукцию конечного потребления,

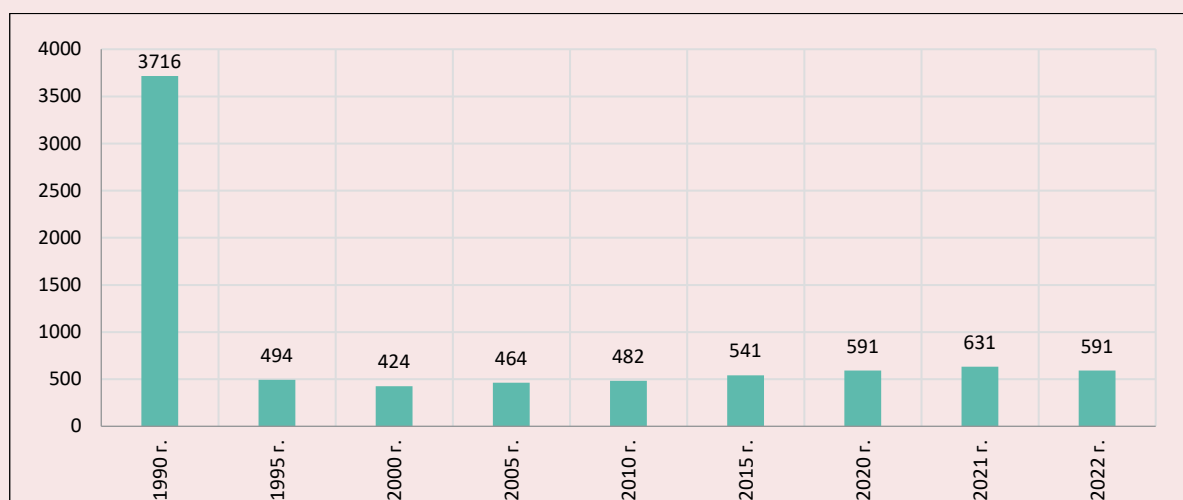
сжатию внутреннего спроса на научные исследования и разработки: за 1990–2022 гг. численность персонала, занятого НИОКР, сократилась более чем в 6 раз (рис. 4). Последствиями этого стали рост технологической импортозависимости, усиление экономического неравенства и сжатие заселенного пространства региона с концентрацией населения в крупнейших агломерациях (Вологодской и Череповецкой).

Рис. 3. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения регионов СЗФО в 2021 г., тыс. руб.

Источник: составлено по данным Росстата.

Рис. 4. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в Вологодской области в 1990–2022 гг., человек

Источник: составлено по данным Росстата.

Представляется, что в таких условиях структурная политика Вологодской области должна быть направлена на многоаспектное усложнение региональной экономики, ее репозиционирование в межрегиональных цепочках создания добавленной стоимости, эшелонированное освоение перспективных рыночных ниш на базе обоснованных вариантных расчетов возможных траекторий развития и привлечения под эти цели в т. ч. федерального финансирования.

Реализация такой политики в рамках стратегии социально-экономического развития Вологодской области будет способствовать стимулированию производства продукции инвестиционного назначения и конечного потребления, сформирует спрос на НИОКР и импортозамещающие технологии. Также в качестве эффектов от ее реализации прогнозируется повышение доходов предприятий, включенных в цепочки создания добавленной стоимости, и, как следствие, других экономических агентов, ускорение динамики развития региона, формирование новых рабочих мест и снижение дифференциации между муниципалитетами.

Основываясь на анализе структурных дисбалансов Вологодской области, а также исследованиях доступной статистической информации, мы пришли к выводу о том, что Вологодская область может стать «полигоном» для апробации авторского модельного инструментария и демонстрации его возможностей.

Сценарные предпосылки

При осуществлении вариантного прогнозирования развития региональной экономики на основе авторской межотраслевой модели были взяты три сценария — инерционный, адаптационный и трансформационный. Как уже было указано ранее, в рамках сценариев задается динамика индикаторов конечного использования в отраслевом разрезе с учетом ретроспективной динамики, которые затем корректировались с учетом сценарных предпосылок, макроэкономических прогнозов аналитических центров (Министерство экономического развития РФ, Банк России, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр макроструктурного анализа и краткосрочного прогнозирования и ряд др.), экспертных оценок и соответствующих отраслевых исследований.

1. Инерционный сценарий.

В качестве базового сценария (как контрольного) использован инерционный сценарий. Основной его предпосылкой стала ретроспективная динамика экономики региона, не подверженная влиянию геополитической и геоэкономической нестабильности. В рамках сценария предполагается сохранение предшествующих темпов развития, однако он фактически уже не может быть реализован.

В рамках инерционного сценария закладываются следующие структурные изменения:

- увеличение доли строительства в отраслевой структуре за счет активного роста льготного ипотечного кредитования;

- замедление темпов роста металлургических производств из-за насыщения экспортных рынков и слабой ориентации на внутренний спрос;

- колебания долей внутри обрабатывающих производств, связанные с инерционной траекторией развития и переходом ряда инвестиционных проектов в эксплуатационную стадию (пищевая промышленность, распиловка и строгание древесины, производство проката и др. отрасли первичных переделов ресурсов).

2. Адаптационный сценарий.

В рамках второго сценария проведена оценка влияния внешнеторговых ограничений и сдержанной экономической политики стимулирования внутреннего спроса и поддержки импортозамещения.

Основные предпосылки данного сценария:

- экспортоориентированные отрасли экономики Вологодской области (лесопромышленный комплекс, черная металлургия; производства и поставок удобрений санкции не коснулись) значительно сократили объемы производства из-за запретов со стороны ключевых потребителей — стран Евросоюза (в первые годы после шока до 30%, в дальнейшем динамика становится более положительной — от 5–10% снижения до 3–4% прироста в год в зависимости от отрасли);

- сокращение импорта товаров инвестиционного назначения и, как следствие, замедление инвестиционной активности (-10–15% от 2022 г., в т. ч. из-за прекращения доступа к зарубежным рынкам капитала);

- уменьшение физических объемов импорта товаров конечного потребления с одновременным их удорожанием из-за усложнения поставок (до 20% от объемов 2022 г.);

- фрагментарный рост отраслей, производящих импортозамещающую продукцию (машиностроение, товары конечного потребления, высокотехнологичная продукция промежуточного потребления), изменение направления логистических потоков и их объемов;

- замедление инвестиционной активности предприятий на фоне жесткой денежно-кредитной политики Центрального банка РФ, ухудшения финансовых результатов, повышения общего уровня неопределенности в экономике и ограничения доступа к импорту средств производства.

Наиболее активным направлением реализации экономической политики в нестабильных макроэкономических условиях стало поддержание уровня внутреннего спроса. Основными мерами поддержки потребления стали:

- туристический кешбэк (туризм – наиболее мультипликативная отрасль конечного потребления);

- стимулирование льготной ипотеки (один из важнейших драйверов для строительства), поддержка которой сократилась, и на данный момент наблюдается замедление объемов ввода жилья в эксплуатацию;

- социальные трансферты в денежной и натуральной форме и ряд других.

Значительный вклад в увеличение конечного потребления также внесли выплаты участникам специальной военной операции, чьи доходы значительно превышают уровень средних заработных плат.

Данные меры поддержки оказали временный эффект на стимулирование конечного спроса – в начале прогнозного периода темпы роста стимулируемых отраслей составляли от 3 до 12%, в дальнейшем в них наблюдалась стагнация вплоть до нулевых темпов прироста.

Адаптационный сценарий предполагает смещение структурных пропорций в сторону внутреннего спроса: увеличение доли рыночных услуг, в частности оптовой и розничной торговли, снижение влияния экспортоориентированных секторов экономики на ее динамику (за исключением производства удобрений в

силу нарастающего продовольственного кризиса в мире), а также повышение доли строительства.

3. Сценарий «активной трансформации».

Основной предпосылкой третьего сценария является ведение государством активной структурной политики, которая должна обеспечивать необходимые для решения ключевых социально-экономических задач темпы экономического роста в новых условиях хозяйствования. К таким задачам относятся повышение качества экономического роста и жизни населения, усложнение экономики и расширенное воспроизводство капитала, а также соблюдение интересов национальной безопасности.

В рамках данного сценария предполагается, что процесс структурной перестройки экономики будет основан на совместных действиях государства, бизнеса и населения, при этом роль государства на первом этапе должна усиливаться (в части инвестиционного стимулирования), что в дальнейшем должно балансироваться ростом деловой активности и потребительского спроса. Важный аспект – технологическое развитие, при отсутствии притока технологий требуются их заимствование и обратный инжиниринг, а также активизация технологического импортозамещения. В дальнейшем такая стратегия может трансформироваться в экспансивную за счет реализации конкурентных преимуществ.

Основным направлением структурной политики в рамках данного сценария будет являться развитие перспективных экономических специализаций территории в интересах удлинения цепочек создания добавленной стоимости и усложнения структуры экономики. Необходимым условием, диктуемым как текущей геополитической обстановкой, так и логикой бизнес-процессов, выступает переориентация внешнеторговой деятельности на внутренние рынки и партнеров из дружественных стран.

Помимо этого, активная структурная политика включает в себя инструментарий стимулирования потребительского спроса и инвестиционную поддержку отраслей перспективной специализации экономики региона. Роль государства заключается в создании условий для их развития как прямыми методами (участие государства в инвестиционных проектах, инфра-

структурные инвестиции, бюджетные кредиты и субсидирование), так и неэкономическими (различные льготы, преференциальные налоговые режимы и т. д.).

Мы полагаем, что последствиями реализации структурной политики в регионе будут являться следующие тренды развития экономики Вологодской области:

- замедление темпов роста экспортоориентированных отраслей из-за перехода на внутренний рынок в условиях внешнеторговых ограничений (до 1,5% в год);

- ускорение инвестиционной активности в отраслях перспективной специализации (глубокая деревопереработка, машиностроение, химия высоких переделов) до двух-трехкратного роста в зависимости от объемов государственной поддержки и увеличения их инвестиционной привлекательности;

- поддержка отраслей, производящих продукцию конечного потребления, позволит им ускорить темпы роста до 3–4% ежегодно.

Список предпосылок для прогноза в данном сценарии не конечный, имеются некоторые скрытые последствия структурной политики. Трансформационный сценарий предполагает прирост долей машиностроения, лесопромышленного комплекса в части углубления переработки древесины, сокращение доли металлургии с одновременной переориентацией ее товаропотоков с внешних на внутренние рынки.

Результаты расчетов

Результаты прогнозных расчетов в рамках предлагаемых сценариев представлены в *таблице 3*. Стоит отметить, что в инерционном сценарии сохраняется рост инвестиционной активности из-за высоких результатов прошлых лет, однако такие темпы роста производства и капиталовложений характерны для традиционных отраслей Вологодской области (черной металлургии, производства удобрений, лесопромышленного комплекса). Ключевой структурной проблемой является деградация машиностроительных производств, которая ведет к усилению импортозависимости в части средств производства, что в долгосрочной перспективе замедлит инвестиционную активность, снизит рентабельность производства и, как следствие, его конкурентоспособность. Темпы роста экспорта со временем ускорятся, но создание диспропорций торгового баланса неизбежно.

Основным трендом в рамках адаптационного сценария является санкционное давление: внешнеторговые ограничения значительно замедлят динамику экспортоориентированных отраслей региона и его экономики в целом. Контрмерами в данном случае выступают активизация внутреннего спроса как на промежуточную, так и на конечную продукцию, переориентация экспорта на дружественные рынки, а также освоение межрегиональных рынков. Это позволит ускорить темпы экономического

Таблица 3. Среднегодовые темпы роста ключевых экономических показателей Вологодской области в 2023–2031 гг., % к предыдущему году

Показатель	Сценарий	2023–2025	2026–2028	2029–2031
Выпуск	Инерция	101,8	102,2	102,4
	Адаптация	102,3	102,8	103,1
	Трансформация	103,1	104,2	104,6
ВРП	Инерция	99,6	101,0	102,1
	Адаптация	98,0	102,2	102,2
	Трансформация	100,3	103,5	103,6
Инвестиции в основной капитал	Инерция	103,0	103,1	104,0
	Адаптация	103,8	105,2	105,4
	Трансформация	105,0	108,0	107,4
Экспорт	Инерция	99,0	104,5	109,2
	Адаптация	93,0	107,7	112,3
	Трансформация	97,6	99,7	102,6
Импорт	Инерция	119,9	110,3	106,5
	Адаптация	97,7	102,9	103,7
	Трансформация	100,0	99,1	96,3

Источник: расчеты авторов.

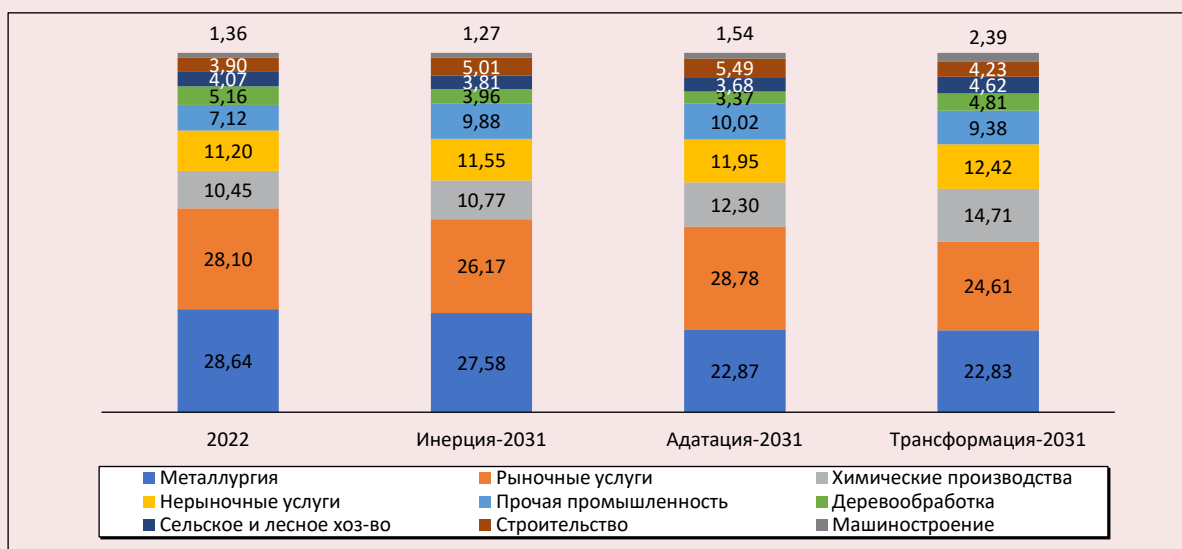
роста и повысить инвестиционную активность, однако в долгосрочной перспективе, не охватываемой данным исследованием, по нашим предположениям, динамика вновь будет замедляться, вплоть до отрицательных значений.

В рамках трансформационного сценария ожидается, что драйвером роста экономики станут высокотехнологичные секторы экономики (машиностроение, средне- и малотоннажная химия, производства с использованием аддитивных технологий, отрасли формирования человеческого капитала), что будет способствовать ускорению темпов роста и выходу из кризиса уже в среднесрочной перспективе и, по нашему мнению, самому важному – «усложнению» экономической структуры. При этом

традиционные для экономики отрасли не потеряют своей значимости, а станут опорными точками – базовыми секторами – для развития перспективных видов экономической деятельности. Последствиями этого выступят переориентация с экспортной деятельности на внутренние рынки и более глубокая переработка производимой в регионе продукции, а также укрепление технологического суверенитета и повышение уровня экономической безопасности как региона, так и страны в целом.

На рисунке 5 представлены прогнозные структуры экономики Вологодской области согласно расчетам. Стоит отметить, что структурные изменения протекают достаточно медленно и коренного изменения структуры на

Рис. 5. Прогнозные варианты структуры экономики Вологодской области в 2031 г., % к итогу

Примечание: представленные на рисунке секторы включают в себя следующие виды экономической деятельности:

1. Металлургия – металлургическое производств и производство готовых металлических изделий;
2. Рыночные услуги – оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, деятельность в области финансов и страхования, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг;
3. Химические производства – химические производства, производство резиновых и пластмассовых изделий;
4. Нерыночные услуги – государственное управление, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих услуг;
5. Прочая промышленность – добыча полезных ископаемых, пищевые производства (включая производство напитков), текстильное и швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; производство прочих неметаллических минеральных продуктов; прочие производства; производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды; сбор, очистка и распределение воды;
6. Деревообработка – обработка древесины и производство изделий из дерева, целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность;
7. Сельское и лесное хозяйство – сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство;
8. Строительство;
9. Машиностроение: производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования.

Источник: составлено авторами на основе расчетов ВДС с использованием модельного инструментария.

прогнозом периоде ожидать не стоит. Основные изменения инерционного сценария – рост доли строительства, стимулируемого льготной ипотекой и локальным производством строительных материалов, сокращение доли металлургии в связи с насыщением экспортных рынков и незначительные изменения в структуре обрабатывающих производств, не ведущие к усложнению экономики и углублению переработки продукции.

Адаптационный сценарий предполагает смещение структурных пропорций в сторону внутреннего спроса: увеличение доли рыночных услуг, в частности оптовой и розничной торговли, снижение влияния экспортоориентированных секторов экономики на ее динамику (за исключением производства удобрений в силу нарастающего продовольственного кризиса в мире), а также увеличение доли строительства. Трансформационный сценарий предполагает прирост долей машиностроения, лесопромышленного комплекса в части углубления переработки древесины, сокращение доли металлургии с одновременной переориентацией ее товаропотоков с внешних на внутренние рынки.

Структурная политика, заложенная в трансформационном сценарии, позволит преодолеть существующие ограничения экономического развития региона и создать предпосылки устойчивого роста в долгосрочной перспективе. В целом для реализации трансформационного сценария как целевого необходимо проведение активной структурной политики как минимум в трех ключевых направлениях: стимулирование внутреннего спроса, усиление структурно-инвестиционной политики, репозиционирование региона в существующих и перспективных цепочках создания стоимости.

Заключение

В рамках исследования разработан и апробирован модельный инструментарий на основе авторских регионализированных межотраслевых балансов на материалах Вологодской

области. Использование предложенного модельного комплекса позволяет осуществлять варианты расчеты траекторий экономического развития регионов в зависимости от реализуемых мер экономической политики, стимулирования различных видов экономической деятельности, а также является гибкой базой для построения дополнительных блоков модели, позволяющих оценить бюджетные эффекты, потребность в трудовых ресурсах и ряд других экономических параметров.

В результате апробации на материалах Вологодской области было определено, что повышение качества экономики при ее стабильном росте возможно в ходе реализации структурной политики, направленной на поддержание внутреннего конечного спроса, увеличение инвестиционной активности и развитие отраслей перспективной экономической специализации в границах существующих цепочек создания добавленной стоимости. Полученные в ходе исследования результаты согласуются с макроэкономическими прогнозами развития национальной и региональной экономики в кратко- и среднесрочной перспективе.

Дальнейшие исследования будут осуществляться в таких направлениях, как расширение отраслевой номенклатуры модели, формирование дополнительных блоков для повышения числа оцениваемых эффектов, разработка инструментария эндогенного расчета отраслевых компонентов конечного использования для более автоматизированного и объективного прогнозирования, а также расширение перечня регионов путем регионализации таблиц «затраты – выпуск».

Результаты данного исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке документов стратегического планирования, широким кругом исследователей в области региональной и отраслевой экономики, а также преподавателями и студентами в рамках подготовки кадров по экономическим специальностям.

Литература

- Баранов Э.Ф. (1989). О методических вопросах построения системы моделей согласования отраслевых и территориальных плановых решений // Экономика и математические методы. Т. XXV. Вып. 3. С. 509–517.
- Гранберг А.Г. (1985). Динамические модели народного хозяйства. Москва: Экономика.

- Дондоков З.Б.-Д., Дырхеев К.П., Мунаев Л.А., Абзаев П.Б., Ринчино С.В. (2014). Межотраслевой анализ экономики Республики Бурятия на основе таблиц «затраты – выпуск» // Региональная экономика: теория и практика. № 28 (355). С. 55–62.
- Ершов Ю.С., Темир-оол А.П. (2022). Некоторые особенности регионализации моделей межотраслевого баланса: информационные аспекты // Мир экономики и управления. № 22(4). С. 26–41. DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2022-22-4-26-41>
- Куранов Г.О., Стрижкова Л.А., Тишина Л.И. (2021). Межотраслевые и факторные модели в макроэкономическом анализе и межотраслевых исследованиях // Вопросы статистики. № 28 (2). С. 5–23.
- Коссов В.В. (1964). Межотраслевой баланс производства и распределения продукции экономического района. Москва: Наука.
- Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. [и др.] (2023). Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России. Вологда: ВолНИЦ РАН.
- Масакова И.Д. (2019). Российская практика составления таблиц «затраты – выпуск»: проблемы и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. № 2 (173). С. 14–26.
- Нигматулин Р.И., Саяпова А.Р., Мазитова Л.Д. (2006). Таблицы «затраты – выпуск» Республики Башкортостан // ЭКО. № 3 (381). С. 90–105.
- Пономарев Ю.Ю., Евдокимов Д.Ю. (2020). Анализ распространения последствий пандемии коронавируса в отраслевом разрезе: межотраслевые связи и мультипликативные эффекты // Экономическое развитие России. Т. 27. № 6. С. 8–21.
- Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г. (2020). Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 169–183. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.10](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.10)
- Сулов В.И., Суспицын С.А. (2005). Стратегия развития Сибири: макроэкономическая и территориальная проекция // Регион: экономика и социология. № 4. С. 77–92.
- Суспицын С.А. (2009). Концепт-модели стратегического прогнозирования и индикативного планирования регионального развития // Регион: экономика и социология. № 1. С. 40–63.
- Уринсон Я. (1975). Межотраслевые модели в сводных экономических расчетах // Экономика и математические методы. № 5. С. 865–875.
- Шатилов Н.Ф. (1974). Анализ зависимостей социалистического расширенного производства и опыт его моделирования / отв. ред. В.К. Озеров; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т экономики и организации пром. производства. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 250 с.
- Широв А.А., Янговский А. (2011). Оценка мультипликативных эффектов в экономике. Возможности и ограничения // ЭКО. № 2 (440). С. 40–58.
- Широв А.А., Узяков М.Н., Узяков Р.М. (2023). Эскизное прогнозирование как инструмент сценарного анализа // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 21. № 4. С. 6–22.
- Широв А.А., Саяпова А., Янговский А. (2015). Интегрированный межотраслевой баланс как элемент анализа и прогнозирования связей на постсоветском пространстве // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 11–21.
- Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2024). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение трансформации? // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 10–29. DOI: [10.15838/ptd.2024.4.132.2](https://doi.org/10.15838/ptd.2024.4.132.2)
- Ярёменко Ю.В., Ершов Э.Б., Смышляев А.С. (1975). Модель межотраслевых взаимодействий // Экономика и математические методы. Т. XI. Вып. 3.
- Baranov A., Gilmundinov V., Pavlov V., Tagaeva T. Forecast for the development of the Russian economy for 2012–2015 using the dynamic input – output model. In: Bardazzi R., Ghezzi L. *Macroeconomic Modelling for Policy Analysis*. Firenze: Firenze University Press.
- Cox E.E., Carrera L., Jonkeren O., Aerts J.S., Husby T.G., Thissen M., Standardi G., Misiak J. (2016). Regional disaster impact analysis: Comparing input-output and computable general equilibrium models. *Natural Hazards and Earth System Sciences*, 16(6), 1911–1927. Available at: <https://nhess.copernicus.org/articles/16/1911/2016/>
- Flegg A.T., Tohmo T. (2019). The regionalization of national input-output tables: A study of South Korean regions. *Papers in Regional Science*, 98(2), 601–621. DOI: [10.1111/pirs.12364](https://doi.org/10.1111/pirs.12364)
- Hara T., Iwamoto H. (2022). Input-output analysis in tourism. In: Kozak M., Dolnicar E., Pforr S. (Eds.). *Handbook of Tourism Economics: Analysis, New Applications and Case Studies*. Springer. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-319-01669-6_864-1

- Jiang X. (2011). *Statistical and Economic Applications of Chinese Regional Input-Output Tables*. Groningen: University of Groningen.
- Kronenberg T. (2009). Construction of regional input-output tables using nonsurvey methods: The role of cross-hauling. *International Regional Science Review*, 32(1), 40–64. Available at: <https://doi.org/10.1177/0160017608322555>
- Miller R.E., Blair P.D. (2009). *Input-Output Analysis: Foundations and Extension*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bardazzi R. (2011). *The Measurement of Productivity: Contributions to the Analysis from I-O Economics*. СТАМПА.

Сведения об авторах

Никита Михайлович Румянцев – научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, заведующий Центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Rumyantsev N.M., Lukin E.V.

Input-Output Modeling of Economic Development in the Region

Abstract. In the interests of strategic planning it is necessary to design and develop scientifically substantiated forecasting and analytical tools, including those used to carry out variant calculations of the consequences of management decisions and regional economic policy measures; this determines the relevance of our study, as well as its applied significance. The aim of the research is to model the trajectories of the region's economic development (in the case of the Vologda Region) for the medium term with the help of input-output tables. Tasks: to substantiate the choice of model tools for making forecasts, to develop an input-output model based on calculated regional input-output tables, to identify and substantiate forecast scenarios, as well as to forecast the trajectories of the region's economic development in the medium term as a demonstration of the capabilities of the model toolkit. The article presents the results of scenario forecasting in relation to the trajectories of the economy of the Vologda Region as a model region for the medium term under the influence of various structural policy instruments. We use our own recursive input-output model of the regional economy as a key forecasting tool, which makes up its scientific novelty. Within the framework of three forecast scenarios (inertial, adaptive and transformational), we determine the average annual rate of change in the main indicators of regional development (gross regional product, gross output, investments in fixed assets and net exports) in the medium term, as well as the industry (sectoral) parameters of the Vologda Region's economic structure as of the end of the forecast period. The results obtained in the course of the study are in line with macroeconomic forecasts for development of the national and regional economies in the short and medium term.

Key words: region, input-output modeling, scenario forecasting.

Information about the Authors

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), head of the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Статья поступила 13.09.2024.

Финансовые результаты реализации преференциальных режимов в дальневосточных муниципалитетах

Сергей Николаевич

ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

Аннотация. Целью работы является сравнительный анализ проблем и методических подходов к оценке финансовой результативности мер, реализуемых на Дальнем Востоке региональной преференциальной политикой территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. Проанализирован опыт организации преференциальных режимов, обоснованы причины проблемности оценки реализации финансовых мер, связанные с политическими особенностями реализации преференциальных режимов; трудностями кластеризации объектов анализа ввиду сильной дифференциации дальневосточных муниципалитетов; сложности учета горизонта оценивания; а также существующих проблем обоснования индикаторов в части комплексной оценки результатов стимулирования муниципального развития. Показаны финансовые последствия для местных бюджетов от распространения локальных преференциальных режимов на всю территорию Дальнего Востока и предпосылки возникновения «налоговой ловушки» в результате этого процесса. На примере Хабаровского края оценены выпадающие доходы местных бюджетов в результате значительного роста объемов налоговых льгот. Показаны последствия, связанные с отсутствием ограничения объемов предоставляемых налоговых льгот объемами инвестиций в проекты. Рассмотрены меры демпфирования последствий «налоговой ловушки» для региональных бюджетов в случае расширения зоны локальных преференциальных режимов до размеров всего Дальнего Востока. Предложено выделять налоговые льготы резиденту в форме денежного гранта при условии выполнения им принимаемых обязательств по росту занятости и

Для цитирования: Леонов С.Н. (2024). Финансовые результаты реализации преференциальных режимов в дальневосточных муниципалитетах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 134–151. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.7

For citation: Leonov S.N. (2024). Financial results of the implementation of preferential regimes in municipalities of the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 134–151. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.7

развитию реального сектора экономики региона, а общая величина льгот ограничивается величиной вносимых резидентом объемом инвестиций.

Ключевые слова: муниципальное развитие, государственное регулирование, меры финансового регулирования, территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, реализация преференциальных режимов, Дальний Восток России.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Введение

В современных условиях важно понимать, как вводимые государством финансовые преференции в части стимулирования предпринимательской деятельности влияют на параметры социально-экономического развития конкретных муниципальных образований. В российской региональной политике используются практически все известные в мировой практике финансовые инструменты стимулирования пространственного развития. Но наибольшую известность и широту использования в последнее время получили дальневосточные территории опережающего развития (ТОР) и режим свободного порта Владивосток (СПВ). Для администрирования их функционирования было создано АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» (КРДВ)¹, единственным акционером которого от имени Российской Федерации выступает Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития).

Оценке результатов финансовой политики по стимулированию регионального развития посвящен значительный публикационный массив, демонстрирующий широкий спектр мнений, от полностью позитивных (Hirofumi, 2019; Сидя, Кан, 2021; Чичканов, Беяевская-Плотник, 2022) до жестко критических (Гулидов, 2021; Леонов, 2020; Минакир, 2022; Савченко,

2022). Подобные разночтения в оценках указывают на отсутствие общепризнанной теории, методологического и методического единства среди исследователей. Вопрос, касающийся оценки финансовых последствий влияния преференциальных режимов на муниципальное развитие, обостряется в связи с существующими предложениями ученых (Минакир, 2017; Минакир, 2022) распространить действие преференциальных режимов на всю территорию Дальнего Востока России. В последнее время эту идею активно поднимает и Правительство РФ².

Цель работы – сравнительный анализ проблем и методических подходов к оценке результативности финансовых мер, реализуемых преференциальной региональной политикой ТОР и СПВ на Дальнем Востоке (ДВ) России.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой исследования является концепция пропульсивных отраслей и полюсов роста Ф. Перру (Перру, 2007). Методологической основой работы послужили системный и сравнительный анализы, различные приемы визуализации данных. Информационную базу составили аналитические документы и официальная отчетность финансовых органов федеральной, региональной и местной власти.

¹ АО «КРДВ» является управляющей компанией территорий опережающего социально-экономического развития, свободного порта Владивосток и Арктической зоны Российской Федерации в дальневосточных и арктических субъектах РФ.

² Весь Дальний Восток может стать единой территорией опережающего развития. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/11/17/950880-ves-dalnii-vostok>

Особенности возникновения и функционирования преференциальных режимов

Первой формой финансовой поддержки регионального развития в России выступили федеральные целевые программы³, гомогенно покрывавшие всю территорию федерального округа. Следует признать, что большого импульса для развития Дальнего Востока России названные программы, как отмечается в литературе, не дали «в силу трех причин: расплывчатости целевых программных установок («достижение экономического роста»); хронического недофинансирования программных мероприятий; отсутствия системы управления их реализацией и реального перераспределения финансовых потоков» (Леонов, Барабаш, 2020).

В последующем федеральный центр стал смещать акцент в развитии региона на формирование эффективных экономических институтов и среды, благоприятной для функционирования инвесторов, дополняя общерегиональные проекты одновременной реализацией локальных или точечных проектов в рамках концепции «полюсов роста» (Перру, 2007).

Правительство РФ выбрало использование особых правовых режимов ведения предпринимательской деятельности в границах отдельных территориальных образований разного уровня, когда форсированный экономический рост в избранных точках должен достигаться за счет обеспечения бизнесу особо выгодных, локализованных в конкретных местах условий хозяйствования. Были предприняты попытки имплантации на ДВ идей СЭЗ, затем ОЭЗ. Результаты реализации этих идей на уровне региона оказались спорными⁴.

Инструментом поляризующей политики в отношении современного Дальнего Востока стало создание режима территорий опережающего социально-экономического развития, запущенного в 2014 году федеральным законом⁵. Именно с дальневосточных ТОР⁶ стартовал опыт применения идеологии территорий опережающего социально-экономического развития в России. В настоящее время на ДВ существует 17 ТОР (их число в последнее время сократилось из-за объединения ряда из них в рамках субъектов РФ в целях оптимизации управления⁷).

³ Для выхода ДВ из кризиса требовалось принятие специальных мер государственной поддержки в части концентрации средств государственного бюджета на основных целевых направлениях. Главным инструментом государственного регулирования регионального развития в отношении ДВ выступила федеральная целевая программа «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья», насчитывающая с середины 1980-х годов около десятка различных вариантов (Минакир, 2022).

⁴ Попытки создания СЭЗ и ОЭЗ на ДВ были неудачными в силу ряда причин: масштабы зон были заведомо нерезальными, требовали для инфраструктурного обустройства огромных капиталовложений, обеспечить которые Правительство РФ было не в состоянии. Слабая нормативно-законодательная база не обеспечивала реально благоприятных экономических (налоговых, таможенных и валютных) условий для создания и функционирования зон в сравнении с условиями, предлагающимися в сопредельных странах; Правительство РФ при создании зон абсолютизировало фискальный подход, ориентированный на получение как можно больших доходов в бюджет в кратчайшие сроки, а не на соблюдение баланса интересов государства и инвесторов (Кузнецова, 2016; Леонов, Барабаш, 2020, с. 22–24).

⁵ О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ: Федеральный закон № 473-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

⁶ Отметим, что различие понятий ТОР (территории опережающего развития) и ТОСЭР (территории опережающего социально-экономического развития) достаточно условно. Первоначально ТОСЭР создавались под экспортную специализацию района, но в связи с санкциями 2014 года специализация дальневосточных территориальных новообразований была на практике уточнена под идею импортозамещения. Чаще стала употребляться аббревиатура ТОР (территории опережающего развития). В настоящее время ТОР и ТОСЭР часто рассматриваются как синонимы, если иное не обговорено заранее. Тем не менее с определенной долей условности можно считать, что аббревиатура ТОСЭР в современных условиях больше ассоциируется с понятием моногородов как территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) (см. Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1240).

⁷ Например, в 2023 году в Хабаровском крае в единую Хабаровскую ТОР были объединены ТОР Хабаровск, Комсомольск и Николаевск (Постановление Правительства РФ от 28.06.2023 № 1045 «Об объединении территорий опережающего развития, созданных на территории Хабаровского края, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (government.ru/docs/all/148423)), а в Амурской области ТОР Белогорск, Приамурская и Свободный были слиты в единую Амурскую ТОР (Постановление Правительства РФ от 10 января 2023 г. № 3 «Об объединении территорий опережающего развития, созданных на территории Амурской области, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (Постановление Правительства РФ (government.ru))).

Рис. 1. Основные преференциальные режимы ДВ России

Источник: составлено В.Д. Хижняком по Годовому отчету о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики за 2023 г.

В 2015 году был запущен преференциальный режим «Свободный порт Владивосток»⁸, опыт внедрения которого был распространен позднее на 22 муниципалитета пяти регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Фактически пик создания преференциальных режимов в регионах ДВ (рис. 1) пришелся на 2015–2021 гг., когда в экономике страны периодически наблюдались кризисные явления, а селективная политика этого времени ориентировалась на стимулирование потенциальных «точек роста» в интересах как соответствующих территорий, так и страны в целом.

Как видим, в некоторых случаях наблюдается территориальное пересечение различных преференциальных режимов, но законодательно оговаривается, что преференции каждого из режимов не могут накладываться (суммироваться) и действовать одновременно⁹.

Интерес к финансовым результатам функционирования на Дальнем Востоке локальных преференциальных режимов, по своей идее близких к «полюсам роста» и формирующимся вокруг «якорных» проектов, выполняющих роль «пропульсивных отраслей» по терминологии Ф. Перру (Перру, 2007), отмечается в значительном числе работ. Изначально предполагалось, что данные режимы обеспечат «стимулирование трансформационного экономического развития» (Fortescue, 2022).

Существующие позитивные оценки функционирования преференциальных режимов

⁸ О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/

⁹ Например, согласно Федеральному закону № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», муниципальное образование, на территории которого создана территория опережающего развития, относится к Арктической зоне Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ». При этом резиденты указанной территории опережающего развития сохраняют статус резидента, полученный в соответствии с настоящим Федеральным законом, и осуществляют свою деятельность в соответствии с заключенными соглашениями об осуществлении деятельности до окончания срока их действия» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/).

акцентируют внимание на результатах потенциальной хозяйственной деятельности их резидентов, которые в среднесрочной перспективе будут способны создавать эффект, измеряемый десятками тысяч рабочих мест (Сидя, Кан, 2021; Чичканов, Беляевская-Плотник, 2022). По некоторым оценкам, преференциальные режимы призваны обеспечить свыше двух третей экономического роста и до четверти инвестиций в ДФО (Савченко, 2022, с. 54).

С другой стороны, признается, что расходы на поддержание преференциальных режимов достигают 70% всех бюджетных расходов на развитие ДФО (Борщевский, 2024; Гулидов, 2021). Более того, даже авторы, дающие положительные оценки, отмечают неравномерность уровня эффективности и потенциала развития ТОР и СПВ (Сидя, Кан, 2021, с. 30), когда уже на первом этапе становления режим СПВ оказался более популярным среди инвесторов в связи с отсутствием необходимости выкупать земельный участок, который предоставлялся резиденту по заявительному принципу. В результате число резидентов СПВ с 2016 по 2020 год в сравнении с числом резидентов ТОР росло в два раза быстрее, а конкуренция между преференциальными режимами приводила к тому, что ужесточение условий в одном из них способствовало увеличению числа резидентов в другом (Леонов, 2020).

Сложность финансовой оценки результатов преференциальных режимов

Сложность такой оценки в отношении муниципалитетов частично объясняется открытым характером региональной экономики и сильной её зависимостью от внешних воздействий (Савченко, 2022; Кузнецова, 2016). Преференциальные режимы ТОР и СПВ в настоящее время достаточно близки как по функционалу, так и по целям и задачам (табл. 1).

При этом существует несколько значимых различий между названными режимами.

Во-первых, это вопросы предоставления инфраструктуры. В ТОР инфраструктура создается управляющей компанией и резиденты вправе запросить у АО «КРДВ» необходимую инфраструктуру при условии полной ответственности за её использование.

Таблица 1. Сравнение преференциальных режимов ТОР и СПВ

Характеристика	ТОР (2014)	СПВ (2015)
Уполномоченный орган	Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики (Минвостокразвития)	
Срок функционирования	70 лет с возможностью продления	
Инфраструктура	Предоставляет Управляющая компания	Подключение самостоятельно
Предоставление земельных участков резиденту	Предоставляет Управляющая компания	Заявительный принцип до 2020 г. (резидент получал землю в муниципальном образовании без аукциона), с 2020 г. резидентам СПВ земля предоставляется на торгах в соответствии с Земельным кодексом РФ
Место реализации	Определено кадастровыми кварталами для каждого ТОР индивидуально	В границах муниципальных образований
Налоговые льготы резидентам	социальные отчисления 7,6% первые 10 лет	
	налог на имущество 0% на 5 лет, 0,5% в следующие 5 лет	
	налог на землю 0% в первые 3–5 лет (точный срок устанавливается представительным органом МО)	налог на землю 0% (в первые 5 лет)
	налог на прибыль 0% в первые 5 лет, 12% – следующие 5 лет (2% в федеральный и 10% – в региональный бюджет)	налог на прибыль 0% в федеральный и не более 5% в региональный бюджет
	налог на добычу полезных ископаемых 0% первые 2 года, с постепенным ростом за 10 лет понижающего коэффициента до 100%	10 дней ускоренное возмещение НДС
Необходимые инвестиции	500 тыс. рублей	до 2022 г. 5 млн руб. / с 2022 года 500 тыс. рублей в течение трех лет
Особые обязательства резидента	Отвечает за неиспользование запрошенной инфраструктуры	Отсутствуют
Составлено по: О свободном порте Владивосток: Закон Российской Федерации от 13.07.2015 № 212-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ ; О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 02.06.2024).		

Во-вторых, размер минимальных инвестиций, который на первых этапах функционирования режимов ТОР и СПВ существенно отличался: для резидентов СПВ он составлял 5 млн рублей¹⁰, а с 12 января 2022 г. объем потребных инвестиций был снижен до 500 тыс. рублей за 3 года¹¹. При этом для резидентов ТОР минимальный взнос изначально равнялся 500 тыс. рублей.

Третье различие между названными режимами, существовавшее до недавнего времени, касалось получения резидентами СПВ земельных участков в аренду по кадастровой стои-

мости без торгов¹². Однако ограниченное число свободных земельных участков и высокий спрос на них в г. Владивостоке привели к тому, что на начало апреля 2020 г. более 70% резидентов СПВ, подавших заявки на земельные участки, землю не получили (Леонов, 2020). Для решения данного вопроса Государственная Дума РФ приняла федеральный закон, лишивший резидентов СПВ бывших преференций по

¹⁰ Об утверждении критериев отбора резидентов свободного порта Владивосток: Постановление Правительства РФ от 20 октября 2015 г. № 1123.

¹¹ О внесении изменения в критерии отбора резидентов свободного порта Владивосток: Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2021 г. № 2514.

¹² По результатам опроса, проведенного среди резидентов СПВ в 2019 г., 86% респондентов заявили, что преференция при получении земли имеет ключевое значение для реализации их инвестиционных проектов. Если бы подобная льгота отсутствовала, более 40% опрошенных отказались бы от реализации проектов из-за длительного оформления земельных участков, а еще свыше трети — из-за высокой стоимости земельных участков, формирующейся на торгах (Ассоциация резидентов встала на защиту ключевой преференции свободного порта Владивосток. URL: <https://primamedia.ru/news/927383/>).

Таблица 2. Сравнительная динамика числа резидентов дальневосточных ТОР и СПВ, ед.

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ТОР	111	211	330	425	492	562	644	762
СПВ	118	432	1057	1720	2119	2073	2130	2045
Итого	229	643	1387	2145	2611	2635	2774	2807

Источник: Годовой отчет о деятельности Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики за 2016–2023 гг. Публикуется в соответствии с частью 5 ст. 8 ФЗ от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) и Приказом Минвостокразвития России.

земельным участкам¹³. Отказ от заявительного принципа выдачи земель значимо повлиял на темпы роста числа резидентов СПВ (табл. 2). В результате отказа от заявительного принципа выдачи земельных участков рост числа резидентов СПВ, обгонявший рост резидентов ТОР в 2,1 раза в период 2016–2020 гг., резко замедлился в 2020–2023 гг.

Фактически эти данные говорят о необходимости крайне осторожного вмешательства в механизм настройки инструментов преференциального влияния на деятельность предпринимателей – резидентов локальных преференциальных зон.

Четвертым отличием СПВ от ТОР, сохраняющимся до настоящего времени с начала имплантации этих режимов в экономику ДВ, является различие в части территориальных границ воздействия конкретного режима, что значимо влияет на возможности отслеживания финансовых результатов внедрения преференциального режима в экономику конкретного муниципалитета. Для СПВ режим упрощённого администрирования локализуется в границах муниципальных образований, а преференциальный режим ТОР вводит преференции только в рамках конкретных кадастровых площадок, которые, организационно относясь к одному ТОР, могут территориально размещаться в различных, даже не смежных муниципалитетах (Леонов, 2020; Толмачев, Леонов, 2020).

¹³ С 25.10.2020 вступил в силу ФЗ от 15.10.2020 № 318-ФЗ «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с изменением порядка предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, резидентам свободного порта Владивосток», который конкуренцию между резидентами СПВ, претендующими на один и тот же земельный участок, решил путем возврата к процедуре аукциона в соответствии с восстановленными требованиями Земельного кодекса РФ.

Из приводимых положений ясно, что, например, отследить финансовые результаты воздействия режима ТОР на социально-экономическое развитие муниципалитета гораздо сложнее, чем режима СПВ, охватывающего конкретный муниципалитет целиком. При этом задача многократно усложняется, если на территории муниципального образования действует несколько преференциальных режимов, тогда финансовые результаты воздействия преференций будет возможно уловить только на уровне консолидированного бюджета субъекта Федерации, который фиксирует как общую величину предоставляемых резидентам налоговых льгот, так и совокупные объемы поступающих налоговых отчислений.

Подходы к оценке финансовой результативности преференциальных мер

Необходимость использования количественных критериев при оценке финансовых эффектов преференциальных режимов муниципалитета признается как исследователями¹⁴ (Зайцева, 2007; Михеева, Ананьева, 2011), так и практиками (Широков, Юркова, 2020).

Однако в реальности сложность построения единой системы для оценки финансовых результатов региональной преференциальной политики в отношении муниципалитетов связана с рядом моментов.

1. **Политические особенности** реализации дальневосточных преференциальных режимов в рамках существующей вертикали власти показывают, что управленческая модель, складывающаяся в регионе, демонстрирует значимую зависимость от личной активности руководителя субъекта Федерации. По мнению исследователей, «инвестиционные проекты более успешно реализуются в дальневосточных регионах

¹⁴ Бачлер Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе. URL: http://www.politanaliz.ru/articleprint_501.html (дата обращения май 2024).

с более высоким уровнем развития и с более влиятельными губернаторами, что подтверждает участие региональных элит в формировании и проведении федеральной политики пространственного развития, но крайне сложно поддаётся количественной оценке» (Борщевский, 2024).

2. **Трудности кластеризации объектов** ввиду различия муниципалитетов по площади, плотности населения и уровню экономической активности¹⁵. Как следствие, крайне сложно формировать кластеры муниципалитетов для сравнения полученных финансовых результатов в муниципалитете с территориальными льготами и без них (Леонов, 2023b).

3. **Следует учитывать влияние горизонта оценивания.** Льготные режимы в краткосрочном периоде зачастую ведут к потере налоговых доходов бюджетом муниципалитета, когда на краткосрочном интервале большую часть налоговых доходов региона «съедают» налоговые льготы (Кузнецова, 2016). Фактически разработка рекомендаций по использованию результатов оценки в значительной мере зависит от лага, закладываемого в процессе оценки результатов мер государственного воздействия на развитие муниципального образования. Так, в случае ТОП в методику оценки их эффективности был заложен 13-летний лаг¹⁶.

¹⁵ Отметим, что разброс муниципалитетов по данным параметрам отмечается не только в России, но и в зарубежных странах. Например, в ОЭСР основной анализ пространственных данных ведется в разрезе регионов NUTS 3, наиболее близких по смыслу к российским муниципалитетам, с численностью населения от 150 до 800 тыс. чел., при среднем значении по Европейскому союзу на один регион – 380 тыс. чел. (Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Key Findings (2019) / OECD/UCLG. 109 p. URL: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf (дата обращения май 2024)).

¹⁶ Оценка эффективности территории опережающего развития должна проводиться ежегодно, начиная с 13-го года, следующего за годом, в котором Правительством Российской Федерации принято решение о создании территории опережающего развития. Подробнее см. Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1240 «Методика оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности территорий опережающего социально-экономического развития, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

Кроме этого, важна долгосрочная стабильность вводимых льгот, являющаяся главным условием эффективного функционирования преференциальных режимов (Толмачев, 2021).

4. **Проблема выбора индикаторов**, дающих комплексную оценку результатов стимулирования муниципального развития (Кулаковский, 2019). Над этой проблемой активно работали в Институте экономики города еще в начале формирования современной системы муниципальных организаций (Зайцева, 2007), но в последнее время активно обсуждается возможность использования валового муниципального продукта как комплексного показателя развития экономики муниципалитета (Гафарова, 2017; Ускова, 2009). Поскольку данный показатель имеет ряд известных недостатков, предлагается ориентироваться на систему территориальных индексов, отражающих разные стороны социально-экономического развития муниципалитетов.

Использование территориальных индексов связано с проблемой отбора показателей на этапе формирования интегральных территориальных индексов, построения самих индексов и интерпретации результатов в процессе анализа (Тарасова, Солдатенко, 2024). К основным проблемам относятся отсутствие однозначной интерпретации результатов, слабая репрезентативность информации и широкое использование экспертных оценок. Последнее часто приводит к субъективности расчетов, поскольку надежность оценок зависит от компетенции экспертов, их объективности при ранжировании результатов (Леонов, 2024).

Другими словами, хотя в России не сложилось общепринятой универсальной методики для оценки финансовых результатов преференциальной политики, можно говорить о формирующихся подходах к подобной оценке.

Во-первых, совершенствуются методы многокритериального анализа, хотя данный подход также не свободен от недоработок. Так, в утвержденной Методике оценки эффективности ТОП¹⁷ заложены шесть групп исходных

¹⁷ Методика оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности территорий опережающего социально-экономического развития, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1240.

параметров: 1) объем частных инвестиций; 2) объем бюджетных средств на создание инфраструктуры ТОР; 3) количество создаваемых рабочих мест; 4) объем добавленной стоимости, созданной резидентами ТОР (рассчитывает управляющая компания); 5) объем налоговых и таможенных льгот и платежей (кроме страховых взносов); 6) совокупные расходы бюджетной системы РФ. По группам параметров 2, 4 и 6 открытые данные отсутствуют, что, по определению, не позволяет выполнить полноценную оценку эффективности ТОР в рамках предложенной Методики (Толмачев, 2021).

В госпрограмме «Социально-экономическое развитие ДФО» заложены пять показателей, характеризующих функционирование ТОР и СПВ¹⁸, а в госпрограмме «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ» учитываются лишь два показателя эффективности программных мероприятий: накопленный объем внебюджетных инвестиций резидентов АЗРФ и ТОР в Арктической зоне РФ, а также количество рабочих мест, созданных на территории в результате реализации мероприятий Программы¹⁹.

Второе направление связано с рядом эконометрических работ, пытающихся оценить результаты преференциальной политики через квази-эксперимент, когда предпринимаются попытки сопоставлять результаты применения льготного режима на рассматриваемых территориях с финансовыми результатами развития в предварительно сформированном кластере регионов, где не применялись льготные режимы (Котов, 2022). Данный подход лимитируется отмеченной выше сложностью формирования кластеров муниципалитетов для сравнения и сложностью интерпретации полученных

результатов²⁰. Поэтому трудно не согласиться с существующим мнением, что «несмотря на развитие эконометрических методов и специализированных программно-модельных комплексов, их объяснения для решения задач прикладной региональной политики редко бывают очевидными» (Котов, 2020).

В силу вышесказанного вопросы, касающиеся оценки финансовой результативности действующих в дальневосточных муниципалитетах преференций, могут быть рассмотрены со стратегической и тактической точек зрения.

В стратегической (долгосрочной) перспективе важным вопросом выступит соотношение предоставленных резидентам налоговых льгот и объемов привлеченных в зоны инвестиций. Поскольку период становления преференциальных зон в среднем занимает не менее 10 лет, для государственных и муниципальных органов власти крайне важным является период тактической (среднесрочной) перспективы, когда создание условий для становления преференциальных зон серьезным бременем ложится на региональные бюджеты.

В данном исследовании при оценке среднесрочных финансовых результатов реализации мер для экономики региона предпринята попытка учета на уровне субъекта Федерации соотношения налоговых льгот, предоставляемых резидентам преференциальных зон (трактуемых как выпадающие доходы местных бюджетов), и объемов налоговых платежей, приносимых резидентами зон в региональные бюджеты. Значимость подобного подхода может быть объяснена, с одной стороны, его наглядностью, с другой, необходимостью проверки гипотезы возникновения «налоговой ловушки» при активизации преференциальных режимов на территории Дальнего Востока.

¹⁸ Госпрограмма «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 308 в ред. от 10.12.2021 № 2256 и включает следующие целевые индикаторы и показатели: количество созданных в ДФО ТОР (нарастающим итогом); накопленный объем инвестиций резидентов ТОР в ДФО (нарастающим итогом); количество созданных рабочих мест в ТОР в ДФО (нарастающим итогом); количество созданных рабочих мест на территории СПВ; количество инвестиционных проектов резидентов ТОР и СПВ, реализуемых с участием кредитов, выданных по льготной ставке (нарастающим итогом).

¹⁹ Госпрограмма «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ» утверждена Постановлением Правительства от 30 марта 2021 года № 484.

²⁰ Отметим, что зарубежные подходы к оценке результатов региональной политики, как и в РФ, не сформировали общепринятой, удовлетворительной с точки зрения экспертного сообщества, универсальной методики для оценки эффектов мер реализации региональной политики и выбора наиболее рациональных мер государственной поддержки муниципального развития. Развитие эконометрических исследований и появившихся наборов микроданных позволяет проанализировать влияние региональной политики на производительность предприятий. Эффекты при этом изучаются на агрегированных (региональных) уровнях. На начальном этапе анализа идет формирование групп схожих регионов (предприятий), затем – сравнение распределения выделенных характеристик по фирмам в регионах, получивших и не получивших поддержку (Kline, Moretti, 2014).

Распространение режима ТОР на весь Дальний Восток и возникновение «налоговой ловушки»

Наличие на ДВ схожих по сути («точки роста»), но различающихся в деталях реализации преференциальных режимов уже давно породило среди ученых идею о необходимости расширения преференциальных режимов на всю территорию Дальнего Востока.

Еще в 1990 г., накануне распада СССР, академик П.А. Минакир указывал: «Дальний Восток может развиваться лишь как открытый в обе стороны регион – в сторону тихоокеанского кольца и в сторону Европейской России. В закрытом состоянии регион обречен на быстрое вымирание. Конкурентоспособность практически всех видов продукции для внутреннего рынка равна нулю и надежды на экономическое развитие за счет привлечения сюда капиталов и создания нового экономического потенциала и увеличения доходов нет. Привлекательность для иностранных производителей постоянно падает из-за этой самой закрытости региона» (Минакир, 1990, с. 18–19). В силу этих причин П.А. Минакир считал, что «для прорыва сложившегося порочного круга следовало создать условия для свободного движения капиталов, людей и технологий между Дальним Востоком и Восточной Азией, что в свою очередь явилось бы стимулом для привлечения в регион внутренних российских капиталов» (Минакир, 2017).

Следует отметить, что в последнее время данные идеи, как и устремления к наращиванию территорий с льготными режимами, стали демонстрировать представители высшего эшелона российской власти. Так, по мнению вице-преьера – полпреда Президента РФ на Дальнем Востоке Юрия Трутнева, на Дальнем Востоке может быть создана единая территория опережающего развития (ТОР)²¹.

Эксперты Минвостокразвития считают, что создание единой ТОР, на территории которой будут предоставляться единые налоговые льго-

ты и преференции, позволит упростить административные процедуры, связанные с управлением ТОР, и сократить сроки запуска новых объектов резидентов. Кроме того, по мнению экспертов²², создание единого процесса управления зоной может ускорить привлечение прямых инвестиций, в том числе иностранных, рост деловой активности и развитие малого и среднего предпринимательства.

Действительно, идея единого преференциального режима для всей территории ДВ, высказанная академиком П.А. Минакиром, уже не нова, но заманчива, т. к. можно предположить, что распространение налоговых льгот и мер поддержки, предусмотренных для ТОР, на целый федеральный округ привлечет в регион значительные инвестиции.

Тем не менее представляется, что использование единого преференциального режима может способствовать попаданию в ловушку ТОР, как и СПВ, предполагает льготный налоговый режим, в том числе по региональным налогам на прибыль и имущество, которые формируют существенную часть доходов местных бюджетов, поэтому расширение территорий, охваченных преференциальными режимами, может привести к образованию значительных выпадающих доходов у дальневосточных субъектов Федерации.

Оценка выпадающих доходов региональных бюджетов при использовании преференциальных режимов. Опыт Хабаровского края

Проблемы с налоговыми льготами и выпадающими доходами у регионов, муниципалитеты которых работают в преференциальных режимах ТОР и СПВ, подробнее рассмотрим на конкретном примере.

Хабаровский край является дальневосточным субъектом Федерации, где впервые в России был введен режим ТОР, а чуть позднее и СПВ. Существующий опыт одновременного функционирования обоих преференциальных режимов позволяет оценить потенциальные выигрыши и проигрыши для конкретного субъекта Федерации.

²¹ «Мы с Михаилом Мишустиним обсуждали дальнейшее совершенствование работы в ТОР. Мы внесли предложение о создании единой ТОР на Дальнем Востоке. Чтобы не принимать каждый раз новые постановления в части создания отдельных ТОР, мы предложили всю территорию Дальнего Востока сделать территорией опережающего развития», – сказал полпред Президента РФ на Дальнем Востоке Юрий Трутнев (Романова Л. Весь Дальний Восток может стать единой территорией опережающего развития // Ведомости. URL: vedomosti.ru).

²² Как ТОРы меняют экономику Дальнего Востока: АП составила портрет территорий опережающего развития. URL: <https://ampravda.ru/2024/01/09/kak-tor-menjayut-ehkonomiku-dalnego-vostoka-apsostavila-portret-territorij-operezhayushchego-razvitija?ysclid=lxns506hh250488445>

В Хабаровском крае режим СПВ реализуется в Ванинском и Советско-Гаванском муниципальных районах.

ТОР Хабаровская была образована 28 июня 2023 г.²³ в результате объединения трех ТОР: Хабаровск²⁴, Комсомольск²⁵ и Николаевск²⁶. Общая площадь образованной территории опережающего развития 623,3 тыс. га. Локализация площадок ТОР «Хабаровск» не так однозначна. Режим ТОР действует в рамках кадастровых участков на территориях Амурского, Верхнебуруинского, Вяземского, Комсомольского, Солнечного, Хабаровского, Нанайского и Николаевского муниципальных районов, Охотского муниципального округа, муниципального района имени Лазо, городских округов «Город Комсомольск-на-Амуре» и «Город Хабаровск».

На рисунке 2 представлены отличия территориальных структур ТОР и СПВ, которые объясняются самой идеей формирования локальных зон. В случае СПВ преференциальный режим локализуется в пределах конкретных муниципальных образований (в Хабаровском крае это Ванинский и Советско-Гаванский районы), в ТОР преференциальный режим предоставляется конкретному резиденту на определенных кадастровых участках.

Результатом этого являются значительные различия по числу, размеру и территориальной «разбросанности» расположения площадок в ТОР, что крайне затрудняет оценку влияния

²³ Об объединении территорий опережающего развития, созданных на территории Хабаровского края, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2023 № 1045 (Документы – Правительство России. URL: government.ru).

²⁴ ТОР «Хабаровск» стала первой ТОР в России. Территорию создали в 2015 году в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25.06.2015 № 629. В 2018 году ТОР «Хабаровск» была расширена.

²⁵ ТОР «Комсомольск» вошла в число первых ТОР на Дальнем Востоке, будучи созданной в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25.06.2015 № 629. Впоследствии территорию расширяли трижды: в 2017 году, в январе 2018 года и в апреле 2018 года.

²⁶ ТОР «Николаевск» была создана в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19.04.2017 № 464 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Николаевск». С тех пор границы территории трижды расширялись постановлениями Правительства РФ: от 11 ноября 2017 года № 1361, от 7 февраля 2019 года № 90 и от 28 мая 2020 года № 773.

преференциального режима ТОР на финансовое состояние конкретного муниципалитета.

Существующие оценки активности резидентов ТОР в Хабаровском крае показывают, что муниципалитеты, располагающие большим объемом исходных ресурсов, в большей мере способны воспринять политику государственной поддержки²⁷.

При этом воздействие преференциальных мер режима ТОР в крае в рамках различных площадок значительно различается (Леонов, 2023а). Начавшийся в 2023 году процесс объединения ТОР в рамках одного субъекта РФ нивелирует данное различие и еще больше осложняет (вуалирует) саму возможность оценить воздействие преференциальных мер на развитие конкретного муниципалитета (Толмачев, Леонов, 2020). Подобная оценка, как отмечалось, становится возможна только на уровне субъекта РФ, в нашем случае на уровне Хабаровского края.

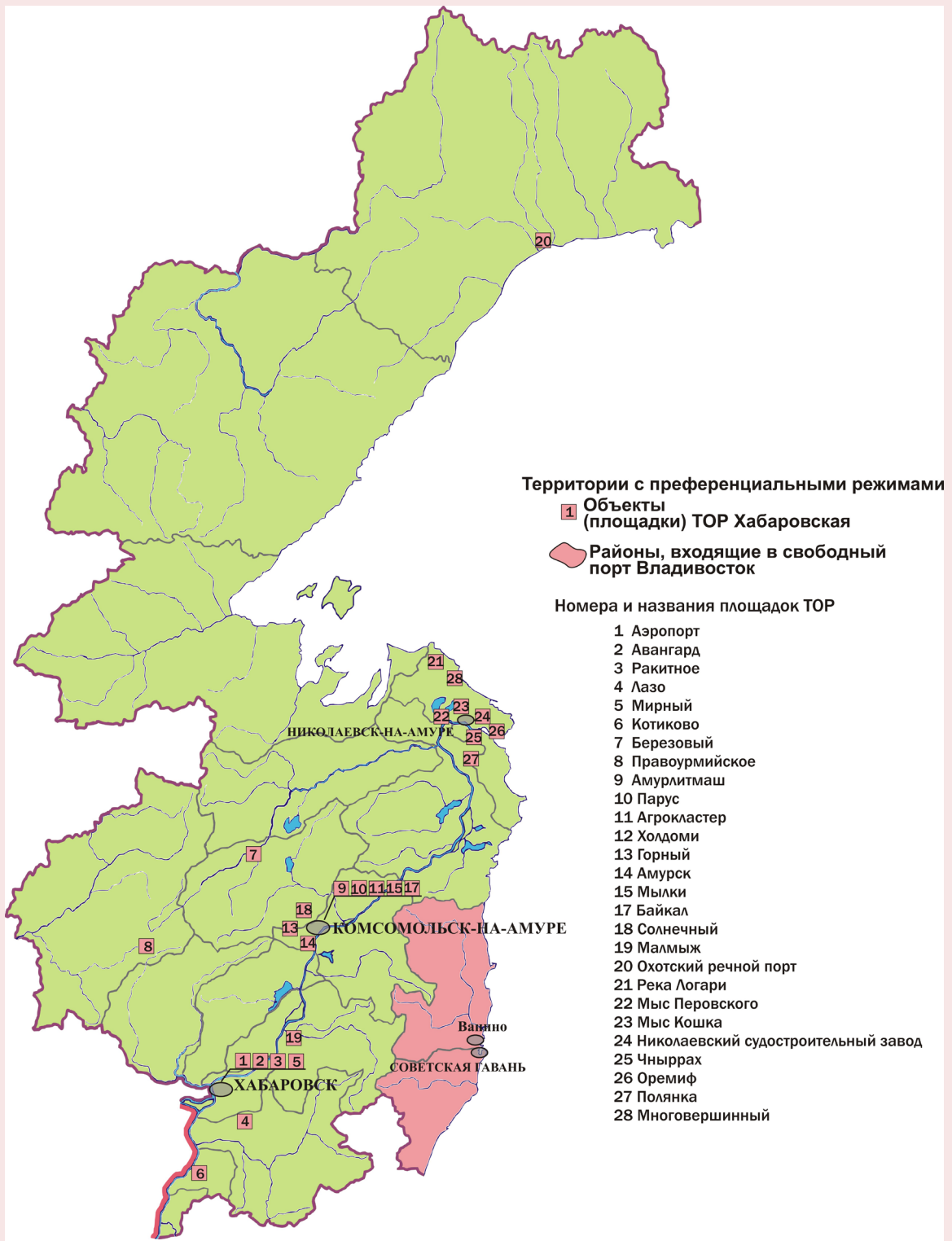
По данным Министерства финансов Хабаровского края, за период 2016–2023 гг. в рамках преференциальных зон края резидентам было предоставлено налоговых льгот на 10,4 млрд рублей, а в местные бюджеты поступило 8,7 млрд рублей налоговых платежей (табл. 3).

ТОР «Хабаровская», созданная в 2023 году путем объединения трех ранее созданных ТОР, в настоящее время насчитывает 99 резидентов, специализирующихся в производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, оказании логистических услуг. Здесь создано 13,3 тыс. рабочих мест и освоено 292,9 млрд рублей инвестиций. Резиденты ТОР заплатили с 2016 по 2023 год более 6,6 млрд рублей налогов в консолидированный региональный бюджет, получив при этом налоговых льгот на сумму более 7,3 млрд рублей.

Функционирующий в крае режим СПВ охватывает 24 резидента, 17 резидентов расположены

²⁷ Отметим, что подобное поведение было свойственно и муниципалитетам 10 стран Центральной и Восточной Европы, которые после 1 мая 2004 года вступили в ЕС и получили право на финансовую поддержку сообщества. Несмотря на то, что условия отбора для финансовой поддержки были одинаковыми, на региональном уровне территории характеризовались разными социально-экономическими условиями (обладали разным «территориальным капиталом»), что сильно влияло на финансовые результаты политики муниципального сплочения в рамках ЕС (Fratesi, Perucca, 2014).

Рис. 2. Основные площадки TOP «Хабаровская» и территории СПВ, расположенные в Хабаровском крае, по состоянию на 01.01.2024

Источник: составлено В.Д. Хижняком по: Перечень инвестиционных площадок TOP Хабаровск (<https://khv27.ru/administration/structural-units/uir/investitsii/investitsionnye-ploshchadki-munitsipalnye-chastnye-promyshlennye-parki-i-t-d-/perechen-investitsionnykh-ploshchadok/>)

Таблица 3. Налоговые платежи и объем предоставленных налоговых льгот в преференциальных зонах Хабаровского края за 2016–2023 гг., млн рублей

Название преференциальной зоны	Налоговые платежи	Объем предоставленных налоговых льгот
В целом по преференциальным зонам края	8653,4	10376,3
В том числе:		
Хабаровская ТОР	6623,8	7311,8
В составе:		
ТОР «Хабаровск»	1559,0	1164,4
ТОР «Комсомольск»	3663,2	2921,2
ТОР «Николаевск»	1401,6	3226,2
СПВ Хабаровского края	2029,6	3064,5
В составе:		
Ванинский район	1897,5	3018,3
Советско-Гаванский район	132,1	46,2
Источник: рассчитано автором по данным Министерства финансов Хабаровского края.		

в Ванинском районе и 7 – в Совгаванском. В зоне СПВ создано 4 тысячи рабочих мест, обеспечен объем инвестиций более 180 млрд рублей. Основные виды деятельности организаций – резидентов СПВ связаны с транспортно-логистической сферой (9 резидентов и 42% от суммы вложенных инвестиций) и лесопромышленным комплексом (7 резидентов и 29% вложенных инвестиций). Отмена приоритетного права резидентов на получение земельных участков без аукциона привела к тому, что с 2021 года в крае снижается темп роста числа участников СПВ. Дума Хабаровского края в настоящее время поднимает вопрос о необходимости предоставления земельных участков резидентам СПВ без торгов²⁸ и предлагает пересмотреть положения скоропалительно принятого 15 октября 2020 г. ФЗ-318 в части отказа от данной преференции для резидентов СПВ²⁹.

В совокупности с 2016 по 2023 год резидентами СПВ Хабаровского края уплачено 2 млрд рублей налогов в региональный бюджет. Крупнейшими плательщиками являются «Ванино-

²⁸ Привлечение инвестиций в Ванинский и Советско-Гаванский районы рассмотрели в краевой думе. 08.04.2024. URL: http://debri-dv.com/article/35921/privlechenie_investitsiy_v_vaninskiy_i_sovetsko-gavanskiy_rayonu_rassmotreli_v_kraevoy_dume

²⁹ О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с изменением порядка предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, резидентам свободного порта Владивосток: Федеральный закон от 15.10.2020 № 318-ФЗ.

ТрансУголь», «Дальтрансуголь» и «Нью Форест Про». При этом налоговые льготы резидентам СПВ были предоставлены в объеме 3,06 млрд рублей, более чем в полтора раза превышающем сумму уплаченных в бюджет налогов.

К основным проблемам, с которыми сталкивается региональный бюджет субъекта РФ, на территории которого располагаются преференциальные зоны, следует отнести следующие:

- значительный рост объемов налоговых льгот, предоставляемых за счет средств регионального бюджета, в рамках действия на территории субъекта РФ преференциальных режимов ТОР и СПВ, который перекрывает величину уплаченных резидентами налоговых поступлений в консолидированный бюджет и обостряет проблему выпадающих доходов;

- отсутствие компенсации из федерального бюджета недополученных бюджетами субъектов РФ от применения режимов ТОР и СПВ доходов;

- отсутствие ограничения объема предоставляемых налоговых льгот объемом инвестиций в проекты.

Согласно зарубежной практике, этап становления территорий с особым экономическим статусом в среднем занимает около 10–15 лет, по истечении которых зона начинает приносить дивиденды организаторам – стране и региону³⁰.

³⁰ Zolt M.E. (2015). Tax incentives: Protecting the tax base. In: *Paper for Workshop on Tax Incentives and Base Protection New York, 23–24 April 2015*. New York: United Nations, Department of Economics and Social Affairs. Available at: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2015/04/2015TIBP_PaperZolt.pdf

В РФ, согласно законодательству, минимальный объем инвестиций для приобретения статуса резидента преференциальной зоны составляет 500 тыс. рублей. По данным Министерства финансов Хабаровского края, в 85% рассмотренных министерством края проектов (51 из 59), период окупаемости проекта оказывался значительно меньше периода льготного налогообложения. Можно предположить, что в условиях ДВ, где значительное число предприятий в ТОР имеет добывающую специализацию, их собственники успеют за 10–15 лет становления предприятия окупить большую часть инвестируемых средств благодаря налоговым льготам, выработав за это время значительную часть рудной базы месторождений.

Важным вопросом, связанным с эффективной организацией функционирования преференциальных режимов на ДВ России, остается выбор резидентов-бенефициаров для распределения субсидий в целях возмещения затрат на развитие инфраструктуры резидентам ТОР.

Например, резидент ТОР «Южная Якутия» АО ГОК «Инаглинский»³¹ получил 2,4 млрд рублей на развитие железнодорожной инфраструктуры и строительство подъездных железнодорожных путей, что составляет 36,3% от всего выделенного на ДВ финансирования мероприятий по развитию инфраструктуры макрорегиона (6,7 млрд руб.)³². При этом, согласно данным бухгалтерской отчетности компании, уже в 2021 году чистая прибыль ГОК «Инаглинский» превышала 11,1 млрд руб., а в 2022 и 2023 гг. составила 13,4 и 10,4 млрд руб. соответственно³³.

Возникает риторический вопрос, должно ли государство выделять более трети финансовых ресурсов, предусмотренных для поддержки

строительства железнодорожной и энергетической инфраструктуры всего макрорегиона, на обеспечение деятельности компании, способной профинансировать данные мероприятия без государственной поддержки?

Отсутствие ограничения объема предоставляемых налоговых льгот объемом инвестиций в проекты можно было бы воспринять с пониманием, если бы специализация и функционирование резидентов преференциальной зоны были долговременными и нацеленными на производство переработанной промышленной продукции. Однако в случае добывающих предприятий высока вероятность того, что налоговые льготы компенсируют инвестору затраченный капитал, а при полной отработке месторождения не принесут ожидаемого дохода в региональный бюджет.

Фактически, если будет реализовано предлагаемое вице-премьером – полпредом Президента РФ на Дальнем Востоке Юрием Трутневым предложение по организации преференциальной зоны в рамках всего Дальнего Востока, то выявленные проблемы выпадающих налоговых доходов, без их соответствующего демпфирования, могут привести к серьезнейшей проблеме наполняемости региональных бюджетов.

Среди реальных мер демпфирования последствий «налоговой ловушки» для региональных бюджетов в случае расширения зоны локальных преференциальных режимов до размеров Дальневосточного федерального округа следует предусмотреть и детально проработать следующие:

– механизм частичной компенсации из федерального бюджета доходов недополученных бюджетами субъектов РФ от применения преференциальных льготных режимов ТОР и СПВ;

– возможность применения резидентами ТОР и СПВ налоговых льгот только при условии выполнения ими контролируемых показателей соглашения (договора) об осуществлении деятельности в статуте резидента одной из преференциальных зон;

– ограничение суммы налоговых льгот, предоставляемых резидентам ТОР и СПВ, размером не более суммы фактически осуществленных расходов на капитальные вложения и/или научные исследования и опытно-

³¹ АО «Горно-обогатительный комплекс «Инаглинский» обрабатывает запасы Чульмаканского и Верхне-Талуминского каменноугольных месторождений в Якутии. ГОК принадлежит угледобывающей компании «Колмар».

³² Результаты отбора проектов для распределения субсидий в целях возмещения затрат на развитие инфраструктуры резидентам ТОР. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/a94/rezultaty-otbora-proektov-dlyaraspredeleniya-subsidiy-v-tselyakh-vozmeshcheniya-zatrat-na-razvitie-infrastruktury-rezidentam-tor.docx>

³³ Бухгалтерская отчетность и финансовый анализ АО «Горно-обогатительный комплекс «Инаглинский» за 2011–2023 гг. URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/7704531762_ao-gok-inaglinskiy

конструкторские разработки в рамках реализации соглашения (договора) об осуществлении деятельности в статуте резидента одной из преференциальных зон.

Следует отметить, что дополнительного рассмотрения и решения потребует и то, что каждое создание или расширение локальной преференциальной зоны на Дальнем Востоке сопровождалось точечными решениями Правительства РФ о поддержке конкретных «якорных проектов» согласно действующим условиям работы в локальной зоне. Поскольку отказаться от применения конкретных мер поддержки «якорных проектов» практически невозможно, то, как следствие, потребуются разработка и принятие специального решения в части сохранения уже существующих дополнительных преференций по якорным проектам преференциальных зон.

Заключение

Резюмируя, отметим, что наибольшую известность и широту использования в региональной политике современной России получили преференциальные режимы ТОР и СПВ на Дальнем Востоке.

Открытый характер региональной экономики, структурные и территориальные особенности реализации режимов ТОР и СПВ, трудности кластеризации муниципалитетов ввиду сильной дифференциации дальневосточных МО, а также крайняя хрупкость механизма настройки инструментов преференциального влияния на деятельность предпринимателей – резидентов преференциальных зон³⁴ предопределяют сложность оценки финансовых результатов стимулирования муниципального развития.

Отследить финансовые результаты воздействия режима ТОР на состояние муниципалитета многократно сложнее, чем режима СПВ, охватывающего конкретный муниципалитет целиком. Если же на территории муниципального образования действует несколько преференциальных режимов, то при современном

состоянии муниципальной статистики задача определения финансовых результатов воздействия конкретного режима на состояние конкретного муниципалитета становится практически нереализуемой.

Оценка финансовых результатов влияния преференциальных режимов на экономику региона возможна на уровне субъекта Федерации путем учета предоставляемых резидентам налоговых льгот (тракуемых как выпадающие доходы консолидированного бюджета) и объемов инвестиций, привлекаемых резидентами преференциальных зон.

В работе показано, что для оценки финансовой результативности преференциальных режимов важным является учет горизонта оценивания и длительности временных интервалов оценки. Использование режимов СПВ или ТОР на краткосрочном интервале показало, что большую часть налоговых доходов региона «съедают» налоговые льготы, но в перспективе, после запуска производства, эта проблема может купироваться. Анализ правительственной идеи о расширении преференциального режима на всю территорию Дальнего Востока выявил существование «налоговой ловушки», когда значительный прирост объемов налоговых льгот, предоставляемых за счет средств регионального бюджета, перекрывает величину налоговых поступлений, уплаченных резидентами преференциальных зон в местный бюджет, что формирует проблему выпадающих доходов бюджета субъекта РФ.

Проблему усложняет отсутствие компенсации из федерального бюджета доходов, недополученных региональными бюджетами от применения преференциальных режимов, а также отсутствие ограничения объема предоставляемых налоговых льгот объемом инвестиций в проекты, в результате чего, например, в Хабаровском крае свыше 85% рассмотренных министерством финансов проектов окупались еще в ходе периода льготного налогообложения.

Предложены меры демпфирования последствий «налоговой ловушки» для региональных бюджетов в случае расширения зоны локальных преференциальных режимов до размеров ДВ. Меры включают механизм частичной компенсации из федерального бюджета доходов, недополученных бюджетами субъектов РФ от

³⁴ Имеется в виду описанный выше скоропалительный отказ от заявительного принципа выделения земли резидентам СПВ в 2020 г., приведший к резкому замедлению прироста числа резидентов СПВ в 2020–2023 гг. и к актуализации депутатами Хабаровского края в 2024 г. вопроса о необходимости возвращения этой преференции в портфель режима СПВ.

применения преференциальных льготных режимов; возможность применения резидентами ТОР и СПВ налоговых льгот в форме денежного гранта при условии выполнения ими контролируемых обязательств договора об осуществлении деятельности в статуте резидента преференциальной зоны; ограничение суммы налоговых льгот, предоставляемых резидентам

ТОР и СПВ, размером, не превышающим суммы фактически осуществленных расходов на капитальные вложения.

Научная значимость выполненного исследования заключается в развитии методологии количественной оценки финансовых результатов в части мер государственной преференциальной поддержки муниципального развития.

Литература

- Борщевский Г.А. (2024). Федеральные и региональные институты развития преференциальных режимов Дальнего Востока // Политическая наука. № 1. С. 127–154. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.05>
- Гафарова Е.А. (2017). Валовой муниципальный продукт как показатель уровня экономического развития муниципальных образований региона (на материалах Республики Башкортостан) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 10. № 4. С. 91–103.
- Гулидов Р.В. (2021). К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // Пространственная экономика. Т. 17. № 4. С. 143–167.
- Зайцева Ю.С. (2007). Городской барометр: система мониторинга социально-экономического развития муниципальных образований. М.: Фонд «Институт экономики города». 106 с.
- Котов А.В. (2020). Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 352–362.
- Котов А.В. (2022). Оценка эффективности преференциальных режимов на муниципальном уровне // Вопросы территориального развития. Т. 10. № 1.
- Кузнецова О.В. (2016). Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. № 4. С. 129–152.
- Кулаковский Е.С. (2019). Индикаторы устойчивого социально-экономического развития в принятии управленческих решений на уровне муниципальных районов (на примере Воронежской области) // Региональные исследования. № 2 (64). С. 25–35.
- Леонов С.Н. (2024). Методологические проблемы формирования и применения интегральных территориальных индексов // Регионалистика. Т. 11. № 1. С. 60–68. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.1.60>
- Леонов С.Н. (2020). Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 28–45. DOI 10.15838/esc.2020.3.69.3
- Леонов С.Н. (2023а). Реакция муниципальных бюджетов на меры государственного регулирования: методика оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 168–185. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.9
- Леонов С.Н. (2023б). Финансовые и структурные аспекты реформы местного самоуправления в России: монография / отв. редактор Н.Н. Михеева. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. 232 с.
- Леонов С.Н., Барабаш Е.С. (2020). Стратегическое управление развитием территории. М.: КНОРУС, 2020. 184 с.
- Минакир П.А. (2017). Дальний Восток и Забайкалье накануне реформы: концепция вхождения в рынок // Пространственная экономика. № 1. С. 17–51. DOI: 10.14530/se.2017.1.017-051
- Минакир П.А. (1990). Концепция долговременного развития Дальнего Востока: препринт научного доклада. Владивосток: ДВО АН СССР. 46 с.
- Минакир П.А. (2022). Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. Т. 18. № 3. С. 7–16.
- Михеева Н.Н., Ананьева Р.И. (2011). Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // Регион: экономика и социология. № 3. С. 39–57.

- Перру Ф. (2007). Экономическое пространство: теория и приложения // *Пространственная экономика*. № 2. С. 77–93.
- Савченко А.Е. (2022). Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 31. № 3. С. 54–74.
- Сида Е., Кан В.К. (2021). Эффективность политики регионального развития на Дальнем Востоке России: финансовая оценка на базе микроданных резидентов ТОР // *Пространственная экономика*. Т. 17. № 1. С. 35–65.
- Тарасова О.В., Солдатенко Е.В. (2024). О некоторых факторах различий в работе государственного сектора по регионам РФ // *Регионалистика*. Т. 11. № 2. С. 41–58. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.41>
- Толмачев В.Д. (2021). Подходы к оценке эффективности территориально-локализованных инструментов региональной политики. Опыт ТОР Хабаровского края // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. № 1 (43). С. 51–60.
- Толмачёв В.Д., Леонов С.Н. (2020). Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток как инструменты реализации региональной политики в Хабаровском крае // *Регионалистика*. Т. 7. № 6. С. 49–65. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020>
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Широков А.Н., Юркова С.Н. (2020). Проблемы развития местного самоуправления на современном этапе: взгляд муниципального сообщества // *Муниципальная академия*. № 4. С. 77–79.
- Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. (2022). Оценка мультипликативного влияния инвестиционных проектов Дальневосточного федерального округа на социально-экономическое развитие территорий // *Экономика региона*. Т. 18. № 2. С. 369–382.
- Fratesi U., Perucca G. (2014). Territorial capital and the effectiveness of cohesion policies: An assessment for CEE regions. *Investigaciones Regionales*, 29, 165–191 (<https://old.aecr.org/images/ImatgesArticles/2014/10/08Fratesi.pdf>) (accessed: May, 2024).
- Fortescue S. (2022). Territories of accelerated development: Another case of policy failure in Russia? *Post-Communist Economies*, 34(2), 246–266. DOI: 10.1080/14631377.2022.2029254
- Hirofumi A. (2019). New instruments attracting investment into the Russian Far East: Preliminary assessment. *Spatial Economics*, 15(1), 157–169.
- Kline P., Moretti E. (2014) Local economic development, agglomeration economies and the big push: 100 years of evidence from the Tennessee valley authority. *The Quarterly Journal of Economics*, 129(1), 275–331. Available at: https://eml.berkeley.edu/~pkline/papers/TVA_web.pdf (accessed: May, 2024).
- Report of the World Observatory on Subnational Government Finance and Investment – Key Findings* (2019). OECD/UCLG. Available at: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf (accessed: May, 2024).

Сведения об авторе

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

Financial Results of the Implementation of Preferential Regimes in Municipalities of the Russian Far East

Abstract. The aim of the work is comparative analysis of the problems and methodological approaches to assessing financial effectiveness of measures implemented in the Far East in the context of regional preferential policy in outstripping development territories (ODTs) and in the Free Port of Vladivostok (FPV). We analyze the experience of organizing preferential regimes in ODTs and FPV, substantiate the reasons for difficulties in assessing the implementation of financial measures of preferential regimes related to the political specifics of the implementation of the latter; difficulties in clustering the objects of analysis

due to a considerable differentiation of Far Eastern municipalities; difficulties related to the assessment horizon; as well as current problems concerning the substantiation of indicators to comprehensively assess the results of stimulating municipal development. We show how local budgets are affected financially by the extension of local preferential regimes to the entire territory of the Far East and the prerequisites for the emergence of a “tax trap” as a result. Using the example of the Khabarovsk Territory, we assess shortfall in local budget revenues caused by a significant increase in tax benefits. We reveal the consequences of a situation when the volume of tax benefits provided is not limited by the volume of investments in projects. We consider measures to dampen the consequences of the “tax trap” for regional budgets in the case of expanding the zone of local preferential regimes to the entire Far East. We propose to allocate tax benefits to a resident in the form of a money grant, provided that the resident fulfills its obligations to increase employment and develop the real sector of the region’s economy, and the total amount of benefits is limited by the amount of investments made by the resident.

Key words: municipal development, state regulation, financial regulation measures, outstripping development territories, Free Port of Vladivostok, implementation of preferential regimes, Russian Far East.

Information about the Author

Sergey N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 23.07.2024.

Сбалансированное развитие региона на основе активации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций

**Анна Станиславовна
АРТАМОНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: artamonova.ast@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7585-2123; ResearcherID: I-6176-2016

**Елена Валерьевна
БАЗУЕВА**

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: bazueva.l@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0945-3597; ResearcherID: E-1233-2017

Аннотация. Эффективность управления региональной экономической системой зависит от многих факторов, в том числе от готовности органов власти привлекать к решению социальных проблем негосударственных субъектов экономической деятельности. В этом аспекте большое значение приобретает функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций. Цель настоящего исследования состоит в разработке на основе использования инструментария системного подхода направлений совершенствования системы управления сбалансированным развитием региона за счет активизации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Работа опирается на результаты зарубежных и отечественных исследований, данные исследований, выполненных по заказу Фонда грантов губернатора Пермского края в период 2020–2022 гг. с использованием качественных социологических методов. Проведен анализ системы управления сбалансированным развитием региональной

Для цитирования: Артамонова А.С., Базуева Е.В. (2024). Сбалансированное развитие региона на основе активации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 6. С. 152–166. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.8

For citation: Artamonova A.S., Bazueva E.V. (2024). Balanced development of the region based on promoting socially oriented non-profit organizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 152–166. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.8

экономической системы на примере Пермского края в аспекте деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. На основании критериев, касающихся способности организаций диверсифицировать бюджет, и широты спектра выполняемых задач выделены условные типы социально ориентированных некоммерческих организаций. Определены направления оптимизации внешней и внутренней среды с целью создания институциональных условий для их развития на системной и долгосрочной основе в регионе. Предложен организационно-экономический механизм управления сбалансированным развитием региона на основе активизации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, определяющийся циклическим характером стимулирования их развития и выбором преобладающих методов управленческого воздействия в зависимости от стадии жизненного цикла организации. Обосновано, что социально ориентированные некоммерческие организации воспринимаются преимущественно в качестве объекта государственной поддержки, что ограничивает возможности использования их потенциала в регионе. Сделан вывод о необходимости изменения подхода к деятельности данных организаций в части формирования восприятия их как активных экономических субъектов, что требует улучшения институциональных условий деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и включения их в систему управления сбалансированным развитием региональной экономической системы.

Ключевые слова: СОНКО, региональная экономическая система, сбалансированное развитие, некоммерческий сектор.

Введение

В настоящее время необходимость обеспечения сбалансированного развития региональных экономических систем находится в фокусе внимания государства¹ и мейнстриме научно-практических исследований (Гончаров, 2015; Ускова, Патракова, 2024). Эффективность управления сбалансированным развитием региона зависит, среди прочего, от готовности органов власти привлекать к решению проблем негосударственных участников – организации частного и некоммерческого (третьего) секторов. Преимущественно это связано со способностью этих организаций обеспечивать автономность, гибкость деятельности и задействовать человеческие ресурсы на волонтерской основе, что в результате повышает степень участия общества в социально-экономических процессах. В социально значимых сферах особенное значение приобретают социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО)

как ключевые представители некоммерческого сектора. Усиление их роли в социально-экономическом развитии регионов во многом объясняется тем, что они эффективнее оказывают социальные услуги населению в силу лучшего понимания локальных проблем, обладают возможностью обеспечить индивидуальный подход и менее бюрократизированную деятельность (Волкова, 2010; Roberts et al., 2021). Опираясь на СОНКО как альтернативных поставщиков общественных благ, государство стремится создать для них благоприятные институциональные условия функционирования, оказывает различные виды поддержки, стимулируя развитие у СОНКО экспертных компетенций для внедрения и расширения спектра инновационных практик. Это позволяет более равномерно распределять имеющиеся ресурсы в разрезе сфер функционирования СОНКО, территории присутствия, охвата целевой аудитории и т. д., тем самым обеспечивает большую сбалансированность региональной экономической системы.

Вместе с тем, несмотря на реальные и потенциальные эффекты деятельности СОНКО, в текущей отечественной практике они воспринимаются преимущественно в качестве объекта поддержки, нежели активного экономического агента, способного оказывать влияние

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р). URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/

на сбалансированность развития региона (Артамонова, Базуева, 2022). Во многом причиной этого являются разнообразные барьеры, препятствующие включению СОНКО в решение социально-экономических проблем на системной и долгосрочной основе (Базуева и др., 2023). В настоящее время спектр используемых управленческих воздействий не учитывает потенциал СОНКО, их способность обеспечивать соответствие между потребностями населения в социально значимых благах и имеющимися в регионе ресурсами и возможность создавать условия для сглаживания диспропорций в формировании и развитии человеческого капитала как главного фактора экономического роста (Pelinescu, 2015; Горячева, 2018). Вышесказанное обусловило цель настоящего исследования, заключающуюся в базирующейся на постулатах системного подхода разработке направлений совершенствования системы управления сбалансированным развитием региональной экономической системы (РЭС) на основе активизации деятельности СОНКО.

Теоретические основы исследования

Регионы являются структурообразующими элементами народнохозяйственного комплекса страны и на современном этапе развития рас-

сматриваются в качестве своеобразной несущей конструкции экономического роста России. В связи с этим создание условий для их сбалансированного развития находится в центре внимания многих ученых и практиков (Гончаров, 2015; Ускова, Копытова, 2017). В настоящее время применяется несколько подходов к управлению региональной экономической системой (табл. 1).

На современном этапе развития региональной экономики одной из ключевых тенденций в научно-практическом поле является усиление внимания к преимуществам применения системного подхода для обеспечения сбалансированного развития РЭС.

С точки зрения концептуальных положений это осуществляется в рамках нескольких подходов. Так, теория стейкхолдеров учитывает широкий спектр разнонаправленных интересов субъектов экономических отношений, обладающих определенными сферами воздействия и источниками влияния, следовательно, позволяет описать механизм включения негосударственных участников в процесс обеспечения сбалансированности развития региона (Сироткина, Зайцев, 2013; Плахин, 2019). На практике к региональным стейкхолдерам относят

Таблица 1. Сравнительный анализ основных подходов к управлению РЭС

Подход	Характеристика	Ограничения
Синерго-кибернетический (Некрасов, 2003; Хошимзода, 2021)	Предполагает автономность и самостоятельность РЭС, отсутствие влияния внешней среды	Труднореализуем на практике в связи с отсутствием фактической автономности территорий
Территориальный (Панасюк, 2005; Ляпина, 2011; Тяпухин, 2021)	Базируется на управлении отдельными территориальными образованиями, что позволяет учесть их особенности	Сложность достижения согласованности между пространственным, временным и целевым характером процессов в территориальных образованиях
Процессный (Fayol, 1949; Евдокимова, 2011; Кочеткова, 2022)	Реализуется через совокупность процессов, происходящих в регионе, что позволяет легче адаптироваться к изменениям и обеспечить достижение запланированных результатов в условиях ресурсной ограниченности	Необходимость учета большого числа разнообразных процессов, низкая эффективность в рамках большой системы
Проектный (Гейзер, 2008; Ускова, Копытова, 2017; Зябликова, 2022)	Учитывает все региональные процессы в рамках единого проекта развития РЭС, что позволяет обеспечить комплексность развития	Сложность практической реализации подхода в долгосрочной перспективе вследствие необходимости обеспечивать взаимосвязанность проектов
Системный (Белов, 2011; Сидоренко, 2018; Срибный др., 2022)	Учитывает взаимосвязанность всех элементов и секторов народного хозяйства федерального, регионального и муниципального уровней. Позволяет обеспечить комплексность и ориентированность на долгосрочную перспективу развития экономики	Последствия неэффективных управленческих решений проявляются на всех уровнях РЭС
Источник: составлено авторами.		

государство, бизнес и население, взаимодействие которых происходит в определенной системе, ориентированной на достижение эффективного функционирования экономики региона за счет использования ресурсов каждого из указанных секторов в процессе управления РЭС (Курганов, Третьякова, 2020) и достижения равновесия всех видов капитала: природного, физического, финансового, человеческого, социального (Третьякова, 2014; Даванков, Яцукова, 2015; Бабкова, Паханов, 2018; Shen et al., 2018).

Другой концепцией, описывающей взаимодействие негосударственных участников и органов власти, является теория непрямого государственного управления (New Governance Theory), возникшая в 1970-х гг. и получившая активное распространение с 1990-х гг. В соответствии с ее положениями для повышения уровня и качества жизни населения необходимо выстраивание эффективного партнерства между органами власти и негосударственными участниками за счет постоянного развития сетевых горизонтальных связей. Основу взаимодействия составляют готовность и способность всех экономических субъектов к обсуждению проблем и поиску оптимальных управленческих решений при активном вовлечении общественности (Salamon, 2001; Keping, 2018). При этом зоны ответственности распределяются следующим образом: за государством закрепляется главная роль в нормативно-правовом регулировании процессов, вклад некоммерческого сектора выражается в лучшем понимании проблем и способности координировать действия других участников, задача частного (коммерческого) сектора заключается в ресурсном обеспечении и применении эффективных управленческих подходов (Shannon, 2003). Такое разделение ответственности позволяет обеспечить системность управления сбалансированным развитием региона.

Исходя из результатов теоретического анализа вклада СОНКО в сбалансированное развитие РЭС посредством их воздействия на экономическую и социальную сферы региональной экономики (Артамонова, Базуева, 2022), с опорой на постулаты системного подхода к управлению данным процессом в рамках настоящего

исследования под сбалансированностью региональной экономической системы следует понимать такое ее состояние, при котором за счет участия всех секторов региональной экономики в производстве и распределении социально значимых благ обеспечивается соответствие между потребностями в них у различных категорий населения и имеющимися в регионе ресурсами и создаются условия для сглаживания существующих диспропорций в возможностях формирования и развития человеческого капитала как основного фактора экономического роста.

Для обеспечения участия всех экономических агентов в управлении РЭС в настоящее время государством используются различные методы. По форме воздействия условно их можно объединить в две группы²: *методы прямого (непосредственного) воздействия* (например, государство участвует в финансировании развития инфраструктуры: создание центров роста, промышленных парков и пр.) и *методы косвенного (опосредованного) воздействия*, например, через финансовую (бюджетно-налоговую) систему и создание институциональных условий, обеспечивающих формирование определенного социально-экономического «климата» в регионах для стимулирования ускоренного развития.

При этом в зависимости от характера реализуемых мер они могут быть систематизированы в несколько групп³ (Батталов, 2022):

— административно-распорядительные (или организационно-распорядительные) методы предполагают прямое воздействие на хозяйствующие субъекты посредством запретов, разрешений и принуждений, выраженных в законах, распоряжениях и т. п.;

— экономические методы включают воздействие через создание благоприятных для хозяйствующих субъектов экономических условий посредством налоговых, бюджетных, кредитно-денежных и прочих инструментов;

² Лисянский А.Б. (2020). Управление экономикой региона: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета. С. 22.

³ Кладова А.А., Неклюдов В.А., Ермоленко М.О. (2019). Управление региональным развитием: организационные и финансовые аспекты: учебное пособие. Ярославль: ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС». 114 с.

– социально-психологические (или информационно-идеологические) методы направлены на выработку и поддержание в обществе определенных ценностных установок, способствующих реализации управленческих функций, обеспечивающих их эффективность за счет готовности населения к восприятию изменений, их одобрению, следованию им.

Как показывает практика, в России на современном этапе к числу наиболее распространенных инструментов управления РЭС относятся целевые программы, налоговое и бюджетное регулирование, стратегическое планирование и др. В аспекте участия негосударственных субъектов экономической деятельности в управлении сбалансированным развитием РЭС можно отметить, что реализация государством с 2010 года мер нормативно-правового регулирования, финансовой (преимущественно в форме грантов) и имущественной поддержки привела к активизации работы СОНКО. Исследователи фиксируют возрастающие значения их включенности в региональные процессы в качестве посредников между гражданами и государством, обусловленное необходимостью получения обратной связи, влияющей на повышение оперативности и ответственности принимаемых решений (Медведева, 2007; Ковальцев, 2017).

В то же время, несмотря на широкий спектр нормативно-правовых документов, регулирующих функционирование основных отраслей экономики регионов, СОНКО не рассматриваются в качестве активных участников развития территорий. Их деятельность зачастую не учитывается в программах стратегического развития регионов и регламентируется отдельными актами, в основном определяющими виды и объемы их государственной поддержки. Это позволяет заключить, что СОНКО не воспринимаются в качестве активных субъектов экономической деятельности, способных влиять на сбалансированное развитие региона.

Материалы и методы

Информационную базу работы составили данные релевантных зарубежных и отечественных исследований, а также результаты опросов, выполненных по заказу Фонда грантов губер-

натора Пермского края в период 2020–2022 гг.⁴, данные фокус-групповых исследований с руководителями СОНКО (8 чел.), с представителями органов муниципальной власти и бизнеса (5 чел.), трех глубинных экспертных интервью (гайд включал блок вопросов, касающихся концепции развития СОНКО как активного субъекта экономики региона)⁵. Как метод анализа данных использован качественный контент-анализ результатов исследований и транскриптов интервью, что позволило идентифицировать проблемы внешней и внутренней среды, фактически формирующие и определяющие условия эффективной деятельности СОНКО, и систематизировать конкретные направления их оптимизации с целью совершенствования системы управления сбалансированным развитием РЭС.

С учетом приведенных положений, касающихся подходов, методов и инструментов управления регионом, представляется важным рассмотреть возможности усиления деятельности СОНКО как активных экономических субъектов, способных оказывать влияние на сбалансированность РЭС. С этой целью проведен контент-анализ нормативно-правовых документов и функций органов государственной власти, регулирующих их деятельность.

В практическом поле основы взаимодействия некоммерческих организаций и органов государственной власти заложены в Конститу-

⁴ Отчет по результатам социологического исследования «Волонтеры в СОНКО Пермского края». Пермь, 2021 (исследование проводилось с помощью онлайн-анкетирования Online Test Pad и интервью; на декабрь 2021 года получено 134 анкеты, проведено 40 полуструктурированных интервью); Отчет по результатам социологического исследования «Информационная открытость СОНКО Пермского края». Пермь, 2021 (выборочная совокупность составила 379 некоммерческих организаций Пермского края (15% от общего числа НКО), формировалась с использованием метода случайного отбора).

⁵ Фокус-группы и экспертные интервью были проведены в рамках разработки проекта Концепции развития СОНКО в Пермском крае по заказу Фонда грантов губернатора Пермского края и поддержке Департамента общественных проектов администрации губернатора Пермского края. Авторы статьи выступили разработчиками указанного документа. Результаты указанных исследований частично опубликованы в (Базуева и др., 2023), в связи с чем фактологические данные не приводятся в настоящей статье.

ции РФ, федеральных законах, законодательстве субъектов РФ, нормативно-правовых актах органов местного самоуправления; особенно сти функционирования НКО конкретизируются положениями Гражданского и Налогового кодексов, а также федеральными законами и законодательными актами регионального и муниципального уровней. Нормативно-правовое регулирование деятельности некоммерческих организаций осуществляется Министерством юстиции РФ. Функции его территориальных подразделений ограничены и сводятся к помощи в заполнении нормативных документов, проведении инструктажа и информированию о нововведениях в законодательстве, совместной работе при предоставлении регулярной отчетности.

Законодательством предусмотрена поддержка некоммерческих организаций органами государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней. Формально в каждом субъекте РФ определен орган исполнительной власти, отвечающий за взаимодействие с некоммерческими организациями и оказание поддержки СОНКО. При этом в каждом регионе эти задачи выполняются разными ведомствами. В их функционал входят общие вопросы работы СОНКО, включая мониторинг их деятельности, ведение реестров СОНКО, сбор и обобщение их предложений, инициатив, а также реализация мер поддержки. Функции по выстраиванию сотрудничества с СОНКО являются лишь небольшой частью общего объема работы органов государственной власти. Зачастую вопросы взаимодействия с СОНКО дополнительно переданы в профильные департаменты – социальной политики, образования или здравоохранения. С одной стороны, это создает возможности для реализации совместных проектов в узкоспециализированных сферах и в случае их успешной реализации является основой долгосрочного сотрудничества. С другой стороны, затрудняет оценку эффективности деятельности СОНКО в регионе, поскольку они распределены по зонам ответственности различных министерств и ведомств. Это осложняет развитие межотраслевого партнерства и обмен практическим опытом между СОНКО, функционирующими в различных отраслях региональной экономики.

Вышеизложенное определило положения авторского подхода к разработке направлений оптимизации системы управления сбалансированным развитием региона на основе активизации деятельности СОНКО. С опорой на имеющуюся информационную базу представляется целесообразным сфокусироваться на анализе действующей системы управления РЭС на примере одного региона – Пермского края. Это обеспечит комплексность и согласованность с результатами предшествующих исследований, посвященных изучению барьеров функционирования СОНКО в качестве активных участников достижения сбалансированности развития РЭС, следовательно, повысит обоснованность предлагаемых направлений оптимизации институциональной среды их функционирования.

Результаты исследования

Начнем с того, что функции по развитию СОНКО входят в полномочия Департамента общественных проектов администрации губернатора Пермского края. Перечень основных задач включает оказание поддержки СОНКО, предусмотренной действующими нормативно-правовыми актами, в том числе посредством Фонда грантов губернатора, а также развитие добровольчества в регионе. Кроме этого, в курировании вопросов взаимодействия граждан и некоммерческих организаций с органами региональной власти участвуют территориальное подразделение Общественной палаты РФ и сеть ресурсных центров НКО, осуществляющих деятельность в крае (табл. 2).

Перечисленные ограничения соотносятся с барьерами, препятствующими более эффективному функционированию СОНКО в регионе и использованию их потенциала для экономики (Базуева и др., 2023). Это проявляется в преобладании в регионе СОНКО с ограниченным спектром реализуемых задач и низким уровнем диверсификации бюджета, что повышает риски возникновения дисбалансов в развитии РЭС. Качественный контент-анализ данных, составляющих информационную базу исследования, позволил условно выделить три типа СОНКО в зависимости от особенностей их целевой аудитории, преобладающих источников финансирования, внутренней организационной структуры, широты спектра выполняемых задач (табл. 3).

Таблица 2. Содержание функций организаций по поддержке и развитию СОНКО в Пермском крае

Организация	Основные функции	Ограничения
Департамент общественных проектов	Закупка товаров, работ и услуг СОНКО на контрактной основе, предоставление льгот по уплате налогов и сборов, информационно-консультационная, финансовая (в т. ч. грантовая) поддержка, передача в безвозмездное пользование муниципального имущества и/или предоставление льготных условий его аренды, обучение профессиональных кадров и добровольцев, предоставление льгот для юридических лиц – жертвователей	Не все формы поддержки проработаны и используются на практике; механизмы учета деятельности СОНКО в программах стратегического развития региона отсутствуют
Общественная палата	Продвижение инициатив СОНКО, оказание информационной, методической и иной поддержки СОНКО	Предложения носят рекомендательный характер, т. к. Общественная палата не является юридическим лицом; финансовая зависимость от органов государственной власти, определяющая возможное влияние на обоснованность принимаемых решений
Ресурсные центры	Предоставление информационно-коммуникационной площадки, изучение и тиражирование успешных практик СОНКО, повышение профессионализма работников СОНКО, повышение уровня доверия общества к СОНКО	Слабая ресурсная база у некоторых центров, краткосрочный характер финансирования проектов СОНКО, конкуренция за ресурсы между центрами
Составлено по: (Мартынова, 2020; Косыгина, 2021); Официальный сайт Общественной палаты Пермского края. URL: https://oprk.permkrai.ru/o-palate/obshchestvennaya-palata-permskogo-kraja- ; Официальный сайт сети ресурсных центров НКО Приволжского федерального округа. URL: https://nko-pfo.ru/o-proekte		

Таблица 3. Типы СОНКО

Тип СОНКО	Источники финансирования	Штат сотрудников	Эффекты
(условно) локальные СОНКО	Собственные средства	Неустойчивый, волонтеры	Распространяются на местном уровне, носят точечный характер, способствуют формированию активной гражданской позиции и сплоченности населения
(условно) проектные СОНКО	Грантовые средства	Неустойчивый, сотрудники могут привлекаться под реализацию проекта	Проявляются в инновационном характере проектов, предлагающих новые способы решения острых проблем или сфокусированных на узкой целевой аудитории; пролонгированность проектов без внешней поддержки затруднена
(условно) крупные СОНКО (как правило, средние и крупные)	Диверсифицированный бюджет: собственные доходы, гранты, пожертвования, в т. ч. от коммерческих предприятий	Постоянный штат высококвалифицированных сотрудников	Деятельность носит долгосрочный характер и сопровождается заметными социальными и экономическими эффектами на территории присутствия
Источник: разработано авторами на основе качественного контент-анализа результатов экспертных опросов в Пермском крае.			

Механизм, обеспечивающий переход организации из одной категории в другую, в Пермском крае не сформирован. В практике управления СОНКО организационная специфика (тип СОНКО, масштаб деятельности, целевая аудитория) также не учитывается, что снижает эффективность реализуемых органами государственной власти мер поддержки, поскольку они, по мнению экспертов, должны отличаться в зависимости от уровня развития организации. Таким образом, направления совершенствования действующих методов и инструментов регулирования деятельности СОНКО, на наш взгляд, видятся в учете как особенностей деятельности СОНКО на каждом этапе развития, так и функций, выполняемых ими в региональной экономической системе.

С учетом вышесказанного представляется, что система управления сбалансированным развитием региона может быть усовершенствована за счет повышения эффективности использования потенциала СОНКО. В организационном аспекте это отражено в составленном концептуальном описании совокупности взаимосвязанных отношений между СОНКО и органами государственной власти (*рисунки*). Авторская модель основывается на актуализированных с учетом авторского подхода принципах:

- *принцип самостоятельности* предполагает максимальное использование внутренних возможностей региона для решения социальных проблем;
- *принцип партнерства* означает согласованность действий органов государственной власти и социально ориентированных некоммерческих организаций в решении проблем региона;
- *принцип системности* подразумевает учет системы факторов, влияющих на выстраивание взаимодействия органов государственной власти и социально ориентированных некоммерческих организаций;
- *принцип адресности* обеспечивает индивидуализацию форм поддержки СОНКО в зависимости от преобладающего типа организации и потребностей в конкретных видах помощи.

Предполагается, что предложенный механизм позволит устранить ряд наиболее серьез-

ных барьеров во взаимодействии СОНКО и других экономических агентов – усилить системность и комплексность их поддержки, что повлечет за собой повышение эффективности их участия в социально-экономических процессах региона.

Механизм предполагает выстраивание прямых и обратных связей между органами государственной власти и региональными СОНКО, а также опирается на циклический и поэтапный характер регулирования деятельности СОНКО для вовлечения их в систему управления сбалансированностью развития РЭС. Совокупность приоритетных методов и инструментов определяется проблемами, преобладающими в деятельности СОНКО в зависимости от типа организации. Напомним, что условно можно выделить барьеры внешней и внутренней среды (Базуева и др., 2023). К первым относятся несовершенная законодательная база и административные сложности, ведущие к низкой эффективности реализуемых программ поддержки (особенно в отношении локальных СОНКО); фокусирование на финансовых инструментах помощи (что ведет к активизации деятельности проектных СОНКО); низкий уровень внутри- и межсекторного партнерства и репутационного капитала СОНКО. Барьеры внутренней среды преимущественно проявляются в недостаточной квалификации сотрудников СОНКО и низком качестве менеджмента, что осложняет выстраивание коммуникации СОНКО с другими субъектами экономической деятельности.

Подчеркнем, что разделение СОНКО на типы довольно условно, поскольку особенности их функционирования специфичны для каждого муниципалитета и зависят от различных факторов, влияющих на развитость межсекторного партнерства (кроме этого, например, проблема несформированности репутационного капитала стоит перед СОНКО любого типа). Тем не менее с учетом экспертных мнений представителей органов власти, бизнеса и руководителей СОНКО представляется возможным систематизировать приоритетные направления оптимизации институциональной среды функционирования для каждого типа СОНКО, а также обозначить общие для сектора в целом (*табл. 4*).

Организационно-экономический механизм управления сбалансированным развитием РЭС на основе активации деятельности СОНКО

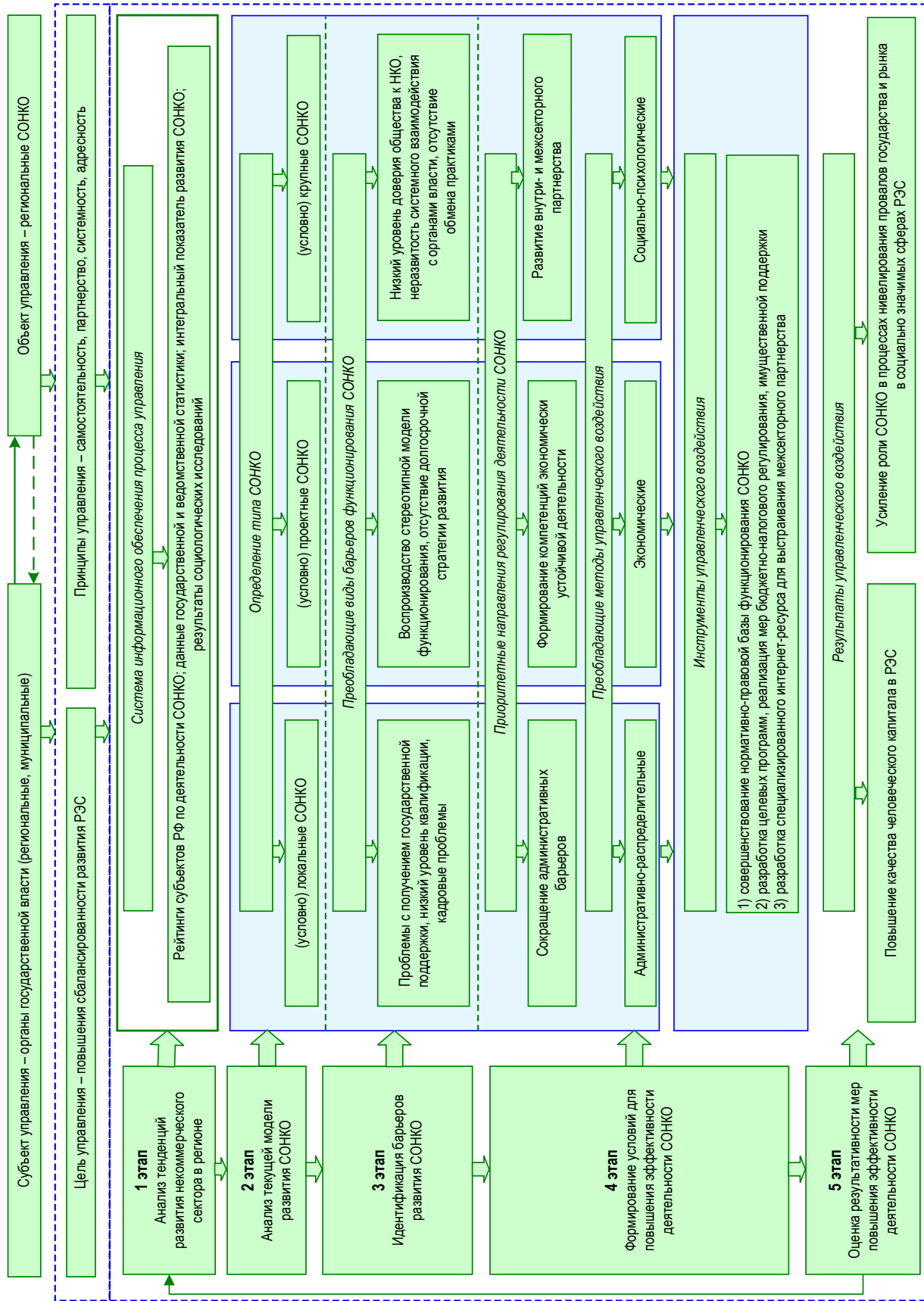

Таблица 4. Направления оптимизации внешней и внутренней среды СОНКО в целях создания условий для их устойчивого развития в регионе

Тип СОНКО	Приоритетные направления	
	Внешняя среда	Внутренняя среда
(условно) локальные СОНКО	Задача – сокращение административных барьеров	
	Унификация программ поддержки СОНКО на региональном и муниципальном уровнях; разработка критериев идентификации уровня зрелости СОНКО и системы необходимых форм поддержки в зависимости от стадии жизненного цикла организации для выстраивания долгосрочных стратегий их развития; обеспечение государственной поддержки стартапов СОНКО, создание НКО-инкубаторов	Осуществление системной поддержки вновь регистрирующихся НКО
(условно) проектные СОНКО	Задача – формирование компетенций экономически устойчивой деятельности	
	Рассмотрение возможности распространения мер поддержки малого и среднего бизнеса на НКО; разработка и внедрение системы банковской и налоговой поддержки СОНКО и их доноров	Повышение профессионализма и эффективности деятельности СОНКО; стимулирование процесса генерирования и диффузии социальных инноваций, в т. ч. в целях обеспечения диверсификации бюджета
(условно) крупные СОНКО	Задача – развитие внутри- и межсекторного партнерства	
	Формирование модели сотрудничества СОНКО и органов исполнительной власти на региональном и муниципальном уровне на системной и долгосрочной основе; повышение значимости контролирующей и экспертной функции СОНКО (общественный контроль); тиражирование лучших практик деятельности СОНКО	Создание условий для формирования и продвижения образа волонтера, усиления значимости его роли для развития СОНКО и региона в целом; создание совместно с органами власти системы обучения представителей исполнительной власти, бизнеса и СМИ по взаимодействию с НКО
Цель – создание условий для развития СОНКО на системной и долгосрочной основе		
Общее для всех типов СОНКО	Осуществление мониторинга деятельности и форм поддержки СОНКО в регионе и муниципальных образованиях по единой системе показателей; оптимизация системы отчетности СОНКО; повышение прозрачности деятельности СОНКО, включая развитие публичной отчетности и организацию регулярного мониторинга эффективности их деятельности; обеспечение информационной открытости реализуемых форм поддержки СОНКО и направлений деятельности ресурсных центров; усиление роли ресурсных центров в регионе для развития системы горизонтальных связей и устранения разрывов в процессе взаимодействия между властью, СОНКО, бизнесом и населением, а также между разными СОНКО; разработка системы продвижения нового образа СОНКО, в т. ч. с помощью усиления взаимодействия со СМИ; внедрение системы многосторонней оценки уровня результативности реализованных проектов: благополучателями, экспертами, представителями некоммерческого сектора, с одной стороны, и самооценки организацией-исполнителем – с другой	Перманентный мониторинг потребностей СОНКО для определения приоритетных форм и инструментов поддержки, в т. ч. с учетом стадии жизненного цикла организации
Источник: составлено авторами.		

Эффективность реализации предлагаемых действий на практике определяется циклическим характером стимулирования развития СОНКО и обоснованным выбором преобладающих методов управленческого воздействия в зависимости от стадии жизненного цикла организации. Инструменты воздействия в первую очередь касаются совершенствования нормативно-правовых основ функционирования, регулирования мер поддержки под потребности конкретных СОНКО. Кроме этого, для обеспечения эффективного внутри- и межсекторного взаимодействия в регионе предлагается создать канал коммуникации, доступ к которому должен быть открыт для каждого типа СОНКО. Наиболее приемлемым форматом видится специализированный интернет-ресурс, структура которого отражает полномочия каждого участника. Представляется, что создание ресурса должно быть осуществлено профильным ведомством региона совместно с местной обще-

ственной палатой, ключевыми региональными операторами финансовой поддержки СОНКО и ресурсными центрами, поскольку эти участники обладают максимальным пониманием ситуации (табл. 5).

Предлагаемый ресурс позволит обеспечить создание институциональных условий для формирования возможностей развития всех типов СОНКО: локальные СОНКО получают доступ к полной информации о деятельности третьего сектора в целом, а также о возможностях, формируемых в регионе для его развития; проектные СОНКО смогут сконцентрироваться на коммерциализации проектов и консультационной поддержке по их реализации в долгосрочном периоде; для средних и крупных СОНКО платформа представляет собой площадку для передачи знаний, умений и опыта начинающим коллегам, распространения результатов своей деятельности, являющихся основой для формирования репутационного капитала СОНКО.

Таблица 5. Ключевые разделы интернет-ресурса для СОНКО

Раздел	Детализация запросов	Формат поддержки	Ответственный за раздел
Юридическая поддержка	Вопросы регистрации, ликвидации, уставной деятельности, налогового законодательства, трудовых отношений и пр.	Методические пособия, онлайн-консультация, ссылка на контакты профильных специалистов	Ресурсные центры
Бухгалтерская поддержка	Вопросы отчетности, помощь в подготовке отчетов и др.	Методические пособия, онлайн-консультация, ссылка на контакты профильных специалистов	Ресурсные центры
Консультирование по участию в конкурсах	Информация о видах конкурсов, помощь в подготовке заявки на грант и т.п.	Методические пособия, ссылка на перечень конкурсов, открытых для подачи заявок	Профильное ведомство, операторы финансовой поддержки, ресурсные центры
Обзор опыта других СОНКО	Вопросы фандрайзинга, способы привлечения и удержания волонтеров, примеры выстраивания работы с бизнесом, обзор практик и реализованных проектов по сферам деятельности и т. д.	Методические пособия, ссылки на ресурсы с описанием практик, на платформы с базой волонтеров, на сайты коммерческих организаций, реализующих проекты корпоративной социальной ответственности	Ресурсные центры, общественная палата
Партнерские программы, реализуемые совместно с бизнес-структурами	Сведения о коммерческих организациях, реализующих программы корпоративной социальной ответственности (КСО), о социальных предприятиях, рекомендации по коммерциализации социальных проектов и пр.	Методические пособия, гайды по развитию коммерческих проектов, ссылки на контактные данные компаний, реализующих партнерские программы в рамках КСО	Профильное ведомство, ресурсные центры
Источник: составлено авторами.			

Ресурс может быть легко масштабирован на все регионы страны, что позволит, с одной стороны, унифицировать систему взаимодействия органов государственной власти и СОНКО, с другой стороны, создаст основы для развития внутрисекторного межрегионального сотрудничества. Условное разграничение функционала всех участников социально-экономических процессов в регионе не только систематизирует работу, касающуюся деятельности СОНКО в качестве экономических агентов, способствующих достижению сбалансированности РЭС, но и позволит вовлечь в общую систему функционирования третьего сектора небольшие СОНКО, тем самым институционализировать локальные гражданские инициативы и масштабировать практики неассоциированного участия.

Реализация предложенного механизма, на наш взгляд, создаст благоприятные условия для эффективной деятельности СОНКО, что приведет к повышению качества человеческого капитала как фактора «второй природы». Результаты исследований показывают, что значение СОНКО в этом аспекте крайне велико, поскольку они адресно влияют на воспроизводство, развитие и реализацию человеческого капитала посредством сокращения неравенства в доступности социально значимых благ, тем самым могут выступать фактором сглаживания провалов рынка и государства, повышения качества жизни населения (Волкова, 2010; Горячева, 2018; Wan, 2013; Roberts et al., 2021). В свою очередь человеческий капитал позволяет в некоторой степени компенсировать недостаточное развитие физического капитала (Капелюшников, 2003; Descy, Tessaring, 2004;

Pelinescu, 2015) и таким образом выступить фактором обеспечения сбалансированности развития РЭС.

Заключение

Проведенное исследование показало, что, несмотря на постепенно возрастающее значение СОНКО в региональной экономической системе, их потенциал не реализуется в полной мере. Из-за нерешенности многих проблем СОНКО воспринимаются преимущественно в качестве объекта государственной поддержки, прежде всего финансовой. На наш взгляд, такая позиция органов власти ограничивает возможности для использования ресурса СОНКО в регионе. Требуется изменение подхода к деятельности данных организаций в части формирования их восприятия как активных экономических субъектов. Для этого необходимы улучшение институциональных условий деятельности СОНКО и включение их в организационно-экономический механизм управления сбалансированным развитием РЭС. С этой целью в рамках настоящего исследования определены конкретные направления оптимизации внешней и внутренней среды СОНКО (в том числе в зависимости от стадии жизненного цикла организации), способные привести к усилению эффектов их деятельности, а также системы управления сбалансированным развитием РЭС на основе активизации их деятельности. Сформулированные предложения опираются на концептуальный анализ теоретических подходов, посвященных вовлечению негосударственных участников в процессы обеспечения сбалансированного развития РЭС, а также практический опыт функционирования СОНКО в регионах.

Литература

- Артамонова А.С., Базуева Е.В. (2022). Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 215–231. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.13>
- Бабкова Э.Г., Паханов А.У. (2018). Рейтинговая оценка сбалансированности развития регионов Центрального федерального округа // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. № 2. С. 19–27.
- Базуева Е.В., Артамонова А.С., Малкова Е.В. (2023). Идентификация барьеров функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций как активного субъекта региональной экономики (на примере Пермского края) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 108–121. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.6>

- Батталов Р.М. (2022). Организационно-управленческий механизм формирования и развития региональных инновационных подсистем // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита: сборник научных статей 14-й Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием. Курск. С. 24–26.
- Белов С.С. (2011). Системный подход в управлении развитием региона // Региональная экономика: теория и практика. № 17. С. 27–30.
- Волкова Г.Г. (2010). Роль и функции некоммерческого сектора в национальной экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 5. С. 16–19.
- Гейзер А.А. (2008). Проектное управление инвестициями в сфере образовательных услуг // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 2. С. 57–61.
- Гончаров А.Ю. (2015). Концепция управления сбалансированным развитием региона // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. № 4. С. 70–74.
- Горячева В.Р. (2018). Теоретические обоснования функционирования некоммерческого сектора // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 1. С. 44–52. URL: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2018-1-44-52>
- Даванков А.Ю., Яцукова Н.Л. (2015). Трехфакторная модель оценки сбалансированности развития региональных подсистем // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 18 (373). № 51. С. 28–38.
- Евдокимова Е.Н. (2011). Эволюция процессного подхода в управлении и перспективы его развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 4 (28).
- Зябликова О.А. (2022). Реализация проектного управления в органах государственной власти // Вестник университета. № 5. С. 13–21.
- Капелюшников Р.А. (2003). Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию // Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ. С. 645–671.
- Ковальцев Г.И. (2017). Управляющее воздействие и обратные связи в деятельности государственных органов власти // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. № 3 (93). С. 104–110.
- Косыгина К.Е. (2021). Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. Т. 25. № 6. С. 67–81. URL: <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.4>
- Кочеткова Т.С. (2022). Эволюция процессного подхода и развитие его методологии на уровне управления региональной экономической системой // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. № 2 (70). С. 29–38.
- Курганов М.А., Третьякова Е.А. (2020). Оценка устойчивого регионального развития с позиции реализации ценностей ключевых стейкхолдеров // Journal of New Economy. № 21 (4). С. 106.
- Ляпина И.Р. (2011). Содержание территориального подхода к управлению регионом // Социально-экономические явления и процессы. № 3-4 (025-026). С. 193–197.
- Мартынова С.А. (2020). Гарантии и ограничения в деятельности члена общественной палаты. Региональный аспект // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратов: Саратовский источник. С. 119–124.
- Медведева Ю.А. (2007). Тенденции и факторы развития обратной связи в современной системе государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. № 12. С. 1–7.
- Некрасов В.И. (2003). Синергетическое управление: теории, исследования, развитие. Ижевск: Изд-во УДГУ. 121 с.
- Панасюк М.В. (2005). Управление регионом: территориальный аспект: монография. Казань: Казанский государственный университет. 161 с.
- Плахин А.Е. (2019). Стейкхолдерско-целевой подход в устойчивом развитии полисубъектных структур // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23 мая 2019 г.). Екатеринбург: УрГЭУ. С. 103–105.
- Сидоренко А.С. (2018). Системный подход в стратегическом управлении региональных социально-экономических систем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. № 8(8А). С. 242–252.

- Сидоренко А.С. (2018). Системный подход в стратегическом управлении региональных социально-экономических систем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 8А. С. 242–252.
- Сироткина Н.В., Зайцев А.А. (2013). Разработка перспектив регионального развития: методы и инструменты: монография. Воронеж: Ин-т менеджмента, маркетинга и финансов. 174 с.
- Срибный Д.В., Джуха В.М., Тугуз Ю.Р. (2022). Сравнительный анализ методических инструментов управления регионом // Учет и статистика. № 3(67). С. 45–54.
- Третьякова Е.А. (2014). Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод // Проблемы прогнозирования. № 4 (145). С. 143–154.
- Тяпухин А.П. (2021). Теоретические аспекты территориального подхода к управлению регионом и цепями поставок // Управленческое консультирование. № 11. С. 40–60. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-11-40-60>
- Ускова Т.В., Копытова Е.Д. (2017). К вопросу о внедрении проектного управления в органах власти // Проблемы развития территории Т. 4. № 90. С. 7–27.
- Ускова Т.В., Патракова С.С. (2024). Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город – село» // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 196–207. URL: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-202-196-207>
- Хошимзода Х.Х. (2021). К вопросу применения синерго-кибернетического подхода в управлении региональным развитием // Вестник ТГУПБП. № 2 (87). С. 75–82.
- Descy P., Tessaring M. (2004). *Evaluation and Impact of Education and Training: The Value of Learning. Third Report on Vocational Training Research in Europe: Synthesis Report*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. Available at: https://www.cedefop.europa.eu/files/4042_en.pdf
- Fayol H. (1949). *General and Industrial Management*. London: Pitman.
- Keiping Y. (2018). Governance and good governance: A new framework for political analysis. *Fudan J. Hum. Soc. Sci.*, 11, 1–8. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40647-017-0197-4>
- Pelinescu E. (2015). The impact of human capital on economic growth. *Procedia Economics and Finance*, 22, 184–190.
- Piekkari R., Nell P.C., Ghauri P.N. (2010). Regional management as a system: A longitudinal case study. *MIR: Management International Review*, 50(4), 513–532.
- Roberts F., Archer F., Spencer C. (2021). The potential role of nonprofit organisations in building community resilience to disasters in the context of Victoria, Australia. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 65, 102530. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2021.102530>
- Salamon L.M. (2001). *The New Governance and the Tools of Public Action: An Introduction*. Available at: https://spia.uga.edu/faculty_pages/tyler.scott/teaching/PADP6950_Spring2017/Readings/Salamon.2002.Ch1.pdf
- Shannon M.A. (2003). Mechanisms for coordination. In: *Cross-Sectoral Policy Impacts between Forestry and Other Sectors. Chapter 5. Food and Agriculture Organization of the United Nations*. Available at: <https://www.fao.org/3/y4653e/y4653e08.htm>
- Shen H., Teng F., Song J. (2018). Evaluation of spatial balance of China's regional development. *Sustainability*, 10(9), 3314. Available at: <https://doi.org/10.3390/su10093314>
- Wan T. (2013). The nonprofit organizations in regional public management. In: *Public Administration in the Time of Regional Change (ICPM 2013)*.

Сведения об авторах

Анна Станиславовна Артамонова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, доцент, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru); ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а)

Статья поступила 07.10.24.

Artamonova A.S., Bazueva E.V.

Balanced Development of the Region Based on Promoting Socially Oriented Non-Profit Organizations

Abstract. The effectiveness of managing the regional economic system depends on many factors, including the willingness of authorities to involve non-governmental economic actors in addressing social issues. In this aspect, the functioning of socially oriented non-profit organizations is of great importance. The aim of our study, using the tools of a systems approach, is to develop directions to improve the system for managing balanced development of the region by promoting socially oriented non-profit organizations. The work is based on the results of foreign and Russian research, and the data from the research commissioned by the Grants Fund of the Governor of the Perm Territory in 2020–2022 using qualitative sociological methods. We analyze the system for managing balanced development of the regional economic system using the example of the Perm Territory, regarding the work of socially oriented non-profit organizations. Based on the criteria related to the ability of organizations to diversify the budget and the range of tasks performed, we identify conditional types of socially oriented non-profit organizations. We determine the directions for optimizing the external and internal environment in order to create institutional conditions for their development on a systems and long-term basis in the region. We propose an organizational and economic mechanism for managing the region's balanced development by promoting socially oriented non-profit organizations; this mechanism is determined by the cyclical nature of stimulating SONPO development and the choice of prevailing methods of managerial influence depending on the stage of the organization's life cycle. We prove that socially oriented non-profit organizations are perceived primarily as an object of state support; this fact limits the possibilities of using their potential in the region. We conclude that it is necessary to find a new approach to these organizations so that they would be perceived as active economic entities, which requires improving the institutional conditions for the activities of socially oriented non-profit organizations and including them in the management system for balanced development of the regional economic system.

Key words: SONPOs, regional economic system, balanced development, non-profit sector.

Information about the Authors

Anna S. Artamonova – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Elena V. Bazuyeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor, Perm State National Research University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: bazueva.l@mail.ru); Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation)

Статья поступила 07.10.24.

Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда

**Елена Сергеевна
УЗЯКОВА**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: mironova_helen@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3773-9725; ResearcherID: T-2048-2017

Аннотация. В статье анализируются принципы и механизмы формирования неформальной занятости, в том числе на региональном уровне, где ускоренное распространение неформального сектора связано в основном с низким уровнем жизни населения и нехваткой рабочих мест, в том числе на предприятиях и в организациях. Недостаток квалификации, который зачастую является ключевым аспектом при формировании дефицита труда на региональных рынках, опосредуется относительно низкими расходами бюджета на человеческий капитал. Гипотеза исследования состояла в предположении, что структурные дисбалансы спроса на труд и его предложения, одним из показателей которых выступает величина неформальной занятости, предопределяют напряженность на рынке труда. Цель работы – теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение взаимосвязи величины неформальной занятости и уровня экономического развития, определение возможностей для снижения напряженности на рынке труда. Статистической базой исследования послужили данные Росстата, задачи решались с помощью методов микро-математического анализа. Результаты, полученные на основе анализа используемых статистических рядов, подтвердили исследовательскую гипотезу. В заключение рассматривается возможность структурно-технологического маневра в отраслях экономики как важного фактора преодоления напряженности на рынке труда. В частности, за счет трудосберегающего характера такого маневра представляется возможным существенно увеличить производительность труда как минимум на 15-ти миллионах рабочих мест. Приоритетными отраслевыми направлениями модернизации рабочих мест на ближайшие годы могут стать строительство и торговля. Резуль-

Для цитирования: Узякова Е.С. (2024). Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 167–183. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.9

For citation: Uzyakova E.S. (2024). Informal employment and structural imbalances in the labor market. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 167–183. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.9

таты расчетов рассматриваются как предварительная оценка возможностей роста производительности труда на макроуровне, предполагающая разработку специальных отраслевых и региональных программ повышения производительности труда, в чем и заключается практическое значение полученных результатов.

Ключевые слова: неформальная занятость, скрытая занятость, производительность труда, доходы населения, оплата труда, квалификация, региональные рынки труда, напряженность на рынке труда, структурно-технологический маневр.

Введение

В условиях усиления дефицита труда и рекордно низких показателей безработицы чрезвычайно важным становится обоснование возможностей роста экономики, а также факторов, способных компенсировать напряженность на рынке труда России. По нашим оценкам, более половины занятого населения относится к занятым с высоким потенциалом роста производительности труда¹ (Узякова, Широ́в, 2024). При этом наибольший потенциал роста производительности труда сосредоточен в сфере неформальной (скрытой) экономики, численность занятых в которой составляет до 30% от общего количества занятых, а производительность труда на 20–25% ниже, чем в корпоративном секторе (Узякова, 2022). В данном случае высокая априорная оценка потенциала роста производительности труда обусловлена, главным образом, низким исходным уровнем производительности труда в этой сфере, а также допущением о постепенном выравнивании уровня производительности труда в различных секторах экономики.

Уровень и динамика неформальной занятости зависят от роста экономики, от количества рабочих мест в корпоративном секторе, от величины заработной платы на предприятиях и в организациях, от государственной политики по легализации теневой экономики и др.² (В тени регулирования ..., 2014; Некипелова, 2019; Тумунбаярова, Анциферова, 2018; Salin, Narbut, 2017). Не всегда неформальная заня-

тость является фактором, ухудшающим пропорции на рынке труда (Chen, Xu, 2017). Зачастую теневой сектор – единственный способ получить работу для работников невысокой квалификации, особенно в регионах с низким уровнем жизни (Тумунбаярова, Анциферова, 2018; Куницына, Джиев, 2023; Salin, Narbut, 2017). Однако эта адаптационная функция рынка труда говорит о том, что настройки всей экономической системы не идеальны (Gërkhani, 2004): отсутствие качественных (высокопроизводительных) рабочих мест в корпоративном секторе вкупе с низкими темпами роста экономики приводит к замедлению роста доходов населения и государства. И даже введение специального налогового режима для самозанятых, предусматривающего «обеление» части скрытой занятости, не гарантирует роста доходов населения (по нашим расчетам, заработные платы в неформальном секторе экономики на 30% ниже, чем в корпоративном), хотя и обеспечивает некоторое увеличение доходов государства.

Повышение заработной платы в России актуально не только для работников неформального сектора. Есть отрасли и целые регионы, где заработные платы значительно ниже среднероссийского уровня. Как правило, в таких регионах высока и норма безработицы. В частности некоторые исследования (Тумунбаярова, Анциферова, 2018; Куницына, Джиев, 2023; Salin, Narbut, 2017) выявляют увеличение уровня неформальной занятости при росте уровня безработицы. В таком случае неформальная занятость выступает как амортизирующий социальную напряженность механизм в условиях отсутствия рабочих мест на предприятиях. Следовательно, при росте числа рабочих мест в корпоративном секторе и снижении безработицы можно ожидать сокращения занято-

¹ Это, в частности, работники, занятые неполное рабочее время, низкоквалифицированная рабочая сила, а также занятые на рабочих местах с высоким потенциалом автоматизации, неформальная занятость.

² International Labour Office (2002): Decent Work and the Informal Economy; Report of the Director-General; International Labour Conference, 90th Session; Report VI; International Labour Office, Geneva.

сти в неформальном секторе. В международных сравнениях также прослеживается подобная тенденция³ (Coto, 1995; Некипелова, 2019; Hart, 1973; Voicu, 2012), при этом масштабы неформальной занятости могут значительно различаться по странам и по регионам разных стран (Chen, Xu, 2017).

Значительное место среди факторов, влияющих на уровень и динамику неформальной занятости, отводится государственной политике в сфере налогообложения, социальной сфере и других экономических вопросах, в том числе в сфере миграционной политики (Куницына, Джиев, 2023; Sim et al., 2011).

В ряде публикаций⁴ (Гимпельсон, Капелюшников, 2012; Некипелова, 2019) выдвигается гипотеза о том, что масштаб распространения неформальной занятости связан с недостатком качественных рабочих мест в формальном секторе (особенно на уровне регионов), в том числе вследствие институциональных препятствий для развития малого и среднего бизнеса (Gërghani, 2004). Преобладание в структуре неформальной занятости доли занятых по найму у физических лиц (62% в 2023 году) подтверждает эту гипотезу. Снижение доли работающих не по найму (самозанятых) свидетельствует об ухудшении структуры российского рынка труда, поскольку заработки занятых по найму неформально значительно ниже заработков занятых по найму в организациях, тогда как заработки неформальных самозанятых – выше соответствующих показателей в организованной сфере (Гимпельсон, Капелюшников, 2012).

В своем исследовании мы предполагаем, что уровень неформальной занятости, в том числе в регионах России, непосредственно зависит от характера экономического развития, определяющего, с одной стороны, динамику ввода качественных рабочих мест (спрос на труд), а с другой – рост доходов населения и государства, создающий предпосылки для повышения качества человеческого капитала (предложение труда). Структурные дисбалансы спроса на труд

и его предложения, в свою очередь, становятся важными факторами, определяющими величину напряженности на региональных рынках труда.

Цель работы – обоснование взаимосвязи величины неформальной занятости как одного из показателей масштаба структурных дисбалансов и уровня экономического развития, формулировка предложений по снижению напряженности на рынке труда. Исходя из поставленной цели задачи исследования состояли в оценке ретроспективной динамики неформальной занятости в России по категориям; в исследовании взаимосвязи неформальной занятости с уровнем регионального экономического развития и доходами населения; а также в оценке возможностей устранения отраслевых структурно-технологических дисбалансов для снижения напряженности на российском рынке труда.

Методологические особенности формирования рядов неформальной занятости

Для целей настоящего исследования будем считать занятостью в неформальном секторе категории, методологически сформулированные Росстатом⁵. Однако для определения суммарного количества неформально занятых, к которым также относятся занятые на неформальных рабочих местах в формальном секторе, балансовым методом оценим величину скрытой (неформальной) занятости в организациях.

Описание расчета сводится к следующему: если из суммарного количества занятых на предприятиях и в организациях (данные обследований рабочей силы, (ОРС)) выделить

⁵ К занятым в неформальном секторе экономики в методологии Росстата (Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата № 707 от 29.12.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr707-29122023.pdf>) относится занятое население в возрасте 15 лет и старше, по месту основной работы:

- 1) в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица,
- 2) по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве,
- 3) в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

При этом к занятым в формальном секторе относятся занятые на предприятиях и в организациях со статусом юридического лица.

³ International Labour Office (2002): Decent Work and the Informal Economy; Report of the Director-General; International Labour Conference, 90th Session; Report VI; International Labour Office, Geneva.

⁴ Там же.

категории, не входящие в статистику предприятий (военнослужащие, лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет, корректировка на неполную занятость⁶), то исходя из общего баланса разницей можно получить оценки скрытой занятости в корпоративном секторе. С учетом данных форм П4, а также статистики Росстата (ОПС) уровень и динамика неформальной занятости (по методологии Росстата и с учетом скрытой занятости соответственно на предприятиях) представлены в *таблице 1* и на *рисунке 1*.

В 2023 году доля занятых в неформальном секторе (в методологии Росстата) составляла 17,3% от суммарной величины занятых, однако с учетом скрытой занятости на предприятиях и в организациях она увеличилась до 30,6%.

Согласно рисунку 1, занятость в неформальном секторе в методологии Росстата в последние годы сокращается, тогда как величина скрытой занятости на предприятиях и в организациях, наоборот, увеличивается. Это приводит к росту суммарной величины неформальной занятости. Действительно, если иметь в

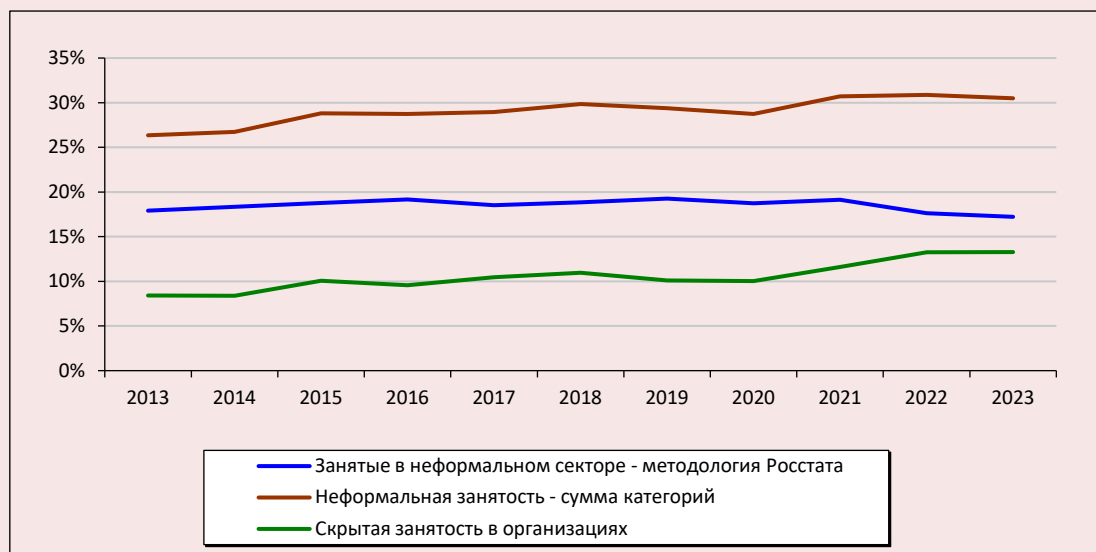
виду, что дефицит труда, сформировавшийся на рынке, связан с нехваткой работников как раз на предприятиях и в организациях (свидетельством чему является значительный рост реальной оплаты труда работников организаций – на 7,8% в 2023 году, а также то, что почти весь прирост суммарной величины занятых в 2023 году приходился на рост занятых в корпоративном секторе), то сокращение занятости в неформальном секторе (в наибольшей степени – в собственном домашнем хозяйстве, на 122 тыс. чел.) предоставляет переток занятых из неформального в формальный сектор экономики под влиянием расширения количества рабочих мест, увеличения сменности или заработной платы. Однако, судя по тому, что одновременно возросла скрытая занятость в организациях, можно предположить, что весь этот переток так и остался в теневом секторе. И даже более того, согласно оценкам, скрытая занятость в организациях за последний год возросла на 210 тыс. человек, тогда как занятость в неформальном секторе снизилась всего лишь на 24 тыс. человек.

Таблица 1. Баланс оценок ОПС и статистики предприятий (форма п4), млн чел.

Показатель	2015	2020	2021	2022	2023
Всего (данные ОПС)	72,3	70,6	71,7	72,0	73,5
На предприятии, в организации со статусом юридического лица (ОПС), в том числе:	58,8	57,4	58,0	59,4	60,9
Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций (статистика предприятий, форма п4)	44,4	43,3	43,1	42,9	44,1
Работники в организациях, входящие в статистику ОПС, но не входящие в среднесписочную численность (военнослужащие, лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до 1,5 лет, неполная занятость)	7,1	7,0	6,6	6,9	7,0
Скрытая занятость в организациях (баланс оценок ОПС и статистики предприятий), расчет	7,3	7,1	8,3	9,5	9,8
Занятые в неформальном секторе, методология Росстата (ОПС), в том числе:	13,6	13,2	13,7	12,7	12,7
в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	3,4	3,6	3,7	3,9	4,1
по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей, в фермерском хозяйстве	8,5	8,7	9,1	7,8	7,7
в собственном домашнем хозяйстве	1,7	1,0	0,9	0,9	0,8
Источники: Итоги выборочного обследования рабочей силы, за ряд лет. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265 ; расчеты автора.					

⁶ Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата № 707 от 29.12.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr707-29122023.pdf>; Об утверждении Методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда: Приказ Росстата № 647 от 29.09.2017. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr647-17.pdf>

Рис. 1. Доля различных видов неформальной занятости в суммарной величине, % от суммарной величины

Источники: Итоги выборочного обследования рабочей силы, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>; расчеты автора.

Наши расчеты показывают, что, если бы заработная плата неформально занятых увеличилась до уровня работников организаций, фонд оплаты труда вырос бы на 9,8 трлн рублей (до уплаты НДФЛ, расчеты для 2023 г.). Основной вопрос состоит в том, как и за счет каких структурных, технологических и институциональных изменений в экономике можно обеспечить существенное увеличение производительности труда и заработной платы неформальных работников?

Региональный разрез

Обоснование взаимосвязи величины занятости в неформальном секторе и уровня регионального экономического развития предлагаем провести на основе статистики Росстата. Согласно данным *таблицы 2*, в регионах с меньшим уровнем доходов на душу населения и с меньшим уровнем душевого ВРП наблюдается большая величина неформально занятых. То есть между показателями неформальной занятости и уровнем экономического развития региона существует обратная зависимость.

Более высокий уровень развития региона предполагает высокую экономическую и производственную активность (г. Москва,

г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО, Мурманская область и др.), следовательно, более широкие возможности для создания и воспроизводства системы рабочих мест и человеческого капитала сопоставимого качества. В этих условиях дисбалансы спроса на труд и его предложения минимальны. В регионах же с низким уровнем экономического развития, к примеру там, где душевой ВРП не превышает 45% от среднероссийского уровня (регионы Северо-Кавказского ФО, республики Тыва, Бурятия и др.), таких возможностей значительно меньше: отсутствие или недостаток крупных производств (корпоративного сектора) обуславливает расширение форм нетрадиционных трудовых отношений.

Фактически, таким образом закрепляется модель экономических отношений, в которой низкие доходы экономики становятся причиной и следствием невысокого качества (производительности) рабочих мест.

Следовательно, условия для повышения доходов неформально занятых зависят от государственной политики по расширению производственных мощностей, содействия развитию корпоративного сектора и создания рабочих

Таблица 2. Занятые в неформальном секторе и относительный уровень среднедушевых денежных доходов и ВРП на душу населения по регионам РФ

Регион	Занятые в неформальном секторе, % к общей численности занятого населения, 2023 г.	Среднедушевые денежные доходы населения (отношение к среднероссийскому уровню), %, 2022 г.	ВРП на душу населения (отношение к среднероссийскому уровню), %, 2022 г.
Регионы с наибольшими размерами неформальной занятости (более 30%)			
Республика Дагестан	44,1	74	31
Республика Ингушетия	54,4	46	18
Кабардино-Балкарская Республика	44,5	67	28
Карачаево-Черкесская Республика	43,0	50	28
Республика Северная Осетия – Алания	39,7	65	35
Чеченская Республика	41,7	68	21
Ставропольский край	34,2	61	44
Республика Алтай	37,2	62	39
Республика Тыва	32,2	51	32
Республика Бурятия	31,2	73	42
Регионы с наименьшими размерами неформальной занятости (менее 10%)			
г. Москва	4,9	212	233
Ненецкий авт. округ	5,4	232	1101
Мурманская область	7,3	139	179
г. Санкт-Петербург	6,2	141	211
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	9,0	141	401
Чукотский авт. округ	2,7	255	329
Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, за ряд лет. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 ; Итоги выборочного обследования рабочей силы, 2023 г. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265 ; расчеты автора.			

мест с высоким уровнем заработных плат, особенно в регионах с низким уровнем жизни, а также от мер поддержки социально незащищенных групп работников и контроля над соблюдением трудового законодательства.

Региональное распределение неформальной занятости представляет особый интерес, поскольку является прямым следствием региональных различий в распределении заработных плат (доходов населения). Анализ пространственного распределения доходов населения может быть полезным с точки зрения оценки перспектив развития региональных рынков труда и возможностей роста численности занятого населения на региональном уровне. Ранжирование субъектов страны по величине неформальной занятости показывает, что количество бедных регионов в стране велико, причем бедных именно с точки зрения доходов на-

селения. Если к бедным регионам отнести те, где величина среднедушевых доходов ниже 70% от среднероссийского уровня, а к богатым – соответственно выше 120%, получим следующие результаты (табл. 3).

Представленное ранжирование регионов достаточно условно: такая разбивка была выбрана с целью визуального упрощения аналитической таблицы. Следует сказать, однако, что существует большое количество регионов, достаточно бедных с точки зрения доходов населения, которые находятся на границе с уровнем в 70% от величины среднедушевых доходов по стране в целом. К таким регионам можно отнести Владимирскую область (72%), Рязанскую область (74%), Новгородскую область (75%), Псковскую область (74%), Республику Дагестан (74%), Республику Удмуртию (71%), Кировскую область (72%), Челябинскую

область (74%), Кемеровскую область (73%), Республику Бурятию (73%). В целом по России всего лишь в 19 регионах уровень среднедушевых доходов равен или превышает средний по стране, остальные регионы являются отстающими в развитии и имеют определенные риски реализации своего, в том числе социального, потенциала.

Таблица 3. Относительный уровень среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций по регионам РФ, % к среднероссийскому уровню

	Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, 2022 г.	Скорректированная на разницу в уровне цен, 2022 г.	Занятые в неформальном секторе, % к общей численности, 2023 г.	Уровень безработицы, %
Наиболее бедные регионы (менее 70% от среднероссийского уровня среднедушевых доходов населения)				
Республика Калмыкия	56	60	26,7	8,1
Республика Крым	64	66	28,0	5,0
Астраханская область	73	79	22,1	7,0
Волгоградская область	68	75	23,2	3,5
Республика Ингушетия	50	56	54,4	28,5
Кабардино-Балкарская Республика	54	57	44,5	10,0
Карачаево-Черкесская Республика	54	59	43,0	9,8
Республика Северная Осетия – Алания	56	64	39,7	11,9
Чеченская Республика	52	55	41,7	11,0
Ставропольский край	63	65	34,2	4,3
Республика Марий Эл	62	70	16,7	3,6
Республика Мордовия	61	70	17,5	3,6
Чувашская Республика	64	72	20,1	3,2
Оренбургская область	67	77	24,0	3,5
Пензенская область	63	72	27,1	3,7
Курганская область	64	71	21,0	6,5
Республика Алтай	67	65	37,2	9,8
Республика Тыва	79	88	32,2	9,5
Республика Хакасия	83	85	24,9	3,3
Алтайский край	60	62	24,0	3,7
Наиболее богатые регионы (более 120% от среднероссийских среднедушевых доходов)				
Московская область	108	97	11,6	3,1
г. Москва	192	136	4,9	2,2
Ненецкий авт. округ	164	134	5,4	7,4
Мурманская область	134	114	7,3	4,8
г. Санкт-Петербург	133	119	6,2	1,8
Тюменская область	145	138	13,0	2,7
Ханты-Мансийский авт. Округ – Югра	149	135	9,0	2,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	201	169	12,2	1,7
Республика Саха (Якутия)	148	117	18,8	6,5
Камчатский край	158	108	13,8	2,9
Магаданская область	186	134	16,1	4,1
Сахалинская область	157	129	19,7	4,2
Чукотский авт. Округ	215	129	2,7	1,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; расчеты автора.

Как следует из таблицы 3, в регионах с низким уровнем среднедушевых доходов наблюдается также низкий размер начисленной заработной платы работников организаций, даже с учетом корректировки на региональный уровень цен. Здесь неформальный сектор (и возможность дополнительного заработка) становится важным фактором формирования дополнительных доходов населения.

Неформальная занятость высока и в некоторых «богатых» регионах, таких как Тюменская область, Якутия, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области. Такая ситуация может быть связана с отсутствием рабочих мест на уже существующих предприятиях и в организациях, а также со структурным дисбалансом спроса и предложения на рынке труда (Коровкин и др., 2010; Коровкин и др., 2016).

Кроме того, в некоторых регионах с высоким уровнем неформальной занятости высока норма безработицы, следовательно, здесь имеется большой потенциал расширения производственной деятельности и роста числа занятых за счет как сжатия неформального сектора, так и снижения безработицы. Имеется потенциал расширения производства и на соседних с ними территориях, с учетом возможной миграции населения в регионы, генерирующие доходы.

Здесь уместно обсудить вопрос качества рассматриваемых трудовых ресурсов. Возможно, уровень образования и квалификации этой рабочей силы таков, что она не может претендовать на более производительные, а следовательно, высокооплачиваемые рабочие места. Действительно, как правило, уровень образования и качества человеческого капитала снижается вместе со снижением доходов населения, соответственно, и возможностей для получения качественных услуг образования, здравоохранения (Solow, 1956; Суворов и др., 2014). Именно качество человеческого капитала зачастую становится основной причиной, по которой производства вынуждены привлекать квалифицированную рабочую силу из других, более отдаленных регионов.

Рассмотрим показатели расходов домашних хозяйств и государства на образование и здравоохранение, традиционно представляющие собой сферы, формирующие человеческий капитал (*табл. 4*).

Обращает на себя внимание значительное сокращение с 2010 года расходов на здравоохранение в структуре исполнения бюджета во всех рассмотренных регионах, однако в наибольшей степени — в регионах с низким уровнем жизни. В целом расходы бюджета на человеческий капитал сокращаются за период 2010–2022 гг. И это является существенной проблемой современного российского общества: государство не демонстрирует достаточного интереса к формированию качественного человеческого капитала (Михеева, 2021) и тем более — к обслуживанию его работоспособности (во всех регионах доля трат на здравоохранение значительно ниже, чем на образование). Если обратиться, например, к статистике по развитым странам, то в них расходы на здравоохранение существенно выше трат на образование (суммарно капитальных и общих текущих, из всех источников): в США — на 10,3 п. п. ВВП, в Германии — на 6,9 п. п., в Японии — на 6,6 п. п., в Канаде — на 5,2 п. п.⁷

Траты населения на здравоохранение за период 2010–2022 гг. несколько снизились. Следует сказать, что расходы населения на образование и здравоохранение в структуре расходов не имеют серьезных различий в зависимости от уровня жизни населения. Население более бедных регионов тратит на образование даже немного больше в структуре своих расходов, чем население в регионах с высоким уровнем жизни.

Государственные расходы формируют не только образ региона, образ будущего его развития, они должны создавать благоприятный экономический и социальный фон, в котором будут формироваться привлекательный инвестиционный образ региона, уверенность коренного населения в завтрашнем дне, стабильной работе и заработной плате. Для этого нужна поддержка не только социальных программ,

⁷ Данные ОЭСР. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_EAG_UOE_FIN%40DF_UOE_INDIC_FIN_GDP&df\[ag\]=OECD.EDU.IMEP&df\[vs\]=1.0&dq=..ISCED11_1T8.._T%2BS13%2BS1D_NON_EDU%2BS2.INST_EDU...&pd=2015%2C2020&to\[TIME_PERIOD\]=true&vw=tb](https://data-explorer.oecd.org/vis?df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_EAG_UOE_FIN%40DF_UOE_INDIC_FIN_GDP&df[ag]=OECD.EDU.IMEP&df[vs]=1.0&dq=..ISCED11_1T8.._T%2BS13%2BS1D_NON_EDU%2BS2.INST_EDU...&pd=2015%2C2020&to[TIME_PERIOD]=true&vw=tb), [https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&fs\[0\]=Topic%2C1%20Health%23HEA%23%20Health%20expenditure%20and%20financing%23HEA_EXP%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=4&vw=tb&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_SHA%40DF_SHA&df\[ag\]=OECD.ELS.HD&df\[vs\]=1.0](https://data-explorer.oecd.org/vis?lc=en&fs[0]=Topic%2C1%20Health%23HEA%23%20Health%20expenditure%20and%20financing%23HEA_EXP%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=4&vw=tb&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_SHA%40DF_SHA&df[ag]=OECD.ELS.HD&df[vs]=1.0)

Таблица 4. Расходы на образование и здравоохранение в структуре потребительского и консолидированных бюджетов субъектов РФ, 2022 г.

Регион	Расходы домашних хозяйств на образование		Расходы домашних хозяйств на здравоохранение		Расходы консолидированного бюджета субъекта на образование		Расходы консолидированного бюджета субъекта на здравоохранение	
	% от итога	п. п. 2010–2022 гг.	% от итога	п. п. 2010–2022 гг.	% от итога	п. п. 2010–2022 гг.	% от итога	п. п. 2010–2022 гг.
Наиболее бедные регионы (менее 70% от среднероссийского уровня среднедушевых доходов населения)								
Республика Калмыкия	3,5	1,0	1,9	0,7	32,5	7,9	6,8	-6,0
Республика Крым	4,7	4,7	1,7	1,7	16,7	-8,6*	7,8	-9,6*
Астраханская область	3,5	0,7	1,4	0,0	22,8	0,8	9,1	-7,2
Волгоградская область	4,7	0,8	1,3	-0,2	22,1	-2,1	10,5	-2,4
Республика Ингушетия	1,5	1,0	0,0	-2,1	42,4	23,6	4,5	-4,6
Кабардино-Балкарская Республика	2,5	-0,3	0,4	-1,0	26,5	2,2	9,2	-1,4
Карачаево-Черкесская Республика	5,6	2,7	1,3	-0,1	23,9	3,7	4,8	-3,8
Республика Северная Осетия – Алания	3,9	0,0	1,8	1,0	26,1	2,6	6,9	-3,4
Чеченская Республика	3,0	2,2	1,0	1,0	33,1	15,2	3,9	-8,8
Ставропольский край	4,6	0,3	1,6	0,2	27,9	2,6	8,4	-1,6
Республика Марий Эл	4,7	2,2	1,3	0,0	24,0	0,6	6,7	-4,6
Республика Мордовия	5,3	2,4	1,1	-0,4	21,6	8,1	7,2	-7,9
Чувашская Республика	3,5	-0,2	1,5	-1,1	28,4	5,4	7,2	-3,7
Оренбургская область	4,1	1,3	0,9	0,0	27,0	3,4	8,5	-5,7
Пензенская область	5,0	0,9	1,3	0,4	27,4	5,6	10,0	-0,7
Курганская область	4,1	1,3	1,1	-0,3	33,0	7,5	6,9	-4,6
Республика Алтай	4,1	1,2	1,7	0,3	30,7	6,5	5,0	-4,8
Республика Тыва	2,2	0,3	1,8	-1,2	37,1	10,0	5,4	-6,5
Республика Хакасия	4,5	1,0	1,1	0,0	30,8	-1,9	8,9	-1,3
Алтайский край	5,3	2,2	1,0	-0,5	28,8	1,0	8,3	-3,9
Наиболее богатые регионы (более 120% от среднероссийских среднедушевых доходов)								
Московская область	3,9	1,1	2,2	0,9	25,2	3,1	12,4	-1,7
г. Москва	2,7	0,3	1,7	0,6	12,7	-5,4	11,9	1,6
Ненецкий авт. округ	2,2	-0,9	1,6	0,1	19,6	-9,6	7,4	-0,7
Мурманская область	4,8	1,9	1,1	-0,1	26,3	-1,8	9,2	-1,2
г. Санкт-Петербург	3,5	0,6	0,8	-0,1	21,9	3,9	12,7	-4,6
Тюменская область	3,3	1,2	1,8	0,6	18,7	6,3	13,9	3,5
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	3,0	1,0	2,5	1,8	28,4	2,5	15,7	-4,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	4,5	2,9	1,7	0,5	22,5	-0,3	12,3	1,0
Республика Саха (Якутия)	4,9	2,7	1,2	-1,4	27,7	-0,2	5,6	-4,3
Камчатский край	2,4	-0,3	1,2	0,5	20,9	-1,3	8,1	-1,5
Магаданская область	2,9	0,5	1,7	1,0	24,9	4,9	12,0	-5,7
Сахалинская область	4,1	1,0	1,9	1,0	17,7	-1,1	11,1	-3,9
Чукотский авт. округ	2,6	1,8	0,6	0,4	15,8	-3,7	6,6	2,8
*2015–2022 гг. Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, за ряд лет. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 ; расчеты автора.								

но и программ по привлечению инвестиций, развитию транспортной и строительной инфраструктуры. С одной стороны, в регионах с низкой заработной платой выгодно создавать новые мощности и строить производства – издержки на труд будут относительно невысокими. Другое дело, что в таких регионах может не быть основных факторов, способствующих промышленному развитию, а именно – транспортной и логистической инфраструктуры,

строительных производств, рабочей силы нужной квалификации.

Масштаб несоответствия спроса и предложения труда на региональных рынках можно оценить с использованием коэффициента напряженности⁸, который рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных к среднегодовому числу вакансий, заявленных работодателями в органы службы занятости населения⁹ (табл. 5).

Таблица 5. Коэффициенты напряженности на региональных рынках труда, 2022 г.

Регион	Численность безработного населения, тыс. чел.	Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения, тыс. чел.	Коэффициент напряженности, раз	Место в РФ
Регионы с наибольшим коэффициентом напряженности				
Ненецкий автономный округ	1,8	0,5	3,36	76
Республика Калмыкия	10,9	1,6	6,84	78
Астраханская область	35,7	10,0	3,57	75
г. Севастополь	10,3	2,9	3,59	72
Республика Дагестан	173,5	1,4	120,40	84
Республика Ингушетия	79,3	0,3	250,16	85
Кабардино-Балкарская Республика	44,7	3,2	14,13	80
Карачаево-Черкесская Республика	21,4	2,6	8,28	79
Республика Северная Осетия – Алания	38,0	1,1	35,41	82
Чеченская Республика	72,0	1,9	37,04	83
Республика Алтай	9,3	0,6	15,55	77
Республика Тыва	12,3	1,4	8,89	81
Томская область	27,6	9,0	3,08	70
Республика Саха (Якутия)	32,5	10,6	3,06	71
Забайкальский край	44,5	10,9	4,09	74
Регионы с наименьшим коэффициентом напряженности				
Тульская область	28,2	29,1	0,97	13
Ленинградская область	34,9	43,6	0,80	8
Мурманская область	18,8	23,1	0,82	7
Тюменская область	52,4	53,9	0,97	17
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	18,5	19,8	0,93	10
Ямало-Ненецкий автономный округ	5,3	13,0	0,41	1
Красноярский край	38,3	52,7	0,73	5
Приморский край	33,5	46,9	0,71	6
Хабаровский край	18,4	22,6	0,81	9
Амурская область	16,8	36,6	0,46	2
Еврейская автономная область	4,0	8,0	0,50	3
Чукотский автономный округ	0,6	1,0	0,59	4

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; расчеты автора.

⁸ Не путать с «напряженностью на рынке труда» – понятием, которое рассматриваем как напряженную ситуацию на рынке, связанную с увеличением дефицита труда. Оба термина имеют отношение к напряженности на рынке труда (рассогласованности спроса и предложения трудовых ресурсов), несмотря на то, что концептуально это противоположные по смыслу понятия (одно характеризует избыток труда, другое – дефицит).

⁹ Расчет производился по данным Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Высокое значение коэффициента напряженности свидетельствует о значительном превышении числа безработных над количеством заявленных вакансий, что говорит об отсутствии в регионе производств, абсорбирующих рабочую силу, а также о недостатке рабочей силы необходимой квалификации. Как правило, высокое значение коэффициента наблюдается в регионах с низким уровнем жизни и существенной величиной неформальной занятости.

Низкое значение коэффициента, наоборот, говорит о недостатке рабочей силы, в этом случае количество заявленных вакансий сильно превышает количество безработных. В таких регионах просто не хватает рабочих рук, а масштаб рассогласованности между спросом и предложением труда свидетельствует о недостатке рабочей силы необходимой квалификации. Как правило, это отдаленные регионы с неблагоприятным климатом. Несмотря на то, что они относятся к наиболее «богатым», с высокими среднедушевыми доходами населения, в некоторых из них (Ямало-Ненецкий, Чукотский АО, Мурманская область) большую долю занятого населения занимают работники средней квалификации.

Потенциал снижения неформальной занятости и напряженности на многих региональных рынках труда, таким образом, в первую очередь зависит от политики по созданию новых производств и рабочих мест на этих территориях. Кроме того, важным фактором роста и расширения экономической активности являются вложения в человеческий капитал, перекалфикацию или повышение квалификации имеющейся рабочей силы. Возможность использования собственного трудового потенциала территорий может стать важным конкурентным преимуществом региональных производств, фактором роста социальной стабильности городов и муниципальных образований.

Структурно-технологический маневр и сбалансированность на рынке труда

Нехватка трудовых ресурсов остается наиболее значимым фактором, сдерживающим развитие российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе. При этом

решить данную проблему невозможно за счет простого количественного наращивания работающих как по причине демографических ограничений, так и вследствие ограничений социально-экономического и культурологического характера. В самом общем плане решение проблемы связывается с повышением производительности труда (Клепач, 2021; Roncolato, Kusera, 2014), однако практическая задача состоит в том, чтобы понять, в каких отраслях, за счет каких технологий, какие рабочие места (какого качества) и в каком объеме необходимо создать, чтобы добиться искомого роста производительности труда. Исчерпывающий анализ по всем перечисленным направлениям вряд ли возможен. Тем не менее, учитывая возможности отечественной статистики занятости, в частности определенную ее взаимодополняемость, предварительные результаты относительно рациональных направлений оптимизации использования трудовых ресурсов можно получить. Первое, что имеет смысл попытаться сделать – оценить, в каких секторах и в каких масштабах сконцентрированы резервы роста производительности труда и высвобождения занятых в российской экономике. В связи с этим уместно сначала привести методологический комментарий относительно формирования статистики занятого населения и тех категорий занятых, динамику которых в дальнейшем мы будем анализировать.

Согласно методологии Росстата, к занятым относятся лица в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность (хотя бы один час в неделю), связанную с производством товаров или оказанием услуг за оплату или прибыль. В численность занятых включаются также лица, временно отсутствовавшие на рабочем месте в течение короткого промежутка времени¹⁰.

Существуют методологические расхождения при формировании данных о численности занятого населения, представленных в обслед-

¹⁰ Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата № 707 от 29.12.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr707-29122023.pdf>; Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 11.

дованиях рабочей силы (ОРС)¹¹ и в балансе трудовых ресурсов (БТР)¹². «В частности, в среднегодовой¹³ численности занятых (БТР) **не учитываются лица, отсутствовавшие на работе в связи с отпуском по беременности и родам и по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, и военнослужащие, но учитываются лица, находившиеся в длительном неоплачиваемом отпуске по инициативе работодателя, и трудовые мигранты**»¹⁴. Данные БТР по субъектам РФ сформированы по месту работы, а не по месту проживания, в отличие от данных ОРС.

Таким образом, данные о среднегодовой численности занятого населения (БТР) превышают данные ОРС на величину *трудовых мигрантов и лиц, находящихся в длительном неоплачиваемом отпуске по инициативе работодателя* (один из видов неполной занятости или скрытой безработицы). Анализируя разницу между отраслевыми величинами численности занятых, сформированных по разным методологиям, можно понять, насколько велико это превышение (рис. 2) и как, теоретически, можно этот ресурс использовать в рамках политики занятости, имея в виду разный уровень качества рабочих мест в различных отраслях.

Согласно рисунку 2, большинство таких работников находится в сфере торговли (40% к итогу) и строительства (35%), причем в строительстве их доля возросла на 17 п. п. за период с 2008 года. Скорее всего, здесь речь идет о расширении присутствия на рынке трудовых мигрантов¹⁵. А в научной и профессиональной деятельности значительное превышение данных ОРС (9% к итогу) можно объяснить наличием работников, находившихся в длительных неоплачиваемых отпусках (скрытая безработица). Их доля с 2008 года снизилась на 13 п. п.

Именно эти две категории занятых, учитывая их значительный вес в общем балансе трудовых ресурсов, предлагаем рассмотреть в первую очередь.

1. Рабочие места, занимаемые трудовыми мигрантами, как правило, низкоквалифицированные, а значит, низкопроизводительные, рост производительности труда на которых зависит от уровня и скорости технологических и структурных сдвигов. Если исходить из количества занятых на рабочих местах с высоким потенциалом автоматизации, их доля в начале 2024 года составляла 24% от суммарного количества занятых¹⁶ (17,8 млн чел.), 7% из них (или 5,22 млн чел.) — низкоквалифицированная рабочая сила.

¹¹ Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата № 707 от 29.12.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr707-29122023.pdf>; Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 11.

¹² Об утверждении Методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда: Приказ Росстата № 647 от 29.09.2017. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr647-17.pdf>; Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 180 с.

¹³ Среднегодовая численность работников организаций определяется путем суммирования среднесписочной численности работников за все месяцы отчетного года и деления полученной суммы на количество месяцев (Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 180 с.).

«Среднесписочная численность работников организаций за месяц исчисляется путем суммирования списочной численности работников за каждый календарный день месяца и деления полученной суммы на число календарных дней месяца. Женщины, находившиеся в отпусках по беременности и родам, лица, находившиеся в отпусках в связи с усыновлением ребенка со дня рождения усыновленного ребенка, а также в отпусках по уходу за ребенком; работники, обучающиеся в образовательных учреждениях и находившиеся в дополнительном отпуске без сохранения заработной платы, а также поступающие в образовательные учреждения, находившиеся в отпуске без сохранения заработной платы для сдачи вступительных экзаменов, в среднесписочную численность работников не включаются. Работники, работавшие неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, учитываются в среднесписочной численности работников пропорционально отработанному времени» (Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 79).

¹⁴ Труд и занятость в России: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 78.

¹⁵ Согласно методологии (Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата № 707 от 29.12.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr707-29122023.pdf>), при расчете данных БТР к категориям занятых в экономике относится занятость иностранных трудовых мигрантов: иностранных граждан, имеющих разрешительный документ на осуществление трудовой деятельности на территории страны, а также иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность без разрешительных документов (страны ЕЭАС).

¹⁶ Рассчитывалось как сумма категорий «водители и операторы подвижного оборудования», «сборщики», «продавцы», «неквалифицированные рабочие», методология ОРС (Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы: Приказ Росстата № 707 от 29.12.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr707-29122023.pdf>).

2. Задействование в рабочем процессе категории занятых, находившихся в длительном неоплачиваемом отпуске по инициативе работодателя, также зависит от уровня и динамики экономического роста и сопровождаемых структурных сдвигов, от возможностей по созданию высокопроизводительных, а значит высокооплачиваемых, рабочих мест (представляется, что в случае научной и административной деятельности речь идет о рабочей силе высокой квалификации), а также возможностей системы образования по повышению квалификации или переквалификации таких работников.

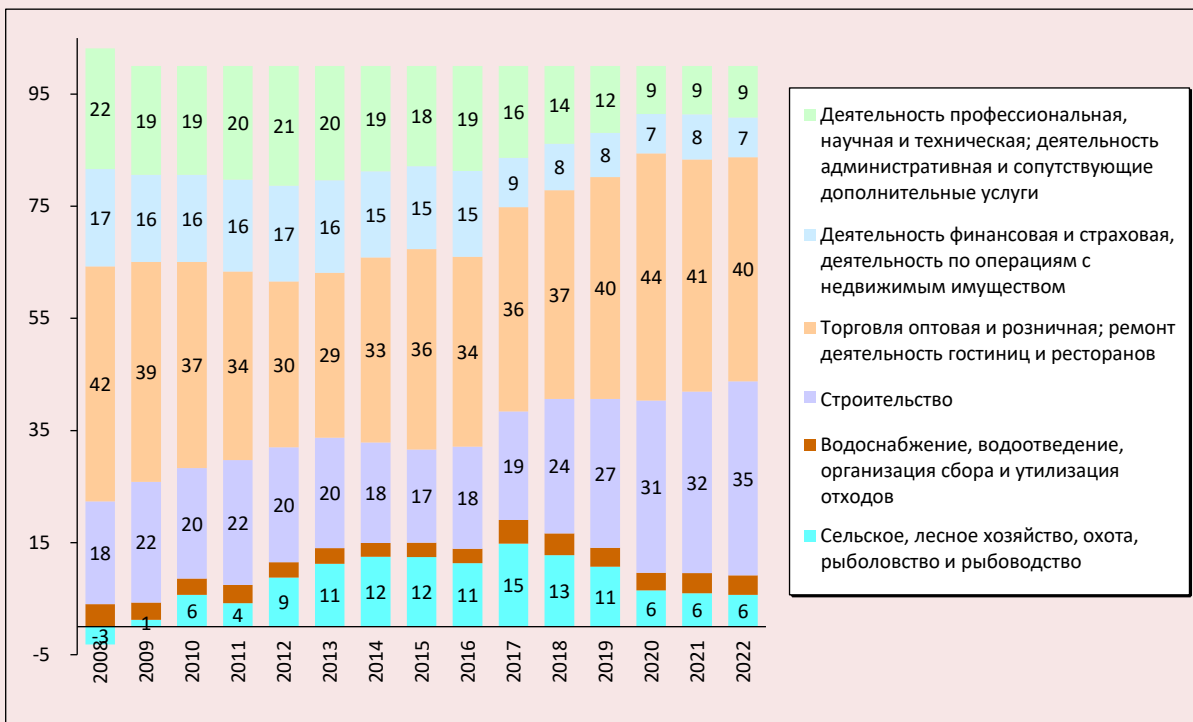
В 2022 году суммарное количество работников, входящих в статистику БТР, но не входящих в статистику ОРС, составило чуть более 5 млн человек и за последние 15 лет увеличилось на 400 тыс. человек (см. Приложение).

Такого рода рабочие места представляют собой ресурс для структурно-технологического маневра в экономике, ориентированного на повышение уровня сбалансированности на рынке труда. Содержание этого маневра

состоит в целенаправленном обновлении капитала и задействовании других факторов повышения производительности труда в отраслях с относительно низким качеством рабочих мест, высвобождении «избыточных» работников и использовании их в других секторах экономики.

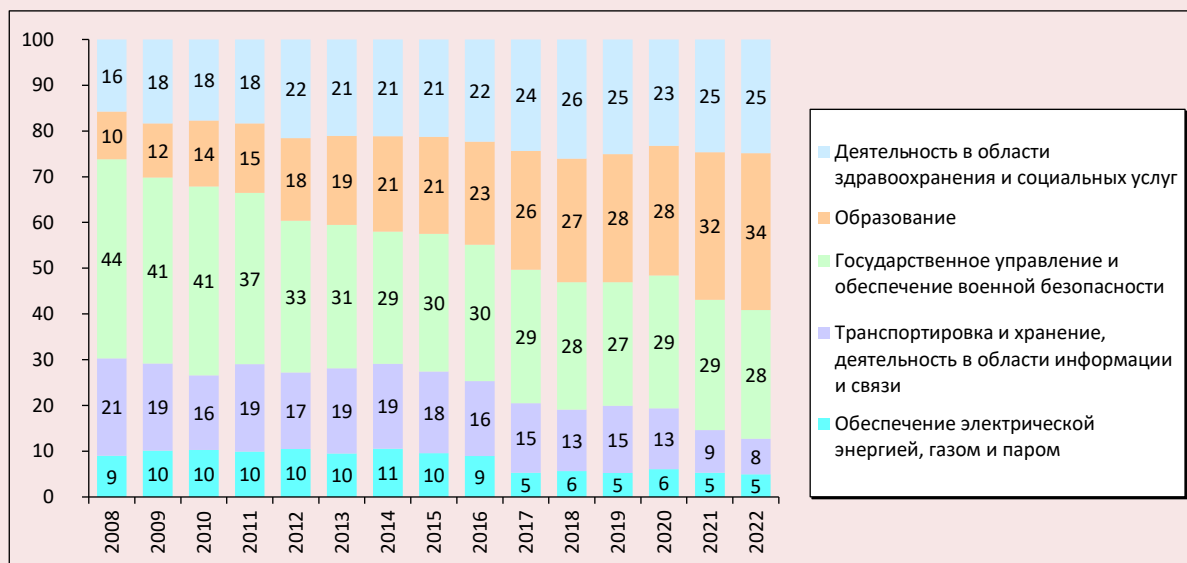
В свою очередь, превышение данных ОРС над данным БТР касается таких категорий населения, как военнослужащие и женщины, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком до 1,5 лет (рис. 3). Большинство таких потенциальных работников присутствует в образовании (34% к итогу), государственном управлении (28%), здравоохранении (25%). Причем если в образовании и здравоохранении эта доля постепенно увеличивается, то в государственном управлении и обеспечении военной безопасности — снижается. Данные категории занятых если и могли бы являться ресурсом для снижения дефицита труда, то привлечение их в реальный производственный процесс представляется затруднительным.

Рис. 2. Превышение данных БТР над данными ОРС по видам деятельности, % к итогу

Источники: Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 180 с.; Итоги выборочного обследования рабочей силы, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>; расчеты автора.

Рис. 3. Превышение данных ОРС над данными БТР по видам деятельности, % к итогу

Источники: Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 180 с., Итоги выборочного обследования рабочей силы, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>; расчеты автора.

Выводы

Описанные особенности развития региональных и отраслевых рынков труда в определенной степени являются следствием сложившихся экономических отношений между хозяйствующими субъектами РФ. Однако именно эти особенности должны служить базой для формирования отраслевой и региональной повестки развития страны, расширения возможностей и перспектив экономического развития регионов, роста качества жизни населения.

Особую важность представляет социальная политика развития регионов, поскольку она напрямую влияет на качество человеческого капитала, уровень доходов и уровень жизни населения. Напряженность на рынке труда, связанная с рекордно низкими показателями безработицы, определяется не столько дефицитом труда, сколько дисбалансами квалификационной структуры спроса и предложения трудовых ресурсов, медленными структурными, технологическими и институциональными изменениями, недостатком качественных рабочих мест в регионах, особенно с низким уровнем жизни населения, где отмечаются наибольшие возможности распространения неформальной занятости. В связи с этим любая разрабатываемая концепция пространственного развития

должна опираться, в том числе, на специфику формирования региональной политики в сфере доходов и занятости населения.

Вклад проведенного исследования в прирост научного знания состоит в изучении дисбалансов в отраслевой структуре данных о численности занятого населения, сформированных на основе различных методик Росстата, для оценки масштабов структурно-технологического маневра в отраслях экономики, влияющего на эффективность использования трудовых ресурсов (уровень и динамику производительности труда).

По результатам наших расчетов, опирающихся на балансовые построения и оценки резервов роста производительности труда в отраслях, для обеспечения долгосрочного экономического роста необходимо за счет трудосберегающего структурно-технологического маневра существенно увеличить производительность труда как минимум на 15-ти миллионах рабочих мест. Приоритетными отраслевыми направлениями модернизации рабочих мест на ближайшие годы могут стать строительство и торговля. Фактически, речь идет о необходимости разработки и реализации специальных отраслевых и региональных программ повышения производительности труда.

**Расхождение методологий расчета численности занятого населения (ОРС – БТР)
по видам деятельности, млн чел.**

Вид деятельности	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	-1,5	-2,1	-1,7	-0,9	-0,4	-0,5	-0,3	-0,1	0,3	0,5	1,0	0,9	1,1	0,9	0,8
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,1	-0,1	-0,3	-0,2	-0,5	-0,6	-0,7	-0,7	-0,6	-0,8	-0,7	-0,6	-0,3	-0,3	-0,3
Добыча полезных ископаемых	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Обрабатывающая промышленность	-0,1	-0,4	-0,2	-0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3	0,2	0,1
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,3	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1	-0,2	-0,1	-0,1	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2
Строительство	-0,9	-1,2	-1,1	-1,1	-1,1	-1,1	-1,0	-0,9	-1,0	-1,1	-1,3	-1,5	-1,5	-1,6	-1,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-2,0	-2,2	-2,1	-1,7	-1,6	-1,6	-1,8	-2,0	-1,9	-2,0	-2,0	-2,2	-2,2	-2,0	-2,0
Транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи	0,8	0,8	0,7	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	0,7	0,8	0,6	0,4	0,4
Деятельность финансовая и страховая, деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,8	-0,9	-0,9	-0,8	-0,9	-0,9	-0,9	-0,8	-0,9	-0,5	-0,4	-0,4	-0,3	-0,4	-0,4
Деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	-1,0	-1,1	-1,1	-1,0	-1,1	-1,1	-1,1	-1,0	-1,1	-0,9	-0,7	-0,7	-0,4	-0,4	-0,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	1,5	1,6	1,7	1,6	1,6	1,5	1,4	1,5	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3
Образование	0,4	0,5	0,6	0,7	0,9	0,9	1,0	1,1	1,2	1,3	1,4	1,4	1,3	1,5	1,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,6	0,7	0,7	0,8	1,0	1,0	1,0	1,1	1,2	1,3	1,4	1,3	1,1	1,1	1,2
Другие виды экономической деятельности	-0,5	-0,5	-0,4	-0,4	-0,4	-0,2	0,0	0,0	0,0	0,3	0,3	0,5	0,5	0,5	0,6

Источники: Труд и занятость в России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 180 с.; Итоги выборочного обследования рабочей силы, за ряд лет. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>; расчеты автора.

Литература

- В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда (2014) / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 535 с.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2012). Нормально ли быть неформальным?: препринт WP3/2012/09 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 56 с.
- Клепач А.Н. (2021). Социальные и технологические вызовы российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 230. № 4. С. 103–112. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-103-112
- Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. (2010). Анализ и моделирование взаимосвязанной динамики рынка труда и системы образования в экономике РФ // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М., МАКС Пресс. С. 664–681.
- Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. (2016). Согласование спроса на рабочую силу и ее предложения с учетом образовательных характеристик: региональный аспект // Научные труды / гл. ред. А.Г. Коровкин; Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс. С. 501–523.
- Куницына Н.Н., Джигоев А.В. (2023). Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. № 19 (2). С. 437–450. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-11>
- Михеева Н.Н. (2021). Пространственные аспекты разработки экономических прогнозов: научный доклад / под ред. А.А. Широва. М.: Артис Принт. 120 с.
- Некипелова Д.В. (2019). Неформальная занятость в России: причины и социально-экономические последствия // Гипотеза. № 4 (9).
- Сото Э. (1995). Иной путь. Невидимая революция в Третьем мире. М.: Catallaxy. 320с.
- Суворов А.В., Суворов Н.В., Гребенников В.Г. [и др.] (2014). Подходы к измерению динамики и структуры человеческого капитала и оценке воздействия его накопления на экономический рост // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 3–17.
- Тумунбаярова Ж.Б., Анциферова М.Д. (2018). Неформальная занятость: причины и факторы, определяющие ее уровень // Теневая экономика. Т. 2. № 4. С. 139–149. DOI: 10.18334/tek.2.4.40935
- Узякова Е.С. (2022). Неформальная занятость и ее влияние на доходы населения и производительность труда // Проблемы прогнозирования. № 6 (195). С. 198–207. DOI: 10.47711/0868-6351-195-198-207
- Узякова Е.С., Широ А.А. (2024). Занятость и производительность труда в России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. № 4 (205). С. 6–20. DOI: 10.47711/0868-6351-205-6-20
- Chen Y., Xu Z. (2017). Informal employment and China's economic development. *The Chinese Economy*, 50(6), 425–433. DOI: 10.1080/10971475.2017.1380115
- Gërxfhani K. (2004). The informal sector in developed and less developed countries: A literature survey. *Public Choice*, 120(3-4), 267–300.
- Hart K. (1973). Informal income opportunities and urban employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*, 11(1), 61–89.
- Roncolato L., Kucera D. (2014) Structural drivers of productivity and employment growth: A decomposition analysis for 81 countries. *Cambridge Journal of Economics*, 38(2), 399–424.
- Salin V.N., Narbut V.V. (2017). Informal employment of the population of Russia: Assessment of the scale and the impact on public finance of the country. *Finance: Theory and Practice*, 21(6), 60–69. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69> (in Russian).
- Sim W.J., Huam H.T., Rasli A., Lee T.C. (2011). Underground economy: Definition and causes. *Business and Management Review*, 1(2), 14–24.
- Solow R. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 70, 65–94.
- Solow R. (1957). Technical change and the aggregate production function. *Review of Economics and Statistics*, 39, 312–320.
- Voicu C. (2012). Economics and “underground” economy theory. *Theoretical and Applied Economics*, XIX, 7(572), 71–84.

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Узякова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: mironova_helen@mail.ru)

Uzyakova E.S.

Informal Employment and Structural Imbalances in the Labor Market

Abstract. The paper analyzes principles and mechanisms related to the development of informal employment, including at the regional level, where the accelerated growth of the informal sector is mainly caused by low living standards and lack of jobs, including in enterprises and organizations. The lack of skills, which is often a key aspect in the formation of labor shortages in regional markets, is mediated by relatively low budget expenditures on human capital. The hypothesis of the study is that structural imbalances in the demand for labor and its supply, one of the indicators of which is the extent of informal employment, determine the tension in the labor market. The aim of the work is to theoretically substantiate and empirically confirm the relationship between the extent of informal employment and the level of economic development, and to identify opportunities to reduce tension in the labor market. Statistical basis of the study includes Rosstat data; research tasks were solved using economic and mathematical analysis methods. The results obtained by analyzing statistical series confirmed the research hypothesis. In conclusion, we consider the possibility of structural and technological maneuver in economic sectors as an important factor in overcoming tension in the labor market. In particular, due to the labor-saving nature of such a maneuver, it is possible to significantly increase labor productivity by at least 15 million jobs. Construction and trade may become priority industry areas for workplace modernization in the coming years. The results of our calculations are considered as a preliminary assessment of the possibilities of labor productivity growth at the macro level, involving the development of special sectoral and regional programs to increase labor productivity, which is the practical significance of the results obtained.

Key words: informal employment, hidden employment, labor productivity, population incomes, labor remuneration, qualifications, regional labor markets, labor market tension, structural and technological maneuver.

Information about the Author

Elena S. Uzyakova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, 117418, Moscow, Russian Federation; e-mail: mironova_helen@mail.ru)

Статья поступила 17.09.2024.

Методология агентного моделирования развития территориальных систем лесозаготовительного производства

Константин Анатольевич ГУЛИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: gulin_k@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4336-6331; ResearcherID: M-3075-2013

Сергей Владимирович ДИАНОВ

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: Dianov.sv@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8297-8077; ResearcherID: P-9737-2017

Дмитрий Александрович АЛФЕРЬЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: alfer'ev_1991@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3511-7228; ResearcherID: I-8333-2016

Даниил Сергеевич ДИАНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: daniil.dianov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4766-8801; ResearcherID: ADK-8080-2022

Для цитирования: Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. (2024). Методология агентного моделирования развития территориальных систем лесозаготовительного производства. Т. 17. № 6. С. 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.10

For citation: Gulin K.A., Dianov S.V., Alfer'ev D.A., Dianov D.S. (2024). Agent-based modeling methodology for the development of territorial logging systems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.10

Аннотация. В работе исследуются методологические и практические аспекты создания агент-ориентированных моделей, обеспечивающих поддержку принятия решений по развитию территориальных систем лесозаготовительного производства. Целью исследования является развитие методологии агент-ориентированного моделирования, направленной на разработку моделей территориальной системы лесозаготовки. Научная новизна и значимость исследования заключаются в создании специализированных подходов к разработке моделей лесозаготовительных систем, в которых проработаны вопросы создания пространственной сети, возможностей ее интеграции с геоинформационными системами, обеспечения возможности адаптации к сервис-ориентированному подходу при формировании элементов, обеспечение возможности формирования поведения агентов в части использования пространственных элементов модели. Рассматриваются задачи по развитию территориальных систем лесозаготовительного производства в России, в том числе создания эффективной транспортно-логистической сети. Анализируется инструментарий, применяющийся для решения обозначенных задач. В большинстве исследований сформулирована одна и та же цель – снижение общих эксплуатационных затрат на заготовку древесины. В связи с этим агент-ориентированное моделирование может претендовать на роль значимого инструментария для решения названной задачи. Главной проблемой является отсутствие методологической основы построения моделей, поэтому говорить о возможности создания единой методологии на текущий момент нельзя, перечень решаемых задач зачастую является необозримым. При этом имеется возможность сузить спектр решаемых вопросов за счет концентрации внимания на отдельных предметных областях. Исходя из этого, авторы анализируют существующие подходы к созданию агентных систем и на их основе формулируют собственный подход к созданию агент-ориентированных моделей территориальных систем лесозаготовительного производства. Представлен алгоритм конкретных шагов и стадий, необходимых для проектирования и реализации агент-ориентированных моделей. Он включает разработку контекстной диаграммы моделируемой системы, методику формирования концептуальной и функциональной структуры модели, инвариантной к инструментарию агент-ориентированного моделирования. Рассматриваются аспекты построения пространственной среды моделей на основе интеграции моделей с геоинформационными системами. На текущий момент создан концепт агент-ориентированной модели лесозаготовок на территории Бабушкинского муниципального округа Вологодской области, в среде моделирования AnyLogic проработаны основные аспекты его реализации. Для создания полноценной модели необходима заинтересованность со стороны лиц, способных обеспечить предоставление реальных данных.

Ключевые слова: система лесозаготовки, транспортная доступность лесных ресурсов, транспортно-логистическая сеть, методология агент-ориентированного моделирования, сервис-ориентированный подход.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01940 «Агент-ориентированное моделирование эффективного использования лесных ресурсов территории».

Введение

В ключевых стратегических документах по развитию российского лесного комплекса предусмотрен его переход на модель устойчивого развития, обеспечивающую удовлетворение общественных потребностей в древесном сырье и других лесных ресурсах, сохранение экологической и социально-экономической роли лесов на основе использования современных научно-технических достижений, коренного обновления всех направлений деятельности и безубыточного лесного хозяйства¹. В качестве важнейшего направления долгосрочной

¹ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-р // СПС «КонсультантПлюс».

государственной политики в РФ определена интенсификация использования и воспроизводства лесов².

Интенсивная модель отражает ведение устойчивого лесного хозяйства, обеспечение неистощительного лесопользования, увеличение экономической отдачи, сохранение биологических функций лесов. Ее применение связано с необходимостью решения задач по созданию устойчивой сырьевой базы на доступных территориях для переработки, по формированию сбалансированного внутреннего и внешнего рынков спроса на лесную продукцию, по обеспечению условий для долгосрочных инвестиций в лесной фонд и переработку, по реализации экономической модели интенсивного воспроизводства лесов, созданию системы долгосрочного планирования на всех уровнях лесного хозяйства (Русецкая, Санина, 2023).

Российская Федерация является мировым лидером по площади лесов, на ее территории находится свыше 20% всех лесов планеты³. По данным экспертной оценки Рослесинфорга, общая стоимость всех лесных ресурсов России на конец 2022 года равнялась 73,3 трлн рублей. Общая стоимость запасов древесины, которые можно использовать в коммерческих целях (вывоз и торговля древесиной и лесоматериалами, использование леса в качестве топлива) составляла 2,2 трлн рублей⁴. В 2022 году отпуск сырья увеличился на 1 млн м³, а с 2023 года объем лесных древесных ресурсов, ежегодно вводимых в экономический оборот, планируется увеличить в 30 раз, что приведет к увеличению числа объектов лесосечного фонда, доступных для новой аренды⁵.

² Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 26 октября 2013 г. № 1724-Р // СПС «КонсультантПлюс»; Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-р // СПС «КонсультантПлюс».

³ Площадь лесов в России за год увеличилась на 458,5 тыс. га. URL: <https://roslesinforg.ru/news/all/ploshchad-lesov-v-rossii-za-god-uvlechilas-na-458-5-tys-ga/>

⁴ В Рослесинфорге оценили стоимость российских лесов. URL: <https://roslesinforg.ru/news/all/v-roslesinforg-otsenili-stoimost-rossiyskikh-lesov-/>

⁵ Доступный объем древесины увеличился на 1 млн «кубов». URL: <https://roslesinforg.ru/news/all/dostupnyy-obem-drevesiny-uvlechilsya-na-1-mln-kubov-/>

Однако полноценное, но вместе с тем рациональное освоение этих запасов составляет существенную проблему. Если по запасам лесного фонда Россия находится на первом месте в мире, то по объему заготовки древесины — только на пятом. Так, в 2020 году в США было заготовлено 429,7 млн м³ леса (11,0% мирового объема), в Индии — 351,8 млн м³ (9,0%), в Китае — 341,7 млн м³ (8,7%), в Бразилии — 266,3 млн м³ (6,8%), в России — 217,0 (5,5%) (Русецкая, Санина, 2023). Соседняя с Россией Финляндия, располагая лишь 0,5% лесных ресурсов планеты, осуществляет 1,5% от общего объема лесозаготовки (Русецкая, 2022).

По России в целом отношение фактического объема заготовки древесины к установленному допустимому объему ее изъятия (расчетной лесосеке⁶) в период с 2019 по 2021 год составляло в среднем 30,1%⁷. В отдельных регионах страны этот показатель еще ниже. Так, например, в Республике Коми в 2022 году расчетная лесосека была освоена на 28,3%⁸. В Томской области в 2020 году этот показатель составлял 18%⁹. В Арктической зоне РФ в 2021 году расчетная лесосека была освоена на 19,9%¹⁰. В Дальневосточном федеральном округе уровень освоения расчетной лесосеки составляет лишь 10,7%¹¹.

Во многом такая ситуация связана с тем, что объем экономически доступной лесосеки значительно ниже по сравнению с той, которая определена в качестве расчетной (Орлов и др., 2022). По примерным оценкам, площадь экономически доступных лесов, в которых возможно

⁶ Допустимый ежегодный объем заготовки, который не вредит процессу самовоспроизводства лесных ресурсов.

⁷ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году: государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. С. 187.

⁸ В Коми стали меньше вырубать леса. URL: <https://www.bnkom.ru/data/news/159906/>

⁹ Кноп: заготовители в 2020 г. вырубали в регионе леса 18% от допустимого. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20210204/tomsk-lesozagotovka-2020-objem/>

¹⁰ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году: государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. С. 251.

¹¹ Тропы и дороги дальневосточного леспрома. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/lesnymi-tropami-chem-zhivyet-lesprom-dalnego-vostoka/>

получение прибыли при лесопользовании, не превышает 1/5 площади лесов страны¹². Одним из основных факторов, определяющих экономическую доступность лесных ресурсов, является транспортный, формирующий значительную долю затрат, связанных с производством лесопродукции (Прядилина, Петров, 2020, с. 152).

Недостаточно высокая степень развитости транспортной инфраструктуры и транспортной освоенности лесов сдерживает рост лесной промышленности и снижает уровень ее инвестиционной привлекательности. Так, например, в Северо-Западном федеральном округе существующие лесовозные магистрали составляют по протяженности лишь 29% от требуемого количества, а в целом технологическая сеть веток по протяженности — 36% от величины, требуемой для полного транспортного освоения лесов СЗФО (Бжеленко и др., 2021). В связи с этим развитие лесной транспортной инфраструктуры, и строительство лесовозных дорог в частности, является важнейшей задачей для российского лесопромышленного комплекса (Бжеленко и др., 2021).

Традиционные методики проектирования транспортных сетей ориентированы на проектирование лесных дорог экстенсивной модели лесопользования, не уделяют должного внимания транспортному обеспечению задач интенсивной модели. По некоторым оценкам, общая требуемая протяженность автомобильных дорог общего пользования, лесных магистралей, веток и усов на единицу площади при интенсивной модели (20,5 км / 1000 га) почти в два раза выше, чем при экстенсивной модели (11,8 км / 1000 га) (Ларин и др., 2022).

Оптимизация транспортно-логистической сети выступает одним из важных аспектов планирования цепочки поставок. В лесной промышленности, поскольку транспортировка является основной статьей затрат на поставку сырой древесины, при планировании транспортировки распределение должно осуществляться таким образом, чтобы свести к минимуму общее перемещение древесины. Снижение транс-

портных расходов за счет передового планирования и повышения эффективности послужило стимулом для исследователей. Значительная часть исследований была посвящена разработке методологии планирования и систем поддержки принятия решений для выполнения крупных и сложных задач маршрутизации транспортных средств при транспортировке лесоматериалов или круглых лесоматериалов (Audy et al., 2022).

Для оптимизации логистики в лесной промышленности используются различные методы, включая систему поддержки принятия решений (DSS) и методы сетевого анализа (Parsakhoo et al., 2017); алгоритмы оптимизации колоний муравьев (ACO) (Chung, Contreras, 2011; Lin et al., 2014; Lin et al., 2016; Lin et al., 2017); алгоритм пчелиной колонии (artificial bee colony optimization, ABC) (Jamhuri et al., 2020; Jamhuri et al., 2021; Jamaluddin et al., 2023); алгебраическое моделирование (Peuroy et al., 2021); оптимизация генерации столбцов (Palmgren et al., 2003; Palmgren et al., 2004; Rey et al., 2009; Rix et al., 2015); подход линейного программирования — транспортный симплексный алгоритм (Devlin, Talbot, 2014; Lotfalian et al., 2022); модель целочисленного программирования в сочетании с генерацией столбцов (Bordón et al., 2021); модель смешанного целочисленного программирования MIP + ГИС (Najafi, Richards, 2013); модель смешанно-целочисленного линейного программирования MILP (Aydin et al., 2008; Van Dyken et al., 2010; Moad et al., 2016; Bordón, 2018; Balaman, 2018); модель смешанного целочисленного нелинейного программирования (Shabani, Sovlati, 2013); метод нечетких ϵ -ограничений (Balaman et al., 2018); модель линейного программирования (Acuna, 2017; Boukherroub et al., 2017, Flisberg et al., 2015; Frisk et al., 2010; Forsberg et al., 2005); алгоритм имитации отжига (Han, Mirphy, 2012); геоинформационные системы (Dean, 2011; Danilović et al., 2013; Olsson et al., 2017; Đuka, et al. 2020); машинное обучение (Almeida et al., 2022).

Российские исследователи также применяют инструменты моделирования при решении проблем научного обеспечения развития лесозаготовительной промышленности. В статье (Антонова, 2011) представлена математическая модель оптимального транспортного освоения арендуемых лесных участков с учетом сроков

¹² Интенсивное устойчивое лесное хозяйство: барьеры и перспективы развития: сб. статей / под общ. ред. Н. Шматкова Всемирный фонд дикой природы (WWF). М.: WWF России, 2013. С. 5.

примыкания и возможностью минимизировать затраты на лесозаготовку и строительство лесовозных дорог; ее реализация методом динамического программирования позволит увеличить объемы освоения лесосечного фонда и повысить рентабельность работы предприятия. В работе (Антонова и др., 2015) на основе системного подхода, математико-картографического моделирования, геоанализа и вычислительного машинного эксперимента средствами ГИС разработаны методика, математическая модель, алгоритм и программный комплекс РТОЛ на базе ГИС MapInfo для решения задачи размещения лесосек и транспортного освоения лесов. В статье (Гончарова, 2018) разработана схема лесовозных дорог с использованием теории графов. В публикации (Бжеленко и др., 2021) путем разработки оптимизационной модели в среде MS Excel с помощью подсистемы «Поиск решения» и ГИС-проекта транспортной инфраструктуры СЗФО методами геоанализа был выполнен расчет оптимальных параметров ширины грузосборочных зон лесных дорог и требуемой их протяженности на единицу площади для условий СЗФО. В исследовании (Мотовилов и др., 2023) предложены математическая модель для определения оптимального расположения пеллетных производств в регионе и алгоритм ее реализации, основанные на теории методов оптимальных решений.

В последние годы для решения логистических задач в лесной отрасли все более активно применяются имитационные модели. Они обеспечивают преимущества для управленческого планирования в случае непредвиденных обстоятельств в нестационарных системах в условиях неопределенности по сравнению с ментальными, концептуальными, физическими или математическими моделями. Такие методы имитационного моделирования, как дискретно-событийное моделирование (DES), агентно-ориентированное моделирование (ABS) и системная динамика (SD), являются общими основами для отображения реальной системы (Vorshchev, 2014).

Цепочка поставок древесины охватывает совокупность процессов и операций по заготовке, добыче, транспортировке, хранению, предварительной обработке, использованию и переработке древесины. Управление цепочками поставок древесины связано с соответствующими

решениями по планированию, проектированию, эксплуатации, контролю и мониторингу потоков материалов, услуг, финансирования и информации внутри и между различными участниками (Kogler, Rauch, 2018). В связи с этим достаточно большое распространение получили исследования, основанные на применении методологии и инструментария дискретно-событийного моделирования (Asikainen, 2001; Saranen, Hilmola, 2007; Puodžiunas, Field, 2008; Mobini et al., 2011; Beaudoin et al., 2013; Berg et al., 2014; Marques et al., 2014; Wolfsmayr et al., 2016; Gronalt, Rauch, 2018; She et al., 2018; Akhtari et al., 2019; Kogler, Rauch, 2019; Kons et al., 2020; Lundbäck et al., 2022 и др.).

Помимо дискретно-событийного моделирования, в последние годы в исследованиях лесного комплекса стало использоваться агентно-ориентированное моделирование (АОМ), широко применяемое для решения различных задач моделирования производства логистики в территориально-распределенных производственных системах в различных отраслях промышленности, например электроэнергетике (Divényi, Dán, 2013), нефтяной промышленности (Sinha et al., 2011), металлургии (Azar et al., 2021), агропромышленном производстве (Naghavi et al., 2020) и т. д. Вместо определения поведения глобальной системы модель АОМ определяет поведение субъектов, которые существуют вместе в окружающей среде и общаются друг с другом и со своей средой. Факторы, влияющие друг на друга на совокупном уровне, знать не обязательно, но если известно поведение отдельных участников, то АОМ может моделировать глобальное поведение (Vorshchev, Filippov, 2004). В этом заключается преимущество АОМ по сравнению с другими методами моделирования, такими как системная динамика (SD) или DES, которые имеют ограничения в этом отношении. В частности, в лесном секторе часто существуют разные люди и объекты, такие как операторы, операционные менеджеры, машины и т. д., которые взаимодействуют друг с другом и окружающей средой.

В работе (Karttunen et al., 2013) осуществлено имитационное моделирование экономически эффективной интермодальной контейнерной цепочки поставок лесной щепы посредством сочетания агентно-ориентированного и дискретно-событийного моделирования.

В исследовании (Holzfeind et al., 2021) агентно-ориентированный подход использовался для анализа и моделирования системы лесозаготовительных и транспортных операций в лесном секторе в горных условиях с ограниченным пространством. Совокупность агентов, помещенных в среду пространственной модели и выступающих в качестве агентов верхнего уровня, составили канатные трелевочные установки, грузовики и отдельные сортировочные линии. Было оценено влияние на поведение системы и ее производительность таких параметров, как погодные условия, вместимость складских мощностей, количество задействованных грузовиков и сроки их заказов. Функциональность модели оценивалась с использованием предполагаемых данных по лесозаготовке, основанных на предположениях, личных знаниях, общей информации и данных из опубликованной литературы. Модель может быть применена для поддержки оперативного планирования лесозаготовок на канатной трелевочной установке и транспортировки заготовленной древесины на промышленные предприятия.

В работе (Helo, Rouzafzoon, 2023) выполнено моделирование с целью минимизации транспортных затрат при сборе бревен из нескольких регионов и доставке их в ближайший пункт сбора. Дана агентно-ориентированная модель, всесторонне охватывающая ключевые элементы цепочки поставок древесины и представляющая подразделения как взаимодействующие автономные агенты. Моделирование сочетает в себе такие компоненты, как маршрутизация географических информационных систем (ГИС), потенциальное местоположение объектов, места сбора бревен, размер автопарка, расстояние перевозки леса грузовиками и поездами. Результаты моделирования представлены в виде диаграмм временных рядов, таких как количество используемых грузовиков, инвентарь объектов и расстояние поездки. Кроме того, применены различные сценарии моделирования для исследования потенциальных местоположений объектов и количества грузовиков, а также определения оптимального местоположения объекта и размера автопарка.

Результаты анализа моделей, методов и алгоритмов построения лесозаготовительных си-

стем позволяют утверждать, что в настоящее время агент-ориентированное моделирование, несмотря на все существующие сложности по его использованию, является наиболее перспективным и наиболее адекватным подходом для решения задачи снижения общих эксплуатационных затрат на заготовку древесины. В определенной степени для моделирования подобных систем могут использоваться эволюционные алгоритмы и дискретно-событийное моделирование. Но их возможности ограничены описанием достаточно примитивного поведения элементов системы, которое определяется на общемодельном уровне. Территориальные системы лесозаготовительного производства относятся к системам, в которых элементам присуще собственное поведение, связанное со складывающимися для них ситуационными факторами в определенные моменты времени. И именно агент-ориентированное моделирование допускает использование разнообразных механизмов реализации поведения как на уровне моделей поведения отдельных агентов, так и на общемодельном уровне. Но ключевой проблемой является отсутствие методологической основы построения агент-ориентированных моделей. При этом говорить о возможности создания единой методологии на текущий момент нельзя, так как перечень решаемых здесь задач является существенным и зачастую необозримым. Особенную сложность вызывают вопросы адекватного представления поведения агента, методов адаптации, вывода в условиях неопределённости. Поэтому агентное моделирование будет развиваться вместе с развитием других направлений математики и информатики. Однако имеется возможность сузить спектр решаемых вопросов за счет концентрации внимания на отдельных предметных областях. В связи с этим основной целью представленного исследования является развитие методологии агент-ориентированного моделирования, направленной на разработку моделей территориальной системы лесозаготовки. Научная новизна и значимость исследования заключаются в создании специализированных подходов к разработке моделей лесозаготовительных систем, в которых проработаны вопросы создания пространственной сети, возможностей ее интеграции с геоинформационными

системами, обеспечения возможности адаптации к сервис-ориентированному подходу при формировании элементов, обеспечение возможности формирования поведения агентов в части использования пространственных элементов модели. В результате обеспечивается последовательный и полный цикл этапов, начиная с анализа предметной области и заканчивая практической реализацией и использованием моделей.

Методы

Существующие методики разработки АОМ исследованы в работах (Алфимцев и др., 2013; Аксенов и др., 2016; Зубарева и др., 2016). Наиболее подробно они описаны А.Н. Швецовым, разделившим существующие методологии на четыре класса: базирующиеся на объектно-ориентированных методах и технологиях с использованием соответствующих расширений (Agent UML, P2P Agent Platform, ADELFE, INGENIAS, O-MASE); использующие традиционные методы инженерии знаний (MAS CommonKADS); основанные на организационно-ориентированных представлениях (Gaia, ПВ-сети, М-архитектура, SODA, ANEMONA, ASPECS, GORMAS, ROMAS); комбинирующие в различной степени методы трех первых классов (Tropos, PASSI, Prometheus) (Швецов, 2016).

Каждая из обозначенных выше методологий предлагает свой набор базовых элементов и инструкций, а в некоторых случаях и программное инструментальное средство для создания агентных систем. Все это разнообразие подходов, в свою очередь, приводит к необходимости объединения и обобщения методологий проектирования в рамках проектов по реализации моделей. На практике конкретная реализация многоагентной системы может рассматриваться как программа, обладающая специфичным поведением и функционирующая в гетерогенной среде (Николайчук и др., 2019). В связи с этим особое значение приобретает общая концепция, лежащая в основе формирования агентных систем, позволяющая иметь единый взгляд на формирование ролевой модели. Здесь отмечаем два подхода, развиваемых российскими исследователями: концепция сетей потребностей и возможностей (ПВ-сетей) и метаметодология проектирования мультиагентных интеллектуальных систем (МАИС).

Согласно концепции ПВ-сетей, каждой заявке, заказу и другим потребностям и возможностям (производственные ресурсы, станки, оборудование, транспортные средства, персонал) присваиваются программные агенты, которые договариваются с другими агентами и планируют выполнение заказов «точно в срок» или «как можно раньше», что позволяет обеспечить поддержку коллективного согласования и принятия решений в реальном времени на различных этапах планирования и исполнения производственного плана в различных подразделениях, работающих совместно над решением общих задач. Постоянный поиск соответствий между конкурирующими и кооперирующими агентами потребностей и возможностей на виртуальном рынке системы позволяет строить решение любой сложной задачи как динамическую сеть связей, гибко изменяемую в реальном времени (Skobelev, 2015).

Метаметодология проектирования МАИС (Швецов, 2016) основана на отражении выбранного подпространства реального или виртуального мира во всей возможной полноте его эмпирически проявленных и не проявленных свойств. Для этого используется понятие модельного пространства мира (МПМ) как высокоуровневого гносеологического концепта, охватывающего ту часть реальности, которая моделируется МАИС, и компоненты внешней среды, которые существуют в онтологическом единстве с МАИС. Особенностью метаметодологии является включение в область изменчивой действительности как реальных, так и виртуальных миров, которые уже являются информационными представлениями других миров (возможно, также виртуальных). Таким образом, возникает многоуровневое вложенное представление о мире, в котором существуют и действуют физические и информационные сущности. Такой подход дает возможность рассматривать анализ, моделирование и проектирование собственно МАИС как единый многоуровневый итерационный процесс, позволяющий получить модели МПМ с различной степенью детализации действительности.

Касаясь вопросов методологии проектирования агент-ориентированных моделей, нельзя не отметить имеющиеся спецификации описа-

ния данного вида моделей. Наиболее часто используются спецификация DREAM (descriptive agent-based modeling) и Протокол ODD (Overview, Design concepts and Details).

В соответствии со спецификацией DREAM на начальном этапе осуществляется создание комплексной сетевой модели, которая в графическом виде отображает основные элементы модели. Комплексная сетевая модель может быть преобразована в модель спецификации, содержащую набор конструкций спецификации, отражающих прямое однозначное соответствие ее с конструкциями агент-ориентированной модели. В соответствии со спецификацией создается агент-ориентированная модель. Таким образом, в итоге формируется конструкция согласованных элементов спецификации DREAM. От комплексной сетевой модели можно перейти к спецификациям, а от них – к агент-ориентированной модели. Возможен и обратный переход (Niazi, 2011).

Ключевая идея, лежащая в основе разработки протокола ODD, состоит в создании общего формата и стандартной структуры, с помощью которых можно было бы задокументировать все элементы модели. Это обеспечивает простоту и полноту описания моделей, повышает эффективность их создания и восприятия. Тем самым упрощается процесс воспроизведения модели, следовательно, появляется возможность более осознанно говорить о ее адекватности (Grimm et al., 2020).

Спецификации нельзя позиционировать в качестве методологий (они для этого и не предназначены). Но, безусловно, они могут быть вписаны как компоненты методологий, в особенности на этапах анализа и валидации.

Результаты и обсуждение

Авторами осуществляется развитие собственной концепции создания агент-ориентированных моделей. Ее идеологической основой является метаметодология построения МАИС, а ролевая и функциональная модели базируются на объект-ориентированном подходе и концепции ПВ-сетей. В нашей интерпретации это сервис-ориентированный подход (Гулин и др., 2023). Концепция определяет основные правила создания разрабатываемой агент-ориентированной системы управления лесным комплексом: определение целевых показате-

лей и критериев оценки эффективности функционирования системы в условиях существования мобильных элементов; формирование пространственного графа функционирования системы с учетом существующей инфраструктуры, способного отображать мобильность элементов системы; определение состава и параметров объектов системы в соответствии с сервис-ориентированной парадигмой; определение моделей поведения объектов системы с учетом их мобильности и направленности на предоставление/потребление сервисов; распределение объектов системы в узлах пространственного графа; обеспечение возможности манипулировать параметрами и структурой пространственного графа, структурой и параметрами объектов, первичным распределением объектов в узлах пространственного графа; обеспечение возможности интерактивного получения результатов; интегрированность моделей с информационными системами, содержащими информацию о реальных процессах в системе.

Концепция лежит в основе методологии разработки агент-ориентированных моделей, отдельные аспекты которой представлены в статье (Швецов, Дианов, 2019). Концепция была использована при создании концепта модели лесозаготовок на территории Бабушкинского муниципального округа Вологодской области (далее – концепт модели).

Процесс формирования модельного пространства обеспечивается использованием контекстной диаграммы. На контекстной диаграмме в наглядном виде изображаются внешние объекты и их взаимодействия с системой. Здесь четко и понятно показаны необходимые внешние интерфейсы с кратким пояснением, что передается внутрь и наружу. Таким образом, мы имеем наглядное представление о входах и выходах системы. При этом для рассматриваемого вида пространственно-распределенных систем предложено выделить отдельно два контура взаимодействия между внешними объектами и системой: контур управления целевыми установками на внутрисистемном уровне и контур управления правилами организации функционирования системы. Эти два контура взаимодействуют с системой через внешние объекты-посредники. Воздействуя на систе-

му постоянно, они формируют ее поведение. В отличие от взаимодействий, осуществляемых непосредственно между внешними объектами и системой, типы взаимодействия этих контуров являются опосредованными, т. е. осуществляемыми через посредников. В данном случае в качестве посредников выступают внешние объекты, которые имеют как взаимодействие с другими внешними объектами, так и взаимодействия с системой. Контекстная диаграмма региональной лесозаготовительной системы представлена на *рисунке 1*.

С использованием контекстной диаграммы и сформированного концептуального пространства формируются часть набора исходных данных для моделирования, управляемые параметры модели и показатели моделирования. Так, исходя из представленной на *рисунке 1* контекстной диаграммы можно определить следующие параметры:

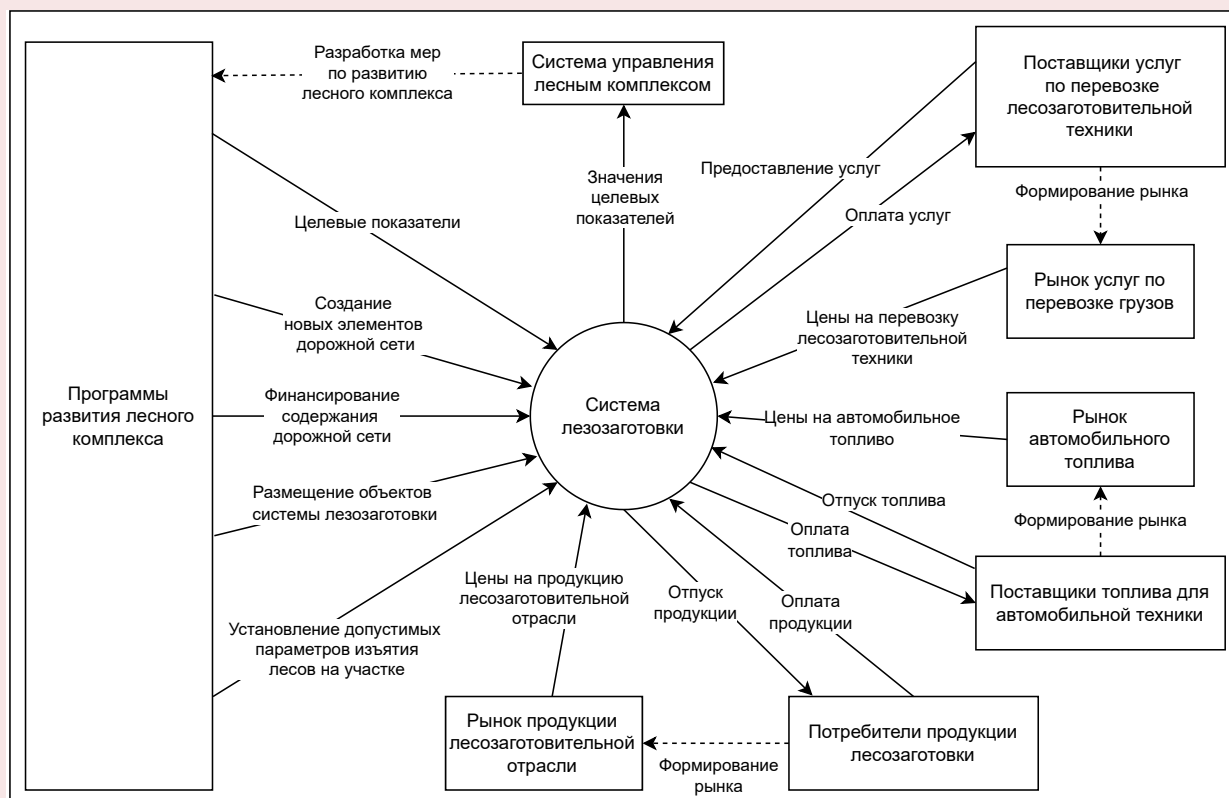
- исходные данные для моделирования: цены на перевозку лесозаготовительной техники, цены на автомобильное топливо, цены на продукцию лесозаготовительной отрасли;

- управляемые параметры: целевые показатели, новые элементы дорожной сети, финансирование содержания дорожной сети, размещение объектов системы лесозаготовки, параметры изъятия лесов на участке;

- показатели моделирования: значения целевых показателей, размер оплаты услуг по перевозке лесозаготовительной техники, размер оплаты заправки техники топливом, объем поставленной продукции системой лесозаготовки.

Контекстная диаграмма также позволяет четко определить параметры работы с моделью системы, которые являются отправной точкой для формирования ее концептуального пространства.

Рис. 1. Контекстная диаграмма региональной лесозаготовительной системы

Источник: составлено авторами.

На первом шаге формирования концептуальной структуры модели определяются объекты, содержащие атрибуты, непосредственно формирующие ее исследуемые показатели. Далее для всех пар «объект – атрибут» каждого идентифицированного на первом шаге объекта определяется перечень процессов, с которыми связано изменение значений соответствующих атрибутов. Для всех процессов определяются субъекты реализации, которые, по своей сути, представляют собой следующий набор идентифицированных объектов модели. На следующем шаге для каждой связки «субъект – процесс» определяются три блока атрибутов: целеустанавливающие, инициализирующие и формирующие. Целеустанавливающие атрибуты формируют мотивационную составляющую запуска процесса. Инициализирующие атрибуты участвуют в описании ситуации, при которой становится возможным запуск процесса. Формирующие атрибуты определяют степень воздействия процесса на изменяемый атрибут. Процесс идентификации составляющих концептуальной структуры модели завершается на шаге, при котором не появляется новых связей «объект – атрибут». Далее оформляется структура объектов модели. В *таблице 1* представлена структура объекта Харвестер.

Дальнейший этап по формализации модели связан с формированием структуры сервисов во взаимосвязи с объектами модели. Идентифицированные в концептуальной структуре модели процессы позиционируются в качестве сервисов. Каждый сервис имеет две стороны отношений с объектами: предоставляющие сервис и потребляющие сервис. Эти отношения отображаются с использованием ОС-проекции (*рис. 2*).

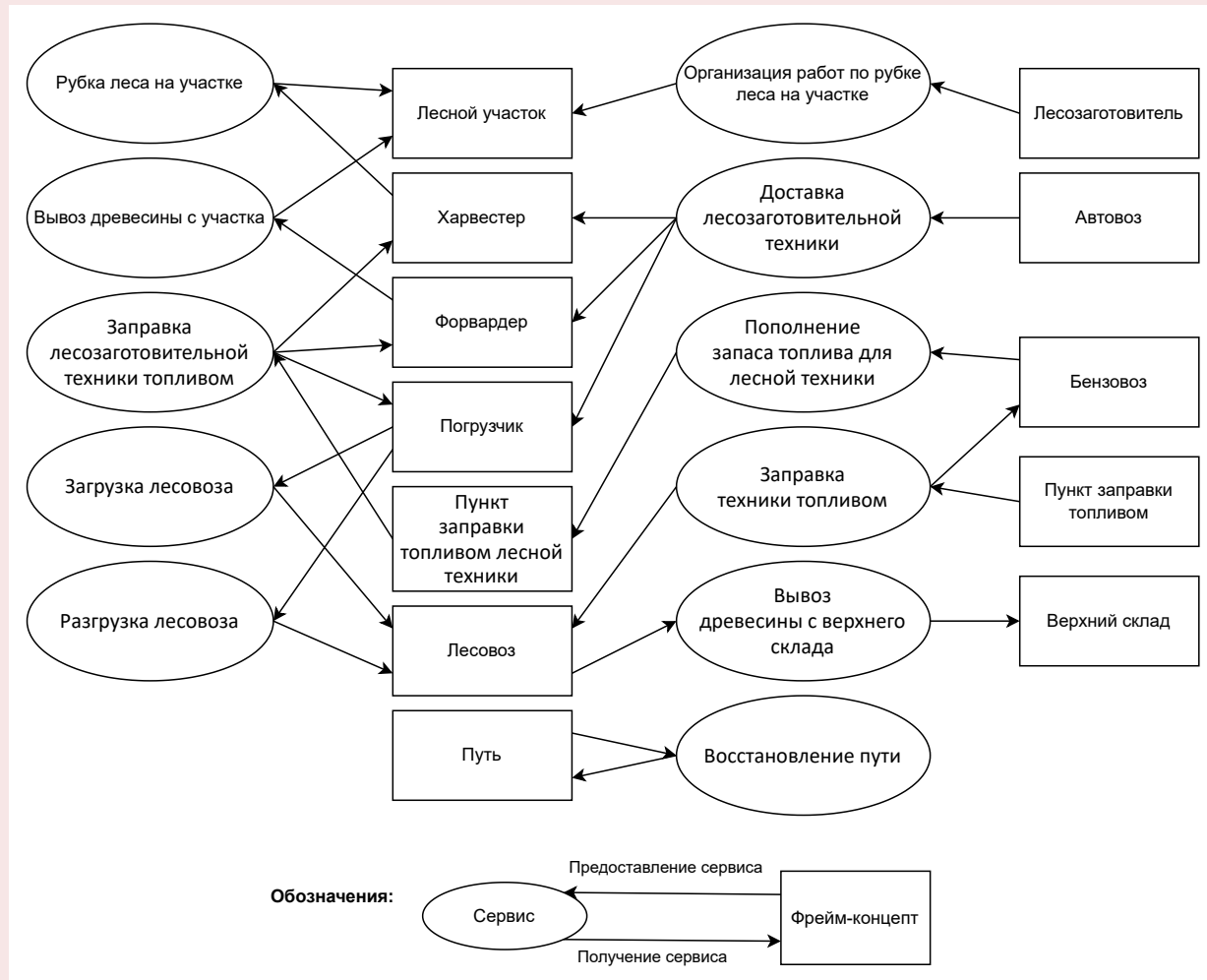
С каждым отношением «Получение сервиса» связываются модули мотивации. Данные модули имеют единственный выходной параметр со значениями «мотивирован» либо «не мотивирован». Например, для отношения между объектом «Харвестер» и сервисом «Заправка лесозаготовительной техники топливом» определен модуль мотивации «востребован». Логика его содержимого заключается в том, что если у объекта «Харвестер» имеется владелец (заполнен целеустанавливающий атрибут «Принадлежность»), то выходной параметр модуля мотивирования имеет значение «мотивирован».

Для реализации сервисов в их структуре на уровне связанных с сервисом объектов формируются модули идентификации, планирования и реализации сервиса. Между модулями могут устанавливаться связи, обеспечивающие пере-

Таблица 1. Структура объекта Харвестер

Харвестер			H(N_h)
Атрибут	Диапазон значений	Единицы измерения	Обозначение
Идентификатор	Буквенно-числовое обозначение		H_id
Место постоянной дислокации	Идентификатор элемента Узел		H_loc
Место текущей дислокации	Идентификатор элемента Узел		H_cloc
Место работы	Идентификатор элемента Узел		H_rloc
Принадлежность	Идентификатор элемента Лесозаготовитель		H_vlad
Масса	Числовое значение	кг	H_mass
Производительность	Числовое значение	куб. м / час	H_eff
Объем топливного бака	Числовое значение	литр	H_vbak
Текущий уровень топлива	Числовое значение	литр	H_cbak
Средний расход топлива	Числовое значение	л / час	H_rt
Стоимость обслуживания в фазе эксплуатации	Числовое значение	руб. / час	H_stobe
Стоимость обслуживания в фазе простоя	Числовое значение	руб. / час	H_stobp
Скорость перемещения	Числовое значение	км / час	H_spped
Время эксплуатации	Числовое значение	час	H_te
Источник: составлено авторами.			

Рис. 2. ОС-проекция модели

Источник: составлено авторами.

дачу параметров. На входе они имеют определенное множество значений атрибутов объектов модели. Для каждого модуля приводится описание алгоритмов его реализации.

Модуль идентификации оперирует текущими значениями выходного параметра модуля мотивации и инициирующего параметра «Текущий уровень топлива» объекта «Харвестер». Если первый имеет значение «мотивирован», а второй имеет значение ниже определенной величины, то модуль идентификации запускается.

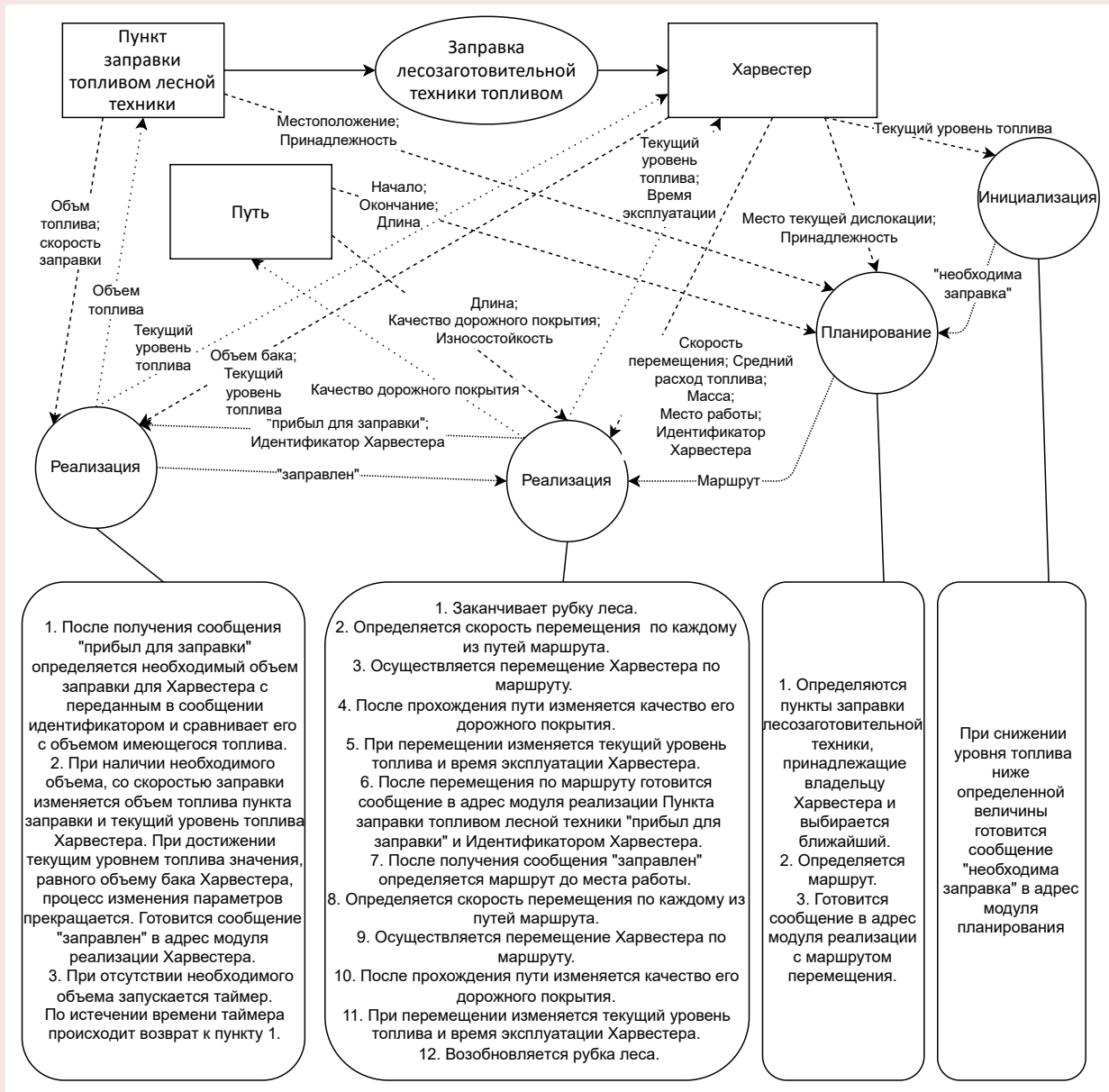
Пример описания модулей представлен на рисунке 3.

ОС-проекция и проекция модулей сервисов далее реализуются в средах агент-ориентированного моделирования.

На следующем этапе формируется пространственная структура элементов модели. Здесь определяется набор узлов размещения объектов модели, задается система координат и в соответствии с ней определяется размещение узлов и сети взаимодействия между узлами. Далее происходит размещение выявленных объектов модели в узлах.

Качественное представление транспортных сетей в моделях имеет важное значение. Они, с одной стороны, должны отображать существующую дорожную сеть, с другой стороны, должны предоставлять возможность формировать сеть предполагаемых к построению лесных дорог. Кроме того, следует обеспечить связь параметров объектов дорожных сетей с элементами

Рис. 3. Проекция модулей сервиса «Заправка лесозаготовительной техники топливом»

Источник: составлено авторами.

агент-ориентированных моделей. При этом необходимо, отталкиваясь от существующих в системах агент-ориентированного моделирования механизмов реализации пространственных сетей, сформулировать и реализовать механизмы имитации функционирования сети дорог, используемых в процессах лесохозяйственной деятельности.

Многие из существующих агент-ориентированных сред (например, программные среды AnyLogic, NetLogo, GAMA) обеспечивают возможность формирования пространственных сетей за счет интеграции с геоинформационными системами (ГИС). Таким образом, в агент-ориентированных моделях можно использовать информацию о существующей дорожной

сети, которую содержат геоинформационные системы. При этом модели представляются более реалистичными и наглядными. Интеграция обеспечивается за счет сервисов, предоставляемых современными Web-ГИС. К ним относятся тайловые сервисы и сервисы предоставления шейп-файлов. Помимо внешнего вида, из географических данных агенты получают точные размеры моделируемых объектов, что позволяет разрабатывать более адекватные модели. В разработанной нами концепции дорожная сеть разбивается на отдельные участки – пути. С каждым путем ассоциируется отдельный агент, который содержит характеристики пути.

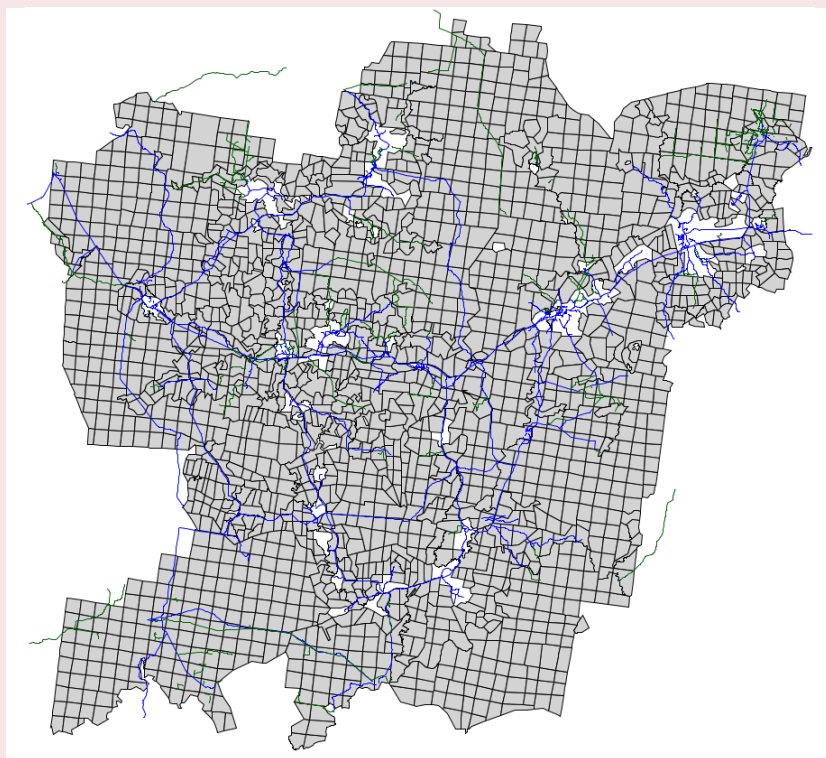
Полученная дорожная сеть для лесозаготовок на территории Бабушкинского муниципального округа Вологодской области представлена на *рисунке 4*. В качестве источника картографических данных использовался портал OSM (OpenStreetMap), где можно получить отдельные шейп-файлы автомобильных дорог,

лесных дорог и лесных кварталов. Необходимые для модели карты были созданы при помощи инструментария ГИС QGIS, позволяющего загружать, редактировать и просматривать географические данные. Для поиска и отбора необходимых данных использовался плагин QGIS QuickOSM.

Дорожную сеть, полученную из ГИС, можно дополнять с использованием имеющихся в агент-ориентированных средах специализированных элементов. К ним, как правило, относятся элементы, позволяющие создавать точечные и полигональные объекты, а также соединять их.

В соответствии с разработанной концепцией создания агент-ориентированных моделей определена схема принятия управленческих решений. Она использует результаты, зафиксированные в процессах взаимодействия объектов модели при оказании услуг. Взаимодействие осуществляется в конфигурации территори-

Рис. 4. Дорожная сеть для лесозаготовок на территории Бабушкинского муниципального округа Вологодской области

Источник: составлено авторами.

альной транспортной сети, которая определяет характеристики взаимодействия. В процессе оказания услуг формируются значения заданного набора параметров в рамках оценки успешности функционирования модели – целевых показателей. Основная цель моделирования заключается в нахождении при имеющихся ресурсах (ограничениях) наиболее оптимальной архитектуры функционирования моделируемой системы (структуры транспортной сети, количества, характеристик и мест постоянной дислокации объектов) исходя из значений целевых показателей. В процессе моделирования формируются различные архитектурные композиции моделируемой системы. Количество возможных вариантов ограничивается спецификой предметной области и имеющимися ограничениями ресурсов. Производится моделирование по каждому из вариантов в течение определенного времени моделирования. По результатам рассчитываются значения показателей эффективности модели, которые являются производными от значений параметров объектов модели, фиксируемых в ходе моделирования. Набор полученных показателей для каждой модели сравнивается с набором целевых показателей. По результатам определяется наиболее оптимальный вариант архитектуры моделируемой системы.

Заключение

В результате исследования разработан алгоритм конкретных шагов и стадий, необходимый для проектирования и реализации агент-ориентированных моделей, обеспечивающих поддержку принятия решений по формированию эффективной инфраструктуры для использования лесных ресурсов. Он базируется на сервис-ориентированном подходе к проектированию агент-ориентированных моделей и включает последовательный и полный цикл этапов, начиная с анализа предметной области и заканчивая практической реализацией и эксплуатацией моделей. Его отличительной особенностью является использование на этапе концептуального проектирования разработанных схем функционирования моделируемой агент-ориентированной системы и ее объектов. На первой стадии осуществляется разработка вербальной модели: формальное описание моделируемой системы, определяются цели

моделирования, целевые показатели и критерии оценки модели. На стадии концептуального проектирования среды функционирования объектов определяются элементы пространственного графа (узлы и пути) и их атрибуты. Данный процесс, с одной стороны, осуществляется с учетом среды реальной предметной области, с другой стороны, может содержать элементы ее предполагаемого развития.

Затем следует стадия концептуального проектирования объектов модели. На основе анализа вербальной модели в соответствии с сервис-ориентированным подходом идентифицируются объекты модели. В результате получается набор объектов с закрепленными за ними потребностями и сервисами, параметрами мобильности, атрибутами и структурой модулей моделей проведения. На стадии формализации модели прорабатывается содержание модулей моделей поведения объектов. В ходе реализации шагов данной стадии происходит уточнение концептуальной модели среды функционирования объектов и концептуальной модели объектов. Следующая стадия – формирование архитектуры агент-ориентированной модели. На основе анализа результатов, полученных на стадиях концептуализации и формализации, определяются состав и структура агентов модели. Здесь же определяются наборы управляемых параметров и параметров оценки результатов моделирования, а также механизмы формирования параметров оценки результатов моделирования.

Далее следует стадия реализации модели, осуществляемая с использованием программного инструментария. Формируется первоначальный набор элементов модели, задаются их начальные параметры и пространственное размещение. На стадии эксплуатации модели проводятся экспериментальные исследования, связанные с изменением управляемых параметров. Для отдельных целей моделирования системы (при необходимости оценки ее различных конфигураций) может быть определена стадия реконфигурации модели. Здесь возможны два варианта: во-первых, повторение стадий реализации (формирование новой конфигурации первоначального набора элементов модели, их начальных параметров и пространственного размещения) и экспериментальных исследований; во-вторых, повторение ста-

дии концептуального проектирования среды функционирования объектов (реконфигурация среды функционирования агентов) с последующим повторением стадий реализации и экспериментальных исследований. Заключительная стадия связана с оценкой полученных результатов.

Алгоритм конкретных шагов и стадий, необходимых для проектирования и реализации агент-ориентированных моделей, был апробирован в рамках создания концепта агент-ориентированной модели инфраструктуры лесозаготовки на территории Бабушкинского муниципального округа Вологодской области.

Литература

- Аксенов К.А., Спицина И.А., Крохин А.Л. (2016). Сравнительный анализ методов разработки информационных систем на основе мультиагентного подхода // Компьютерный анализ изображений: Интеллектуальные решения в промышленных сетях (САИ-2016): сборник научных трудов. Екатеринбург: Учебно-методический центр Уральского политехнического института. С. 205–207.
- Алфимцев А.Н., Локтев Д.А., Локтев А.А. (2013). Сравнение методологий разработки систем интеллектуального взаимодействия // Вестник Московского государственного строительного университета. № 5. С. 200–208.
- Антонова Т.С. (2011). Рациональное размещение лесовозных автомобильных дорог при разработке проектов освоения лесов для заготовки древесины // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. № 197. С. 130–138.
- Антонова Т.С., Тюрин Н.А., Громская Л.Я. (2015). Методика размещения лесосек и транспортного освоения лесов лесозаготовительного предприятия на базе геоинформационных систем // Технология колесных и гусеничных машин. № 2 (18). С. 12–18.
- Бжеленко П.В., Антонова Т.С., Тюрин Н.А. (2021). Количественная оценка объемов лесного дорожного строительства для полного транспортного освоения лесов в Северо-Западном федеральном округе // Цифровые технологии в лесном секторе: материалы II Всероссийской научно-технической конференции-вебинара. Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова. С. 32–34.
- Гончарова М.В. (2018). Разработка схемы лесовозных дорог с использованием теории графов // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск. С. 30–32.
- Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. (2023). Проблемы агент-ориентированного моделирования формирования эффективной территориальной сети лесных дорог // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 68–84. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.4
- Зубарева М.Г., Цветков А.А., Хамуш А.Л. [и др.] (2016). Методологии проектирования мультиагентных систем // Технические науки в России и за рубежом. М.: Буки-Веди. С. 3–8.
- Ларин С.М., Громская Л.Я., Тюрин Н.А. (2022). Особенности транспортного обеспечения интенсивной модели лесного хозяйства // Сборник статей по материалам научно-технической конференции Института технологических машин и транспорта леса по итогам научно-исследовательских работ 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова. С. 51–55.
- Мотовилов Г.К., Антонова Т.С., Тюрин Н.А. (2023). Обоснования региональной инфраструктуры pelletного производства методом гравитационной модели // Сборник статей по материалам научно-технической конференции Института технологических машин и транспорта леса по итогам научно-исследовательских работ 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова. С. 12–16.
- Николайчук О.А., Павлов А.И., Столбов А.Б. (2019). Методическое и программное обеспечение процесса гибкой разработки агентных имитационных моделей // Девятая всероссийская научно-практическая конференция по имитационному моделированию и его применению в науке и промышленности, Екатеринбург, 16–18 октября 2019 года. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета. С. 215–222.
- Орлов А.М., Ковалев А.П., Громыко О.С., Грищенко Ю.А. (2022). О проблемах и перспективах заготовки древесины в лесах Дальнего Востока // Природообустройство. № 2. С. 108–115. DOI: 10.26897/1997-6011-2022-2-108-115

- Прядилина Н.К., Петров А.П. (2020). Использование практики разработки схем транспортного освоения лесов в региональных программах развития лесного сектора // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 5. С. 152–158.
- Русецкая Г.Д. (2022). Реализация концепции устойчивого развития в управлении лесным хозяйством // Известия Байкальского государственного университета. Т. 32. № 3. С. 512–526. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(3).512- 526
- Русецкая Г.Д., Санина Л.В. (2023). Переход к освоению интенсивной модели использования и воспроизводства лесов // Baikal Research Journal. Т. 14. № 1. С. 91–104. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(1).91-104
- Швецов А.Н. (2016). Агентно-ориентированные системы: методологии проектирования. Вологда: Вологодский государственный университет. 192 с.
- Швецов А.Н., Дианов С.В. (2019). Методика разработки агент-ориентированных моделей сложных систем // Вестник Череповецкого государственного университета. № 1(88). С. 48–58. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-1-88-5
- Acuna M. (2017). Timber and biomass transport optimization: A review of planning issues, solution techniques and decision support tools. *Croatian Journal of Forest Engineering*, 38(2), 279–290.
- Akhtari S., Taraneh S., Siller-Benitez D.G., Roeser D. (2019). Impact of inventory management on demand fulfilment, cost and emission of forest-based biomass supply chains using simulation modelling. *Biosystems Engineering*, 178, 184–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biosystemseng.2018.11.015>
- Almeida R.O., Munis R.A., Camargo D.A. et al. (2022). Prediction of road transport of wood in Uruguay: Approach with machine learning. *Forests*, 13(10), 1737. DOI: 10.3390/f13101737
- Asikainen A. (2001). Simulation of logging and barge transport of wood from forests on islands. *International Journal of Forest Engineering*, 12(2), 43–50. DOI: 10.1080/14942119.2001.10702445
- Audy J.-F., Rönnqvist M., D'Amours S., Yahiaoui A.-E. (2022). Planning methods and decision support systems in vehicle routing problems for timber transportation: A review. *International Journal of Forest Engineering*, 34(5), 1–25. DOI: 10.1080/14942119.2022.2142367
- Aydinel M., Sowlati T., Cerda X., Cope E., Gerschman M. (2008). Optimization of production allocation and transportation of customer orders for a leading forest products company. *Mathematical and Computer Modelling*, 48(7-8), 1158–1169. DOI: 10.1016/j.mcm.2007.12.025
- Azar A., Mashayekhi M., Mojataba A., Hossein S. (2021). Modeling steel supply chain and estimating its consumption through ABM methodology. *Industrial management Perspective*, 11(41), 33–51. DOI: 10.52547/jimp.11.1.33
- Balaman S.Y., Matopoulos A., Wright D.G., Scott J. (2018). Integrated optimization of sustainable supply chains and transportation networks for multi technology bio-supplier based production: A decision support system supplier based on fuzzy ϵ -constraint method. *Journal of Cleaner Production*, 172, 2594–2617. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.11.150.
- Beaudoin D., LeBel L., Soussi M.A. (2013). *Discrete Event Simulation to Improve Log Yard Operations. CIRRELT Working Paper*. Quebec. Available at: <https://www.cirrelt.ca/Doc>
- Berg S., Bergström D., Nordfjell T. (2014). Simulating conventional and integrated stump- and round-wood harvesting systems: a comparison of productivity and costs. *International Journal of Forest Engineering*, 25(2), 138–155. DOI: 10.1080/14942119.2014.941640
- Bordón M., Montagna J.M., Corsano G. (2018). An exact mathematical formulation for the optimal log transportation. *Forest Policy and Economics*, 95, 115–122. DOI: 10.1016/j.forpol.2018.07.017
- Bordón M., Montagna J.M., Corsano G. (2021). Solution approaches for solving the log transportation problem. *Applied Mathematical Modelling*, 98(4), 611–627. DOI: 10.1016/j.apm.2021.06.003
- Borshchev A., Filippov A. (2004). From system dynamics and discrete event to practical agent-based modelling: Reasons, techniques, tools. In: Kennedy M., Winch G.W., Langer R.S., Rowe J.I., Yanne J.M. (Eds). *Proceedings of the 22nd International Conference of the System Dynamics Society; July 25–29; Oxford (UK)*. Littleton (MA): System Dynamics Society.
- Borshchev A. (2014). *The Big Book of Simulation Modeling: Multimethod Modeling with AnyLogic*. Chicago, IL.
- Boukherroub T., LeBel L., Lemieux S. (2017). An integrated wood pellet supply chain development: Selecting among feedstock sources and a range of operating scales. *Applied Energy*, 198, 385–400. DOI: 10.1016/j.apenergy.2016.12.013
- Chung W., Contreras M. (2011). Forest transportation planning under multiple goals using ant colony optimization. In: *Ant Colony Optimization Methods and Applications*. DOI: 10.5772/13805

- Danilović M., Stojnić D., Novković N., Dragan G.P. (2013). The state of forest roads and determining an optimum density of a forest road network using GIS. *Forest Review*, 44, 6–10.
- Dean D.J. (2011). Finding optimal routes for networks of harvest access roads using GIS-based techniques. *Canadian Journal of Forest Research*, 27(1), 11–22. DOI: 10.1139/cjfr-27-1-11
- Devlin G., Talbot B. (2014). Deriving cooperative biomass resource transport supply strategies in meeting co-firing energy regulations: A case for peat and wood fibre in Ireland. *Applied Energy*, 113, 1700–1709. DOI: 10.1016/j.apenergy.2013.09.019
- Divényi D., Dán A. (2013). Agent-based modeling of distributed generation in power system control. *IEEE Transactions in Sustainable Energy*, 4(4), 886–893. DOI: 10.1109/TSTE.2013.2253811/
- Đuka A., Bomber Z., Poršinsky T, Papa I., Pentek T. (2020). The influence of increased salvage felling on forwarding distance and the removal – a case study from Croatia. *Forests*, 12(1), 7. DOI: 10.3390/f12010007
- Flisberg P., Frisk M., Rönnqvist M., Guajardo M. (2015). Potential savings and cost allocations for forest fuel transportation in Sweden: A country-wide study. *Energy*, 85, 353–365. DOI: 10.1016/j.energy.2015.03.105
- Forsberg M., Frisk M., Rönnqvisty M. (2005). FlowOpt – a decision support tool for strategic and tactical transportation planning in forestry. *International Journal of Forest Engineering*, 16(2), 101–114. DOI: 10.1080/14942119.2005.10702519
- Frisk M., Göthe-Lundgren M., Jörnsten K., Rönnqvist M. (2010). Cost allocation in collaborative forest transportation. *European Journal of Operational Research*, 205(2), 448–458. DOI: 10.1016/j.ejor.2010.01.015
- Grimm V., Railsback S.F., Vincenot C.E. et al. (2020). The ODD protocol for describing agent-based and other simulation models: A second update to improve clarity, replication, and structural realism. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 23(2), 7. DOI: 10.18564/jasss.4259
- Gronalt M., Rauch P. (2018). Analyzing railroad terminal performance in the timber industry supply chain – a simulation study. *International Journal of Forest Engineering*, 29(1), 162–170. DOI: 10.1080/14942119.2018.1488913
- Han S.K., Murphy G.E. (2012). Solving a woody biomass truck scheduling problem for a transport company in Western Oregon, USA. *Biomass and bioenergy*, 44, 47–55. DOI: 10.1016/j.biombioe.2012.04.015
- Helo P., Rouzafzoon J. (2023). An agent-based simulation and logistics optimization model for managing uncertain demand in forest supply chains. *Supply Chain Analytics*, 4, 100042. DOI: 10.1016/j.sca.2023.100042
- Holzfeind T., Kanzian C., Gronalt M. (2021). Challenging agent-based simulation for forest operations to optimize the European cable yarding and transport supply chain. *International Journal of Forest Engineering*, 32(1), 77–90. DOI: 10.1080/14942119.2021.1850074
- Jamaluddin J., Kamarudin N., Mohd Hasmadi I., Ahmad S.A. (2023). Optimizing timber transportation planning for timber harvesting using bees algorithm in Malaysia. *Journal of Environmental Management*, 340, 117977. DOI: 10.1016/j.jenvman.2023.117977
- Jamhuri J., Norizah K., Mohd Hasmadi I., Azfanizam A.S. (2021). Bees algorithm for forest transportation planning optimization in Malaysia. *Forest Science and Technology*, 17(2), 88–99. DOI: 10.1080/21580103.2021.1925597
- Jamhuri J., Norizah K., Mohd Hasmadi I., Siti A.A. (2020). Timber transportation planning using bees algorithm. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 463, 012171. DOI: 10.1088/1755-1315/463/1/012171
- Karttunen K., Lättilä L., Korpinen O.-J., Ranta T. (2013). Cost-efficiency of intermodal container supply chain for forest chips. *Silva Fennica*, 47, 1–24. DOI: 10.14214/sf.1047
- Kogler C., Rauch P. (2018). Discrete event simulation of multimodal and unimodal transportation in the wood supply chain: A literature review. *Silva Fennica*, 52(4), 1–29. DOI: 10.14214/sf.9984
- Kogler C., Rauch P. (2019). A discrete event simulation model to test multimodal strategies for a greener and more resilient wood supply. *Canadian Journal of Forest Research*, 49, 1298–1310. DOI: 10.1139/cjfr-2018-0542
- Kons K., La Hera P., Bergström D. (2020). Modelling dynamics of a log-yard through discrete-event mathematics. *Forests*, 11(2), 155. DOI: 10.3390/f11020155
- Lin P., Contreras M.A., Dai R., Zhang J.A. (2016). A multilevel ACO approach for solving forest transportation planning problems with environmental constraints. *Swarm and Evolutionary Computation*, 28, 78–87. DOI: 10.1016/j.swevo.2016.01.003
- Lin P., Dai R., Contreras M.A., Zhang J. (2017). Combining ant colony optimization with 1-opt local search method for solving constrained forest transportation planning problems. *Artificial Intelligence Research*, 6(2), 27. DOI: 10.5430/air.v6n2p27/

- Lin P., Zhang J., Contreras M.A. (2014). Applying pareto ant colony optimization to solve bi-objective forest transportation planning problems. In: *Proceedings of the 2014 IEEE 15th International Conference on Information Reuse and Integration*. DOI: 10.1109/IRI.2014.7051970
- Lotfalian M., Peyrov S., Adeli K., Pentek T. (2022). Determination of optimal distribution and transportation network (wood transportation in Iran). *Croatian Journal of Forest Engineering*, 43(2), 313–323. DOI: 10.5552/crojfe.2022.1779
- Lundbäck M., Häggström C., Fjeld D., Lindroos O., Nordfjell T. (2022). The economic potential of semi-automated tele-extraction of roundwood in Sweden. *International Journal of Forest Engineering*, 33(3), 271–288. DOI: 10.1080/14942119.2022.2103784
- Marques A.F., de Sousa J.P., Rönnqvist M., Jafe R. (2014). Combining optimization and simulation tools for short-term planning of forest operations. *Scandinavian Journal of Forest Research*, 29(sup1), 166–177. DOI: 10.1080/02827581.2013.856937
- Moad K., François J., Bourrières J.P., Lebel L., Vuillermoz M. (2016). A bi-level decision model for timber transport planning. In: *6th International Conference on Information Systems, Logistics and Supply Chain ILS Conference. June 1–4, Bordeaux, France*.
- Mobini M., Sowlati T., Sokhansanj S. (2011). Forest biomass supply logistics for a power plant using the discrete-event simulation approach. *Applied Energy*, 88(4), 1241–1250. DOI: 10.1016/j.apenergy.2010.10.016
- Mohd Hasmadi I., Kamaruzaman J. (2009). Planning of access road using satellite technology and best path modeling. *Modern Applied Science*, 3(3), 83. DOI: 10.5539/mas.v3n3p83
- Naghavi S., Karbasi A., Kakhki M.D. (2020). Agent based modelling of milk and its productions supply chain and bullwhip effect phenomena (Case study: Kerman). *International Journal of Supply and Operations Management*, 7(3), 279–294. DOI: 10.22034/IJSOM.2020.3.6
- Najafi A., Richards E.W. (2013). Designing a forest road network using mixed integer programming. *Croatian Journal of Forest Engineering*, 34(1), 17–30.
- Niazi M.A. (2011). *Towards a Novel Unified Framework for Developing Formal, Network and validated Agent-Based Simulation Models of Complex Adaptive Systems*. Ph.D. Thesis. University of Stirling.
- Olsson B.A., Hannrup B., Jonnsön M. et al. (2107). A decision support model for individual tree stump harvesting options based on criteria for economic return and environmental protection. *Scandinavian Journal of Forest Research*, 32(3), 246–259. DOI: 10.1080/02827581.2016.1236983
- Palmgren M., Rönnqvist M., Värbrand P. (2003). A solution approach for log truck scheduling based on composite pricing and branch and bound. *International Transactions in Operational Research*, 10(5), 433–447. DOI: 10.1111/1475-3995.00420
- Palmgren M., Rönnqvist M., Värbrand P. (2004). A near-exact method for solving the log-truck scheduling problem. *International Transactions in Operational Research*, 11(4), 447–464. DOI: 10.1111/j.1475-3995.2004.00469.x
- Parsakhoo A., Mostafa M., Shataee S., Lotfalian M. (2017). Decision support system to find a skid trail network for extracting marked trees. *Journal of Forest Science*, 63(2), 62–69. DOI: 10.17221/36/2016-JFS
- Peyrov S., Lotfalian M., Adeli K., Pentek T. (2021). Optimization of wood distribution and transportation network with emphasis on rail transport. *Journal of Forest Research and Development*, 7(3), 427–441. DOI: DOI: 10.30466/jfrd.2021.121097
- Puodžiunas M., Field D. Roundwood handling at a Lithuanian sawmill – discrete-event simulation of sourcing and delivery scheduling. *Baltic Forestry*, 14(2), 163–175+223.
- Rey P.A., Muñoz J.A., Weintraub A. (2009). A column generation model for truck routing in the Chilean forest industry. *INFOR: Information Systems and Operational Research*, 47(3), 215–221. DOI: 10.3138/infor.47.3.215
- Rix G., Rousseau L.M., Pesant G. (2015). A column generation algorithm for tactical timber transportation planning. *Journal of the Operational Research Society*, 66(2), 278–287. DOI: 10.1057/jors.2013.170
- Saranen J., Hilmola O.-P. (2007). Evaluating the competitiveness of railways in timber transports with discrete-event simulation. *World Review of Intermodal Transportation Research*, 1(4), 445–458. DOI: 10.1504/WRITR.2007.017097
- Shabani N., Sowlati T. (2013). A mixed integer non-linear programming model for tactical value chain optimization of a wood biomass power plant. *Applied Energy*, 104, 353–361. DOI: 10.1016/j.apenergy.2012.11.013
- She J., Chung W., Kim D. (2018). Discrete-event simulation of ground-based timber harvesting operations. *Forests*, 9(11), 683. DOI: 10.3390/f9110683

- Sinha A.K., Aditya H.K., Tiwary M.K., Chan F.T.S. (2011). Agent-oriented petroleum supply chain coordination. *Expert Systems with Applications: An International Journal*, 38(5), 6132–6145. DOI: 10.1016/j.eswa.2010.11.004
- Skobelev P. (2015). Multi-agent systems for real time adaptive resource management. In: Leitão P., Karnouskos S. (Eds). *Industrial Agents: Emerging Applications of Software Agents in Industry*. Elsevier.
- Van Dyken S., Bakken B.H., Skjelbred I. (2010). Linear mixed-integer models for biomass supply chains with transport, storage and processing. *Energy*, 35(3), 1338–1350. DOI: 10.1016/j.energy.2009.11.017
- Wolfsmayr U.J., Merenda R., Rauch P., Longo F., Gronalt M. (2016). Evaluating primary forest fuel rail terminals with discrete event simulation: A case study from Austria. *Annals of Forest Research*, 59(1), 145–164. DOI:10.15287/afr.2015.428

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: gulin_k@mail.ru); профессор, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15)

Сергей Владимирович Дианов – кандидат технических наук, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Дмитрий Александрович Алферьев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alferiev_1991@mail.ru)

Даниил Сергеевич Дианов – Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: daniil.dianov@gmail.com)

Gulin K.A., Dianov S.V., Alfer'ev D.A., Dianov D.S.

Agent-Based Modeling Methodology for the Development of Territorial Logging Systems

Abstract. The paper examines methodological and practical aspects of designing agent-based models that support decision-making on the development of territorial logging systems. The aim of the study is to design an agent-based modeling methodology to create models for a territorial logging system. Scientific novelty and significance of the research consist in the creation of specialized approaches to designing logging systems models, in which we elaborate on creating a spatial network, possibilities of its integration with geoinformation systems, ensuring the possibility of adaptation to a service-based approach in the formation of elements, enabling the formation of agents' behavior in terms of using spatial elements of the model. We consider tasks related to the development of territorial logging systems in Russia, including the creation of an effective transport and logistics network. We analyze the toolkit used to solve the abovementioned tasks. Most studies have formulated the same goal – to reduce the total operating costs of harvesting wood. In this regard, agent-based modeling can claim to be a significant tool for solving this task. The main problem is lack of a methodological basis for building models; therefore, so far it is premature to talk about the possibility of creating a unified methodology, the list of tasks to be addressed is often endless. At the same time, it is possible to narrow the range of issues at hand by focusing on individual subject areas. Thus, we analyze existing approaches to the creation of agent-based systems and formulate our own approach to the creation of agent-based models of territorial logging systems. We put forward an algorithm of specific steps and stages to design and implement agent-based models. It includes creating a contextual diagram of the simulated system, a methodology to form a conceptual and functional structure of the model that is invariant to the tools of agent-based modeling. We consider

constructing a spatial environment for models by integrating them with geoinformation systems. At the moment, the concept of an agent-based logging model has been created for the territory of Babushkinsky Municipal District of the Vologda Region, the main aspects of its implementation have been worked out in AnyLogic modeling environment. In order to desing a full-fledged model, there must be interest on the part of those who can provide actual data.

Key words: logging system, transport accessibility of forest resources, transport and logistics network, agent-based modeling methodology, service-based approach.

Information about the Authors

Konstantin A. Gulin – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: gulin_k@mail.ru); Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation)

Sergei V. Dianov – Candidate of Sciences (Engineering), Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Dmitrii A. Alfer'ev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alferiev_1991@mail.ru)

Daniil S. Dianov – Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: daniil.dianov@gmail.com)

Статья поступила 01.10.2024.

Гибридные организации в негосударственном секторе социальных услуг: социологический анализ

**Ольга Ивановна
БОРОДКИНА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: oiborodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757; ResearcherID: M-8251-2013

**Алина Алексеевна
СУЛИМОВА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: alina.sulimova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5847-4159

Аннотация. Проблемы развития третьего сектора занимают одно из центральных мест в исследовании современной социально-экономической системы России. Среди актуальных трендов трансформации сферы социальных услуг – возникновение и развитие гибридных организаций, которые в своей деятельности объединяют социальные цели и коммерческие задачи. В то же время вопрос гибридных форм в социальной сфере недостаточно изучен; гибридные организации рассматриваются российскими авторами преимущественно применительно к развитию государственного-частного партнерства в сфере экономики. Цель представленного исследования – анализ теоретических подходов к пониманию гибридной модели организаций и рассмотрение конкретных примеров реализации гибридных форм среди российских некоммерческих организаций, что определяет научную новизну работы. Отдельная задача связана с выявлением

Для цитирования: Бородкина О.И., Сулимова А.А. (2024). Гибридные организации в негосударственном секторе социальных услуг: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 204–217. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.11

For citation: Borodkina O.I., Sulimova A.A. (2024). Hybrid organizations in the non-governmental sector of social services: A sociological analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 204–217. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.11

наиболее успешных и инновационных практик развития гибридных организаций, представляющих взаимосвязь некоммерческих и бизнес-структур. Для ее решения были проанализированы два кейса – в Пензе и Кисловодске, представляющие кластер организаций, оказывающих услуги детям и взрослым с особенностями развития. Результаты исследования показали, что тенденция развития гибридных форм для некоммерческих организаций во многом связана со стремлением достичь устойчивого финансового положения. В настоящее время имеют место различные гибридные формы, помимо государственно-частного партнерства, учреждения крупными коммерческими организациями аффилированных с ними некоммерческих организаций, развиваются новые институциональные формы, связанные с созданием некоммерческими организациями коммерческих предприятий, которые, как правило, оказывают дополнительные услуги или тиражируют успешные социальные практики на коммерческой основе. Такого рода организации должны обеспечивать финансовую устойчивость некоммерческих организаций, так как часть прибыли идет на поддержку деятельности последних. Этот процесс открывает значительные возможности для развития некоммерческого сектора, но требует поиска баланса между коммерческой и социальной составляющими деятельности подобного партнерства. Гибридный формат создает новые перспективы для третьего сектора, позволяя диверсифицировать ресурсы путем взаимодействия некоммерческих и коммерческих структур и выстраивания более эффективного взаимодействия с региональными органами власти. Дальнейшие исследования в данной сфере могут быть связаны с анализом эффективности гибридных форм по сравнению с традиционными некоммерческими организациями, а также с изучением долгосрочных последствий гибридизации для развития третьего сектора.

Ключевые слова: гибридные организации, третий сектор, финансовая устойчивость НКО, социальное предпринимательство.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ №24-18-00542 «Экосоциальная модель социального государства в России: концептуальные основы, дискурсы, институты», реализуемого в СПбГУ.

Введение

В современных условиях достижение финансовой устойчивости является одним из ключевых приоритетов для многих некоммерческих организаций. Нерегулярность получения частных пожертвований и корпоративной помощи, барьеры для получения государственной поддержки, ограниченный доступ к грантовой поддержке вынуждают некоммерческие организации (НКО) искать новые пути диверсификации своих доходов. В этом контексте развитие гибридных форм организаций, сочетающих в себе элементы некоммерческой и коммерческой деятельности, представляется одним из возможных вариантов решения проблемы. В самом общем виде гибридные организации стирают границы между государственным, некоммерческим и бизнес-секторами (Billis, 2014; McNutt, Billis, 2016). Однако внедрение гибридной модели в секторе социальных услуг сопряжено с рядом специфических вызовов и барьеров.

Сложности интеграции некоммерческих и коммерческих целей и задач, обеспечение прозрачности и подотчетности перед стейкхолдерами, необходимость развития новых управленческих компетенций требуют тщательного планирования и адаптации организационных процессов. Данные процессы пока не получили должного теоретического осмысления. Проблемы финансовых ресурсов некоммерческих организаций преимущественно рассматриваются с точки зрения доступа к государственному финансированию (Грищенко 2014; Васильцова, Невьянцева, 2017).

Цель работы связана с анализом теоретических подходов к пониманию гибридной модели организаций, а также рассмотрению конкретных примеров реализации гибридных форм среди российских НКО. В качестве эмпирической базы представлены кейсы из Кисловодска и Пензы, которые демонстрируют различные

модели интеграции деятельности коммерческих структур и НКО, а также подчеркивают значимость межсекторного партнерства для решения социальных задач.

Теоретические основы исследования

В качестве теоретической рамки исследования анализируются понятие «гибридная организация», проблемы финансовой устойчивости, а также социальной ответственности, которые определяют развитие данной модели организаций в сфере социальных услуг.

Понятие «гибридная организация»

Понятие «гибридная организация» относительно новое в социальной сфере, в связи с чем отсутствует единый подход к пониманию данной организационной формы. По определению Е.С. Огородниковой, гибридная модель – «это специфический тип взаимодействия, объединяющий производителей и источники покрытия ресурсов, относящиеся к государственному, корпоративному и общественным секторам экономики, позволяющий максимизировать выпуск социальных услуг» (Огородникова и др., 2023, с. 754). Примерно такой же позиции придерживаются Е.В. Попов с коллегами, приводя более формализованную дефиницию: «Гибрид можно определить как долгосрочные контрактные отношения между хозяйствующими субъектами, при которых участники взаимодействия объединяют материальные и нематериальные активы для совместного осуществления различных видов деятельности, оставаясь при этом автономными и работая на основе заключенного между ними контракта» (Попов и др., 2016, с. 5). В то же время развивается подход, при котором гибридная модель может быть реализована в деятельности одной организации в случае сочетания социальных и коммерческих целей; при таком подходе социальные предприятия можно рассматривать в качестве гибридной формы (Doherty et al., 2014). Авторы широко обсуждаемой работы «Гибридные организации и третий сектор» («Hybrid Organizations and the Third Sector») полагают (и доказывают на эмпирическом материале), что реформы сферы социального обслуживания, в том числе внедрение принципов менеджерализма, развитие «третьего пути» и другие реформы, связанные

с внедрением рыночных механизмов, по существу приводят к постепенной трансформации «чистых» организационных форм (государственные, некоммерческие, коммерческие) в смешанные. Более того, эти процессы наблюдаются во всех аспектах функционирования организаций: форма собственности, организационное управление, менеджмент человеческих, экономических и финансовых ресурсов (Billis, 2010). Кроме того, в литературе сложился подход, когда гибридными называют организации, сочетающие различные виды деятельности, например предоставление услуг и защиту общественных интересов или прав отдельных групп, что приводит к созданию так называемой сервисной/адвокативной организационной формы. Такого рода организации появляются, когда социально-сервисные организации существуют в изменяющемся социально-политическом контексте и вынуждены брать на себя дополнительные функции (Minkoff, 2002).

Проблема устойчивости НКО

Для некоммерческих организаций стремление к развитию гибридных форм во многом связано со стремлением достижения устойчивого положения. Общая устойчивость НКО может быть рассмотрена как совокупность различных внутренних видов устойчивости: финансово-экономической, организационно-управленческой, кадровой, информационно-технологической, коммуникационной, а также репутационной¹.

Построение эффективной модели долгосрочной финансовой устойчивости является одним из приоритетов не только коммерческих структур, но и многих некоммерческих организаций, поскольку от этого зависит выполнение социальной миссии и социальных задач, стоящих перед НКО. В условиях финансовой нестабильности некоммерческие организации вынуждены искать пути диверсификации своих доходов.

¹ Факторы устойчивости НКО (отчет по результатам исследования) // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. URL: https://asi.org.ru/wp-content/uploads/2021/12/factory-ustojchivostin-ko_niu-vshe_asi.pdf?ysclid=lv0yтууrvo284941531 (дата обращения 12.05.2024).

В научном дискурсе представлены различные теоретические модели обеспечения финансовой устойчивости организаций третьего сектора. В данной работе обозначим основные теории, повлиявшие на гибридизацию социального сектора услуг.

В теории «портфеля доходов» (revenue portfolio theory) некоммерческие организации рассматриваются в качестве структур, обладающих целым «портфелем» источников для устойчивого финансирования своей деятельности (Young, 2007). Диверсификация, по мнению авторов, должна быть произведена с учетом возможных рисков и степени волатильности разных типов доходов: пожертвования, плата за услуги, грантовые средства (Tuckman, Chang, 1991).

Одним из возможных путей диверсификации источников выступает партнерство с бизнесом в рамках концепции корпоративной социальной ответственности (КСО). Сотрудничество с компаниями, реализующими КСО, приносит некоммерческим организациям ряд преимуществ: стабильное финансирование, расширение сети контактов, а также повышение узнаваемости бренда (Austin, 2000).

Теория стейкхолдеров, или теория заинтересованных сторон, является одной из основополагающих в сфере корпоративной социальной ответственности. В противопоставление традиционной модели приоритизации интересов акционеров авторы данного подхода указывают на широкий спектр обязательств, которые компании несут перед всем кругом заинтересованных сторон (Петров, 2004). В этот круг входят те, на кого непосредственно оказывает влияние деятельность компании: сотрудники, местные сообщества, окружающая среда. Компании, по мнению исследователей, должны ориентироваться прежде всего на интересы и потребности перечисленных выше групп, а не фокусироваться исключительно на максимизации прибыли для акционеров.

Теории корпоративной социальной ответственности

Об активном участии в решении социальных проблем упоминается и в теории корпоративной социальной деятельности (КСД), которая предлагает системный подход, включающий своевременную оценку, реагирование и управление подобными проблемами (Wartick,

Cochran, 1985). КСД подчеркивает важность стратегического планирования и интеграции социальных аспектов в общую бизнес-стратегию компаний. Эта концепция включает три составные части:

1) принципы социальной ответственности, которые разделяет компания;

2) процессы внутри компании, которые предназначены для реализации данных принципов;

3) результаты деятельности компании в сфере ее отношений с обществом или заинтересованными сторонами (Wood, 1991).

Нормативное давление, с которым сталкиваются компании, особенно корпорации, вынуждает их соответствовать общественным ожиданиям и нормам, что стимулирует принятие инициатив в области КСО (DiMaggio, Powell, 1983). Согласно институциональной теории, компании стремятся к соответствию институциональным требованиям для получения легитимности и социального одобрения (Meyer, Rowan, 1977).

По мнению основоположников ресурсной теории (resource-based view), ответственная практика может стать источником конкурентного преимущества за счет формирования ценных нематериальных активов, таких как репутация, приверженность сотрудников и доверие стейкхолдеров (Barney, 1991). Внедряя принципы устойчивого развития, компании выделяются на фоне конкурентов, а также могут привлекать ведущих специалистов и завоевывать лояльность клиентов, повышая тем самым свою долгосрочную прибыльность и рыночные позиции.

КСО во многом схожа с популярным направлением impact investing (инвестирование с учетом воздействия). Концепция такого рода инвестирования основана на идее о том, что финансовые решения могут одновременно преследовать экономические и социально-экологические цели. Подобная модель реализуется посредством предоставления инвесторами капитала организациям, решающим социальные и/или экологические проблемы (Bugg-Levine, Emerson, 2011). Однако любая инвестиция требует «отдачи», в данном случае – социального воздействия, измерение которого может вызывать затруднения, особенно в случае стремления к качественным, а не количественным показателям.

Социальное предпринимательство как гибридная форма

Реализация коммерческой деятельности в формате социального предпринимательства (СП) – не менее популярный способ для НКО обеспечить себе финансовую устойчивость. Преимуществом СП перед другими формами извлечения прибыли является его фокус на решении социальных, экологических и/или культурных проблем, а не на максимизации прибыли (Dacin et al., 2010). Другими словами, НКО, реализующие предпринимательские программы, получают возможность генерировать доход, оставаясь верными своим социальным целям и задачам. Более того, многие авторы определяют социальные предприятия как гибридные именно потому, что в их деятельности соединены цели финансовой стабильности и социальной миссии.

Социальное предпринимательство позволяет НКО диверсифицировать свои источники доходов, сокращая их зависимость от пожертвований и грантов (Bagnoli, Megali, 2009). Снижение зависимости от внешних источников финансирования позволяет организациям быть более гибкими и независимыми в процессе распределения ресурсов и реализации своей миссии (Weerawardena, Mort, 2006).

Помимо перечисленных финансовых преимуществ СП может способствовать улучшению управленческих навыков и повышению общей операционной эффективности, так как оно требует от сотрудников НКО внедрения в свою деятельность более предпринимательского и ориентированного на результат подхода (Austin et al., 2006). Необходимо также отметить, что рыночный подход к решению социальных и экологических проблем повышает эффективность социального воздействия, оказываемого НКО (Boschee, 2006).

**Развитие гибридных форм в социальной сфере
Барьеры развития гибридных моделей**

Взаимодействие государства, бизнеса и НКО обладает огромным потенциалом для решения глобальных социальных проблем, однако для обеспечения эффективности подобного партнерства необходимо преодолеть ряд барьеров – от организационных различий до сложностей в измерении результатов совместных инициатив (Selsky, Parker, 2005).

Организационные различия являются одним из ключевых препятствий, поскольку государственные, бизнес и НКО-структуры имеют разные миссии, ценности и механизмы принятия решений, что затрудняет согласование совместных действий (Bryson et al., 2006). Различные партнеры могут преследовать несовпадающие или даже противоречащие друг другу цели, что создает напряженность и препятствует эффективному сотрудничеству. Выработка согласованных показателей и методик для оценки эффективности совместных инициатив также крайне сложна, что затрудняет мониторинг промежуточных и итоговых результатов. Построение доверия между организациями из разных секторов является определяющим фактором эффективности межсекторного сотрудничества (Vurgo et al., 2010). Это требует от всех сторон открытой коммуникации и готовности к компромиссам. Совместный анализ барьеров и возможностей помогает выработать реалистичные цели и оптимальные схемы распределения ответственности для минимизации рисков.

Направления развития гибридных форм в социальной сфере

В последние годы существенно возросла распространенность гибридных моделей организаций. Причем это утверждение можно отнести как к развитым зарубежным странам, так и к России.

Эмпирические данные, полученные в ходе совместного исследования, проведенного Гарвардской школой бизнеса и Echoing Green (некоммерческой организацией, предоставляющей стипендии с начальным финансированием для начинающих социальных предпринимателей), демонстрируют значительное увеличение числа «гибридных» заявителей на получение финансирования. Согласно результатам исследования, в период 2010–2011 годов доля гибридных заявителей среди 3000 кандидатов достигла 50% по сравнению с 37% в 2006 году². Данные свидетельствуют о тенденции гибридации в секторе социального предпринимательства.

² Beyond Heroic Entrepreneurs. URL: <https://hbswk.hbs.edu/item/beyond-heroic-entrepreneurs> (дата обращения 01.10.2024).

Примером может служить опыт американских организаций Embrace и OrganJet. Embrace, созданная в 2008 году как некоммерческая организация с целью предоставления бесплатных грелок младенцам с низким весом при рождении, в 2012 году создала Embrace Innovations, коммерческую компанию, которая занимается проектированием, производством и клиническим тестированием нагревателя³. Итогом стало не только стабильное финансирование для некоммерческой организации, но и расширение деятельности посредством объединения ресурсов третьего сектора и бизнес-сектора. OrganJet также состоит из двух организаций, связанных друг с другом⁴. Коммерческое подразделение организации реализует программы срочной перевозки пациентов в центры трансплантации. Некоммерческое подразделение, Guardian Wings, помогает субсидировать эту поездку для тех, кто не обладает необходимыми средствами (стоимость такой перевозки варьируется от 8000 до 10000 долларов США в час). Затраты на подобные транспортировки покрываются частными пожертвованиями, а также доходами коммерческого подразделения. Гибридная модель в данном случае позволяет охватывать больше нуждающихся.

В социальной сфере России на протяжении последних десятилетий гибридные модели активно развивались, в том числе в форме государственного-частного партнерства (Барков, Серова, 2016; Завьялова, Ткаченко, 2018). Кроме того, достаточно широко распространилась практика, при которой коммерческие организации создавали собственные некоммерческие структуры, преимущественно благотворительные фонды. Она позволила бизнесу реализовывать программы корпоративной социальной ответственности и филантропические инициативы в более системном и структурированном виде.

Одним из первопроходцев в этой сфере стала нефтяная компания «Лукойл», учредившая в 1993 году Благотворительный фонд «Лукойл» для осуществления социальных проек-

тов и программ⁵. Впоследствии аналогичные структуры были созданы другими крупными добывающими компаниями, такими как «Норникель», «Русал» и др. В настоящий момент большинство подобных корпораций реализуют проекты в рамках корпоративной социальной ответственности и принципов ESG, поддерживают благотворительную деятельность, инвестиции в регионы присутствия и программы повышения квалификации⁶. Социальные проекты позволяют компаниям получать налоговые льготы, повышать узнаваемость бренда и его репутацию в глазах общественности.

Однако в последнее десятилетие в России наметилась противоположная тенденция, когда НКО начинают комбинировать элементы некоммерческой и коммерческой деятельности, например создавать аффилированные с ними бизнес-структуры и/или развивать коммерческие направления деятельности. Эта практика рассматривается исследователями как путь к обеспечению финансовой устойчивости третьего сектора и снижению зависимости от внешних источников финансирования, таких как гранты, субсидии и пожертвования (Старшинова, Бородкина, 2022). Согласно теории институционального изоморфизма, некоммерческие организации копируют организационные практики бизнеса для того, чтобы в дальнейшем открывать собственные коммерческие подразделения и обеспечивать устойчивый доступ к финансированию.

Теория гибридных организаций подтверждает, что в настоящий момент НКО все чаще начинают сочетать характеристики как некоммерческого, так и коммерческого секторов (Billis, 2014). Однако подобная деятельность несет риск возникновения конфликтов между руководством НКО, ее ключевыми бенефициарами, а также донорами.

⁵ Некоммерческая организация «Благотворительный фонд „Лукойл“». URL: https://bflukoil.ru/who_we_are/about_fund/ (дата обращения 12.05.2024).

⁶ Ежегодный аналитический обзор НПА «ESG-рэнкинг российских компаний промышленного сектора» / Национальное Рейтинговое Агентство. URL: <https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/01/esg-rjenking-rossijskih-kompanij-promyshlennogo-sektora-22.01.2024.pdf> (дата обращения 12.05.2024).

³ Non-profit organization “Embrace Global”. URL: <https://www.embraceglobal.org> (дата обращения 01.10.2024).

⁴ OrganJet Corporation. URL: <http://www.organjet.com/home.html> (дата обращения 01.10.2024).

В ряде эмпирических исследований (Battilana et al., 2015; Kwong et al., 2017) подтверждается распространенность практики открытия в НКО бизнес-подразделений или создания аффилированных организаций. Основными мотивами для этого, по мнению исследователей, являются диверсификация источников финансирования и снижение зависимости от грантов/пожертвований; использование коммерческих возможностей для получения дополнительной прибыли; повышение организационной эффективности за счет применения бизнес-методов.

Вместе с тем в рамках этих исследований был выявлен ряд барьеров и рисков, с которыми сталкиваются гибридные организации, например сложности интеграции коммерческих и некоммерческих целей и видов деятельности; проблемы обеспечения прозрачности и подотчетности перед стейкхолдерами; необходимость развития управленческих компетенций, отличных от традиционных для НКО.

Однако помимо «гибридных» организационных форм, интегрирующих некоммерческую и коммерческую деятельность, образуются различные формы партнерства бизнес-структур и некоммерческих организаций. В этих случаях НКО инициируют формирование автономного коммерческого подразделения или самостоятельной коммерческой организации, с которой в дальнейшем взаимодействуют в рамках кластерного объединения. Такой подход позволяет отделить коммерческие операции от основной некоммерческой деятельности, обеспечивая более четкое разграничение организационных миссий и целей. При этом взаимодействие в формате кластера дает возможность выстроить эффективные механизмы сотрудничества и достичь синергетического эффекта между партнерами с различной организационно-правовой формой.

Создание автономных бизнес-единиц, аффилированных с НКО, может быть обусловлено рядом факторов, таких как необходимость соблюдения регуляторных требований, оптимизация налогообложения, привлечение инвестиций или управление рисками. Кроме того, оно позволяет сконцентрировать коммерческие операции в отдельной структуре под управлением профессиональной команды.

Подобные гибридные кластерные модели открывают возможности для перекрестного финансирования социальных программ за счет перераспределения средств от коммерческого партнера в пользу некоммерческой организации.

Таким образом, в современной России при сохранении модели, в рамках которой коммерческие структуры развивают учрежденные ими НКО, наблюдается противоположная тенденция – создание некоммерческими организациями аффилированных с ними коммерческих предприятий. Такого рода организации должны обеспечивать финансовую устойчивость НКО, так как часть прибыли идет на поддержку деятельности некоммерческих структур. Этот процесс открывает новые возможности для развития некоммерческого сектора, но требует поиска баланса между коммерческой и социальной составляющими деятельности подобных партнерств.

Методы исследования

В рамках проведенного исследования была изучена деятельность НКО в различных субъектах Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Пензенская область, Свердловская область, Ставропольский край и др.). Основным методом сбора данных стало экспертное интервью с использованием гайда, включающего вопросы, объединенные в следующие блоки: «государственная поддержка», «межведомственное взаимодействие», «социальное инвестирование», «практики работы с получателями услуг», «цифровизация». Для привлечения информантов применялась целевая выборка, критерии отбора – релевантный опыт работы в НКО на позиции специалиста или руководителя организации. Проведено более 30 экспертных интервью с руководителями и сотрудниками НКО⁷, в итоге для анализа были отобраны два кейса, которые наглядно демонстрируют формирование новой институциональной среды некоммерческого сектора, связанное с развитием гибридных

⁷ Интервью были проведены в 2022–2023 гг. в рамках проекта РНФ № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг».

ной модели. Отобранные кейсы относятся к некоммерческим организациям, работающим с людьми с особыми потребностями, выстраивающим достаточно эффективное взаимодействие с коммерческими структурами, но на различных принципах.

Первый кейс – некоммерческая организация из г. Пензы, которая вывела коммерческое подразделение из своего состава. Второй кейс – НКО из г. Кисловодска, создавшая кластер, в который входят как некоммерческая, так и коммерческая организации. Выбор этих кейсов обусловлен следующими факторами: разные модели взаимодействия с коммерческими подразделениями (выделение бизнес-единицы и создание кластера), географическое разнообразие (первый кейс – Приволжский федеральный округ, второй кейс – Северо-Кавказский федеральный округ), схожая ключевая группа благополучателей (дети и взрослые с ограниченными возможностями здоровья).

Результаты исследования будут достигнуты путем детального анализа каждого кейса. Для каждой организации рассматриваются следующие аспекты: история и мотивы создания коммерческого подразделения, организационная структура, источники финансирования некоммерческой деятельности (в т. ч. роль доходов от коммерческой структуры), преимущества и недостатки применяемой модели взаимодействия.

Результаты исследования

История и мотивы создания коммерческого подразделения

В Пензе партнерство НКО и бизнес-структуры сформировалось в начале 2000-х годов.

«У нас есть три организации, которые между собой тесно сотрудничают. Это фонд „Святое дело“, Центр лечения спины – коммерческая организация ООО, и „Шаг за шагом“. Когда-то Центр был коммерческой частью фонда „Святое дело“. В 2005 году, когда он был организован, он был создан как постоянный источник дохода какого-то, который потом может быть использован для реализации социальных услуг и помощи фонду. Но людям стало непонятно, как это так в составе фонда некоммерческого действует такое коммерческое направление. И мы решили организационно и чисто юридически всё разделить» (директор благотворительного фонда, Пенза).

С целью повышения прозрачности и доверия к организации многие НКО, реализующие коммерческую деятельность, стремятся вывести подразделения из своего состава. Подобное решение обусловлено во многом тем, что коммерческая деятельность может вызывать сомнения у общественности и спонсоров и негативно сказаться на репутации НКО. Именно эта мотивация стала, по словам директора одного из пензенских ООО, ключевой для принятия решения о выведении из состава фонда коммерческого подразделения.

«Изначально Центр лечения спины был предпринимательским направлением фонда „Святое дело“, однако позже был зарегистрирован как отдельное юридическое лицо. С 2021 г. Центр вошёл в реестр социальных предприятий Пензенской области как организация, которая реализует товары и услуги для уязвимых групп» (директор ООО, Пенза).

Медицинско-образовательный кластер, выбранный авторами в качестве второго кейса в Кисловодске, представляет собой, по словам руководителя, уникальный для России пример взаимодействия социально ориентированных структур.

«Мы в прошлом году создали кластер медицинско-образовательный. Он первый, аналога в России я не знаю, поэтому мы идем как первопроходцы, крейсер такой вот, ломаем какой-то там лед недопонимания» (руководитель НКО, Кисловодск).

Мотивацией для этого, по словам руководителя, послужили недостаток финансирования и значительный объем работы НКО.

«Не хватает финансов, потому что у нас, Вы даже не представляете себе, какой у нас объем работы» (руководитель НКО, Кисловодск).

Кластер позволил получать дополнительный доход и распределить нагрузку и поток клиентов между организациями – членами кластера.

Организационная структура

Первый кейс представляет собой партнерство двух благотворительных организаций, реализующих проекты в сфере реабилитации детей и взрослых с ОВЗ, а также ООО, специалисты которого оказывают платные услуги – лечение заболеваний опорно-двигательного аппарата безоперационными методами.

«Центр лечения спины является партнером фондов „Святое дело” и „Шаг за шагом»» (директор ООО, Пенза).

Второй кейс — кластер, созданный на основании соглашения о совместной деятельности социально ориентированных организаций и включающий в себя ООО, благотворительный фонд и ассоциацию. Разграничение зон ответственности (привлечение финансов, оказание социальных и образовательных услуг, реализация благотворительных проектов) позволяет трем организациям в составе кластера эффективно достигать поставленных целей.

«Мы ввели в состав кластера три организации — это коммерческая организация ООО, мы так кластер назвали „Рябина”, то есть коммерческая организация это ООО, следующая организация — это благотворительный фонд, для того чтобы все-таки привлекать какие-то финансовые предложения, какие-то финансовые средства, вот эти вот три организации, и наша АО школа № 21 да НКО, получается ООО, НКО и благотворительный фонд» (руководитель НКО, Кисловодск).

Источники финансирования некоммерческой деятельности

Работа в рамках кластера позволяет перенаправлять ту или иную деятельность на более подходящую для этой задачи организацию, например, оказание платных услуг — на коммерческую организацию, а реализацию социально значимых проектов — на благотворительный фонд.

«Сейчас мы медицину выводим на ООО „Рябина”, потому что услуги платные, а некоммерческие организации не могут этим тоже заниматься» (руководитель НКО, Кисловодск).

Как уже было отмечено ранее, именно недостаток финансирования выступил ключевой мотивацией для создания кластера. Даже несмотря на получение грантов и субсидий, финансовых ресурсов не хватало для полноценной реализации деятельности организации.

«Ну, мы гранты играем, субсидии Министерства труда и социальной защиты получаем и вот сейчас, когда мы поняли, что финансов нам несколько не хватает, мы вот и перешли к тому самому ... коллеги удивляются постоянно, как он (регион — прим. автора) нас не поддерживает, а никак» (руководитель НКО, Кисловодск).

Помимо поддержки бизнес-структуры, проекты благотворительных организаций в первом кейсе активно получают поддержку Фонда президентских грантов, что, по словам директора одной из организаций, стало значимым подспорьем в начале пути фонда. Кроме того, НКО оказывают помощь юридические организации-спонсоры, что также влияет на финансовую устойчивость организации.

«Когда организовался фонд, мы и начали реализацию этого проекта, и нам очень повезло, что в этот же год мы выиграли конкурс в фонде президентских грантов, что позволило нам купить оборудование, необходимое тут, сразу нанять специалистов и массивно развивать это направление. Естественно, практически все дети, которые тут реабилитируются, получают услуги на бесплатной основе. Как это происходит? У нас есть программа, которая спонсируется неравнодушными людьми, нашими спонсорами, это определенное количество детей. И в содействии с фондом „Святое дело” проводится благотворительная акция» (директор благотворительного фонда, Пенза).

Тем не менее роль поддержки партнерской коммерческой структуры остается самой существенной среди всех перечисленных выше источников финансирования.

«То есть все проекты мы реализуем в партнерстве с коммерческим предприятием, которое является социальным предприятием, которое входит в реестр Пензенской области социальных предприятий. Поэтому, конечно, у нас есть хорошая база для реализации масштабных проектов» (директор благотворительного фонда, Пенза).

Преимущества и недостатки применяемой модели взаимодействия

В рассматриваемых кейсах объединения коммерческих и некоммерческих организаций можно выделить как общие характеристики, так и специфические достоинства и недостатки каждого подхода.

Общим преимуществом является возможность обеспечить финансовую устойчивость социальных инициатив за счет диверсификации источников дохода и привлечения средств от коммерческой деятельности. Это снижает зависимость от грантов, пожертвований и государственного финансирования, тем не менее организации не стремятся отказываться от них и

существовать исключительно за счет собственных средств, полученных от реализации коммерческой деятельности.

В первом кейсе (партнерство благотворительных организаций и коммерческой структуры) ключевым достоинством выступает синергетический эффект от объединения усилий. Комплексный подход, сочетающий некоммерческие программы и коммерческие услуги, позволяет эффективнее решать проблемы реабилитации детей с ОВЗ.

«Собственно говоря, центр (Центр лечения спины – прим. автора) – это до сих пор база реализации всех наших проектов, это и сотрудники, и помещения, и возможность поделить расходы, и обучение, потому что обучение – это очень дорого. Послать одного специалиста – это порядка 100 тысяч. Если это серьезное обучение с практикой, с экзаменами и сертификацией – это порядка 100 тысяч. Когда это всё это делится на коммерцию, и мы свой вклад какой-то делаем, это облегчает работу» (директор благотворительного фонда, Пенза).

Возможность повышать квалификацию специалистов за счет средств бизнес-структуры позволяет улучшать качество оказываемых услуг, однако, как отмечает директор благотворительного фонда, существует тенденция оттока специалистов, что усложняет работу коммерческой структуры и отражается на ее репутации.

«Вообще „Центр лечения спины” – это кузница кадров. Сколько инструкторов вышло от нас – их и не сосчитать. И почему-то есть такая тенденция, наверное, не только у нас, что человек, поработав и обучившись методике, думает, почему бы мне не открыть самому такой кабинет. И вот я знаю уже несколько человек, которые у нас обучились, поработали, наработали клиентскую базу и открыли свои кабинеты. Это огорчает, потому что, в первую очередь, это оттягивает клиентов, во-вторых, это репутация нашего центра» (директор благотворительного фонда, Пенза).

Вместе с тем существенным недостатком является риск конфликта интересов и размытия миссии НКО из-за коммерциализации деятельности.

Во втором кейсе (создание кластера социально ориентированных организаций) главным преимуществом является формирование устой-

чивой экосистемы за счет интеграции разнопрофильных акторов. Объединение компетенций НКО, ассоциации и коммерческих структур позволяет комплексно охватывать различные аспекты решаемых социальных задач. Внутри кластера возможно гибкое перераспределение финансовых потоков для повышения устойчивости организаций. Сила кластера также состоит в совокупном усилении влияния и узнаваемости. Однако большое количество участников может создавать серьезные сложности координации и согласования интересов. Высоки риски противоречий между коммерческими и некоммерческими целями, а также возникновения проблем при распределении полномочий и ответственности.

Представленные кейсы партнерства некоммерческих и коммерческих структур раскрывают их значительный потенциал для обеспечения финансовой устойчивости социальных инициатив, однако имеют существенные отличия в плане перспектив и ограничений. Партнерство благотворительных организаций и бизнес-структуры является более простым в управленческом плане, но в этом случае может возникнуть риск противоречия интересов сторон. Создание кластера – более трудоемкий процесс, однако интеграция разнопрофильных участников предоставляет более широкие возможности для реализации социальных программ.

Заключение

Организации третьего сектора, сталкиваясь с проблемой финансовой устойчивости, ищут и развивают новые институциональные формы оказания социальных услуг. Возможности получения государственного финансирования в виде субсидий и грантов не в полной мере удовлетворяют потребности третьего сектора; прежде всего в первом случае – по причине низких тарифов и наличия бюрократических барьеров, а в случае грантов – по причине высокой конкуренции среди некоммерческих организаций. В этой ситуации наиболее активные НКО связывают свою деятельность с развитием гибридных форм. Причем речь идет не только о взаимодействии НКО с существующими коммерческими структурами, которые могли бы взять на себя роль своеобразного спонсора и/или партнера. В рассмотренных

в статье кейсах представлена практика создания на базе НКО аффилированных с ними коммерческих структур, которые либо тиражируют успешные социальные практики на коммерческой основе, либо развивают иные коммерческие услуги, связанные с основной деятельностью некоммерческой организации; хотя возможны и иные варианты взаимодействия. При этом следует отметить, что в обоих случаях организации активно сотрудничали с государственными структурами и получали определенную поддержку, в том числе в виде предоставления помещений.

Гибридный формат открывает новые перспективы для третьего сектора, позволяя диверсифицировать ресурсы путем взаимодействия некоммерческих и коммерческих структур и выстраивания более эффективного взаимодействия с региональными органами власти. Следует отметить, что развитие гибридных организаций соответствует происходящим в социальной сфере реформам, направленным, с одной стороны, на повышение доступности и качества социальных услуг, а с другой — на повышение экономической эффективности этой сферы.

Успешная реализация гибридного подхода не только укрепляет финансовую устойчивость НКО, но и способствует повышению социального эффекта от их деятельности. Дальнейшее развитие третьего сектора, очевидно, во многом

связано с внедрением и адаптацией подобных практик.

Результаты проведенного исследования позволяют расширить понимание институциональных трансформаций в третьем секторе и демонстрируют инновационные подходы к решению социальных проблем. Несмотря на то, что эмпирическое исследование ограничено двумя кейсами, оно в совокупности с данными экспертных интервью отражает тенденцию к использованию гибридного формата российскими НКО, что соответствует мировым трендам. Особенности этого процесса в России обусловлены спецификой институционального контекста, который предполагает тесное взаимодействие не только с государственными учреждениями, но и с органами власти, в первую очередь региональными. Кроме того, существует необходимость адаптировать нормативную базу для использования гибридных форм в социальном секторе.

Актуальность изучения гибридизации третьего сектора продиктована происходящими процессами трансформации сферы услуг. Дальнейшие исследования гибридных организаций в сфере социальных услуг должны быть связаны в первую очередь с анализом эффективности гибридных форм по сравнению с традиционными НКО, а также с изучением их долгосрочного влияния на развитие третьего сектора в России.

Литература

- Барков А.В., Серова О.А. (2016). Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 3 (33). С. 268–280. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-268-280
- Васильцова Л.И., Невьянцева Н.Н. (2017). Рынок социальных услуг: векторы развития и социально-экономические последствия // Дискуссия. Т. 5. № 79. С. 68–73.
- Грищенко А.В. (2014). Механизмы формирования финансовых ресурсов некоммерческих организаций // Финансы: теория и практика. № 4. С. 64–74.
- Завьялова Е.Б., Ткаченко М.В. (2018). Проблемы и перспективы применения механизмов государственно-частного партнерства в отраслях социальной сферы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Экономика. № 1 (26). С. 61–75. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-61-75
- Огородникова Е.С., Плахин А.Е., Хохолуш М.С. (2023). Оценка результатов внедрения гибридных моделей развития сферы социальных услуг в регионах России // Экономика региона. № 3 (19). С. 753–765. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-11>
- Петров М.А. (2004). Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. № 2. С. 51–68.

- Попов Е.В., Калмыкова О.Н., Симонова В.Л. (2016). Циклы отраслевых рынков и динамика развития гибридных структур // Журнал экономической теории. № 2. С. 110–118. URL: https://jet-russia.com/wp-content/uploads/2022/09/12_Попов-2016-2.pdf
- Старшинова А.В., Бородкина О.И. (2022). Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 221–236. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.12
- Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. (2006). Social and commercial entrepreneurship: Same, different, or both? *Entrepreneurship Theory and Practice*, 30(1), 1–22. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2006.00107>
- Austin J.E. (2000). Strategic collaboration between nonprofits and businesses. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 29(1), 69–97. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764000291S004>
- Bagnoli L., Megali C. (2009). Measuring performance in social enterprises. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 40(1), 149–165. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764009351111>
- Barney J. (1991). Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 17(1), 99–120. Available at: <https://doi.org/10.1177/014920639101700108>
- Battilana J., Sengul M., Pache A.C., Model J. (2015). Harnessing productive tensions in hybrid organizations: The case of work integration social enterprises. *Academy of Management Journal*, 58(6), 1658–1685. Available at: <https://doi.org/10.5465/amj.2013.0903>
- Billis D. (2010). *Hybrid Organizations and the Third Sector: Challenges for Practice, Theory and Policy*. Palgrave Macmillan. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c4faf656-665daf50-98a21824-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Hybrid_organization
- Billis D. (2014). Hybrid organizations and the third sector: Challenges for practice, theory and policy. *Nonprofit Policy Forum*, 5(2), 395–401. DOI: <https://doi.org/10.1515/npf-2014-0015>
- Boschee J. (2006). Social entrepreneurship: The promise and the perils. In A. Nicholls (Ed.) *Social Entrepreneurship: New Models of Sustainable Social Change*. Oxford University Press.
- Bryson J.M., Crosby B.C., Stone M.M. (2006). The design and implementation of Cross-Sector collaborations: Propositions from the literature. *Public administration review*, 66, 44–55. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2006.00665.x>
- Bugg-Levine A., Emerson J. (2011). Impact investing: Transforming how we make money while making a difference. *Innovations*, 6(3), 9–18. DOI:10.1162/INOV_a_00077
- Dacin P.A., Dacin M.T., Matear M. (2010). Social entrepreneurship: Why we don't need a new theory and how we move forward from here. *Academy of Management Perspectives*, 24(3), 37–57. Available at: <https://doi.org/10.5465/amp.24.3.37>
- DiMaggio P.J., Powell W.W. (1983). The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American Sociological Review*, 48(2), 147–160. DOI:10.17323/1726-3247-2010-1-34-56
- Doherty B., Haugh H., Fergus L. (2014). Social enterprises as hybrid organizations: A review and research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 16(4), 417–436. DOI: 10.1111/ijmr.12028
- Kwong C., Tasavori M., Wun-mei Cheung C. (2017). Bricolage, collaboration and mission drift in social enterprises. *Entrepreneurship & Regional Development*, 29(7–8), 609–638. DOI: 10.1080/08985626.2017.1328904
- McNutt J.G., Billis D. (2012). Hybrid organizations and the third sector: Challenges for practice, theory and policy. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 23, 526–527. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-011-9249-6>
- Menard C. (2004). The economics of hybrid organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 160, 345–376. DOI:10.1628/0932456041960605
- Meyer J.W., Rowan B. (1977). Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony. *American Journal of Sociology*, 83(2), 340–363.
- Minkoff D.C. (2002). The emergence of hybrid organizational forms: Combining identity-based service provision and political action. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 31(3), 377–401. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764002313004>
- Selsky J.W., Parker B. (2005). Cross-sector partnerships to address social issues: Challenges to theory and practice. *Journal of Management*, 31(6), 849–873. Available at: <https://doi.org/10.1177/0149206305279601>

- Tuckman H.P., Chang C.F. (1991). A methodology for measuring the financial vulnerability of charitable nonprofit organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 20(4), 445–460. Available at: <https://doi.org/10.1177/089976409102000407>
- Vurro C., Dacin M.T., Perrini F. (2010). Institutional antecedents of partnering for social change: How institutional logics shape cross-sector social partnerships. *Journal of Business Ethics*, 94(1), 39–53. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10551-011-0778-0>
- Wartick S.L., Cochran P.L. (1985). The evolution of the corporate social performance model. *Academy of Management Review*, 10(4), 758–769.
- Weerawardena J., Mort G.S. (2006). Investigating social entrepreneurship: A multidimensional model. *Journal of World Business*, 41(1), 21–35. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2005.09.001>
- Wood D.J. (1991). Corporate social performance revisited. *Academy of Management Review*, 16(4), 691–718. Available at: <https://doi.org/10.2307/258977>
- Young D.R. (2007). Toward a normative theory of nonprofit finance. In: Young D.R. (Ed.) *Financing Nonprofits*. Rowman & Littlefield.

Сведения об авторах

Ольга Ивановна Бородкина – доктор социологических наук, доцент, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; e-mail: oiborodkina@gmail.com)

Алина Алексеевна Сулимова – исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; e-mail: alina.sulimova@gmail.com)

Borodkina O.I., Sulimova A.A.

Hybrid Organizations in the Non-Governmental Sector of Social Services: A Sociological Analysis

Abstract. Issues regarding the development of the third sector are among major ones in research on Russia's modern socio-economic system. Current trends in the transformation of the social services sector include the emergence and development of hybrid organizations whose activity combines social goals and commercial objectives. At the same time, hybrid forms in the social sphere have not been given due attention; Russian authors consider hybrid organizations mainly in relation to the development of public-private partnership in the field of economics. The aim of our research is to analyze theoretical approaches to understanding the hybrid model of organizations and consider specific examples of implementation of hybrid forms among Russian non-governmental organizations, which determines the scientific novelty of the work. Another task is to identify the most successful and innovative practices in the development of hybrid organizations representing the relationship between non-governmental and business structures. To solve it, we analyzed two cases: Penza and Kislovodsk, which represent a cluster of organizations providing services to children and adults with special needs. The results of the study showed that the tendency toward the development of hybrid forms for non-governmental organizations is largely related to the desire to achieve financial security. Currently, there exist other hybrid forms besides public-private partnerships and non-governmental organizations founded by large commercial organizations and affiliated with them; there emerge new institutional forms when non-governmental organizations establish commercial enterprises that, as a rule, provide additional services or replicate successful social practices on a commercial basis. Such organizations are intended to ensure financial stability of non-governmental organizations, since part of the profit goes to support the latter. This process opens up significant opportunities for the development of the non-governmental sector, but requires finding a

balance between the commercial and social components of such a partnership. The hybrid format creates new prospects for the third sector, allowing for the diversification of resources through the interaction of non-governmental and commercial structures and building more effective interaction with regional authorities. Further research in this area may be related to analyzing the effectiveness of hybrid forms in comparison with traditional NGOs, as well as studying long-term consequences of hybridization for the development of the third sector.

Key words: hybrid organizations, third sector, financial stability of NGOs, social entrepreneurship.

Information about the Authors

Olga I. Borodkina – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor, Chief Researcher, St Petersburg University (1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: oiborodkina@gmail.com)

Alina A. Sulimova – Researcher, St Petersburg University (1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, 191124, Russian Federation; e-mail: alina.sulimova@gmail.com)

Статья поступила 24.07.2024.

Оценка благополучия детского населения в СЗФО

**Лейла Натиговна
НАЦУН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: leyla.natsun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Аннотация. Одним из ключевых вызовов для современных государств выступает изменение возрастной структуры населения – сокращение доли детей и нарастание доли пожилых. В России на фоне снижения рождаемости численность детей и их доля в составе населения также сокращаются. Это актуализирует поиск управляемых факторов сохранения здоровья детского населения и обращение к комплексному рассмотрению условий его формирования. Детское благополучие – комплексное понятие, отражающее широкий круг вопросов, начиная со здоровья детей, заканчивая уровнем жизни их семей. Несмотря на интерес к данной проблематике, наблюдается нехватка работ, посвященных оценке детского благополучия в российских регионах. Целью исследования стала оценка динамики численности и характеристик благополучия детского населения в регионах Северо-Западного федерального округа. Информационную базу составили данные статистики, результаты социологических опросов населения, данные выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам, проводимых Федеральной службой государственной статистики. Показано, что на фоне низкой численности детского населения в регионах Северо-Западного федерального округа сложился устойчивый тренд сокращения младенческой смертности. Однако высокая заболеваемость свидетельствует о сохраняющихся рисках потерь здоровья детей. На основе анализа статистических данных установлено, что показатели благополучия детского населения в регионах округа дифференцированы. Благоприятными моментами, объединяющими большую часть рассмотренных регионов, можно назвать высокий охват детей профилактическими медицинскими осмотрами, горячим питанием

Для цитирования: Нацун Л.Н. (2024). Оценка благополучия детского населения в СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 218–242. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.12

For citation: Natsun L.N. (2024). Assessing the well-being of child population in the Northwestern Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 218–242. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.12

в школах, а также относительно высокую степень их вовлечённости в спортивные занятия. Наиболее выраженными препятствиями для достижения детского благополучия в Северо-Западном федеральном округе являются низкий уровень реализации потребности семей с детьми в улучшении жилищных условий, низкая обеспеченность детскими врачами, а в ряде регионов высокая доля семей с доходами ниже границы бедности.

Ключевые слова: качество детского населения, детское благополучие, региональные исследования, семьи с детьми.

Введение

Сокращение удельного веса детей и одновременное нарастание доли пожилых в численности населения формируют комплекс демографических и социально-экономических вызовов, стоящих перед современными государствами. По состоянию на 1 января 2024 года численность российского населения составляла 146,2 млн человек, среди них детей в возрасте 0–15 лет – 26,8 млн человек (18,4%). В сравнении с 2000 годом общая численность населения сократилась на 0,5 млн человек, а численность детей выросла на 0,4 млн человек¹. Благодаря этому доля детей в составе населения несколько увеличилась. Однако этот результат не является началом позитивного тренда, поскольку уже в ближайшей перспективе численность детского населения начнёт снижаться вследствие сокращения рождаемости. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, к 2030 году численность российских детей 0–15 лет уменьшится до 23,1 млн человек, а их доля в составе населения сократится до 16%. При этом скорого изменения неблагоприятного тренда не ожидается. Даже в высоком варианте демографического прогноза Росстат предсказывает значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) на уровне 1,788 только к 2045 году².

В условиях снижения численности детей в России особое внимание следует обратить на решение взаимосвязанных задач: обеспечение качества жизни детского населения и создание условий для достижения детского благополучия. При этом детское благополучие может рассматриваться как комплексное понятие, отра-

жающее уровень достигнутого благополучия в разных сферах жизнедеятельности детей: от физического здоровья и психологического самочувствия до материального положения, образовательных результатов, безопасности жизнедеятельности и социального участия.

В Российской Федерации в 2012–2017 гг. была реализована «Национальная стратегия действий в интересах детей», широко обсуждаемая в экспертной среде (Калабихина, 2015), а с 2018 года начато выполнение программы «Десятилетие детства». Столь масштабные проекты подтверждают, что благополучие детей является целевым ориентиром национальной политики, выступает условием устойчивого развития территории, осуществления воспроизводства её населения (Римашевская, 2011). В то же время исследователи отмечают наличие ряда методологических проблем, затрудняющих систематическое изучение детского благополучия в России. К их числу относятся, во-первых, отсутствие единой трактовки понятия «детское благополучие» (Кузнецова, 2020), во-вторых, разрозненность методических подходов, применяемых для его оценки, в-третьих, несопоставимость статистических данных и их неполнота (Бессчетнова, 2019).

Применение термина «детское благополучие» в отечественной практике социально-экономических исследований, а также в практике государственного управления началось сравнительно недавно. В советский период более привычным и распространенным был термин с противоположной коннотацией — детское неблагополучие. При этом и внимание исследователей, и интересы специалистов социальной сферы были сосредоточены на выявлении «проблемных» детей и семей, выстраивании наиболее эффективной системы работы с ними, нацеленной на преодоление конкрет-

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: стат. бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

² Демографический прогноз. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#>

ных проявлений неблагополучия. Такой подход приводил к стигматизации отдельных категорий семей и детей, которые в них воспитывались. Ситуация изменилась, когда произошёл переход к новой терминологической системе и переосмыслению первоисточников социального неблагополучия. Было признано, что, во-первых, неблагополучие детей и семей — следствие жизненных обстоятельств, в которых они оказались, а не их собственное внутреннее качество, во-вторых, что государство также несёт ответственность за формирование жизненных условий, способствующих достижению состояния полного благополучия всех детей (Ярская-Смирнова и др., 2014).

В социологических науках теоретическим основанием рассмотрения взаимосвязи категорий «детское неблагополучие» и «детское благополучие» выступает концепция социальной исключённости. В её рамках соотношение этих понятий раскрывается через оценку степени доступности для детей и их семей различных социальных и экономических благ, а также через оценку включённости детей в общественную жизнь и созидательную деятельность (Ярская-Смирнова и др., 2014).

Ввиду разнообразия существующих теоретических подходов к пониманию детского благополучия предлагаются различные подходы к его измерению. В зарубежных исследованиях методология расчёта его показателей, как правило, включает домены самооценки детьми различных обстоятельств собственной жизни, оценки удовлетворённости ими и психологического благополучия (Sollis, Edwards, 2022). Большое внимание в зарубежных исследованиях уделяется развитию методов математической обработки данных, позволяющих выявить наиболее важные предикторы детского благополучия. Так, с применением анализа социальных сетей (метод SNA) 13 диаграмм причинно-следственных связей (CLD), которые визуализировали взаимосвязи между локально значимыми факторами здоровья и благополучия детей и молодых людей, были объединены в общую CLD, отражающую консолидированное мнение 13 местных сообществ. Эта процедура позволила выявить наиболее важные предикторы благополучия детей и молодёжи. Установлено, что ключевыми детерминантами связанного со здоровьем благополучия являются социаль-

ные связи и поддержка, поддерживающая среда и доступ к услугам (O'Halloran et al., 2024). Ранее к похожим выводам пришли авторы работы (Brennan et al., 2015). На примере более узкой проблемы — обеспечения школьными обедами — с использованием метода CLD была продемонстрирована важность учёта сложных нелинейных взаимосвязей между акторами при принятии управленческих решений (Chote et al., 2022).

Методологическим принципом, которого придерживаются исследователи детского благополучия за рубежом, является обязательное включение мнений самих детей в индикаторы детского благополучия. Этот принцип соответствует закреплённому в конвенции ООН праву детей высказывать своё мнение и быть услышанными³. Распространена практика экспертного обсуждения подходов к оценке индикаторов детского благополучия, в том числе привлечение к консультированию самих детей в рамках специальных методических мероприятий (Mason, Danby, 2011). Следует отметить, что в российском экспертном сообществе ещё не сложилось однозначного мнения о том, что должно представлять собой участие детей в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы (Абросимова и др., 2019). Исследователи отмечают, что специалисты, работающие непосредственно с детьми в данном направлении, испытывают дефицит информационного и методического сопровождения. В совокупности эти барьеры затрудняют вовлечение детей в процессы принятия значимых решений на микро- и макроуровне (Кучмаева, 2020).

При оценке детского благополучия и поиске его ключевых предикторов предпринимаются попытки использовать данные лонгитюдных наблюдений. Этот подход обладает рядом преимуществ, так как у исследователя появляется возможность отследить динамику показателей детского благополучия и увидеть преемственность каждого нового этапа наблюдения по отношению к предыдущему (Goswami et al., 2016). Благодаря этому можно оценить влияние значимых факторов на разные компоненты детского благополучия.

³ Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

Перспективной, наиболее адаптированной к российским реалиям методикой оценки детского благополучия выступает разработанная коллективом представителей МГУ, РАНХиГС, Фонда Тимченко система индексов, включающая статистический, субъективный и обобщённый индексы детского благополучия. На основе предложенных авторами методических рекомендаций возможно проведение комплексной оценки детского благополучия на региональном уровне (Калабихина и др., 2023). Результаты применения указанной индексной методики для оценки материального благополучия детей в регионах России отражены в работе (Калабихина и др., 2024).

В настоящее время наблюдается дефицит исследований, содержащих комплексную оценку детского благополучия для регионального уровня. Лишь в единичных работах отечественных авторов предпринимаются попытки провести такую оценку с использованием методов математической обработки данных, в том числе факторного, кластерного и регрессионного анализа (Сарычева, Пушкарева, 2022). Однако решение проблемы обеспечения детского благополучия требует комплексного представления о его текущем состоянии в региональном разрезе.

Целью исследования стала оценка динамики численности и характеристик благополучия детского населения в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО). В связи с этим поставлены задачи:

- 1) провести анализ динамики численности детского населения в регионах СЗФО в период 2000–2024 гг.;
- 2) рассмотреть динамику показателей здоровья детского населения в регионах СЗФО;
- 3) оценить уровень охвата детского населения услугами здравоохранения и образования в регионах СЗФО и его межрегиональную дифференциацию;
- 4) охарактеризовать ключевые показатели уровня жизни семей с детьми в регионах СЗФО (доходы, обеспеченность жильём);
- 5) составить обобщённую характеристику регионов СЗФО по показателям детского благополучия.

Материалы и методы

В контексте выполненной работы обращение к анализу динамики численности детского населения обусловлено необходимостью оцен-

ки развития объекта исследования в рассматриваемый период (2000–2024 гг.), а также в перспективе ближайших десятилетий. Динамика численности детского населения рассматривалась в разрезе отдельных регионов Северо-Западного федерального округа на основе официальных статистических данных, демографического прогноза Росстата и его территориального органа по Вологодской области.

Детское благополучие в исследовании изучалось в разрезе его отдельных характеристик: выживаемость детей, здоровье детского населения, доступность услуг здравоохранения для детей, жилищные условия и материальное положение семей с детьми, безопасность детей в семье. Для анализа отдельных аспектов детского благополучия в регионах СЗФО помимо статистики были использованы микроданные выборочных наблюдений Росстата по социально-демографическим проблемам.

В разделе «Обсуждение» представлена обобщённая оценка детского благополучия в регионах Северо-Западного федерального округа на основе распределения балльных оценок его отдельных параметров. Оценка проводилась в несколько этапов. В перечень индикаторов для формирования обобщённой оценки детского благополучия были включены показатели, отражающие выживаемость детей (темп снижения коэффициента младенческой смертности), их здоровье (доля детей-инвалидов, доля детей с первой группой здоровья) и характеристики образа жизни, связанные со здоровьем (включенность детей в спортивные занятия, охват горячим питанием в школах), обеспеченность детскими врачами, охват услугами дополнительного образования, уровень дохода семей с детьми, возможности улучшения их жилищных условий. В перечень не были включены индикаторы безопасности семейной среды (случаи семейного насилия), поскольку по ним нет данных в разрезе отдельных регионов. Далее регионы были ранжированы по величине значений каждого из показателей. Затем на основе деления диапазона наблюдаемых значений на три равные интервала для каждого показателя были заданы балльные шкалы. При этом оценка в 1 балл присваивалась тому интервалу значений, который соответствовал наименее благоприятной ситуации, а 3 балла – наиболее благоприятной ситуации.

Выполненное исследование обладает рядом методических ограничений. Представленная обобщённая оценка позволяет более наглядно отразить комплекс существующих межрегиональных различий в значениях показателей детского благополучия, но она не является универсальным методическим инструментарием для осуществления мониторинга детского благополучия.

В рамках исследования акцент был сделан на объективно измеримых характеристиках детского благополучия, тогда как анализ субъективных оценок благополучия не входил в число задач. Безусловно, проведение такого анализа в дальнейшем может дополнить и уточнить полученные нами выводы.

Методическим ограничением работы выступает также то, что в ней не были охвачены вопросы благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На наш взгляд, данная проблематика заслуживает отдельного углублённого рассмотрения.

Информационную базу исследования составили статистические данные о численности детского населения, публикуемые Федеральной службой государственной статистики, данные Всероссийской переписи населения (ВПН-2020), демографические прогнозы численности населения, разрабатываемые и публикуемые отделом демографии ООН; демографические прогнозы численности населения, разрабатываемые Федеральной служ-

бой государственной статистики; данные о детском благополучии, публикуемые Федеральной службой государственной статистики, статистические данные о здоровье детского населения, данные из ЕМИСС об обеспеченности детского населения врачами-педиатрами; статистика, характеризующая положение семей с детьми, публикуемая в тематическом разделе на сайте Федеральной службы государственной статистики, официальная статистика МИАЦ Департамента здравоохранения Вологодской области. Также были использованы микроданные выборочных наблюдений Росстата: Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (2023 год), Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (2023 год), Выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением» (2019 год).

Результаты

Динамика и прогнозы численности детского населения

По состоянию на начало 2024 года в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) проживало 2,5 млн детей в возрасте от 0 до 17 лет. Численность детского населения в России и в регионах СЗФО за период с 2000 по 2024 год сократилась на 13 и 20% соответственно. Наиболее выраженные потери наблюдались в таких регионах, как Республика Коми (45%), Республика Карелия (42%) и Архангельская область (41%; табл. 1).

Таблица 1. Численность населения в возрасте 0–17 лет в регионах СЗФО в 2000–2024 гг., тыс. человек

Территория	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2000, %
Россия	34582,6	29304,1	26336,2	28481,3	30459,3	30402,5	30319,0	30172,9	29960,3	-13,4
СЗФО	3114,0	2534,7	2217,1	2390,2	2555,2	2540,6	2526,3	2517,8	2505,2	-19,6
Респ. Карелия	173,8	138,5	116,1	110,3	105,9	104,3	102,9	101,7	100,7	-42,1
Респ. Коми	269,9	215,2	181,6	170,9	161,9	158,7	154,7	152,0	149,9	-44,5
Архангельская обл.	337,3	269,7	230,5	223,3	216,9	212,4	208,0	204,2	200,2	-40,6
Вологодская обл.	302,7	250,7	219,8	235,5	248,6	247,1	245,0	241,4	237,7	-21,5
Калининградская обл.	215,5	183,5	165,6	183,7	204,3	203,6	204,8	204,1	202,3	-6,1
Ленинградская обл.	355,1	294,8	261,9	283,9	307,4	308,7	313,3	318,3	319,4	-10,1
Мурманская обл.	215,4	172,3	144,0	144,3	146,0	143,5	141,3	139,5	138,2	-35,9
Новгородская обл.	154,8	126,1	107,2	112,4	117,7	116,8	115,9	114,2	112,4	-27,4
Псковская обл.	168,2	134,6	110,6	110,6	112,7	110,9	109,7	108,0	106,3	-36,8
г. Санкт-Петербург	921,3	749,3	679,8	815,1	933,9	934,6	930,6	934,5	938,1	1,8

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата о численности населения по отдельным возрастам (Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту: стат. бюллетень. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>).

Тенденция сокращения численности детского населения связана, в том числе, со снижением численности женщин активного репродуктивного возраста (Соболева и др., 2023). Структурный фактор, таким образом, продолжает негативно влиять на рождаемость, несмотря на принимаемые государством стимулирующие пронаталистские меры. В целом, согласно экспертным оценкам, суммарный коэффициент рождаемости в долгосрочной перспективе всё же может вырасти и составить 1,77 к 2050 году (Козлова, Архангельский, 2021).

Согласно наиболее авторитетному демографическому прогнозу, который готовит Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, численность детского населения Российской Федерации за период с 2022 по 2050 год сократится на 18,2% по среднему сценарию, на 43% – по сценарию с низкой рождаемостью и только согласно сценарию с высокой рождаемостью может увеличиться на 6,5% (рис. 1).

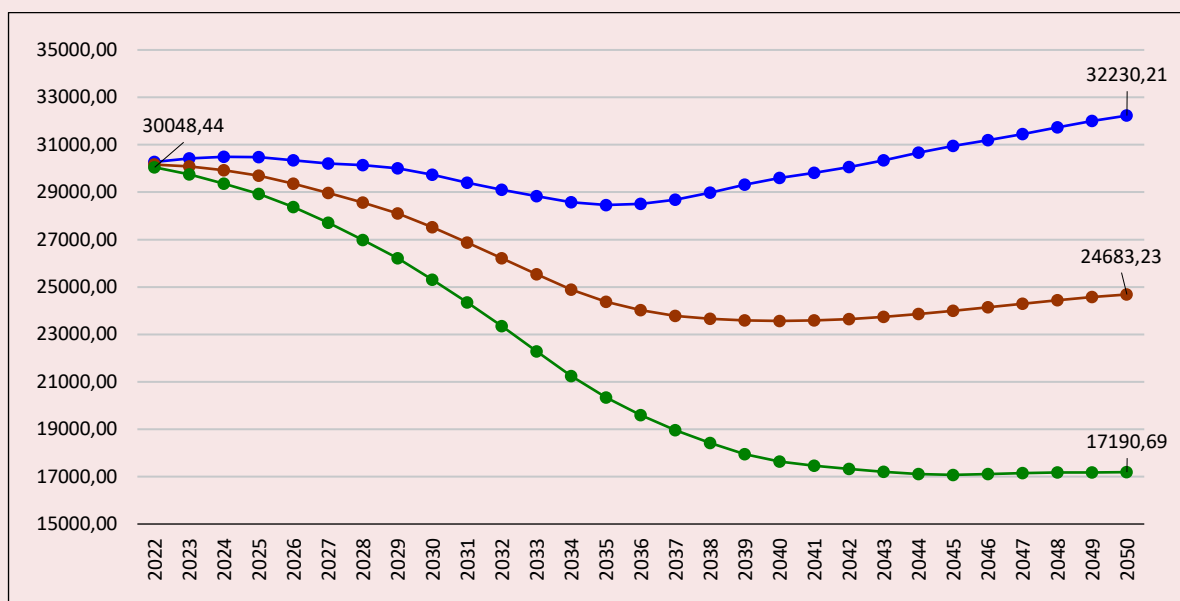
Федеральная служба государственной статистики не приводит прогнозные данные по детскому населению в возрасте 0–17 лет. Пер-

спективную численность детского населения в России можно оценить лишь приблизительно, опираясь на публикуемые Росстатом данные о населении моложе трудоспособного возраста (0–15 лет). Перспективная численность детей 16 и 17 лет рассчитывается только в составе категории населения трудоспособного возраста и отдельно от взрослых возрастов не публикуется. Несмотря на это ограничение, можно составить примерное представление о будущей динамике численности детского населения страны.

Согласно прогнозу Росстата, численность населения России моложе трудоспособного возраста к 2046 году составит 21,7 млн человек, что ниже уровня на 01 января 2023 года (27,1 млн чел.) на 20,2% (рис. 2).

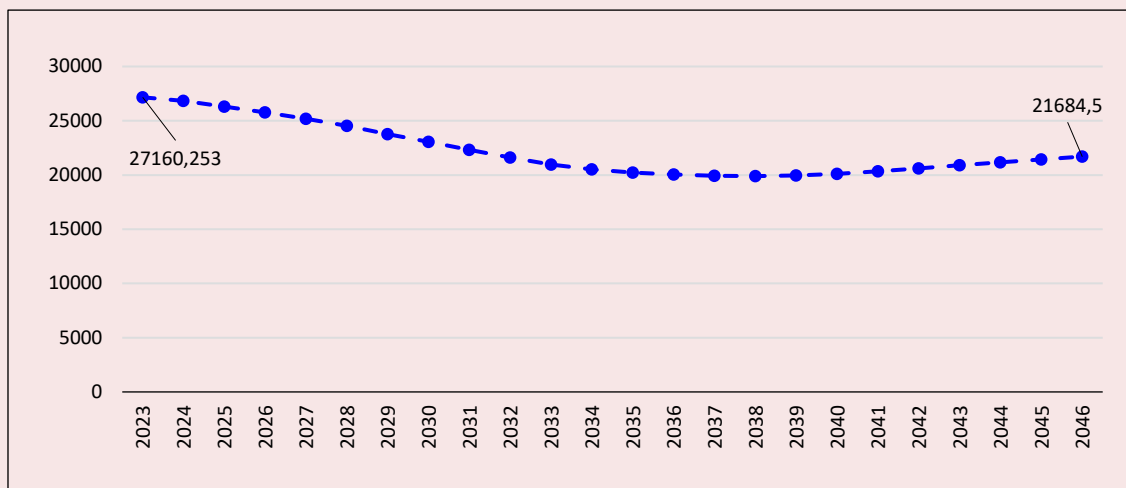
В Северо-Западном федеральном округе и в Вологодской области, согласно прогнозу Росстата, численность населения моложе трудоспособного возраста также будет неуклонно снижаться до 2038 года, а затем начнёт медленно расти. К концу прогнозного периода численность детей в СЗФО составит 1698,8 тыс. человек, а в регионе – 137,3 тыс. человек (14,3% от общей численности населения; рис. 3).

Рис. 1. Сценарии изменения численности российского населения в возрасте 0–17 лет, согласно прогнозу ООН, 2022–2050 гг., тыс. человек

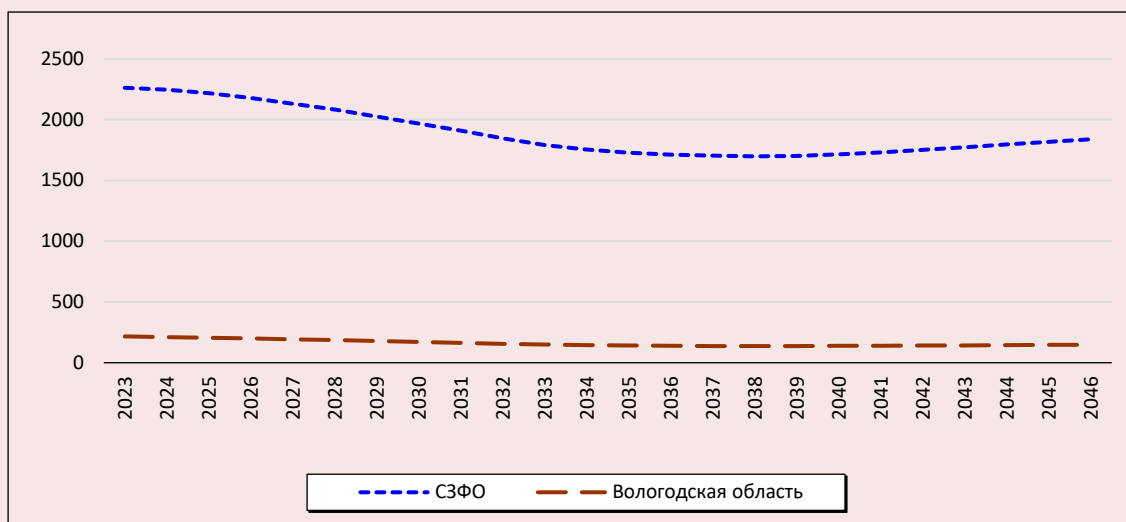
Источник: World Population Prospects 2022 // Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>

Рис. 2. Предполагаемая численность населения России моложе трудоспособного возраста по прогнозу Росстата, 2023–2046 гг., тыс. человек

Источник: Предполагаемая численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

Рис. 3. Предполагаемая численность населения СЗФО и Вологодской области моложе трудоспособного возраста по прогнозу Росстата, 2023–2046 гг., тыс. человек

Источник: Предполагаемая численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

Анализ региональных трендов прогнозируемой численности населения моложе трудоспособного возраста в Северо-Западном федеральном округе позволяет сделать вывод, что семь субъектов СЗФО имеют сходную с общей по округу динамику развития. К числу регионов, где снижение исследуемого показателя будет наблюдаться до 2038 года, помимо Вологодской области относятся Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, а также г. Санкт-Петербург. В ряде регионов спад численности населения 0–15 лет продлится дольше: в Республике Карелии и Архангельской области – до 2040 года, а в Республике Коми восстановительного роста не предвидится вплоть до конца прогнозного периода (до 2046 года). Раньше, чем на других территориях федерального округа, тренд показателя изменится на восходящий в Ленинградской (после 2035 года) и Калининградской (после 2037 года) областях⁴.

Для Вологодской области наибольшей достоверностью обладают демографические прогнозы, которые публикует Вологдастат. У этого прогноза есть неоспоримое преимущество перед прогнозом Росстата: в нём приводится предположительная численность населения по одногодичным группам. Так, в статистическом сборнике 2021 года содержится информация о предположительной численности населения на период до 2036 года⁵. Согласно этому прогнозу, к 2035 году ожидается снижение численности детского населения Вологодской области до 184656 человек (с 247771 человека в 2021 году)⁶.

Важнейшим показателем детского благополучия, используемым для международных сравнений, является младенческая смертность. По данным статистики, в России в целом, а также в регионах СЗФО в 2000–2023 гг. её уровень устойчиво снижался. Наиболее значительное снижение зафиксировано в Калининградской области, Республике Карелии, Архангельской и Новгородской областях (табл. 2).

Таблица 2. Число детей, умерших до 1 года, на 1000 родившихся живыми за год, 2000–2023 гг., промилле

Территория	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	Темп снижения, 2023 к 2000, %
Россия	15,3	11	7,5	6,5	4,5	4,6	4,4	4,2	-72,55
СЗФО	12,8	9,4	5,6	5,3	3,7	4,2	4	4,1	-67,97
Респ. Карелия	14,4	9,6	4,9	5,7	4,4	3,7	5,1	3,1	-78,47
Респ. Коми	13	8,7	5	4,6	2,3	5,3	4	4,9	-62,31
Архангельская обл.	14,1	12,6	6,8	6	3,4	3,8	4,4	3,2	-77,30
Вологодская обл.	16	11,6	7,4	5,8	5,5	5,3	3,6	6	-62,50
Калининградская обл.	19,6	11,3	4,5	6,1	3,8	4,1	5,4	3,4	-82,65
Ленинградская обл.	10,3	9,8	6,1	6	3,9	3,6	3,8	3,7	-64,08
Мурманская обл.	12,5	11,2	5,3	5,9	3,8	6	3,8	4,7	-62,40
Новгородская обл.	14,1	9,7	7,2	6	4,1	4,9	4,3	3,2	-77,30
Псковская обл.	15,1	12,8	7,9	7,7	4	5,6	5,7	4,6	-69,54
г. Санкт-Петербург	9,5	6	4,7	4,4	3,4	3,7	3,5	4,1	-56,84

Источники: Число умерших детей до 1 года на 1000 родившихся живыми за год // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31166>; Младенческая смертность (на 1 тыс. родившихся живыми) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/55376>

⁴ Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>

⁵ Прогноз численности и движения населения Вологодской области до 2035 года: статистический сборник // Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2021. 53 с.

⁶ Рассчитано автором по данным: Прогноз численности и движения населения Вологодской области до 2035 года: статистический сборник // Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2021. 53 с.

Здоровье детского населения регионов СЗФО: заболеваемость и инвалидность

Ключевыми показателями качества детского населения выступают характеристики его здоровья. В регионах Северо-Западного федерального округа в 2022 году наиболее высоким был уровень заболеваемости детей 0–14 лет, обусловленной такими причинами, как болезни органов дыхания, травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних причин, инфекционные и паразитарные болезни. Также существенный вклад в заболеваемость детей вносила новая коронавирусная инфекция. По сравнению с 2000 годом уровень заболеваемости, обусловленной болезнями органов дыхания, вырос во всех рассматриваемых регионах, а также в федеральном округе и стране в целом. Заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями снизилась как в стране в целом, так и во всех регионах СЗФО, за исключением Республики Коми. Заболеваемость, связанная с последствиями воздействия внешних причин, напротив, выросла и в стране в целом и в регионах федерального округа,

за исключением Калининградской и Новгородской областей (табл. 3).

Численность детей-инвалидов в России в 2022 году составляла 653239 человек (2,2% от численности детского населения), в Северо-Западном федеральном округе – 53050 человек (2,1% от численности детского населения). Значения показателя за период 2017–2022 гг. выросли. Среди регионов СЗФО по состоянию на 2022 год максимальная численность детей-инвалидов наблюдалась в городе Санкт-Петербурге и Вологодской области. За период 2010–2022 гг. во всех субъектах федерального округа, за исключением Республики Карелии, численность детей-инвалидов увеличилась. При этом максимальный уровень детской инвалидности в 2022 году фиксировался в Псковской (2,5%) и Архангельской (2,3%) областях, а минимальный – в Ленинградской области (1,6%; табл. 4).

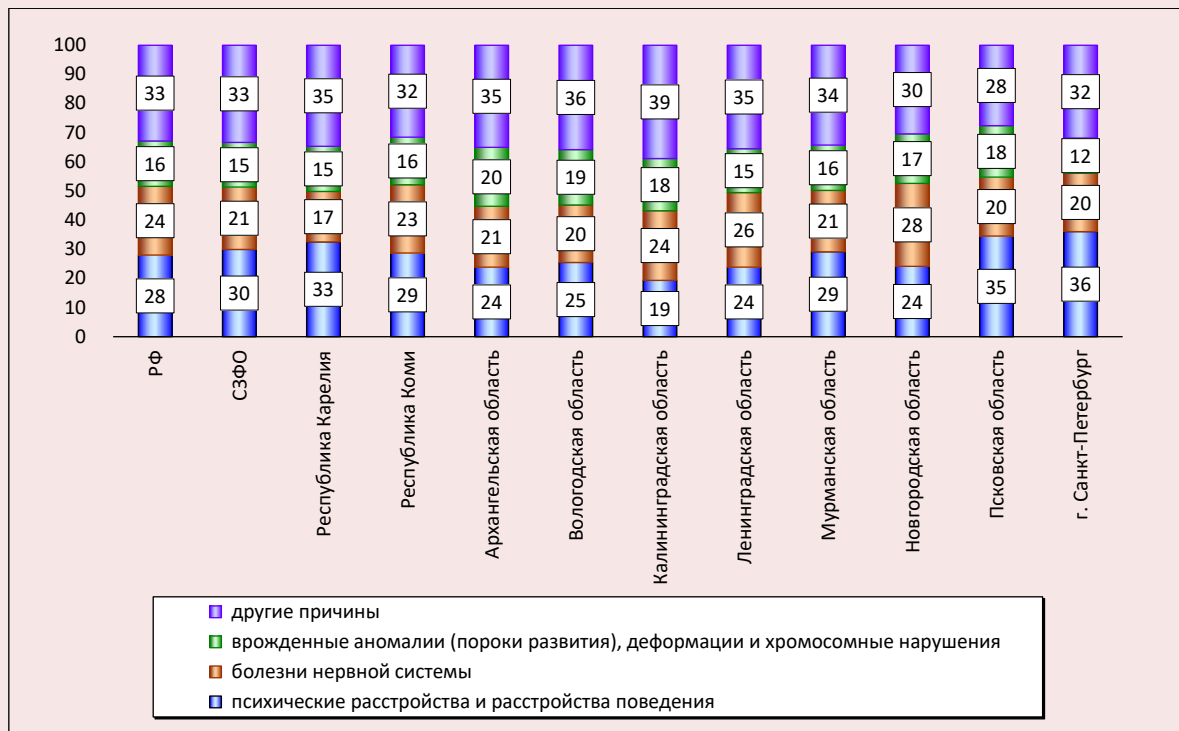
Ведущие причины детской инвалидности в СЗФО – это психические расстройства и расстройства поведения (30%), болезни нервной системы (21%), а также врождённые аномалии, деформации и хромосомные нарушения (15%; рис. 4).

Таблица 3. Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по классам болезней в 2000 и 2022 гг., на 1000 человек населения соответствующего возраста

Территория	2000			2022			
	БОД	ИП	ВНП	БОД	ИП	ВНП	COVID-19
Россия	888,6	104,1	88,8	1651,5	102,9	133,3	116,3
СЗФО	1076,2	134,1	110,2	2473,10	280,1	205,7	141,1
Респ. Карелия	1090,3	144,9	114,9	1865,8	128,4	178,3	109,3
Респ. Коми	1389,2	137,2	97,1	1810,8	138,7	166,7	95,7
Архангельская обл.	1095,8	169,7	111,4	1651,5	102,9	133,3	116,3
Вологодская обл.	1194,7	153,2	106,8	1736,1	81,4	139,0	85,3
Калининградская обл.	815,9	107,6	61,1	1012,8	82,8	56,5	77,3
Ленинградская обл.	907,1	85,2	56,7	1276,7	50,3	63,9	83,8
Мурманская обл.	1306,3	129,2	96,4	1648,3	102,7	99,2	81,6
Новгородская обл.	1118,9	121,6	114,5	1611,7	70,7	95,1	53,8
Псковская обл.	795,6	107,4	102,6	1407,1	61,4	118,3	79,7
г. Санкт-Петербург	1044,5	144,8	151,3	1768,8	108,3	160,9	163,2

Обозначения: БОД – болезни органов дыхания, ИП – некоторые инфекционные и паразитарные болезни, ВНП – травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин.
Источник: Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>

Рис. 4. Структура причин детской инвалидности в России и регионах СЗФО по состоянию на 2022 год, % от общей численности детей-инвалидов

Источник: Здравоохранение, дружественное к детям, и здоровый образ жизни // Росстат. Семья, материнство и детство. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_Zdravoohranenie.xlsx

Таблица 4. Численность детей-инвалидов в регионах СЗФО, 2010–2022 гг., человек

Территория	2010	2015	2019	2020	2021	2022	Прирост, %	Доля в численности детей 0–17 лет, % (2022 г.)
Россия	495330	540636	605017	621083	638285	653239	32	2,2
СЗФО	41928	43415	48946	49839	51503	53050	27	2,1
Респ. Карелия	2631	2252	2420	2412	2468	2576	-2	2,5
Респ. Коми	2957	2936	3268	3232	3314	3339	13	2,2
Архангельская обл.	4155	4423	4539	4627	4681	4759	15	2,3
Вологодская обл.	4126	4235	4719	4808	5153	5267	28	2,2
Калининградская обл.	2792	2801	3645	3681	3753	3864	38	1,9
Ленинградская обл.	4080	4329	4860	4869	4983	4955	21	1,6
Мурманская обл.	1933	2170	2439	2554	2618	2745	42	1,9
Новгородская обл.	2258	2447	2496	2464	2484	2431	8	2,1
Псковская обл.	1987	2208	2658	2682	2689	2730	37	2,5
г. Санкт-Петербург	15009	15614	17902	18510	19360	20384	36	2,2

Источник: Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>

Помимо показателей, характеризующих негативные процессы, касающиеся здоровья детского населения, необходимо обратить внимание на те факторы образа жизни, которые способствуют его укреплению. Прежде всего к таким факторам относятся физическая активность и занятия спортом. Согласно данным Выборочного наблюдения здоровья населения за 2023 год, доля детей в возрасте 3–14 лет, систематически занимающихся спортом и физкультурой, в 2023 году в России составляла 90%, в среднем по регионам СЗФО – около 91%. Наиболее высокий уровень показателя среди регионов СЗФО отмечался в Вологодской и Псковской областях (98%), а самый низкий – в Калининградской области (около 90%; табл. 5).

Среди значимых составляющих здорового образа жизни также необходимо отметить достаточную продолжительность ночного сна и сбалансированное регулярное питание. Согласно данным Выборочного обследования использования суточного фонда времени населением, для детей 10–13 лет характерна средняя еже-

дневная продолжительность сна 10,1 часа, для подростков 14–17 лет – 9,4 часа. В целом эти показатели соответствуют рекомендациям экспертов ВОЗ (табл. 6). Также, согласно данным обследования, среди подростков 17 лет 1% сталкивались с бессонницей, средняя продолжительность которой составляла 20 минут. Среди детей 10 лет с этой проблемой сталкивались 0,6%, а средняя продолжительность периода бессонницы составляла у них 31 минуту⁷.

Забота о здоровье детского населения является задачей, стоящей не только перед учреждениями здравоохранения, но и перед образовательными организациями. Одним из показателей, отражающих формирование комфортной здоровьесберегающей среды в школах, выступает охват обучающихся горячим питанием. Согласно данным статистики, этот показатель в Северо-Западном федеральном округе за период с 2015 по 2022 год увеличился с 93,6 до 94,8%. В начальной школе в 2022 году (1–4 классы) уровень охвата горячим питанием детей был заметно выше (99,9%), чем в средней и старшей школе (90,9%). В региональном разрезе

Таблица 5. Доля детей, занимающихся физической культурой, спортом либо двигательной активностью, 2023 год, % от численности детей соответствующего возраста

Территория	Доля детей 3–14 лет, занимающихся спортом и физкультурой, всего	Доля детей в возрасте 3–6 лет, занимающихся спортом и физкультурой		Доля детей в возрасте 7–14 лет, занимающихся спортом и физкультурой	
		Всего	Посещают секционные занятия	Всего	Посещают секционные занятия
Россия	90,1	78,3	71,3	95,1	93,8
СЗФО	90,8	78,7	73,5	97,2	95,6
Респ. Карелия	93,2	91,8	91,8	94,1	91,0
Респ. Коми	97,6	94,4	94,4	98,7	98,7
Архангельская обл.	90,2	79,1	69,7	96,1	94,5
Вологодская обл.	98,2	92,8	84,4	100,0	97,4
Калининградская обл.	89,9	78,8	69,3	95,9	94,4
Ленинградская обл.	92,9	84,4	83,7	97,1	96,0
Мурманская обл.	95,4	91,9	91,9	96,7	96,7
Новгородская обл.	91,0	78,5	76,1	96,7	92,6
Псковская обл.	98,0	95,7	93,2	98,9	98,9
г. Санкт-Петербург	91,8	83,3	78,2	96,7	96,7

Источник: Выборочное наблюдение состояния здоровья населения, 2023 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html

⁷ Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением» в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

Таблица 6. Продолжительность ежедневного сна у детей 10–13 лет и подростков 14–17 лет в 2019 году

Возраст, лет	Продолжительность основного сна, часов	Продолжительность дополнительного сна, минут	Рекомендованная ВОЗ продолжительность основного сна (непрерывно), часов
10	10,2	5,84	9–11
11	10,1	4,61	
12	10,0	4,64	
13	9,9	5,20	
14	9,7	4,91	8–10
15	9,5	5,62	
16	9,3	6,48	
17	9,1	6,96	

Источники: Итоги выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением» в 2019 году. URL: http://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html; Оказание первичной медико-санитарной помощи детям и подросткам: руководство по укреплению здоровья, профилактике и лечению заболеваний в период с рождения до подросткового возраста. Карманный справочник // Всемирная организация здравоохранения. 2023. С. 119. URL: <https://www.who.int/europe/ru/publications/i/item/9789289057622>. 119

Таблица 7. Охват горячим питанием обучающихся в общеобразовательных организациях, 2015 и 2022 гг.

Территория	Обеспечено питанием, человек		Охват, %		Охват обучающихся в 2022 году	
	2015	2022	2015	2022	1–4 классов, %	5–11 классов, %
Россия	14341426	17370995	88,7	91,5	99,8	85,0
СЗФО	1259353	1534481	93,6	94,8	99,9	90,9
Респ. Карелия	64813	70078	92,8	82,5	99,9	70,1
Респ. Коми	97926	101840	89,3	88,4	100,0	79,8
Архангельская обл.	124358	132990	86,5	84,7	99,8	73,8
Вологодская обл.	126172	143916	95,0	99,0	100,0	98,2
Калининградская обл.	95039	125839	94,6	86,7	99,4	77,0
Ленинградская обл.	132732	183742	96,1	97,9	100,0	96,1
Мурманская обл.	66913	72133	92,8	97,1	100,0	94,9
Новгородская обл.	57835	66804	92,9	100,0	100,0	100,0
Псковская обл.	61796	67354	90,1	86,6	99,5	77,0
г. Санкт-Петербург	431769	569785	96,0	99,7	100,0	99,4

Источник: Охват горячим питанием обучающихся в образовательных организациях // Росстат. Семья, материнство и детство. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_Zdravoohranenie.xlsx

наиболее благоприятная ситуация к 2022 году складывалась в Санкт-Петербурге (99,7%), Новгородской (100%) и Вологодской (99%) областях, а наименее благоприятная – в Архангельской области (охват горячим питанием 86,5%; табл. 7).

Охват детского населения услугами здравоохранения и образования

На основе приведённых данных о динамике численности детского населения можно ожидать, что в среднесрочной перспективе при сохранении текущего уровня рождаемости и

смертности будет наблюдаться снижение численности исследуемой возрастной группы населения. Здравоохранению эти тенденции позволяют добиться увеличения показателей охвата детского населения различными видами медицинской помощи, а также роста показателей его обеспеченности различными ресурсами отрасли. Однако это не означает, что улучшения произойдут без дополнительных инвестиций и усилий в области повышения эффективности управления развитием детского здравоохранения.

Обеспеченность детского населения педиатрами, занятыми в государственных медицинских организациях, в среднем по Северо-Западному федеральному округу в 2022 году была выше общероссийского уровня: 22,6 и 18,2 человека на 10000 человек детского населения в возрасте 0–17 лет соответственно. Однако в половине регионов округа в период 2016–2022 гг. наблюдалось отставание уровня обеспеченности педиатрами от общероссийского (Вологодская, Ленинградская, Калининградская, Новгородская и Псковская области). В Мурманской области отставание от общероссийского уровня зафиксировано в 2020 и 2021 гг. В разрезе регионов отмечено значительное неравенство в обеспеченности населения педиатрами: максимальное значение показателя – в городе Санкт-Петербурге (32,5 человека на 10000 человек детского населения), а минимальное – в Псковской области (12,2). Разрыв между этими значениями составляет 2,7 раза. Динамика показателя во всех регионах Северо-Западного федерального округа, кроме города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, была отрицательной (табл. 8).

Повышение обеспеченности детского населения врачами-педиатрами не всегда имеет позитивные предикторы. Подобную картину можно в перспективе наблюдать, к примеру, на территории тех регионов, где прогнозируется существенное сокращение численности детского населения. Так, объёмы кадровых ресурсов здравоохранения Вологодской области в 2021 году не позволяли в достаточной степени обеспечить детское население услугами врачей-специалистов, а женщин репродуктивного возраста – услугами акушеров-гинекологов. В то же время при реализации прогнозируемых трендов снижения численности детского населения и численности женщин репродуктивного возраста обеспеченность врачами в регионе несколько увеличится. Однако без существенного приращения численности медицинских специалистов этот рост не сможет заметно улучшить ситуацию (табл. 9).

Важнейшую роль в контроле заболеваемости детей играет проведение профилактических осмотров. Охват ими в СЗФО в 2022 году был достаточно высоким. Однако наблюдалась значительная дифференциация в разрезе отдельных

Таблица 8. Обеспеченность детского населения 0–17 лет врачами-педиатрами, занятыми в оказывающих медицинские услуги населению организациях государственной формы собственности, человек на 10000 человек детского населения

Территория	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022 к 2016, раз
РФ	18,5	18,6	18,5	18,6	18,5	18,4	18,2	0,98
СЗФО	22,1	22,2	22,2	22,5	22,7	22,8	22,6	1,03
Республика Карелия	21,5	21,3	21,1	21,2	21,3	21,3	20,6	0,96
Республика Коми	21,4	21,6	21,6	21,4	20,3	19,7	19,1	0,89
Архангельская область	23,6	23,7	23,7	23,8	23,5	22,5	22,9	0,97
Вологодская область	15,9	15,4	15,0	14,9	14,6	14,8	14,7	0,93
Калининградская область	15,5	15,1	14,6	14,8	14,8	14,9	13,7	0,89
Ленинградская область	16,3	16,9	17,5	17,6	17,3	17,6	16,4	1,01
Мурманская область	21,9	20,0	19,1	19,2	18,4	18,3	18,6	0,85
Новгородская область	18,1	16,9	16,2	14,8	14,1	13,4	13,7	0,76
Псковская область	15,0	14,4	13,9	11,9	11,8	12,7	12,2	0,82
г. Санкт-Петербург	28,5	29,2	29,5	30,6	31,7	32,0	32,5	1,14

Источники: Численность врачей всех специальностей (физических лиц) в организациях, оказывающих медицинские услуги населению, на конец отчетного года. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31547>; Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января // Витрина статистических данных. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278936/>; Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // Витрина статистических данных. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278938/>

регионов. Так, наиболее высокое значение показателя зафиксировано в Санкт-Петербурге (99,7%) и Ленинградской области (96,9%), а самое низкое – в Республике Карелии (70,9%). В результате профилактических осмотров к пер-

вой группе здоровья были отнесены только 18% детей в среднем по СЗФО (25% – по России). Наибольшей доля здоровых детей была в Псковской (36%) и Ленинградской (34%) областях, а также в Республике Коми (28%; табл. 10).

Таблица 9. Кадровые ресурсы детского здравоохранения (Вологодская область): текущие объёмы в абсолютном и относительном выражении, перспективные объёмы в относительном выражении

Кадровые ресурсы детского регионального здравоохранения	Абсолютная численность, человек	Обеспеченность населения ресурсами	
	2021 год (факт)	2021 год (факт)	2035 год (прогноз*)
Участковые педиатры	207	8,4	11,2
Неонатологи	38	0,3 ¹	0,4 ¹
Детские врачи-специалисты:			
кардиологи	10	0,4	0,5
онкологи	1	0,04	0,1
психиатры	12	0,5	0,6
урологи-андрологи	2	0,1	0,1
хирурги детские	19	0,8	1,0
эндокринологи	12	0,5	0,6
Акушеры-гинекологи	188	7,3 ²	8,5 ²

¹ – Показатель обеспеченности приведён в расчёте на всё население региона;
² – Показатель обеспеченности приведён в расчёте на численность женщин 15–49 лет в регионе.
* Учтено только изменение численности населения.
Источники: рассчитано на основе данных о численности врачей, приведённых в статистическом сборнике «Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2021 год» // Медицинский информационно-аналитический центр. Департамент здравоохранения Вологодской области. 2022. 82 с.; сведения о численности детского населения и численности женщин репродуктивного возраста взяты из: Прогноз численности и движения населения Вологодской области до 2035 года: стат. сборник // Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2021. 53 с.

Таблица 10. Профилактические осмотры детей и распределение детей в возрасте 0–17 лет по группам здоровья

Территория	Осмотрено, человек	Охват, %	Распределение детей по группам здоровья, % от числа осмотренных				
			I	II	III	IV	V
Россия	25662623	93,4	25,1	47,4	10,4	0,4	1,6
СЗФО	2298521	90,3	17,9	52,7	12,7	0,3	1,6
Респ. Карелия	84174	70,9	15,1	60,0	7,8	0,1	1,2
Респ. Коми	123814	73,9	28,1	42,0	11,9	0,1	1,5
Архангельская обл.	178912	87,7	10,4	57,8	13,8	0,3	1,6
Вологодская обл.	224002	95,2	17,8	52,0	12,5	0,4	1,5
Калининградская обл.	149932	74,8	27,2	43,4	11,7	0,2	2,0
Ленинградская обл.	296522	96,9	33,7	41,3	7,8	0,2	1,3
Мурманская обл.	88549	76,9	14,9	50,8	14,5	0,7	1,2
Новгородская обл.	109464	95,1	18,0	61,5	3,7	0,6	0,8
Псковская обл.	82211	68,9	36,2	43,4	5,2	0,4	1,7
г. Санкт-Петербург	960941	99,7	10,7	57,5	16,4	0,3	1,7

Источник: Профилактические осмотры детей и распределение по группам здоровья детей в возрасте 0–17 лет в Российской Федерации в 2022 году // Росстат. Семья, материнство и детство. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_Zdravoohranenie.xlsx

Обеспеченность образовательными услугами также в значительной мере отражает достигнутый уровень благополучия детского населения. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, в СЗФО наиболее распространённой причиной отказов родителей от услуг дошкольных образовательных организаций становилось их мнение о том, что домашнее воспитание для ребёнка более предпочтительно (74,7%; 73,7% в 2011 году). В то же время 15,1% детей 3–6 лет не посещали дошкольные учреждения в силу нехватки мест (15,5% в 2011 году), ещё 4,1% – из-за состояния здоровья (11% в 2011 году)⁸.

Услугами дополнительного образования пользовались 59,7% детей 3–18 лет, проживающих в регионах СЗФО⁹. В сравнении с 2015 годом уровень охвата детей услугами дополнительного образования сократился на 3,6 п. п. В региональном разрезе динамика показателя также была нисходящей, наиболее существенное снижение произошло в г. Санкт-Петербурге (10 п. п.; табл. 11). Снижение

вовлечённости детей в дополнительное образование может быть обусловлено целым рядом факторов, начиная от состояния здоровья и самочувствия и заканчивая финансовыми трудностями семей. В то же время ранее, по данным углублённого исследования на примере Вологодской области, было установлено, что наиболее частой причиной отказов от продолжения посещения кружков и секций является неудобное время для занятий, а также потеря детьми интереса и мотивации к занятиям (Нацун, 2023а).

Характеристика уровня жизни семей с детьми в регионах СЗФО

В целом по России, согласно статистическим данным¹⁰, в 2022 году величина среднедушевых располагаемых ресурсов в семьях с детьми до 16 лет составляла 35066,1 рубля, что в 1,2 раза ниже, чем аналогичная величина в семьях без детей до 16 лет (41731,8 рубля). В регионах СЗФО величина среднедушевых располагаемых ресурсов домохозяйств с детьми составила 41307,5 рубля¹¹.

Таблица 11. Доля детей в возрасте от 3 до 18 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия, % от численности детей соответствующего возраста

Территория	2015	2017	2019	2021	2023	Снижение, п.п.
СЗФО	63,4	60,4	62,1	60,9	59,7	-3,6
Респ. Карелия	53,0	61,0	62,1	36,5	46,3	-6,7
Респ. Коми	66,4	72,3	63,7	65,8	65,9	-0,5
Вологодская обл.	58,9	67,5	75,9	75,5	53,7	-5,1
Калининградская обл.	45,4	55,6	53,5	51,2	52,4	6,9
Ленинградская обл.	67,2	67,3	57,3	49,7	65,1	-2,1
Мурманская обл.	62,1	66,2	64,7	67,8	52,7	-9,4
Новгородская обл.	72,0	71,6	65,0	77,5	65,1	-6,9
Псковская обл.	70,5	45,3	62,9	67,3	65,8	-4,6
г. Санкт-Петербург	67,5	49,0	81,7	63,4	57,0	-10,4

Источник: Доля детей в возрасте от 3 до 18 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия // Росстат. Семья, материнство и детство. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_Zdravoohranenie.xlsx

⁸ Распределение детей в возрасте 3–6 лет по причинам непосещения дошкольного образовательного учреждения // Росстат. Семья, материнство и детство. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/smd-2-2_2022.xls

⁹ Доля детей в возрасте от 3 до 18 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия, в том числе на бесплатной основе // Росстат. Семья, материнство и детство. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/smd_2.3.xlsx

¹⁰ Располагаемые ресурсы домашних хозяйств (в среднем на члена домохозяйств), в том числе имеющих детей в возрасте до 16 лет, из них: с 1 ребенком, 2 детьми, 3 и более детьми // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Smd_7-14.xls

¹¹ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271>

На основе данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), проводимого Росстатом, можно выделить основные характеристики уровня жизни семей с детьми. Порядок осуществления выборочного наблюдения предполагает набор респондентов в состав основной выборки (60000 домохозяйств), репрезентативной для всех частных домохозяйств, и целевой выборки (10000 домохозяйств), репрезентативной для домохозяйств с детьми.

По итогам наблюдения, проведённого в 2023 году, в целевую выборку семей с детьми в регионах Северо-Западного федерального округа вошли 2412 домохозяйств¹². Среднемесячный денежный доход семей с детьми в регионах варьировал от 63021,8 рубля в Псковской области до 121329,8 рубля в Ненецком автономном округе. При этом наиболее высокой доля дохода от трудовой деятельности была в Санкт-Петербурге – 87%, тогда как в Ненецком автономном округе она достигала 78% от

общего денежного дохода, а наименьшая величина была зафиксирована в Псковской области – 72%. Доля пособий и компенсационных выплат на детей в среднемесячном располагаемом денежном доходе составляла от 2,3% в г. Санкт-Петербурге до 14,2% в Псковской области (табл. 12). На основе приведённых данных можно отметить, что в Псковской области наблюдаются наименее благоприятные среди регионов СЗФО параметры материального положения семей с детьми.

Семьи с детьми являются одной из категорий населения, уязвимых перед риском бедности (Калачикова, Груздева, 2019). По данным ВНДН-2023, в составе выборки по регионам СЗФО наиболее высокая доля малоимущих семей с детьми наблюдалась в Псковской области (28%), Ненецком автономном округе (23%), Республике Коми (16%; рис. 5). Среди семей, опрошенных в целом по Российской Федерации, доля малоимущих составила 15,2%¹³, доля домохозяйств – получателей ежемесячных

Таблица 12. Среднемесячные доходы домохозяйств с детьми в регионах Северо-Западного федерального округа

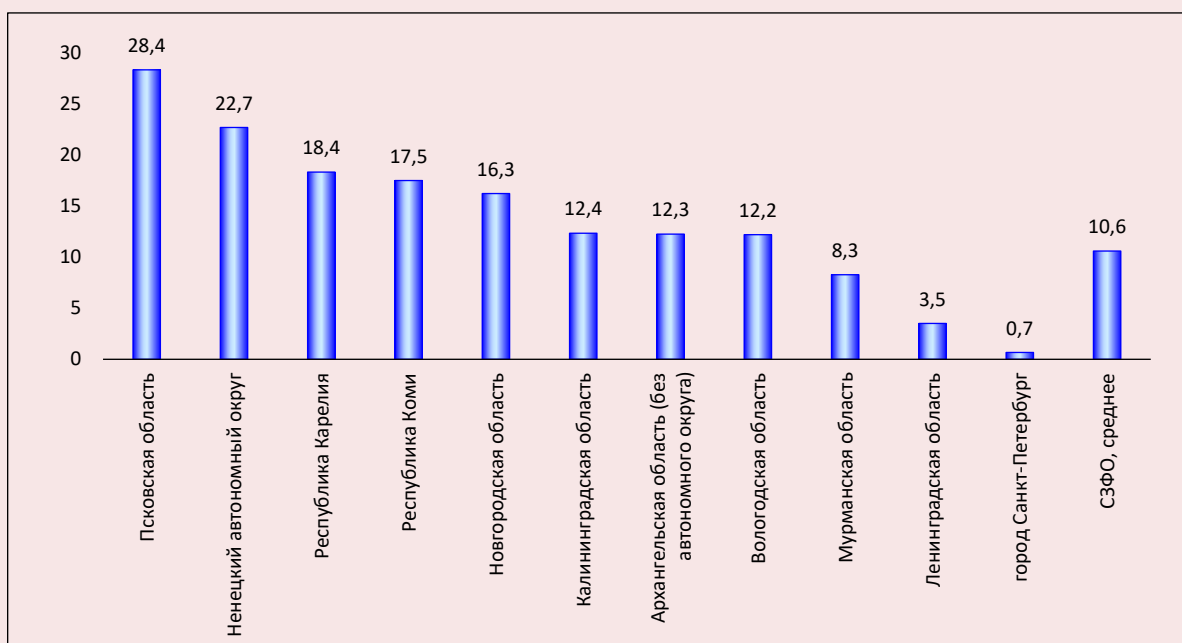
Субъект СЗФО	Средне- месячный денежный доход, рублей	Доля дохода от трудовой деятельности в общем денежном доходе, %	Средне- месячный рас- полагаемый денежный доход, рублей	Социальные выплаты в денежной форме – всего		Пособия и компен- сационные выплаты на детей	
				рублей	% от денежного дохода	рублей	% от денежного дохода
Архангельская обл. (без АО)	84645,0	77,9	75116,9	13679,0	16,2	6079,6	7,2
Ненецкий авт. окр.	121329,8	77,7	106310,1	22362,8	18,4	13754,4	11,3
Вологодская обл.	87246,2	77,6	77805,1	17073,8	19,6	7756,1	8,9
Калининградская обл.	77569,2	85,1	68938,4	8864,9	11,4	4276,5	5,5
г. Санкт-Петербург	116036,5	87,4	100742,6	8213,7	7,1	2323,2	2,0
Ленинградская обл.	98616,8	84,7	86980,5	7992,0	8,1	2495,6	2,5
Мурманская обл.	120003,6	86,2	104819,5	12401,5	10,3	5598,4	4,7
Новгородская обл.	80166,8	75,8	71383,3	14296,4	17,8	7663,1	9,6
Псковская обл.	63021,8	71,9	55760,3	15608,9	24,8	7892,6	12,5
Респ. Карелия	90092,2	81,5	78249,8	12650,3	14,0	6590,4	7,3
Респ. Коми	95644,0	77,6	83607,3	18172,2	19,0	6477,8	6,8

Источник: микроданные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, 2023 год.

¹² Федеральный округ / Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN-2023/index.html

¹³ Признак населения с СДД ниже ГБ (население с денежными доходами ниже ГБ) (изм. с 2019 года) / Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах, 2023 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN-2023/index.html

Рис. 5. Доля домохозяйств с детьми со среднедушевыми денежными доходами ниже границы бедности, % от числа опрошенных домохозяйств

Источник: микроданные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, 2023 год.

пособий малоимущим – 2,1%¹⁴. Доля семей с детьми, получавших выплаты малоимущим, составляла от 0,5% в Вологодской области до 14% в Калининградской области, а в среднем по СЗФО – 2,5%¹⁵.

Жилищные условия семей с детьми в регионах СЗФО

Согласно данным обследования бюджетов домашних хозяйств, в 2022 году 46% обследованных семей с тремя и более детьми проживали в индивидуальном доме или в части дома, тогда как среди семей с одним ребёнком эта доля составляла всего 25%. Однако обеспеченность жилой площадью в расчёте на человека для значительной части многодетных семей оставалась недостаточной: менее 9 кв. м приходилось на человека в 19% таких домохозяйств,

¹⁴ Получение ежемесячного пособия малоимущими семьями / Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах, 2023 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/VNDN-2023/index.html

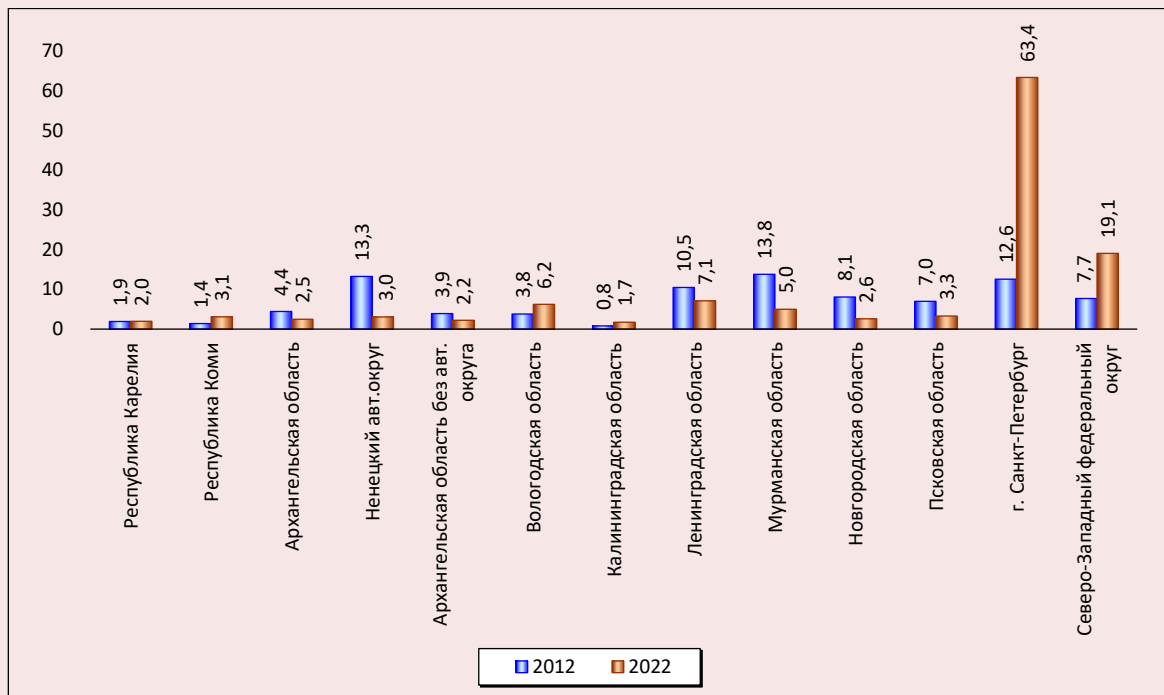
¹⁵ Приводится на основе микроданных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, 2023 год.

от 9 до 11 кв. м – в 24%. Для сравнения, аналогичные уровни жилищной обеспеченности наблюдались, соответственно, у 2 и 6% домохозяйств с одним ребёнком¹⁶.

Число многодетных семей, состоявших на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, за период с 2012 по 2022 год в СЗФО сократилось на 19% (с 12071 до 9805). В разрезе отдельных регионов тренды были разнонаправленными: рост показателя наблюдался в Мурманской области (в 3,6 раза), Ненецком автономном округе (в 3,3 раза), Ленинградской и Новгородской областях (в 1,7 раза), в Вологодской области (в 1,1 раза). В остальных регионах регистрировалось снижение показателя. Улучшить жилищные условия за рассматриваемый период удалось незначительному числу многодетных семей. В 2022 году в целом по федеральному округу их количество составило лишь 19% от числа многодетных семей, которые нуждались в улучшении жилищных условий (рис. 6).

¹⁶ Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://obdx.gks.ru/>

Рис. 6. Доля многодетных семей, улучшивших жилищные условия, в регионах СЗФО, % от общей численности многодетных семей, которые нуждались в улучшении жилищных условий

Источники: Число многодетных семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Smd_7-29.xls; Число многодетных семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Smd_7-30.xls

Приобретение собственного жилья остаётся сложной задачей для семей с детьми. Использование ипотечного кредитования незначительно смягчает остроту жилищного вопроса. Льготное ипотечное кредитование и материнский капитал оказываются наиболее действенными для многодетных семей и семей с детьми в возрасте до 3 лет (Нацун, 2023b).

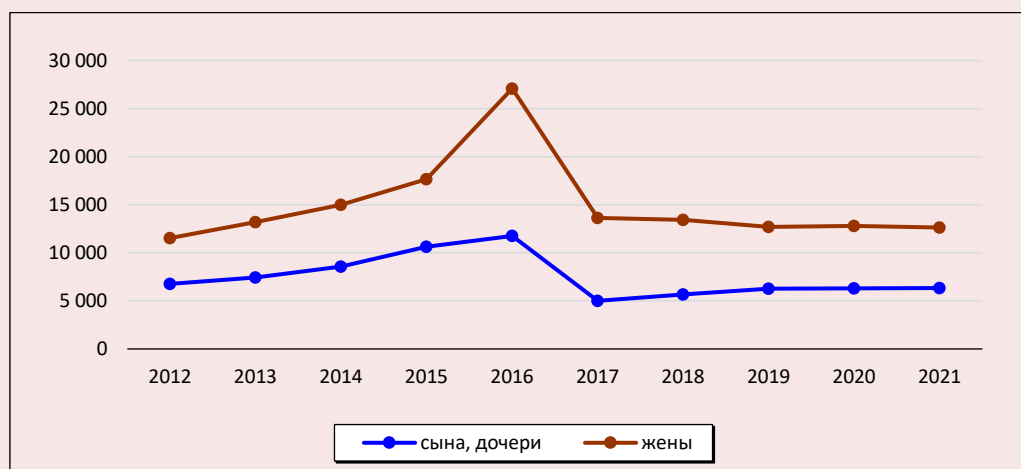
Безопасность детей в семье

Одним из важнейших компонентов благополучия является безопасность жизнедеятельности как характеристика её объективных условий и как внутреннее психологическое ощущение человека. Дети находятся в уязвимом положении, поскольку условия их жизни практически целиком определяются обществом и семьёй. При этом внутри семьи условия жизнедеятельности ребёнка не всегда соответствуют критериям безопасности.

В самых худших случаях в отношении детей со стороны других членов семьи применяются различные виды насилия (вербальное, физическое). Статистические данные о случаях домашнего насилия в отношении детей не отражают полную картину происходящего, поскольку далеко не каждый подобный случай фиксируется в органах правопорядка и попадает в текущую отчётность. Однако даже на основе этих неполных данных можно говорить о том, что в стране с 2017 года увеличивается число преступлений, совершённых в отношении детей в семье. Аналогичная картина наблюдается и с насильственными деяниями в отношении женщин в семье (рис. 7).

Следует отметить, что в 2017 году произошли законодательные изменения: из-под действия статьи 116 УК РФ были исключены случаи побоев и насильственных действий в отно-

Рис. 7. Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи

Источник: Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи, из них: супруга сына, дочери // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-25.xlsx>

шении членов семьи, произошедшие впервые (Крутихина, 2019). В статистике это отразилось существенным сокращением абсолютного числа зарегистрированных преступлений, совершённых в отношении членов семьи: в 2,3 раза уменьшилось число преступлений в отношении детей и в 1,99 раза — в отношении жён. Следовательно, в действительности ситуация с домашним насилием не стала за один год (с 2016 по 2017) в два раза лучше: по существу, изменились только санкции в отношении агрессоров.

В масштабах численности всего детского населения доля детей, которые подвергались домашнему насилию, была сравнительно небольшой — около 0,028% в 2020 году (для сравнения, среди замужних женщин доля пострадавших от домашнего насилия в 2020 году составляла 0,04%¹⁷). Несмотря на это, устойчивых позитивных тенденций, которые могли бы говорить о снижении остроты проблемы домашнего насилия, не наблюдается. Числен-

¹⁷ Рассчитано автором на основании данных ВПН-2020 о численности населения по брачному статусу, по возрастным группам, а также статистических данных о численности потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи.

ность детей, подвергавшихся ему, за период с 2012 по 2021 год выросла на 14%¹⁸. Такие данные указывают на необходимость выявления факторов риска жестокого обращения с детьми в семьях и их профилактики. В то же время рост показателя может быть обусловлен и тем, что жертвы домашнего насилия стали чаще заявлять о таких эпизодах, то есть снизилось число скрытых случаев. Для установления истинных причин наблюдаемой динамики показателя требуются углублённые исследования.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сформировать профили регионов СЗФО по рассмотренным показателям детского благополучия. Сопоставление показателей свидетельствует о наличии региональной дифференциации. Если судить по последним доступным статистическим данным, в большей части регионов сложилась нейтральная ситуация, при которой часть параметров детского благополучия способствует его дальнейшему росту, а другая часть, напротив, снижает его. Неблагоприят-

¹⁸ Число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи, из них: супруга сына, дочери // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-26.xlsx>

ная по рассмотренным показателям ситуация складывалась в Республике Карелии, Архангельской области. Сильной стороной этих регионов можно считать только высокий темп снижения коэффициента младенческой смертности в период с 2000 по 2023 год. Регионами с относительно благоприятной ситуацией по параметрам детского благополучия можно назвать Республику Коми и Ленинградскую область. Слабыми сторонами в Республике Коми являются относительно медленное снижение младенческой смертности в 2000–2023 гг. и низкая доля многодетных семей, которые улучшили жилищные условия, а в Ленинградской области – относительно медленное снижение младенческой смертности, невысокая обеспеченность детского населения педиатрами, низкая доля детей, посещающих дополнительные занятия (табл. 13). Для выравнивания наблюдаемой дифференциации и общего повышения детского благополучия в СЗФО необходима системная комплексная работа на уровне регионов, направленная в первую очередь на проблемные сферы, которые препятствуют улучшению ситуации.

Материальные условия жизни семей с детьми во многом выступают определяющим фактором формирования детского благополучия, прямо или косвенно влияя на параметры качества и доступности медицинских и образовательных услуг для детей, качество питания. Как было показано на основе статистических данных, для многих регионов проблема повышения уровня жизни семей с детьми сохраняется в числе наиболее значимых социально-экономических приоритетов. Семьи с детьми являются одной из категорий населения, наиболее уязвимых перед риском попадания в ситуацию бедности. Согласно данным российских исследований, в наибольшей степени бедность семей с детьми определяют и закрепляют следующие факторы: большое число детей в семье, возраст детей до трех лет, проживание в сельской местности, количество взрослых членов семьи, имеющих источники дохода (Елизаров, Сеница, 2019). По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в среднем по регионам округа самооценка финансового положения 56% семей с детьми остаётся низкой¹⁹.

Таблица 13. Обобщённая характеристика регионов СЗФО по показателям детского благополучия

Регион СЗФО	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Описание ситуации
Респ. Карелия	3	1	2	1	2	1	1	2	1	1,56	неблагоприятная
Респ. Коми	1	2	3	2	2	3	3	2	1	2,33	благоприятная
Архангельская обл.	3	2	1	1	2	1	2	2	1	1,67	неблагоприятная
Вологодская обл.	1	2	3	3	1	1	1	2	1	1,78	нейтральная
Калининградская обл.	3	3	1	1	1	2	3	2	1	1,89	нейтральная
Ленинградская обл.	1	3	2	3	1	3	1	3	3	2,44	благоприятная
Мурманская обл.	1	3	2	3	1	1	3	3	1	2,22	нейтральная
Новгородская обл.	3	2	1	3	1	1	3	2	3	1,89	нейтральная
Псковская обл.	2	1	3	1	1	3	2	1	2	1,89	нейтральная
г. Санкт-Петербург	1	2	1	3	3	1	1	3	1	2,00	нейтральная

Обозначения: 1 – темп снижения коэффициента младенческой смертности в 2000–2023 гг., балльная оценка; 2 – доля инвалидов в численности детей 0–17 лет, балльная оценка; 3 – доля детей 3–14 лет, занимающихся спортом и физкультурой, балльная оценка; 4 – охват горячим питанием обучающихся 1–11 классов, балльная оценка; 5 – обеспеченность детского населения педиатрами, балльная оценка; 6 – доля детей с первой группой здоровья, балльная оценка; 7 – доля детей, посещающих дополнительные занятия, балльная оценка; 8 – доля семей с детьми с доходами ниже границы бедности, балльная оценка; 9 – доля многодетных семей, которые улучшили жилищные условия, балльная оценка; 10 – средняя балльная оценка параметров детского благополучия.

Примечание: на основе ранжирования и группировки наблюдаемых значений показателей им были присвоены оценки по трёх-балльной шкале, где 1 балл означает наименее благоприятную ситуацию, а 3 – наиболее благоприятную ситуацию.

Источник: составлено автором.

¹⁹ Распределение домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 16 (18) лет, по степени удовлетворенности своим финансовым положением // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Smd_7-10.xls

Особую значимость в этих условиях приобретает реализация различных мер государственной социальной поддержки, в том числе предоставление социальных выплат и пособий.

Определение перечня критериев нуждаемости семей в дополнительной государственной поддержке является одной из наиболее дискуссионных проблем при выборе конкретных её мер, расчёте величины денежных выплат и пособий. Как правило, при определении прав на социальные выплаты учитывается соотношение доходов семьи с величиной прожиточного минимума населения.

Альтернативный инструментарий оценки материального положения семей с детьми, основанный на измерении стоимости наборов детских товаров, предложен в работе (Калабихина, Середкина, 2022). Авторы этого подхода показали, какая доля семейного бюджета расходуется на такие наборы в семьях с разным числом детей. Например, стоимость набора новорождённого варьирует в диапазоне от 1,4 до 2,5 величины месячного дохода на члена семьи, стоимость набора первоклассника – от 1,2 до 2,1 (Калабихина, Середкина, 2022).

Особого внимания заслуживают также вопросы профилактики нарушений здоровья детей. Проведённый нами анализ показал, что в регионах СЗФО достигнуты серьёзные успехи в снижении уровня младенческой смертности. Однако впоследствии в процессе школьного обучения здоровье детей ухудшается. В связи с этим сохраняют актуальность проблемы обеспечения здоровой образовательной среды в школах, формирования системы детского здравоохранения, соответствующей высоким стандартам доступности и качества медицинских услуг.

Российскими исследователями (Клейн и др., 2021) была проведена комплексная оценка охвата школьников горячим питанием и его качества. Согласно полученным результатам, в 2021 году к типу регионов с неблагоприятной ситуацией по этому показателю относились Вологодская, Калининградская, Ленинградская и Мурманская области, а с наиболее благоприятной – Санкт-Петербург и Ненецкий автономный округ. При оценке качества питания авторы исследования учитывали показатели доли проб готовых блюд, не соответствующих ги-

гиеническим нормативам по калорийности и химическому составу, микробиологическим и санитарно-химическим показателям, по содержанию витамина С (Клейн и др., 2021). Приведённые результаты свидетельствуют о том, что сфера школьного питания нуждается в постоянном мониторинге и независимом контроле, что позволит своевременно выявлять несоответствия поставляемых блюд установленным стандартам качества.

Компонентом детского благополучия, сложнее всего поддающимся государственному регулированию, выступает качество семейной среды, в которой в основном происходит социализация детей. Проблемы, связанные с профилактикой и выявлением случаев насилия в семье, неоднократно становились предметом общественных обсуждений и научных дискуссий. В 2024 году ФОМ провел социологический опрос по теме домашнего насилия в отношении детей. Согласно полученным данным, 30% респондентов считают, что после декриминализации домашних побоев число таких случаев увеличилось. В целом отрицательно относятся к декриминализации побоев 63% опрошенных. При этом 27% респондентов отметили, что допускают в некоторых случаях возможность применения физических наказаний в отношении детей школьного возраста²⁰.

Результаты социологических исследований демонстрируют, что отношение граждан к случаям семейного насилия имеет гендерную специфику. Так, мужчины (независимо от возраста) в большей степени лояльны к подобным случаям. Женщины воспринимают проблему домашнего насилия острее. При этом опрошенные в целом считают степень вмешательства государства в решение данной проблемы недостаточной. К формам домашнего насилия в отношении детей респонденты чаще всего причисляли оскорбления и унижения, различные физические воздействия и критику (Карпунина, 2021).

Исследователи предпринимали попытки выявить ключевые факторы риска домашнего насилия на основании данных социологических опросов (Калабихина, Козлов, 2009),

²⁰ Домашнее насилие. Семейное насилие: отношение и распространенность // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/15015>

рассматривали преимущества и недостатки разных подходов к разработке законодательства в области защиты граждан от домашнего насилия²¹.

В настоящее время в России всё ещё не принят федеральный закон о профилактике домашнего (семейно-бытового) насилия (есть только проект²²), что затрудняет скоординированную работу различных ведомств над решением этой острой проблемы. Эксперты обосновывали необходимость внедрения единой модели профилактики и предупреждения семейного (домашнего) насилия в отношении детей, которая упорядочит полномочия и функционал профилактической работы, соответствующих служб и органов, порядок их взаимодействия, законодательные основы их деятельности (Волосова, Баловнева, 2022).

Выводы

Проведённое исследование позволило выделить общее и различия в характеристиках детского населения в регионах Северо-Западного федерального округа. Практическая значимость полученных результатов связана с определением приоритетных проблем, решение которых будет способствовать повышению детского благополучия в каждом из рассмотренных регионов.

Численность детского населения сокращается во всех регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО). В то же время прогнозируемая динамика данного показателя в разрезе регионов различается по времени наступления периода восстановительного роста. Согласно прогнозу Росстата, численность детского населения начнёт расти в Калининградской и Ленинградской областях несколько раньше, чем в других субъектах округа. Пока-

зано, что в регионах СЗФО сложился устойчивый тренд снижения младенческой смертности. Проблемными аспектами здоровья детского населения в субъектах СЗФО остаются высокая заболеваемость детей, связанная с предотвратимыми причинами (в том числе с инфекционными болезнями и внешними причинами), а также детская инвалидность (особенно обусловленная психическими расстройствами и расстройствами поведения).

Условия формирования благополучия детского населения в регионах округа сильно дифференцированы. Каждый из них обладает специфическим набором сильных и слабых сторон в этой сфере. Благоприятными моментами, объединяющими большую часть рассмотренных регионов, можно назвать высокий охват детского населения профилактическими медицинскими осмотрами, горячим питанием в школах, а также относительно высокую степень вовлечённости детей в спортивные занятия.

Наиболее выраженными препятствиями для достижения детского благополучия в регионах СЗФО выступают низкий уровень реализации потребности семей с детьми в улучшении жилищных условий (лишь 19% многодетных нуждающихся семей в 2022 году смогли улучшить жилищные условия), низкая обеспеченность детскими врачами (в 7 из 9 регионов округа менее 20 педиатров на 10000 человек детского населения), высокая доля семей с доходами ниже границы бедности (для 7 из 9 регионов федерального округа уровень показателя превысил 10%).

Решению обозначенных проблем, а также преодолению регионального неравенства в параметрах детского благополучия может способствовать реализация анонсированного в начале 2024 года нацпроекта «Семья».

Детское благополучие выступает комплексным индикатором, отражающим не только качество государственной политики и сложившихся систем образования и здравоохранения, но и в целом уровень развития общества (в том числе его социальное здоровье). Соответственно, для его повышения необходимы усилия и со стороны государства, и со стороны общества. Только согласованные действия и кооперация в интересах детского населения могут обеспечить значимый прогресс в этой сфере.

²¹ Дюбан Э., Давтян М., Фролова В. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации: на основе анализа российской нормативно-правовой базы и обобщения передовых практик // Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a05>

²² О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: Федеральный закон (проект). URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf>

Литература

- Абросимова Е.Е., Бухтиярова И.Н., Филипова А.Г. (2019). Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 3 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-detey-v-reshenii-voprosov-zatragivayuschih-ih-interesy-analiz-regionalnyh-obrazovatelnyh-meropriyatiy-i-materialov-smi>
- Бессчетнова О.В. (2019). Благополучие детей как социальная проблема современности // Logos et Praxis. Т. 18. № 4. С. 42–52. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.4.5
- Волосова Н.Ю., Баловнева В.И. (2022). Современное состояние профилактики и предупреждения семейного (домашнего) насилия в отношении детей в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. Т. 12. № 2А. С. 341–348. DOI: 10.34670/AR.2022.69.11.040
- Елизаров В.В., Сеница А.Л. (2019). Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // Уровень жизни населения регионов России. № 2 (212). С. 63–75. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10065
- Калабихина И.Е. (2015). О реализации национальной стратегии действий в интересах детей // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 58–80.
- Калабихина И.Е., Козлов В.А. (2009). Домашнее насилие в отношении женщин в современной России: влияние социально-демографических характеристик супругов на распространенность насилия // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 1. № 1. С. 62–84.
- Калабихина И. Е., Кучмаева О.В., Казбекова З.Г. [и др.]. (2023). Как измерить благополучие детей в российских регионах: методические материалы. Москва: МАКС Пресс. 98 с.
- Калабихина, И.Е., Кучмаева О.В., Казбекова З.Г., Середкина Е.А. (2024). Интегральные оценки детского благополучия // Вопросы статистики. Т. 31. № 4. С. 34–55.
- Калабихина И.Е., Середкина Е. А. (2022). Стоимость наборов новорождённого и первоклассника как индикаторы материального благополучия семей с детьми в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 60–71. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.5.
- Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2019). Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9
- Карпунина А.В. (2021). Домашнее насилие над детьми: восприятие со стороны различных групп населения // Социальная политика и социология. Т. 20. № 4 (141). С. 74–83. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-4-74-83
- Клейн С.В., Эйсфельд Д.А., Никифорова Н.В. (2021). Типологизация российских регионов по комплексу факторов среды обитания, учебно-воспитательного процесса и здоровья школьников // Анализ риска здоровью. № 4. С. 82–91. DOI: 10.21668/health.risk/2021.4.09
- Козлова О.А., Архангельский В.Н. (2021). Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 9. С. 845–855. DOI: 10.31857/S0869587321090061
- Крутихина П.В. (2019). Декриминализация домашнего насилия: три года спустя // Закон. № 12. С. 112–119.
- Кузнецова А.Ю. (2020). Качество детства: проблемы и подходы в их решениях // Государственная служба. Т. 22. № 5 (127). С. 6–11. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-5-6-11
- Кучмаева О.В. (2020). Участие детей в принятии решений: результаты и перспективы социальной политики в России // Наука. Культура. Общество. № 2. С. 18–25. DOI: 10.38085/2308829X-2020-2-18-25
- Нацун Л.Н. (2023а). Доступность дополнительных занятий и их влияние на развитие детей дошкольного возраста // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 26. № 2. С. 67–87. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.2.4
- Нацун Л.Н. (2023б). Оценка потребности и возможностей семей с детьми в улучшении жилищных условий // Проблемы развития территории. Т. 27. № 5. С. 100–200. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.10
- Римашевская Н.М. (2011). Детство как потенциал социально-демографического развития России // Народонаселение. № 2 (52). С. 1–14.
- Сарычева Т.В., Пушкарева Ю.А. (2022). Статистический анализ детского благополучия на территории Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. Т. 8. № 3(31). С. 321–333. DOI: 10.30914/2411-9687-2022-8-3-321-333

- Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. (2023). Особенности изменений численности и возрастной структуры репродуктивных контингентов женщин в России в условиях депопуляции // Регион: Экономика и Социология. № 1 (117). С. 138–169. DOI: 10.15372/REG20230105
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Антонова В.К., Бирюкова С.С. (2014). Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России // Политика семьи и детства в постсоциализме / под ред. В. Шмидт, Е.Р. Ярской-Смирновой, Ж.В. Черновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. С. 72–98.
- Brennan L.K., Sabounchi N.S., Kemner A.L., Hovmand P. (2015). Systems thinking in 49 communities related to healthy eating, active living, and childhood obesity. *Journal of Public Health Management and Practice: JPHMP*, 21 Suppl 3, S55–S69. Available at: <https://doi.org/10.1097/PHH.0000000000000248>
- Chote B., Rees D., Swinburn B., McKelvie-Sebileau P., Glassey R., Tipene-Leach D. (2022). Systems mapping of the New Zealand Free and Healthy School Lunch Programme: Perspectives from lunch providers. *Nutrients*, 14, 4336. Available at: <https://doi.org/10.3390/nu14204336>
- Sollis K., Edwards B. (2022). Measuring what matters: Drawing on a participatory wellbeing framework and existing data to assess child wellbeing outcomes over time. *Social Indicators Research*, 164, 543–599. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02960-3>
- González-Carrasco M., Casas F., Malo S. et al. (2017). Changes with age in subjective well-being through the adolescent years: Differences by gender. *Journal of Happiness Studies*, 18, 63–88. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9717-1>
- Goswami H., Fox C., Pollock G. (2016). The current evidence base and future needs in improving children's well-being across Europe: Is there a case for a comparative longitudinal survey? *Child Indicators Research*, 9, 371–388. DOI: 10.1007/s12187-015-9323-5
- O'Halloran S.A., Hayward J., Valdivia Cabrera M. et al. (2024). The common drivers of children and young people's health and wellbeing across 13 local government areas: A systems view. *BMC Public Health* 24, 847 Available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-024-18354-8>
- Mason J., Danby S. (2011). Children as experts in their lives: Child inclusive research. *Child Indicators Research*, 4, 185–189. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-011-9108-4>

Сведения об авторе

Лейла Натиговна Нацун – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

Assessing the Well-Being of Child Population in the Northwestern Federal District

Abstract. One of the key challenges for modern states is change in the age structure of the population – a decline in children's share and an increase in the elderly's share. In Russia, associated with the declining birth rate, the number of children and their share in the population are also decreasing. This foregrounds the search for manageable factors for preservation of child population's health and the turn to a comprehensive consideration of the environment that influences it. Children's well-being is a complex concept reflecting a wide range of issues, ranging from children's health to the standard of living of their families. Though this issue is of interest, there are only few works devoted to the assessment of children's well-being in Russian regions. The aim of the study was to assess changes in the child population and characteristics of its well-being in the regions of the Northwestern Federal District. The informational background includes statistical data, results of population surveys, and data of sample observations on socio-demographic issues conducted by the Federal State Statistics Service. It is demonstrated that in spite of the small child population in the regions of the Northwestern Federal District, a steady trend

of reducing infant mortality has developed. However, high incidence of disease indicates the continuing risks of loss of children's health. Based on the analysis of statistical data, it was found that indicators of well-being of the child population in the regions of the District are differentiated. Advantage factors uniting most of the regions under consideration are high provision of children with preventive medical examinations, hot meals in schools, as well as a relatively high degree of their involvement in sports activities. The most pronounced obstacles to achieving children's well-being in the Northwestern Federal District are the low level of meeting the need for families with children to improve housing conditions, insufficient number of pediatricians, and a high share of families with incomes below the poverty line in some regions.

Key words: quality of the child population, children's well-being, regional studies, families with children.

Information about the Author

Leila N. Natsun – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Статья поступила 21.08.2024.

Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России

Екатерина Валерьевна ТОНКИХ

Институт Генплана Москвы

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: kate-tonkykh@mail.ru

ORCID: 0009-0004-8873-0979; ResearcherID: LBI-2466-2024

Аннотация. Существующий в России демографический кризис является вызовом для социально-экономического благополучия страны. Для борьбы с кризисом государством реализуются различные меры демографической политики, в том числе особая роль отводится миграции как способу поддержания стабильности численности населения. Наибольшую долю в миграционном приросте России составляют граждане стран СНГ. Среди них большинство – прибывшие из Центральной Азии, страны которой отличаются высоким уровнем рождаемости. Данные тенденции позволяют предполагать, что приезжие заводят семьи в РФ, а миграция вносит вклад в рождаемость принимающей страны, который и оценивается в статье. Вклад миграции из стран Центральной Азии в российскую рождаемость был проанализирован как показатель удельного веса числа рождений женщинами из Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана в общем числе рождений в России. В качестве эмпирической базы использована совокупность трех источников статистических данных, отражающих комплексный подход к определению миграционного статуса: данные о месте рождения, о гражданстве и о национальности. Выявлено, что 1,5% рожденных за период 2011–2023 гг. на территории России детей являются потомками граждан стран Центральной Азии; потомками киргизов, узбеков и таджиков по национальности являются 0,5% рожденных в РФ детей по состоянию на критический момент переписи 2020 года; 11,1% детей имеют родителей с иностранным происхождением (родившихся за пределами территории РФ). Рождаемость лиц с иностранным происхождением на территории России

Для цитирования: Тонких Е.В. (2024). Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13

For citation: Tonkikh E.V. (2024). Assessing the impact of migration from Central Asian Countries to birth rate in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 243–259. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13

также дифференцирована по федеральным округам. Последующие исследования в рамках данной проблематики могут быть направлены на изучение динамики рождаемости в смешанных семьях, а также конкретизированы статистикой по субъектам РФ.

Ключевые слова: гражданство, национальность, иностранное происхождение, рождаемость мигрантов.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России» (под руководством кандидата исторических наук В.М. Пешковой).

Введение

Как минимум несколько десятилетий демографическая ситуация в России определяется как кризисная¹, что в первую очередь выражается в снижении уровня рождаемости². С 1967 года рождаемость в стране находится на уровне ниже необходимого для простого воспроизводства населения, а с 1992 года наблюдается естественная убыль населения. В рамках этого периода естественный прирост фиксировался только в 2013–2015 гг. (число родившихся превысило число умерших на 24; 30,3 и 32 тысячи человек соответственно). При этом показатели рождаемости снижались значительными темпами: в 2015 году на 1000 человек населения приходилось 13,3 родившихся, а в 2022 году – 8,9 родившихся³.

Данную тенденцию отражает и динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР). В постсоветский период этот показатель достиг своего минимального значения 1,195 детей на 1 женщину в 2000 году, максимального 1,777 – в 2015 году, что все равно на 15% ниже необходимого для простого воспроизводства населения (2,1). С 2016 года снова началось постепенное снижение значения СКР; в 2022 году он составил 1,406. С 2012 года СКР снизился во всех российских регионах, за исключением г. Москвы, где показатель вырос с 1,32 до 1,4 ребенка на одну женщину.

В 2022 году СКР превысил показатель, необходимый для простого воспроизводства населения, только в двух регионах: Чеченской Республике (2,63) и Республике Алтай (2,42)⁴.

Демографический кризис является вызовом и для российской экономики. Поскольку для экономического роста необходимы повышение производительности труда и рост численности рабочей силы, снижение доли трудоспособных жителей России на 4,6% в 2010–2023 гг. может вести к увеличению нагрузки на них, а также стать причиной снижения ВВП⁵. При увеличении доли трудоспособного населения на 1% темп прироста реального ВВП на душу населения, наоборот, увеличивается на 0,27% (Kazbekova, 2018).

Следовательно, решающую роль в экономическом росте и благополучии государства играет население, на качественные и количественные характеристики которого государство стремится воздействовать. Так, в ситуации демографического кризиса одним из способов воздействия являются финансовые меры демографической политики. К ним относятся материнский капитал, ежемесячные и единовременные пособия⁶, а также региональные льготы и субсидии (например, возможность бесплатного пользования городской парковкой в Санкт-

¹ Демографический кризис в России: кто виноват и что делать? // Демоскоп Weekly. 2005. № 225–226. 5–18 декабря. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0225/analit06.php>

² Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 142–143.

³ Рождаемость, смертность и естественный прирост // Демография / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁴ Суммарный коэффициент рождаемости // Демография / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517>

⁵ Распределение населения по возрастным группам // Демография / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁶ Выплаты на детей в 2024 году: кому положены, в каком размере и как получить // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/article/1677828/?ysclid=ixg9tox2vz472712370>

Петербурге⁷ или компенсация оплаты совместного отдыха родителей и детей для многодетных семей в Ульяновской области⁸ и пр.).

Поскольку динамика общей численности населения зависит не только от естественного, но и от миграционного прироста, в первую очередь из-за пределов России, государство также стремится влиять на него, что находит отражение в нормативно-правовых актах. Например, согласно Указу Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики РФ на период 2019–2025 гг.» одной из целей миграционной политики является «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере демографического развития страны... Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических и связанных с ними экономических проблем»⁹. В условиях положительной миграционной динамики актуальными остаются вопросы межэтнического согласия, находящие отражение в Стратегии государственной национальной политики РФ, задачами которой являются гармонизация межэтнических отношений, предупреждение конфликтов на межнациональной почве, обеспечение межнационального мира¹⁰. При регрессивной половозрастной структуре российского населения появляется угроза демографической экспансии, связанная с возможной трансформацией этнической структуры населения и низким уровнем ассимиляции мигрантов (Золотарева, 2020). Одной из статистических характеристик демографической экспансии выступает соотношение

уровней рождаемости коренного и некоренного населения (Балацкий, Екимова, 2023).

Миграция оказывает влияние на численный и половозрастной состав населения. Хотя численный состав мигрантов различается в разных странах, существуют определенные закономерности в возрастах мигрантов. Наиболее миграционно активна молодежь до 25 лет, которая переезжает с целью обучения, начала трудовой деятельности и создания семьи (Rogers, Castro, 1981). Таким образом, миграция «омолаживает» структуру населения принимающей страны, что является вопросом национальной безопасности современной России ввиду старения населения (Имидеева и др., 2023).

Миграционная ситуация в постсоветской России, в свою очередь, характеризуется разными темпами, масштабами и векторами перемещения мигрантов. Миграционный прирост из зарубежных стран наблюдается в РФ с 1992 года. Максимальное значение абсолютного миграционного прироста отмечено в 1994 году, когда он составил 978 тыс. человек; минимальное — в 2022 году, 34,9 тыс. человек. С 2009 до 2019 года общий прирост населения РФ оставался положительным, поскольку миграционный прирост компенсировал естественную убыль, а с 2020 года — общий прирост сменился общей убылью¹¹.

В 1990-х гг. наибольшую долю в миграционном приросте РФ составляли мигранты из республик бывшего СССР, треть из них получили статус вынужденных переселенцев (Пешкова, 2022). С конца 1990-х — начала 2000-х гг. миграция в РФ приобрела характер трудовой, которая сопровождалась процедурами натурализации. В 1997–2022 гг. прибывшие из стран СНГ составляли в среднем 90,08% от всех прибывших на территорию РФ, а миграционный прирост с ними — в среднем 57,05% от всего миграционного прироста РФ. Среди прибывших из стран СНГ в среднем за вышеуказанный период наибольшие доли составляли граждане Украины (15,95%), Казахстана (13,33%), Узбекистана (9,55%), Таджикистана (7,65%), Армении (5,83%), Киргизии (5,01%), Азербайджана (3,69%), Молдовы (3,35%), Беларуси (2,25%) и Туркмении (1,32%). При этом доли мигран-

⁷ О создании и использовании на платной основе парковок (парковочных мест), расположенных на автомобильных дорогах общего пользования регионального значения в Санкт-Петербурге (Василеостровский район): Распоряжение Комитета по транспорту Санкт-Петербурга от 18.08.2023 № 353-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7801202308240014>

⁸ О мерах социальной поддержки многодетных семей на территории Ульяновской области: Закон Ульяновской области № 154-ЗО. URL: <https://docs.cntd.ru/document/918008034>

⁹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. URL: <https://base.garant.ru/72092260/>

¹⁰ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70284810/>

¹¹ Общий прирост населения // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31272>

тов из разных стран менялись с течением времени: если в 1997 году наибольшее число мигрантов прибыло из Казахстана (43,10%) и Украины (25,25%), то в 2022 году – из Таджикистана (34,08%), Украины (27,19%), Казахстана (11,76%) и Кыргызстана (11,39%).

Доля приезжающих из стран Центральной Азии в общей численности мигрантов из стран СНГ в 1997–2022 гг. выросла: на 709,27% для Таджикистана, на 353,46% для Кыргызстана, на 36,38% для Узбекистана¹². При этом государства Центральной Азии являются странами с высокой рождаемостью (СКР в 2022 году составлял 3,3 ребенка на 1 женщину в Узбекистане; 2,8 – в Кыргызстане; 3,5 – в Таджикистане; 3,05 – в Казахстане)¹³.

Таким образом, миграционные процессы оказывают влияние на общий прирост населения РФ. Тем не менее, помимо механического замещения естественной убыли населения миграционным приростом внешняя миграция на определенном этапе также может вносить вклад в рождаемость принимающей страны (Топилин, 2018). Ранее делались попытки оценить вклад миграционной компоненты в демографическую динамику, например, коэффициент социального замещения (1951 г.), коэффициенты воспроизводства населения в разном возрасте (1991 г.), а также коэффициент воспроизводства при различных сценариях чистой миграции (1997 г.), однако данные показатели не учитывали миграцию как константу или предлагали гипотетические сценарии (Poveda, Ortega, 2010).

С учетом названных факторов, а также тенденций феминизации миграции, роста числа детей у прибывающих женщин, предположения о том, что приезжие заводят семьи в РФ, возникает вопрос: какой вклад вносят данные мигранты в российскую рождаемость? Под вкладом в работе понимаются масштабы рождаемости мигрантов, их доля в общем числе рождений в России. Для ответа на этот вопрос будут рассмотрены тенденции рождаемости ми-

грантов из стран Центральной Азии (Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана)¹⁴ в РФ ввиду их многочисленности, а также принадлежности к странам с высокой рождаемостью (СКР в данных странах превышает российский более чем в два раза).

Теоретико-методологическая часть работы

Отечественные социальные исследования по теме влияния внешней миграции, в том числе из стран Центральной Азии, на уровень рождаемости в РФ немногочисленны. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, активная международная миграция в РФ насчитывает лишь около 20 лет. Во-вторых, масштабные и сравнительные исследования ограничены особенностями методологического учета миграции. Дело в том, что статистические данные о миграции формируются, как минимум, из шести источников информации: Росстата о прибытии и выбытии международных мигрантов; Федеральной миграционной службы (ФМС) о присутствии иностранных граждан на территории РФ, о натурализации иностранных граждан и о легально работающих в РФ иностранных гражданах (до 2016 г.); Главного управления по вопросам миграции МВД, которому были переданы полномочия ФМС после ее упразднения; Пограничной службы ФСБ России; а также Центрального банка РФ о личных денежных переводах между жителями РФ и других стран. Ведомственный подход осложняет процедуру сбора данных, что провоцирует значительные различия в них. Более того, правила учета мигрантов существенно менялись. Например, в 2000 году для мигрантов из стран СНГ стало необходимо получать вид на жительство перед регистрацией по месту проживания, что привело к недоучету прибытия мигрантов. С 2007 года, наоборот, в качестве мигрантов стали учитывать и тех, кто имел разрешение на временное проживание; с 2011 года – и тех, кто зарегистрировался по месту пребывания на срок от 9 месяцев. Гражданам РФ необязательно сниматься с учета при выезде за рубеж; а с 2012 года в чис-

¹² Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Демография / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.06.2024).

¹³ Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2019–2022. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2023. С. 55.

¹⁴ Помимо Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана к странам Центральной Азии относят Туркменистан. Однако ввиду миграционной политики данной страны и отсутствия необходимой статистической информации в рамках исследования Туркменистан рассматриваться не будет.

ле выбывающих стали учитываться временные трудовые мигранты, у которых закончился контракт, что также привело к несколько завышенным числам эмигрантов (Лифшиц, 2016).

Внешняя миграция не только воздействует на численность населения принимающей страны «извне», но и вносит свой вклад в изменение уровня рождаемости принимающей страны (то есть трансформирует демографическую ситуацию «изнутри»). Например, на территории Швейцарии иностранцами рождаются 23% детей, на территории Великобритании — более 15% (Карачурина, 2007).

В отечественных социальных исследованиях представлены разные способы оценки вклада миграции в рождаемость принимающей страны.

Одним из способов является оценка корреляции динамики показателей рождаемости, чаще всего СКР и миграционного прироста. Данного подхода придерживается А. В. Топилин, который оценивает вклад миграции в уровень рождаемости на основе анализа миграционного прироста из стран с различным уровнем рождаемости: высоким (в данную группу входят страны Центральной Азии), средним и низким (Топилин, 2018). Разделив регионы РФ на четыре группы по уровню миграционного прироста за шесть лет, он приходит к выводу, что лишь в группе с наиболее миграционно-привлекательными регионами СКР демонстрирует положительную динамику. В других группах регионов корреляции между миграционным приростом и СКР не наблюдается или она отрицательная. Таким образом, возрастная структура миграционного прироста населения (мигрируют, как правило, люди в трудоспособном возрасте) способна оказать пролонгированное влияние на динамику рождаемости в будущем, но за рассмотренный А. В. Топилиным период (2010–2016 гг.) положительная динамика СКР наблюдается лишь в 19 регионах, и только в семи из них СКР увеличился значительно, чем в среднем по РФ.

Однако применение СКР для оценки рождаемости (в том числе мигрантов) в динамике имеет ряд сложностей: показатель адекватно отражает рождаемость только реальных поколений (родившихся в один временной период) женщин, поскольку в динамике он не учитывает изменение календаря деторождений, т. е. их

откладывание на последующее время; следовательно, его рост не всегда обозначает слом тенденций, а также вклад миграции в рождаемость (Волан и др., 2020). Более того, СКР не учитывает распределение женщин по числу рожденных детей, а также зависит от возрастов рождений. Помимо упомянутых выше недостатков статистики миграции в России существует также фактор времени: миграция в страну в определенный год не гарантирует рождение ребенка в тот же год, но и не отменяет вероятность его рождения в последующем.

Корреляционного подхода к оценке вклада миграции в рождаемость также придерживается А. Ю. Денисов, который ранжировал по показателю специального коэффициента рождаемости 876 европейских городов, оценил удельный вес мигрантов не из стран Европейского союза в них и пришел к выводу, что, несмотря на высокие показатели рождаемости в некоторых странах ЕС (например, Франции, Великобритании), вклад мигрантов из неевропейских стран в нее незначителен (Денисов, 2017).

Однако недостатком специального коэффициента рождаемости является его зависимость от числа женщин; а существующая статистика внешней миграции в России не позволяет выделить удельный вес находящихся в стране мигрантов по стране происхождения, поэтому нами в данной статье не будет использоваться корреляционный метод оценки вклада миграции в рождаемость.

Различия в коэффициентах рождаемости мигрантов по сравнению с коренным населением также обусловлены низкими показателями до переезда в связи с планированием миграции и откладыванием деторождения (Carlsson, 2023) и повышением сразу после переезда ввиду брачной миграции и прибытия в детородном возрасте (Alderotti et al., 2022).

Вторым способом оценки вклада миграции в рождаемость принимающей страны является анализ числа рождений по гражданской принадлежности родителей.

Например, Ю. А. Прохорова, проанализировав данные Управления статистики населения и здравоохранения о числе родившихся по гражданству матери и отца в 2011, 2012, 2013 гг., отмечает, что, несмотря на низкий вклад семей

мигрантов в российскую рождаемость (около 2%) в 2011–2013 гг., средние темпы роста рождаемости в смешанных типах городских семей (где хотя бы один родитель имеет гражданство другой страны) составляют 15%, сельских – 20%, что значительно превышает темпы роста рождаемости в семьях граждан РФ (1 и 0,5% соответственно). У мононациональных семей наивысшие темпы роста рождаемости – 24 и 45% соответственно (Прохорова, 2015). Цель автора заключалась в рассмотрении различий рождаемости в смешанных и мононациональных семьях в РФ, что не является целью нашего исследования. Однако данные о числе рождений по гражданству родителей являются подходящими, поэтому будут использованы нами в качестве методической базы.

Е.П. Сигарева и С.Ю. Сивоплясова использовали метод сравнительного анализа данных о числе рождений по гражданской принадлежности родителей. В 2020 году гражданство родителей точно определено у 87,2% рожденных детей (у оставшихся оно либо не указано, либо отсутствует вовсе). Среди них 95,4% рождений приходятся на родителей-россиян, 1,5% – на родителей-иностранцев, 3,1% – на рождаемость в смешанных парах с иностранными гражданами. Доля родителей-россиян преобладает во всех федеральных округах, варьируется от 92,8% в Северо-Западном федеральном округе до 98,5% – в Северо-Кавказском. При этом практически 2/5 от всех рожденных в России детей, родители которых являются иностранными гражданами, родилось в Центральном федеральном округе: 39,2% от всех детей с обоими родителями-иностранцами и 36,2% с одним родителем-иностранцем. Это связано с экономической и миграционной привлекательностью ЦФО, относительно недорогими условиями жизни и, следовательно, со значительной долей мигрантов на территории округа. В целом в смешанных парах 45,8% матерей и 54,2% отцов с иностранным гражданством (Сигарева, Сивоплясова, 2022).

Таким образом, основной вклад в процессы рождаемости, а также брачности в России вносят граждане РФ. Доля браков, где хотя бы один из супругов является иностранцем, составляет 7,5% от общего числа заключенных брачных союзов, а доля рождений, где хотя бы один из ро-

дителей является иностранцем, составляет 5% от общего числа рождений. Более того, возможное влияние миграции на процессы рождаемости в России значительно дифференцировано по федеральным округам.

В рамках исследования будет проведен сравнительный анализ данных о числе рождений по происхождению родителей, поскольку он является наиболее статистически релевантным для оценки вклада миграции в рождаемость принимающей страны.

Помимо оценки статистического вклада миграции в рождаемость принимающей страны необходимо изучить социальную и поведенческую компоненты рождаемости, а именно репродуктивные установки и поведение¹⁵. Данный аспект является важным в рамках исследования, поскольку подчеркивает различия между репродуктивным поведением принимающей страны – РФ и стран Центральной Азии – доноров миграции.

В социологии семьи репродуктивное поведение понимается как «система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в семье (а также вне брака)»¹⁶. Можно выделить виды или компоненты репродуктивного поведения: «собственно репродуктивное, направленное на деторождение, а также абортное и контрацептивное, задачей которых является регулирование сроков и числа рождений (или их отсутствие)»¹⁷. Репродуктивное поведение человека основано на двух компонентах: репродуктивных установках и установках детности¹⁸.

По своей структуре репродуктивное поведение схоже с любым человеческим поведением и содержит ценности, мотивы, установки и решения, приводящие к конкретным результатам и действиям. Внешняя миграция является одним из факторов, влияющих на репродуктивные установки и поведение мигрантов, которые, в свою очередь, вносят вклад в рождаемость при-

¹⁵ Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 258; Социология в России / под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.

¹⁶ Антонов А.И., Медков В.М. (1996). Социология семьи. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 201.

¹⁷ Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. С. 251.

¹⁸ Там же. С. 334.

нимающей страны. Обобщив современные подходы, К.И. Казенин выделил четыре типа репродуктивного поведения мигрантов (Казенин, 2017). Первый тип — адаптация, когда после укоренения мигрант усваивает репродуктивное и брачное поведение, характерные для жителей новой страны, а его репродуктивная активность снижается, если он переехал в страну с более низкой рождаемостью, чем на исторической родине. Среди факторов, влияющих на скорость усвоения репродуктивного поведения принимающего общества, выделяются возраст мигрантов, уровень образования, социально-экономический статус (Afulani, Asunka, 2015), длительность пребывания в стране (Milewski, 2010), поколение миграции (Adserà et al., 2012). Репродуктивное поведение переехавших в детском возрасте ближе к репродуктивному поведению принимающего общества по сравнению с теми, кто мигрировал в более зрелом возрасте.

В логике второго типа, или социализации, мигранты сохраняют репродуктивное поведение, характерное для граждан их родины, в новой стране даже при длительном проживании, поскольку, несмотря на то что со временем у мигрантов происходит постепенный переход к репродуктивному поведению, характерному для общества новой страны, признается важность культурных, религиозных, этнических и семейных контекстов в формировании репродуктивного поведения (Jennings et al., 2012).

Третий тип — разрыв, когда в первый послемиграционный период происходят значительные изменения в репродуктивном поведении мигрантов. Влияние миграции на рождаемость может быть как снижающим, так и повышающим. Экономические трудности заставляют некоторых мигрантов откладывать рождение детей, что приводит к снижению рождаемости (Goldstein, Tirasawat, 1977). Есть свидетельства и всплеска рождаемости среди мигрантов в первые годы после переезда (Andersson, 2004; Milewski, 2011). Это объясняется, во-первых, желанием мигрантов укрепить свой статус в новой стране, во-вторых, тем, что для части мигрантов переезд связан с заключением брака, и наконец тем, что в развитых странах пособия на детей позволяют удовлетворять материальные потребности всей семьи.

Миграция людей с определёнными характеристиками, такими как высокое социально-экономическое положение и уровень образования, наиболее вероятна. Это сопряжено с относительно небольшим числом детей в семье. То есть потенциальные мигранты уже до переезда отличаются снижением репродуктивных намерений и большей ориентацией на карьеру, что формирует селективное репродуктивное поведение (Hendershot, 1971).

А.Б. Синельников по результатам анализа данных, полученных в рамках 30-го раунда социологического исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ, отмечает, что среднее число детей на одну женщину и на одного мужчину у приезжих (как в ранних, так и в поздних возрастах) выше, чем у коренного населения, а доля бездетных среди местных выше, чем среди приезжих, за исключением женщин старше 60 лет, у которых рождаемость не зависит от миграционной истории (Синельников, 2023).

Однако социологический подход не позволяет рассмотреть масштабы рождаемости мигрантов, хотя дает необходимый базис для изучения репродуктивных установок. Поскольку целью нашей работы является оценка вклада миграции в рождаемость в России, данные социологических исследований не будут использованы.

Таким образом, подходы к оценке вклада миграции в рождаемость принимающей страны варьируются в зависимости от целей исследования. В рамках социологического подхода основу составляет анализ репродуктивных установок мигрантов на протяжении всех стадий миграционного процесса; демографический подход предполагает изучение динамики демографических показателей (СКР, специального коэффициента рождаемости, удельного веса и рядов динамики абсолютного числа рождений у иностранцев). Для оценки вклада мигрантов в рождаемость принимающей страны анализ динамики числа рождений по гражданской принадлежности родителей является наиболее полным ввиду широкой представленности эмпирического объекта в базе данных.

Различия в репродуктивном поведении мигрантов и местных жителей привлекают исследователей ввиду социально-экономических различий стран-доноров и стран-реципиентов

миграции. Второй демографический переход в европейских странах происходил одновременно с развитием экономики (в том числе сектора услуг) и уровня образования населения, урбанизацией, индустриализацией, что спровоцировало массовый выход женщин на рынок труда, а также с развитием социальной сферы и медицины, что повлекло снижение детской смертности. Страны Центральной Азии считаются еще не завершившими второй демографический переход, то есть странами с уровнем рождаемости выше необходимого для простого воспроизводства населения и слабо развитой экономикой (это является мотивом для переезда в РФ). Так, стоит вопрос о сохранении репродуктивного поведения их граждан в миграции, что может являться «демографическим дивидендом» для принимающей страны и экономическим – для страны отправления.

При острой актуальности данной проблемы комплексные сравнительные исследования влияния миграции из стран Центральной Азии на рождаемость принимающей страны (РФ) в долгосрочной ретроспективной динамике отсутствуют.

Методы исследования

Ввиду отсутствия информации об абсолютной численности мигрантов из стран Центральной Азии (а также их детей), находящихся на территории России, актуальным остается вопрос определения миграционного статуса индивида. Авторский способ оценки вклада миграции из стран Центральной Азии в рождаемость в России состоит в обобщении трех видов статистических данных, отражающих комплексный подход к определению миграционного статуса: данные о месте рождения (релевантные для анализа рождаемости у мигрантов, уже получивших гражданство РФ), о гражданстве (релевантные для мигрантов, не прошедших процедуру натурализации) и национальности (полученные по принципу самоопределения в рамках переписи населения и не зависящие от гражданства), которые могут приводить к различным результатам ввиду методологических особенностей их получения.

Основу эмпирической части работы составляют два источника статистических данных. Во-первых, это результаты Всероссийской переписи населения (ВПН) в 2002, 2010 и 2020 гг.

(принята во внимание критика ВПН-2020 со стороны экспертов и общественности¹⁹), которые содержат данные о числе рожденных детей у женщин наиболее многочисленных национальностей в динамике (2002–2020 гг.). С одной стороны, существует ограничение – в базе данных состоят и граждане РФ, указавшие иную национальную принадлежность по принципу самоопределения; в то же время они могли получить гражданство РФ накануне, что не противоречит их статусу мигранта. Согласно рассмотренному ранее социализационному типу репродуктивного поведения, мигранты могут сохранять репродуктивное поведение страны происхождения после переезда. С другой стороны, к положительным сторонам этого источника информации следует отнести доступность данных; возможность получения информации о мигрантах второго и последующего поколений, а также подтверждение наличия у мигранта культурных конструктивных связей со страной происхождения (по принципу национального самоопределения).

Во-вторых, это информация Управления статистики населения и здравоохранения (получаемая от органов ЗАГС), дающая полную информацию о численности рожденных детей по гражданству матери и отца, что позволяет построить ряды динамики числа рождений по гражданской принадлежности родителей, а также проанализировать темпы прироста числа рождений у граждан различных стран за период с 2011 по 2023 год. Ограничениями названного метода являются невозможность получения информации о числе рождений одной женщиной, а также значительная доля лиц, родивших детей и не указавших гражданство (0,9% ежегодно в среднем за вышеуказанный период). С другой стороны, статистические данные являются фактическим отражением рождаемости мигрантов, что позволяет сравнить рождаемость по гражданской принадлежности с результатами ВПН относительно рождаемости по национальной принадлежности, указанной по принципу самоопределения. Также Управление статистики населения и здравоохране-

¹⁹ Перепись населения назвали худшей в истории страны. URL: https://octagon.media/politika/perepis_naseleniya_nazvali_xudshej_v_istorii_strany.html?ysclid=lpwht9qppo389397090

ния собирает данные о числе детей по месту рождения родителей. Ограничением является отсутствие информации о конкретных странах происхождения родителей (имеется информация только об их рождении на территории РФ либо за пределами РФ). Тем не менее эта база дает возможность дифференцировать лиц иностранного происхождения, родивших детей на территории РФ, по федеральным округам, а также сравнить статистику рождений по иностранному происхождению родителей с миграционным приростом в динамике с 2015 по 2023 год. Более того, представленные данные демонстрируют рождаемость среди людей, имеющих иностранное происхождение (которые могли получить гражданство РФ), а также мигрантов второго и последующих поколений.

В качестве общенаучных методов в работе использованы сравнительный анализ, синтез, аналогия, обобщение; в качестве статистических методов анализа - дескриптивная статистика, анализ рядов динамики. Так, в рамках анализа результатов ВПН 2002, 2010 и 2020 гг., а также статистических данных Управления статистики населения и здравоохранения построены ряды динамики показателей среднего числа детей на 1000 женщин соответствующей национальности, а также доли рождений граждан стран Центральной Азии на территории РФ. Проанализирована доля женщин по национальной принадлежности и числу рожденных детей с целью получения информации о вкладе представителей каждой национальности в рождаемость.

При помощи программного обеспечения MS Excel рассчитаны относительные показатели удельного веса, а также базовые и цепные темпы прироста названных выше показателей для рассмотрения вклада миграции из стран Центральной Азии в рождаемость в России.

Три базы данных имеют преимущества и недостатки, при этом использование их в совокупности позволяет нивелировать статистические неточности и оценить масштабы рождаемости мигрантов на территории России в двенадцатилетней ретроспективной динамике, поскольку каждая из них представляет собой результаты сплошного статистического наблюдения. Для оценки вклада мигрантов из стран Центральной Азии в рождаемость в Рос-

сии проанализирован удельный вес числа детей, рожденных представительницами различных национальностей (по данным ВПН-2020), гражданками различных стран (по данным УСНЗ) и иностранного происхождения (УСНЗ) в общем числе рожденных на территории России детей. При возможном существовании неточностей в абсолютных статистических данных относительный показатель удельного веса представляет собой структурно достоверный, отражающий вклад миграции из стран Центральной Азии в рождаемость в России.

Исследование обладает элементами новизны в методологическом и содержательном плане вследствие использования трех источников информации (отражающих миграционный статус с трех сторон) и их сравнения с целью оценки вклада миграции из стран Центральной Азии в рождаемость РФ (в %).

Результаты

Анализ данных ВПН позволяет сделать выводы о динамике показателей среднего числа детей на 1000 женщин наиболее многочисленных национальностей (табл. 1), в том числе в сравнении с иными национальностями. Согласно методологическим пояснениям к ВПН, к наиболее многочисленным национальностям РФ относятся те, население которых превышает 30 тыс. человек²⁰.

Показатель среднего числа детей на 1000 женщин соответствующей национальности с 2002 по 2010 год снизился у русских, татар, азербайджанцев, грузин, таджиков (см. табл. 1). Средний темп прироста среди всех национальностей составил -1,3%. Средний темп прироста за два десятилетия -12,1%. В 2020 году по отношению к 2010 году данный показатель снизился у всех рассматриваемых национальностей (за исключением русских и кыргызов), по отношению к 2002 году – за исключением кыргызов. Оценка вклада представителей различных национальностей в рождаемость на основе анализа показателя «Численность женщин, указавших число рожденных детей» продемонстрирована в таблице 2.

²⁰ Методологические пояснения к Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_met_VPN-2020.pdf

Таблица 1. Динамика долей представителей различных национальностей в общем числе лиц, указавших национальную принадлежность, и среднего числа детей на 1000 женщин соответствующей национальности, темпы прироста показателей

Национальность	Доля представителей национальностей от всех лиц, указавших национальную принадлежность, %			Темп прироста доли представителей национальностей от всех лиц, указавших национальную принадлежность, %			Среднее число детей на 1000 женщин соответствующей национальности			Темп прироста среднего числа детей на 1000 женщин соответствующей национальности, %		
	2002	2010	2020	2010 к 2002	2020 к 2010	2020 к 2002	2002	2010	2020	2010 к 2002	2020 к 2010	2020 к 2002
Русские	80,64	80,9	80,85	0,32	-0,06	0,26	1446	1405	1442	-2,80	2,60	-0,30
Татары	3,87	3,87	3,61	0,00	-6,72	-6,72	1711	1623	1622	-5,10	-0,10	-5,20
Армяне	0,79	0,86	0,72	8,86	-16,28	-8,86	1680	1699	1139	1,10	-33,00	-32,20
Украинцы	2,05	1,4	0,68	-31,71	-51,43	-66,83	1726	1749	1693	1,30	-3,20	-1,90
Азербайджанцы	0,43	0,44	0,36	2,33	-18,18	-16,28	1830	1696	1447	-7,30	-14,70	-20,90
Евреи	0,16	0,11	0,06	-31,25	-45,45	-62,50	1264	1264	1166	0,00	-7,80	-7,80
Грузины	0,14	0,11	0,09	-21,43	-18,18	-35,71	1480	1381	1263	-6,70	-8,50	-14,70
Белорусы	0,56	0,38	0,16	-32,14	-57,89	-71,43	1765	1777	1316	0,70	-25,90	-25,40
Чеченцы	0,95	1,04	1,28	9,47	23,08	34,74	2163	2196	1623	1,50	-26,10	-25,00
Кыргызы	0,02	0,08	0,11	300,00	37,50	450,00	1537	1568	1667	2,00	6,30	8,50
Узбеки	0,09	0,21	0,25	133,33	19,05	177,78	1652	1666	1458	0,80	-12,50	-11,70
Таджики	0,08	0,15	0,27	87,50	80,00	237,50	1774	1747	1622	-1,50	-7,20	-8,60

Составлено по: данные ВПН-2002, 2010, 2020.

Таблица 2. Доля женщин соответствующей национальности в общей численности женщин, указавших число рожденных детей, по числу детей в 2010 и 2020 гг., %

Национальность	1 ребенок		2 детей		3 детей		4 детей		5 детей		6 детей		7 и более детей	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Русские	91,10	94,18	90,89	91,71	86,14	86,58	80,30	78,70	77,08	74,92	75,75	74,41	76,55	74,78
Татары	4,71	3,38	4,48	4,91	6,26	6,46	7,35	6,16	10,47	8,15	10,26	6,80	9,32	6,19
Армяне	0,94	0,45	0,79	0,73	1,46	1,30	1,54	1,21	1,05	0,78	0,92	0,64	0,71	0,41
Украинцы	0,89	0,92	2,25	1,22	2,52	1,25	2,56	1,22	2,52	1,22	2,39	1,19	2,32	1,40
Азербайджанцы	0,41	0,16	0,29	0,28	0,66	0,73	0,84	0,89	0,69	0,71	0,75	0,66	0,81	0,68
Грузины	0,12	0,06	0,08	0,07	0,11	0,09	0,12	0,09	0,09	0,08	0,07	0,07	0,06	0,05
Белорусы	0,22	0,22	0,65	0,30	0,69	0,29	0,72	0,28	0,74	0,30	0,70	0,28	0,66	0,33
Чеченцы	1,30	0,42	0,37	0,51	1,68	2,40	5,73	9,35	6,73	11,85	8,58	14,09	9,16	14,64
Кыргызы	0,09	0,04	0,04	0,05	0,11	0,18	0,20	0,43	0,14	0,37	0,13	0,28	0,07	0,15
Узбеки	0,15	0,10	0,10	0,12	0,24	0,34	0,40	0,65	0,28	0,61	0,24	0,46	0,16	0,39
Таджики	0,08	0,08	0,04	0,10	0,13	0,39	0,25	1,02	0,20	1,01	0,22	1,13	0,18	0,97

Составлено по: данные ВПН-2010, 2020.

Поскольку данные об абсолютном числе рожденных детей по национальному признаку имеются лишь по наиболее многочисленным национальностям, в 2002 году нет данных по национальностям Центральной Азии. Поэтому, принимая во внимание факт немногочисленности этих национальностей в 2002 году в РФ (доля узбеков составила 0,09%, таджиков – 0,08%, кыргызов – 0,02%), мы оцениваем вклад

их представителей в рождаемость РФ как незначительный, поскольку даже при сохранении репродуктивного поведения, характерного для населения страны происхождения, их вклад в рождаемость РФ не мог превысить 0,1%.

По результатам ВПН-2010, от 76,5 до 93,6% женщин, родивших детей и указавших национальную принадлежность, являются русскими. По мере увеличения числа детей доля русских

женщин, внесших вклад в рождаемость, начинает снижаться, однако доли представителей других национальностей по отдельности остаются незначительными. Наибольшие показатели у татар (в среднем они определяют российскую рождаемость на 7,3%), чеченцев (4,7%) и украинцев (2,3%). Вклад представителей иных национальностей по отдельности оценивается менее 1%, в первую очередь ввиду немногочисленности родителей, несмотря на превышение среднего числа детей на 1000 женщин соответствующей национальности. При этом репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии относится скорее к социализационному типу (ввиду сближения с показателями рождаемости коренного населения).

По данным 2020 года, от 74,8 до 94,2% женщин (что практически не отличается от 2010 года), родивших детей и указавших национальную принадлежность, являются русскими. По мере увеличения числа детей доля русских женщин, внесших вклад в рождаемость, начинает снижаться, однако доли представителей других национальностей по отдельности остаются незначительными. Наибольшие показатели у татар (в среднем они определяют российскую рождаемость на 6%), чеченцев (7,6%) и украинцев (1,2%). Вклад представителей иных национальностей по отдельности оценивается менее 1%. Так, по сравнению с 2010 годом в 2020 году вклад чеченцев, кыргызов, узбеков и таджиков в рождаемость в РФ вырос (на 3, 0,1, 0,2 и 0,3% соответственно), тем не менее вклад представителей Центральной Азии по-прежнему остается малым и составляет в среднем менее 1%. При этом вклад становится заметным при рождении представителями данной национальности третьего и четвертого ребенка.

Таким образом, несмотря на то, что в среднем представители различных национальностей, относящихся к Центральной Азии, рожают больше детей, чем русские (хотя за последние 20 лет показатель снизился у всех, кроме кыргызов), их вклад в российскую рождаемость остается незначительным и составляет около 1% в совокупности. При сохранении существующих темпов роста населения данных национальностей в структуре российского населения

в течение 20 лет возможен рост доли кыргызов до 0,19%, узбеков – до 0,34%, таджиков – до 0,7% при снижении доли русских до 80,75%.

В *таблице 3* представлен результат анализа данных Управления статистики населения и здравоохранения РФ относительно родившихся на территории РФ детей по гражданской принадлежности их родителей (матерей и отцов).

За период 2011–2023 гг. наибольшая доля рождений приходится на граждан РФ (в среднем за период 96,3% матерей и 85,8% отцов). При этом доля детей, рожденных гражданками РФ, в общем числе рождений ежегодно снижалась, за исключением 2021 и 2023 гг. Общий темп убыли за вышеуказанный период составил –3,1%.

Несмотря на рост доли отцов – граждан РФ в 2014–2016 гг., а также в 2021 и 2023 гг., общий темп убыли их доли в общем числе рождений составил –2,1%. Несмотря на рост доли детей, рожденных иностранными гражданами (базовый темп прироста составил 141,3% для матерей и 157% для отцов), их доля по-прежнему остается достаточно низкой (доля матерей-иностранок составила в среднем 2,7%; доля отцов – 2,5%). Резкое снижение доли иностранной рождаемости в 2018 году объясняется ростом доли родителей с неуказанным гражданством.

Наибольшую долю в общей иностранной рождаемости составляют граждане СНГ: в среднем 95% матерей и 88% отцов среди иностранных граждан, родивших детей на территории РФ, являются гражданами СНГ.

Доли граждан различных стран СНГ в общей рождаемости граждан СНГ в РФ менялись за вышеуказанный период. Так, с 2011 по 2023 год снизились доли матерей – гражданок всех рассматриваемых стран, за исключением Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Базовый темп прироста удельного веса представительниц данных стран составил 62,2, 149,4, 115,9% и 70,8% соответственно. Для отцов ситуация аналогичная: базовый темп прироста составил 129,9, 144,3, 143, 43,4% соответственно; положительным также оказался базовый темп прироста удельного веса граждан Казахстана среди отцов детей, рожденных на территории РФ (4,71%).

Таблица 3. Доля матерей и отцов соответствующей гражданской принадлежности в общей численности матерей и отцов, родивших детей в 2011–2023 гг., %

		2011	2012	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доля граждан РФ в общей рождаемости	мать	98,01	97,57	97,15	96,96	96,95	96,71	96	95,97	95,11	95,86	94,57	94,96
	отец	86,14	85,83	86,41	86,65	87,02	86,91	86,07	86,01	84,89	85,31	83,85	84,30
Доля иностранных граждан в общей рождаемости	мать	1,67	1,99	2,58	2,78	2,79	3,03	2,48	2,01	2,88	2,5	3,69	4,03
	отец	1,49	1,74	2,33	2,62	2,67	2,89	2,42	1,98	2,77	2,56	3,33	3,83
Доля лиц без гражданства в общей рождаемости	мать	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0	0	0	0	0	0
	отец	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Доля лиц с неуказанным гражданством в общей рождаемости	мать	0,3	0,41	0,27	0,26	0,25	0,26	1,52	2,02	2	1,64	1,74	1,01
	отец	12,36	12,41	11,25	10,73	10,30	10,19	11,51	12,01	12,34	12,13	12,82	11,87
Доля граждан стран СНГ в иностранной рождаемости	мать	93,64	93,6	94,85	95,37	95,14	95,29	95,06	93,60	94,57	95,53	96,59	96,76
	отец	84,56	85,32	87,55	88,33	88,35	88,70	88,34	86,61	88,91	90,02	92,72	93,26
Азербайджан	мать	20,23	18,41	12,92	10,67	10,91	10,71	11,53	12,50	10,10	7,89	6,96	5,72
	отец	15,67	14,88	11,72	10,10	11,23	11,36	11,91	13,19	10,37	9,12	7,76	6,51
Армения	мать	13,89	13,54	12,29	11,64	11,70	11,29	10,59	4,75	6,34	5,61	3,32	3,70
	отец	11,40	11,87	11,65	11,41	11,70	11,48	10,61	4,92	6,75	6,26	4,39	5,16
Белоруссия	мать	2,41	2,73	2,92	2,79	3,04	3,13	2,99	1,93	1,97	1,63	0,87	0,96
	отец	5,75	5,47	4,59	4,33	4,78	4,98	4,39	2,61	3,31	3,15	1,99	2,19
Казахстан	мать	2,37	3,54	4,38	4,16	4,49	4,41	4,75	4,48	3,73	3,70	2,40	1,92
	отец	3,53	4,89	5,23	5,08	5,67	5,45	5,90	5,50	5,25	5,27	4,01	3,69
Кыргызстан	мать	12,74	12,09	12,54	12,22	14,37	16,89	10,86	8,29	16,92	18,45	14,12	20,68
	отец	8,24	7,21	7,61	7,64	9,39	11,48	7,87	5,85	13,36	14,12	12,35	18,95
Молдавия	мать	5,89	5,54	5,87	5,33	4,94	4,17	3,47	4,29	2,63	2,03	1,19	1,06
	отец	7,92	7,68	8,00	7,48	6,71	5,99	5,02	6,04	4,03	3,33	1,94	1,53
Таджикистан	мать	18,00	19,18	17,61	15,61	16,53	18,47	22,90	27,73	30,75	32,42	45,21	44,90
	отец	16,00	17,13	15,79	14,56	15,41	17,09	20,26	23,86	26,21	28,85	38,92	39,10
Туркменистан	мать	0,37	0,41	0,38	0,37	0,37	0,36	0,33	0,27	0,38	0,51	0,45	0,80
	отец	0,36	0,39	0,38	0,38	0,48	0,37	0,35	0,21	0,45	0,53	0,47	0,88
Узбекистан	мать	10,99	12,11	12,07	10,75	11,28	11,26	13,33	15,47	18,07	21,01	19,52	18,78
	отец	13,37	14,06	14,25	12,60	13,16	12,87	14,40	16,78	19,30	20,84	20,98	19,18
Украина	мать	13,10	12,45	19,02	26,47	22,38	19,32	19,26	20,29	9,12	6,74	5,96	1,47
	отец	17,76	16,42	20,79	26,42	21,46	18,93	19,28	21,04	10,98	8,54	7,18	2,81

Составлено по: данные Управления статистики населения и здравоохранения (по запросу).

Абсолютное число родившихся на территории РФ начало снижаться с 2016 года (средний темп убыли за период 2016–2023 гг. составил -5,18%). При этом абсолютное число рождений на территории РФ гражданками стран СНГ увеличилось в 1,75 раза при росте рождений матерями – гражданками Казахстана (на 58,1%), Кыргызстана (на 84%), Таджикистана (на 236,6%), Туркменистана (на 177,9%) и Узбекистана (на 99,1%). Абсолютное число рождений от отцов – граждан стран СНГ увеличилось в 1,8 раза при росте числа случаев с отцом –

гражданином Казахстана (на 8,6%), Кыргызстана (на 258,1%), Таджикистана (на 286,8%), Туркменистана (на 284,2%), Узбекистана (на 85,8%).

Число рождений детей на территории РФ гражданами рассматриваемых стран характеризовалось изменением ежегодной динамики то в сторону роста, то в сторону снижения, что говорит об отсутствии единого устойчивого тренда. Абсолютное число рождений на территории РФ в 2023 было в 1,9 раза меньше, чем в 2011 году. Среднегодовой темп прироста

абсолютного числа детей в РФ за период 2011–2023 гг. составил -5,2% (при этом у матерей из Кыргызстана – 21,8%; Таджикистана – 17,7%; Туркменистана – 19,5%; Узбекистана – 12,7%). У отцов: 28,8; 17,7; 29,8%; 12,1% соответственно. Так, наиболее устойчивым стал прирост числа детей, чьи родители являются гражданами Кыргызстана и Таджикистана. Несмотря на это, их вклад в общую рождаемость в РФ составил в среднем 0,39 и 0,74% соответственно.

Таким образом, динамика роста как абсолютного числа детей, рожденных гражданами стран Центральной Азии на территории РФ, так и доли родителей – граждан этих стран, положительна. Тем не менее их вклад в общую рождаемость РФ остается незначительным – на уровне не более 2%, что подтверждает выводы рассмотренных ранее исследований. Если принимать во внимание, что рост рождаемости иностранцев происходит на фоне снижения рождаемости россиян, то гипотеза о возможности значительного вклада граждан Центральной Азии в рождаемость РФ преувеличена. Следовательно, опасения по поводу возможного замещения коренного населения мигрантами пока остаются ошибочными²¹.

Если ранжировать федеральные округа по темпам прироста доли родителей (матерей и отцов) из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана в общем числе рождений гражданами стран СНГ, то наибольший среднегодовой темп прироста отмечен в Центральном федеральном округе (доля родителей из стран Центральной Азии в общем числе рождений граждан стран СНГ ежегодно увеличивалась на 30,10%). Второе и третье места занимают родители из Южного (26,27%) и Северо-Кавказского федеральных округов (20,19%). Наименьший показатель – у Уральского федерального округа (4,74%), что обусловлено ежегодным снижением доли отцов из Узбекистана на 0,76%.

Доля родителей из Киргизии в общем числе родителей – граждан стран СНГ значительно всего увеличивалась в ЦФО (доля матерей ежегодно росла в среднем на 67,14%; доля отцов – на 79,68%). Значительный ежегодный рост доли

матерей из Киргизии также отмечен в ЮФО: темп прироста составил 84,23%, но доля отцов ежегодно увеличивалась лишь на 25,80%. Наименьший прирост доли родителей из Киргизии наблюдался в Дальневосточном федеральном округе: темп прироста доли матерей составил 3,66%, отцов – 6,50%.

Наибольший рост доли матерей и отцов из Таджикистана отмечен в СКФО: 27,66 и 16,81% ежегодно соответственно; наименьший – в ДФО: на 5,68% ежегодно увеличивалась доля матерей и на 3,52% – доля отцов.

Наибольшие темпы прироста доли родителей из Узбекистана зафиксированы в СКФО: доля матерей ежегодно росла на 14,85%, отцов – на 13,82%. Наименьшие темпы – в УФО: доля матерей ежегодно росла на 0,93%, а доля отцов снижалась на 0,76%.

Поскольку статистика уровня рождаемости по происхождению родителей является наиболее точным отражением миграционного статуса (ввиду вероятности прохождения гражданином иной страны процедуры натурализации), база данных, дифференцированная по месту рождения родителей, дает возможность дополнительно оценить вклад миграции в рождаемость в РФ, так как содержит информацию о числе рождений по федеральным округам, что сопоставимо с миграционным приростом в них. По данным о числе рождений по происхождению (месту рождения) родителей за период 2015–2023 гг. среднегодовой темп прироста числа рождений по РФ в целом матерями с иностранным происхождением составил -2,1%, отцами -2,2%. При этом важно отметить, что в Центральном федеральном округе среднегодовой темп прироста оказался положительным, составив 6,1% для матерей и 5,8% для отцов. Для обоих родителей цепной темп прироста был отрицательным дважды: в 2017 (-8,9 и -7,7%) и 2023 (-17,6 и -18,9%) годах. Наибольший среднегодовой темп прироста за вышеуказанный период отмечен в ЦФО в 2019 году (42,3% для матерей и 37,9% для отцов).

Рождаемость лиц с иностранным происхождением дифференцирована в рамках ЦФО: наибольшие доли приходятся на г. Москву и Московскую область. Так, за период 2015–2023 гг. средняя доля матерей с иностранным происхождением, родивших детей в Московской

²¹ Мигранты в школах – новый вызов для России // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/219053-migranty-v-shkolah-novyy-vyzov-dlja-rossii.html>

области, в общем числе матерей с иностранным происхождением в ЦФО составила 31,7%; отцов — 31,8%. На г. Москву (где статистика в разбивке по происхождению родителей имеется с 2017 года) в среднем приходилось 48,8% матерей и 41% отцов с иностранным происхождением (от всех родителей с иностранным происхождением в ЦФО). Следовательно, положительные значения прироста в ЦФО обеспечены в основном за счет вклада г. Москвы и Московской области в общую рождаемость в ЦФО.

В иных федеральных округах ситуация значительно отличается от столичного региона, что формирует общероссийский тренд: абсолютное число детей, рожденных лицами с иностранным происхождением, снижается. Наибольший среднегодовой темп убыли продемонстрирован в Северо-Кавказском федеральном округе, он составил -6,8% для матерей и -6,5% для отцов. В Северо-Западном и Южном федеральных округах среднегодовые темпы убыли составили -1,4, -1,9; -1,2, -0,9% соответственно. В Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах: -4,3, -3,3; -2,6, -2,1% и -2,7, -1,9%. В Дальневосточном федеральном округе отмечена незначительная убыль, по динамике схожая с показателем ЦФО, поскольку отрицательный прирост отмечен в 2017 и 2023 гг., а также незначительный — в 2021 году, а наибольший прирост приходится на 2019 год. Тем не менее прироста иных лет оказалось недостаточно для компенсации убыли в 2023 году, поэтому среднегодовой темп убыли составил -0,4% для матерей и -0,7% для отцов.

При этом представленная динамика коррелирует с миграционным приростом в федеральных округах, рождаемость лицами с иностранным происхождением на 75% определяется миграционным приростом. Это дает право предположить зависимость динамики числа рождений от «новых» мигрантов, что является основой для дальнейшего исследования.

Таким образом, с помощью проанализированных данных из трех источников, отражающих подходы к миграционному статусу (ВПН-2020, Управление статистики населения и здравоохранения по гражданству и происхождению родителей), был рассчитан вклад мигрантов из стран Центральной Азии (Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана) в рождаемость в России (табл. 4). Вклад проанализирован как удельный вес (в %) числа рождений женщинами из стран Центральной Азии в общем числе рождений в России за период 2011–2023 гг. Наибольший вклад в российскую рождаемость внесли женщины из Таджикистана (0,6%), наименьший — из Казахстана (0,1%).

Заключение

Существующий в РФ демографический кризис, обусловленный естественной убылью населения, ежегодно усугубляется, порождая социально-экономические и демографические проблемы, такие как старение населения, снижение численности трудоспособного населения, как следствие, снижение ВВП и производительности труда. Ввиду сложившейся ситуации количественные характеристики населения РФ зависят от миграционного прироста, который до 2019 года компенсировал общую убыль населения.

Таблица 4. Вклад рождаемости женщин из соответствующих стран в общую рождаемость в России в 2011–2023 гг., %

Страна	ВПН (национальная принадлежность матери)	УСНЗ (гражданская принадлежность матери)	УСНЗ (происхождение матери)
Кыргызстан	0,1	0,4	11,1 (среди всех граждан с иностранным происхождением без возможности дифференциации по странам с 2015 г.)
Узбекистан	0,2	0,4	
Таджикистан	0,2	0,6	
Казахстан	Не поддается оценке ввиду малочисленности казахов на территории РФ	0,1	
РФ	90	96,4	83,5
Иные / не указано	9,5	2,1	5,4 (происхождение не указано)

Составлено по: данные ВПН-2020, данные Управления статистики населения и здравоохранения (по запросу).

Так, для оценки вклада мигрантов из стран Центральной Азии в рождаемость в РФ автором были использованы данные из трех источников, отражающих подходы к миграционному статусу: об удельном весе детей, рожденных женщинами по их национальной и гражданской принадлежности, а также по происхождению в общем числе рождений в РФ. Так, за период 2011–2023 гг. 1,5% рожденных на территории РФ детей являются потомками граждан стран Центральной Азии; потомками кыргызов, узбеков и таджиков по национальности являются 0,5% рожденных в РФ детей по состоянию на критический момент переписи 2020 года. Также за вышеуказанный период 11,1% детей имеют родителей с иностранным происхождением (родившихся за пределами территории РФ).

Исходя из полученных данных, представители национальностей, относящихся к странам Центральной Азии, имеют большее количество детей, чем русские, в среднем 3,2 ребенка на одну женщину (хотя данный показатель снизился за последние 20 лет у всех, кроме кыргызов). Вклад представителей иных национальностей (помимо русских) в российскую рождаемость по отдельности оценивается менее 1%, но он становится заметнее при рождении ими третьего и последующих детей. Данные о рождениях по гражданству родителей демонстрируют схожую динамику: несмотря на рост числа рождений у иностранных граждан на

территории РФ, они определяют рождаемость в принимающей стране на 2%. Рождаемость среди лиц с иностранным происхождением на территории РФ дифференцирована по федеральным округам: с 2015 года она увеличилась лишь в ЦФО (доля г. Москвы и Московской области в общей рождаемости ЦФО в совокупности ежегодно составляла 73,6% в среднем за рассматриваемый период), что связано с его лидерством по общему миграционному приросту; численность детей, рожденных лицами с иностранным происхождением, на 75% определяется величиной миграционного прироста в федеральном округе, что дает право предположить значительный вклад «новых» мигрантов в рождаемость на территории РФ.

Таким образом, несмотря на серьезное внимание к рождениям у мигрантов, они по-прежнему вносят незначительный вклад в общую рождаемость в РФ, что не компенсирует снижение рождаемости коренного населения ввиду превышения темпов убыли рождаемости местного населения над темпами роста рождаемости мигрантов, а также возможной трансформации репродуктивных установок мигрантов со временем пребывания в новой стране. Рекомендацией к миграционной политике является регулярный мониторинг удельного веса и темпов роста рождаемости мигрантов и местных жителей, а также политика адаптации и интеграции для исключения вероятности демографической экспансии.

Литература

- Балацкий Е. В., Екимова Н. А. (2023). Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура // *Terra Economicus*. Т. 21. № 2. С. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37
- Волян С., Пизон Ж., Эран Ф. (2020). Рождаемость во Франции – самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? // *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 1. С. 118–126. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10823
- Денисов А. Ю. (2017). Рождаемость городского населения Европейского союза и ее значение для демографической политики. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55570/1/8udf1_16.pdf?ysclid=1wvemh2ipy313969398
- Золотарева О. А. (2020). Проблемы демографической экспансии сквозь призму оценки состояния миграции на евразийском пространстве // *Стратегические задачи демографического развития: приоритеты и региональные особенности. Десятые Валентеевские чтения: сборник докладов / ред. О. С. Чудиновских, И. А. Троицкая, А. В. Степанова. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. С. 276–286. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=8961*
- Имидеева И. В., Бадараева Р. В., Кованова Е. С. (2023). Демографическая компонента национальной безопасности // *ДЕМИС. Демографические исследования*. Т. 3. № 1. С. 12–23. DOI: 10.19181/demis.2023.3.1.1
- Казнин К. И. (2017) Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // *Демографическое обозрение*. Т. 4. № 4. С. 6–79. DOI: 10.17323/demreview.v4i4.7528

- Карачурина Л.Б. (2007). Роль миграции в демографических процессах // *Методология и методы изучения миграционных процессов*. М. С. 237–259.
- Лифшиц М.Л. (2016). Данные о внешней миграции в России по различным источникам: сходство и противоречия // *Статистика миграции населения // Вопросы статистики*. № 2. С. 47–56. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-47-56
- Пешкова В.М. (2022). Международная миграция и региональные неравенства в России: постановка вопроса // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. Т. 12. № 12 (93). С. 4690–4706. DOI: 10.35775/PSI.2022.93.12.031
- Прохорова Ю.А. (2015). К вопросу о гипотезах концепции четвертого демографического перехода // *Пространство и Время*. № 1-2 (19-20). С. 91–98.
- Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. (2022). Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // *Научный результат. Социология и управление*. Т. 8. № 1. С. 68–91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6
- Синельников А.Б. (2023). Миграционные процессы и рождаемость // *Социология*. № 6. С. 49–62.
- Топилин А.В. (2018). Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах // *Наука. Культура. Общество*. № 4. С. 59–66.
- Adserà A., Ferrer A.M., Sigle-Rushton W., Wilson B. (2012). Fertility Patterns of Child Migrants: Age at migration and ancestry in comparative perspective. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 643(1), 160–189. DOI: 10.1177/0002716212444706
- Afulani A., Asunka J. (2015). Socialization, adaptation, transnationalism, and the reproductive behavior of Sub-Saharan African migrants in France. *Patience Population Research and Policy Review*, 34(4), 561–592.
- Alderotti G. et al. (2022). Natives' and immigrants' fertility intentions in Europe: The role of employment. Les intentions de fécondité des natifs et des immigrés en Europe: Le rôle de l'emploi. *Espace populations sociétés*, 2-3, DOI: <https://doi.org/10.4000/eps.13039>
- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: Fertility patterns of foreign-born women in Sweden. *International Migration Review*, 38(2), 747–774. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00216.x
- Carlsson E. (2023). *Fertility Behaviour and Preferences among Immigrants and Children of Immigrants in Sweden*. Stockholm University. Available at: <https://su.divaportal.org/smash/get/diva2:1752396/FULLTEXT01.pdf>
- Goldstein S., Tirasawat P. (1977). *The Fertility of Migrants to Urban Places in Thailand*. Honolulu: East-West Population Institute.
- Hendershot G.E. (1971). City migration and urban fertility in the Philippines. *Philippines Sociological Review*, 19(3), 183–193.
- Jennings J.A., Sullivan A.R., Hacker J.D. (2012). Intergenerational transmission of reproductive behavior during the demographic transition. *J Interdiscip Hist*, 42(4), 543–569. DOI: 10.1162/jinh_a_00304
- Kazbekova Z. (2018). Impact of the demographic dividend on economic growth. *Population and Economics*, 2(4), 85–135. DOI: 10.3897/popecon.2.e36061
- Milewski N. (2010). Fertility behavior of immigrant women in Germany: An analysis with generalized additive models. *Demographic Aspects of Migration*, 179–207. DOI:10.1007/978-3-531-92563-9
- Milewski N. (2011). Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe. *Advances in Life Course Research*, 16, 178–189. DOI:10.1016/j.alcr.2011.09.002
- Poveda A.D.R., Ortega J.A. (2010). The impact of migration on birth replacement – the Spanish case. In: Salzmann T., Edmonston B., Raymer J. (Eds). *Demographic Aspects of Migration*, 97–121. DOI:10.1007/978-3-531-92563-9_4
- Rogers A., Castro L. (1981). *Model Migration Schedules. Research Report RR-81-30*. Laxenburg: IIASA.

Сведения об авторе

Екатерина Валерьевна Тонких – специалист, Институт Генплана Москвы (Российская Федерация, 125047, г. Москва, 2-я Брестская улица, д. 2/14; e-mail: kate-tonkykh@mail.ru); младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); младший научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1)

Tonkikh E.V.

Assessing the Impact of Migration from Central Asian Countries to Birth Rate in Russia

Abstract. The current demographic crisis in Russia poses a challenge to the country's socio-economic well-being. To handle the crisis, the government implements various demographic policy measures; some of them focus on migration as a way to maintain population stability. The largest share in Russia's migration gain belongs to citizens from CIS countries. Most of them come from Central Asia, whose countries have a high birth rate. These trends suggest that newcomers start families in the Russian Federation, and migration contributes to the birth rate of the host country, which is estimated in the article. The contribution of migration from Central Asian countries to Russia's birth rate is analyzed as an indicator reflecting the proportion of the number of births by women from Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Kazakhstan in the total number of births in Russia. The empirical base for the research includes three sources of statistical data reflecting an integrated approach to determining migration status: data on place of birth, citizenship and ethnicity. We find that 1.5% of children born in 2011–2023 in Russia are descendants of citizens of Central Asian countries; 0.5% of children born in Russia as of the critical moment of the 2020 census are descendants of Kyrgyz, Uzbeks and Tajiks; 11.1% of children have foreign-born parents (born outside the territory of the Russian Federation). Birth rate in foreign-born persons in Russia is also differentiated by federal districts. Subsequent research on this subject can focus on the dynamics of fertility in mixed families, and include statistics on RF constituent entities.

Key words: citizenship, ethnicity, foreign origin, migrant birth rate.

Information about the Author

Ekaterina V. Tonkikh – specialist, Institute of the General Plan of Moscow (2/14, Second Brestskaya Street, Moscow, 125047, Russian Federation; e-mail: kate-tonkykh@mail.ru); Junior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); Junior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5, building 1, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow 109544, Russian Federation)

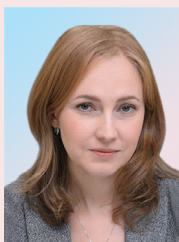
Статья поступила 16.08.2024.

Образовательные стратегии студенчества в условиях цифровизации

Наталья Михайловна ВЕЛИКАЯ

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: natalivelikaya@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5532-844X; ResearcherID: A-9577-2017

Елена Александровна ИРСЕТСКАЯ

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация
e-mail: e.irs@rggu.ru
ORCID: 0000-0003-0191-6486; ResearcherID: L-5385-2016

Дмитрий Юрьевич НАРХОВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: d_narkhov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0104-7324; ResearcherID: W-1675-2017

Елена Николаевна НАРХОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: e_narkhova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5168-7936; ResearcherID: AAJ-6479-2021

Для цитирования: Великая Н.М., Ирсетская Е.А., Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. (2024). Образовательные стратегии студенчества в условиях цифровизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 260–278. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.14

For citation: Velikaya N.M., Irsetskaya E.A., Narkhov D.Yu., Narkhova E.N. (2024). Educational strategies of students in the context of digitalization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 260–278. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.14

Аннотация. Цифровизация образования оказывает серьезное воздействие на характер трансформации процесса обучения и взаимодействия всех участников образовательного процесса. Однако эти изменения имеют региональную специфику, связанную с неравномерным характером цифровизации субъектов Российской Федерации и особенностями интеграции цифровых методов различными образовательными центрами. При этом меняющиеся смыслы и ценности образования актуализируют задачу выявления и описания образовательных стратегий современной студенческой молодежи, а также мотивации, определяющей образовательные стратегии. Исследование основывается на данных опросов, проведенных ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 и 2023 гг. Для статьи были использованы массивы трех крупных образовательных центров (Москвы, Екатеринбурга и Иркутска). Авторы уточняют влияние, которое оказал на образовательный процесс вынужденный опыт дистанционного обучения, вызванный пандемией COVID-19, показывают, что ускоренный процесс перехода на новые образовательные практики осуществлялся неравномерно, что отражает региональные различия в оценке онлайн-форматов обучения. Отмечено, что в основе образовательных стратегий студентов лежит понимание категории жизненного успеха. Профессионализм является значимой составляющей жизненного успеха для современной молодежи. В ходе анализа данных выявлены две основные стратегии достижения жизненного успеха. Первая стратегия предполагает высокую значимость интеллекта как ключевой составляющей достижения успеха и благосостояния независимо от выбранной сферы деятельности. Вторая стратегия предполагает опору на высокий уровень развития профессиональных данных и компетенций в избранной профессиональной среде. Эмпирические данные продемонстрировали более высокий уровень владения базовыми цифровыми навыками среди студентов Москвы. Вектор оценок смещен от столицы к периферии. Такая же ситуация наблюдается в отношении оценок студентами навыков, связанных с личностными характеристиками и безопасностью. Полученные выводы могут стать фундаментом в процессе разработки и внедрения инструментов коррекции системы управления высшей школой на пути модернизационных процессов, связанных с повсеместным внедрением информационных технологий.

Ключевые слова: студенчество, преподаватели вузов, образовательные стратегии, цифровизация образования, дистанционное образование, цифровая грамотность, опыт пандемии.

Введение

Внимание исследователей к особенностям цифровизации высшего образования определяется тем, что стремительное развитие интернета и цифровых технологий расширяет возможности не только в плане получения работы, образования, разнообразных услуг, но и участия в политической и социальной активности — от политических акций до благотворительности и волонтерской деятельности.

Переход к шестому технологическому укладу, стремительное развитие цифровых технологий, становление «обучающегося общества» (learning society) меняют как структуру экономики, так и повседневные социальные практики индивидов, что актуализирует внимание исследователей к особенностям цифровизации высшего образования, формирующего социальный потенциал развития общества. Интенсивность и темпы техноло-

гического развития предъявляют особые требования к воспроизводству квалифицированной рабочей силы, адаптированной к новым технологиям, владеющей новыми знаниями и компетенциями. В этом смысле именно образование помогает людям приобрести новую профессию в условиях нарастающего разрыва между качеством образования и ростом требований к компетенциям персонала. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, обращая внимание на ситуацию постоянного глубокого преобразования российской экономики, отмечают «быстрое увеличение доли интеллектуального труда в продукте», что детерминирует состояние профессиональной неустойчивости, проблему частой смены «профиля специальности и необходимость повышения квалификации специалистов» (Молодежь России..., 2020, с. 304–305).

При этом непрерывное реформирование системы высшего образования, перекаивание ее под стандарты болонской системы существенно трансформировали образовательное пространство высшей школы. Исследователи справедливо отмечают кардинальную смену целей и смыслов образования, которые сегодня все больше направлены на замену «универсального типа личности, порождающего уникальные достижения во всех сферах деятельности... на воспроизводство узкоспециализированного, одномерного „винтика“ на рынке труда» (Молодежь России..., 2020, с. 303).

Отмеченная авторами дихотомия, т. е. расхождение в образовательном процессе целей, мотивов и технологий обучения образовательных общностей, сопровождается возрастанием дисперсности, гетерогенности студенческой общности в отношении к образованию как терминальной или инструментальной ценности. Следствием подобного отношения является приоритетность выбора дальнейших образовательных стратегий с ориентацией либо на получение качественного знания, либо на использование диплома или дипломов («у меня второе высшее»), обещающих достойное место в социальной структуре и выстраивании необходимых социальных отношений.

Амбивалентность использования цифровых технологий в образовательном процессе проявляется и в концепции стратификации образования в соответствии с методами обучения: «...дистанционное, массовидное с формированием узких компетенций и ярко выраженных потребительских установок и „человеческое“, элитарное образование» (Молодёжь..., 2019, с. 162).

Абсолютизация степени значимости или признание за ней доминирующей роли позиционирует цифровизацию как цель, а не средство образовательного процесса, вызывая негативную коннотацию. Расхождение в оценках результатов внедрения «цифрового образования» в «доковидную эпоху» актуализировало выявление результативности процесса обучения и предпочтений в выборе форм образования на перспективу с учетом опыта, полученного в условиях вынужденной самоизоляции и перехода на «всеобщий онлайн» в условиях пандемии COVID-19.

Пандемийный синдром обострил противоречие между достаточной и вынужденной цифровизацией образовательных процессов, акцентировал внимание на вопросах преимуществ и ограничений дистантного обучения, а также влияния цифрового преподавания на результативность образовательного процесса.

Особенности статуса университетов разного типа (национальные федеральные, исследовательские, опорные) и связанного с этим различного финансирования также воспроизводят неравенство в плане доступа, освоения и использования новых технологий в процессе обучения, включая его цифровые компоненты.

Отметим, что студенчество в абсолютном большинстве является городской общностью в силу локализации вузов в городах, что позволяет рассматривать региональные особенности студенчества соответствующим образом. К тому же высокоурбанизированная среда выступает мощным стимулом для развития цифровой инфраструктуры, что не может не сказываться на степени включенности в нее студентов.

Исходя из этих особенностей, важно выяснить, в какой мере удовлетворенность условиями и качеством обучения в целом и его онлайн-составляющей оказала влияние на выбор образовательных стратегий студенческой молодежи в городах разного типа: в столице (Москва), городе-миллионнике (Екатеринбург) и крупном областном центре (Иркутск), а также выявить изменения в образовательных стратегиях студентов с учетом опыта вынужденного дистанционного обучения в зависимости от социально-территориальных факторов для конструирования инструментов коррекции системы управления высшим образованием на очередном этапе ее модернизации.

Обзор литературы

Проблемы реформирования системы образования, трансформации образовательного пространства широко освещены зарубежными и отечественными авторами. Например, в работах Г.Е. Зборовского, П.А. Абрамовой, В.С. Каташинских рассматриваются как теоретические аспекты социологии образования, так и некоторые региональные аспекты образовательного процесса и его темпоральные характеристики (Зборовский, 2022; Формирование нелинейной..., 2018). Отдель-

но авторы останавливаются на том факте, что «...социальные трансформации, обусловленные переходом к информационному обществу, актуализируют проблему новой парадигмы образования, характеризующейся перераспределением акцентов с образовательной деятельности на самообразовательную» (Зборовский, 2013, с. 350).

Мы рассматриваем образовательные стратегии в рамках традиции, заложенной П. Бурдые, определившим их как «долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся к экономическому или денежному измерению. В действительности они прежде всего направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы» (Бурдые, 2007, с. 103). Именно этот подход наиболее распространен в отечественной социологии образования, где подчеркивается роль социальной среды в процессе выбора профессии и модели обучения: в социальном поведении и выборе образовательной траектории учащиеся не только (и не столько) руководствуются личными взглядами, представлениями и интересами, но и оказываются под воздействием тех ценностей и моделей образовательного и профессионального поведения, которые преобладают в окружающей их социальной среде (Константиновский и др., 2015, с. 101).

При этом в эмпирических исследованиях можно выделить два доминирующих подхода, позволяющих рассмотреть образовательные стратегии: структурный и субъектный. Структурный подход акцентируется на социальном статусе, которого достигает индивид, получая высшее образование, что детерминирует рациональные основания выбора будущей профессии, квалификации и формы занятости (de Agreia et al., 2017).

В рамках субъектного подхода учеными (Skinner, Belmont, 1993; Legault, 2006; Амбарова, Зборовский, 2021) изучается мотивация студентов при выборе целей и средств обучения, определяющаяся ценностями и представлениями референтных групп.

Собственно образовательные стратегии студентов нашли отражение в работах Т.К. Петрушенко (Петрушенко, 2018), К.Ю. Терентьева

(Терентьев, 2015), Н.М. Великой и соавторов (Великая и др., 2023), А. Хаммада (Hammad et al., 2020) и др.

В частности, К.Ю. Терентьев выделил две группы образовательных стратегий: профессионально ориентированные и статусно ориентированные, которые могут реализовываться как с активной, так и индифферентной позиции. Индифферентная позиция выражается в пассивности формирования стратегии, в ориентации на чужое мнение, выборе профессии и вуза в «последний момент», получении знаний вообще, а не приобретении профессии, когда получение образования в вузе оказывается «побочным» результатом реализации внеобразовательных целей (Терентьев, 2015).

Принципиально важными для нашего исследования являются работы, освещающие проблемы цифровизации образования (Трансформация..., 2021; Руденкин, 2022; Фролова, Рогач, 2022). Большинство авторов солидарны в том, что важно соблюдать баланс между онлайн и офлайн-обучением, перегруженность цифровыми технологиями и детей, и взрослых порождает чрезмерную цифровую усталость и отчуждение (Трансформация..., 2021, с. 251; Плужникова, 2021). С аналогичными проблемами столкнулись и университеты других стран, что отражено в работах зарубежных коллег. В частности, болгарские социологи Т. Стоянова и М. Маркова выделяют несколько критериев уровня цифровизации, в их числе спрос на новые цифровые навыки со стороны бизнеса и цифровое расширение компетенции университета, которые адаптированы под интересы и предпочтения студентов с учетом их цифрового опыта и цифровых ожиданий, существенным образом изменяющих образовательную среду (Stoyanova, Markova, 2022, p. 53–54).

К социальным последствиям цифровизации обращались и авторы настоящей статьи, акцентируя внимание на факторах образовательной активности студентов (Буланова, Великая, 2011; Нархов, 2021).

Заметим, что в современной научной литературе практически не освещены особенности цифровизации в городах с разным потенциалом высшего образования. Это и предопределило выбор темы для данной статьи.

Материалы и методы

Объект исследования – общность студентов высшего профессионального образования, определяемая в реальном социокультурном пространстве как номинальная, в виртуальном – как цифровая. Генеральная совокупность – 4 076 436 студентов российских вузов¹ (за исключением студентов, обучающихся в интересах силовых структур – военных, Министерства внутренних дел, МЧС и т. п.), обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Из них в Москве обучаются 776 228 студентов (19,04% от контингента по РФ, 141 вуз, включая 3 филиала)², в Свердловской области – 117 853 студента (2,89% от контингента РФ; из 35 образовательных организаций и филиалов 21 находится в Екатеринбурге, в области – филиалы уральских и московских вузов, за исключением Технического университета УГМК, который расположен в Верхней Пышме – городе-спутнике Екатеринбурга³), в Иркутской области – 64 674 студента (1,59% от контингента РФ; в Иркутске из 17 вузов и филиалов базируются 10, в том числе 7 головных).

Предмет исследования – образовательное поведение и образовательные стратегии студенчества в условиях ускоренной цифровизации как системы образования, так и социальной жизни в целом.

Мы опираемся на идеи о качественном повышении роли высшего профессионального образования в воспроизводстве кадров интеллектуального труда (Горшков и др., 2023) и на представления о молодежи как о самоорганизующемся полисубъектном акторе (Зубок и др., 2022), рассматривая студенчество как особую социальную группу – интеллектуальный авангард российской молодежи (Великая и др., 2023).

Эмпирический материал получен в ходе исследований, проводимых ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2021 и 2023 гг.

1. Разведывательное исследование центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН (март – апрель 2021 г.) «Образовательные стратегии сту-

дентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения». Проведено в пяти регионах РФ методом онлайн-опроса с дополнительной репрезентацией массива по г. Москве. Объем выборочной совокупности после ремонта выборки составил 522 человека, из них по Москве – 214 чел., опрашивались студенты бакалавриата, специалитета и магистратуры по основным укрупненным направлениям подготовки. В выборку вошли студенты федеральных и региональных вузов, национальных исследовательских университетов.

2. Исследование центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН (апрель – май 2023 г.) «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенное по общероссийской выборке в 30 субъектах Федерации всех федеральных округов⁴.

Основной метод анализа эмпирической информации – сравнение самооценок образовательной активности студентов городов Москвы, Екатеринбурга и Иркутска. В основу положен метод анализа «непохожих случаев». Были отобраны образовательные центры с разным потенциалом высшей школы: столицы (Москва с национальным университетом МГУ и 11 научно-исследовательскими университетами), мегаполиса – научно-промышленного

¹ Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. Российская Федерация, 2022 год. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vp0> (дата обращения 27.03.2023).

² URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=10301 (дата обращения 27.03.2023).

³ URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения 27.03.2023).

⁴ Исследовательский коллектив: д-р полит. наук Н.М. Великая (руководитель), канд. социол. наук Е.А. Ирсетская, канд. социол. наук И.С. Шушпанова, ст. науч. сотр. О.П. Новоженина. Использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6757 респондентов. Опрос населения проведен во всех федеральных округах, в том числе: ЦФО (Липецкая область, Москва, Московская область, Смоленская область), СЗФО (Вологодская область, Ленинградская область, Республика Коми, Санкт-Петербург), ЮФО (Волгоградская область, Краснодарский край, Ростовская область), СКФО (Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), ПФО (Нижегородская область, Пермский край, Республика Татарстан, Саратовская область), УрФО (Тюменская область, Свердловская область, Челябинская область), СФО (Алтайский край, Иркутская область, Омская область), ДФО (Приморский край, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Хабаровский край).

центра (Екатеринбург, 29 вузов, в т. ч. федеральный университет УрФУ) и крупного промышленного города (Иркутск, 14 вузов, в т. ч. государственный университет ИГУ; национальный исследовательский университет, ИРНИТУ)⁵.

Обработка данных проведена в пакетах ПО SPSS и Vortex 10. Для номинальных шкал данные приведены в процентах от числа опрошенных, для порядковых — в средних величинах (условный индекс).

Результаты исследования

Образование в системе смысложизненных ценностей российского студенчества

Мы рассматриваем образовательные стратегии в рамках субъектно-мотивационного подхода, опирающегося на анализ доминирующих ценностей, которые становятся основаниями для выбора студентами направления своего профессионального развития, а также влияют на социальные практики, обеспечивающие достижение целей в сфере получения образования (особенности подготовки к занятиям, сдача экзаменов, освоение дополнительных профессиональных компетенций и др.).

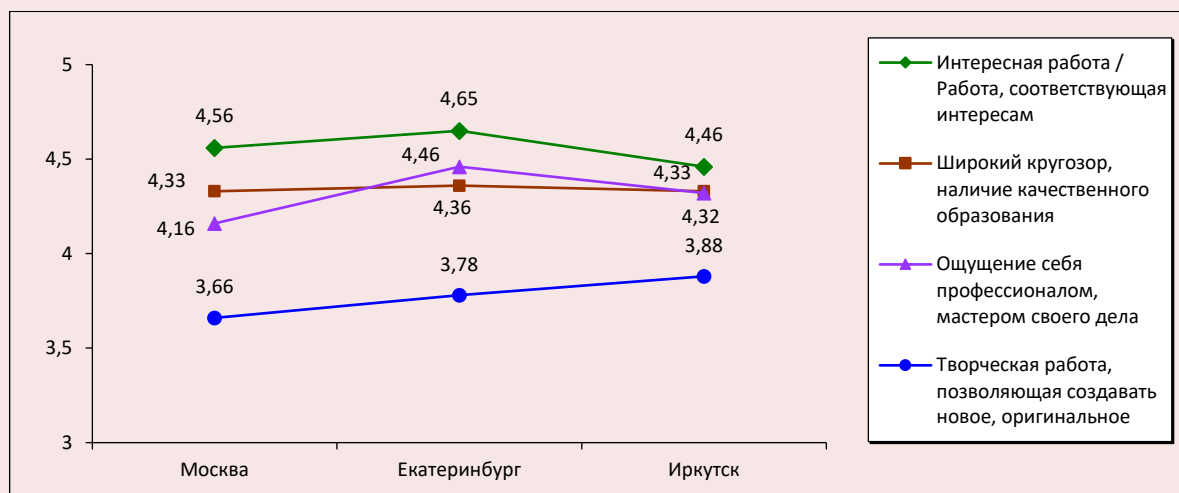
Получение образования в настоящее время остается одной из основополагающих ценно-

стей современного общественного развития, с одной стороны, и одной из смысложизненных ценностей человека.

По данным Н.А. Селиверстовой и Ю.А. Зубок, выявляющих терминальные и инструментальные смыслы образования, в студенческой среде инструментальные смыслы образования (престиж, возможность сделать карьеру, получение диплома) преобладают над терминальными (развитие способностей, общая культура, потребность в познании) (Зубок, Селиверстова, 2022). Это определяет и стратегические цели, достижение которых программируется студентами при выстраивании образовательной стратегии.

Смыслообразующая ценность образования связана с четырьмя ведущими факторами (рис. 1), первое место среди которых традиционно занимает соответствие будущей работы интересам студентов. Вторая по значимости позиция — наличие качественного образования — также одинаково важна для студентов вне зависимости от территории проживания. По индикатору профессионализма более высокие оценки дали респонденты Екатеринбурга, а креативная составляющая более важна для студентов из Иркутска.

Рис. 1. Структура терминальных ценностей, связанных с образованием и профессионализмом, средняя оценка по пятибалльной шкале

Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.

⁵ Руководители полевого этапа в отобранных регионах — Е.А. Ирсетская (Москва), Д.Ю. Нархов (Екатеринбург), О.Б. Истомина (Иркутск).

Мнения студентов о наиболее важных жизненных целях определялись выбором трех самых важных из общего списка, что позволило сделать следующие выводы. В качестве «генеральной цели» студенты видят достижение самостоятельности посредством обеспечения стабильной занятости, гарантирующей самостоятельность; высокий уровень благосостояния и профессиональную реализацию (табл. 1). Заметна принципиальная разница в выстраивании топа наиболее важных ценностей между студентами различных регионов. Студенты Москвы и Иркутска самой значимой ценностью признают достижение материального благополучия (64,0 и 66,7% соответственно), а для студентов Екатеринбурга самой значимой целью является получение работы для достижения самостоятельности (такого мнения придерживаются 62,7% опрошенных).

Анализ полученных данных позволяет сказать о том, что российские студенты рассматривают профессионализм в качестве важной составляющей жизненного успеха, хотя и не самой значимой. Опора на собственные способности и интеллект, прагматизм и предприимчивость видятся более значимыми, чем образование и профессионализм, что сказывается на конструировании образовательной страте-

гии, где большую актуальность приобретает ориентация на soft skills, что подталкивает студентов совершенствовать некоторые профессиональные навыки вне стен университета (рис. 2).

Таким образом, в отношении достижения жизненного успеха и благополучия в молодежной среде можно выделить две основные наиболее популярные стратегии: во-первых, это опора на собственный интеллект как возможность достижения самостоятельности и высокого уровня благосостояния в любой сфере деятельности, независимо от полученной профессии; во-вторых, опора на профессионализм и развитие компетентности в избранной профессиональной среде.

Первая стратегия при этом предполагает раннюю занятость вне своей профессии и высокую ориентацию на получение различных навыков и компетенций в системе дополнительного образования. Вторая стратегия, напротив, предполагает систематическое и успешное прохождение обучения по выбранной специальности с перспективой трудоустройства.

Очевидно, что исходные ресурсы студенческой общности характеризуются прежде всего качеством полученного образования, формально выражающимся в баллах ЕГЭ, фактически – объемом интериоризированного знания. В силу

Таблица 1. Распределение ответов о наиболее важных жизненных целях по регионам, поливариантный вопрос, % от числа опрошенных

Вариант ответа (три самые важные цели по окончании вуза)	Москва	Екатеринбург	Иркутск	Массив в целом*
Получить постоянную работу, которая позволит мне стать самостоятельным(ой), не обязательно, чтобы она была связана с моей профессией	62,6	62,7	60,3	64,8
Обеспечить высокий уровень благосостояния, дохода	64,0	50,0	66,7	65,2
Занять профессиональное положение, с которым будут считаться (например, специалист / эксперт или так называемая позиция «незаменимого работника» в организации, фирме)	45,3	44,1	46,2	43,6
Создать свое дело, зарегистрировать собственную фирму	25,7	21,6	23,1	26,6
Получить место управляющего / директора организации, фирмы	17,3	14,7	17,3	19,7
Занять высокое положение в структуре государственной власти	11,7	2,0	9,0	9,9
Проявить себя в политике, в деятельности политических партий или общественных организаций	9,8	30,4	8,3	7,5
Занять высокое положение в структуре местной власти	2,8	2,0	4,5	4,2

* Здесь и далее значения «Массив в целом» приведены по всей выборке, а не только по трем выбранным для анализа городам. Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.

исторически сложившейся структуры высшего образования «качество абитуриентов» снижается от столицы к периферии, как и то, что баллы ЕГЭ лишь отчасти определяют образователь-

ные стратегии. Тем не менее существуют другие индикаторы, которые в значительной степени влияют на мотивы выбора студентами того или иного вуза (табл. 2).

Рис. 2. Составляющие основы успеха в представлениях студенческой молодежи, поливариантный вопрос, среднее значение по шкале от 1 до 5

Источник: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.

Таблица 2. Распределение мотивов выбора вуза по городам, средний балл по пятибалльной шкале

Утверждение	Москва, 2021	Москва, 2023	Екатеринбург, 2021	Екатеринбург, 2023	Иркутск, 2021	Иркутск, 2023	Массив в целом, 2021	Массив в целом, 2023
Относительно легко было поступить в учебное заведение по интересующему меня направлению	3,30	3,09	2,8	3,26	3,09	3,35	3,20	3,13
Престиж вуза, его репутация как передового вуза	3,22	3,35	3,52	3,51	2,97	3,02	3,12	3,28
Соответствовало моим представлениям о современном учебном процессе	3,06	3,24	3,23	3,32	2,94	2,92	2,97	3,13
Востребованность выпускников этого вуза на рынке труда – легко найти работу	2,50	3,2	2,96	3,15	3,14	3,28	2,68	3,02
Ориентация вуза на мировые образовательные стандарты	2,11	2,5	2,21	2,44	1,94	1,79	2,06	2,42
Возможность получить международный диплом	1,70	2,09	1,94	2,02	1,68	1,45	1,73	2,05

Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.; результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.

Так, например, средняя оценка утверждения «престиж вуза, его репутация как передового вуза» демонстрирует в целом по массиву незначительный рост в 2023 году по сравнению с 2021 годом (3,28 против 3,12 соответственно). В то же время среднее значение такого индикатора мотива выбора вуза, как «легкость поступления в учебное заведение», существенно снижается у студентов Москвы (3,0 в 2023 году против 3,3 в 2021 году), а среди студентов региональных вузов растет (Екатеринбург в 2021 году – 2,8, в 2023 году – 3,26; Иркутск в 2021 году – 3,09, а в 2023 году – 3,35). *Приток в Москву абитуриентов из других городов с высокими баллами ЕГЭ и высокомотивированных объясняет значимость престижа вуза для московских студентов.*

Обращает на себя внимание существенная актуализация такого показателя, как востребованность выпускников вуза на рынке труда. В целом по массиву среднее значение этого индикатора выросло с 2,68 в 2021 году до 3,02 в 2023 году. Такая тенденция характерна для студентов и московских, и региональных вузов (см. табл. 2).

В целом наиболее значимыми мотивами выбора вуза остаются возможности, связанные с получением качественных профессиональных знаний (престиж вуза, представления об учебном процессе) и с возможностью будущего трудоустройства, хотя на практике они «проигрывают» массовой ориентации абитуриентов на высшее образование как таковое.

Цифровизация образования и перспективы

Один из базовых атрибутов модернизации высшего образования – стремление к всеобщей цифровизации, внедрению и совершенствованию электронных систем обучения и контроля знаний студентов. Как результат, цифровые знания и навыки превратились в один из ключевых ресурсов образовательных стратегий современной молодежи. Особенно ярко это проявилось в условиях «шоковой цифровизации» (Назаров и др., 2021), вызванной вынужденной самоизоляцией всех участников образовательного процесса во время пандемии коронавируса.

По самооценкам респондентов (которые, впрочем, представляются завышенными; простое доказательство тому – массовые опасения студентов выпускных курсов в отношении про-

цедуры нормоконтроля дипломных работ, выражаемые в виде тематических мемов в социальных сетях), на высоком уровне находятся только базовые цифровые компетенции, такие как владение базовым пакетом программ для дистанционного обучения (Zoom, электронное расписание, электронные библиотеки, мессенджеры и т. д. – средняя оценка 8,72 по массиву в целом из 10); владение базовым программным обеспечением (офисные программы: Word, Excel, PowerPoint, браузеры, почта и т. д. – 8,58); поиск информации в интернете: данные, статьи, публикации, материалы СМИ и др. по интересующей проблематике (8,53); навыки визуализации информации (создание презентаций, инфографики – 8,37); использование файлообменников и облачных сервисов (8,04); навыки работы с данными (базовый статистический анализ, работа с базами данных – 7,29).

В разрезе регионов оказалось, что по всем позициям студенты-москвичи дали более высокие оценки, оценки студентов из Иркутска, напротив, более низкие, за исключением навыков работы с данными (минимум – Екатеринбург, средняя 6,8).

Комплекс навыков, связанных с личностными характеристиками и безопасностью, оценен менее высоко, в этом блоке «лидирует» владение этикетом в сети (7,93), средствами обеспечения безопасности и защиты данных (7,51) и эмоциональный интеллект (способность к эмпатии, возможность контролировать и понимать эмоции другого – 7,31). В то же время личностные качества, необходимые для успешного освоения знаний в цифровом формате, оценены скромнее: системное мышление (возможность анализировать большие объемы информации, находить и описывать закономерности и т. д.) – 6,79 балла; возможность решать задачи в условиях неопределенности, адаптивность – 6,75; заинтересованность в получении «цифровой профессии» (интернет-маркетинг, управление продуктом/проектом, дизайн, программирование, аналитика данных) – 6,18; готовность к непрерывному обучению – 6,14.

Вектор снижения оценок, как и в предыдущем блоке, направлен от столицы к периферии (минимум – во всех случаях у студентов Иркутска, за исключением заинтересованности в получении «цифровой профессии» – Екатеринбург, 5,43).

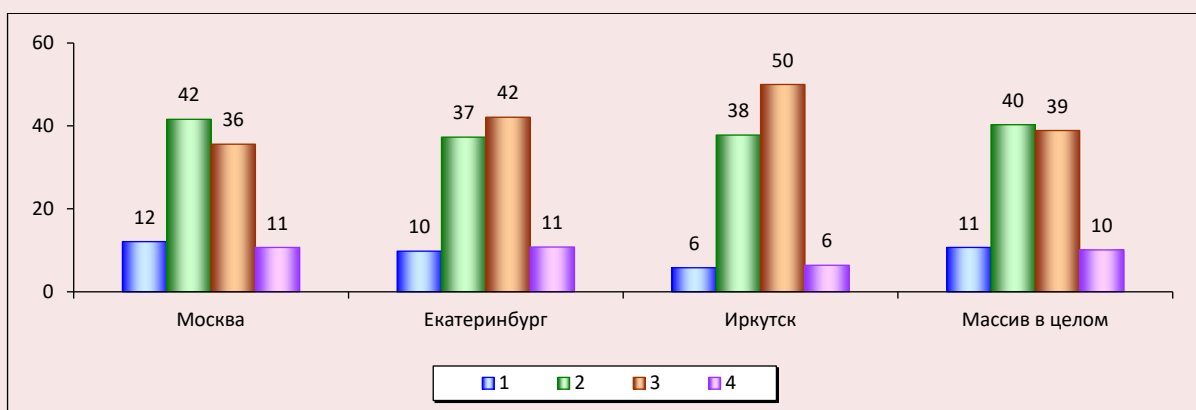
Уже на этой стадии у значительной части респондентов имеются сложности в освоении цифровых знаний. Еще больше это проявляется при анализе блока индикаторов продвинутых цифровых компетенций, который получил самые низкие и более дисперсные оценки как по отдельным компетенциям, так и по регионам. По массиву в целом средняя оценка выше 5 баллов получена для осведомленности в области влияния цифровых технологий на окружающую среду и экологию (6,13); понимания концепции авторского права и особенностей лицензирования цифрового контента и интеллектуальной собственности (5,9); создания и развития цифрового видео-, фотоконтента (например, ролики на YouTube, блоги, обработка фото и видео с использованием специальных программ: Adobe Photoshop, CorelDraw, Visio и др. – 5,56). Немного ниже оценен такой навык, как креативное применение цифровых технологий (использование цифровых инструментов для создания принципиально новых продуктов (инноваций), нового знания и т. д.) – 4,91. Навыки, связанные с владением инструментами рекламы и продвижения в интернете (SMM, таргетинг, рекламные кабинеты в сетях и браузерах), оценены на 3,95 балла, еще ниже – компетенции по продвинутому анализу данных в специализированных программах (R, SPSS,

дашборды, Excel, написание SQL-запросов и др. – 3,88 балла), владению языками программирования (3,51; впрочем, это – весьма специфический навык, зачастую избыточный для обычного пользователя). Тревожной видится ситуация с оценкой навыков управления проектами, методологии проектного управления и знанием соответствующих программ (например, Jira, Confluence, Битрикс-24, Agile-подход, Scrum, Kanban) – 3,18 балла, поскольку именно на этом навыке основан тренд на внедрение идеологии проектного управления как в образовании, так и в социально-экономической сфере в целом.

Результат актуализации имеющихся ресурсов выражается в текущей успеваемости респондентов. Очевидный вектор ее снижения – от столицы к периферии (рис. 3).

При том что в целом по массиву наблюдается примерно равенство групп отличников и «аутсайдеров» (каждый десятый) и групп успевающих и «уверенных хорошистов» (двое из пяти), в регионах заметно смещение к срединным группам: меньше отличников, а в Иркутске – и «аутсайдеров». То есть образовательные стратегии большей частью не реализуются в полной мере как минимум для половины респондентов (две последние группы), но и совсем слабо – лишь для каждого десятого

Рис. 3. Текущая успеваемость студенческой молодежи, % от числа опрошенных

Значения: 1 – только отлично; 2 – только хорошо и отлично; 3 – преимущественно хорошо и отлично, но иногда бывают оценки удовлетворительно; 4 – преимущественно удовлетворительно, но иногда бывают оценки хорошо и отлично.

Источник: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.

респондента. Впрочем, здесь остается открытым вопрос о ценности знания или ценности диплома как «корочки», равно как и об объективности оценок и способах их получения (в целом по массиву не менее 35% респондентов указали, что у них были пересдачи за время обучения, в том числе пересдачи на повышенную оценку).

Еще одна тенденция состоит в том, что на этапе обучения в вузе происходит рассогласование первоначальных планов и результатов их реализации. Средние оценки индикаторов соответствия устремлениям и получаемого образования удалены от максимальных значений: по пятибалльной шкале не превышают 3,21 (Москва, индикатор «склонности, способности»), минимальные – 2,97 (Екатеринбург, индикатор соответствия образования и профессии, которой хотелось бы заняться после вуза). В то же время признак соответствия мечтам о том, кем бы хотел стать респондент, практически одинаков для всех групп (3,02–3,04 в городах; 3,11 – в целом по массиву).

Тем не менее накопленный объем ресурсов и опыта реализации образовательных стратегий позволил ведущим образовательным общностям относительно уверенно пройти период «вынужденного дистанта» в пандемию. Весьма показательно, что студенты, как и в случае с собственными цифровыми навыками, дали завышенные оценки собственного уровня готовности к дистанту: по массиву в целом средняя оценка 8,54 по шкале из 10 баллов. Повторилась тенденция снижения уровня готовности от столицы к периферии: московские

студенты – 8,69, екатеринбургские – 8,31, иркутские – 8,27 балла.

Уровень работы преподавателей в дистанционном формате (табл. 3) студенты оценили довольно высоко, хотя навыки, связанные непосредственно с владением технологий (онлайн-лекции, исследовательская онлайн-работа) оценивались как недостаточные (3,71 и 3,61 балла по массиву).

Дальнейшая оценка основных аспектов дистанционного обучения осуществлялась по двум направлениям: со стороны позитивного влияния на реализацию образовательных стратегий и со стороны ограничений и рисков. Сами аспекты были разделены на три группы: учебный, коммуникативный и психолого-физиологический.

Учебные аспекты, которым способствуют онлайн-форматы, оценены достаточно высоко: средняя превышает значение 3,55 – оценка овладения информацией из лекций (по этому показателю дисперсия минимальна); близки к этому аспекту понимание изученного материала в целом, усвоение информации на семинарах (3,63 и 3,65 соответственно). Как ни парадоксально, студенты поставили высокий балл факторам, связанным с оценочными мероприятиями: адекватность оценок знаний на текущих занятиях (3,71) и комфортность сдачи зачетов и экзаменов (4,24). В разрезе городов максимальная разница зафиксирована в отношении оптимизации учебной нагрузки: пик – Екатеринбург (3,96), Москва – 3,94, минимум – Иркутск (3,47), массив в целом – 3,73.

Таблица 3. Оценка студентами работы преподавателей в дистанционном формате, средний балл по пятибалльной шкале

Вариант ответа	Москва	Екатеринбург	Иркутск	Массив в целом
Были открыты для обратной связи, можно было что-то спросить и уточнить	4,20	3,97	4,30	4,22
Доступно и понятно излагали материал	4,06	3,82	4,17	4,11
Активно использовали презентации, видео материалы, онлайн-трансляции сторонних ресурсов в ходе преподавания	3,96	3,95	4,35	4,08
Всегда вовремя и по расписанию выходили в онлайн-аудитории	3,88	3,66	4,25	4,08
Продемонстрировали высокие навыки владения технологиями проведения онлайн-лекций	3,54	3,45	3,90	3,71
Продемонстрировали высокие навыки проведения научно-исследовательской и проектной работы онлайн	3,41	3,14	3,84	3,61
Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.				

Ограничения и риски в плане учебы студенты чаще всего связывали с технологическими проблемами, что вполне ожидаемо и отчасти отражает уровень развития технической инфраструктуры вузов: в Екатеринбурге максимум (60% от группы), в Иркутске немногим менее (57%), в Москве минимум – половина респондентов, по массиву в целом – 48%. Также ожидаемо высокими оказались оценки фактора отсутствия четкого режима дня, размывания границы «дом – пространство для работы и учебы»: максимум – у студентов-москвичей (каждый второй), близкие значения у екатеринбуржцев (37%) и иркутян (34%), по массиву в целом – 39%. Риски, связанные с необходимостью освоения новых программ, заполнения онлайн-форм, сложными программными продуктами, отметил каждый девятый-десятый респондент, наибольшая разница – между москвичами (9% ответивших) и екатеринбуржцами (19%). Представляется, что эти самооценки несколько завышены – об этом свидетельствует относительно невысокий уровень владения сложными цифровыми навыками.

Коммуникативные аспекты онлайн-образования в позитивном ключе ожидаемо оценены

весьма скромно (около 3 баллов по пятибалльной шкале). Напротив, для респондентов очевидны риски и ограничения, связанные с сокращением возможностей для общения, отсутствием непосредственного контакта с человеком, снижением социальных навыков (65% студентов Москвы и Екатеринбурга, 58% Иркутска). Беспокойство вызывает также доступность личных данных (15% студентов Москвы, 14% Иркутска). Студентов Екатеринбурга этот аспект беспокоит меньше, его отметили 6% респондентов.

Из положительных факторов онлайн-образования наиболее высоко оценена способность оптимизации затрат времени на организацию учебного процесса (табл. 4). При этом, чем крупнее город, в котором учатся студенты, тем она более значима. Возможности сконцентрировать внимание на учебном материале в региональном разрезе получили близкие оценки.

В ряду негативных факторов при общей тенденции ухудшения здоровья из-за гиподинамии она оказалась заметно значимее для студентов-иркутян (табл. 5). Они же чаще других отмечали риск формирования гаджетозависимости. Представляется, что этот риск суще-

Таблица 4. Психолого-физиологические аспекты, которым в достаточной мере способствует онлайн-образование, по городам, средний балл по пятибалльной шкале

Аспект	Москва	Екатеринбург	Иркутск	Массив в целом
Оптимизация затрат времени на подготовку к занятиям, зачетам и экзаменам	4,25	4,08	3,80	4,01
Концентрация внимания на демонстративном экране	3,36	3,38	3,43	3,42
Концентрация на учебном материале, без отвлечения на посторонние сайты, переписки	3,13	3,05	3,34	3,26

Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.

Таблица 5. Психолого-физиологические аспекты недостатков и рисков онлайн-образования, по городам, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	Москва	Екатеринбург	Иркутск	Массив в целом
Проблемы со здоровьем из-за «сидячего образа жизни»: падение зрения, боли в спине и т. д.	51,9	40,6	56,4	46,7
Зависимость от гаджетов, экранная зависимость	30,4	36,6	41,0	31,8
«Клиповое мышление»: невозможность воспринимать большие объемы информации	27,1	19,8	30,1	26,0
Чувство одиночества	35,5	19,8	21,2	24,9

* Возможность выбора нескольких вариантов ответа.
Составлено по: Исследование ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.

ственно недооценен для студенческой общности в целом⁶ (Богданов и др., 2023). Также оказалось, что москвичи значительно чаще остальных студентов видят в онлайн-образовании риск оказаться в одиночестве. Это весьма странно, поскольку столица обладает наиболее развитой инфраструктурой, предназначенной для коммуникаций.

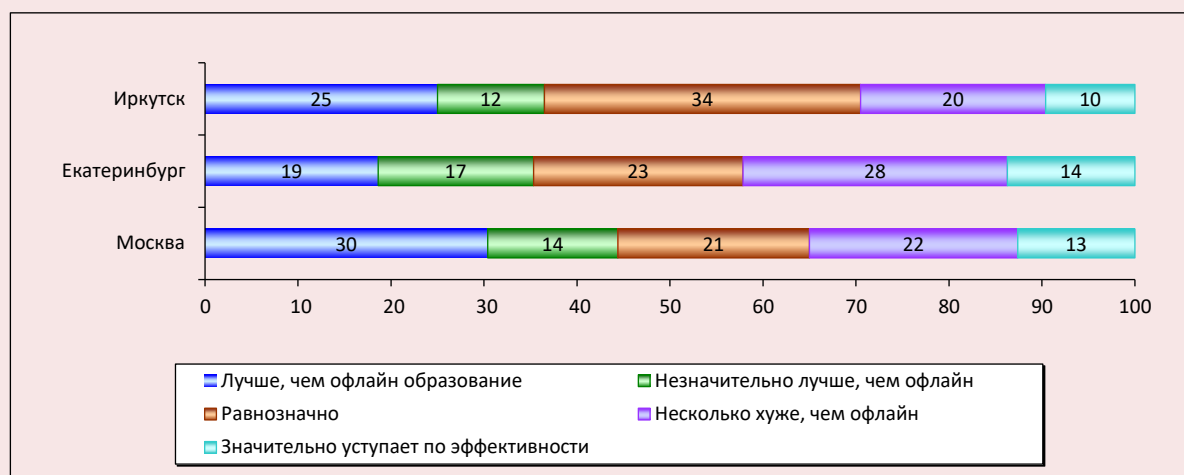
Закономерным итогом опыта массового онлайн-обучения (в период пандемии) оказалось отношение к онлайн-образованию как таковому: студенты не смогли однозначно оценить его эффективность. При этом в 2022 году отмечен большой оптимизм студенчества Москвы, где технологические возможности минимизировали проблемы, связанные с организацией онлайн-обучения, и обеспечили переход к онлайн-формам в сжатые сроки (рис. 4).

Расхождение в определении ценности и роли традиционных и цифровых технологий в образовательном процессе по-прежнему остается в дискуссионном поле исследователей. С одной стороны, информационная трансформация, вызванная развитием цифровых техно-

логий, обосновывает необходимость соответствия высшего образования инновационному развитию национальной экономики с целью кадрового обеспечения. Расширение образовательных возможностей на основе дистанционного обучения, доступность информации любого вида представляют «несомненные достоинства цифровизации образовательной деятельности, например, становится возможным формировать самонастраиваемый „умный образовательный контент” под требования любого участника образовательного процесса» (Трансформация..., 2021). С другой стороны, «гугловизация» знания породила информационный хаос в профессиональном образовании, зачастую сопряженный со всенадеянностью студентов на ресурсы интернета, на деле не всегда дающие нужный результат.

По данным исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН 2021 года отмечено, что во всех городах достаточно многочисленна группа, утверждающая, что онлайн-образование либо немногим хуже, либо серьезно уступает по эффективности традиционным технологиям. Несмотря

Рис. 4. Отношение студенческой молодежи к онлайн-образованию, % от числа опрошенных

Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Образовательные стратегии студентов в условиях цифровизации, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения», 2021 г.

⁶ Проведенное в ноябре – декабре 2021 года обследование студентов УрФУ и медицинского университета (рук. – д-р мед. наук, проф. С.И. Богданов, N = 1148, полевой этап – Д.Ю. Нархов) выявило наличие группы с клиническими проявлениями гаджетозависимости, требующими медицинской помощи (1% выборки). В группу риска по развитию гаджетозависимости попали больше половины студентов (52% опрошенных).

на это, уровень удовлетворенности качеством обучения близок к приведенным выше оценкам отношения к нему. Парадоксально, что студенты Иркутска демонстрируют более высокую удовлетворенность обучением онлайн: индекс выше, чем по массиву в целом, поскольку они чаще других называли технические проблемы (табл. 6).

На наш взгляд, этот парадокс объясняется снижением требований к уровню знаний со стороны преподавателей по этой же причине: они лишены возможности качественной проверки знаний, а потому успеваемость в онлайн-формате оказывается выше, чем при использовании традиционных форм контроля.

В 2023 году студенты из разных регионов продемонстрировали разную степень удовлетворенности аспектами цифровизации образования, что, безусловно, сказывается на выборе образовательной траектории (табл. 7).

Общий итог оценки опыта вынужденного дистанта и ускоренной цифровизации оказался вполне закономерен. Более половины студен-

тов сделали выбор в пользу комбинированных методов, объединяющих преимущества электронного и традиционного обучения.

Обсуждение результатов

Тема виртуализации обучения не нова, хотя во время и после пандемии COVID-19 деятельность, связанная с реализацией различных типов стратегий и проектов по виртуализации деятельности университета, приобрела особую важность и остроту (Петров и др., 2022; Hołowska, 2022).

Ускоренная цифровизация, вызванная вынужденной изоляцией в период COVID-19, существенным образом изменила образовательное пространство большинства стран и регионов и образовательный процесс, что отмечали российские и зарубежные исследователи (Фролова, Рогач, 2022; Gonca Telli, Aydın, 2021).

В России, как и в других странах Европы (Schuetze, 2024), цифровизация поначалу осуществлялась медленными темпами и только в ряде отраслей. И хотя принятие специальных федеральных программ способствовало инте-

Таблица 6. Индекс удовлетворенности качеством обучения в дистанционном формате и качеством обучения в целом, I^*

Вариант ответа	Москва	Екатеринбург	Иркутск	Массив в целом
Индекс удовлетворенности качеством обучения в дистанте	0,532	0,587	0,917	0,723
Индекс удовлетворенности качеством обучения в целом	0,747	0,421	1,148	0,906
* $I=(2a+b-c-2d)/100$, где a – ответы респондентов «полностью удовлетворен», b – «скорее удовлетворен», c – «скорее не удовлетворен», d – «полностью не удовлетворен».				
Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.				

Таблица 7. Индекс удовлетворенности различными аспектами цифровизации образовательного процесса, I^*

Вариант ответа	Москва	Екатеринбург	Иркутск	Массив в целом
Качество внешних онлайн-курсов	0,128	0,086	0,217	0,144
Обеспеченность электронной учебной, научной литературой	0,690	0,879	1,022	0,779
Применение балльно-рейтинговых систем, электронных зачетов	0,415	0,207	0,731	0,464
Использование электронного личного кабинета студента	0,741	0,894	1,262	0,868
Информационная культура, цифровая грамотность преподавателей	0,561	0,907	0,680	0,620
Обеспеченность мультимедийным оборудованием, компьютерами для студентов	0,464	0,163	0,688	0,484
Возможность пользоваться «быстрым» интернетом, Wi-Fi в вузе	0,104	- 0,851	0,245	0,044
* $I=(2a+b-c-2d)/100$, где a – ответы респондентов «полностью удовлетворен», b – «скорее удовлетворен», c – «скорее не удовлетворен», d – «полностью не удовлетворен».				
Составлено по: результаты исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.				

рации новых методов обучения в образовательный процесс, неравномерность цифровизации различных регионов и образовательных учреждений разного типа продолжает сохраняться, что подтверждают данные нашего исследования.

Цифровизация в России, в образовании в частности, вполне может быть описана в терминах цифрового разрыва, предложенного Р. Болтоном, под которым подразумеваются изменения, которые происходят, когда новые цифровые технологии «меняют опыт клиентов, бизнес-процессы и бизнес-модели, тем самым изменяя ценность образования и содержание образовательного процесса» (Bolton et al., 2018, p. 17). Мы также не склонны рассматривать такие перемены как угрозу, поскольку это формирующий новый образ жизни, порождающий и новые социальные практики. Образовательные учреждения должны адаптироваться к новым ситуациям и новым нормам.

Опираясь на данные наших исследований, мы разделяем позицию коллег, показавших, что привлечение в массовом масштабе студентов, преподавателей и администрации к использованию цифровых технологий не только продемонстрировало новые возможности обучения и самообразования, но и создало питательную среду для новых рисков и угроз в самых разных сферах, в том числе психологического характера (Hammad et al., 2020).

Ускоренный переход на цифровые технологии в образовательном пространстве вузов неоднозначно оценивается всеми субъектами образовательного процесса. Несмотря на то, что большинство наших респондентов довольно успешно адаптировались к новым формам, более половины предпочитают совмещение онлайн и традиционных методов обучения. При этом за два года существенно (с 20,8 до 30,5%) выросло количество студентов, предпочитающих возврат к традиционным формам обучения, и сократилось количество тех, кто ориентирован на онлайн-формат (с 25 до 7%). Сторонниками онлайн-обучения являются порядка 7% студентов, подавляющее большинство которых имеют постоянную занятость. Имеющийся потенциал высшей школы отразился на выборе цифровых форм образования в большую сторону в Москве и Иркутске.

Заключение

Информационные технологии существенно повлияли на концепцию образовательных процессов, в которых реализуется образовательная активность вузовских общностей. На первый взгляд, потенциал молодого поколения с его высокой степенью адаптации к динамике социальных изменений, способностью к использованию цифровых технологий в образовании соответствовал внедрению инновационных методов и форм образования, профессиональной адаптации и карьерного роста, способствовал выбору образовательных стратегий студентов. Однако профессиональное сообщество сферы высшего образования отмечало амбивалентность и проблематичность многих аспектов этих процессов (Минина, 2020). В связи с чем следует привести возможно дискуссионное, но имеющее под собой основание суждение: «ориентация на технологичность образования в ущерб содержательности» способствует тому, что «инновационные компьютерные технологии в образовании становятся синонимом качества обучения» (Каргаполов и др., 2020, с. 305). С нашей точки зрения, это преувеличение.

При выборе вуза студенты ориентируются на возможности прохождения на бюджет (фактор легкого поступления), престиж вуза и перспективы трудоустройства по специальности. Доминирующим фактором выстраивания образовательной стратегии для студентов вне зависимости от места жительства является обеспечение стабильной занятости, гарантирующей высокий уровень благосостояния.

Результативность образовательного процесса с использованием онлайн-технологий оценивается студентами в зависимости от уровня успешности освоения цифровых технологий самими учащимися и профессорско-преподавательским составом. При этом неравномерность и недостаточность цифровых знаний взаимосвязана с аналогичными факторами формирования и *hard skills* и *soft skills*. Последние в большей степени востребованы у студентов из городов-миллионников.

Наиболее предпочтительной для студентов формой образовательного процесса выступает смешанный формат обучения, который в наибольшей степени соответствует мотивам выбо-

ра самой распространенной образовательной стратегии, позволяющей задействовать образовательные ресурсы вне вуза.

Региональный и территориальный факторы также остаются значимыми. Если в Иркутске при выстраивании образовательной стратегии более значимы гарантированная занятость и востребованность на рынке труда, то в Москве и в Екатеринбурге существенно выше значение факторов, связанных с независимостью и достижением высокого уровня благосостояния.

С одной стороны, информационная трансформация, вызванная развитием цифровых технологий, обосновывает необходимость соответствия высшего образования инновационному развитию национальной экономики с целью кадрового обеспечения. С этой точки зрения государство и работодатели как заказчики «основного продукта» высшей школы, профессионалов интеллектуального труда вправе требовать от всех участников образовательного процесса активной включенности в «мир цифровых технологий» и использования его безусловных реальных и потенциальных преимуществ.

С другой стороны, засилье информационного мусора в цифровом образовательном контенте, обилие разноформатного программного обеспечения и методов его использования, делающие возможным возникновение многочисленных цифровых девиаций в образовательном процессе, необходимость противостоять

отмеченной «гугловизации» профессионального знания выводят на необходимость учитывать важные барьеры, создаваемые цифровым социокультурным пространством. Чтобы идти в ногу с динамично меняющимися потребностями общества и рынка, успешно реализовывать «первую миссию», университеты должны научиться преодолевать эти барьеры: индивидуальные, связанные с отношением (мотивацией) студентов и преподавателей к использованию различных инструментов ИКТ и платформ, организационные, финансовые и технологические, сопряженные с необходимостью правильного планирования такого рода изменений.

Впрочем, ответить на вызовы цифровизации образовательного пространства высшей школы университетам самостоятельно, без активного вовлечения представителей местных сообществ, организаций-партнеров, весьма затруднительно. Вследствие этого появляются новые исследовательские задачи, связанные с изучением цифрового взаимодействия в двух направлениях. Во-первых, это взаимодействие основных образовательных общностей — научно-педагогических работников, студентов и административных работников. Во-вторых, это взаимодействие университетского сообщества с региональной властью, корпорациями, академической наукой, т. е. теми, кто с помощью своих ресурсов в состоянии дать возможность преобразовать образовательные стратегии студентов в стратегии профессиональные.

Литература

- Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. (2021). Пути к успешности в образовании: поведенческие стратегии студенчества в региональных вузах России // Высшее образование в России. Т. 30. № 11. С. 64–80. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80
- Богданов С.И., Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. (2023). Гаджетозависимость среди студентов медицинского и технического университетов: сравнительное исследование // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии: материалы IV Международной научно-практической конференции, Кемерово, 20 октября 2023 года. Кемерово: ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава РФ. С. 31–45.
- Буланова М.Б., Великая Н.М. (2021). Цифровизация высшего образования в период пандемии: преимущества и риски // Университетское управление: практика и анализ. Т. 25. № 4. С. 25–36.
- Бурдые П. (2007). Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. 288 с.
- Великая Н.М., Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. (2023). Детерминанты выбора профессии в образовательных стратегиях студенчества в контексте воспроизводства человеческого капитала // Интеграция образования. Т. 27. № 4(113). С. 630–645. DOI: 10.15507/1991-9468.113.027.202304.630-645.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. (2023). Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023.

- Зборовский Г.Е. (2013). Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 484 с.
- Зборовский Г.Е. (2022). Социология образования или образование без социологии? Опыт науковедческого исследования // Интеграция образования. Т. 26. № 4. С. 655–670. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.655-670>
- Зубок Ю.А., Александрова О.А., Буланова М.Б. [и др.] (2022). Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / под общ. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Эпицентр. 360 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022
- Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. (2022). Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. Т. 28. № 4. С. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>
- Каргаполова Е.В., Каргаполов С.В., Давыдова Ю.А., Дулина Н.В. (2020). Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 193–210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13
- Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д. [и др.] (2015). Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСПиМ. 232 с.
- Минина В. Н. (2020). Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 13 (1). С. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106>
- Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований (2020): монография / под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. Москва: ФНИСЦ РАН, 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020
- Молодежь, конкуренция, конкурентоспособность (2019): монография / под ред. акад. РАО Г.Ф. Шафранова-Кущева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 256 с.
- Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. (2021). Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. Т. 23 (1). С. 156–201. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-1-156-201>
- Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н., Шкурин Д.В. (2021). Динамика образовательной активности студенчества под воздействием цифровизации // Образование и наука. Т. 23. № 8. С. 147–188. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-8-147-188
- Петрушенко Т.К. (2018). Образовательные стратегии молодежи в современных условиях // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. № 10. С. 166–174. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0059/2365.pdf> (дата обращения 02.07.2024).
- Плужникова Н.Н. (2021). Цифровизация образования в период пандемии: социальные вызовы и риски // Logos et Praxis. Т. 20. № 1. С. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.2>
- Руденкин Д.В. (2022). Интернетизация обучения: отношение российских студентов // Образование и наука. Т. 24. № 5. С. 181–205. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-181-205
- Терентьев К.Ю. (2015). Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации // Непрерывное образование: XXI век. Вып. 3 (11). DOI: 10.15393/j5.art.2015.2922
- Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве (2021): монография / под ред. А.А. Лисенковой. Пермь: ПГИК. 286 с.
- Формирование нелинейной системы высшего образования в макрорегионе (2018): монография / под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 251 с.
- Фролова Е.В., Рогач О.В. (2022). Дисфункции цифровизации высшего образования (опыт пандемии COVID-19) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (172). С. 84–107. DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2265
- Bolton R.N., Chapman R.G., Mills A.J. (2018). Harnessing digital disruption with marketing simulations. *Journal of Marketing Education*, 41(1), 15–31. DOI: <http://doi.org/10.1177/0273475318803417>
- de Agrela Gonçalves Jardim M.H., da Silva Junior G.B., Dias Alves M.L.S. (2017). Values that university students advocate today. *International Journal of Physical Sciences Research*, 1(3), 1–13. Available at: <https://ejournals.org/wp-content/uploads/Values-that-University-Students-Advocate-Today.pdf>.
- Gonca Telli G., Aydın S. (2021) Digitalization of marketing education: New approaches for universities in the post-Covid-19 era. *Journal of University Research*, 4(1), 61–74. DOI: 10.26701/uad.878216

- Hammad A., Naeem M., Usmani S.Y., Hussain W. (2020). Educational stress and coping strategies among medical students. *Professional Med Journal*, 27(8), 1575–1581. DOI: 10.29309/TPMJ/2020.27.08.4192
- Hołowińska K., Sobińska M., Butryn B., Martini L. (2022). Digitalization impact on higher education – potential and risks. Position Papers of the 17th Conference on Computer Science and Intelligence Systems. *ACSIIS*, 31, 107–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15439/2022F284>
- Legault L., Green-Demers I., Pelletier L. (2006). Why do high school students lack motivation in the classroom? Toward an understanding of academic motivation and the role of social support. *Journal of Educational Psychology*, 98(3), 567–582. Available at: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.98.3.567>
- Schuetze Hans G. (2024) Digitalization of German higher education and the role of Europe. *Journal of Comparative & International Higher Education*, 16(2), 75–85. Available at: <https://ojed.org/jcihe>
- Skinner E., Belmont M.J. (1993). Motivation in the classroom: Reciprocal effect of teacher behavior and student engagement across the school year. *Journal of Educational Psychology*, 85(4), 571–581. Available at: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.85.4.571>
- Stoyanova T., Markova M. (2022). Researching digitalization of the education: A case study of Bulgarian universities. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 10(1), 50–63. DOI: [http://doi.org/10.9770/jesi.2022.10.1\(2\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2022.10.1(2))

Сведения об авторах

Наталья Михайловна Великая – доктор политических наук, профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: natalivelikaya@gmail.com)

Елена Александровна Ирсетская – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: e.irs@rggu.ru)

Дмитрий Юрьевич Нархов – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620078, г. Екатеринбург, ул. С. Набойченко, 4/5; e-mail: d_narkhov@mail.ru)

Елена Николаевна Нархова – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620078, г. Екатеринбург, ул. С. Набойченко, 4/5; e-mail: e_narkhova@mail.ru)

Velikaya N.M., Irsetskaya E.A., Narkhov D.Yu., Narkhova E.N.

Educational Strategies of Students in the Context of Digitalization

Abstract. Digitalization of education has a serious impact on the nature of the transformation taking place in the learning process and also on the interaction of all participants in the educational process. However, these changes have regional specifics due to uneven digitalization of Russia's constituent entities and the peculiarities of integration of digital methods by various educational centers. At the same time, the changing meanings and values of education make it necessary to identify and describe educational strategies of modern students, as well as motivation, determining educational strategies. The study is based on the data obtained in the course of the surveys conducted by ISPR FCTAS RAS in 2021 and 2023. Arrays of three large educational centers (Moscow, Yekaterinburg and Irkutsk) were used for the article. We clarify the impact that distance learning, which had to be implemented in the context of the COVID-19 pandemic, had on the educational process, and show that the accelerated process of transition to new educational practices was carried out unevenly, which reflects regional differences in the assessment of online learning formats. It is noted that students' educational strategies are based on understanding the category of life success. Professionalism is an important component of life success for modern youth. During the data analysis, we identify two main strategies for achieving life success. The first strategy assumes high

importance of intelligence as a key component in achieving success and welfare, regardless of the chosen field of activity. The second strategy involves relying on a high level of development of professional data and competencies in a chosen professional environment. Empirical data demonstrate a higher level of proficiency in basic digital skills among students in Moscow. The evaluation vector is shifted from the capital to the periphery. The same situation is observed with respect to students' assessments of skills related to personal characteristics and safety. The obtained conclusions can become the foundation for designing and implementing tools for adjusting the management system of higher education on the path of modernization processes associated with widespread introduction of information technology.

Key words: students, university professors, educational strategies, digitalization of education, distance education, digital literacy, pandemic experience.

Information about the Authors

Nataliya M. Velikaya – Doctor of Sciences (Politics), Professor, deputy director, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: natalivelikaya@gmail.com)

Elena A. Irsetskaya – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: e.irs@rggu.ru)

Dmitry Yu. Narkhov – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (4/5, Naboichenko Street, Yekaterinburg, 620078, Russian Federation; e-mail: d_narkhov@mail.ru)

Elena N. Narkhova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (4/5, Naboichenko Street, Yekaterinburg, 620078, Russian Federation; e-mail: e_narkhova@mail.ru)

Статья поступила 02.09.2024.

Анализ стратегий инновационного поведения студенчества

Яна Викторовна ДИДКОВСКАЯ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: diyana@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9525-9514; ResearcherID: N-8752-2013

Надежда Васильевна ДУЛИНА

Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик»
Волгоград, Российская Федерация
e-mail: nv-dulina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6471-7073; ResearcherID: A-6096-2017

Дмитрий Валерьевич ТРЫНОВ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: dmitrynov@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-9534-4073; ResearcherID: I-8934-2018

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения влияния субъективных факторов и социокультурных характеристик субъектов деятельности на реализацию их инновационного потенциала в условиях ужесточения санкционной политики в сфере высоких технологий со стороны западных стран. Задача исследования заключалась в поиске связи

Для цитирования: Дидковская Я.В., Дулина Н.В., Трынов Д.В. (2024). Анализ стратегий инновационного поведения студенчества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 6. С. 279–295. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.15

For citation: Didkovskaya Ya.V., Dulina N.V., Trynov D.V. (2024). Analysis of students' innovative behavior strategies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(6), 279–295. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.15

между типами профессиональных стратегий, формируемых студентами университетов, и их инновационными практиками в рамках университетской активности. Инновационная активность и особенности профессиональных стратегий проанализированы в региональном разрезе на примере трех крупных индустриальных центров – Екатеринбурга, Тюмени и Волгограда, а также двух столичных мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга. Авторы применяют деятельностный подход, рассматривая инновационную активность как социальное качество субъекта, подразумевающее его внутреннюю готовность к освоению, использованию, распространению и созданию новшеств, и выделяя уровни инновационной активности – инновационную восприимчивость и инновационную готовность. Выводы базируются на результатах эмпирического социологического опроса, проведенного среди студентов 2–3 курсов бакалавриата ведущих вузов в исследуемых мегаполисах (N = 1050, отбор осуществлен по квотно-гнездовой выборке). Согласно полученным результатам, существенная часть регионального студенчества не вовлечена в какие-либо виды инновационных практик. Для студентов университетов, особенно региональных, характерна, во-первых, недостаточная инновационная активность базового уровня (участие в конкурсах на получение грантов, в научных конференциях и семинарах, научно-исследовательские практики), во-вторых, низкая степень вовлечения в научно-технологическое творчество и бизнес-проектирование. С помощью процедуры кластеризации разработана типология профессиональных стратегий студентов. Выделено пять типов стратегий: «профессиональной занятости», «академической карьеры», «отложенного самоопределения», «эмиграции и неопределенности» и «независимая предпринимательская». С применением методов корреляционного анализа установлено, что наибольшим инновационным потенциалом обладают две стратегии: «академической карьеры», способствующая активным научно-исследовательским и изобретательским практикам, а также «независимая предпринимательская» стратегия, коррелирующая с активной реализацией инновационных практик бизнес-планирования, разработки творческих и стартап-проектов. Стратегия «эмиграции и неопределенности» в меньшей степени сопряжена с активной инновационной деятельностью и характеризуется несформированностью у студентов профессиональных планов на ближайшее будущее и намерениями искать работу за рубежом. Невысоким инновационным потенциалом обладает и стратегия «профессиональной занятости», не способствующая активным инновационным и творческим практикам. Указывается, что распространение последних стратегий может снижать возможности потенциального вклада студенческой молодежи в инновационную составляющую российской экономики.

Ключевые слова: инновационная активность, профессиональные стратегии, студенческая молодежь, количественный опрос, кластерный анализ.

Благодарность

Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-28-00603, <https://rscf.ru/project/23-28-00603/>.

Введение

Внимание к инновационной активности различных социальных групп, в том числе молодежи, возросло в период 2010–2015 гг., а пик интереса научной общественности к данной теме приходится на 2015 и 2016 годы. Рост научного интереса фиксируется количеством научных публикаций в авторитетных российских экономических и социологических журналах. Так, анализ публикаций в наукометрической базе данных РИНЦ показывает, что за

период с 2010 по 2019 год число научных статей, так или иначе затрагивающих тематику инноваций в связи с социально-экономическим развитием, составило более 4,5 тысячи публикаций или в среднем около 460 публикаций в год¹.

¹ Поиск публикаций в базе РИНЦ осуществлялся по ключевым словам «инновационная активность» с учетом морфологии по пятилетним интервалам: 2005–2009, ... до 2024 года.

Однако затем наблюдается заметный спад интереса к этой теме (с 2020 по 2024 год опубликовано примерно 1370 статей, то есть только 274 в среднем в год), что представляется нам крайне неоправданным, поскольку в условиях ужесточения санкционной политики в сфере высоких технологий относительно России со стороны Европейского союза и США особенно важно активизировать потенциал экономического развития за счет внедрения и создания собственных инноваций. Поэтому сегодня необходимо не только изучать институциональные возможности инновационного развития экономики страны или регионов (состояния инновационной инфраструктуры и институтов инноваций), на чем преимущественно сосредоточены усилия ученых-экономистов (Гохберг, 2011; Ерохина, Кузнецова, 2015; Бижоев, 2019; Глазьев, Касакаян, 2024 и др.), но и обращать внимание на субъективные факторы — инновативность различных социальных акторов, что в большей мере относится к социологической науке. Ценностно-мотивационные барьеры, особенности социального взаимодействия и поведенческих характеристик субъектов деятельности могут тормозить или блокировать реализацию инновационных установок (Карачаровский, Шкаратан, 2019), однако при правильно выстроенной социальной и экономической политике они подконтрольны корректирующим управленческим решениям. К подобным субъективным факторам стоит отнести выбор и построение профессиональных стратегий студенческой молодежи — социальной группой, наиболее перспективной в плане потенциального вклада в экономическое развитие (Вишневецкий, Вишневецкий, 2012).

В исследовании мы попытались выявить типичные характеристики профессиональных стратегий студентов и соотнести их с практиками, связанными с реализацией инновационного потенциала преимущественно в рамках университетской активности.

В качестве пространства исследования были выбраны мегаполисы и города мегаполисного типа, обладающие широкими возможностями для реализации инновационного потенциала молодежи, но различающиеся по своему социокультурному статусу и социально-экономическому значению. Профессиональные стратегии и инновационность студенческой молодежи ана-

лизировались нами как в столичных регионах — Москве и Санкт-Петербурге, так и в крупных региональных центрах — на примере волгоградского, екатеринбургского и тюменского студенчества.

Москва и Санкт-Петербург выступают наиболее привлекательными кластерами для аккумуляции перспективного и квалифицированного человеческого капитала, прежде всего молодежи, студенчества. Это во многом результат сложившейся неравномерности культурного и социально-экономического развития российских регионов, в том числе наблюдающегося неравенства между центром и остальными регионами, что выражается в ресурсном обеспечении, развитости инфраструктуры, величине инвестиций и др. (Нефедова и др., 2022). По данным научной экспертизы Института экономики города, вклад валового городского продукта (ВГП) городских агломераций Москвы и Санкт-Петербурга в ВВП существенно превосходит вклад остальных крупнейших 17 российских агломераций: вклад московской агломерации составляет 22,8%, санкт-петербургской — 7,6%, следующей за ними екатеринбургской — 1,9%, а находящейся на 16-м месте волгоградской — 0,8%².

Тем не менее выбранные нами для исследования региональные центры также имеют существенный демографический и социокультурный потенциал для инновационного развития. Являясь мегаполисами с численностью населения более миллиона человек (на 1 января 2022 г. В Екатеринбурге 1493,6 тыс. чел., в Волгограде 1001,2 тыс. чел.), либо приближающейся к миллиону в случае Тюмени (на 1 января 2022 г. 828,6 тыс. чел.)³, они образуют крупные городские агломерации, имеют определенную научно-производственную инфраструктуру⁴ (Деев и др.,

² Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 8: Валовой городской продукт крупнейших городских агломераций России в 2013–2021 гг. М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. С. 8. URL: <https://urbanecomics.ru/research/project/ekonomika-rossijskih-gorodov-i-gorodskih-aglomeracij> (дата обращения 27.07.2024).

³ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов: статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2022.

⁴ Мониторинг промышленности Екатеринбурга. 2022 // Yandex DataLens. URL: <https://datalens.yandex/3nh40w51fcdos?tab=yLK>

2022; Дроздова, 2023; Сушая, 2022, с. 118), то есть потенциально могут выступать точками притяжения образованной и квалифицированной молодежи в качестве пространства для ее самореализации, профессионального и личностного роста.

Однако между ними имеются и существенные различия, прежде всего в социально-экономической ситуации. Хотя Екатеринбург и Тюмень, как и Волгоград, пережили процесс деиндустриализации 1990-х гг., связанный с сокращением доли промышленного производства в ВРП, в том числе наукоемкого, в сравнении с Волгоградом они демонстрируют более успешную стратегию социально-экономического развития за счет привлечения в регион финансовых потоков и развития сферы услуг (в случае Екатеринбурга) и размещения бизнес-подразделений и дочерних структур нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих компаний (в случае Тюмени). Это наглядно отражается в основных социально-экономических показателях последних лет и в материалах специальных исследований развития регионов и городских агломераций. В частности, по данным Росстата, в 2021 году среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Екатеринбурге составила 63818,0 руб., а в Волгограде значительно ниже — 44800,7 руб., также для Екатеринбурга характерен существенно больший объем инвестиций в основной капитал (от 177624,2 млн руб. в 2019 г. до 174942,8 в 2021 г.) в сравнении с Волгоградом (от 67 106,1 до 70732,6 млн руб. за этот же период)⁵. Кроме того, на основании результатов исследования Н.В. Тонких, А.В. Вербенской и Т.А. Комаровой мы можем зафиксировать, что Екатеринбург занимает 3-е место после Санкт-Петербурга и Казани в рейтинге городов-миллионников по уровню развития городской среды по параметрам привлекательности для молодых семей с детьми, тогда как Волгоград лишь 14-е из 15 мегаполисов (Тонких и др., 2023). Тюмень ощутимо уступает по численности населения как Екатеринбургу, так и Волгограду, однако, сфокусировав приорите-

ты стратегического развития на IT-кластере, нефтепереработке и нефтехимии (Деев и др., 2022), по ряду социально-экономических показателей превосходит их, в частности по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций (в 2021 г. в Тюмени она составляла 71705,6 руб.); по объему инвестиций в основной капитал Тюмень отстает от Екатеринбурга, но в динамике значительно опережает Волгоград (от 68998,8 млн руб. в 2019 г. до 94379,3 в 2021 г.)⁶. Согласно исследованиям А.С. Деева, Н.В. Красовской и С.И. Черноморченко, среди сильных сторон Тюмени, усиливающих ее потенциальную привлекательность для молодежи, отмечается высокий уровень развития городского благоустройства и инфраструктуры: в течение ряда лет Тюмень остается на третьем месте в рамках Всероссийского конкурса «Лучший благоустроенный город России» (Деев и др., 2022).

Таким образом, контекст формирования молодежью стратегий своего профессионального развития и объективные условия реализации ею инновационного потенциала в исследуемых мегаполисах могут определяться как сходными социокультурными характеристиками в развитии столичных городов и городов-миллионников, так и спецификой их актуального социально-экономического развития.

Методология и методы исследования

Теоретико-методологическая рамка исследования определяется интерпретацией двух концептов, с нашей точки зрения, находящихся во взаимосвязи: инновационная активность молодежи и ее профессиональные стратегии. Прежде чем анализировать эту взаимосвязь на теоретическом и эмпирическом уровнях, остановимся на том, что именно следует понимать под инновационной активностью, в каких формах она может существовать и какие характеристики, доступные социологическому измерению, включает.

Преимущественно «инновация» трактуется как сложный процесс коммерциализации новшеств, который инициируется наличием проблемной ситуации и в конечном итоге способ-

⁵ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов: статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2022.

⁶ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов: статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2022. С. 336–337.

ствуется экономическому росту (Singh, Aggarval, 2021). Однако экономический рост в современном обществе детерминирован качеством человеческих ресурсов, которое соотносится с такими свойствами, как креативность, интеллектуальность, способности к познанию и обучению, то есть, по сути, акцентируются инновационные характеристики конкретных социальных групп, обладающих наибольшим потенциалом. Это обусловило нашу исследовательскую позицию относительно интерпретации инновационной активности студенчества как деятельности, сопряженной с широким спектром интеллектуальных, креативных и предпринимательских практик.

Обобщение исследовательских концепций, к настоящему времени обозначившихся в научной литературе, позволило выделить два основных подхода, на базе которых возможно изучение инновационной активности: институциональный подход, практикуемый в большей степени учеными-экономистами, и деятельностный, выдвигаемый в рамках социологической науки.

С позиций экономического (институционального) подхода инновационная активность изучается в качестве интегрального показателя, характеризующего степень экономического развития страны, региона, отрасли или организации, и анализируется преимущественно в рамках концепции «тройной спирали» (Ключарев, Чурсина, 2021; Strand et al., 2017; Etkowitz et al., 2023).

Социологический (деятельностный) подход подразумевает, что в фокусе исследования находится инновационная активность индивидов, социальных групп или общества в целом в качестве определенной разновидности социальной деятельности. Придерживаясь социологического подхода, мы будем рассматривать инновационную активность как социальное качество субъекта (актора социально-экономических процессов), в данном случае студенческой молодежи, подразумевающее его внутреннюю готовность к освоению, использованию, распространению и созданию новшеств.

Рассматривая инновационную активность как социальное свойство субъекта деятельности, мы выделяем в его структуре несколько уровней. Конкретные их составляющие мы определили на основании устоявшихся теорий

инноваций и креативности, а также используя результаты ряда эмпирических исследований инновационного поведения.

Во-первых, на базисном уровне у молодежи формируется *инновационная открытость* (или инновационная восприимчивость) — способность агентов осознавать важность и необходимость инноваций, потребность получать информацию о новшествах и умение встраивать их в свою повседневную и профессиональную жизнь (Банникова, Ермаков, 2020). Социологи и экономисты еще со времен теоретиков человеческого капитала указывают на ключевую роль в этом процессе образования и обучения (Mincer, 1958; Becker, 1964). Согласно исследованиям российских социологов И.Г. Дежиной и Г.А. Ключарева, для инновационной экономики особенно важно непрерывное дополнительное образование (Дежина, Ключарев, 2018). Применительно к целям нашего исследования это означает, что инновационная открытость молодежи определяет ее способность к профессиональному совершенствованию, повышению своего образовательного и квалификационного уровней.

Исследования показывают позитивное воздействие научно-исследовательской активности молодежи на развитие наукоемкого производства, т. к. она способствует развитию компетенций, необходимых для инновационной экономики. В частности, грантовая и публикационная активность студентов, участие в исследованиях и научных мероприятиях позитивно влияют на инновативные качества молодежи, поскольку формируют интеллектуальную способность к познанию реальности (Стромов, Сысоев, 2017; Васильева, 2019).

Во-вторых, более высокий уровень инновационной активности — *инновационная готовность* — обусловлен степенью креативности молодежи, ее готовности к реализации своего творческого потенциала. На повышение роли креативных слоев и групп в современном инновационном обществе обращали внимание еще Р. Флорида и Ч. Ландри (Florida, 2002; Landry, 2000). Отечественные ученые также указывают на наличие связи между инновационным поведением и креативностью (Бузгалин, 2017; Лугин, Дидковская, 2022). Творческий потенциал молодежи может реализовываться в различных практиках, в том числе в проектной деятельности. В связи с этим можно выделить еще две

формы инновационной активности – участие в молодежных творческих и стартап-проектах и молодежное предпринимательство. Ряд авторов указывают, что научно-технологические стартапы продвигают инновационный сектор экономики и представляют собой генераторы идей и творческих разработок (Лобарева и др., 2018; Милочихина, 2020), другие ученые связывают инновационную активность молодежи с участием в предпринимательских проектах. При этом наблюдается две точки зрения на данный вопрос. Согласно первой, к инновационной активности преимущественно следует относить только участие молодых предпринимателей в малом бизнесе и сугубо в научно-технологических стартапах, которые в отличие от крупного бизнеса позволяют существенно сократить путь от креативной идеи до готовой к реализации инновационной разработки (Фролова, 2015). Мы более солидарны со второй точкой зрения: молодые люди, которые предлагают свои бизнес-идеи и в принципе участвуют в предпринимательстве, уже демонстрируют творческий подход, соответственно, готовность молодежи вовлекаться в предпринимательство, реализовывать свои бизнес-идеи вполне можно отнести к креативной инновационной практике.

Вслед за И.Е. Белогорцевой и коллегами в рамках научно-исследовательского творчества студентов мы особо выделяем изобретательскую активность, которая характеризует уровень результативности творческой интеллектуальной деятельности в сфере инженерии и технологии и может измеряться, например, через патентную активность (Белогорцева и др., 2015).

Таким образом, мы опирались на следующие методологические положения:

– инновационная активность молодежи представляет собой востребованную социальную деятельность, направленную на создание, освоение и использование новшеств и основанную на инновационной открытости и креативности молодежи;

– на базовом уровне инновационная активность реализуется в практиках, связанных с обеспечением инновационной открытости или восприимчивости, и характеризуется способностью молодежи к повышению своего квалификационного уровня, практиками участия в научных исследованиях, научных

конференциях и семинарах, грантовой активностью студентов;

– на более высоком уровне инновационная активность студентов сопряжена с креативностью и генерированием собственных идей, предполагает различные виды проектной деятельности (прежде всего участие в творческих проектах), реализацию изобретательских и предпринимательских практик.

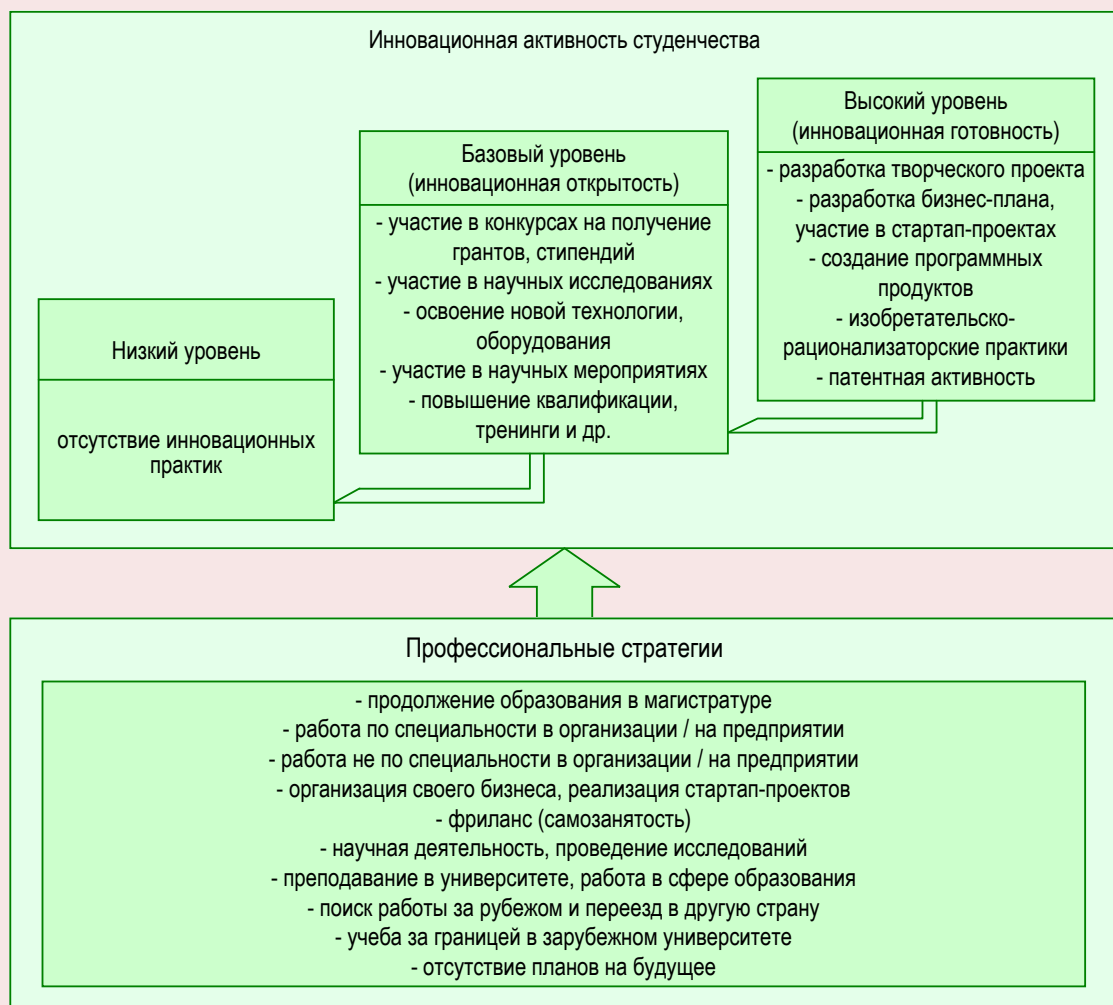
Мы полагаем, что успешная реализация инновационных практик, прежде всего в рамках университетской активности студенчества (именно этой сферой мы ограничили набор возможных проявлений инновативности молодежи), безусловно, зависит от институциональных факторов, то есть создания благоприятной инновационной среды (в университете, городе, регионе, обществе в целом). Но не менее важны субъективные мотивирующие факторы, в определенной мере отражающие качество человеческого ресурса инноваций. В данном случае мы имеем в виду непосредственный предмет нашего исследования – способность молодежи проектировать свое профессиональное будущее, то есть выстраивать профессиональные стратегии, которые могут выступать своего рода мотивационным механизмом, способствующим/препятствующим реализации инновационных установок молодого поколения.

В социологической науке сложилось достаточно устойчивое понимание профессиональных стратегий как разновидностей жизненных, охватывающих сферу труда, профессий и образования, отражающих субъектность молодежи в проектировании собственных индивидуальных социально-профессиональных и образовательных траекторий. Иными словами, профессиональные стратегии и есть жизненные, рассмотренные через призму труда и занятости человека (Омельченко, 2023). Согласно классикам российской социологии личности, в качестве важнейших характеристик стратегического поведения индивидов выступают процессы целеполагания и планирования (Абульханова-Славская, 1991; Резник, Смирнов, 2000). Формирование стратегий (профессиональных, личностных, жизненных) обеспечивает саморегуляцию жизнедеятельности молодых людей: стратегии определяют способы конструирования жизни на основе обусловленных культурой смысловых ориентиров (Зубок, Чупров, 2020).

Отметим, что концепт «профессиональные стратегии» далеко не тождествен понятиям «жизненный путь» (Life Course) и «жизненный переход» (Life Transition), используемым в западных исследованиях, посвященных профессиональным, образовательным и жизненным траекториям молодого поколения (Clausen, 1993; Evans, Furlong, 1997; Bovenberg, 2008; Buhl et al., 2018; Barretta, Barbee, 2022; Mortimer, 2022). Акцентируя внимание на стратегическом моменте в профессиональном поведении молодежи, мы фокусируемся не на фактическом перемещении и продвижении молодых людей в пространстве социальных и профессиональных позиций, а на их ориентациях относительно желаемых или возможных статусов и ролей,

направленных в ближайшее или отдаленное будущее. С этой точки зрения профессиональную стратегию индивида мы рассматриваем как субъективное планирование событий будущей трудовой жизни, которое может корректироваться по мере своего воплощения. Соответственно, профессиональные стратегии были нами операционализированы через измерение наличия сформированных в той или иной степени профессиональных и образовательных планов молодежи на ближайшее будущее и их содержательную направленность. Концептуальный подход к соотношению инновационной активности студентов и их профессиональных стратегий, а также операционализация понятий исследования показаны на *рисунке 1*.

Рис. 1. Концепция исследования и операционализация понятийного аппарата

Источник: составлено авторами.

В качестве метода сбора эмпирических данных был определен количественный опрос студентов второго и третьего курсов бакалавриата. Опрошены студенты наиболее крупных и значимых университетов, расположенных в мегаполисах, составивших пространство исследования: МГУ им. Ломоносова, МФТИ, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, СпбГУ, ЛЭТИ, ВолГУ и ВолГТУ, УрФУ им. Б.Н. Ельцина, ТюмГУ, ТИУ.

Для отбора респондентов была использована квотная выборка с элементами гнездовой ($N = 1050$), квотными признаками выступили место учебы и проживания респондентов (город), а также направление обучения в университете (STEM-направления и социальные/гуманитарные науки), в качестве гнезд рассматривались студенческие группы соответствующих направлений подготовки, в которых проводился сплошной опрос.

Обработка данных осуществлялась в программе Vortex.10.30. Типологизация профессиональных стратегий студенчества была проведена с помощью процедуры кластерного анализа методом K-means. В качестве типологизирую-

щих признаков взяты бинарные переменные, измеряющие наличие и направленность профессиональных и образовательных планов студентов. Далее полученные кластеры были зафиксированы в качестве вторичной переменной, проведен поиск связи переменных, фиксирующих инновационные практики студенческой молодежи, с типами стратегий при помощи процедур корреляционного анализа, использован коэффициент корреляции Крамера как наиболее оптимальный для номинальных шкал.

Результаты исследования

Инновационная активность студентов

Согласно полученным результатам, те или иные виды инновационных практик характерны для большинства студентов (около 80%), наиболее высокий уровень участия в инновационных практиках зафиксирован среди студентов Санкт-Петербурга (90%), наиболее низкий – среди студентов Волгограда (70%). Тем не менее в среднем 20% студентов университетов не вовлечены ни в какие виды деятельности, связанные с реализацией своего инновационного потенциала (табл. 1).

Таблица 1. Инновационная активность студентов, % от числа ответов*

Виды деятельности, которыми занимались за последний год	Город					
	Москва	Санкт-Петербург	Екатеринбург	Волгоград	Тюмень	По массиву
Инновационная готовность (высокий уровень)						
Участвовал в разработке творческого проекта	39	44	53	28	50	40
Создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления (для себя, семьи, друзей)	20	20	12	17	16	16
Создавал программные продукты	28	36	15	9	20	19
Разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке, инвесторам и т.д.	7	10	12	11	11	11
Регистрировал свои патенты на изобретения	1	5	3	2	0	2
Инновационная открытость (базовый уровень)						
Осваивал новую технологию, новое оборудование	43	49	28	27	34	34
Проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др.	28	40	29	27	43	31
Выступал с докладами на научных конференциях или семинарах	38	28	23	27	34	30
Участвовал в проведении научного исследования	43	44	27	18	42	32
участвовал в конкурсах на получение грантов, стипендий	29	30	13	8	15	17
Отсутствие активности (низкий уровень)						
Ничем из перечисленного	15	10	20	30	15	20

* Респонденты могли отметить несколько вариантов ответа.
Источник: результаты опроса.

В целом среди студентов инновационная активность базового уровня (инновационная открытость/восприимчивость) более распространена, нежели активность, связанная с креативными установками, особенно незначительное количество студентов практикуют изобретательство, технологическое новаторство, создание программных продуктов. Эти результаты подтверждают более ранние данные, полученные И.Е. Белогорцевой, Н.В. Посоховой и М.Е. Мережкой, которые зафиксировали крайне низкую степень изобретательской активности регионального студенчества, при этом одним из барьеров ученые называют слишком высокий для студентов порог вхождения в изобретательскую сферу деятельности — необходимы знания не только в области своей научной деятельности, но и в юриспруденции и экономике (Белогорцева и др., 2015, с. 51).

Кроме того, студенты крайне мало вовлечены и в бизнес-практики. Однако, если регистрация патентов, программирование и в принципе бизнес-планирование являются достаточно специфичными видами деятельности и зачастую связаны с особенностями профессиональной подготовки студентов по конкретным специальностям (понятно, что не стоит ожидать написания программных продуктов от гуманитариев, и этим отчасти объясняется малая распространенность данных видов практик), то участие в научно-исследовательской работе, выступления на научных мероприятиях, участие в конкурсах на получение стипендий и грантов не определяются профилем подготовки студента и должны составлять важную часть университетской подготовки современного специалиста для целей инновационной и конкурентоспособной экономики. Тем не менее из данных опроса следует, что эти виды практик тоже охватывают меньшую часть студентов — не более трети, а в случае с грантовой активностью — лишь 17%. Причем особенно низкий уровень участия в грантах характерен для студенчества региональных вузов: в конкурсах на получение грантов в Тюмени участвуют только 15% студентов, в Екатеринбурге — 13%, в Волгограде — 8%.

Сравнение результатов по городам показывает, что ситуация с реализацией инновационного потенциала студентов как на базовом, так и на более высоком уровне более благопо-

лучна в столичных вузах (Москва и Санкт-Петербург), чем в региональных; особенно невысока степень участия студентов Волгограда (значимые различия выделены цветом в таблице 1). Прежде всего различия характерны для исследовательских практик, практики освоения новых технологий и оборудования, создания программных продуктов. Однако по уровню участия в разработке творческих проектов студенты Екатеринбурга и Тюмени существенно превосходят и московских, и петербургских. Видимо, активное внедрение проектного обучения в Уральском федеральном университете⁷ и в вузах Тюмени в последние годы дает определенный результат. Возможно, здесь в целом наметился позитивный тренд: например, согласно результатам исследований О.А. Милючихиной, в 2020 году опыта проектной деятельности не имели более 90% студентов, а ориентация на занятость в стартап-проектах составляла менее 20% (Милючихина, 2020, с. 288).

Типология профессиональных стратегий

Чтобы иметь возможность сопоставить инновационные практики молодежи в рамках университетской активности с проектными установками на профессиональное будущее, мы первоначально типологизировали профессиональные стратегии студентов. В результате процедуры кластеризации было сформировано пять типов профессиональных стратегий (значения конечных центров кластеров представлены в таблице 2, наиболее значимые различия отмечены цветом).

Кластер 1. «Стратегия профессиональной занятости» (124 респондента) подразумевает жесткую ориентацию студентов на работу по своей профессии в какой-либо организации или на предприятии: все респонденты, кто попадает в данный кластер, планируют работать по специальности, при этом никто из респондентов данного кластера не планирует обучение в магистратуре после бакалавриата, создание своего бизнеса или стартапа, самозанятость. Эта линейная стратегия достаточно распространена среди студентов всех исследуемых городов, но несколько больше — среди студен-

⁷ Положение о проектном обучении УрФУ (Приказ 335/03 от 15.04.2021). URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/students/shgup/bachelor/project_learning/2021-2022/Polozhenija_o_proektnom_obuchenii_2021.pdf (дата обращения 15.08.2024).

Таблица 2. Конечные центры кластеров при типологизации профессиональных стратегий студентов

Конечные центры кластеров	Кластер 1 Стратегия профессиональной занятости	Кластер 2 Стратегия отложенного самоопределения	Кластер 3 Стратегия академической карьеры	Кластер 4 Независимая предпринимательская стратегия	Кластер 5 Стратегия эмиграции и неопределенности
Продолжить образование в магистратуре	0,000	1,000	0,414	0,067	0,306
Организовать свой бизнес, реализовать старт-ап	0,000	0,220	0,157	0,704	0,141
Заниматься фрилансом (быть самозанятым)	0,000	0,144	0,086	0,654	0,224
Работать по специальности в организации/ на предприятии	1,000	0,682	0,100	0,626	0,000
Нет никаких планов на будущее	0,012	0,016	0,014	0,006	0,318
Заниматься наукой, проводить исследования	0,198	0,249	0,657	0,061	0,106
Преподавать в университете, работать в сфере образования	0,058	0,033	0,957	0,039	0,082
Искать работу за рубежом, уехать жить и работать в другую страну	0,291	0,039	0,029	0,173	0,635
Работать не по специальности в организации / на предприятии	0,186	0,115	0,171	0,173	0,212
Уехать учиться за границу в зарубежном университете	0,151	0,092	0,171	0,034	0,188
Объем кластера	124	439	101	257	122
Источник: составлено авторами.					

тов Санкт-Петербурга, Волгограда и Тюмени (рис. 2). На наш взгляд, она отражает принятие весьма распространенных представлений о возможном успешном жизненном пути после университета (Дидковская и др., 2023; Кисиленко, Шаповалова, 2023) и означает встраивание молодежи в привычные социально-экономические отношения «наемный работник – работодатель».

Кластер 2. «Стратегия гибкого отложенного самоопределения» (439 респондентов) выделяется тем, что студенты, которые ее придерживаются, не всегда готовы после получения диплома работать в организации или на предприятии, но планируют продолжение учебы в магистратуре (все респонденты из данного кластера). Очевидно, что их профессиональное самоопределение далеко от стадии завершения, и эта стратегия в сравнении с предыдущей носит более гибкий (нелинейный) характер. Респонденты данного кластера отличаются более широким спектром профессиональных планов, среди их ориентаций кроме продолжения образования – возможная работа по специальности в организации, они не исключают для себя научно-исследовательскую траекторию, организацию своего дела. Это наиболее мно-

гочисленный кластер, он практически равно представлен во всех городах и, можно сказать, является собой «мэйнстрим» профессиональных траекторий студенческой молодежи.

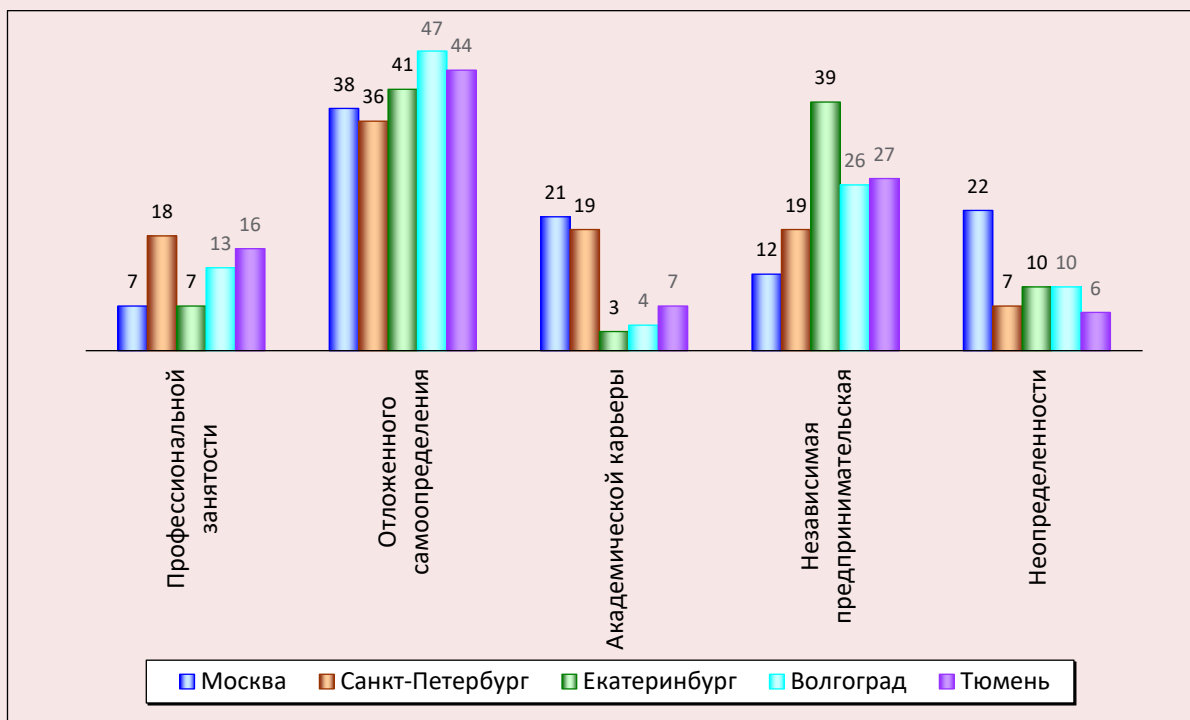
Кластер 3. «Стратегия академической карьеры» (101 респондент) встречается в исследуемой совокупности реже остальных. Для нее характерны две основные ориентации в проектировании профессиональной траектории: заниматься наукой, проводить исследования и/или преподавать в университете, работать в сфере образования. Отметим, что в целом по массиву традиционно для последних десятилетий довольно мало студентов, планирующих в будущем заниматься наукой или преподаванием, но из тех, кто планирует, основная часть попадает в этот кластер. Распространенность данной стратегии имеет выраженную региональную специфику – она в большей степени характерна для студентов столичных вузов, чем региональных (см. рис. 2). Очевидно, что Москва и Санкт-Петербург, располагая более серьезной образовательной и научно-исследовательской инфраструктурой, изначально притягивают молодежь с более высокой академической успеваемостью и исследовательским потенциалом.

Кластер 4. «Независимая предпринимательская стратегия» (257 респондентов). Респонденты, придерживающиеся данной стратегии, имеют наиболее сформированную систему профессиональных планов: в этом кластере практически отсутствуют студенты, у которых нет планов на будущее. «Независимая предпринимательская стратегия» сочетает в себе несколько установок, в целом не сильно распространенных по всей совокупности опрошенных. Во-первых, установку на свободу от организационных рамок и независимый источник дохода – выражена ориентация на фриланс и реализацию собственных бизнес-проектов; во-вторых, практическую направленность – практически отсутствует ориентация на продолжение формального образования и занятие научной деятельностью. Данная стратегия шире распространена сре-

ди студентов Екатеринбурга, чем в целом по массиву, и менее всего представлена в Москве (см. рис. 2).

Кластер 5. «Стратегия эмиграции и неопределенности» (122 респондента) характеризуется размытостью или отсутствием профессиональных планов на будущее. Данный кластер в основном составляют респонденты, у которых не сформировалось каких-либо планов: ни занятие бизнесом или фриланс, ни продолжение образования не составляют их проективные установки. Более того, это единственный кластер, где в профессиональных планах полностью отсутствует ориентация на работу по своей специальности. Другая его характерная особенность – желание уехать жить и работать за границу. Эта стратегия значительно шире распространена среди московских студентов в сравнении с университетами других городов (см. рис. 2).

Рис. 2. Распространенность профессиональных стратегий среди студентов исследуемых мегаполисов, % от числа ответивших

(Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,186, Вероятность ошибки (значимость): 0,000)

Источник: составлено авторами.

Инновационный потенциал профессиональных стратегий

Результаты корреляционного анализа демонстрируют наличие определенной зависимости между типами профессиональных стратегий и инновационными практиками студентов (табл. 3).

Очевидно, что «стратегия эмиграции и неопределенности» обладает невысоким инновационным потенциалом и в целом не способствует проявлению инновационной активности. Студенты, придерживающиеся такой стратегии, значительно реже в сравнении со студентами из других кластеров участвуют в разработке творческих проектов, а также бизнес-планов и стартапов. Напротив, среди них выше доля респондентов, ответивших, что вообще не занимаются какой-либо деятельностью, связанной с инновациями (31%, тогда как в среднем по массиву только 21%). Аналогично низкий уровень инновационной активности у студентов, при-

держивающихся «стратегии профессиональной занятости»: среди них мало в сравнении с другими типами стратегий распространены практики, связанные с бизнес-планированием и повышением своего уровня квалификации, обучением на курсах и тренингах, а значительная часть респондентов этой группы вообще не занимается какой-либо деятельностью, связанной с инновациями (29%).

«Стратегия академической карьеры» и «независимая предпринимательская стратегия», напротив, предполагают довольно высокий уровень инновационной активности, но несколько различающейся по своему характеру. «Независимая предпринимательская» стратегия связана с реализацией практик креативного спектра, она отличает студентов со сформированной инновационной готовностью – они в большей степени, чем остальные, участвуют в разработке творческих и бизнес-проектов. «Стратегия академической карьеры» способ-

Таблица 3. Инновационный потенциал профессиональных стратегий студентов*, % от числа ответов

Виды деятельности, которыми занимались за последний год	Профессиональные стратегии					
	Стратегия профессиональной занятости	Стратегия отложенного самоопределения	Стратегия академической карьеры	Независимая предпринимательская стратегия	Стратегия эмиграции и неопределенности	По массиву
Инновационная готовность (высокий уровень)						
Участвовал в разработке творческого проекта	36	39	39	45	35	40
Создавал или усовершенствовал устройства, технические средства для личного потребления	17	16	26	14	12	16
Создавал программные продукты	21	17	24	13	26	18
Разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке, инвесторам и т.д.	5	11	10	15	4	10
Регистрировал свои патенты на изобретения	1	2	7	1	1	2
Инновационная открытость (базовый уровень)						
Проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др.	15	32	37	33	29	30
Осваивал новую технологию, новое оборудование	30	34	41	27	35	33
Выступал с докладами на научных конференциях или семинарах	20	33	54	22	26	30
Участвовал в проведении научного исследования	26	31	67	23	25	31
Участвовал в конкурсах на получение грантов, стипендий	14	17	39	10	20	17
Отсутствие активности (низкий уровень)						
Ничем из перечисленного	29	19	9	20	31	21

* Коэффициент Крамера [0..1]: 0,151, вероятность ошибки (значимость): 0,001.
Источник: результаты опроса.

ствуется реализации инновационного потенциала скорее в сфере исследований и научно-технологических разработок, демонстрируя на сравнительно высоком уровне как инновационную открытость (инновационную восприимчивость) — студенты участвуют в исследованиях, выступают с научными докладами на конференциях, осваивают новые технологии и оборудование, так и инновационную готовность — занимаются разработкой или совершенствованием устройств и технических средств, создают программные продукты.

«Стратегия отложенного самоопределения» занимает срединное положение между остальными типами стратегий: она, безусловно, не способствует инновационной активности в той мере, как две предыдущие, однако среди студентов, ее придерживающихся, достаточно высока доля реализующих инновационные практики базового уровня: освоение нового оборудования и технологий, выступление на научных мероприятиях, участие в научных исследованиях.

Заключение

Резюмируя полученные результаты теоретического и эмпирического характера, мы можем отметить следующее.

Анализ инновационной активности студенческой молодежи с позиций деятельностного подхода позволил структурировать феномен инновационного поведения молодежи, выделив в нем два взаимосвязанных между собой уровня: во-первых, инновационную восприимчивость, позволяющую студентам успешно и эффективно осваивать и использовать готовые инновационные решения, во-вторых, базирующуюся на ней инновационную готовность, связанную со способностью молодежи к развитию креативности и реализацией своих собственных идей и проектов. Для оптимального инновационного развития необходимо расширять для молодежи возможности реализации инновационных практик обоих уровней.

Текущий анализ показал, что существенная часть (от 10 до 30%) студентов ведущих университетов в исследуемых городах не охвачена какими-либо видами инновационной деятельности. Ситуация в столичных вузах и отчасти в Тюмени несколько благоприятнее, чем в региональных вузах в целом и особенно в Вол-

гограде, однако для студентов исследуемых мегаполисов характерен общий тренд: недостаточная распространенность инновационных практик базового уровня (участие в конкурсах на получение грантов, в научных конференциях и семинарах, научно-исследовательская активность) и низкая степень вовлечения в научно-технологическое творчество (рационализаторско-изобретательская активность), программирование и разработку бизнес-проектов.

Профессиональные стратегии, формируемые студентами в процессе учебы в вузе, выступают значимым фактором для инновационной активности регионального студенчества. Установлено, что конкретные стратегии могут способствовать или препятствовать реализации студентами своего инновационного потенциала в рамках университетской активности. Обнаружив типические характеристики профессиональных стратегий студентов, мы связали каждый выделенный тип стратегии с определенным спектром инновационных практик.

Существенным инновационным потенциалом обладает «стратегия академической карьеры», предполагающая ориентацию на научно-исследовательскую работу и преподавание в вузе, способствующая реализации различных инновационных практик от участия в исследовательских проектах и грантах, до изобретательства и создания программных продуктов.

Достаточно высокий инновационный потенциал демонстрирует «независимая предпринимательская стратегия», которая нацелена на выход за «организационные рамки» профессиональной самореализации и ориентирована на поиск независимого источника дохода (предпринимательство, фриланс, стартап). Она способствует активной реализации инновационных практик бизнес-планирования, разработке творческих и стартап-проектов.

В определенной степени перспективной для развития инновационного потенциала представляется «стратегия отложенного самоопределения», подразумевающая гибкие ориентации молодежи на продолжение образования, широкий спектр вариантов профессиональных планов, и сопряженная с такими видами инновационной активности, как проведение научных исследований, бизнес-планирование, создание программных продуктов.

Остальные стратегии – «стратегия профессиональной занятости» и «стратегия эмиграции и неопределенности» – носят скорее адаптационный, нежели инновативный характер и в меньшей степени сопряжены с активной инновационной деятельностью студентов. Хотя они не являются широко практикуемыми среди студенчества, тем не менее могут представлять определенную проблему, поскольку данным группам студентов будет сложнее включиться в современный экономический процесс и соответствовать запросу к специалистам новой «экономики знаний». Кроме того, распространение этих стратегий снижает возможности потенциального вклада студенческой молодежи в инновационную составляющую российской экономики.

Анализ стратегий инновационного поведения студенческой молодежи позволяет сформулировать некоторые практические рекомендации по адресному воздействию на них. В первую очередь, необходимо комплексно развивать инновационный потенциал студенческой молодежи регионов, обеспечивая возможности для реализации инновационных практик как на уровне восприимчивости (внедрение готовых решений), так и на уровне креативности и развития собственных проектов. Это позволит оптимизировать инновационное развитие студентов и их вклад в инновационную эко-

номику городов. Во-вторых, следует уделить особое внимание повышению вовлеченности студентов в широкий спектр инновационных практик – от участия в научных конференциях и конкурсах до разработки стартапов и бизнес-проектов. В-третьих, требуется создание условий для развития у студентов профессиональных стратегий, наиболее благоприятных с точки зрения инновационной активности, таких как «независимая предпринимательская стратегия» и «стратегия академической карьеры». Их поддержка позволит в максимальной степени раскрывать инновационный потенциал студенческой молодежи. В-четвертых, необходимы адресные решения в отношении студентов, придерживающихся стратегий со слабым инновационным потенциалом, в частности стратегий «эмиграции и неопределенности» и «профессиональной занятости». Следует оказывать таким студентам помощь в профессиональной ориентации и развитии их инновационной готовности. Активизация мер в рамках названных направлений окажет позитивное воздействие на всестороннее развитие инновационного потенциала студенческой молодежи, повышение вовлеченности молодых людей в различные виды инновационной деятельности, а также на стимулирование наиболее продуктивных профессиональных инновационных стратегий.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. (1991). Стратегия жизни. М.: Мысль.
- Банникова Л.Н., Ермаков М.А. (2020). Инновационная восприимчивость студентов региональных технических университетов: социологический анализ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 1. С. 113–125. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.1.9
- Белогорцева И.Е., Посохова Н.В., Мережко М.Е. (2015). Развитие изобретательской активности в высшей школе как фактор повышения интеллектуального потенциала региона // Вестник ТГУ. Вып. 3 (3). С. 50–55.
- Бижоев Б.М. (2019). Инновационные формы привлечения инвестиций в цифровой экономике // Вопросы инновационной экономики. Т. 9. № 3. С. 647–656. DOI: 10.18334/vinec.9.3.40945
- Бузгалин А.В. (2017). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43–53. DOI: 10.7868/S0132162517070054
- Васильева Е.Е. (2019). Роль научного стартапа в исследовательской деятельности учащейся молодежи // Вестник СПбГИК. № 4 (41). С. 23–27. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-23-27
- Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю. (2012). Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (25). С. 22–27.
- Глазьев С.Ю., Косакян Д.Л. (2024). Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в российской экономике // Экономика науки. Т. 10. № 2. С. 11–29. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-2-11-29

- Гохберг Л.М., Кузнецова Т.Е. (2011). Стратегия-2020: новые контуры российской инновационной политики // Форсайт. Т. 5. № 4.
- Деев А.С., Красовская Н.В., Черноморченко С.И. (2022). Тюмень: опыт постиндустриальной трансформации городского пространства // Вестник Томского государственного университета. История. № 78. С. 26–31. DOI: 10.17223/19988613/78/4
- Дежина И.Г., Ключарев Г.А. (2018). Российское образование для инновационной экономики: «болевы точки» // Социологические исследования. № 9. С. 40–48. DOI: 10.31857/S013216250001957-5
- Дидковская Я.В., Трынов Д.В., Чистяков П.А. (2023). Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего // Социологические исследования. № 9. С. 63–77. DOI: 10.31857/S013216250027778-8
- Дроздова Ю.А. (2023). Реализация концепции «Умный город» в оценках населения (на примере Волгограда) // Научный результат. Социология и управление. Т. 9. № 1. С. 59–70. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-1-0-6
- Ерохина Е.В. (2015). Инновационная активность региона: проблемы, оценка и возможности стимулирования // Общество: политика, экономика, право. № 2. С. 22–28.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2020). Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 13–41.
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. (2019). Разные цели одного общества // Социологические исследования. № 1. С. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743-0
- Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. (2023). Проектирование жизненного пути, или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. № 2. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6
- Ключарев Г.А., Чурсина А.В. (2021). Наукоемкие производства для инновационной экономики: мнения экспертов // Вестник РУДН. Серия «Социология». Т. 21. № 1. С. 68–83. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-68-83
- Лугин Д.А., Дидковская Я.В. (2022). Креативность как условие инновационной деятельности молодого поколения: теоретический обзор и анализ современных концепций // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII Международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Багировой. Т. 1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 241–246.
- Милочихина О.А. (2020). Анализ мотивации российской молодежи к участию в инновационной деятельности // Российский экономический вестник. Т. 3. № 2. С. 288–291.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. (2022). Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 86. № 3. С. 289–309. DOI: 10.31857/S2587556622030128
- Омельченко Е.Л. (2023). Воображаемые горизонты будущего. Жизненные ориентиры и миграционные планы молодежи Северо-Западного региона России // Социологические исследования. № 12. С. 121–135. DOI: 10.31857/S013216250029342-9
- Резник Ю.М., Смирнов Е.А. (2002). Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН. Независимый институт гражданского общества. 260 с.
- Стромов В.Ю., Сысоев П.В. (2017). Основные векторы развития студенческой науки в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина на современном этапе // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки Т. 22. Вып. 5 (169). DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-5(169)-7-17
- Сушая Е.С. (2022). Большие города как эпицентры социально-экономической динамики южного макрорегиона: первая четверть XXI века // Региональная экономика. Юг России. Т. 10. № 4. С. 113–127. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.4.11>
- Тонких Н.В., Вербенская А.В., Камарова Т.А. (2023). Рейтинг городов-миллионников РФ по параметрам родительского благополучия // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 6. URL: <https://esj.today/PDF/37ECVN623.pdf>
- Фролова И.А. (2015). Инновационная активность молодых предпринимателей как фактор конкурентоспособности МИП в России // Управление устойчивым развитием. № 1 (1). С. 68–71.
- Barrett A.E., Barbee H. (2022). The subjective life course framework: Integrating life course sociology with gerontological perspectives on subjective aging. *Adv Life Course Res*, 51, 100448. DOI: 10.1016/j.alcr.2021.100448

- Becker G.S. (1964). *Human Capital*. New York: Columbia University Press.
- Bovenberg A.L. (2008). The life-course perspective and social policies: An overview of the issues. *Cesifo Economic Studies*, 54(4), 593–641. DOI:10.1093/cesifo/ifn029
- Buhl H.M., Noack P., Kracke B. (2018). The role of parents and peers in the transition from university to work life. *Journal of Career Development*, 45(6), 523–535. DOI: 10.1177/0894845317720728
- Clausen J.A. (1993). *American Lives*. New York: Free Press.
- Etzkowitz H., Dzisah J., Albats E., Cai Y., Outamha R. (2023). Entrepreneurship and innovation in the Triple Helix: The perspicacity of intermediate ties. *Industry and Higher Education*, 37(6), 753–761.
- Evans K., Furlong A. (1997). Metaphors of youth transitions: Neches, pathways, trajectories or navigations. In: Bynner J., Chisholm L., Furlong A. (Eds.). *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Aldershot: Ashgate.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Landry C. (2000). *The Creative City. A Toolkit for Urban Innovation*. Earthscan Ltd, UK&USA.
- Lobareva N.S., Malinkin S.V., Glukhikh P.L. (2018). Challenges and prospects of youth start-up movement research as a new trend of Russian entrepreneurship development. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Ekonomika" = Perm University Herald. Economy*, 13(4), 602–622. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-4-602-622
- Mincer J. (1958). Investment in human capital and personal income distribution. *Journal of Political Economy*, 66(4), 281–302.
- Mortimer J.T. (2022). Agency, linked lives and historical time: Evidence from the longitudinal three-generation Youth Development Study. *Longitudinal and Life Course Studies*, 13(2), 195–216. DOI: 10.1332/175795921X16398283564306
- Singh S., Aggarwal Y. (2021). In search of a consensus definition of innovation: A qualitative synthesis of 208 definitions using grounded theory approach. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 35(2), 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610.2021.1925526>
- Strand O., Ivanova I., Leydesdorff L. (2017). Decomposing the Triple-Helix synergy into the regional innovation systems of Norway: Firm data and patent networks. *Quality & Quantity*, 51(3), 963–988. DOI: 10.1007/s11135-016-0344-z

Сведения об авторах

Яна Викторовна Дидковская – доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: diyana@yandex.ru)

Надежда Васильевна Дулина – доктор социологических наук, профессор, научный руководитель исследовательских проектов, Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (Российская Федерация, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, д. 8; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Дмитрий Валерьевич Трынов – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: dmitrynov@inbox.ru)

Didkovskaya Ya.V., Dulina N.V., Trynov D.V.

Analysis of Students' Innovative Behavior Strategies

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to study the influence of subjective factors and socio-cultural characteristics of actors on the realization of their innovative potential in the current conditions of tightening sanctions policy in the field of high technologies by Western countries. The aim of the study was to find a connection between the types of professional strategies formed by university students and their innovative practices within the framework of university activity. Innovative

activity and features of professional strategies are analyzed in a regional context – using the example of three large industrial centers – Yekaterinburg, Tyumen and Volgograd, as well as two metropolitan cities – Moscow and Saint Petersburg. To study the innovative behavior of students, the authors use an activity-based approach, considering innovative activity as a social quality of a subject, implying its internal readiness to master, use, disseminate and create innovations, and highlighting the levels of innovative activity – innovative receptivity and innovative readiness. The conclusions of the article are based on the results of an empirical sociological survey of students of 2–3 undergraduate courses of leading universities of the studied megacities (N=1050), the selection was carried out according to a quota-nest sample). According to the results obtained, a significant part of the regional students is not involved in any types of innovative practices. Students of megacities especially regional are characterized, first, by insufficient innovative activity at the basic level (participation in grant competitions, scientific conferences and seminars, research practices), and second, by a low degree of involvement in scientific and technological creativity and business design. Using the clustering procedure, a typology of students' professional strategies has been developed, five types of strategies have been identified: “professional employment”, “academic career”, “delayed self-determination”, “emigration and uncertainty” and “independent entrepreneurial”. Using correlation analysis methods, it was found that, first, the “academic career” strategy, which promotes active research and inventive practices, and, second, the “independent entrepreneurial” strategy, which correlates with the active implementation of innovative practices in business planning, development of creative and start-up projects, have the greatest innovative potential. “Emigration and uncertainty strategy” is less associated with active innovative activity and is characterized by the lack of formation of professional plans for the near future and intentions to seek work abroad. The “professional employment” strategy, which does not promote active innovative and creative practices, also has low potential. It is pointed out that the dissemination of latest strategies reduces the potential contribution of students to the innovative component of the Russian economy.

Key words: innovative activity, professional strategies, student youth, quantitative survey, cluster analysis.

Information about the Authors

Yana V. Didkovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: diyana@yandex.ru)

Nadezhda V. Dulina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, scientific director of research projects, Center for Sociological and Marketing Research “Analyst” (8, Bogunskaya Street, Volgograd, 400105, Russian Federation; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Dmitry V. Trynov – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: dmitrynov@inbox.ru)

Статья поступила 29.08.2024.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.16

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (декабрь 2024 г.), а также за период с декабря 2023 по декабрь 2024 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2020–2024 гг.²

В декабре 2024 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ остался на уровне октября 2024 г. и составил 67%, удельный вес негативных суждений – 19%³.

За последние 12 месяцев (с декабря 2023 по декабрь 2024 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась с 62 до 67% (на 5 п. п.), в целом за 2024 год по сравнению со среднегодовыми данными 2023 года также отмечается рост поддержки работы главы государства (на 6 п. п., с 61 до 67%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

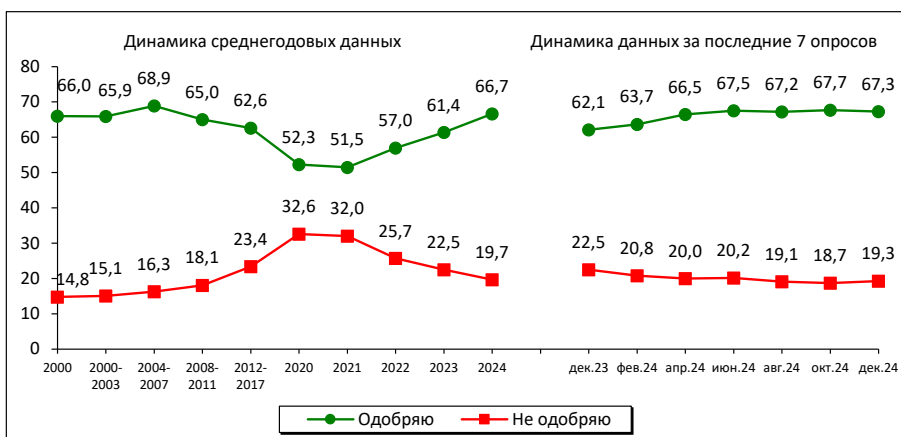
² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются позитивные изменения, **красной заливкой** – негативные, **синей** – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2024 к	
	2000	2007	2011	2012	2020	2021	2022	2023	2024	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	дек. 2023	окт. 2024	
Президент РФ																			
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	52,3	51,5	57,0	61,4	66,7	62,1	63,7	66,5	67,5	67,2	67,7	67,3	+5	0	
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	32,6	32,0	25,7	22,5	19,7	22,5	20,8	20,0	20,2	19,1	18,7	19,3	-3	+1	
Председатель Правительства РФ																			
Одобрю	-	-	59,3	49,6	38,7	39,9	45,4	50,1	54,1	51,9	52,7	53,7	53,5	55,3	53,7	55,6	+4	+2	
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	40,4	37,6	32,0	27,6	24,8	27,9	26,2	24,3	23,4	24,1	25,5	25,3	-3	0	
Губернатор																			
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	35,0	36,7	40,9	48,1	51,7	49,1	50,8	51,7	51,6	53,4	51,9	50,8	+2	-1	
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	42,5	40,5	35,8	30,9	28,4	29,9	27,5	30,1	28,0	26,7	28,0	29,8	0	+2	
Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?».																			

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
Вариант ответа	дек. 2023	окт. 2024
Одобрю	+5	0
Не одобряю	-3	+1

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

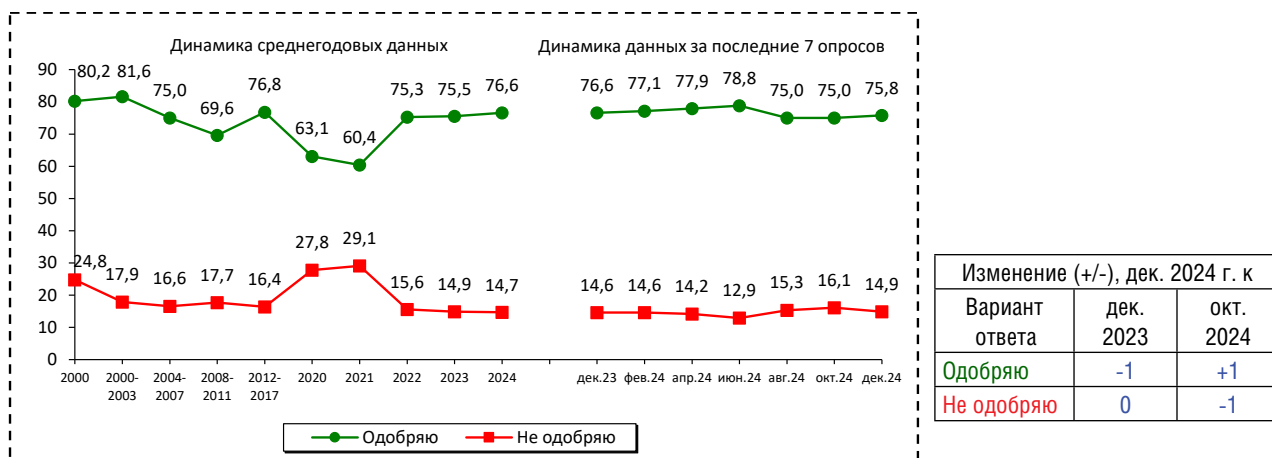
Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с октября по 1-ю половину декабря 2024 г. составил 75–76%. Удельный вес негативных отзывов – 15–16%.

Оценки населения в декабре 2024 г. аналогичны оценкам в октябре 2024 г. (уровень одобрения 75–76%).

При этом в среднем за 2024 год поддержка россиянами работы главы государства сохранилась на высоком уровне и сопоставима со среднегодовыми данными за 2023 год.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Данные за декабрь 2024 г. – среднее за три опроса: от 01.12.2024, от 08.12.2024 и от 15.12.2024.

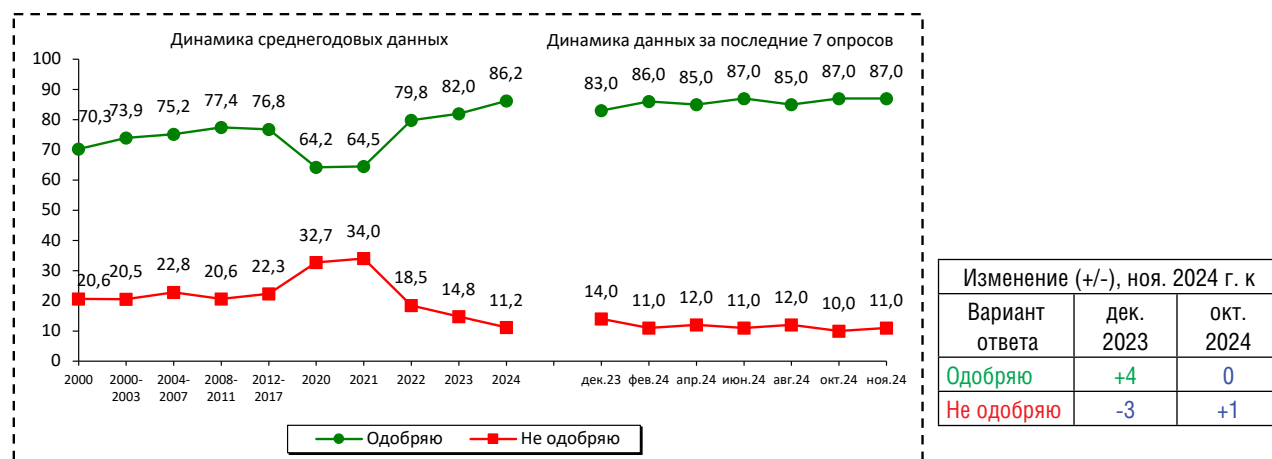
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в октябре – ноябре 2024 г. составил 87%. Доля отрицательных оценок – 10–11%. За два последних месяца оценки не изменились.*

Однако с декабря 2023 года по ноябрь 2024 года удельный вес положительных суждений о работе Президента РФ увеличился на 4 п. п., с 83 до 87%.

По среднегодичным данным наблюдается рост одобрения главы государства с 82% в 2023 г. до 86% в 2024 г. (на 4 п. п.)

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

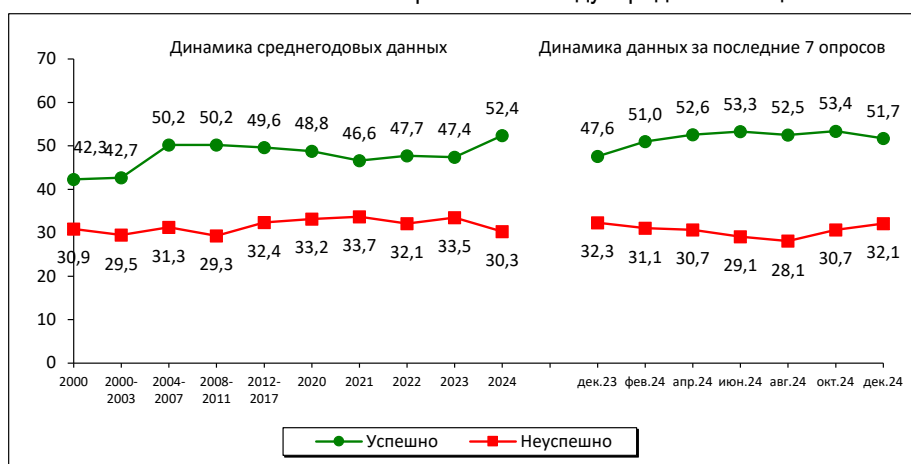
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, в октябре – декабре 2024 г. составила 52–53%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше (32%).

Наблюдаются положительные изменения в динамике оценок населения за последние 12 месяцев и в среднем за 2023–2024 гг.: с декабря 2023 по декабрь 2024 г. рост с 48 до 52% (на 4 п. п.) по среднегодовым данным – рост одобрительных суждений относительно деятельности главы государства по укреплению международных позиций с 47% в 2023 г. до 52% в 2024 г. (на 5 п. п.).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

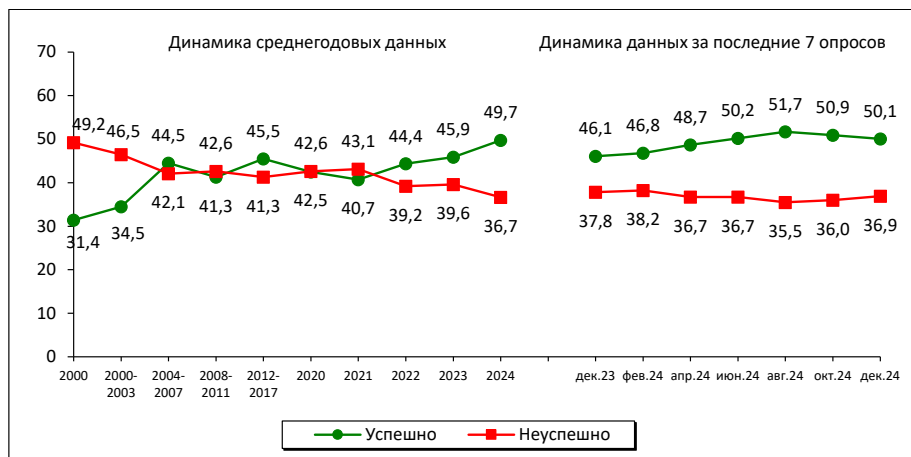

Вариант ответа	Изменение (+/-), дек. 2024 г. к	
	дек. 2023	окт. 2024
Успешно	+4	-2
Неуспешно	0	+1

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности главы государства по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 50–51%, отрицательных – 36–37%.

За последние 12 месяцев в динамике оценок населения фиксируются положительные изменения: удельный вес жителей, считающих, что Президент РФ успешно справляется с наведением порядка в стране, возросла с 46 до 50% (на 4 п. п.); также в среднем за 2023–2024 гг. увеличилась доля одобрительных ответов.

Наведение порядка в стране

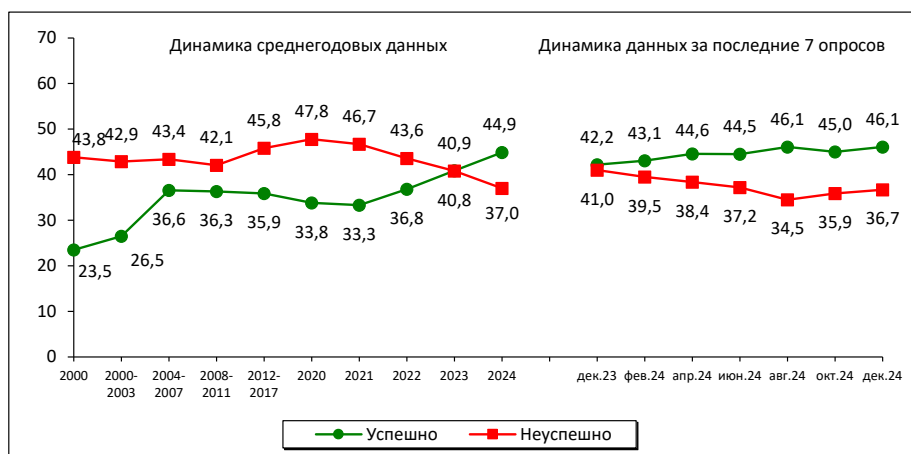

Вариант ответа	Изменение (+/-), дек. 2024 г. к	
	дек. 2023	окт. 2024
Успешно	+4	-1
Неуспешно	-1	+1

В октябре – декабре 2024 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, составила 45–46%; удельный вес противоположных суждений – 36–37%.

В декабре 2024 г. по сравнению с декабрем 2023 г. удельный вес положительных характеристик увеличился с 42 до 46% (на 4 п.п.). Положительные изменения наблюдаются также в среднем за 2024 год по сравнению с 2023 годом: отмечается рост удельного веса позитивных суждений с 41 до 45% (на 4 п. п.), при снижении доли негативных с 41 до 37% (на 4 п. п.).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

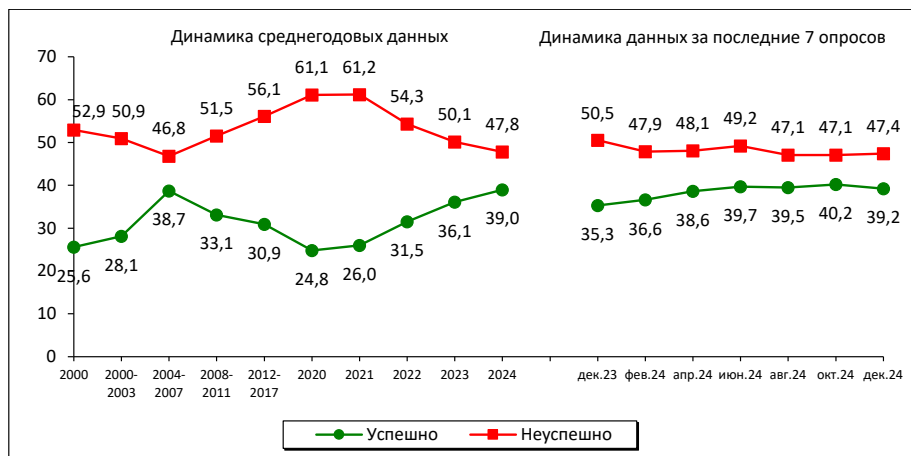

Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
Вариант ответа	дек. 2023	окт. 2024
Успешно	+4	+1
Неудачно	-4	+1

Доля положительных суждений о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан за последние два месяца составила 39–40%. Удельный вес отрицательных характеристик – 47%.

За период с декабря 2023 по декабрь 2024 г. доля положительных оценок населения деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан выросла с 35 до 39% (на 4 п. п.). В среднем за 2024 год по сравнению с 2023 годом также отмечаются позитивные тенденции.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
Вариант ответа	дек. 2023	окт. 2024
Успешно	+4	-1
Неудачно	-3	0

Структура партийно-политических предпочтений жителей области в октябре – декабре 2024 г. оставалась стабильной. Доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 42%, КПРФ – 9%, ЛДПР – 8–9%, «Справедливая Россия» – 4%, «Новые люди» – 2%.

За 12 месяцев партийно-политические предпочтения жителей области не изменились. В среднем за 2024 год по сравнению с 2023 годом поддержка партии «Единая Россия» выросла с 39 до 43% (на 4 п. п.).

Какая партия выражает Ваши интересы?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), дек. 2024 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 02024	Дек. 2024	дек. 2023	окт. 2024
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	41,7	42,7	44,5	43,7	42,5	41,8	42,3	+1	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,8	9,0	8,5	8,2	9,7	8,7	9,1	-1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	6,5	6,6	6,5	7,1	6,1	7,5	8,8	+2	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	3,6	2,8	2,7	3,5	4,2	4,4	+1	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	1,9	1,4	1,9	2,3	1,6	2,3	2,3	0	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,2	0,3	0,1	0,1	0,1	0,0	0,3	0,3	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	34,2	-	33,9	30,6	26,5	25,2	26,6	25,2	24,2	26,1	25,1	24,1	26,3	0	+2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,1	-	10,0	10,1	11,1	10,3	9,9	11,4	11,4	9,8	11,5	11,0	6,5	-3	-5

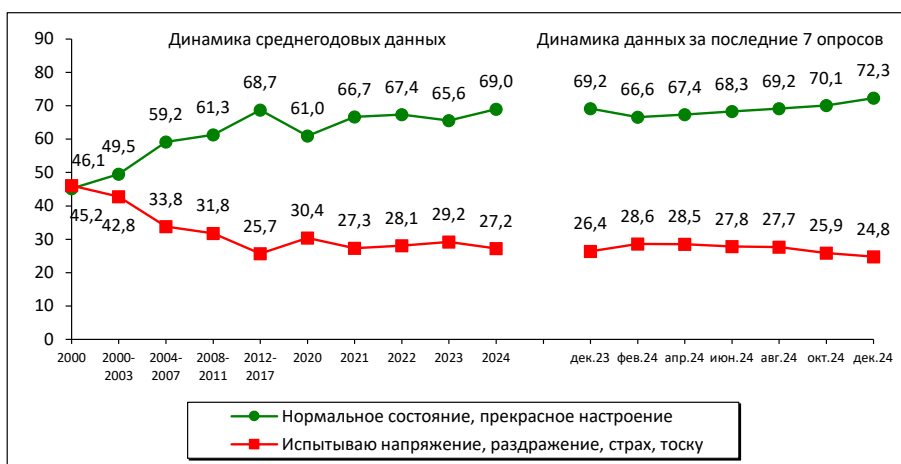
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения составил 70–72%; доля негативных характеристик – 25–26%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», оставалась стабильно высокой и изменилась незначительно, как и за период 2023–2024 гг. по среднегодовым данным.

Социальное настроение

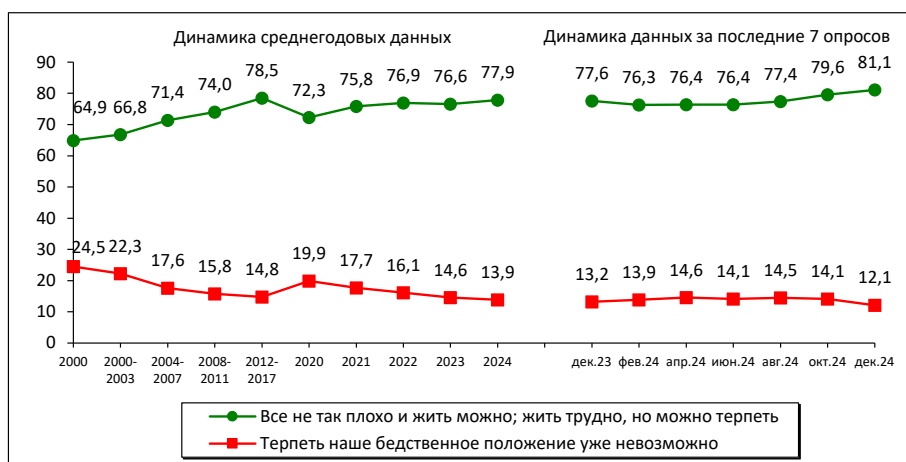

Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
Вариант ответа	дек. 2023	окт. 2024
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+3	+2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-2	-1

С октября по декабрь 2024 г. запас терпения сохраняется на высоком уровне: 81% жителей области отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 12–14%.

Запас терпения возрос за последние 12 месяцев с 77 до 81% (на 4 п. п.). При этом по среднегодовым данным 2023 и 2024 гг. оценки остались стабильными.

Запас терпения

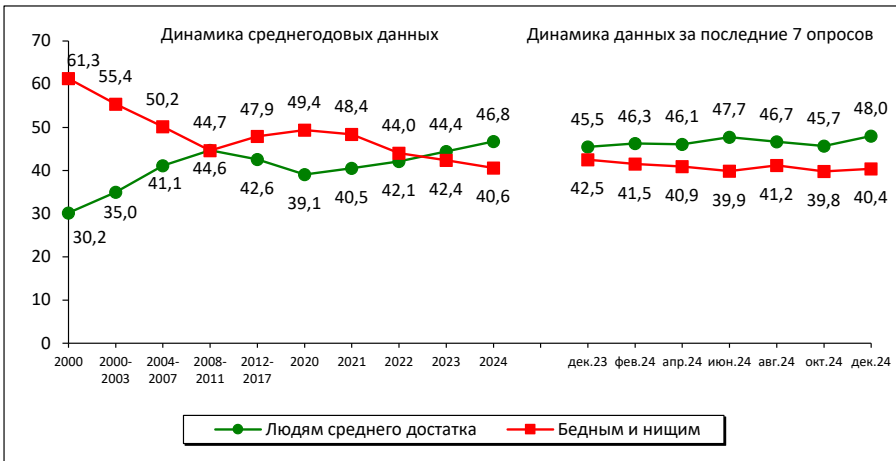

Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
Вариант ответа	дек. 2023	окт. 2024
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+4	+2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	-2

Как и в октябре, в декабре 2024 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 46–48%. Удельный вес «бедных и нищих» также не изменился (40%).

За последние 12 месяцев доля людей «среднего достатка» увеличилась с 45 до 48% (на 3 п. п.). В среднем за 2024 год по сравнению с 2023 годом – с 44 до 47% (на 3 п. п.).

Социальная самоидентификация

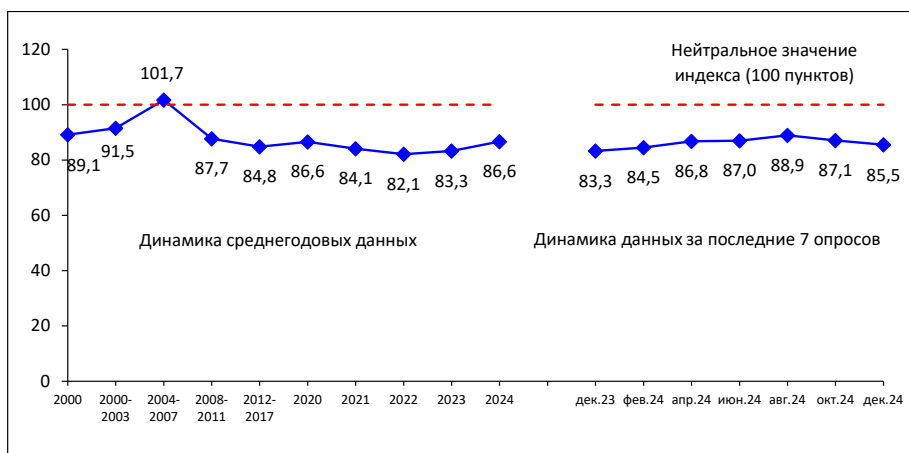
Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
Вариант ответа	дек. 2023	окт. 2024
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3	+2
Доля считающих себя бедными и нищими	-2	+1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Значение ИПН в декабре 2024 г. осталось на уровне декабря 2023 г. с незначительным снижением с 87 до 85 п. (на 2 п. п.).

В декабре 2024 г. значение ИПН сопоставимо с данными декабря 2023 г. и составляет 83–85 п. Однако в среднем за 2023–2024 гг. наблюдаются позитивные изменения в динамике ИПН, увеличение с 83 до 87 п. (на 4 п. п.).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

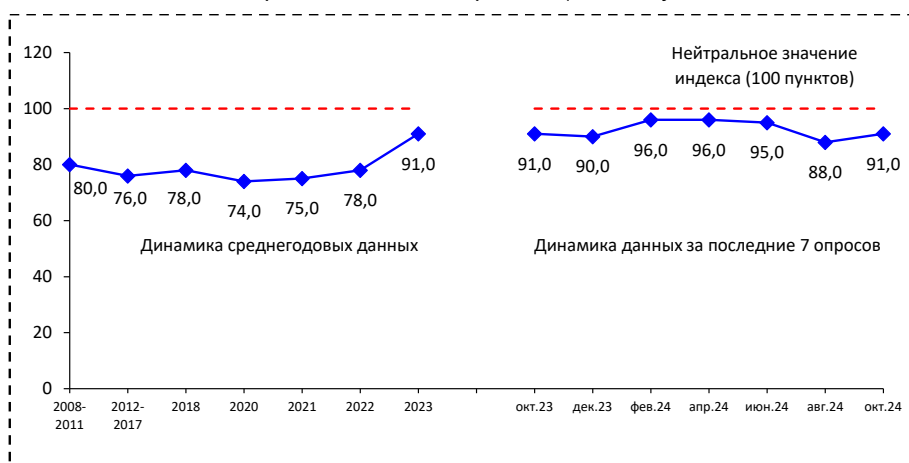
Изменение (+/-), дек. 2024 г. к		
ИПН	дек. 2023	окт. 2024
Значение индекса, в пунктах	+2	-2

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с октября по декабрь 2024 г.), индекс потребительских настроений составил 88–91 пункт.

Ощутимых изменений за последние 12 месяцев в значении ИПН не фиксируется. При этом в среднем за период с 2023 по 2024 г. наблюдаются существенные положительные изменения: рост ИПН на 13 пунктов, с 78 до 91 п.

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), окт. 2024 г. к		
ИПН	окт. 2023	авг. 2024
Значение индекса, в пунктах	0	+3

* Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за октябрь 2024 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с октября по декабрь 2024 г. существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается в большинстве основных социально-демографических категорий населения. Отмечается рост удельного веса положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние среди мужчин (с 65 до 70%).

С декабря 2023 по декабрь 2024 г. доля позитивных оценок социального настроения увеличилась в 5 из 14 основных социально-демографических групп, особенно среди женщин (на 6 п. п., с 69 до 75%); лиц старше 55 лет (на 6 п. п., с 62 до 68%); со средним специальным образованием (на 7 п. п., с 69 до 76%); 20% группы наиболее обеспеченных (на 5 п. п., с 76 до 81%) и жителей г. Вологды (на 5 п. п., с 65 до 70%). В остальных социально-демографических категориях населения значимых изменений не наблюдается.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов						Изменение (+/-), дек. 2024 к		
	2000	2007	2011	2012	2020	2021	2022	2023	2024	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Дек. 2024	дек. 2023	окт. 2024
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	60,8	65,7	66,8	65,5	66,5	69,6	66,5	67,7	63,5	67,1	65,2	69,2	0	+4
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	61,2	67,4	67,9	65,7	70,9	68,9	66,5	67,1	72,1	70,9	74,0	74,7	+6	+1
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	67,6	73,5	77,6	75,0	76,6	78,0	75,1	77,5	71,8	76,1	78,0	81,3	+3	+3
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	61,8	69,5	69,4	68,8	71,3	72,3	69,9	70,0	71,8	72,8	69,8	73,2	+1	+3
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	57,4	60,5	61,1	58,2	63,3	62,0	59,2	60,7	62,7	62,1	67,4	67,8	+6	0
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	56,1	62,1	64,6	62,0	64,6	65,5	63,9	64,7	65,5	65,3	62,5	65,5	0	+3
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	63,5	66,7	68,3	66,1	70,3	69,1	66,0	67,9	65,2	70,7	75,2	76,5	+7	+1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	63,3	71,5	69,5	68,8	72,3	72,8	69,4	69,8	76,0	72,1	72,3	74,2	+1	+2
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	43,4	54,6	57,0	50,1	53,5	54,2	52,2	53,0	51,3	53,7	54,8	55,7	+2	+1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	62,6	67,3	68,1	67,4	70,7	73,1	66,9	68,5	70,0	71,0	73,6	74,2	+1	+1
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	75,6	79,9	78,3	73,9	77,6	75,9	74,4	77,5	78,5	75,9	78,4	80,6	+5	+2
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	60,9	60,3	59,8	59,6	66,0	64,8	62,5	64,2	65,2	66,4	67,9	69,6	+5	+2
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	60,4	71,0	71,2	68,1	69,8	70,6	67,2	68,2	69,4	70,2	70,7	73,0	+2	+2
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	70,9	68,5	68,8	69,4	70,3	71,0	73,4	+3	+2
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	61,0	66,6	67,4	65,6	69,0	69,2	66,5	67,4	68,3	69,2	70,1	72,3	+3	+2

РЕЗЮМЕ

Результаты шести «волн» мониторинга общественного мнения, проведенных в 2024 г., позволяют подвести итоги года и оценить восприятие населением Вологодской области ключевых событий, которые происходили в стране и регионе.

Внешними факторами, определяющими изменения в состоянии общества, безусловно, остаются продолжающаяся специальная военная операция и вызванное ею обострение угроз национальной безопасности для России со стороны стран НАТО. В условиях комплексных угроз национальному суверенитету (включающих, в том числе, угрозы информационного и культурно-ценностного характера) руководством страны активно принимались и принимаются управленческие решения, нацеленные на укрепление экономического, политического, культурного суверенитета российского государства.

Главным внутренним событием стали выборы Президента РФ. Более 87% поддержки В.В. Путина, 77% явки избирателей и 83% доверия к результатам выборов составили исторический рекорд для современной России⁴. Поддержка большинством избирателей В.В. Путина определила политический курс страны на ближайшие годы и продемонстрировала консолидацию общества и власти в сложных современных реалиях.

Несмотря на внешнее давление, государство сохранило все социальные обязательства, более того, были поставлены новые цели развития⁵. В 2024 году реализован ряд значимых социальных инициатив в рамках объявленного президентом Года семьи: увеличен размер материнского капитала, введены новые льготы и пособия, специальные звания для многодетных семей («Мать-героиня», «Родительская слава»). В Послании Федеральному Собранию РФ президент России объявил о запуске пяти новых национальных проектов⁶. Кроме того, как отметил В.В. Путин на «прямой линии» 19 декабря 2024 г., «за два года российская экономика выросла примерно на 8%, и ситуация остается стабильной»⁷.

В Вологодской области в сентябре 2024 г. прошли выборы губернатора региона, по результатам которых победу одержал Георгий Филимонов («Единая Россия»), набрав 273380 голосов избирателей (62,3%).

Данные мониторинга общественного мнения свидетельствуют, что отмеченные события и изменения в каком-то смысле «компенсировали» тревогу общества по поводу внешних угроз, исходящих от стран НАТО. На наш взгляд, во многом поэтому в тенденциях общественных настроений диагностируется преимущественно положительная динамика за 2024 год по сравнению со среднегодовыми данными за 2023 год.

1. Доля положительных оценок работы главы государства увеличилась на 6 п. п., с 61 до 67%, что говорит о понимании и поддержке большинством населения политического курса, реализуемого Президентом.

2. Наблюдается рост одобрительных суждений относительно деятельности главы государства по укреплению международных позиций на 5 п. п., с 47 до 52%; наведению порядка в стране на 4 п. п., с 46 до 50%; по защите демократии и укреплению свобод граждан на 4 п. п., с 41 до 45%; по подъему экономики и росту благосостояния граждан на 3 п. п., с 36 до 39%.

⁴ Эксперты ЭИСИ назвали главные политические события 2024 года // Российская газета. 18.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/18/eksperty-eisi-nazvali-glavnye-politicheskie-sobytiia-2024-goda.html>

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024.

⁶ Путин: За два года рост экономики России составил около 8 процентов // Российская газета. 19.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/19/putin-za-dva-goda-rost-ekonomiki-rossii-sostavil-okolo-8-procentov.html>

⁷ Путин сообщил о запуске новых национальных проектов в России // Известия. 29.02.2024. URL: <https://iz.ru/1657779/2024-02-29/putin-soobshchil-o-zapuske-novykh-natsionalnykh-proektov-v-rossii>

3. Удельный вес людей, считающих, что их интересы отражает партия власти («Единая Россия»), возрос на 4 п. п. (с 39 до 43%).

4. Сохраняется устойчивый фон психологического самочувствия населения. Доля жителей Вологодской области, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», составляет 66–69%, положительные оценки увеличились на 3 п. п. в 2024 г. по сравнению с 2023 г.

5. Запас терпения возрос за последние 12 месяцев с 77 до 81% (на 4 п. п.). При этом по среднегодовым данным 2023 и 2024 г. оценки остались стабильными.

6. За последний год в динамике оценок жителями региона своего материального положения и экономической ситуации в стране не произошло существенных изменений. Доля тех, кто причисляет себя к категории «бедных и нищих», постепенно снижается с 2020 г. (с 2020 по 2024 г. – на 8 п. п., с 49 до 41%); удельный вес людей «среднего достатка» за последние 5 лет также увеличился на 8 п. п., с 39 до 47%.

7. В среднем за 2023–2024 гг. наблюдаются позитивные изменения в динамике ИПН, увеличение с 83 до 87 п. (на 4 п. п.).

Таким образом, результаты мониторинга общественного мнения в Вологодской области за 2024 год подтверждают устойчивую динамику позитивных настроений среди населения. Общественная поддержка президента и политического курса страны продолжает расти, что свидетельствует о консолидации общества в условиях внешних вызовов и внутренних изменений.

В каком-то смысле это коррелирует с недавно произнесенными словами главы государства о том, что «Россия не должна возвращаться на путь, которым она шла до 2022 г.»⁸. Однако следует иметь в виду, что новый этап истории, который начался для нашей страны почти три года назад, пока что очень далек от своего завершения. Новая Россия пока еще только строится, и международная политическая ситуация вокруг нашей страны по-прежнему полна опасностей и угроз, способных, в том числе, оказать существенное негативное влияние на характер общественных настроений.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующей волны мониторинга ВолНЦ РАН.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁸ Прямая цитата Президента РФ, произнесенная на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба Валдай 7 ноября 2024 г. в Сочи: «Мне бы не хотелось, чтобы Россия вернулась на путь, которым она шла до 2022 года... это был путь, который был сопряжен с такой скрытой, завуалированной интервенцией в отношении нашей страны».

Список статей, опубликованных в 2024 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А., Морев М.В. Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года	1	9–40
Ильин В.А., Морев М.В. Убедительный «мандат доверия»: за V президентский срок В.В. Путина проголосовали 76 миллионов избирателей	2	9–42
Ильин В.А., Морев М.В. V политический цикл Президента РФ В. Путина: «косметический ремонт» капитализма для своих или переход к «социальному капитализму»?	3	9–35
Ильин В.А., Морев М.В. «Вернуть государство в родную гавань». К вопросу об обеспечении преемственности суверенного развития	4	9–38
Ильин В.А., Морев М.В. СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит	5	9–39
Ильин В.А., Морев М.В. «Революционные» слова Президента 7 ноября 2024 года	6	9–34
Вопросы теории и методологии		
Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала)	6	77–97
Бывшев В.И., Королева С.А., Пантелеева И.А., Писарев И.В. Прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития региона при помощи рекуррентных нейронных сетей	3	102–117
Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Ведущие российские экономисты об идеологии в экономической науке	4	58–74
Калашников К.Н. Проблема концептуализации категории «социально значимые заболевания» в стратегическом управлении	2	187–201
Наумов И.В., Никулина Н.Л., Бычкова А.А. Сценарный подход к моделированию рисков банкротства предприятий отраслей промышленности	2	166–186
Немировский В.Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы	1	201–214
Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В., Шлапек Е.А. Методика оценки цифрового разрыва на основе индекса вовлечённости «ВКонтакте»	5	151–168
Ростовская Т.К., Ситковский А.М. Ресурсы демографического развития: к вопросу об унификации понятий в демографических исследованиях	1	178–200
Суслов В.И., Душенин А.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Взаимодействия региональных экономик и мультипликативные эффекты (на примере двухзональной межотраслевой модели России)	6	59–76
Мировой опыт		
Сапир Ж. Вызов БРИКС для институтов мировой экономики. Значение Нового банка развития	6	35–58
Государственное управление		
Балацкий Е.В. Экономика элит и политическая нестабильность	2	43–63
Балацкий Е.В. Феномен стратегических преимуществ в XXI веке	4	39–57
Волконский В.А. К вопросу об идеологиях и их носителях	1	41–59
Екимова Н.А. Роль элит в эволюционном процессе: концептуальные основы и современные интерпретации	2	64–80
Мальцев А.А., Чичилимов С.В. Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам	6	98–117
Окрепиллов В.В., Коршунов И.В. Управление развитием агломерации в условиях множества конкурирующих целей: задачи и решения	1	60–78
Шабунова А.А., Крошилин С.В., Ярашева А.В., Медведева Е.И. Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз	5	40–54
Общественные финансы		
Блохин А.А., Демидова С.Е., Мельникова Т.С. Назревшая трансформация разработки бюджетной политики в условиях растущей экономической динамики	4	177–192

Локтионова А.А., Лавриненко П.А., Мирзоян А.Г., Локтионова О.А. Влияние политических новостей о России на цены акций российских компаний: сравнительный анализ иностранных и отечественных СМИ	5	114–132
Печенская-Полищук М.А., Реализация бюджетного потенциала регионов: новый интегративный подход к исследованию	1	126–141
Пугачев А.А. Потенциал налогового воздействия на экономическое неравенство граждан в России	1	142–158
Ромашкина Г.Ф., Андрианов К.В., Юхтанова Ю.А. Государственные облигации стран СНГ: динамика интеграции долговых рынков в условиях внешней нестабильности	2	146–165
Тихонова А.В. Трансформация налогового стимулирования инвестиций в человеческий капитал	4	193–211
Региональная экономика		
Артамонова А.С., Базуева Е.В. Сбалансированное развитие региона на основе активации деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций	6	152–166
Беркович М.И., Закревская (Хахина) Е.С. Экспортная деятельность регионов как объект государственной поддержки	2	96–112
Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения	5	55–73
Дементьев В.Е. О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам	3	36–49
Елохова И.В., Плотников Р.В. Подход к моделированию инвестиционной привлекательности отрасли в региональном аспекте	1	110–125
Изотов Д.А. Долгосрочная динамика влияния гравитационных факторов на внешнюю торговлю Дальнего Востока России	4	75–92
Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов	1	91–109
Костяев А.И. Цифровое неравенство между городским и сельским населением	3	50–67
Лаженцев В.Н. Региональный опыт изучения и развития производительных сил (пример Республики Коми)	1	79–90
Леонов С.Н. Финансовые результаты реализации преференциальных режимов в дальневосточных муниципалитетах	6	134–151
Матвиенко И.И., Чижова Л.А. Региональные меры поддержки социально-экономической сферы в Российской Арктике в условиях санкционных ограничений	4	93–108
Олифир Д.И. Пространственный потенциал агломерационных эффектов: методика определения на материалах Санкт–Петербургской агломерации	2	113–128
Румянцев Н.М., Лукин Е.В. Межотраслевое моделирование экономического развития региона	6	118–133
Секушина И.А. Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг	5	74–94
Узякова Е.С. Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда	6	167–183
Чеплинските И.Р., Лукин Е.В. Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности	2	81–95
Отраслевая экономика		
Белановский С.А. Об организационных возможностях повышения производительности труда (по результатам включенного наблюдения)	4	161–176
Гулин К.А., Дианов С.В., Алферьев Д.А., Дианов Д.С. Методология агентного моделирования развития территориальных систем лесозаготовительного производства	6	184–203
Королева Е.А. О перспективах применения стратегического планирования для эффективного развития сектора малого и среднего предпринимательства	5	95–113
Леонидова Е.Г. Оценка экономических эффектов от развития туристической инфраструктуры России	4	144–160
Мальшев М.К., Печенская-Полищук М.А. Динамика экспортно-импортных операций в химической отрасли России: стартовые позиции на пороге геополитических сдвигов	4	109–125
Плахин А.Е., Огородникова Е.С., Раджаб М. Модели адаптации внешнеэкономической деятельности российских компаний в условиях санкционного давления	4	126–143
Сидоров М.А. О влиянии экспорта на численность и профессиональную структуру занятости в России: межотраслевой подход	3	118–136

Экономика окружающей среды		
Медведев С.О., Зырянов М.А. Моделирование деятельности предприятий лесной отрасли с учетом перспектив перехода на принципы устойчивого развития	2	129–145
Социальное и экономическое развитие		
Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала	3	137–153
Баймурзина Г.Р., Черных Е.А. Особенности платформенной занятости в России: о чем говорят данные цифровых профилей работников	2	202–219
Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования	2	220–238
Бородкина О.И., Сулимова А.А. Гибридные организации в негосударственном секторе социальных услуг: социологический анализ	6	204–217
Великая Н.М., Ирсетская Е.А., Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н. Образовательные стратегии студенчества в условиях цифровизации	6	260–278
Воробьева О.Д., Субботин А.А., Мищук С.Н. Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом	5	219–231
Дидковская Я.В., Дулина Н.В., Трынов Д.В. Анализ стратегий инновационного поведения студенчества	6	279–295
Золотарева О.А., Накисбаев Д.В. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы	3	154–173
Коленникова Н.Д. Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы	4	247–263
Кормишкин Е.Д., Моисеева И.В. К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг.	5	184–203
Короленко А.В., Калачикова О.Н. Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России	3	206–225
Мухин М.А., Урасова А.А. Оценка взаимодействия некоммерческих организаций с системой муниципального управления	3	226–241
Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. Тренды развития национальной экономики в фокусе ведущих научных журналов	3	242–257
Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликowa С.В. Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов	3	174–189
Нацун Л.Н. Оценка благополучия детского населения в СЗФО	6	218–242
Одинцова Е.В. Риски в сфере занятости для положения домохозяйств с детьми: экспертные оценки в новых условиях развития России	4	231–246
Смолева Е.О., Косыгина К.Е. Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию	5	169–183
Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика	5	204–218
Тонких Е.В. Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России	6	243–259
Тонких Н.В., Камарова Т.А., Маркова Т.Л. Устойчивость цифровых и нецифровых форм занятости: сравнительные оценки	5	232–246
Чэн Сюминь, Тань Жоюй, Калачикова О.Н. Социокультурные детерминанты брачного и репродуктивного поведения населения в контексте вызовов демографического развития (опыт китайско-российских исследований)	4	212–230
Шичкин И.А., Кожевникова М.О. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения	3	190–205
Юдина Т.Н., Осадчая Г.И. Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов	1	215–227
Научно-технологическое и инновационное развитие		
Домнич Е.Л. Видовая структура и региональные пропорции затрат на инновационную деятельность в экономике России	5	133–150
Иванов С.Л., Терехова С.В. Проблемы развития инновационного предпринимательства в регионе и пути их решения	1	159–177

Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики	3	68–81
Якушев Н.О., Устинова К.А., Кочнев А.А. Импортзамещение как фактор развития отечественных цифровых технологий	3	82–101
Международный опыт		
Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Развитие внутреннего водного транспорта России и опыт Китая	3	258–274
Мищук С.Н., Ли Шуай, У Бинь. Трансформация демографической политики в северо-восточных провинциях Китая на современном этапе	2	239–252
Мосикари Тебохо. Моделирование и прогнозирование государственного долга в Южной Африке	1	228–239
Нифтиев Ибрагим М., Рустамли Эмин Ф., Маммадли Раван М. Моделирование производства возобновляемой электроэнергии в Азербайджане	1	240–260
Фан Боуэн, Ван Юань, Ин Ванцзян, Ма Куилиан, Лю Цзюшенг. Роль предпринимательства в повышении уровня относительного дохода и субъективного благополучия фермеров в Китае	5	247–265
Научные отзывы. Рецензии		
Когай Е.А., Ромашкина Г.Ф. Памяти Н.И. Лапина: II Лапинские чтения	1	261–268
Мониторинг пространственного развития		
Мониторинг пространственного развития	5	266–293
Мониторинг общественного мнения		
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	269–280
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	253–264
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	275–286
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	264–275
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	294–304
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	296–307

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.12.2024.
Дата выхода в свет 28.12.2024.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 36,63. Тираж 500 экз. Заказ № 57.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru